

А.М. Гадагатль

ГЕРОИЧЕСКИЙ
Э П О С

НАРТЫ

И ЕГО ГЕНЕЗИС

Краснодарское
книжное
издательство

Хьэдэгьэлэ А.М.

ЛЫХЪУЖЪ
Э П О С Э У
НАРТХЭР
аш лъапсэу илэр

А. М. Гадагатль

Героический
эпос
НАРТЫ
и его генезис

Научные редакторы:
доктор филологических наук профессор
М. Я. ЧИКОВАНИ,
кандидат исторических наук
М. Г. АУТЛЕВ

**ПОСВЯЩАЮ
МАТЕРИ
ЛЕВХАН НАРТОВОЙ**

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Героический эпос «Нарты» и его генезис» — историко-филологическая работа А. М. Гадагатля представляет собой первое обобщающее монографическое исследование сложнейшей проблемы происхождения нартского эпоса, к которой обращено внимание ученых не только нашей страны, но и за ее пределами.

В советской и мировой нартоведческой науке издавна получил распространение взгляд, будто бы народный эпос «Нарты» имеет чужеземное (некавказское) происхождение, что он якобы предками осетин принесен на Кавказ и «в своей существенной части — эпос аланского народа». Для установления истины необходимо было провести глубокий и всесторонний анализ произведений нартского эпоса, бытующих у многих народов, живущих на Кавказе. Предварительными условиями успешного решения этой задачи были сбор и систематизация огромного материала.

С 1946 по 1966 год включительно А. М. Гадагатль собрал, систематизировал и подготовил к научному изданию богатейший материал о нартах. Подготовленная к печати рукопись адыгского героического народного эпоса «Нарты» в семи томах снабжена вступительным очерком и соответствующей документацией.

В монографии, написанной на этом материале, автор стремился проанализировать фольклорные факты и дать новые выводы. Он выдвигает свои возражения против упомянутой теории об «аланском» происхождении нартского эпоса, предложив новую концепцию: *многонациональный народный эпос «Нарты» — кавказский по своему происхождению*; дает краткий экскурс в историю научно-теоретической разработки эпоса «Нарты», освещает историю сбора, публикации и изучения адыгских текстов о нартах, показывает национальную специфику и поэтическое своеобразие адыгских песен и пщынатлей о нартах, анализирует топонимику и ономастику нартского эпоса и т. п. Автор впервые вводит в научный оборот большое количество уникальных адыгских стихотворно-песенных и прозаических текстов о нартах.

Работа А. М. Гадагатля состоит из двух частей (исследования и документов). Она, таким образом, имеет и историко-теоретическое и фактологическое значение.

Адыгейский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории считает, что историко-филологическая работа А. М. Гадагатля «Героический эпос «Нарты» и его генезис» представляет собой новый вклад в советское нартоведение. Она послужит хорошим подспорьем для преподавателей, аспирантов и учащихся высших учебных заведений, заинтересует широкий круг советских и зарубежных исследователей.

**Адыгейский научно-исследовательский институт
языка, литературы и истории.**

ВВЕДЕНИЕ

Настоящей книге предшествовала почти 20-летняя беспре-рывная работа автора по сбору и изучению фольклора и этно-графии адыгов и 10-летний его труд по подготовке к печати первого цельного издания адыгского героического народного эпоса «Нарты» (в объеме 7 томов, более 700 текстов). В этой работе освещается большая и кропотливая деятельность фольклористов, лингвистов и писателей Адыгеи, Кабарды и Чер-кесии, а также некоторых зарубежных ученых по записи, публи-кации и изучению текстов народного героического эпоса «Нарты».

Начиная со II половины XIX века, среди адыгских народов велась работа по сбору текстов о нартах, но они не были еще обобщены, систематизированы, прокомментированы и подготов-лены к печати для научного издания на языке самих скази-телей.

Изучение эпоса народов нашей страны является одной из не-отложных задач науки. Значение эпоса неизмеримо велико в формировании идейного и эстетического облика народа, чьей истории он неизменно сопутствовал.

Героический эпос «Нарты» — величайшее народное творение, выдающийся памятник древней культуры и искусства. Глубокое изучение этого классического эпоса позволит исследователю про-следить ранние этапы истории жизни и борьбы человеческого общества. Он может ответить на многие сложные вопросы науки.

Фольклор, составной частью которого является и народный эпос, имеет своей целью, как подчеркивает Ф. Энгельс, не только

«развлечь крестьянина... позабавить его, оживить, заставить его позабыть свой тягостный труд», но и прежде всего «прояснить его нравственное чувство, заставить его осознать свою силу, свое право, свою свободу, пробудить его мужество, его любовь к отечеству»¹.

I

Эпос «Нарты» — древнейший пласт в уснопозитическом творчестве адыгов. Эпос, порожденный действительностью, монументально показывает, как жили люди, боролись с невзгодами природы, утверждали идеалы храбрости, добра и человечности.

«Достигая высокого художественного совершенства, он (народный эпос. — А. Г.) своим значением выходит за рамки одной страны и становится достоянием всего человечества»².

Эпос «Нарты» давно вышел за рамки адыгских народов, народов, населяющих Кавказ, и стал в действительности достоянием всего человечества. Этот эпос представляет собой серьезный вклад в сокровищницу мировой культуры. По своей значимости он стоит в одном ряду с такими величественными эпосами, как «Манас», «Алпамыш», «Амирани», «Кер-оглы», «Олонхо», «Қалевала», «Давид Сасунский», «Гэсэриада», «Песнь о Нибелунгах», «Махабхарата», «Рамаяна» и, наконец, с такими классическими древнегреческими эпическими поэмами, как «Илиада» и «Одиссея».

В древнеадыгском героическом народном эпосе «Нарты» отражены жизнь и борьба людей доклассового общества, мышление человека первобытно-общинного строя, характерной чертой которого является мифологизирование природы.

По определению проф. В. И. Чичерова, *«первоначально эпос о нартах был творчеством народа, вмещавшим в себя познание окружающей действительности, бывшим кодексом поведения человека племен (подч. нами. — А. Г.), из которых формировались народы, вместилищем знаний и руководством в действиях, имевшим огромную воспитательную силу»*³.

Эпос «Нарты» — многонациональный. Это выражается в том, что он популярен среди всех адыгских этнических групп Адыгеи, Причерноморской Шапсугии, Кабарды и Черкесии, убыхов и аб-

¹ Ф. Энгельс. Немецкие народные книги. Сб. «К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве», том 2, М., 1957, стр. 559.

² Михаил Чиковани. Амираниани, «Заря Востока», Тбилиси, 1960, стр. 9.

³ В. И. Чичеров. Вопросы генезиса и развития древних форм народного эпоса в освещении фольклористики и некоторые проблемы нартских сказаний, «Нартский эпос», материалы совещания, Орджоникидзе, 1957, стр. 13.

хазов (составляющих древнее этническое родство с адыгами), а также среди осетин, чеченцев, ингушей и других народов, населяющих Кавказ. Он сплавивает и роднит эти народы. И в том непреходящая сила эпоса.

Эпос вобрал в себя много сюжетов из сказочного репертуара народов Кавказа.

Запись, публикация и изучение текстов о нартах на Кавказе нашло наиболее раннее и полное развитие у осетин, у которых еще в XIX веке появилась своя национальная интеллигенция (А. Кайтмазов, И. Собиев, С. Туккаев, М. Гарданов, Г. Гуриев, М. Туганов), которая проявила большой интерес к фольклору своего народа. Академики А. А. Шифнер, В. Ф. Миллер и другие пробудили у осетинской интеллигенции научный интерес к сказаниям о нартах⁴. Менее известными ученому миру оставались адыгские тексты эпоса.

До революции адыги не имели своей письменности. Первые попытки отдельных лиц, стремившихся создать алфавит, не находили широкого применения или сразу терпели неудачу. «Долго ломал я свою грешную голову,— рассказывал впоследствии о себе Хаджи Нэтауко (Нэтлаукъо — хьадж), — над сочинением букваря для моего родного языка, лучшие звуки которого, звуки песен и преданий богатырских, льются и исчезают по глухим лесам и ущельям, не попадая в сосуд книги»⁵.

Отдельные записи и публикации адыгских текстов о нартах ни до революции, ни после нее не могут представить исследователям степень распространенности народного эпоса «Нарты» среди многочисленных этнических групп адыгов. Не был выявлен и открыт фактический его объем.

Наличие у осетин обобщающих исследований по эпосу «Нарты», с одной стороны, и отсутствие таковых у адыгов, с другой, порождало односторонние информации об эпосе, что нередко заводило и заводило советских и зарубежных ученых в заблуждение. В частности, неправомерно и преждевременно было еще в 1945 году (в то время, когда народы не собрали и не опубликовали свои тексты эпоса) заявлять, будто «в наибольшей полноте и богатстве нартровский эпос сохранился у осетин, в меньшей степени — у кабардинцев и черкесов и, наконец, в самом фрагментарном виде у балкарцев, карачаевцев, абхазов, ингушей и чеченцев», или: «...нартровский эпос в своей существенной части — эпос аланского народа. От алан он уже давно был усвоен други-

⁴ См. об этом: Б. А. Калоев. История записи и публикации нартского эпоса, «Нартский эпос», материалы совещания, Орджоникидзе, 1957, стр. 175—194.

⁵ Народы Западного Кавказа. Кавказский сборник, том XXX, Тифлис, 1910, стр. 9.

ми северо-кавказскими народами, где воспринял, в большей или меньшей степени, местные национальные черты»⁶. Таким образом, по мнению проф. В. Абаева и ряда других исследователей, народный эпос «Нарты» по своему происхождению является чужеземным, некавказским.

Эта теория, получившая распространение в советской и зарубежной литературе, не соответствует фактам.

II

Ни адыги, ни абхазы, ни осетины, ни чеченцы, никто из народов, населяющих Кавказ, до настоящего времени не имеет научного издания народного эпоса «Нарты». Имеющиеся литературно обработанные и популярные издания, разумеется, не могут служить прочной опорой для серьезных академических исследований и больших обобщающих выводов, для решения важнейших проблем эпосоведения, «таких, как проблема генезиса эпоса, проблема соотношения истории народа и ее отражения в народной поэзии, обусловленности идейного содержания эпоса и характера его народности особенностями процесса классового расслоения общества, а также проблема соотношения устного поэтического творчества и письменной художественной литературы»⁷.

Критически оценивая современное фактическое состояние вопроса записи, публикации и изучения народного эпоса «Нарты» и учитывая перспективы развития научного нартоведения в нашей стране и за рубежом, мы поставили перед собой две цели, непосредственно связанные друг с другом.

Первая состояла в том, чтобы собрать, систематизировать, прокомментировать и подготовить к академическому изданию на языке певцов и сказителей Адыгеи, Причерноморской Шабсугии, Кабарды, Черкесии, а также адыгов, живущих в разных зарубежных странах Ближнего Востока, все имеющиеся и доступные нам адыгские песни (орэд), былины или народные поэмы (пщыналъ) и легенды (хъишъэ) о нартах в возможно более полном объеме, что создало бы надежный фундамент для исследователей эпоса, предостерегло бы их от ошибок и заблуждений и, наконец, поставило бы на прочную основу изучение древнеадыгского эпоса «Нарты».

Осуществляя первую задачу, автор впервые подготовил к пе-

⁶ В. Абаев. Нартовский эпос, Дзауджикау, 1945, стр. 7, 117.

⁷ См. об этом: А. А. Петросян. К вопросу о народности эпоса «Манас». Сб. «Киргизский героический эпос «Манас». Изд. АН СССР, М., 1961, стр. 5.

чати в оригинале научное издание адыгского героического эпоса «Нарты» в 7 томах.

Вторая цель состояла в том, чтобы кратко изложить некоторые свои наблюдения над текстами древнеадыгского героического народного эпоса «Нарты», не претендуя на всестороннее освещение затрагиваемых нами вопросов и окончательное их решение. Осуществлению этой цели автор посвятил, кроме «Введения» и «Заключения», двенадцать историко-филологических глав и приобщил к ним соответствующие документы.

Основные положения отдельных глав доложены на научной сессии Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института 28 марта 1959 года, на научной сессии Адыгейского научно-исследовательского института 22 февраля 1961 года, в Институте мировой литературы Академии наук СССР 29 мая 1961 года, на Всесоюзной конференции нартоведов СССР в Сухуми 18 ноября 1963 года, опубликованы в разных изданиях научно-исследовательских институтов⁸, периодической печати⁹, показаны в документальном фильме Адыгейского научно-исследовательского института «Адыгский эпос «Нарты»¹⁰ и даны в комментариях к текстам рукописи научного издания эпоса.

Здесь мы хотели бы рассказать о той последовательности, в которой подаем материал исследования. Так, в разделе первом делается краткий экскурс в историю научно-теоретической разработки эпоса «Нарты», дается «История записи, публикации и изучения адыгского героического эпоса «Нарты»; «Этногенез и некоторые сведения о народе, создателе ядра эпоса «Нарты»; «Основные особенности адыгского эпоса «Нарты» и «Мотивы мировой мифологии в адыгском героическом эпосе «Нарты» и др.

Во втором разделе, посвященном в основном вопросам генезиса эпоса «Нарты», автор исследует значение собственных имен

⁸ См. об этом: 1) А. М. Гадагатль. О практике сбора и публикации текстов фольклора, в частности адыгского эпоса «Нарты». Материалы научной сессии КБНИИ, состоявшейся 26—28 марта 1959 г., Нальчик, 1960, стр. 84—95; 2) Его же. Адыгэ нартхэр. Ученые записки КБНИИ, т. XVIII, 1961, стр. 104—114; 3) Его же. Об адыгском эпосе «Нарты» (очерк и тексты). Ученые записки Адыгейского научно-исследовательского института, т. III, Майкоп, 1964, стр. 143—172, 227—258.

⁹ См.: 1) А. М. Гадагатль. Адыгэ нартхэр. «Социалистическэ Адыгей», 4/VII 1960; 2) Его же. Адыгэ нартхэр, «Черкес пэж», 1, 2, XII, 1960; 3) Его же. Адыгэ нартхэр, альм. «Зэкъошныгъ», № 1 (14), Краснодар—Майкоп, 1964, стр. 33—34.

¹⁰ Адыгский эпос «Нарты». Документальный фильм АНИИ, сценарий А. Гадагатля, съемки кадров И. М. Шарапова, Майкоп, 1963, 30 мин. звучания, впервые продемонстрирован на Всесоюзной конференции нартоведов СССР в Сухуми 18 ноября 1963 г.

центральных героев ядра эпоса «Нарты» и термина «нарт», устанавливает типологическое и генетическое единство исконно адыгских имен и имен центральных героев эпоса «Нарты», дает расшифровку значения этих личных имен богатырей, прослеживает их движение и жизнь в фольклоре адыгов и их соседей с помощью ряда сравнительно-сопоставительных таблиц.

Затем, после «Заключения», в *третьем разделе* даются «Документы».

Выбор адыгского эпоса «Нарты» как предмета исследования обусловлен его научной неразработанностью.

Работа написана на основе первоисточников, добытых автором.

В силу того, что исследования и книги по нартскому эпосу получили наибольшее распространение за рубежом на французском языке, мы сочли целесообразным дать в конце книги краткое изложение основных положений нашей работы на этом же языке.

За отдельные замечания по разделам рукописи данной монографии автор весьма признателен научным сотрудникам Адыгейского, Кабардино-Балкарского, Карачаево-Черкесского научно-исследовательских институтов, фольклористам Института истории грузинской литературы им. Шота Руставели Академии наук Грузии, а также эпосоведам Института мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР.

Автор хотел бы выразить свою благодарность французскому ученому проф. Жоржу Дюмезилю, позволившему воспользоваться его большим фактическим материалом, собранным им на адыгском и убыхском языках в странах Ближнего Востока, и старшему преподавателю Адыгейского педагогического института Разиет Хутиз, оказавшей большую услугу в переводе огромного количества французских текстов по эпосу «Нарты» на адыгейский и русский языки.

В настоящей работе мы осветили лишь некоторые положения, которые, на наш взгляд, могли бы быть полезными при дальнейшем изучении героического эпоса «Нарты». Научно-теоретическая разработка этого эпоса трудна и сложна, она требует дальнейших усилий. Поэтому автор с интересом принял бы замечания и пожелания.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

КРАТКИЙ ЭКСКУРС В ИСТОРИЮ НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ РАЗРАБОТКИ ЭПОСА «НАРТЫ»

Героический народный эпос «Нарты», популярный среди многих народов Кавказа, привлекал и привлекает внимание ученых с давних пор. Но его обобщающее изучение — дело многих будущих поколений исследователей. Кроме того, он еще в более или менее полном объеме не собран, не систематизирован и научно не издан каждым народом. Однако следует сказать, исследователи уже многое сделали в смысле изучения эпоса «Нарты», высказали свое отношение к нему и даже выдвинули свои теоретические концепции. Эти обстоятельства позволяют нам сделать небольшой экскурс в область научного изучения народного эпоса «Нарты».

1. Дореволюционные авторы об эпосе «Нарты»

Первое упоминание о нартском эпосе адыгов мы находим в русской литературе в 40-х годах XIX столетия.

«Древние песни и предания о знаменитых воинах, известных под именем нартов, чрезвычайно любопытны, — писал на страницах журнала «Русский вестник» в 1841 году адыгейский публицист и известный этнограф Хан-Гирей, родом из аула Тлюстен-хабль Адыгеи. — Они любили странствования, поединки, песни,

крепкие напитки, обожали женщин»¹. Здесь же Хан-Гирей дает весьма обстоятельную характеристику остроязыкой поэтессы нартов Лашцын, не называя ее имени, он говорит о ее сатирических куплетах, посвященных нартским рыцарям.

Позже, в 1846 году, на страницах газеты «Кавказ» (№ 35) была опубликована другая работа Хан-Гирея под названием «Мифология черкесов», в которой автор писал: «В честь какого-то нарта Саусрука в зимнее время черкесы задавали пиршества; в гостиный дом относили яства и напитки, а в конюшне для его буланой лошади приготавливали ячмень и сено. Впоследствии, когда стало распространяться в Черкессии магометанство, в гостях, посылаемых нартом вместо себя, не было недостатка. Магометане в ночь Саусрука отправлялись погостить к язычникам...»

Таким образом, первым автором, обратившим внимание на «песни и предания» адыгского героического эпоса «Нарты», явился этнограф Хан-Гирей (1801—1843).

Выдающийся просветитель XIX века, автор «Истории адыгейского народа» (Тифлис, 1861) и составитель первой кабардинской грамматики Шора Ногмов (1794—1844) в «Сказаниях старцев» говорит о нартских богатырях.

В работе Ш. Б. Ногмова², опубликованной в 1847 году на страницах газеты «Закавказский вестник» под названием «О Кабарде» (позже—«История адыгейского народа» —А. Г.) отмечается, что «предание сохранило в памяти народной имена князей, вождей и знаменитых витязей, прославившихся в глубокой древности; они суть следующие: 1) Алиг, 2) Лабца, 3) Юстин или Юстук, 4) Созироко, 5) Озирмег, 6) Ирихашау, 7) Канже и сын его, 8) Шауае, 9) Аша и его сын, 10) Ашемез, 11) Химиш и сын его, 12) Батираз, 13) Ольбек и сын его, 14) Татараш, 15) Наси-

¹ Хан-Гирей. Черкесские предания. «Русский вестник», том II, СПб., 1841, стр. 36; См. о Хан-Гирее 1) В. А. Дьяков. Записки о Черкесии, сочиненные Хан-Гиреем. «История СССР», 5, М., 1958, стр. 173—178; 2) М. О. Косвен. Этнография и история Кавказа, М., 1961, стр. 184—208.

² Шора Бекмурзович Ногмов родился в Кабарде на реке Жицу, недалеко от Горячеводска. По данным И. В. Трескова, «Ногмов оставил потомству ряд рукописей по разным вопросам истории, языка и фольклора кабардинского народа. Особую ценность представляет первая попытка дать систематизированное описание грамматического строя родного языка, а также «Предания черкесского народа», названные позже «Историей адыгейского народа» (И. В. Тресков. К биографии Ш. Б. Ногмова — вступительная статья к книге Ш. Б. Ногмова «История адыгейского народа», Нальчик, 1958, стр. 19).

ранжака, 16) Жендужака, 17) Имис, 18) Исим, 19) Малх, 20) Дао и сын его, 21) Баксиен»³.

По мнению Ш. Б. Ногмова, первые три имени, вероятно, «означают греческих героев, а четвертое имя Созироко или Косирих — Кессаря»⁴. Автор подчеркивает, что одни говорят, будто Созериго рожден в камне, другие, будто он вырезан из чрева умершей матери; «вообще же он слывет побочным сыном. Слово К е с а р и х значит на нашем (адыгском. — А. Г.) языке «выпорок из матери», что напоминает имя Юлия Цезаря и прозвище, данное ему по образу рождения. В песнях это имя часто упоминается, и, между прочим, в них сказано, что Созироко воспитан адыгским витязем Озирмегом и приобрел великую славу в воинских упражнениях». Далее Ш. Б. Ногмов приводит выдержку из песни, иллюстрируя, как певец-гекуоко прославляет его. При чем термин «нарт» он передает неверно, как «наръант». Реставрированная выдержка, данная в сноске, такова:

Нартхэ я Сосырыкъуэ,
Сосырыкъуанцэ,
Лы фыццэ, гъушыны,
Гмынэ шу,
Сосырыкъуэу си къан,
Сосырыкъуэу си нэху»⁵.

Перевод этих стихов автор дает не точно и не последовательно («Кесарь мой, Кесарь мой и защитник, Кесарь мой светлый, лицо твое смугло, грозны твои очи, страшный ты наездник, когда сядешь на коня»). Более точно эти строки означают:

Нартов (их) Сосырыко,
Сосырыко смуглый.
Муж черный, железноглазый,
Налменный всадник.
Сосырыко мой кан (воспитанник),
Сосырыко мой свет.

Как видно из этих текстов (оригинала и переводов), имя «Кесарь» неправомерно дается Ш. Б. Ногмовым в своем переводе. И это не случайно. Как видно далее по тексту автора, у него наблюдается тенденция связать имя нарта Сосырыко с Цезарем, будто народ путает их. Он пишет: «Очевидно, что тут смешаны различные лица и времена. История рождения Юлия Цезаря перешла к нашему народу вместе с названием его и породила предание, в котором это рождение приписано какому-то витязю из адыгов, сделавшемуся впоследствии римским императором. Вспомним, что после Константина Великого престол был занят

³ Ш. Б. Ногмов. История адыгейского народа, Нальчик, 1958, стр. 92.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 93.

несколькими государями из варваров, и нет сомнения, что к одному из них относится предание о воспитаннике Озирмего»⁶.

Эти предположения Ш. Б. Ногмова нам сдаются ошибочными. На наш взгляд, автор еще не отличал песен народного эпоса «Нарты» от песен, посвященных определенным историческим лицам. Однако заслугой Шоры Ногмова является то, что он практически заинтересовался и непосредственно обратился к песенным текстам адыгов о нартах.

Таким образом, в первой половине XIX века адыгские этнографы-публицисты Хан-Гирей и Шора Ногмов упомянули о том, что у адыгов бытуют песни и легенды о нартах.

К более раннему периоду относится открытие нартских сказаний у осетин, как об этом сообщают проф. В. И. Абаев⁷ и Б. А. Калоев⁸. Известный языковед-ориенталист Юлиус Клапрот в 1812 году опубликовал на немецком языке свой труд «Путешествие на Кавказ и в Грузию», в котором он сделал упоминание о «герое Батерасе, сыне Хамыца» (том 1, стр. 443).

Во второй половине XIX века заметно усиливается внимание местной интеллигенции и ученых России к народному эпосу «Нарты».

Преподаватель Ставропольской гимназии В. Кусиков в своей статье «О поэзии черкесов», написанной им 30 декабря 1860 года, призывал ученых России обратить внимание на устнопоэтическое творчество адыгов, что «легко может статься, что горцы с утратою независимости охладели ко всему родному, увлекутся подражанием всему европейскому и, если не навсегда, то на долгое время оставят в пренебрежении лучшие стороны своей национальности так, что когда настанет пора самосознания, то уже многие и самые лучшие памятники их прошедшей жизни исчезнут, и таким образом сделается пробел в их истории» (подч. нами. — А. Г.). По мнению этого автора, у адыгов, из всех обитателей Кавказа самого воинственного и рыцарского племени, «должны искать преимущественно поэзию эпической, посвященной описанию героев отечественной страны»⁹.

В этой же статье В. Кусиков отмечает, что в поэзии адыгов наблюдается одна и та же постоянная и неизменная тема, это —

⁶ Ш. Б. Ногмов. История адыгейского народа, Нальчик, 1958, стр. 94. См. о нем: И. В. Тресков. Шора Ногмов как поэт и собиратель произведений устного народного творчества, УЗКНИИ, том XI, Нальчик, 1957: стр. 145—182.

⁷ В. Абаев. Нартовский эпос, Известия СОНИИ, Дзауджикау, 1945, стр. 7.

⁸ Б. А. Калоев. История записи и публикации нартского эпоса. Сб. «Нартский эпос», Орджоникидзе, 1957, стр. 183.

⁹ В. Кусиков. О поэзии черкесов, «Ставропольские губернские ведомости», № 1—2, 7, 11 января 1861 г.

идеал мужества и храбрости, «едва ли кто-нибудь так удачно осуществил этот идеал, как герои черкесских поэм. Пospорить с ними в этом отношении могут разве только герои Илиады»¹⁰.

В. Кусиков в этой статье обнаруживает хорошую осведомленность в области песен и пщынатлей адыгского героического эпоса «Нарты»¹¹, останавливается на образах Созерико и Петерезе, которые, по мнению автора, никогда не умрут в памяти горца. «Все другие герои не могут идти ни в какое состязание с ними. Одно уже сравнение с Созерико и Петерезом вменяется в величайшую честь позднейшим героям. Дерется, как Созерико, владеет конем, как Петерез,— вот идеал мужества, храбрости и ловкости».

Известно, что в глубокой древности человек идеализировал животных, считал их своими друзьями и ближайшими помощниками. В поэтических созданиях адыгского героического эпоса («Единоборство Саусырыко с Тотэрэщем» и др.) конь представлен одаренным многими умственными и нравственными качествами. Так, конь нарта Саусырыко по кличке Тхожей, подобно коню Ахиллеса из «Илиады», дает совет богатырю.

В. Кусиков, отметив это обстоятельство, далее пишет: «Мало того, конь часто представляется одаренным даже некоторого рода хитростью и дальновидностью; он нередко в затруднительных обстоятельствах является советником и руководителем героя. Примером может служить следующее обстоятельство в жизни Созерико. Однажды Созерико встречается с кровным врагом и начинает биться с ним. После тщетного усилия победить друг друга противники откладывают поединок до следующего утра. Созерико предается глубокой горести, чего до той поры с ним не случалось. Он даже опасается быть побежденным сильным противником. Это положение героя представляется в поэме в удивительной прелести. Эта грусть героя выставлена поразительно. В столь критическую минуту к нему является не брат и не друг из числа людей, а неизменный товарищ его — конь»¹².

Позволим себе, в подтверждение отмеченного, привести из этого пщынатля то место, где говорится о том, как Сэтэнайгуашэ побежала к коню сына и обратилась к нему так, чтобы слышал и Саусырыко:

— Сам ты знаешь,
Сам ты видишь,
Такова моя судьбина:
Я не девять снаряжаю,
Я не десять отправляю,

¹⁰ Там же.

¹¹ Возможно, что В. Кусиков происходил родом из черкесо-гаев, коренных жителей г. Армавира, и в совершенстве знал адыгейский язык. К этой мысли приводят еще слова самого автора о том, что ему «удалось слышать между черкесами» их песни.

¹² В. Кусиков. Там же.

А единственного сына!
Почему же, конь бесценный,
На него позор навел ты,
На меня позор навел ты?
Не получишь больше сена
И овса ты не получишь!.

Тут заржал конь Тхожей:
«Сатанай, наша мать!
Можешь дать мне овса,
Можешь сена мне дать,
Удилами взнуздать.
Колокольцы скорей
К мягкой гриве моей
И к хвосту привяжи.
Сто орлов, сто собак
Ты со мной отпусти,

А когда не смогу
Я Сосрыко помочь —
Поражение врагу
В добрый час нанести,—
Не жалея ты коня,
А отдай ты меня
На съедение псам!»

Слышит с радостью Сосрыко
Речь Тхожея удалого..

(Перевод С. И. Липкина).

На второй день выезжает к месту поединка. Шум, произведенный колокольцами, пугает коня противника, он подымается на дыбы и сбрасывает седока. Нарт обезглавил его.

«До тех пор, пока конь его жив, никто не победил Саусырыко», — говорят адыгские певцы¹³.

¹³ В другом адыгейском тексте «Нарт Саусырыкхорэ Албэчыкьо Тутарышрэ зэрэзэуагъэхэр» («О том, как бились Нарт Саусырыко и Альбэчыко Тугарыш») конь говорит матери Саусырыко:

—...НэпІ шъиіхэри Лъэпшъ сфегъэшІ,
Ахэри скІэ — сэкумэ къахашІ,
Саусырыкхуи кызысымышхыжъыкІэ
Сыдэщыри хъэмэ сягъэшх, — ыІуи
Тхъожъыер къэгубжи
Сэтэнаер кІысу кырифыгъ.

т. е. —...Колокольцев восемьсот Тлепшу закажи,
Их к хвосту — гриве привяжи.
Если Саусырыко я не принесу,
Выведи и отдай собакам на съеденье, — сказав,
Тхожий, рассердившись,
Сэтэнай с криком прогнал.

(Адыгэ пшысэхэмрэ тхыдэжъхэмрэ.
Мыекъуапэ, 1955, н. 17).

Легенду «О том, как искалечили коня Сэтэнайко Саусырыко» см. в разделе третьем, стр. 321—322.

Образ коня, который имел важное значение в быту адыгов, прекрасно отразился в самых лучших эпических созданиях народа.

Отдельные ученые России XIX века считали своей обязанностью по мере возможности содействовать сохранению памятников героического быта и поэтического создания адыгов. «Мы можем достигнуть этого тем с большею легкостью теперь, — писал В. Кусиков, — когда звуки черкесского языка, бывшие прежде неуловимыми, сделались доступными письмени, благодаря трудам одного из сыновей Кавказа, имевшего случай еще в юности, лет за 30 перед тем, познакомиться с европейскою образованностью. Мы разумеем Омара (точнее Умара. — А. Г.) Берсева, в течение десяти лет состоявшего при нашей (Ставропольской. — А. Г.) гимназии преподавателем черкесского языка»¹⁴.

В 60-х годах XIX века *Крым-Гирей* (из Адыгеи, старший брат этнографа Хан-Гирея)¹⁵ и *Кази Атажукин* (из Кабарды) проделали значительную работу, представляющую научную ценность в смысле изучения адыгского героического народного эпоса «Нарты». О работе К. Атажукина, как об авторе, занимавшемся в основном публикацией текстов адыгского эпоса, более или менее подробно мы расскажем в последующей главе, здесь же — кратко охарактеризуем работу Крым-Гирея.

Весной 1865 года на страницах «Кубанских войсковых ведомостей» выступил Крым-Гирей со статьей «Несколько слов о нашей старине», в которой автор, дав бегло историко-этнографическую справку об адыгах «для первоначального ознакомления читателей с нашей стариной», выписывает несколько исторических моментов, упоминает о греческом Промефее. Автор полагает, что, если предание о Джедале (в нартском эпосе Нэсренжац. — А. Г.), прикованном к скале Кавказа, не перешло к нам от греков и предки наши были сами свидетелями какого-то исторического события, сосредоточенного впоследствии у греков в мифе о Промефее, а у нас в предании о Джедале, то можно сказать, что Промефей — лицо вымышленное, и тем более герой не греческой мифологии или истории¹⁶.

Весьма профессионально и со знанием дела автор рассказы-

¹⁴ В. Кусиков. О поэзии черкесов, «Ставропольские губернские ведомости». № 2, 11 января 1861 г.

В действительности Умар Хапхалович Берсей сделал многое для просвещения адыгов. Им были опубликованы фольклорные тексты («Ат-кьитиу» — «Два петуха»), («Цыфымрэ лэныгъэмрэ» — «Человек и смерть» и др.). Он же создал «Букварь черкесского языка» (Тифлис, 1853). О нем подробнее см. во второй главе.

¹⁵ См. о нем сноску 1.

¹⁶ Крым-Гирей. Несколько слов о нашей старине, «Кубанские войсковые ведомости», № 21, Екатеринодар, 29 мая 1865 г.

вает о нартской песне о Савсоруко и его рыжем коне Тхозий (Тхъожъый). «Знающий ее всю, — пишет он, — почитается у нас знатоком глубокой старины и достойным полного уважения. Кажется, нет в молодежи нашей ни одного джигита, который бы не был в состоянии прочесть речитативом отрывки из стихов поэмы...»¹⁷.

Далее, в этой же статье Крым-Гирей говорит об особой песне, «славящей осаду Гъуди-Кале нартами».

Крым-Гирей часто печатался в «Кубанских войсковых ведомостях». Очередная его статья, посвященная полностью нартам, была опубликована на страницах этих «Ведомостей» 6 ноября 1865 года. В ней автор дает подробное изложение в прозе содержания песенно-стихотворного текста «Пщынатль о Саусырыко» (у Крым-Гирея «Савсоруко»)¹⁸. В ней повествуется о том, как нартский богатырь добыл огонь людям, одержав победу над великаном, «обогрел и потом повел их дальше».

Любопытно примечание Крым-Гирея к этому тексту. «Читатель легко заметит, — пишет он, — сходство между христианским и нашим (адыгским. — А. Г.) преданием о Георгие (Победоносце. — А. Г.). Разумеется, то и другое обуславливается местностью и склонностью памяти героев, давным-давно отживших свое время. Тем не менее, в приведенной сейчас песне и в христианском предании о Георгие исходная точка и результат его подвигов один: Георгий — герой и Георгий — победитель чудовища, — змия ли, великана ли, человека».

Таким образом, у автора 60-х годов XIX века Крым-Гирея мы имеем не только простое изложение или пересказ содержания песни или пщынатля из героического эпоса «Нарты». Мы здесь видим его попытку оценить и обосновать песню о нарте Саусырыко исторически, рассмотреть ее в сравнительно-сопоставительном плане с устнопоэтическим творчеством русского народа. Однако вряд ли можно разделить его мнение о том, будто Георгий Победоносец «был герой... из племени Нартов», живших «во времена до генуэзцев пониже Геленджика»¹⁹.

Последние десятилетия XIX века и первые годы XX века характеризуются в рассматриваемом нами аспекте появлением в печати, в основном, текстов адыгского эпоса «Нарты» в записях (или под редакцией) Л. Г. Лопатинского, П. Острякова и А. Н. Дьячкова-Тарасова, о деятельности и отдельных высказываниях которых мы расскажем более подробно во второй и некоторых последующих главах.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Текст этого пщынатля в изложении Крым-Гирея см. в третьем разделе нашей работы.

¹⁹ Крым-Гирей. Несколько слов о нашей старине, «Кубанские войсковые ведомости», № 21, Екатеринодар, 29 мая 1865 г.

Исследований по адыгскому героическому эпосу еще нет, за исключением отдельных высказываний, изложенных в «Заметках» Л. Г. Лопатинского к публикуемым им текстам. На эти высказывания мы ссылаемся широко.

При всем этом все же несомненно велика ценность отдельных упоминаний, высказываний и статей авторов XIX века, о которых мы говорили выше. Они, впервые в литературе открыв героический народный эпос «Нарты» у адыгов, пробудили интерес исследователей к его изучению.

Таким образом, обобщая сказанное, можно заключить, что в дореволюционное время, начиная с 40-х годов XIX века, был открыт у адыгов адыгейский эпос «Нарты», но он еще не был собран, систематизирован и обобщающе изучен.

В более счастливом и выгодном положении оказались осетинские сказания о нартах. Ими занялись такие исследователи, как академик, известный ориенталист Антон Антонович Шифнер (1817—1879) и академик, профессор Московского университета, один из видных исследователей русского былинного эпоса, прекрасный знаток диалектов осетинского языка Всеволод Федорович Миллер (1848—1913).

В. И. Абаев дает высокую оценку деятельности акад. В. Ф. Миллера. Он пишет: «Начало научного изучения эпоса о Нартах положено В. Миллером. Выдающийся знаток русского былинного эпоса, а также мифологии других индоевропейских народов, В. Миллер, лучше чем кто-либо, был подготовлен к своей задаче. Мы убеждены, что занятия нартовским эпосом дали бы у него более яркие результаты, если бы не ограниченность и порочность той формально-сравнительной школы, которая в его время господствовала и в фарватере которой он целиком находился. Дефекты метода не помешали однако В. Миллеру сделать ряд выводов, имеющих прочное и непреходящее значение. Таковы, прежде всего, несколько блестящих параллелей, проведенных В. Миллером между нартовскими мотивами и скифосарматским бытом: обычай скальпирования у скифов (Геродот, IV, 64) и шуба из скальпов, которую велит себе сшить Нарт Созруко; похоронные обряды осетин и аналогичные обряды скифов; способ гадания на палочках у осетин и у скифов, совпадающий даже в деталях; в особенности же «чаша героев» Уацаменга у Нартов, из которой удастся пить лишь тому, кто совершил величайшие подвиги и кто не лжет, говоря о них; и с другой стороны, обычай скифов раз в год давать пить из особой чаши тем

лишь мужам, которые умертвили врагов (Геродот, VI, 66)»²⁰.

В конце XIX века В. Ф. Миллер отметил, что «в настоящее время, когда только что начинают обнаруживать народные эпические сказания кавказских горцев, еще рано ставить вопрос, у которого из этих народов они возникли впервые и в какое время распространились среди других народов. Можно только констатировать факт, что большая часть, например, известна кабардинцам (т. е. адыгам.—А. Г.) и чеченцам и что, за немногими исключениями, имена осетинских нартов носят не осетинский, а кабардинский (т. е. адыгский.—А. Г.) или иностранный характер»²¹.

К основным трудам В. Ф. Миллера, посвященным кавказской мифологии и эпосу «Нарты», следует отнести: «Осетинские этюды», I, II, и III части (М., 1881—1887), «Кавказские предания о великанах, прикованных к горам». («Журнал Министерства народного просвещения», № 225, М., 1883), «Отголоски иранских сказаний на Кавказе» («Этнографическое обозрение», № 2, М., 1889), «Кавказско-русские параллели» («Экскурсы в область русского народного эпоса I—VIII, М., 1892»), «О некоторых древних погребальных обрядах на Кавказе» («Этнографическое обозрение», № 2, М., 1911). Этими трудами акад. В. Ф. Миллер, несомненно, положил начало подлинно научному изучению осетинских сказаний о нартах.

Труды акад. В. Ф. Миллера, как об этом пишет Б. А. Калоев, пробудили живейший интерес среди значительной части передовой осетинской интеллигенции к истории, этнографии и фольклору своего народа²². В Осетии появляется целая плеяда национальных кадров — энтузиастов в лице А. Кайтмазова, И. Собиева, С. Туккаева, М. Гарданова, Г. Гуриева и М. Туганова, которые смогли поднять основные образцы осетинских сказаний о нартах и сделать их известными миру через посредство русского языка даже до начала XX века. Они, более того, уже имели значительный опыт работы над народным эпосом «Нарты».

К сожалению, к этому периоду и адыгские, и абхазские, и чеченские, и ингушские, и балкарские, и карачаевские тексты о нартских богатырях все еще оставались в тени.

2. Послереволюционный период изучения народного эпоса «Нарты»

Послереволюционный период изучения народного героического эпоса «Нарты» характеризуется созданием на местах науч-

²⁰ В. Абаев. Нартовский эпос, «Известия СОНИИ», том X, Дзауджикау, 1945, стр. 15.

²¹ В. Миллер. Кавказско-русские параллели, «Экскурсы в область русского народного эпоса», I—VIII, М., 1892, стр. 8.

²² Б. А. Калоев. История записи и публикации нартского эпоса. Сб. «Нартский эпос», Орджоникидзе, 1957, стр. 186.

но-исследовательских институтов культурного строительства в Адыгее, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Осетии, Абхазии и других национальных центрах Кавказа. Эти институты сыграли значительную организующую и направляющую роль в деле сбора, публикации и изучения нартского эпоса. Однако все это делалось не сразу и не везде одинаково успешно. Долгое время работа над этим эпосом носила не научный, а, скорее всего, любительский характер, о чем свидетельствуют имеющиеся у нас документы.

Из книги проф. Б. М. Городецкого «Вопросы краеведения в Адыгейско-Черкесской автономной области» видно, что в 30-х годах XX века в Адыгее наблюдаются новые, хотя и безрезультатные, порывы к изучению адыгских текстов о нартских богатырях.

«Нартовские тексты,— пишет проф. Б. М. Городецкий,— изученные и переведенные с помощью Дауда Ашхамафа²³ и Ибрагима Цея²⁴, дали любопытный материал к основному вопросу народной литературы кавказских народов—кавказскому героическому эпосу; наблюдения над собственными именами показали чуждое (некубано-черкесское) происхождение ряда персонажей (действующих лиц) названного эпоса»²⁵.

В этой же работе, в главе «Общество изучения Адыгейской области», сообщается о том, что из докладов, прочитанных на публичных собраниях членов, следует отметить (доклад. — А. Г.) С. Сиюхова «О богатырском героическом эпосе черкесского народа» (с исполнением хором любителей, под аккомпанемент национальной скрипки, былин о нартах)²⁶.

В 40—60-х годах в местной печати появился на адыгейском, кабардинском и русском языках ряд отдельных статей, посвященных адыгскому эпосу «Нарты». Опубликовали статьи А. Кешоков²⁷, Т. Керашев²⁸, Д. Костанов²⁹, Х. Теунов³⁰, А. Шор-

²³ См. о нем: И. А. М. Гадагатль. Дауд Ашхамаф—фольклорист, газ. «Адыгейская правда», Майкоп, 10 апреля 1957 г. 2. Х. Д. Водождоков. Выдающийся деятель адыгейской культуры, УЗ АНИИ, том II, Майкоп, 1963, стр. 179—186.

²⁴ См. о нем: А. А. Схалыхо. Ибрагим Цей, УЗ АНИИ, том III, Майкоп, 1964, стр. 39—53.

²⁵ Б. М. Городецкий. Вопросы краеведения в Адыгейско-Черкесской автономной области, Краснодар, 1926, стр. 16.

²⁶ Там же, стр. 18—19.

²⁷ А. Кешоков. Нарт Хыбархэр, «Хэзыгъэгъуазэ», Налшык, 1945, н. 3—7.

²⁸ Т. Керашев. Нартмэ ятхыджьхэр, «Адыгэ орэдыжьхэр», Мыекъуапэ, 1946, 12—14.

²⁹ Д. Костанов. Нартхэр, «Социалистическэ Адыгей», 18, 19/XII 1956; Его же. Нартмэ яэпос, «Адыгэ литературэ учебник», Мыекъуапэ, 1958, н. 42—60.

³⁰ Х. Теунов. Литература и писатели Кабарды, Нальчик, 1965, стр. 27—40.

танов³¹ и А. Алиева³². Эти публикации в основном, написаны в качестве предисловий, пояснительных статей к издаваемым сборникам фольклора или хрестоматий и представляют собою краткую характеристику отдельных песен, легенд или же циклов, т. е. они не претендуют на обобщающее монографическое исследование всего адыгского героического народного эпоса «Нарты».

Ценными представляются работы А. Т. Шортанова «Периодизация, отбор и публикация адыго-кабардино-черкесского фольклора» и А. И. Алиевой по исследованию цикла «Саусырыко (Сосрыко)».

А. Т. Шортанов в своей работе настаивает на том, что периодизация адыгского фольклора должна строиться только на фактическом материале, что тут не может быть места схоластики и всякого рода модернизации. «Устное творчество адыго-кабардино-черкесов (заметим, следовало и следует писать «адыгов». — А. Г.) имеет ясно выраженную тенденцию к историзму, оно, являясь голосом трудового народа, повествует об исторических событиях правдиво и искренно. И прав академик Греков, который писал, что: «Народ более точно наметил основные вехи периодизации своей истории» (Б. Греков. Киевская Русь. М., 1949, стр. 6)³³. Далее автор предлагает схему периодизации адыгского фольклора, в которой он высказывает мысль о существовании «донартских» гимнов, посвященных языческим божествам (Мэзытхэ, Амышъ, Тхъагълыдж, Шыблэ, Лъэпшъ), песен-пожеланий (хъохъу), легенд и сказок тотемического и мифологического происхождения, которые впоследствии вошли и врослись в адыгский эпос «Нарты». Исследователь утверждает, что народный эпос в своем развитии проходит несколько стадий, так как, по словам В. Г. Белинского, «еще выше на лестнице развития эпоса находятся космогонии и теогонии древних. В первых представляется возникновение вселенной из первоначальных субстанциальных сил, а во вторых индивидуализирование этих сил в различные божества. Наконец, эпическая поэзия достигает

³¹ Шортан. Нарт Гуэрыуатэхэр, «Къэбэрдей литературэ», хрестоматие, Налшык, 1960, н. 3—16.

³² А. Алиева. Из истории собирания, публикации и изучения адыгских песен и сказаний о Саусырыко (Сосрыко), УЗ АНИИ, том III, Майкоп, 1964, стр. 185—203.

³³ А. Т. Шортанов. Периодизация, отбор и публикация адыго-кабардино-черкесского фольклора, «Материалы научной сессии Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института по проблеме периодизации, отбора и публикации адыгейского, кабардинского, черкесского, балкарского и карачаевского фольклора», Нальчик, 1960, стр. 11.

вершины своего развития, полного осуществления самой себя, дошед до живого источника событий, человека...»³⁴.

Автор солидарен с нами в том, что этот эпос является древнейшим образцом адыгской эпической культуры, который дает исследователям проследить типы и оттенки общественной жизни у адыгов, начиная с зарождения кровно-родовых отношений, с одной стороны, и кончая образованием феодального общества — с другой. «В вопросах изучения первобытно-родового строя с его начальным матриархальным укладом жизни и возникновением патриархальных форм жизни — нартский эпос является своего рода оригинальным и, пожалуй, наиболее достоверным источником. От матриархата до появления феодализма — таков исторический период, изображаемый эпосом»³⁵.

Песни и легенды о нарте Саусырыко (Сосырыко) принадлежат к числу наиболее значительных и ярких явлений фольклора адыгов.

А. И. Алиева посвятила свою работу исследованию особо взятого цикла об этом герое адыгского народного эпоса «Нарты». Судя по имеющимся отдельным публикациям из этого исследования, автор дает подробную справку из истории собирания, публикации и изучения адыгских песен и сказаний об этом нарте эпоса, говорит о той большой работе, которая проводится в Адыгее и Кабардино-Балкарии по сбору и подготовке к печати материалов по адыгскому фольклору и, в частности, героическому эпосу «Нарты».

3. «Нарты» в Осетии

В 40—50-х годах XX века народный эпос «Нарты» находит своих новых исследователей в условиях Северной Осетии. В эти годы здесь чувствуется прилив свежих сил осетинских ученых, занимающихся изучением осетинских текстов о нартских богатырях.

Работа по сбору, систематизации и изданию нартского эпоса была сосредоточена в Северо-Осетинском научно-исследовательском институте. Он в начале 1940 года развернул активную деятельность. В районы Северной Осетии были направлены специальные экспедиции. К этой работе были привлечены лучшие национальные кадры республики: профессора В. И. Абаев, Б. В. Скитский, Л. П. Семенов, писатели Х. Ардасенов, Н. Багаев, С. Бритаев, И. Джанаев, Д. Мамсуров, Г. Плиев, Х. Плиев. Учитывая культурно-политическое и художественное значение

³⁴ В. Г. Белинский. Собрание сочинений в трех томах, том II, М., 1948, ГЛИ, стр. 31.

³⁵ А. Т. Шортанов. Указанная работа, стр. 18.

осетинского нартского эпоса, как неоднократно сообщалось об этом в печати, Советское правительство в государственном бюджете с 1941 по 1946 год, в том числе и в военные годы, постоянно предусматривало большие ассигнования на сбор и издание осетинских текстов эпоса «Нарты».

Эти обстоятельства, характеризующиеся всеобщим пафосом подъема исследовательских сил в республике, создали хорошую творческую атмосферу, которая, разумеется, благотворно способствовала деятельности ученых и писателей, вдохновляла их на успешное разрешение предстоящих задач.

Наряду со сбором текстов эпоса ученые республики В. И. Абаев, О. Н. Туаева, Б. В. Скитский и Л. П. Семенов вели свое исследование над этими материалами³⁶. В 1945 году была опубликована работа В. И. Абаева «Нартровский эпос»³⁷ — первое обобщающее исследование по осетинскому эпосу. В этой работе автор выдвинул свою концепцию «алано-осетинского» происхождения народного эпоса «Нарты», о которой мы и поведем речь дальше особо и более обстоятельно.

4. Концепция «алано-осетинского» происхождения кавказского эпоса «Нарты» и ее основа

Проф. В. И. Абаев — автор многочисленных исследований по осетинским нартским сказаниям. Ему принадлежат такие работы, как «О собственных именах нартского эпоса» (Изв. АН СССР, № 5, М.—Л., 1935, стр. 63—78); «Из осетинского эпоса, 10 нартских сказаний. Текст, перевод, комментарии. Приложение: ритмика осетинской речи» (Изд. АН СССР, М.—Л., 1939); «Нартровский эпос» (Известия Северо-Осетинского НИИ, том X, вып. I, Дзауджикау, 1945); «Историческое в нартском эпосе» (Сб. статей «Нартский эпос», Дзауджикау, 1949); «Осетинский язык и фольклор» (М.—Л., 1949); «Проблемы нартского эпоса» (Сб. «Нартский эпос», Материалы совещания, Орджоникидзе, 1957, стр. 22—36), «Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада» (М., 1965) и многие другие. Перу этого неутомимого и тонкого исследователя также принадлежит «Историко-этимологический словарь осетинского языка» (Изд. АН СССР, М.—Л., 1958).

Во всех своих работах В. И. Абаев рассматривает народный

³⁶ Статьи этих авторов см: «Нартский эпос». Сб. СОНИИ, Дзауджикау, 1949.

Отдельные высказывания этих исследователей приводятся и в последующих главах.

³⁷ В. Абаев. Нартровский эпос, ИСОНИИ, том X, Дзауджикау, 1945.

эпос «Нарты» в основном под углом зрения ираниста-осетинолога и все свои наблюдения, как это было отмечено нами несколько выше во «Введении», сводит к одной концепции: народный эпос «Нарты» по своему происхождению — алано-осетинский: аланы — предки нынешних осетин — принесли его на Кавказ, где этот чужеземный, некавказский эпос восприняли и усвоили местные кавказские народы³⁸.

Мы уважаем мнение этого, безусловно, высоко эрудированного ученого, посвятившего много лет изучению нартского эпоса, и с почтением называем его основные труды. Однако, как говорится, хотя и «Платон нам дорог, но истина еще дороже», — мы также прямо акцентируем и то, что нам сдается спорным в его деятельности в области публикации и изучения текстов народного эпоса «Нарты», то, что мы считаем несостоятельным в его концепции.

Несостоятельность и ошибочность этой концепции по существу уже была отмечена в печати в обстоятельных и сильно аргументированных статьях и рецензиях проф. Б. Гарданова и проф. В. И. Чичерова. При этих условиях мы считаем целесообразным обратиться к отдельным их оценкам и здесь и далее подтвердить нашими данными правильность этих высказываний.

Основные мысли проф. В. И. Абаева, изложенные в исследовании «Нартковский эпос», проф. Б. Гарданов констатирует в своей рецензии весьма стройно.

Позволим себе привести замечания этого рецензента более полно, так как мы разделяем его взгляды и оценку.

«В данной рецензии,— пишет Б. Гарданов,— мы не можем подробно разобрать содержание всей книги В. Абаева, а потому остановимся только на основных положениях автора, которые сводятся к следующему:

1) Нартковский эпос в своей «существенной части» является эпосом «алан—осетин», от которых он был затем «усвоен» другими северокавказскими народами, «интернациональный» же (в рамках Северного Кавказа) характер нартского эпоса является не «изначальным», а результатом позднейших межплеменных связей и влияний (ср. стр. 8, 17, 25—26, 88—89, 117).

2) «Аланы — осетины» являются типичным примером народа эпического, у которого «эпическая эпоха» продолжалась «тысячелетия», порождая, питая и обогащая нартковский эпос, который формировался приблизительно в период с VIII—VII века до нашей эры — до XIII—XIV века нашей эры, зародившись в скифскую эпоху и окончательно оформившись в монгольскую (ср. стр. 9—10, 32, 41, 45, 68, 105—106, 117).

³⁸ В. Абаев. Нартковский эпос, ИСОНИИ, том X, Дзауджикау, 1945, стр. 8, 17; 88—89 и др.

3) Нартовский эпос дошел до нас в фазе циклизации с едва наметившейся тенденцией к переходу в фазу эпопеи, тенденцией, выразившейся в том, что герои были поставлены в родственные между собой отношения, объединены в несколько фамилий и получили общее наименование «Нартов». Весь эпос может быть разбит на четыре «центральных цикла»: 1) Начало «Нартов» (Уархаг и его сыновья Хсар и Хсартар); 2) Урузмаг и Сатана; 3) Сослан (Созруко); 4) Батраз. К ним следует также присоединить цикл Сирдона и Ацамаза. Кроме этих главных циклов, имеется еще ряд второстепенных «малых циклов» с самостоятельными сюжетами и героями вроде сказаний о Тотрадзе, Арахцау, Сауае, Сыбалце, Айсане и др. (стр. 21—22, 69 и сл.).

4) Ядро нартского эпоса составляют древнейшие мифы: тотемические (цикл Уархага), тео- и этногонические (цикл Урузмага и Сатаны, также цикл Уархага); солнечные (циклы Сослана — Созрука и Ацамаза), грозовые (цикл Батраза).

Для нартских сказаний, как и для многих других глубоко архаических народных легенд, характерно сочетание тотемических и космических воззрений. Особенно ярко отразилась в эпосе солнечная мифология. Общее наименование героев эпоса «нарты», расшифровываемое В. Абаевым как «потомки Нара», т. е. «дети Солнца», — еще более подчеркивает этот основной мотив эпоса. С другой стороны, тотемический элемент играет также очень видную роль в нартском эпосе, и нарты не только «потомки Солнца», но и «потомки Волка» (имя родоначальника нарт — Уархага, как показывают изыскания В. Абаева, означало в древности «волк»). Естественно, что эпос с таким ярко выраженным характером дохристианских воззрений является языческим.

5) Будучи по своему типу сказочно-мифологическим, нартский эпос не может быть признан историческим в том смысле, что главным содержанием его являются какие-либо конкретные исторические события и сюжеты. Но это не лишает, однако, нартский эпос исторической значимости. Наоборот, познавательная ценность его для исторической науки огромна. В нем с исключительной художественной силой и правдивостью изображена историческая реальность: древний хозяйственный и общественный уклад жизни, обычаи и быт людей далекого прошлого, их психология и мировоззрение. Нартовский эпос, включив в себя много исторических напластований, может быть, тем не менее, охарактеризован как типичный эпос родового строя с ярко выраженными пережитками матриархата (образ Сатаны). Черты же классового феодального общества в него «привнесены в позднее время и легко снимаются без ущерба для цельности и стройности общей картины нартского общества» (стр. 106, ср. стр. 107—109 и 117—118).

6) Хронологическая древность, «социально-типологический» архаизм и преобладание мифологического содержания определяют место нартовского эпоса в кругу других мировых эпосов. Ближе всего по социальной типологии стоит нартóвский эпос к древнейшим ирландским сагам; отсутствие признаков государственной власти, а также преобладание мифологии сближают его с карело-финской Калевалой. Древнейшие части Риг-Веды и Авесты дают много параллелей к нартовскому эпосу в области быта и, в особенности, в области мифологии и мировоззрения (ср. стр. 106)»³⁹.

После такого суммарного перечня основных положений рецензент переходит к анализу этих высказываний, на основе которых В. Абаев строит свою концепцию «алано-осетинского» происхождения кавказского эпоса «Нарты». Осетинский ученый проф. Б. Гарданов далее отмечает противоречия, содержащиеся в этих пунктах.

«Противоречие 1. В главе 3-й, разбирая вопрос о том, «какой общественный строй отражен в нартовских сказаниях?», автор замечает: «Было бы странно, если бы сказания, создававшиеся в течение нескольких тысячелетий, отражали только один тип общества... Естественно поэтому, что мы в них находим картины весьма различных хозяйственных и общественных укладов. Это обстоятельство порождает известную разногласию у авторов, пытающихся прикрепить Нартов к определенной общественной формации» (стр. 18). «Уложить Нартов в прокрустово ложе одного хозяйственного и общественного уклада не удастся. Все типы и оттенки общественных отношений, начиная от матриархата и до феодализма, оставили след в эпосе. Нет у Нартов и единого хозяйственного типа. Они и охотники, и скотоводы, и земледельцы. Все зависит от того, в какую эпоху создавалось данное конкретное сказание, данный конкретный отрывок» (стр. 19). И, однако, после столь категорических утверждений о невозможности уложить нартовский эпос «в прокрустово ложе одного хозяйственного и общественного уклада» автор в конце работы, в главе 14-й, подводя итоги своему исследованию, заявляет: «Нартовский эпос в основном — эпос родового строя. Питали его мотивы военно-дружинного, охотничьего и пастушечьего быта, в котором в течение долгих веков жили осетины — аланы» (стр. 117).

Противоречие 2. Автор неоднократно и справедливо подчеркивает, что древнейшие нартовские циклы «ведут нас в такую глубину веков, когда даже приближенная датировка становится затруднительной, в эпоху тотемизма, матриархата и первоначального мифотворчества» (стр. 9). Но это не меша-

³⁹ Б. Гарданов. Рец. «В. Абаев. Нартовский эпос», «Советская этнография», № 2, М.—Л., 1947, стр. 243.

ет ему затем датировать один из древнейших нартских циклов — тотемическую, по его собственному определению, легенду об Уархаге и его сыновьях «первой половиной первого тысячелетия до нашей эры» (ср. стр. 32), а затем датировать и начало формирования древнейшего ядра эпоса VIII—VII веками до нашей эры (с точностью до одного столетия!), т. е. совсем уже не такой глубокой древностью.

Противоречие 3. Автор в начале своей работы высказал совершенно правильную мысль, что «Нартские песни на протяжении своего длительного существования никогда не превращались в мертвые, канонизированные формулы. Они все время сохраняли свою жизненность, в каждую эпоху вбирали в себя новое содержание из окружающей, современной действительности» (ср. стр. 18), а затем автор приходит к выводу, что «завершающим этапом» в развитии нартского эпоса был XIII—XIV век. В позднейшие времена, — заявляет автор вопреки ранее сказанному⁴⁰, — «эпос не воспринял уже ничего существенного в смысле обогащения; можно, напротив, думать, что он подвергся частичному распаду и забвению. Восходящая кривая сменилась нисходящей» (стр. 117).

Противоречие 4. На стр. 10 автор пишет: «Делить народы на эпические и лирические было бы слишком произвольно и упрощенно. Но... Осетины могут служить типичным примером народа эпического». И далее уже автор везде придерживается этого «произвольного и упрощенного» деления народов на «эпические» и «лирические».

Противоречие 5. На стр. 20 автор пишет: «Ошибкой многих из прежних исследователей было... то, что они брали эпос как нечто цельное и монолитное, между тем как в этом многовековом сооружении есть части и пристройки разных эпох и разного эпического отпечатка. Те или иные выводы, сделанные на основе изучения одного сказания, одного образа, не должны быть обобщаемы и использованы для характеристики и толкования всего эпоса». А затем автор в своем исследовании неоднократно повторяет эту ошибку прежних исследователей. Так, на основании того, что собственные имена ряда нартских персонажей оказались иранского происхождения, В. Абаев строит свое утверждение об «алано-осетинском» происхождении всего нартского эпоса, а на основании того, что имена двух нартских персонажей расшифровываются при помощи монгольского языка и фольклора, делает вывод о

⁴⁰ Кроме стр. 18, ср. также стр. 11, где автор пишет, что нартский эпос — «это была сама жизнь, преломленная сквозь призму народно-поэтического вымысла», что этот эпос «никогда не терял своей жизненности» и народ «сохранил его до наших дней в изумительной полноте». — Б. Г.

значительном и даже решающем влиянии монголов на весь нартовский эпос (см. стр. 21, 25—28).

Наличие указанных противоречий в работе В. Абаева представляется нам не случайностью, не просто оговорками и обмолвками, а результатом того, присущего работе в целом теоретического эклектизма, о котором мы говорили выше»⁴¹.

При всех своих недостатках, о которых говорит проф. Б. Гарданов, он считает эту работу В. И. Абаева несомненно ценной и во многих отношениях интересной.

В своем исследовании проф. В. И. Абаев впервые поставил вопрос об основном ядре эпоса «Нарты», достаточно подробно сделал обзор циклов осетинского эпоса, предпослав им историю его записи, публикации и изучения; наметил проблемы эпоса и пути его разрешения. Однако в нем много ошибочных положений.

Ошибки, допущенные проф. В. И. Абаевым в его «алано-осетинской» концепции, с нашей точки зрения, видимо, объясняются тем, что он в те годы не смог лучше осмотреться и увидеть то, что имеется по эпосу «Нарты» у других народов Кавказа, соседей осетин, и правильно оценить их.

Проф. В. И. Абаев в разные годы (после 1945) несколько варьировал и по-своему уточнял формулировку теории «алано-осетинского» происхождения героического эпоса «Нарты». Но, как подтверждают факты, он никогда не отступал от основы этой концепции. В своей книге «Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада», изданной в Москве в 1965 г., он пишет, что нартский эпос образовался на Кавказе на основе цикла «скифо-аланского, принесенного предками осетин» (стр. 83, подч. нами. — А. Г.), к которому коренные кавказские народы добавили свое мифолого-эпическое творение, свой цикл.

Кстати, эта концепция В. И. Абаева более расшифрованно дается в аннотациях к «Книге о героях», о которой мы упоминали выше. Вот это место: «...в прозе и стихах они (осетины. — А. Г.) сохранили до наших дней и передали своим соседям черкесам, абхазам, чеченам, а также татарам большое количество оригинальных эпических рассказов, относящихся к героям древних времен — нартам» (Книга о героях. Легенды о нартах на французском языке, перевод с осетинского проф. Ж. Дюмезиля, Галлимар, 1965, стр. 4 обложки)⁴².

⁴¹ Там же, стр. 243—244.

⁴² «Par chance, en prose et en vers, ils ont conservé jusqu'à nos jours et communiqué à leurs voisins Tcherkesses, Abkhaz, Tchétchènes, et même Tatars, un vaste ensemble de récits épiques originaux, relatifs à des héros des anciens temps, les Nartes». (Le livre des Héros, Légendes sur les Nartes, traduit de L'ossète avec une introduction et des notes par Georges Dumézil, professeur au Collège de France, Gallimard, 1965 (4 стр. обложки).

Может быть, эти сообщения делаются без ведома проф. В. И. Абаева? Оказывается, нет. С его ведома и одобрения. На титульном листе этой книги имеется пометка о том, что «этот перевод прочитан проф. В. И. Абаевым из Академии наук СССР».

Таковы факты.

Знакомясь с трудами осетинских исследователей нартского эпоса, невольно вспоминаешь критические высказывания и оценку проф. В. И. Чичерова относительно работ проф. В. И. Абаева. Он писал: «Среди ученых, допустивших при исследовании эпоса существенные ошибки, должен быть назван и В. И. Абаев. Значение ошибок В. И. Абаева усугубляется тем, что его работа явилась основой для всех других исследователей нартского эпоса, которые вслед за Абаевым встали на путь ошибочной методологии».

Книга В. И. Абаева «Нартровский эпос» легла в основу всех последующих работ. Ее продолжают, варьируют, популяризуют... С этой книгой генетически связаны капитальные издания и небольшие брошюры. Сказанное справедливо даже для тех работ, которые вышли в свет несколько раньше названной монографии В. И. Абаева. И они формировались под воздействием теоретических взглядов этого ученого, высказанных им ранее 1945 года и консультировавшего работы по нартскому эпосу. Таковы, например, книга «Сказания о нартах» (из эпоса осетинского народа, перевод и вступительная статья Валентины Дынник, предисловие К. Кулова)⁴³, «Нартские сказания» (осетинский народный эпос, перевод Валентины Дынник, под ред. Н. Тихонова, В. Козина, В. Бритаева, предисловие С. Битиева)⁴⁴, «Осетинские нартские сказания» (перевод и литературная обработка Ю. Либединского, статья «Героический эпос осетинского народа» К. Д. Кулова)⁴⁵, «Нартровский эпос»⁴⁶, сборник статей (авторы: К. Д. Кулов, В. В. Скитский, О. Н. Туаева, В. И. Абаев, Л. П. Семенов)⁴⁷.

В названном сборнике статей, как бы написанных в порядке иллюстраций, призванных подтвердить «правильность» концепции «алано-осетинского» происхождения эпоса, мы находим те же формулы, которые были выведены несколько ранее проф. В. И. Абаевым в своей работе «Нартровский эпос». Даже при беглом просмотре они бросаются в глаза. Вот несколько мест из одной статьи, опубликованной в сборнике «Нартровский эпос»:

1. «Хотя нартский эпос бытует у всех народов Северного Кав-

⁴³ ГИХЛ, М., 1944.

⁴⁴ ГИХЛ, М., 1949.

⁴⁵ «Советский писатель», М., 1949.

⁴⁶ Дзауджикау, 1949.

⁴⁷ В. И. Чичеров. Некоторые вопросы теории эпоса и современные исследования нартских сказаний осетин, «Известия АН СССР, отдел литературы и языка», 1952, том XI, вып. 5, стр. 394.

каза, он является творчеством осетинского народа» (стр. 22, Б.Скитский); 2. «В наиболее полном виде нартский эпос сохранился у осетин» (там же, Б. Скитский); 3. Цитата из В. Абаева: «Нарты — это поэтический псевдоним осетин ... нартский эпос — поэтизированная и фантастическая автобиография осетинского народа...» (Там же).

Прав проф. В. И. Чичеров.

Кстати, здесь же интересно спросить исследователей осетинского эпоса «Нарты», о каких народных «стихах» (или «стихотворных вариантах») осетинского эпоса (которые будто «были переданы своим соседям черкесам, абхазам, чеченам, татарам») идет речь? Могут ли передать друг другу *народные песни*, с сохранением их строя, если они разноязычны?

В связи с возникновением этих вопросов под впечатлением замечаний проф. В. И. Чичерова мы сделаем некоторый **экскурс**: заглянем в книги осетинских исследователей и сравним их высказывания с фактами изданий текстов эпоса «Нарты» и, таким образом, *убедимся в том, насколько они точны, насколько они генетически связаны с «алано-осетинской» концепцией.*

Наблюдаются расхождения между словом исследователя и фактами жизни эпоса «Нарты».

Так, исследователь Г. З. Калоев пишет: «*Двойное название сказаний — нарты кадджыта (нартские поэмы), нарты таурахта (нартские сказания) — свидетельствует о наличии двух форм сказаний: поэтической и прозаической*»⁴⁸.

Так ли это?

Дело в том, что сюжеты многих легенд могут быть занесены извне, а тексты песен от иноязычных народов — нет, конечно, если не составят исключение единичные явления, созданные по уже известным мотивам отдельными народными певцами. Стихотворно-песенные народные тексты в науке признаны более достоверными, нежели прозаические. Поэтому формы бытования текстов эпоса имеют важное значение при рассмотрении вопроса его генезиса.

1. В «Осетинских этюдах»⁴⁹ Всеволод Миллер опубликовал 15 текстов о нартах, и все они — *прозаические*.

2. Народный сказитель Северной Осетии Цагараты Созырыко (Шъожъырыкъо) из селения Хидыкус (Хидыкъус) в личной беседе с нами в Северо-Осетинском научно-исследовательском институте (СО НИИ) 1 апреля 1959 года показал прекрасные знания сказаний о нартах Хъамыс, Урыжъмэгъ, Шъожъырыкъо, Шъатана и других. На наше восхищение его знаниями он, несколько смущаясь, ответил: «Когда прибывает к нам, в наше

⁴⁸ Г. З. Калоев. Нартский эпос осетин. Тезисы докладов на совещании, посвященном нартскому эпосу народов Кавказа, Орджоникидзе, 1956, стр. 18.

⁴⁹ В. С. Миллер. Осетинские этюды, ч. 1, М., 1881.

Куртатинское ущелье человек и что-то спрашивает, ему говорят: «Сходите к Шьожъырыкъо, он все знает, расскажет». О нартах у нас рассказывают, есть и пословицы. Песен о нартах не знаю, о них у нас не поют»⁵⁰.

3. Далее. В книге «Нарты кадджыта» («Нартские поэмы»), изданной на осетинском языке, на титульном листе имеется указание: «Над переложением в стихи работали: Ардасенты Х., Дзанайты И., Епхиты Т., Мамсырты Д., Плиты Х. ... Литературные редакторы: Плиев Г., Бритаев С.»⁵¹.

Документация свидетельствует о том, что книга «Нарты кадджыта», изданная в 1949 году на осетинском языке *в стихотворном изложении*, — есть поэтическое переложение осетинскими современными советскими профессиональными поэтами прозаических текстов о нартах, т. е. это не древнее алаано-осетинское народное творчество, как это утверждают некоторые исследователи, а современное творение поэтов Осетии по мотивам и сюжетам сказаний о нартах, известных и абхазам, и адыгам, и балкарцам и многим другим народам Кавказа. В конечном счете, — это есть современное творение осетинских поэтов.

Таким образом, тезис осетинского ученого о том, будто двойное название сказаний — «нартские поэмы» и «нартские сказания» — свидетельствует о бытовании двух форм легенд у осетин (поэтической и прозаической) — ошибочный. Следовало ли создавать искусственно *стихотворно-песенный вариант эпоса* в XX веке и преподносить его в таком виде и читателям, и исследователям, и русским поэтам-переводчикам (для дальнейшего переложения на стихи), как *древнейший осетинский народный эпос*?

Конечно, нет. Эти поэтические тексты — не народное создание.

В 1949 году тексты этого издания были преподнесены всеобщему читателю в поэтическом переводе, как «стихотворный вариант» эпоса осетинского народа⁵². В «Предисловии», написанном С. Битиевым, говорилось: «...наиболее значительным творением осетинского народа являются «Нартские сказания», в своих древнейших частях восходящие, по предположению некоторых ученых, примерно к VIII—VII векам до нашей эры...»⁵³ Однако стихотворные тексты осетинских сказаний, о которых выше

⁵⁰ Архив АНИИ, ф. 1, д. 50, л. 2. Кстати сказать, за время трехнедельной поездки в Южную Осетию летом 1934 года В. И. Абаеву, по его словам, там «не удалось записать нартовских сказаний песенного строя» (В. Абаев. Из осетинского эпоса (10 нартовских сказаний. Текст, перевод, комментарии...), М.-Л., 1939, стр. 5, 10). См. также: Вс. Миллер. Осетинские этюды, М., 1882, ч. I, стр. 6.

⁵¹ Нарты кадджыта. (Нартские поэмы). Госиздат Северо-Осетинской АССР, Дзауджикау, 1949, стр. V.

⁵² Нартские сказания. Перевод Валентины Дынник, М., 1949.

⁵³ Там же, стр. 5. Подчеркнуто нами. — А. Г.

шла речь, впервые в действительности были составлены на основе прозаических текстов современными поэтами Осетии, а не народом, как это было уже отмечено нами.

Комментарии излишни.

На основании такой обработки и переделки эпоса нельзя строить научные выводы, выдвигать и отстаивать концепции, как, например, об «алано-осетинском» происхождении народного эпоса «Нарты».

Этот «метод» создания стихотворного варианта эпоса был использован и Юго-Осетинским научно-исследовательским институтом. И он в 1957 году издал новую книгу, аналогичную первой, — «Осетинский народный эпос» под рубрикой «Литературные памятники». Автор русского поэтического изложения Р. А. Ивнев.

Об этой стихотворной книге, как и о первой, в статье «От редакции» издатели сообщают читателям о характере предлагаемого их вниманию «народного творения». Они пишут: «Осетинский эпос о героях нартах — один из древнейших в мировой эпической литературе...»⁵⁴.

Такая постановка и такое решение серьезных проблем науки не могут не вызвать возражений.

Интересны и поучительны, на наш взгляд, критические замечания В. Я. Проппа к указанной книге «Нарты» (Эпос осетинского народа. Издание подготовили: В. И. Абаев, Н. Г. Джусоев, Р. А. Ивнев и Б. А. Калоев)⁵⁵, опубликованные в 1958 году.⁵⁶ Автор отмечает, что это издание с первых же страниц «вызывает разочарование, переходящее затем в полное недоумение». К основным недостаткам книги В. Я. Пропп относит отсутствие документаций (где, когда, кем, от кого был записан текст), так как слепая подача материала в наши дни недопустима ни для академических, ни для популярных изданий. Далее, рецензент справедливо отмечает, что в переводах поданы не элементы народной поэтики, а поэтика самого переводчика. Тексты начинаются со «Слова о нартах»:

Здесь собраны древнейшие сказания
О нартских героических деяньях,
Сказители их завещали миру,
Отдав всю душу звучному фандыру.

В. Я. Пропп ставит вопрос: что это? Осетинский фольклор?.. «Отсутствие каких бы то ни было примечаний, пояснений,

⁵⁴ Нарты. Эпос осетинского народа, М., 1957. Издание подготовили: В. И. Абаев, Н. Г. Джусоев, Р. А. Ивнев и Б. А. Калоев, стр. 5.

⁵⁵ Изд. АН СССР, 1957, стр. 401.

⁵⁶ Русский фольклор (материалы и исследования), том III, Изд. АН СССР, М.—Л., 1958, стр. 395—399.

оговорок, ссылок на оригиналы и первоисточники, — говорит автор, — вызывает у рядового читателя досаду, а у исследователя, кроме того, и острое сожаление: тексты недостоверны, и издание не пригодно для научных целей».

В. Я. Пропп справедливо замечает, что по отношению к имеющимся образцовым изданиям настоящая публикация является большим и досадным шагом назад⁵⁷.

Местные и русские исследователи осетинских текстов о нартах, как известно, раньше всех на Кавказе обратились к изучению эпоса «Нарты» и задались целью выяснения этнической принадлежности его первоначальных творцов. «Изучая это загадочное сооружение со всех сторон, — писал В. И. Абаев, — мы открыли⁵⁸ на первых порах только одну щель, одно окошко, через которое можно проникнуть внутрь, посмотреть, кто же его хозяева: это собственные имена нартовских героев... Значение их ясно уже из того, что главнейшие из них относятся к самым устойчивым и общераспространенным элементам эпоса».

«Переходя от одного сказителя к другому, — продолжает автор, — от осетинских вариантов к балкарским или кабардинским, вы видите, что меняется обстановка, сюжет, композиция, стиль, бытовые реалии, но главнейшие собственные имена остаются те же. Объяснить это можно только тем, что в собственных именах героев живет стойкая и древняя традиция, пронесшая их в сохранности через многие столетия»⁵⁹ и т. д.

Спрашивается, что же делается с этой «стойкой и древней традицией» в осетинских изданиях?

По дореволюционным и послереволюционным публикациям известно, что почти у всех народов, живущих на Кавказе, популярны в их фольклоре нарт Саусырыко, Сосырыко (абхазское «Сасырыква», осетинское «Сосырыко» или «Созрыко», карачаево-балкарское «Сосрук» и т. д.). Это имя, в частности, было засвидетельствовано в изданиях Вс. Миллера в «Осетинских этюдах» 1881 года множество раз.

Так, если судить по одним оглавлениям, то из 15 текстов, представленных в разделе «Сказания о нартах», 4 легенды поданы с именем: «Созрыко» (стр. 28), «Хамыц, Созырыко и Урызмаг» (стр. 36), «Урызмаг и Созрыко» (стр. 40), «Урызмаг, Хамыц и Созрыко» (стр. 52). Причем в своем «Введении» к этой же книге Вс. Миллер в числе «главных личностей осетинских сказаний называет имя *Созрыко*» (стр. 8).

⁵⁷ В. Я. Пропп. Указанная работа, стр. 397, 398.

⁵⁸ Видимо, автор имеет в виду свою работу «О собственных именах нартовского эпоса» (см.: «Язык и мышление», V, Изд. АН СССР, М., 1935).

⁵⁹ В. Абаев. Нартовский эпос, Дзауджикау, 1945, стр. 21.

Далее, имя нарта «Сосырыко» у осетин засвидетельствовано и в публикациях 1889 года Гуцыри Шанаева в VII выпуске «Сборника сведений о кавказских горцах» (два варианта о *Сосырыко*). Как видно из приведенных ссылок, эти факты не единичны.

Наличие имени «Сосырыко» («Созруко») в осетинских текстах о нартах засвидетельствовано и в советское время, по крайней мере, в 1939 году. В книге «Из осетинского эпоса (10 нарт-овских сказаний)»⁶⁰ В. И. Абаев опубликовал два сказания, в которых действует Созруко («Три золотых кубка Созруко» и «Созруко и Гумский человек»)⁶¹.

Что же происходит с именем нарта Сосырыко (Созырыко) в последующих изданиях?

В последующих осетинских изданиях *первичное*, распространенное в Осетии имя нарта «Сосырыко» («Созырыко», «Созруко», «Созырко») совершенно исчезает и на его место появляется *вторичное* имя «Сослан».

Если в вышеупомянутом издании 1939 года («10 нарт-овских сказаний») В. И. Абаев дает «Три золотых кубка *Созруко*» и «Созруко и Гумский человек», то в двух изданиях 1948 и 1949 годов Госиздата Северо-Осетинской АССР (в так называемых «стихотворном» и «прозаическом» вариантах)⁶² мы читаем: «Чем небожители одарили *Сослана*» и «Сослан и Гумский человек». Более того, *весь цикл о Сосырыко подан под именем только Сослана* («Рождение *Сослана* и его закалка», «Сослан ищет того, кто сильнее его», «Как *Сослан* женился на Бедохе», «Сослан и сыновья Тара», «Сослан в стране мертвых», «Смерть *Сослана*» и др.).

В чем причина, почему исследователи Северной Осетии, подготовившие эти издания на родном языке к печати, подменили в 1947—1949 годах имя нарта «Сосырыко», пользующееся большой популярностью и в фольклоре, и в быту (как мужское имя) осетин?

Дело в том, что это имя «Сосырыко» по своей типологии, аналогичное адыгским, чуждо алано-осетинским, а *Сослан*, как об этом полагают некоторые исследователи, — «Сос аланский». Видимо, на этом основании составители этих изданий *отклонили* имя «Сосырыко» и *признали* «жизнь» *Сослана* в осетинских сказаниях о нартах «более правомерным», т. е. произошло переименование богатыря народного эпоса «Нарты».

Здесь аланизация имени «Сосрыко» налицо.

⁶⁰ В. Абаев. Из осетинского эпоса, 10 нарт-овских сказаний, М.—Л., 1939.

⁶¹ В. Абаев. Указанная работа, стр. 28—36, 36—39.

⁶² Осетинские нартские сказания. Госиздат Северо-Осетинской АССР, Дзауджикау, 1948; Нартские сказания. Осетинский народный эпос, М., 1949.

Однако интересно, как же поясняют «эволюцию этого имени» ученые Осетии? Прямой ответ на этот вопрос имеется у В. И. Абаева: «Движение этого имени было, надо полагать, такое: из дигорской среды оно попало в кабардинскую, а оттуда в кабардинизированной форме Созруко было заимствовано в иронскую»⁶³.

Еще об одном факте, который пока остается незамеченным. Если обратимся к более ранним записям и публикациям осетинских текстов о нартах, мы убедимся в том, что имя нартской женщины эпоса было зафиксировано не как «Шъэтэна» (Сатана), а как *Сатанай*, т. е. так, как и у адыгов. Подтверждение этого факта мы находим у Всеволода Миллера в его записях и публикациях, относящихся к 80-м годам XIX века⁶⁴.

Сравнительно-сопоставительный анализ осетинских текстов о нартах, опубликованных исследователями (Вс. Миллером, В. Пфафом, А. Шифнером, В. Цораевым, братьями Шанаевыми и др.), и адыгских приводит нас к мысли, что осетинские тексты о нартах, записанные в прошлом веке, были более близки к адыгским, чем изданные в наше время. Так говорят факты.

Некоторые фольклористы — составители книг эпоса искусственно подводят под стиль нартских сказаний разные версии, легенды, сказки и песни, желая этим самым «обогащать» эпос. Они, не подозревая того, проявляют чрезмерную вольность по отношению к культурному наследию своих предков, засоряют его. «Искажение сущности народного эпоса разрушает его подлинное историческое культурное значение; оно говорит об отсутствии уважения к народу, о пренебрежительном отношении к его идеалам, к чаяниям и ожиданиям, воплотившимся в его творчестве» («Правда», 21 января 1936 г.).

Исследователь, как личность, несет полную ответственность и перед народом, и перед наукой. При оценке его работы мы не должны забывать указание Ф. Энгельса о том, что «личность характеризуется не только тем, что она делает, но и тем, как она это делает»⁶⁵.

Эпос должен быть издан академически. Академическое издание народного эпоса — задача первостепенной важности. Оно,

⁶³ В. Абаев. Нартовский эпос, Дзауджикау, 1945, стр. 28. Осетины подразделяются на иронцев и дигорцев. Под «кабардинизацией имени» автор имеет в виду наличие «-ко» («-кьо») — показателя мужского пола у адыгов, в личном имени нарта «Сосырыко» («Сосырыкьо») в осетинских сказаниях о богатырях (см. расшифровку этого имени в нашем очерке «Об адыгском эпосе «Нарты». УЗАНИИ, том III, Майкоп, 1964, стр. 154—155 и более подробно — в разделе втором настоящей работы).

⁶⁴ Вс. Миллер. Осетинские этюды, том I, М., 1881, стр. 30—37.

⁶⁵ Об этом же см. таблицу 3 во втором разделе нашей работы.

⁶⁶ Маркс и Энгельс. Энгельс—Лассалю. Сб. «Об искусстве», М., 1933, стр. 57.

несущее в себе цельные тексты певца-сказителя, должно иметь «обширный научный аппарат, — как об этом пишет А. А. Петросян, — с ценными материалами о сказителях, о месте и времени записи тех или иных версий, о мелодиях, сопровождавших повествование, и о других моментах, важных для понимания и изучения эпоса. В сопроводительной исследовательской статье, которая будет носить характер введения или приложения», должен быть дан квалифицированный анализ национального своеобразия эпоса, его поэтики, его языкового и образного построения, а также его идейно-этической проблематики.... Разговор должен вестись на широком фоне исторического своеобразия развития духовной культуры народа. Эта статья должна опереться на последние достижения научной мысли не только филологов, но и историков, философов и исследователей материальной культуры народа⁶⁶.

Некоторые сторонники концепции «алано-осетинского» происхождения эпоса «Нарты» **стремятся монополизировать право высказываться** по вопросу генезиса этого героического памятника, пытаются представить этот вопрос уже решенным и давно пройденным этапом в нартоведении. В связи с этим нельзя не вспомнить слова проф. Арн. Чикобава: **«Необходима терпимость к инакомыслящим (в вопросах науки) и нетерпимость ко всяким проявлениям личной монополии...»** (подч. нами. — А. Г.)⁶⁷.

Героический народный эпос «Нарты» — сокровищница древней человеческой культуры мирового значения. Это обязывает исследователя быть предельно точным в обращении с ним.

5. Эпос за пределами Кавказа

Героический народный эпос «Нарты» давно вышел за рамки Кавказа, за рамки всей нашей страны.

Его переводили и переводят на многие языки. Он привлек и еще привлекает к себе внимание крупных зарубежных ученых. Это обстоятельство подтверждается хотя бы и тем, что в 1965 году в коллекции показательных работ «Кавказ» ЮНЕСКО опубликованы осетинские легенды о нартах на французском языке под названием «Книга о героях»⁶⁸. Перевод

⁶⁶ А. А. Петросян. К вопросу о народности эпоса «Манас». Сб. «Киргизский героический эпос «Манас», Изд. АН СССР, М., 1961, стр. 13—14.

⁶⁷ Арн. Чикобава. К вопросу о путях развития современной лингвистики. «Вопросы языкознания», 4, М., 1966, стр. 61.

⁶⁸ Le Livre des Héros Légendes sur les Nartes, traduit de L'ossète avec une introduction et des notes par Georges Dumézil, Gallimard, 1965.

См. об этой книге и переводчике: Александр Дейч. В мире народной поэзии, «Литературная газета», М., 21 декабря 1965 г.; А. Хьэдэгъал I. Кавказ культурэм ехылIэгъэ тхылъхэр, газ. «Социалистическэ Адыгей», 28/XII 1965.

с осетинского подлинника осуществил проф. Коллеж де Франс (Collège de France) Жорж Дюмезиль (Georges Dumézil).

Кстати, о нем и его работах по эпосу «Нарты». Французский ученый, исследователь культуры и традиций народов Кавказа, убыховед и адыговед, Ж. Дюмезиль занимается изучением героического народного эпоса «Нарты» еще с 20-х годов XX века. Его перу принадлежат многочисленные работы по этому эпосу. В их числе можно назвать «Легенды о нартах» (Париж, 1930), «Документы анатолийские о языках и традициях Кавказа» в трех томах (Париж, 1960—1965), серия «Убыхских рассказов» (Париж, отрывки из азиатского журнала разных лет).

«Жаль, что странствующие рыцари русских былин и туземные герои Северного Кавказа долго оставались не известными Западу, — писал проф. Ж. Дюмезиль в «Предисловии» к книге «Легенды о нартах». — Статья Гумбшмана (Hübschman) в немецком «Журнале Азиатского Общества», 1887 года, притом основанная только на первом томе «Осетинских этюдов» Вс. Миллера, кажется, не получила большого внимания. Но недавно М. А. Дирр (Dirr) представил немецкой⁶⁹ и англо-саксонской публике драгоценные примеры народной литературы Кавказа, особенно много эпизодов эпопеи Нартов, и книга имела значительный успех, потому что Кавказские народные сказки (Caucasian Folktales), казалось, намерены оказать французской публике такую же услугу. С другой стороны, Фольклорное Общество Владикавказа в 1925 и 1927 годах опубликовало два важных сборника нартских сказаний, которые были полезны, чтобы познакомиться с ними незамедлительно»⁷⁰.

Публикуя варианты легенд Северного Кавказа (татарские по Урусбиеву, кабардинские по Лопатинскому, западно-адыгские по Тамбиеву, осетинские по Миллеру и т. д.), проф. Ж. Дюмезиль свою книгу сопровождает пятью «мифологическими этюдами». В этих заметках автор отмечает, что легенды о нартах дают возможность найти фрагменты божественной мифологии, забытой до наших дней в сравнительных этюдах о старых верованиях индоевропейцев, а также важные для изучения сестер мифологии Персии и Индии.

Автор отмечает, что в этих легендах содержится много психологических, этнографических, фольклорных данных, в них прозрачны и мифические темы. Два главных нарта Батрадза и Сосрыко—Сослана (по данным осетинских текстов) Ж. Дюмезиль считает возможным назвать «огненными героями» и «сол-

⁶⁹ *Kaukasische Märchen*, Jena, 1922.

⁷⁰ G. Dumézil. *Légendes sur les Nartes*, Paris, 1930, p. VII.

нечными героями», так как, когда стальное тело Батрадза, раскаленное добела, спускается, как смерч, с неба* на землю и, что хозяйка Сатана получает его внизу своей башни в семи чанах воды, так как, когда Сослан умирает от Колеса Святого Жана, по мнению исследователя, аналогичный, хорошо известный ритуал — предосторожности во время грозы, игры летнего солнцестояния — позволяет распознать этих двух героев и общее в их циклах подтверждает его интерпретацию. Таким образом, в образах Батарадза и Сосрыко—Сослана автор видит «огненных героев» и «солнечных героев», т. е. он приходит к мифологическому истолкованию этих легенд, как легенд метеорологического, солярного и тотемического мифа.

Далее, Ж. Дюмезиль сравнивает нартские легенды о Сатане и известную армянскую традицию о Сатиник, принцессе аланов. Затем автор подчеркивает существенность исследований об отношениях, которые, кажется, существуют между нартским циклом и иранской эпопеей, с одной стороны, и русскими былинами, с другой. Ж. Дюмезиль здесь предостерегает авторов при исследовании эпоса не увлекаться концепцией «иранских влияний», которыми утвердительно и широко пользовались М. Ковалевский и, в меньшей степени, В. Миллер, — эпос «Нарты» мог возникнуть на Кавказе самостоятельно.

Чувствуя интеллектуальную и профессиональную привязанность к народам Кавказа, проф. Ж. Дюмезиль на протяжении многих десятилетий постоянно продолжает сбор, анализ и публикацию материалов о нартах на убыхском, адыгском и абхазо-абазинском языках, сопровождая их своими лингвистическими и фольклористическими комментариями. Эти факты нами будут освещены более обстоятельно в последующих разделах нашей работы.

6. Литература последних лет об эпосе «Нарты»

Медленно, но уверенно прибывает полку исследователей эпоса «Нарты». Новые авторы своими трудами помогают шире и глубже осветить различные еще незатронутые стороны этого величественного памятника.

Проф. М. Я. Чиковани, ознакомившийся с адыгским фольклором и, в частности, адыгским народным героическим эпосом «Нарты» и по публикациям, и по рукописям многотомного издания этого эпоса, сделал ряд ценных замечаний. Он, в частности, отметил, что нартский эпос имеет *приключенческое* содержание.

* В представлении осетин нарты живут в основном на небе, что резко отличает адыгский эпос от осетинского.

«Изложение героико-приключенческих событий, — пишет М. Я. Чиковани, — характерно для стиля нартских сказаний. Соответствующие материалы и указания мы находим в образцах самого этого эпоса». Эту особенность исследователь видит и в других сказаниях адыгов. «Так, например, — продолжает он, — в сказании о Хаткоко большом адыгейский сказитель вкладывает в уста своему герою традиционные слова: «Нужно рассказывать приятелям о своих подвигах, обо всех своих приключениях... Иначе, как же мои приятели узнают о том, чего никто из них не видел?». Увлеченные приключениями героя, люди собираются в кунацкой-хачец (хьакIэщ), чтобы послушать любимого героя, узнать, что случилось с ним на жизненном пути и чем прославил он как себя самого, так и родной народ и страну. С этой целью Хаткоко сидел и вспоминал прошлое, встречи с отважными друзьями, сказочные качества коней, все то, что видели и пережили, как он сам, так и другие герои. «Сколько я дел совершил! — думал Хаткоко. — Пожалуй, так и умру, не закончив своих рассказов».

Когда нарт услышит о героизме другого, он, наподобие Амиран-Дареджанисдзе у Мосе Хонели, тотчас же решает разыскать неизвестного витязя и отправляется в путешествие, чтобы побрататься с ним или подчинить его себе, главным образом для того, чтобы нанести ему поражение и тем самым утвердить свое первенство.

Такова одна характерная черта нартского эпоса»⁷¹.

По словам проф. М. Я. Чиковани, у разных народов, среди которых бытуют сказания о нартских богатырях, этот признак не сохранился в одинаковой мере, хотя разыскать и подтвердить его не так уж трудно. «Адыгейские сказания, в которых эта сторона проявляется, возможно, наиболее рельефно, поддерживает и фольклор других кавказских народов».

Далее, в этой же работе исследователь М. Я. Чиковани отмечает, что, кроме реальной человеческой жизни, эпос основывается на данных духовной культуры. «Возникновение нартского эпоса подготовлено устной словестностью предшествующего периода, фольклорными жанрами, как лирические или лирико-эпические стихи и песни, обрядовая поэзия, поговорки, мифы и исторические предания, сатира и юмор, сказки и приключенческие фабулы. Обнаружение и подтверждение каждого из этих источников объясняет не только тайну нартского эпоса, но и вообще механизм эпического художественного творчества». Говоря о проникновении нартских сюжетов в Грузию, автор полагает, что «причиной» этого, безусловно, является контакт, в котором должны

⁷¹ М. Я. Чиковани. Нартские сюжеты в Грузии. Стенограмма доклада на Всесоюзной Сухумской конференции нартоведов в ноябре 1963 г.

были находиться соседствующие с рачинскими горами на Северном Кавказе осетины и кабардинцы»⁷².

Проф. М. Я. Чиковани, говоря о мотивах нартского эпоса, здесь же отмечает, что, как правило, рождение необычного героя в фольклоре всегда необычно. «Таков общий закон как для старого, так и для нового времени. В этом проявляется способ типизации, хотя в основе всего «необычного», «чудесного» лежит обычная, повседневная действительность. Необычность вызывается героизацией произведения, стилем художественного творчества, основанным на своеобразном методе отражения действительности и осложненными мифологическими и магическими представлениями».

Работа грузинского ученого М. Я. Чиковани «Нартские сюжеты в Грузии», ставящая актуальные вопросы народного эпоса «Нарты» и решающая их с точки зрения большой науки, является весьма желанным вкладом в науку эпосоведения.

Много ценных замечаний по адыгскому эпосу «Нарты», сделанных прямо или косвенно, имеется в трудах В. И. Чичерова, У. Б. Далгат, Ш. Д. Инал-Ипа, И. В. Трескова, Ш. Х. Салакая и других, которые мы отмечаем в соответствующих главах нашей работы.

Весьма интересные и оригинальные наблюдения над эпосом «Нарты» проделаны У. Б. Далгат, в основном на материале фольклора народов Дагестана. В работе «К вопросу о нартском эпосе у народов Дагестана» она пришла к выводу, что центром распространения нартского эпоса являлись Кабарда, Осетия и прилегающие к ним территории. «По мере продвижения нартского эпоса на юг Северного Кавказа наблюдается постепенное затухание, забвение нартского эпоса, который теряет свой песенный и сказочный характер и превращается в своеобразные сказания о нартах (у плоскостных чеченцев, ингушей), в какой-то мере еще сохраняющих генеологический характер эпоса. Приближаясь к границам Дагестана, нартские сказания теряют свою традиционную специфику. Они продолжают бытовать у кумыков в форме героических и эпических песен-героев и в виде волшебных и авантюрных сказок. В нагорном Дагестане нартский эпос перерождается в сказки, и это на героев нартских сказаний накладывает отпечаток, меняющий самую сущность облика нартов... Нартский эпос создавался за пределами Дагестана. Некоторые дагестанские народы восприняли его, но слив нартский эпос с местными сказаниями и сказками о великанах, эти народы дали ему особые своеобразные черты, существенно отличающиеся от эпоса о нартах... Дагестан,—заключает У. Б. Далгат,—несомненно был той периферией, на которой затухал и сливался

⁷² Там же.

с фольклором иного характера нартский эпос народов Северного Кавказа»⁷³.

Е. М. Мелетинский имеет ряд работ по народному эпосу «Нарты», в числе которых можно было бы назвать такие, как «Место нартских сказаний в истории эпоса» (сб. «Нартский эпос», Орджоникидзе, 1957, стр. 37—74), «Предки Прометея. Культурный герой в мифе и эпосе» («Вестник истории мировой культуры», № 3, 1958, стр. 116—117), «О генезисе и путях дифференциации эпических жанров» (кн. «Русский фольклор», том V, М.—Л., 1960, стр. 81—101), «Происхождение героического эпоса» (М., 1963) и другие. В этих трудах автор ставит очень интересные и порою, казалось бы, злободневные вопросы теории эпоса «Нарты» и его места в истории мировой культуры, но они, на наш взгляд, не всегда находят свое разрешение. Порой концепции заманчиво внешне стройны и красивы, — видна рука искусного инженера-архитектора, но ставящего свои пирамиды на песчаный, весьма рыхлый грунт. Причину некоторых неудач отдельных исследователей я вижу в том, что они, не зная ни одного языка народов Кавказа, среди которых бытует эпос «Нарты», вынужденно опираются на литературные, правленные издания текстов эпоса, несущие в себе массу досадных неточностей. Эти обстоятельства, естественно, берут такого автора в плен, и он, не чувствуя под собою твердой почвы — создается такое впечатление, — обращается к авторитетам, на которых можно было бы опереться...

Так, Е. М. Мелетинский сообщает нам, что: 1) «В абхазо-адыгском эпосе главным героем остается Сосрыко, тогда как Узермес и Патараз в общем занимают *периферийное положение*...». Или к тому же: «...кроме Сатаны, Сослана (Сосрыко), Сырдона, Урызмага, Батрадза осетинский и абхазо-адыгский нартский эпос знает целый ряд *второстепенных героев*, которым посвящены так называемые «малые циклы». Это *Пиш-Бадиноко* и *Саууай* — преимущественно кабардинские герои — и *Ацамаз*... (подчеркнуто нами. — А. Г.)⁷⁴

Несет ли в себе это сообщение Е. М. Мелетинского правду? К сожалению, нет.

Во-первых, уточним, что в абхазско-адыгском эпосе нет, насколько нам известно, Сырдона. Анекдоты о Сырдоне (или,

⁷³ У. Б. Далгат. К вопросу о нартском эпосе у народов Дагестана. «Нартский эпос», Орджоникидзе, 1957, стр. 154—174.

Иллюстрируя это высказывание У. Б. Далгат, мы составили ряд таблиц (см. таблицу 1 в конце этой книги, таблицу 3 — во втором разделе).

⁷⁴ Е. М. Мелетинский. Место нартских сказаний в истории эпоса, «Нартский эпос», Орджоникидзе, 1957, стр. 66, 70.

по-шапсугски, Сырадин) и абхазы, и адыги относят к среднеазиатскому ходу Насредину, и они не имеют никакого отношения к абхазско-адыгскому эпосу. Нет такого образа в адыгском эпосе «Нарты».

Во-вторых, нельзя отождествлять в данном случае абхазский и адыгский эпосы, утверждать и относить Патараза к ряду «периферийных» или «малых» циклов, в то время когда в адыгском эпосе «цикл о Пэтэрэзе» занимает особое место и он представлен почти отдельным томом в 20—30 авторских листов. Нет, это не «малый цикл». Адыги этому сообщению автора не могут поверить.

В-третьих, автор неправомерно относит циклы адыгского эпоса о Пши-Бадиноко (Шэбатыныко), Ацамаз (Ащэмэз) к «второстепенным героям» и «малым циклам». Нарты Орзмэджыко Шэбатыныко (Пши Бадиноко) и Ащэмэз (Ацамаз), вокруг которых строятся *большие циклы*, относятся к «первостепенным», пользуясь терминологией автора, и входят в ядро всего народного эпоса «Нарты»...

Нам кажется, что исследователь в обязательном порядке должен побывать у народа, эпос которого он изучает, видеть его певцов, слышать в их исполнении многочисленные песни о героях, непосредственно изучать их содержание на языке оригинала и затем, пользуясь накопленным материалом, делать обобщения и выводы.

В 1963 году в г. Нальчике вышла историко-филологическая работа доктора филологических наук **И. В. Трескова** под названием «Фольклорные связи Северного Кавказа», которая является результатом длительного и упорного изучения культуры народов Кавказа в ее взаимоотношениях с фольклором и литературой русского и других народов. На основе *изученного* огромного интересного фактического материала автор сделал ряд ценных выводов, имеющих несомненное теоретическое и практическое значение в науке.

Так, процесс взаимного обогащения национальных культур, по словам ученого, всегда имел творческий характер: «инородные» элементы воспринимались только в том случае, когда они порождались сходными условиями материальной жизни народов и были созвучны духовным запросам народа на определенном этапе его развития. Воспринятые «инородные» элементы творчески перерабатывались, приобретали соответствующие национальные признаки и оставались в данной культуре только в том случае, если начинали жить по ее законам. Далее, И. В. Тресков считает, что наиболее ярким примером дальнейшего международного коллективного творчества является нартский эпос, в созда-

нии, дальнейшем творческом обогащении и сохранении которого принимали участие многие народы Кавказа. В связи с этим явно неправомерно любые попытки считать коллективные богатства достоянием одного или двух-трех народов. Объективный подход к проблеме поможет установить в эпосе каждого народа его национальное своеобразие и имеющиеся в нем интернациональные моменты, общие для народов Северного Кавказа, порожденные экономической и духовной близостью этих дружественных народов. Серьезного внимания заслуживает проблема современного живого бытования эпоса «Нарты» и его творческого использования в современном культурном строительстве.

«Народы Кавказа, — пишет автор, — как и все народы Советского Союза, создали ранее не известную истории человечества необычайно богатую и многогранную передовую социалистическую культуру, щедро внося творческий вклад в общесоюзную сокровищницу, тем самым взаимно обогащая свои самобытные культуры»⁷⁵.

* * *

К наиболее значительным историко-филологическим работам этого периода следует отнести книгу абхазского фольклориста **Ш. Х. Салака** «Абхазский народный героический эпос». В своем исследовании автор рассматривает вопросы истории собирания и изучения абхазского фольклора, подвергает анализу древние эпические сказания, в частности особо освещает нартский эпос и его место в абхазском народно-поэтическом творчестве, эпос об Абрскиле — герое-богоборце.

Исследователь, касаясь вопроса датировки фольклорных произведений, пишет, что это — «чрезвычайно сложный вопрос, так как та или иная песня, легенда, сказание или сказка создается в своей окончательной редакции (если вообще можно говорить об окончательной редакции памятника устнопоэтического творчества) не в какой-то определенный год или даже десятилетие, а в процессе длительном, продолжающемся на протяжении столетий и тысячелетий. Эта специфическая особенность фольклорного творчества обусловлена, в отличие от письменной художественной литературы, его основными определенными признаками — коллективностью, устностью и анонимностью. Эпос полистадиален, многослоен. Его, как и любой другой фольклорный жанр, характеризуют анахронизмы, контаминации сюжетов и т. п. Сложившись в какое-то определенное время и отражая в основном именно свою эпоху, фольклорный памятник очень часто несет в себе напластования последующих эпох. В зависимости от степени влияния на основное, первоначальное ядро сюжета, пос-

⁷⁵ И. В. Тресков. Фольклорные связи Северного Кавказа, Нальчик, стр. 275—278.

ледующие напластования могут совершенно затмить первооснову или же оставить ее почти не тронутой»⁷⁶.

По мнению Ш. Х. Салакая, исходя из конкретного анализа основных сюжетов и мотивов нартского эпоса можно смело утверждать, что первоначальное ядро данного эпоса более архаические и центральные образы его отражают эпоху первобытно-общинного строя в различных стадиях его развития, а именно, матриархат, патриархат, разложение первобытной общины и переход к классовому обществу⁷⁷.

В абхазском нартском эпосе, где представлен Сасрыква с его девятью девятью братьями, особо важное место отводится образу матери Сэтэней-Гуацэ. Абхазский исследователь отмечает, что Сатаней-Гуаца играет большую роль как в абхазском эпосе, так и в адыгских и осетинских сказаниях. «Она выступает как родоначальница и глава большого семейства, состоящего не иначе как из ста человек... Она всегда права, всегда умна, хороша и нежно заботлива по отношению к своим «детям» — нартскому обществу»⁷⁸.

Поскольку в легендах абхазов образ нарта Сасрыквы является ведущим, в исследовании автор подробно останавливается на характеристике его и его действий, состоящих из непрерывной цепи богатырских благородных подвигов, описывает деятельность богатыря, начиная с героического его рождения и закалки. Исследователь отмечает, что Сасрыква преследует не корыстные цели. Его действия направлены в защиту интересов людей, против темных сил природы — всевозможных чудовищ (драконов, великанов и др.), олицетворяющих хозяев рек, огня, лесов и пастбищ. В своих богатырских действиях ему сопутствуют, помимо физической силы, находчивость и смекалка.

В отличие от эпоса адыгов и осетин, национальное своеобразие абхазского нартского эпоса характеризуется в основном тем, что мы в нем имеем таких героев, как Бжаева-Бжаза (букв. «полувывсохший-полуживой»), Кятуан, Хабжин, Нарджхеу (или Зартыж), нарт Кун, нарт Шаруан, нарт Сит, Зылха, Хания с относящимися к ним оригинальными легендами.

Интересна, в частности, легенда о пахаре Бжаева-Бжаза... Совершив много подвигов, получив высокую известность, Сасрыква (видимо, от адыгейского «Саусырыкъу») настолько возгордился, что не стал признавать равным себе человека на земле. Мать, сделав порицание, сообщила ему, что его одолеет даже пахарь-калека, «полувывсохший-полуживой». Сасрыква сел на своего коня Бзоу (возможно, от адыгского Бзыу, т. е. Птица) и поспекал к нему, чтобы испытать его. Когда на своем Бзоу Сас-

⁷⁶ Ш. Х. Салакая. Абхазский народный героический эпос, Тбилиси, 1966, стр. 40.

⁷⁷ Там же, стр. 40—41.

⁷⁸ Там же, стр. 42.

рыква подскочил к нарту-калеке, тот даже не удостоил внимания, а накрыл его пластом земли, вывороченным лемехом плуга, и продолжал спокойно пахать. Затем жена калеки посадила «всесильного» нарта Сасрыква с конем в свою плетеную корзину (или деревянное корыто) и понесла детям в качестве забавной игрушки. По дороге Сасрыква пытается сбежать, но его быстро славливают. От пахаря Сасрыква узнает о том, кем он был искалечен, он рассказывает о встрече с более сильными людьми, которые погубили его спутников, своим чудесным спасении. Так, горько поплатившись за свою самоуверенность и спесь, нарт Сасрыква возвратился домой⁷⁹.

Нартский эпос абхазов в основном известен в прозаическом изложении. Известна абхазская песня о Сатаней-Гуаща, состоящая из 47 строк. В абхазском народном эпосе «Нарты» основным циклом, лежащим в его основе, следует считать легенды о нарте Сасрыква и Сатаней-Гуаща.

Нартский кузнец абхазов **Айна-р-ижьи** хотя и выполняет в основном одни и те же функции, что и **Тлепш** — в адыгском и **Курдалагон** (небесный кузнец) — в осетинском, он, в отличие от осетинского, не обожествляется, а лишь идеализируется. Он не бог — кузнец, а кузнец — искусный мастер. Имя кузнеца Айна-р-ижьи, как и Тлепша, занимает значительное место в обрядовых песнях абхазов. Народ почитал, верил им, клялся их именем. Айна-р-ижьи, Тлепш и Курдалагон по своей идейной нагрузке и выполняемой ими функции в кавказском эпосе «Нарты» близки к таким образам мирового фольклора, как Ильмаринен карело-финского эпоса «Калевала», Гефест древнегреческой мифологии.

В своей работе Ш. Х. Салакая останавливается и на некоторых вопросах теории происхождения эпоса «Нарты», являющегося в своей основе, по его словам, созданием первобытнообщинного строя. Автор полагает, что «создатели кобанской (кавказской. — А. Г.) культуры и предки абхазо-адыгских племен представляли собой некогда одну этническую общность, и именно в этой среде и сложился зародыш нартского эпоса, который затем, вследствие разобщения племен, получил своеобразное национальное развитие у каждого народа, но сохранил при этом свою первоначальную основу почти нетронутой»⁸⁰.

Как об этом пишет Ш. Х. Салакая в этой работе, абхазские материалы не могут дать ключа к раскрытию этимологии личных имен ядра эпоса «Нарты» Сэтэнай, Саусырыкъу, Пэтэрэз и термина «нарт».

Некоторые положения автора вызывают возражения.

⁷⁹ Ш. Х. Салакая. Абхазский народный героический эпос, Тбилиси, 1966, стр. 59—60.

⁸⁰ Там же, стр. 68.

Возражение вызывает, в частности, заявление автора, будто «многие сюжеты относительно более позднего происхождения, особенно из цикла Батрадз, в адыгском и абхазском эпосе заимствованы уже из осетинского (вернее из сармато-аланского)»⁸¹. На наш взгляд, автору следовало несколько осмотрительнее оценивать обстоятельства, прежде чем давать такую неаргументированную справку от имени и абхазов, и адыгов. Вполне естественно, что при формировании и развитии эпоса у народов Кавказа шло интенсивное взаимное влияние и взаимное обогащение. Помимо этого, эпос постоянно вбирал в себя и «свои» и «чужие» сюжеты из всего доступного ему сказочного репертуара. Это не позволяет нам полагать, будто «Батрадз» заимствован адыгами и абхазами от осетин. Надо более вдумчиво изучить жизнь и движение этого имени у себя и в эпосе народов, живущих на Кавказе. А такое наблюдение убедило бы нас в том, что это имя нарта в своей первичной форме, как **Пэтэрэз** (а не **Батрадз**), известно всем народам Кавказа, в том числе и абхазам. В этом случае мы увидели бы, что это адыгское имя **Пэтэрэз** (абхазское и чечено-ингушское **Патараз**, кабардинское **Бэтэрэз**, **Батраз**) первично, осетинское **Батрадз** (от кабардинской формы **Батраз**) — вторично⁸². Это во-первых.

Во-вторых, мы не можем согласиться и с другим заявлением автора, будто имя **Соср** пока не поддается лингвистическому толкованию ни на почве абхазо-адыгских, ни на почве осетинского или другого кавказского языка⁸³. На почве адыгского языка нам удается расшифровать значение **Соср** (из адыгского **Сосрыкъо-Сэуэсырыкъуэ**).

В целом работа Ш. Х. Салакая по нартскому эпосу абхазов интересна и дает много новых наблюдений и фактов.

* * *

В 1966 году завершили свои исследования по народному эпосу «Нарты» **А. О. Мальсагов** из Чечено-Ингушетии, **Н. К. Мамиева** из Северной Осетии, **А. А. Аншба** из Абхазии. Пока нам доступны лишь авторефераты диссертационных работ, опубликованные на правах рукописи. По ним, разумеется, нельзя представить в полном объеме работы этих авторов и тем более судить о них. Однако хотелось бы отметить такое отрадное явление в нартоведении, как создание новых исследований представителями трех народов, живущих на Кавказе.

И. Н. К. Мамиева свое исследование посвятила «проблеме эволюции эпического образа (Сатана в осетинском нартском эпосе в сравнении с другими национальными эпосами). Сатане (адыгское **Сэтэнай-гуаш**, **Сэтэней-гуашэ**, абхазское **Сатаней-гуа-**

⁸¹ Там же, стр. 70.

⁸² См. об этом таблицы 1 и 2 в конце нашей книги.

⁸³ Ш. Х. Салакая. Указанная работа, стр. 80.

ща) в нартских сказаниях отводится центральное место. Ее образ принадлежит к числу наиболее ярких и самобытных эпико-героических образов устнопоэтического творчества осетин, адыгов, абхазов и других народов, живущих на Кавказе. Проблема историко-художественного монографического исследования этого величественного образа до сих пор специально не ставилась. Разрешение этой задачи явилось предметом исследования Н. К. Мамиевой.

В этой работе рассматривается история собирания, публикации и изучения осетинских сказаний о Сатане. Автор отмечает заслуги первых ученых, описавших вообще бытование у осетин сказаний о нартах, называет имя немецкого ученого Юлиуса Клапрота, посетившего Кавказ в 1807—1808 годах, и его книгу «Путешествие на Кавказ и в Грузию» (Берлин, 1812). Собираение и издание осетинских сказаний о Сатане началось в XIX веке (1868, 1871, 1873, 1881 и последующие годы). Особое внимание в исследовании отводится собирательской и издательской деятельности известного русского ученого академика Ф. В. Миллера, знавшего в совершенстве язык иронцев, особенности его диалектов. Им были записаны уникальные сказания о Сатане и опубликованы в его «Осетинских этюдах» (М., ч. I, 1881). В советское время издано большое количество текстов о нартах в серии «Памятники народного творчества осетин» в записях известных собирателей фольклора Г. Гуриева, Ц. Амбалова, Г. Шанаева, М. Гарданова, Г. Сланова, М. Туганова, Г. Дзагурова, В. Карсанова и других.

В своей работе автор справедливо отмечает мобилизующую роль В. И. Абаева, неутомимого собирателя, редактора и составителя многих изданий нартских сказаний осетин. Он же ведет многостороннее исследование проблем эпоса «Нарты». Отдельные вопросы нартоведения получили освещение в работах М. Рклицкого, М. Туганова, А. Кубалова, Б. Алборова, Б. Скитского, Г. Калоева, Л. Семенова, Б. Калоева, З. Абаевой и других.

Говоря по существу избранной темы, автор отмечает, что каждое осетинское сказание о Сатане представляет собой законченное в художественном отношении эпическое произведение, включающее один или несколько эпизодов из ее «жизни». По мнению автора, Сатана (Шъатана) относится к числу древних эпических образов. Она «бессмертна», «архаична». Анализ текстов о ее замужестве показал, что в нем получили отражение пережитки различных эпох с их общественными отношениями. В образе Сатаны ярко проглядывают матриархальные пережитки, черты чародейства, наслоились, особенно в осетинских сказаниях, элементы сказочного и анекдотического характера.

В данной работе Н. К. Мамиева приходит к верным, на наш взгляд, выводам о том, что Сатана (Шъатана) в народном эпосе

«Нарты» является величественной, художественно цельной эпической фигурой. В ее образе запечатлелись различные исторические эпохи от древних мифологических представлений до более поздних времен — эпохи феодализма.

Некоторые места этой работы осетинского исследователя могли бы вызвать наше возражение, как, например, стремление автора подтвердить известную версию некоторых авторов о «некавказском» происхождении ядра эпоса «Нарты», о том, будто он, прежде всего, сюда был «принесен предками осетин» (Автореферат, стр. 22); заметное подчеркивание того, будто адыгско-абхазские сказания о Сэтэнай-гуашэ менее архаичны, чем осетинские, и в них будто она — Сэтэнай-гуашэ пудрится, живет в **стеклянном доме** и пр. С такими фольклорными фактами адыгский героический народный эпос «Нарты» пока еще не знаком. Хрусталь, перламутр, золото и другие украшения чужды текстам адыгского героического эпоса «Нарты», и они, напротив, **наличествуют** в осетинских сказаниях о нартах, свидетельствуя их более позднее формирование. В легенде об охоте на **золотую** лисицу Урызмаг видит пещеру из **хрусталя** и **перламутра** (см.: 1. Памятники народного творчества осетин. Нартовские народные сказки, Владикавказ, 1925, I; 2. И. В. Тресков. Фольклорные связи Северного Кавказа, Нальчик, 1963, стр. 203). Не следовало автору отождествлять сказания о Сэтэнай-гуашэ и карачаевцев, и черкесов (адыгов), и балкарцев, представляющих собою разные народы Кавказа (Автореферат, стр. 16, 21). Мы считаем правомерными, а потому и удобными такие сочетания, как «адыгско-абхазские», «чечено-ингушские», «карачаево-балкарские» легенды о нартах, то есть такие сочетания, которые построены по родственному признаку языков, а не по территориальному. Так, неправомерно: «адыгско-осетинский эпос», «адыгско-карачаевский эпос», «адыгско-балкарский эпос». Далее, вряд ли у древних «нартов» было понятие «свой народ»; неправомерно утверждать, будто в адыгском народном эпосе Батрадз (вернее, Пэтэрэз, Бэтэрэз) относится к младшему поколению нартов и будто не является столь значительным (?) героем, будто «сказания о нем отрывочны, не закончены» (там же, стр. 21). Все это, к сожалению, ошибочно. В адыгском эпосе цикл о Пэтэрэзе (Бэтэрэзе) является очень богатым, и он представлен множеством песен и легенд. Желательно, чтобы эти замечания были учтены автором при дальнейшей работе над своей рукописью.

II. **А. О. Мальсагов** ведет работу по теме «Нарт-орстхойский эпос ингушей и чеченцев». Она интересна тем, что в ней, пожалуй, впервые обобщающе дается историко-филологический анализ богатырского эпоса вайнахов, определяется его идейное содержание, дается характеристика его основных сюжетов и образов.

Чечено-ингушский эпос имеет три пласта. К *первому* пласту исследователь относит сказания из нартского эпоса, известного всем народам Кавказа. Это легенды о рождении и смерти главного героя нарта **Сеска Солсы** (адыгское Саусырыкъо, Сосрыкъо, осетинское Сосрыкъо, Созрыкъо, абхазское Сасрыкъуа), рождение **Села Саты** (адыгское Сэтэнай-гуащ, абхазское Сатаней-гуащ и т. д.); встречи и борьба нарта орстхойцев с великанами (вампалами).

Второй — общекавказский пласт в специфическом вайнахском оформлении, в котором выступают герои типа Патараза или Орзмэджа (Патараз, Орзмы). Но эти герои здесь выполняют совершенно другие функции бытового плана.

Третий пласт эпоса вайнахов интересен тем, что здесь нарт-орстхойцам противопоставлены местные герои-богатыри, защитники интересов людей.

Автор в своем исследовании представил подробную характеристику фольклорного материала, опубликованного на русском, чеченском и ингушском языках. Говоря об этих публикациях, исследователь называет героев эпоса чеченцев и ингушей. Из них: Ачмаза или Ачмаз, Сата (Села-Сата), Хамчий Патараз, Сеска Солса, Батоко-Ширтга (Баткый Ширткъа) — известны в адыгском героическом народном эпосе «Нарты»; и Колой Кант, Кинда Шоа, Пхагал Бярн, Бийдолг-Бяри, Барахой Кант — местные герои-богатыри, их вайнахи считают своими.

Молла Нясарта автор относит к нартам.

Здесь необходимо отметить, что знаменитые народные анекдоты о ходже Насредине — вольнодумце и острослове, оказавшие сильное влияние на устнопоэтическое творчество и письменную литературу многих народов Востока, Средней Азии, а также Кавказа, очень популярны и среди адыгов⁸⁴, но они ясно обособляют их и к произведениям эпоса «Нарты» не относят. Вайнахи же, наоборот, как и осетины, общеизвестные сюжеты из анекдотов о ходже Насредине ошибочно относят к легендам героического эпоса «Нарты».

Встречаются у вайнахов анекдоты об орстхойцах (этническое название одного из племен чеченцев и ингушей-карабулаков). Эти анекдоты о молла Нясарте и Цагеке, по справедливому замечанию исследователя, нет никаких оснований относить к жанру героического эпоса.

Автор сообщает, что Т. Эльдарханов опубликовал на чеченском языке несколько сказаний и сказок с подстрочным и литературным переводом. Причем в этих публикациях нарты отождествляются с великанами и ничего общего с героями кавказско-

⁸⁴ З. Кардангушев и А. Махуэ недавно в Нальчике опубликовали сборник избранных адыгских анекдотов о ходже. По материалам этой книги ими же создана трехактная комедия «Ходжа», которая успешно ставится в театрах Адыгеи и Кабардино-Балкарии.

го нартского эпоса не имеют. Они скорее напоминают великанов дагестанского сказочно-богатырского эпоса. Эти публикации, как свидетельствует А. О. Мальсагов, подтверждают слова П. К. Услара, отмечавшего, что «по мере удаления от центрального Кавказа на восток нартский эпос предается забвению, а сами герои превращаются в великанов»⁸⁵, т. е. полностью деформируются.

Если сказания вайнахов расположить по принципу биографической циклизации вокруг героев, то, по мнению А. О. Мальсагова, почти все сказания будут сведены к циклу о Сеска Солсе. Ему отводится первостепенная роль.

Слово «нарт» (нарт) в вайнахских языках расшифровке не поддается.

Мы могли бы возразить относительно того, как автор, не будучи достаточно осведомленным, пишет: «Мы согласны с В. И. Абаевым, что нарты по происхождению ираноязычный народ — аланы» (Автореферат, стр. 19).

В действительности проф. В. И. Абаев, с которым и мы солидарны, совершенно противоположного мнения в этом вопросе. Ведь *нарты — вымысел, а не исторический народ*. «Искать нартов, — пишет В. И. Абаев, — среди исторических народов так же бесполезно, как искать Атлантиду в учебнике географии или Жар-птицу у Брэма»⁸⁶. Более того, В. И. Абаев сожалеет, что некоторые авторы не колеблясь включают нартских героев в список великих людей древности. «Все утверждения об историческом существовании Нартов, — говорит он, — настолько мало обоснованы, что считаться с ними в научном плане совершенно не приходится»⁸⁷.

III. Работа А. А. Аншба «Вопросы поэтики абхазского нартского эпоса» представляет собой оригинальное монографическое исследование, в котором он анализирует вопросы поэтики, проблемы национальной специфики, художественного своеобразия эпических сказаний абхазов о нартских богатырях.

В своем исследовании автор рассматривает вопросы *сюжетосложения*. Автор ставит перед собой задачу выяснить характер сюжетов, принципы их построения, особенности объединения, время зарождения, а также их ранние и поздние слои. А. А. Аншба полагает, что краткое, лаконичное, не расцвеченное сказочной фантазией изложение сюжета может служить критерием отличия эпического сюжета от сказочного. Автор обнаруживает тенденцию к прикреплению поздних историко-героических сказаний к известным нартским именам. Здесь, на наш взгляд, его заслугой является то, что он на весьма убедитель-

⁸⁵ П. К. Услар. Кое-что о словесных произведениях горцев, ССКГ, вып. 1, Тифлис, 1868, стр. 29.

⁸⁶ В. Абаев. Нартовский эпос, Дзауджикау, 1945, стр. 94.

⁸⁷ Там же, стр. 17—18.

ных фактах эпоса адыго-абхазских народов верно наметил «ранние» и «поздние» слои эпоса и охарактеризовал их.

А. А. Аншба умело анализирует стиль нартских сказаний абхазов. Важнейшим художественным приемом поэтизации в эпосе является гипербола, — «гиперболизм в эпосе носит универсальный характер».

Анализируя структуру стиха и прозы в абхазском нартском эпосе, автор отмечает, что стихотворных текстов о нартах у абхазов относительно мало. Архаичность — отличительная особенность стихотворных текстов. Она проявляется, как устанавливает автор, в самой структуре стиха (синкретизм, ритмичность и речитатив), в эмбриональной рифме, архаической строфе разной длины и т. д. Из фонетического богатства абхазского языка вытекает обилие звуковых повторов в абхазской поэзии — ассонансов, консонансов, аллитераций.

Отметив воздействие сказки на героический эпос, абхазский исследователь пояснил причины, порождающие это явление. С одной стороны, это объясняется пронизательностью прозы, с другой — историческими судьбами эпоса, как жанра, в последнее время его постепенным забвением, ослаблением веры в подлинность описываемых событий.

Утверждение В. И. Абаева, будто в Дигории у осетин не встречается имя *Созырыко*, опровергается абхазским исследователем А. А. Аншба в работе «Вопросы поэтики абхазского нартского эпоса». Он, сославшись на работу Акинфиева «Поездка на Кавказ в 1891 году» (газ. «Екатеринославские губернские ведомости», 1891, № 80), пишет: «... утверждение В. И. Абаева нуждается в уточнении, так как в одной дореволюционной записи, сделанной в Дигории, имя Созырыко все же встречается. В послевоенных публикациях осетинского нартского эпоса только в первом выпуске «Памятников народного творчества осетин» еще преобладает имя Созырыко, а в последующих двух выпусках «Памятников» встречается только имя Сослана. Исходя из вышеуказанного,—говорит А. А. Аншба, — можно сделать заключение, что и в нартском эпосе осетин преобладающее место занимают рассказы, связанные с именем Созырыко (а не Сослана). «Если в адыгском нартском эпосе, и особенно в его абхазской версии, сохраняются наиболее архаические формы общественной жизни народа, то нартский эпос у осетин отражает более позднюю стадию развития эпоса»⁸⁸.

Исследование А. А. Аншба, написанное на высоком научно-теоретическом уровне, свидетельствует о том, что ему предшествовала кропотливая работа автора. Оно содержит много новых наблюдений, находок и выводов.

⁸⁸ А. А. Аншба. Вопросы поэтики абхазского нартского эпоса, автореферат, М., 1966, стр. 8—9.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ИСТОРИЯ ЗАПИСИ И ПУБЛИКАЦИИ АДЫГСКОГО ГЕРОИЧЕСКОГО НАРОДНОГО ЭПОСА «НАРТЫ»

История собирания и публикации текстов адыгского героического народного эпоса «Нарты» заслуживает серьезного внимания исследователей. Она охватывает два основных периода: дореволюционный и советский.

1. Дореволюционный период записи и публикации адыгских текстов о нартах

В дореволюционное время сбором и публикацией адыгского фольклора занимались Султан Крым-Гирей, Шора Ногмов, Кази Атажукин, Паго Тамбиев и другие. Многие русские ученые, как Л. Г. Лопатинский, А. Н. Дьячков-Тарасов, П. Остряков и другие, переводили и публиковали на русском языке адыгские тексты о нартах.

Наиболее ценной из всех дореволюционных публикаций адыгских текстов эпоса «Нарты» является книга общественного деятеля и педагога XIX века Кази Атажукина. Она заслуживает более или менее обстоятельной характеристики, как первый письменный памятник адыгской культуры.

В 1864 году в Тифлисе литографским способом была сделана первая в истории адыгов отдельная печатная книга¹ на ка-

¹ Единственный экземпляр этой книги находится в отделе редких книг Государственной библиотеки имени В. И. Ленина. При воспроизведении «Отрывков» из народной поэмы «Сосырыко» мы пользовались микрофильмом; текст был расшифрован нами с экрана проектора 16—20 января 1964 года. См. об этом: А. Хьэдэгъал I. Япэ адыгэ тхылъыр, г. «Ленин гъогу», 13/III 1966.

бардинском языке с оригинальным текстом «Сосрыкъо и пшы-
налъэм и къедзыгъуитІрэ таурыхъитІрэ». Отрывки из народной
поэмы «Сосыруко» и рассказы, переведенные на кабардинский
язык Кази Атажукиным². Она была отпечатана в Военнопо-
ходной типографии Главного штаба Кавказской Армии на рус-
ской графической основе. При этом был использован кабардин-
ский алфавит, составленный в 1862 году П. К. Усларом при
участии Умара Берсея³.

К. Атажукин поместил в составленном им сборнике два наи-
более ценных отрывка из адыгского эпоса «Нарты»; пшынатль о
том, как Сосырыко (Саусырыко) добыл огонь людям, и пшы-
натль о том, как нарт одержал победу над злым Тотырэшем
(Тотырэш). Этот фольклорный документ свидетельствует о том,
что в своем живом бытовании стихотворно-песенные тексты
адыгского эпоса «Нарты» проявляют большую устойчивость.
Первый отрывок народной поэмы по своему содержанию
тождествен тексту «Сосырыкъо мафІэ къызэрихъар», записан-
ному нами от 98-летнего адыга-христианина Макеева Алек-
сандра (Сандо) на хуторе Ново-Хохлачевом Курского рай-
она Ставропольского края 20—21 октября 1959 года⁴. В этих
отрывках наиболее полно запечатлены формы собственных имен
нартов (Сосырыкъо, Батырэз, Тотырэш и др.).

С лингвистической точки зрения текст «Отрывков» интересен
тем, что в нем К. Атажукин с исключительной полнотой запечат-
лел современные ему формы кабардинского произношения слов,
что позволяет проследить те изменения, которые произошли в
языке адыгов в течение минувших последних 100 лет.

Приведем несколько фактов из этого памятника.

**Слова из кабардинского
текста 1864 года:**

І. ЕпцІынмы
Ишмы
Къогожъмы
Виймы

**Современное кабардинское
произношение этих слов:**

І. епцІыным
ишым
къогожъым
вийм

² О жизни и деятельности К. Атажукина см.: Г. Ф. Турчанинов. Кази Атажукин — общественный деятель и педагог 60-х годов XIX в., «Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института», 1947, том II; С. К. Бушув. Из истории русско-кабардинских отношений, Нальчик, 1956.

³ См об этом: У. С. Зекох. Умар Берсей — просветитель адыгейско-го народа. «Ученые записки» Адыгейского научно-исследовательского институ-та, том I, Майкоп, 1957, стр. 108—112.

⁴ Нартхэр, рукопись АНИИ, том I, № 94.

сострига је пштинама је
дезгужира, мауриаира.

изъ народной поэмы „сосыруко“

ИЗВЕЩАНИЕ НА КРАПОВЕЦКИЕ КОМ.С.

Иван Александрович.

На Южно-Полярной Топографической Службы
Кавказской Армии

1445 E.

Отрывки из народной поэмы «Сосыруко».

Обложка книги 1864 года.

Фотокопия И. М. Шаранова.

II. Зэдыпэтго

Кодго

Инго

Къажаго

КъахэмыкІго

ИмыІго

III. Цынаіорэ

Къызэпишъихьго

IV. Бзагэ⁵.

ГегукІэ

Иги

Игатэ

Ганэ

Одыгынэр

V. ПшІэутри

VI. ФІихынго

Іубыгъуишъго

Лъэуанжъэмышъхьаго

VII. ЛІыхъуѣж

Шъаобж

VIII. Сыхъакъэм

яукІиркъэм

II. Зэдыпэту

коду

ину

къэжао

къахэмыкІу, къахэмыкІу

имыІу, имыІу

III. цынаэурэ

къызэпишъыхьурэ

IV. бзаджэ

джэгукІэ

иджи

иджатэ

джанэ

одыджыныр

V. пэшІэоти

VI. ФІихынкІэ, фІихыну

ІубыгъуишъкІэ

лъэуанжъэмышъхькІэ

VII. лыхъубжэ

шъаобжэ

VIII. сыхъэкъым, сыхъэІым

яукІыркъым, яукІырІым

В текстах встречаются отдельные слова, которые в Кабарде теперь мало употребительны. Таковы: шъао (мальчик, юноша), шъхъахьыгъшъ (букв.: на голову одет; употребительно как шъхъарыгъшъ), кэшъанэ (башня), пэшъхьын (ноздря), ІэшІигъэзшъ (букв.: заставил уронить из рук; употребительно как ІэшІигъэхушъ).

Таким образом, текст о Сосырыко представляет большой интерес не только для исследователей адыгского эпоса «Нарты», но и для лингвистов, занимающихся изучением истории адыгских языков⁶.

Но наряду с положительными, несомненно ценными факторами нужно отметить, что «Отрывки» не были прокомментированы и документированы. Автор не владел соответствующей научной методологией подачи фольклорного материала. Наличие этих данных могло поднять еще на новую, более высокую ступень научную значимость первой печатной книги на кабардинском языке с оригинальным текстом.

Небезынтересно в смысле изучения опыта истории публика-

⁵ Эти слова соответствуют современному произношению шапсугов.

⁶ Два отрывка из народной поэмы «Сосырыко», записанные Кази Атажукиным и опубликованные им в 1864 году, см. в разделе третьем «Адыгские документы».

ции адыгских песен, былин и легенд о нартах проследить работу и других дореволюционных авторов.

Так, П. Остряков записал в Кабарде на русском языке легенды о нарте Сэуай и опубликовал их в IV томе журнала «Вестник Европы» в 1879 году под общей рубрикой «Народная литература кабардинцев и ея образцы» (стр. 697—710).

В предисловии к этой публикации П. Остряков отмечает, что случай доставил ему возможность провести среди адыгов около полугода в Кабарде. «Им дороги памятники родной поэзии, — сообщает он, — и они с прискорбием боятся, что не найдется человека, который бы, хотя в русском переводе, сохранил заветные песни... но работа чрезвычайно трудная, требующая не простого стенографа, а поэта и знатока народной поэзии» (стр. 701).

Паго Тамбиев в 1896 и 1898 годах в «Сборнике для описания местностей и племен Кавказа» (выпуск 21 и 25) опубликовал 33 адыгских текста с подстрочными переводами, куда вошли и сказания о нартах.

Л. Г. Лопатинский еще в 1891 году в XII выпуске «Сборника материалов описания местностей и племен Кавказа» (СМОМПК) опубликовал три текста: «Созрыко», «Ащемез» и «Пшибадини-ко». Подстрочные переводы этих текстов выполнены Кази Атажукиным.

Кавказовед А. Н. Дьячков-Тарасов записал и на русском языке опубликовал «Абадзехские былины» в Тифлисе в 1902 году в книге XXII «Записок Кавказского отдела Императорского Русского Географического общества». Здесь были представлены песенно-стихотворные тексты о нартах Шэбатыныко, Аргунэ, Сэ-тэнай-гуаш, Созырыко, Ащэмэзе и Хымышыко Пэтэрэзе.

В этих текстах, поданных в основном неплохо по-русски, допущены некоторые вольности (произвольно введены «мать Кубань-река», «Ангелинский обрыв» и пр.).

Так, в XIX веке ученые увидели на Кавказе, что адыгам *«дороги памятники родной поэзии»*, что пщынатли о нартах, по словам П. Острякова, — это — своя кабардинская Илиада и Одиссея, по которым вы знакомитесь со всем бытовым строем общества, его нравственными мировоззрениями, как с героической древностью в «Илиаде» Гомера»⁷.

Первое упоминание в письменной дореволюционной литературе о бытовании среди адыгов песен и легенд о нартах сделал публицист и этнограф Хан-Гирей (1801—1843).

В своих примечаниях к первой части «Записок о Черкесии» Хан-Гирей отмечает, что «в народных преданиях черкесов много любопытного говорится о неких нартах, которые имели уста-

⁷ «Вестник Европы», СПб, 1870, том IV, стр. 701.

новленные поединки и жили в непосредственной междоусобной войне»⁸.

Таким образом, в дореволюционное время адыгскими и русскими кавказоведами был поставлен вопрос об адыгском эпосе «Нарты», ими было опубликовано много текстов эпоса. Это в целом является положительным фактом. Но подход к записи и публикации не был еще научным — он носил случайный, любительский характер и, более того, являлся тенденциозным. Эти факты получили соответствующую оценку у советских исследователей.

Кабардинский писатель и литературовед Хачим Теунов пишет, что Паго Тамбиев, собравший эти тексты и опубликовавший их, «заменял в них имена подлинных героев, выходцев из народа, дворянскими фамилиями Тамбиевых, Куденетовых, Анзоровых, Астемировых»⁹.

Для того чтобы убедиться, насколько эти публицисты искажали подлинные тексты адыгского эпоса «Нарты» при их записи, переводе и издании, мы обратимся к хакучинскому тексту «Ешов Батыныко», опубликованному в 21-м выпуске СМОМПК (Тифлис, 1896)¹⁰.

Адыгский текст:

(Хакучинский)

I. «Еше Батыныко

Нарт лIы икьугъ
Хьагъу-фыгъу бэжъа
Ебгэжъыр зихьафа
Мәлуфәр ичы
анәр ичычәл...»
(стр. 258)

II. 1. Унэ фыжъ кIыхъ ТхэкIэгъ икIыхьагъ...» (стр. 259).

2. «Нартымэ япсыхъ пшъашъэ...» (стр. 259).

3. «Сэтэнай-гуащәр кыыщыгусэм...» (стр. 259)

Русский текст

П. Тамбиева:

I. «Еше Батыныко
Молодец, муж громкий.
Завистливый, бледный
многостарый
Свою храбрость
сознающий
защитник
Сена шелуха — его конь
Стол его потник...»
(стр. 258).

II. 1. «Дом белый длинный: в Тхашаг его длина». (стр. 259).

2. «Нартов их водоноска рабыня...» (стр. 259).

3. «Сэтэнай княгиня там надулась, когда...» (стр. 259).

⁸ Султан Хан-Гирей. Записки о Черкесии, примечания к первой части. Архив АНИИ, рукопись, том I, стр. 256.

⁹ Хачим Теунов. Литература и писатели Кабарды, М., СП., 1958, стр. 24.

¹⁰ Этот текст записан Паго Тамбиевым, издание и редакция Л. Лопатинского.

III. «Сосрыкъожы (е)м мэфэ
ныкъокIэ ыкIугъ...»¹¹
(стр. 261).

III. «Сосрыко старый в дня
половину проехал...»
(стр. 261).

При анализе этих отрывков обнаружен ряд неточностей и искажений. Автор, записавший эти тексты, не был знаком с особенностями хакучинского говора адыгейского языка, поэтому не смог уловить верно некоторые звуки и смысл отдельных слов, что вело к искаженной передаче их содержания на русском языке.

1. В песне поется: «Е Щэбатыныкъо!..» Здесь «Е-э...» — запев-междометие и «Щэбатаныкъо» — имя нарта. Записывающий же «Е-щэ» воспринял как фамилию героя «Батыныкъо». Искажено и имя нарта. Следовало записать: «Щэбатыныкъо», т. е. так, как произносят певцы-хакучинцы.

2. Стихотворную строку «Хьагъу-фэгъу бэжъа» следовало записать: «Хьагъу — шъугъу бэшIа». Шапсугско-хакучинское слово «шъугъу» («ненависть») записано как кабардинское «фагъуэ» и переведено с последнего как «бледный»; слово «бэшI» (много делающий) понятно как «бэжъ» — «много старый» (?).

3. Вся строка: «МэIуфэр ичы» понята и записана неверно:

а) «мэIуфэр» — «щит белый»¹² понято как «сено шелуха»

б) в слове «пчы» («пика») выпал звук «п» и получилось «чы», что по-хакучински означает «конь».

4. В контексте «унэ фыжь кIыхь, тхьэчIэгъ икIэхьагъ», помимо смешения диалектных особенностей языка, «тхьэщэкI» (тридцать «тхьэ»)¹³ понято, как «ТхьакIэгъ» — топонимическое наименование.

5. Слово «пшъашъэ» («девушка») передано как «рабыня», а «гуащэ» («хозяйка») — «княгиня». Из этого видно, что собиратель не рассматривает слово во времени и тенденциозно стремится внести социальные термины в песенный текст эпоса дофеодалной поры. Адыги и ныне пользуются термином «гуацэ» в смысле «хозяйка», «хозяйка дома». У моздокских адыгов: «унэ гуацэ» — «домашняя хозяйка».

6. Имена «Сосырыкъо» и «Сэтэнэй» записаны так, как их произносят восточные адыги. Их следовало записать по-хакучински: «Саусэрыкъо», «Сэтэнай».

7. Везде нарушена строфика стихотворно-песенного текста.

¹¹ Заметим, что везде нарушена стихотворная строфика пшынатля о Щэбатыныкъо.

¹² Не исключена возможность, что здесь не «мэIуфэр», а «мэIуфор», что по-шапсугски означает «щит большой»: «зимэIуфор дышъашъо» — «чей щит большой золотого цвета», — поется в некоторых вариантах этой песни.

¹³ Тхьэ — мера длины у древних адыгов, соответствует русскому «локоть».

На основании анализа приведенного шапсугского текста о нарте Щэбатыныкьо видно, что сбором и публикацией материалов народного устнопоэтического творчества адыгов занимались люди, не имевшие соответствующей научной подготовки и невооруженные правильной методологией. В силу этих обстоятельств практика сбора и публикации текстов адыгского эпоса «Нарты» в дореволюционное время велась неквалифицированно.

2. Советский период записи, публикации и изучения текстов адыгского эпоса «Нарты»

В советское время первые сборы и публикации текстов адыгского эпоса «Нарты» относятся к 1924—1926 годам. Тогда были изданы первые фольклорно-литературные сборники «Адыгэадабият угъоигъ» (один выпуск) и «Псалъ» (два выпуска), подготовленные к печати Адыгейским областным отделом народного образования.

В первом литературном сборнике, изданном в Москве Центральным Восточным издательством в 1924 году, были опубликованы на родном языке адыгские пщынатли «Нарт Саусырыкъо» (стр. 21—24), «Нарт Щэбатыныкъо» (стр. 41—46), «Хъымышыкъо Пэтэрэз» (стр. 49—56), записанные от сказителей Адыгеи Хутыза Заубэча, Калашау Мустафы и Кувай Зэфэса.

Эти тексты отличаются от дореволюционных записей наибольшей полнотой и точностью, в них в известной мере соблюдены языковые особенности певца-сказителя, но поданы они литературно и без соответствующих комментариев.

Планомерный сбор и издание текстов адыгского фольклора в Адыгее начал проводить научно-исследовательский институт в 30-х годах.

В 1932 году в аулах Адыгеи проведена первая фольклорно-музыкальная экспедиция с участием композитора Г. Концевича. Тогда было собрано 150 текстов и мелодий адыгских песен.

Вторую фольклорно-музыкальную экспедицию институт провел в 1935 году, записано 500 сказок, сказаний и песен. В 1936 году была организована поездка в адыгские аулы, во время которой удалось еще записать 213 песенных текстов.

Итоги деятельности экспедиций, проведенных институтом, послужили основой для издания двух книг адыгских сказаний и сказок на русском языке в Ростове¹⁴ и на родном — в Майкопе¹⁵ и одной книги песен «Адыгэ орэдыжъхэр» (1940).

¹⁴ Адыгейские сказки. Записали и перевели И. Цей, и др., Азчериздат, 1936; Адыгейские сказания и сказки. Записали и перевели Д. Ашхамаф, И. Цей, Т. Керашев, А. Хатов и другие. Литературная обработка П. Максимова, Азчериздат, 1937. Затем книга была переиздана несколько раз в Ростове и Майкопе. Издания 1936 и 1937 гг. документированы.

¹⁵ Адыгэ тхыдэжъхэмрэ пшысэхэмрэ. Майкоп, 1940.

Эти издания были снабжены соответствующими вступительными статьями и прокомментированы.

Книга «Кабардинский фольклор», изданная в 1936 году под руководством Ю. М. Соколова со вступительной статьей Мих. Талпа, явилась значительным вкладом в советскую фольклористику. В этой книге были представлены адыгские тексты о нартах в русском переводе с обстоятельными комментариями.

В послевоенные годы (1946—1963) Адыгейский научно-исследовательский институт оживил работу по собиранию фольклорного материала, провел ряд экспедиций и издал в Майкопе вторую¹⁶ и третью¹⁷ книги. Во второй книге мы поместили 14 адыгских текстов о нартах. В 1963 году опубликован новый сборник адыгского фольклора, заключающий 48 текстов¹⁸. В Нальчике издан «Адыгэ IуэрыIуатэхэр», в котором представлены новые тексты о нартах, собранные в 1961—1963 годах в Черкесии, Кабарде, Адыгее, Причерноморской Шапсугии, а также за рубежом в Израиле¹⁹.

Ни до революции, ни после нее в Адыгее не было отдельного издания адыгских текстов о нартах. Они издавались в общих сборниках фольклора.

В своей практике мы встречались с фактами искажения и при так называемой «литературной обработке» и «редактировании».

19 декабря 1958 года со слов известного певца Хажокова Адама из аула Кошехабль Адыгеи был записан текст песни «Батырбэч игъыбзэ». Песня начинается следующими словами:

Батырбэчыри дикъан,
Батырбэчыри динэху,
Дышъэхур зи пыIэ шыгу,
Бошыгуаори мэщэс,
Хъанхэ яхасэм ущызгъакIом
Хъыбарыу къэпхъар сымышIу
Сэ, бзылхугъэр, семызэгъын!

(Записал *Кандаур Исмаил*).

Мало-мальски знакомый с текстом пшынатля о Саусырыко сразу опознает его:

¹⁶ Адыгейские сказания и сказки (на адыг. яз.). Составили Ю. И. Тлюстен и А. М. Гадагатль. Майкоп, 1955.

¹⁷ Адыгские сказания и сказки (на адыгейском языке). Составил А. М. Гадагатль. Майкоп, 1959. Издание документированное.

¹⁸ Адыгские сказания и сказки. Составил и перевел М. К. Хуажев. Майкоп, 1963. Издание документированное.

¹⁹ Адыгэ IуэрыIуатэхэр. Составитель З. Кардангушев. Нальчик, 1964. Издание документированное.

Саусырыкьоу тикъан!
Саусырыкоу тинэф,
Дышъэфыр зипэло шыгу,
Ешыгуаори мэшэс,
Нарт я Хасэ узысэгъакIом
Къэбарэу къэпхыгъэр сымышIэу
Сэ, бзылъфыгъэр, семызэгъын!

В этом случае мы столкнулись с явной фальсификацией текста, происшедшей, по всей вероятности, в устах певцов, выражающих интересы господствующего класса (ханов, орков и их приспешников). В этом тексте имя героя эпоса «Саусырыкьо» подменено «Батырбэчем», «Хасэ» («Совет») нарттов — «Советом ханов».

Приведем второй факт «обработки» конкретного текста...

3 ноября 1940 года со слов 72-летнего адыгского сказителя из бжедугского аула Аскъэлай одним бывшим сотрудником АНИИ была записана легенда о нарте Ящэмыко Ащэмэзе (Ящэмыкьо Iащэмэз).

В этой легенде имеется эпизод борьбы нарта Ящэмыко Ащэмэза с двуглавым Иныжем (великаном), с которым тайно стала сожительствовать (после смерти мужа) мать нарта. Причина этой борьбы та, что нарт Ащэмэз желает вывести из конюшни коня отца, а двуглавый Иныж противится ему: «Куда ведешь? Это — мой конь!» — преграждая путь, говорит великан. Мать замечает, что они уже сцепились и сражаются насмерть. Она быстро приносит тарелку медовой воды (шъоупсы) и три курамбия (къурамбий или тхъурбай). Сын обрадовался. Но, увы! Она подкормила двуглавого Иныжа и ушла. Видя это, Ащэмэз напряг все свои силы. С большим трудом ему удается обезглавить Иныжа... Оба лежали на земле. Она вновь прибежала к ним и принесла уже ведро воды и тарелку курамбия. Узнав, что Иныж убит, мать вылила на землю медовую воду из ведра, а курамбий высыпала в лужу крови. Ащэмэз схватил мать:

— Если бы ты меня не родила, если бы ты не дала мне свое материнское молоко, я убил бы тебя! — сказав это, отпустил ее.

Запись была произведена научно верно: видны стилистические и другие особенности языка сказителя.

Но что происходит с этим текстом дальше в результате так называемой «квалифицированной обработки» и «шлифовки»?

Мы приведем этот же текст, но «в подготовленном к печати виде» и кратко прокомментируем его.

Вот как звучит «обработанный» отрывок легенды в переводе на русский язык: «Когда он (Ащэмэз) вывел коня, отцовский унаут (?) великан (?) вышел из-за угла и схватил Ащэмэза.

— Куда ведешь этого коня? — сказав, великан преградил ему путь.

— Это конь моего отца, и я оседлаю его, — ответил он.

Великан стал противиться.

Из-за этого они сцепились и начали драться. Мать Ащэмэза, когда увидела, что ее сын борется с великаном, взяла с собой тарелку медовой воды и три курамбия (?), вышла к ним.

«Дай, аллах, ей здоровье (?), если наша мать даст мне покусать эти курамби, затем попить медовой воды, я непременно одолею великана», — сильно обрадовался Ащэмэз.

Когда мать подошла к ним, она, вкладывая ему в рот, дала покусать сыну (?) три курамбия и выпить медовую воду.

После этого мать быстро повернулась и ушла (?).

«Не годится, если она еще раз принесет курамби и даст покусать ему, он осилит меня, — подумал великан (!) и стал драться еще яростнее. Ащэмэз одолел его и снял его голову (?).

Ащэмэз сильно устал, от запаха крови ему сделалось дурно. Он лежал ничком на земле, когда мать пришла с ведром медовой воды и тарелкой курамби. Ей показалось, что ее сын убит, лежит в крови (?). Она пролила ведро медовой воды и, уронив тарелку курамбия, бросилась к Ащэмэзу (?). Но оказалось, что ее сын жив, а великан валяется с отсеченной головой (?).

— Когда исполнится твой возраст, ты будешь настоящий мужчина, мой Ащэмэз (?), — сказала мать и очень обрадовалась (?).

При беглом сравнительном анализе этого отрывка фольклорного текста в оригинале и в «подготовленном к печати» виде мы видим, что здесь все переставлено.

В о-п е р в ы х, литературный правщик сделал весьма благородной и благонаправной мать Ащэмэза: она защищает своего родного сына от злобного Иныжа.

В о-в т о р ы х, Иныж стал «унаутом» — рабом отца Ащэмэза, т. е. действие уже происходит в классовом обществе.

В-т р е т ь и х, в новом тексте появляется вставка: «Дай, аллах, ей здоровье», т. е. мы уже «имеем дело» с религиозным героем — магометанином.

В-ч е т в е р т ы х, в отличие от оригинала, мать подкормила сына, а не Иныжа.

В-п я т ы х, и дальше литправщик поменял ролями Ащэмэза с Иныжем и соответственно изменил отношение матери к сыну и великану-сожителю.

В-ш е с т ы х, в оригинале Иныж был двуглавым, литправщик при «оформлении» текста потерял одну великанью голову!

В-с е д ь м ы х, опять фальсификация фольклорного текста: в оригинале — мать, видя, что сын жив, а Иныж мертв, приходит в ярость, все швыряет в лужу крови. Ащэмэз сожалеет, что

она его родила и вскормила своею грудью. В правленном тексте мы имеем совершенно противоположное явление: когда ей показалось, что ее сын лежит убитым в крови, она пролила ведро медовой воды и, уронив тарелку курамбия, бросилась к Ащэмэзу, оказалось, что ее сын жив, а великан мертв.

«— Когда исполнится твой возраст, ты будешь настоящий мужчина, мой Ащэмэз, — сказала мать и очень обрадовалась».

В-о-с-ь-м-ы-х, народный язык и стилистические особенности сказителя подменены литературными.

Вряд ли можно найти более яркий пример грубого искажения текста памятника народного творчества. Нам надо отказаться от подобного рода практики подготовки фольклорных произведений к печати.

Мы обязаны соблюдать основные принципы собирания и научной публикации памятников культуры народа. Никаких произвольных сокращений, пропусков, которые кажутся несозвучными духу времени. Нельзя позволять в живую ткань фольклорного произведения редакционные исправления и языковую правку, так как происходит, как правило, замена диалектных, фонетических и даже грамматических форм литературными. Эти и им подобные «украшательства» фальсифицируют текст, и в силу этого он теряет свою научную и историческую значимость.

Советская фольклористика, вооруженная марксистско-ленинской научной методологией, в полной мере учитывает, что произведения устного народно-поэтического творчества представляют пройденный этап духовного развития народа. Поэтому, с одной стороны, разумеется, мы не должны заниматься идеализацией народного произведения, но, с другой, как известно, не имеем права нигилистически относиться, искажать и фальсифицировать историческое и культурное его значение.

Материал должен быть подан так, как он бытует в народе, а комментарии составителя должны ориентировать читателя на их правильное понимание.

Практика перевода поэтических текстов эпоса предупреждает, чтобы мы не поручали столь серьезную и ответственную работу людям, не считающимся с подлинником. Целесообразнее, чтобы песенные тексты переводились максимально точно и, если возможно, белыми стихами, так как рифма часто уводит переводчика от подлинника.

Нас интересовал и интересует опыт работы фольклористов научно-исследовательских институтов соседних народов Кавказа. В Грузии, Абхазии, Кабарде, Черкесии, Осетии (Северной и Южной) ведутся работы как по изданию фольклора, так и по созданию научных трудов. На наш взгляд, представляют большую научную ценность литературоведческие работы, выполненные

проф. М. Я. Чиковани по грузинскому эпосу «Амираниани»²⁰, труды проф. Мегрелидзе²¹ и Ш. Нуцубидзе²², очерки А. Караевой²³ и Л. А. Бекизовой²⁴, поднимающие большие вопросы советской фольклористики. Трудоемкая собирательская и издательская работа текстов фольклора проведена в Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Осетии.

Книга «Кабардинский фольклор» (Academia, М.—Л., 1936) является одним из лучших изданий народно-поэтического творчества адыгов на русском языке. Она снабжена вступительным очерком, комментариями и словарем, написанными составителем М. Е. Талпа. Переводы адыгских текстов выполнены добротой, материал систематизирован и расположен удобно. При всех этих положительных ее качествах, к сожалению, в ней нет точной документации к текстам (кто рассказал, когда и где; кто записал, когда и где; кто перевел их). Этот недостаток делает книгу несколько безликой, снижает ее научную ценность.

Критические замечания и пожелания фольклористам Кабардино-Балкарии были высказаны нами на научной сессии КБНИИ в 1959 году, и они опубликованы в «Материалах»²⁵ этой сессии. Следует добавить, что при дальнейшем сравнительном анализе текстов адыгского народного героического эпоса «Нарты» с переводным русским поэтическим текстом мы пришли к выводу, что переводчики во многих местах не были верны подлинникам, особенно песенно-стихотворным.

3. Зарубежные адыгские тексты и их особенности

Адыгейский научно-исследовательский институт на протяжении более трех десятилетий систематически производил запись адыгских народных песен, былин, легенд, пословиц и поговорок. В результате всей этой собирательской деятельности институт в своем фонде ныне стал насчитывать более 1500 авторских листов текста адыгского фольклора. Причем в их числе мы имеем более 220 авторских листов о нартах.

²⁰ Михаил Чиковани. 1) Амираниани, грузинский эпос, Тбилиси, 1960; 2) Его же. Народный грузинский эпос о прикованном Амирани, М., 1966.

²¹ Иосиф Мегрелидзе. Руставели и фольклор, Тбилиси, 1960.

²² Шалва Нуцубидзе. Поэма «Амираниани» и грузинская мифология. Кн. «Амираниани», Тбилиси, 1946.

²³ А. И. Караева. О фольклорном наследии карачаево-балкарского народа, Черкесск, 1962.

²⁴ Л. А. Бекизова. Черкесская советская литература, Ставропольское книжное издательство, 1964.

²⁵ Материалы научной сессии КБНИИ, состоявшейся 26—28 марта 1959 г. Нальчик, 1960, стр. 84—95.

Адыгские тексты о нартах записаны научными сотрудниками, писателями и стационарными собирателями фольклора в адыгских селениях Адыгеи, бывшего Успенского района Краснодарского края, Причерноморской Шапсугии, Кабарды, Черкесии, на хуторах моздокских адыгов-христиан Курского района Ставропольского края. При этом соблюдались особенности языка певца и сказителя. Мелодии записывались на ноты и на ферромагнитную пленку.

Наш фонд мы пополнили материалами, собранными научно-исследовательскими институтами Кабарды и Черкесии.

К нашим текстам, собранным в СССР, прибавились адыгские песни, былины и легенды о нартах, полученные нами из разных зарубежных стран, где проживают адыги. При этом мы столкнулись с различными формами жизни адыгских песен, былин и легенд о нартах за рубежом²⁶, в странах Ближнего Востока.

Нам удалось установить научную связь с учеными и деятелями культуры других стран, через посредство которых почти постоянно поддерживаем контакт с зарубежными адыгскими певцами и сказителями. Благодаря им к нашим текстам, собранным в СССР, прибавились уникальные адыгские песни, пщынатли и легенды о нартах, записанные от адыгов, проживающих в разных странах.

В 1959 году нам удалось установить связь с адыгом Адель Абдельсэламом из Сирии. В ответ на наш запрос Адель Абдельсэлам сообщил нам в своем письме из Дамаска (Шама) 14 июля 1959 года некоторые сведения об адыгском эпосе «Нарты». Эти сведения представляют интерес для исследователя.

Из нартов эпоса наиболее популярны среди адыгов, проживающих в Сирии, как сообщает автор, следующие: «Саусырыкъу — Сэтэнэе гуаш ыпхъоу Акуандэ — Шэбатынэкъу (Бадынокъуэ къэбэртаемэ ядэжкIэ), — Хьымышыкъо Пэтэрэз — зыпIугъэр) — Пщы Алэдж — Орзмэдж — Асрэн — Нарт Жъэмдужъыр — Ащмэз — Сырен (мыш «Лъэгущ ЖакIэр» езыIoхэри щыI) — Албэчыкъо Тотрэщ — мыры шъэофыжь IапшъабгъокIэ заджэхэрэр...»²⁷.

Автор выражает свое правильное отношение к вопросу наименования эпоса. По его мнению, адыгский эпос нельзя именовать *только адыгейским или только кабардинским*. «Как мне кажется, — пишет Адель Абдельсэлам, — когда Д. Г. Костанов выступал на совещании, которое проходило в городе Орджоникидзе. 16—20 октября 1956 года, он ясно это высказал». В хро-

²⁶ Современное бытование песен и легенд о нартах среди адыгов, живущих на Кавказе, показано в документальном фильме АНИИ «Адыгский эпос «Нарты» (Майкоп, 1963), который был продемонстрирован участникам Всесоюзной конференции нартоведов СССР в Сухуми 15 ноября 1963 г.

²⁷ Письмо хранится в АНИИ.

нике совещания по нартскому эпосу по этой части говорилось так: «По мнению тов. Костанова, эпос адыгейцев, черкесов и кабардинцев един по своему происхождению и характеру, но национально различен в своих «внутриплеменных» вариантах. Поэтому надо одобрить инициативу работников Кабардинского НИИ, записывавших эпос не только в Кабарде, но и в Адыгее. Однако их следует упрекнуть в том, что свой «свод» они называли не адыгским, а кабардинским»²⁸.

На самом деле, песни, пщынатли, легенды, популярные среди всех этнических групп адыгов — и шапсугов, и бжедугов, и хатукайцев, и мамхегцев, и абдзахов, и бесленейцев, и кабардинцев, — неправомерно и ненаучно называть именем одной из этих групп при наличии и в жизни, и в науке общего для всех них термина «адыгэ». К сожалению, упомянутое кабардинское издание до сих пор заводит в заблуждение отдельных исследователей. Это особенно было заметно на Всесоюзной конференции нартоведов, проходившей в Сухуми в ноябре 1963 года, когда некоторые исследователи пытались сравнить и сопоставить факты из так называемого «кабардинского эпоса» с «адыгским эпосом». Есть адыгский эпос «Нарты», но нет ни «кабардинского», ни «бесленейского», ни «бжедугского», ни «шапсугского». Эпос создавался в глубокой древности общими усилиями предков всех этих адыгских этнических групп и является памятником их общей духовной культуры.

А теперь вернемся к основному вопросу данного раздела.

Из книги «Адыгэ усэнэр» («Адыгская поэзия»), изданной в Дамаске в 1940 году на своеобразной латинизированной графической основе, мы извлекли и расшифровали 12 адыгских песенно-стихотворных и прозаических текстов о нартах с полной документацией. Таким образом, сирийский автор Адель Абдельсэлам оказал ценную услугу Адыгейскому научно-исследовательскому институту.

В результате нашего культурного сотрудничества сектор фольклора и литературы Адыгейского научно-исследовательского института получил много адыгских текстов из деревни Кфар-Кама государства Израиль.

Жители села Кфар-Кама поют песни и былины о нартах. Здесь живет замечательный певец, знаток адыгских песен и легенд 70-летний шапсуг-хакучинец Мостафа Хахо (Мостаф Хьахьо).

От слепого певца Мостафы Хахо много текстов адыгского фольклора записано на месте учителем Яхья Щэуджэном и переслано в Адыгейский научно-исследовательский институт. Очень интересны как по содержанию, так и по манере исполнения его тексты «Сэтэнэй гуашэмрэ ЛПыхьумрэ» («Сэтэнэй гуаш и Тли-

²⁸ Нартский эпос. Материалы совещания 19--20 октября 1956 г., Орджоникидзе, 1957, стр. 216.

ху») и «Саосырыкъо мэшIуахьэ зэрафэкIуагъэр»²⁹ («О том, как Саосырыко сходил за огнем»), записанные учителем Я. Щэуджэном 15 февраля 1962 года. Несколько позже мы получили на пленке две былины о нартах Саосырыкъо и Щэбатыныкъо. Словесный текст и мелодии этих адыгских былин мало отличаются от наших местных вариантов, они проявили поразительную устойчивость в своем устном бытовании на чужбине.

В письмах Яхьи Щэуджэна³⁰ и шапсуго-хакучинских его текстах запечатлены наиболее древние формы собственных имен нартов «Сэуэсырыкъо»—«Саосырыкъо», «Щэбатыныкъо» и своеобразное шапсугское произношение термина «нат» — «нат-хэр».

В январе 1966 года наш фольклорный фонд пополнил стационарный собиратель адыгских текстов Фуад Тугуз, приславший нам из Сирии много уникальных песен и былин адыгов о нартах.

Ни огонь войны, ни чума, ни холера, ни малярия, ни страшный голод и холод, ни отсутствие письменности на чужбине не смогли вытравить из памяти адыгов народные песни и пычинатли о нартских богатырях.

С июня 1962 года установилась связь с крупнейшим зарубежным кавказоведом профессором Коллеж де Франс (Kollege de France) Ж. Дюмезилем³¹. Он прислал нам из Парижа много адыгских и убыхских текстов о нартах. В их числе, в первую очередь, особую ценность для нас представляют «Легенды о нартах». Новые тексты, относящиеся к герою Сосырыко, опубликованные в журнале «Обзор истории религии» (том СХХV, 1943, стр. 97—128); «Нарт Саусырыкъуа» («Язык убыхов», Париж, 1931, стр. 169—170); два адыгских текста о Саусырыко, «О том, как Саусырыко изжил обычай убивать (стариков)» и др., напечатанные в труде Ж. Дюмезиля. «Документы анатолийские о языках и традициях Кавказа» (Париж, 1960, стр. 91—115) с переводами на французский язык и комментариями.

Два адыгских текста: «Саусырыкъорэ нарт бзаджэхэмрэ» («Саусырыкъо и злые нарты») и «Шэбатыныкъо кызырриша-

²⁹ См. публикацию: Адыгэ IуэрыIуатэхэр. Зэх. КъэрдэнгъушI, Налшык, 1964, н. 252—256. Издание документированное.

³⁰ В последние годы в Кфар-Кама внепрограммно изучают адыгейский язык и адыгейскую литературу по инициативе учителя, нашего стационарного собирателя текстов фольклора Яхьи Щэуджэна, через посредство которого школа получает от нас учебники и программы по адыгейскому языку и литературе. Теперь все учащиеся села Кфар-Кама научились читать на родном языке, издают журнал-газету на адыгейском языке. «У нас уже ураза, — пишет из Кфар-Камы учитель, — но мы делаем так, как Пшыкуй из поэмы «Ураза» Мурата Паранука—едим!» (Письмо хранится у нас. — А. Г., М. Паранук — адыгейский поэт).

³¹ См. о нем А. ХьэдэгъалI. Кавказым икультурэ ехылIэгъэ тхылъ-хэр, «Социалистическэ Адыгей», 29 декабря 1965.

гээр» («Щэбатыныко как женился»), записанные проф. Жоржем Дюмезилем в апреле 1935 года от натухайской сказительницы Бжигако, были опубликованы в журнале «Азиатика»³², откуда извлечены нами.

3 июня 1962 года от проф. Жоржа Дюмезиля мы получили большой фактический материал:

1) копии выписок легенд о нартах из журнала «Обзор истории религии»;

2) текст Бжигако, опубликованный в том же «Обзоре» (стр. 119—124);

3) три пакета корректурных листов, взятые из этюдов об убыхах (1959);

4) Документы анатолийские о языке и традициях Кавказа, том 1, в котором опубликованы два адыгских текста о Саусырыко;

5) убыхские тексты, опубликованные в 1960—1961 годах.

В своих трудах ученый много внимания уделяет вопросу современного бытования адыгского эпоса «Нарты». Новые тексты, относящиеся к герою «Сосрыко», содержат интересные данные.

«В 1930 и 1931 годах, — пишет он — у меня была возможность находиться в нескольких черкесских деревнях Измида. Кроме убыхов и абхазов, там проживают многолюдные племена западных черкесов, а именно: абзахи и шапсуги. Восточные черкесы, кабардинцы там не встречаются. Эпопея нартов еще живуча в этих местах. В каждой деревне для более старых жителей не составляло никаких трудностей говорить об этом эпосе, рассказать отдельные фрагменты из него. Часто молодежь этой местности собиралась вокруг нас послушать и извлечь удачную находку из рассказов стариков. Сведения эти³³, — продолжает автор, — исходят из деревень Кирк Пинар и Яник (абзахи), Калаиси (абзахи), Машукие (шапсуги), Узун Тарла (абзахи и чемгуи), Адлис (шапсуги)³⁴.

По свидетельству исследователя, в этих деревнях особой популярностью пользуются легенды о Саусырыко. Местные сказители характеризуют его хитрым, устраивающим всякие проказы. Легенду о рождении Саусырыко они рассказывают с отвлечением. «Это неправда», — говорят они.

Легенда о встрече Саусырыко с великаном на льду также широко известна в адыгских деревнях Измида. Много рассказывают о смерти Саусырыко, связывая ее с режущим колесом.

³² Азиатика. Париж, 1954, том CCXLIH, стр. 2—10, 10—13.

³³ Автор имеет в виду материалы, собранные им.

³⁴ Ж. Дюмезиль. Легенды о нартах, новые тексты, относящиеся к герою Сосрыко, «Обзор истории религии», т. CXXV, 1942—1943, стр. 109—110 (на французском языке).

Наряду с этими данными, проф. Ж. Дюмезиль отмечает, что измидские сказители много рассказывают и о нартах Шэбатыныко (Бадыноко), Сэтэнай, Тутарыш, Тлепш и других. «У черкесов, — замечает профессор Ж. Дюмезиль, — особенно у кабардинцев, где о нем собран целый эпический цикл (Нарты, стр. 139—217), Бадыноко более важен, чем соответствующий ему у осетин и без сомнения его прототип Арэхъсау, сын Бэдэнэг или Бэзэнэг»³⁵.

Французский ученый записал много легенд на убыхском языке и опубликовал их.

Среди убыхов³⁶, как правило, владеющих и адыгским, и абхазским, также широко популярны сказания о нартских богатырях, которые существенно не отличаются от адыгских.

В своих «Убыхских рассказах» проф. Ж. Дюмезиль публикует оригинальный вариант рождения Саусырыко (убыхск. Саусырыкъуа), кабардинский рассказ на убыхском языке, предвз-

³⁵ Ж. Дюмезиль. Убыхские рассказы, IV. Тексты о Саусырыкъуа, «Азиат. журнал», CCXL VIII, Париж, 1960, стр. 448.

³⁶ Норвежский ученый Ганс Фогт, опубликовавший «Словарь убыхского языка с фонологическим вступлением, индексом французско-убыхскими текстами» (Осло, 1963), сообщает о том, что на убыхском языке говорят не более 15 человек, большинство из которых владеет также и адыгским языком («Вопросы языкознания», АН СССР, М., 1960, № 5, стр. 149). В своем «Словаре» он напечатал убыхский текст «Нарты», включающий в себя «Плач Сэтэнай», записанный им от его главного информатора Тевфика Эсэнча (стр. 58—61).

Ты остался единственным из нартв.

Я тебя вырастила лаской,

Мой единственный сын, мой Вагајхав, — бедная Сэтэнай.

Ты сел на лошадь, я проводила тебя.

Я повесила на тебя меч и пику.

Ты потерял самого себя из-за красавицы Гуэнда.

И далее Тевфик Эсэнч говорит, что мать не смогла перенести это горе и отсекла себе колени. «Вот мой дедушка, который приехал из Черкесии, рассказал мне». (Перевод с французского параллельного текста Разиет Хутыз). Кстати, в фонотеке Адыгейского научно-исследовательского института имеется «Плач Сэтэнай» (Сэтэнае игъыбз). Текст записан нами от певца Схалыхо Алиа Магометовича 29 июля 1953 года в ауле Афыпсып Адыгеи. В отличие от перевода, в адыгском тексте говорится о том, что мать Сэтэнай ждет не дожидается своего сына, ушедшего на охоту за реку Пшызэ (Кубань):

О, его конь Тхожие

Орэдэ-адэ,

В подземной конюшне в трауре,

Орэдэ-адэ,

О, его кальчуги широкие

Орэдэ-адэ,

В сундуке пустом залеживаются.

Орэдэ-адэ,

О его гибели

Орэдэ-адэ,

Кто же поведает,

Орэдэ-адэ!..

(«Нартхэр», рукопись семитомника, том I, № 18).

рительно сообщив о том, что этот текст ему продиктовал в мае 1960 года убух Тевфик Эсэнч. Тевфик Эсэнч узнал его от 56-летнего кабардинца Хамит бэя (Хьамит бэй), у которого имеется обширный репертуар эпических традиций. Впоследствии профессор встретился с ним и вместе проверил точность текста, продиктованного ему Тевфиком Эсэнчем.

Это сказание примечательно тем, что оно в корне отличается от всех легенд, в которых эмбрион зарождается в камне и Сэтэнэй обращается с просьбой к кузнецу Тлепшу расколоть и извлечь из камня ребенка. В данной легенде Хамит бэя — Тевфика Эсэнча рождение ребенка дается в реалистическом плане. Сэтэнэй прибегает к «камню», желая хитро избежать скандала. Но при этом общим мотивом и для всех адыгско-убухских текстов здесь остается то, что Тлепш извлекает из камня (куда положила мать) мальчика, испускающего огонь (со всех сторон). Тогда Тлепш кузнечными щипцами берет новорожденного за бедра и трижды опускает в воду. Огонь, который он выпускал, прекращается.

В своем большом трехтомном труде «Документы анатолийские о языках и традициях Кавказа» проф. Жорж Дюмезиль много внимания уделяет языку и фольклору убухов. Во «Введении» к первому тому автор с сожалением отмечает, что через несколько лет убухский язык станет лишь воспоминанием, так как самому молодому, говорящему на убухском языке, пошел шестидесятый год. И, с другой стороны, только в Анатолии в очень малом количестве деревень существуют еще эти драгоценные памятники.

Судя по публикациям, представленным в «Документах анатолийских», среди убухов более популярны легенды о нартах, в которых повествуется о Сэтэнэя, Саусырыкъуа, Лъэпшъ, Тыутарыщ и Барданакъуа³⁷.

В названный том Ж. Дюмезиль включил два варианта легенд

Имя героя Варащхау соответствует адыгскому Ерыщхаф, Ерышэкъо хаф, Ерышкъэу хаф, Ещэрыкъо, Ешэрыкъо, Гунда — Куандэ (Акуандэ, Ёкуандэ-да).

³⁷ Ж. Дюмезиль. Указанная работа, стр. 91—115. Имена даются в убухском произношении.

Наряду с этим небезынтересно отметить одно обстоятельство, на которое обращает внимание профессор Жорж Дюмезиль в этом своем «Введении», поскольку жизнь эпоса связана с языком адыгов, живущих на чужбине.

«Именно для адыгского языка, — пишет автор, — два литературных языка, которые недавно образовались в Советском Союзе... — один из чемгуйского (западноадыгского) и другой от кабардинской формы (восточноадыгского). Они не могут нарисовать картины старого варианта диалектов, большинство которых едба представлены на Кавказе. Напротив, эти диалекты существуют в Анатолии, неискаженные, во многих деревнях переселенцев (эмигрантов). Если в городах, в особенности в Истамбуле, западные адыги, как и в Совет-

о нарте Саусырыко, — первый — на западноадыгском (адыгейском), второй — на восточноадыгском (кабардинском) языках³⁸. Эти тексты автор сопроводил лингвистическим и фольклористическим комментариями.

Составив ключ к латинизированному алфавиту, которым пользуется автор, мы извлекли эти материалы из «Документов». С согласия Жоржа Дюмезиля все эти тексты включены в рукопись многотомного научного издания адыгского эпоса «Нарты».

К нашим адыгским текстам, собранным в СССР, а также в Анатолии, Израиле и Сирии, о которых мы говорили выше, в 1963 году еще прибавилось 30 текстов, записанных от адыгов, живущих в разных странах Ближнего Востока. Такой богатый материал мы получили благодаря неоценимой услуге Ж. Дюмезиля.

Характерной особенностью зарубежных стихотворно-песенных адыгских текстов является то, что в них встречаются в своей наиболее полной эпической целостности песни и былины, как «Бэгъудан», «Ерыгун», «Жэмару», «Лъэмгъэн», (ИныжъыукI), «Цыргъужъ», «Колсыжъ», «Галбэч». «Шъхъагъумрэ Сасрыкъорэ», «Жъэмадыу нукIыкI», «Пакокъо Тэтэршъау» и «Нартмэ якушъэ орэд», которые в Адыгее, Кабарде, Черкесии и Причерноморской Шапсугии сохранились фрагментарно либо в форме обычного прозаического их пересказа.

Таким образом, в о п е р в ы х, адыгский эпос «Нарты» имеет устойчивое широкое бытование среди адыгов, где бы они ни проживали; в о в т о р ы х, у зарубежных адыгов, которые не имеют своей письменности, у которых письменную литературу заменяет фольклор, многие стихотворно-песенные тексты адыгского эпоса «Нарты» сохранились более полно, нежели у адыгов, живущих на Кавказе и имеющих свою письменную литературу и книгопечатание на родном языке, т.е. где «народные книги» заменены печатными.

Из краткого экскурса в историю записи и публикации текстов устнопоэтического творчества отдельных народов Кавказа видно, что мы до сих пор не имеем научного издания эпоса «Нарты». Советская действительность дает нам неограниченные воз-

ском Союзе, стремятся создать средний язык, в деревнях продолжают говорить отчетливо на шапсугском, абдзахском, чамгуйском и т.д. Для восточноадыгского превосходство Анатолии не менее точное: из двух языков, которые его представляют, кабардинский и бесленевский, или беснеевский, второй почти полностью исчез на Кавказе, где на нем говорят только в двух-трех деревнях, удаленных друг от друга, и там испытывают большое влияние окружающих говоров. Только в округах Чорум и Амасна, напротив, я знаю более двадцати деревень, где бесленевский язык (диалект) является обиходным языком... Для самого же кабардинского интересные диалектные варианты сохраняются даже в деревнях, относительно близких Черкесской области, образующей обширный район, называемый Узун Яйла» (стр. 9—10).

³⁸ Там же, стр. 91—115.

возможности, и дело чести наших научно-исследовательских институтов издать академически тексты эпоса «Нарты», издать так, как они бытуют в народе.

Благодаря серьезным мероприятиям, проведенным головными институтами Академии наук СССР и, в первую очередь, Институтом мировой литературы имени А. М. Горького, за последние годы значительно оживилась работа фольклористов и литературоведов в республиках и областях Кавказа, здесь намного усилилась деятельность местных научно-исследовательских институтов по сбору, систематизации и изданию народного творчества, стали появляться новые работы по героическому эпосу «Нарты».

Совещания по нартскому эпосу, проведенные Институтом мировой литературы имени А. М. Горького, АН СССР и местными научно-исследовательскими институтами в Орджоникидзе (октябрь 1956 года) и Сухуми (ноябрь 1963 года), создали благоприятную творческую атмосферу для исследователей нартведческой науки и открыли им новые перспективы. Итогом этих совещаний явилось утверждение подлинно научного объективно-исторического изучения песен и легенд «Нарты», оценка их, как произведений большого художественного и культурного значения, возникших в седой древности. Одна из главных заслуг этих совещаний, на наш взгляд, заключается в том, что с их высоких трибун были осуждены факты идеализации и модернизации народного эпоса, а также нигилистическое отношение к песням и легендам эпоса «Нарты». На этих совещаниях были отмечены недостатки изданий, дающих тексты не так, как бытуют в народе, а в «подправленном», «отредактированном» — измененном виде. На этих совещаниях, наконец, было предложено улучшить издательскую работу с тем, чтобы наряду с популярными создавать академические издания нартского эпоса на языке оригинала и двуязычные — для включения в серию «Эпос народов СССР», вести работу по созданию монографических монументальных исследований по эпосу «Нарты».

Указания этих совещаний не прошли даром для фольклористов научно-исследовательских институтов Адыгеи, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии. Эти институты усилили сбор и издание памятников народного творчества на более высоком научном уровне. В Нальчике издан прекрасно документированный том «Адыгэ IэурыIуатэхэр» («Адыгский фольклор»), в Черкесске — «Адыгэ таурыхъхэр» («Черкесские сказки»).

В частности, резолюции этих высоких совещаний в Адыгее были приняты к руководству и, в ответ им, за последние годы в Адыгейском научно-исследовательском институте были завершены и подготовлены к печати три рукописи: 1. «Нарты. Адыгский эпос» (в 7 томах на языке оригинала); 2. «Нарты. Адыгский

героический народный эпос» (в 1 томе на двух языках) и 3. «Героический эпос «Нарты» и его генезис» (историко-филологическое исследование).

4. Подготовка к печати рукописей научного издания адыгского героического эпоса «Нарты»

Итогом всей собирательской деятельности текстов адыгского эпоса «Нарты» явилась подготовка к печати рукописи научного издания на языке оригинала в 7 томах (более 700 текстов). Наряду с этим составлена рукопись двуязычного адыгско-русского академического издания адыгского героического народного эпоса «Нарты». В основу этой рукописи положены 100 текстов семитомника, как это было рекомендовано нам сектором народно-поэтического творчества Института мировой литературы имени А. М. Горького Академии наук СССР.

В наших томах представлены и адыгейские, и черкесские, и кабардинские тексты нартских сказаний на всех адыгских диалектах, а также даются тексты песен, былин и легенд о нартах, бытующих у адыгов, проживающих в Сирии, Иордании, Израиле и Анатолии, т. е. учтены почти все особенности и объем нартского эпоса адыгов³⁹.

Каждое издание снабжено вступительным очерком, полной документацией, комментариями и глоссарием. Помещаются сведения о выдающихся сказителях и певцах с указанием перечня их основного репертуара; даются их портреты. В конце каждого тома читатель найдет мелодии адыгских песен и былин о нартах в нотной записи.

Наши издания рассчитаны на научных работников и писателей, фольклористов и литературоведов, преподавателей и аспирантов, учащихся вузов и широкий круг читателей.

К сожалению, данными о бытовании текстов эпоса «Нарты» среди адыгов, проживающих в Югославии, Ираке и некоторых других странах, мы пока не располагаем. Однако приведенные факты свидетельствуют о том, что устнопозитические тексты эпоса «Нарты» имеют широкое и устойчивое бытование среди адыгов.

В подготовке рукописей адыгского героического эпоса «Нарты» к печати принимало участие большое количество одаренных певцов и сказителей Адыгеи, Кабарды, Черкесии, Причер-

³⁹ См. об этом: М. И. Богданова. По поводу письма В. Корзуна. «Вопросы литературы», М., 1961, № 9; И. Варавва. Героический эпос адыгов, газ. «Советская Кубань», 18 января 1966 г., № 14 (13465); Н. Сакий. Нарт эпосыр джынымкIэ хэлъхъэныгъэ ин, газ. «Черкес пэж», 5/VI 1965.

номорской Шапсугии, а также певцы, живущие в некоторых странах Ближнего Востока. В приложениях, в разделе «Документы», мы сочли нужным дать портреты (с краткой характеристикой) отдельных певцов и сказителей, собирателей и исследователей эпоса.

В рукописях наших томов, как было отмечено выше, широко освещается и неопценимая деятельность фольклористов, лингвистов и писателей Кабарды, Черкесии и Адыгеи, а также некоторых зарубежных ученых-кавказоведов по записи и публикации текстов древнеадыгского героического народного эпоса «Нарты».

Следует отметить, что ценную работу по сбору и публикации текстов адыгского эпоса «Нарты» проделали: в Адыгее — Ибрагим Салехович Цей, в Кабарде — Аскерби Шортанов и Зарамук Кардангушев, в Черкесии — Лейла Бекизова и Нурдин Сакиев. Большую и кропотливую работу по эпосу «Нарты» ведет проф. Ж. Дюмезиль (Франция, Париж) и учитель Яхья Щэуджэн (Израиль, Кфар-Кама), наш стационарный собиратель фольклора Фуад Тугуз (Сирия, Дамаск).

Собранный нами материал эпоса составил 26 циклов. Каждый цикл построен вокруг выдающегося нарта и называется его именем.

При подготовке к печати этих томов мы руководствовались инструкциями, составленными сектором народно-поэтического творчества Института мировой литературы Академии наук СССР, учли ценные высказывания советских ученых В. И. Чечерова, М. И. Богдановой, а также П. Г. Богатырева, В. М. Жирмунского, В. Я. Проппа, А. П. Петросян, И. В. Пухова и У. Б. Далгат относительно изучения и научной публикации эпоса народов нашей страны. Перед началом и в процессе работы мы консультировались у специалистов — ученых Грузии: М. Я. Чиковани и К. А. Сихарулидзе.

Принципы научной публикации текстов адыгского эпоса «Нарты» обсуждены и одобрены в Институте мировой литературы Академии наук СССР в феврале 1965 года.

Здесь кстати вспомнить слова исследователя XIX века. В 1865 году кавказовед П. К. Услар, указав на важность сбора и издания народного эпоса «Нарты», говорил с сожалением: «Много времени пройдет прежде, чем эта поэма... предстанет в стройном виде перед светом»⁴⁰. И действительно, прошло 100 лет, пока впервые мы подготовили к печати для научного издания эти рукописи.

⁴⁰ Л. Загурский. Предисловие к соч. П. К. Услара «Древнейшие сказания о Кавказе», Тифлис, 1881, стр. LV.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ЭТНОГЕНЕЗ И НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ О НАРОДЕ, СОЗДАТЕЛЕ ЯДРА ЭПОСА «НАРТЫ»

Изучение эпоса должно проводиться с учетом всех особенностей развития истории создавшего его народа. Такой подход позволяет ответить на самые сложные и запутанные вопросы¹.

Проблему генезиса эпоса «Нарты» невозможно понять без рассмотрения ее в неразрывной связи с историей того народа, который является творцом этого эпоса.

«Народ — не только сила, создающая все материальные ценности, — пишет А. М. Горький, — он единственный и неиссякаемый источник ценностей духовных, первый по времени, красоте и гениальности творчества философ и поэт, создавший все великие поэмы, все трагедии земли и величайшую из них — историю всемирной культуры»². Именно поэтому необходимо дать некоторые исторические сведения об адыгах в этногенетическом плане, без чего немыслимо изучение древнего эпоса «Нарты».

1. Адыги — аборигены Кавказа

Адыги (или меото-адыги) — аборигены Кавказа. У античных и других авторов они выступают под именем меотов, керкетов, касогов, зихов и т. д.

¹ См. об этом: А. А. Петросян. К вопросу о народности «Манас» в кн. «Киргизский героический эпос «Манас». М., 1961, стр. 7.

² М. Горький. Разрушение личности. Сб. «О литературе», М., СП, 1955, стр. 48.

К адыгам относятся: шапсуги, хакучи, натыхуаи, бжедуги, хатукаи, мамхеги, абдзахи, егерухаи, кабардинцы, бесленейцы и другие более мелкие подгруппы.

Ближайшие их родственники — убыхи, абхазы, абазины. Абазины, в свою очередь, являются ветвью абхазов. Убыхи, ранее жившие между шапсугами и абхазами и ныне находящиеся в Анатолии, относят себя к адыгам (черкесам) и являются трехязычными. Помимо родного языка, они знают адыгский и абхазский. Абазины, живущие в Адыгее и Черкесии, свободно говорят и по-абазински, и по-адыгски. Обычаи, нравы, музыка, а также танцы—общеадыгские.

Об адыгах, а также их племенах много любопытного сообщается в трудах античных авторов Гекатея Милетского, Гелланика Милетского, псевдо — Скилака, псевдо — Скимна, Полибия (201—120 до нашей эры), Плиния, Арриана, Птолемея, Дионисия, Диодора, Страбона и других.

Основным древнейшим населением Северо-Западного Кавказа, по утверждению античных авторов, были меото-адыги и горские племена Закубанья и побережья Черного моря. В отрывках «Землеописания» Гекатея Милетского (VI в. до нашей эры) имеются сведения о меотских племенах³.

Один из древнейших географов Скилак, живший во времена царствования Дариуса Гиспаса (522 г. до н. э.), в своих «Прописаниях» описывает берега Понта и сообщает имена племен, обитавших здесь от Тена (Дона) до Фаза.

1. С а в р о м а т ы (управляемые женщинами) обитают на берегах Дона.

2. М а э т ы (мыутIэ) — на берегах Меотийского (ныне Азовского) моря.

3. С и н т ы, занимающие почти весь Таманский полуостров и берег Черного моря до Анапы.

4. К е р к е т ы⁴ (наткуаджи) простирались от Анапы до Геленджика.

5. А х е я н е⁵ — вдоль морского берега на юго-восток от Геленджика. Их соседями были гениохи.

6. Г е н и о х и граничили на юго-востоке с Великой Диоскурией.

³ Гекатей Милетский. Землеописание (отрывки), фр. 162, ВДИ, № 1, 1947, стр. 199.

⁴ Исследователи полагают, что термины «керкет» и «черкес» тождественны, но так как в греческом алфавите не было обозначения звука «ч», то оно было заменено буквой «к». См. об этом: П. К. У с л а р. Древнейшие сказания о Кавказе, Тифлис, 1881, стр. 453.

⁵ Здесь, видимо, адыгское «ахы» (хы—море) в сочетании с «-яне» означает «приморяне», примерно так же, как «А (ды) хы-яне» — «отдаленные приморяне» или «поморяне».

7. Колхи занимали пространство между гениохами и рекой Фазом⁶.

Помимо этого, перечень меотских племен встречается и в боспорских надписях, в которых упоминаются синды, дандарии, тореты, псессы, фатеи, досхи.

С появлением древнегреческих колоний на Северном Причерноморье в VI веке до нашей эры, на берегах Боспорского (Керченского) пролива (Хы Туалэ) возникает целый ряд городов-колоний на европейской стороне — Пантикапей (на месте теперешнего города Керчь. Он в V веке до нашей эры являлся центром Боспор), Нимфей, Мирмекий, Тиритака и другие; на кавказской стороне — Фанагория (на Тамани), Гермонасса, Кепы, Корондама, Патрей, Ахиллей⁷, Киммерий, Тирамба.

Меотские племена Приазовья⁸ и Прикубанья втягивались в коммерческие интересы Боспорского царства, принимали участие в его политической жизни.

Адыги в XV—XVI веках.

Античные авторы помещают меотов вдоль восточного побережья Азовского моря и в дельте реки Кубани. Археологические памятники устанавливают, что «меотские племена жили не толь-

⁶ Фредерик Дюбуа де Монпера. Путешествие вокруг Кавказа, том I, Сухуми, 1937, стр. 15.

⁷ Очерки истории Адыгеи, том I, Майкоп, 1957, стр. 35—38.

⁸ По данным генуэзских и венецианских карт кавказских берегов Азовского и Черного морей XIII и XIV—XV столетий (1318, 1367, 1375, 1480 и 1497 годов) кабардинцы (Chabardi) жили на севере Азовского моря в районе современного Таганрога.

ко на побережье, но занимали и территорию бассейна р. Кубани в низовьях и среднем ее течении, как по правобережью, так и в предгорье»⁹.

«К числу меотов принадлежат сами синды, — сообщает Страбон, — затем дандарии, тореаты, агры и аррахи, а также тарпеты, обидиакенты, досхи и многие другие»¹⁰.

Древние меото-адыги совершали дальние военные походы в другие страны.

Племенные названия предков меото-адыго-касогов (кашка, кешак¹¹, каскон) и абхазов (абешла, апсилы) были известны задолго до греков ассирийцам, хеттам, египтянам. Так, каскейские (видимо, каскон) племена усилили свой напор на границы Хеттского государства во второй половине XIV века до нашей эры, т. е. — около 1350 лет до нашей эры. Знаменательно и то, что еще в XI веке до нашей эры племенные названия «кашка» и «абешла»¹², обозначающие соответственно предков абхазов и адыгов, были синонимами, т. е. равнозначными этнонимами, что, кстати говоря, проливает свет на этническое единство адыгов и абхазов¹³.

Среди адыгов бытуют разные сказания, в которых повествуется о том, будто бы еще за 4 тысячи лет до нашей эры сильные меотопротоадыгские племена во главе со своими вождями с побережья Меотского (Хы МыутI) и Черного (Хы ШИуцI) морей совершали военные походы в Переднюю Азию, где они долго якобы пребывали на завоеванных ими землях. Помимо этих сказаний, имеются и письменные источники, подтверждающие эти явления.

Одним из таких источников являлась газета «Гъуазэ» («Путеводитель»), издававшаяся на адыгейском языке в начале XX в. в г. Константинополе. Она писала: «В глубокой древности существовало великое Адыгское государство под названием Хатуовского, или Хатского (видимо, от адыгского «хэт» («хет») — «странствующий». — А. Г.) или Атхского (видимо, от адыгского, — А. Г.)... В какие века (когда) Хатуун из родной страны Кавказа пришли в Малую Азию, Анатолию — пока нам неизвестно. Но древние египтяне (анаурии) писали о хатуунах еще до нашей эры за 4000 лет. В рукописи древней Гилдани (Қилдани) нашли камень с надписью, подтверждающей, что Хатууновым вождем Уар Хатуом была завоевана страна Гилдани в 3750 году до нашей эры. Хатууны владели обширной территорией, начиная

⁹ Очерки истории Адыгеев, том I, Майкоп, 1957, стр. 34—35.

¹⁰ Страбон, XI, 2, 11, ВДИ, № 4, 1947, стр. 212—213.

¹¹ Кешак (персидское) означает «гордый», «надменный», «сердитый».

¹² Г. А. Меликишвили. Наир-Урарту. Тбилиси, 1954, стр. 75—77.

¹³ Ш. Инал-Ипа. Абхазы. Историко-этнографические очерки. Сухуми, 1960, стр. 31—32; С. А. Токарев. Этнография народов СССР. Изд. Московского университета, 1958, стр. 258.

с юга Кавказа до севера Сирии, Багдада, Басри (сегодняшних вилайет Алеппо, Коние, Спюаса, Трапсунда, Арзрума). Было время, когда они распространяли свои владения до Египта... Хатууны и Хиксосы были близкородственными народами.

Войска вооружались пиками и мечами. У хатуунов города имели укрепления в районах переправ рек Фурата и Орунт. Наиболее укрепленными являлись на южной окраине страны город Тхьапсэки (Тхьапсек) и в центре страны город Къаргъамыш (Каргамыш).

Хатууны отличались в военном, ремесленном и торговом отношениях. Хатууны тогда имели свою письменность.¹⁴ Они писали иероглифами»¹⁵.

Эти и другие данные встречаются в книге «История Кавказа» Цунатоко Мэт-гизета. Сведения о долгом пребывании и владычестве Хатуун в Передней Азии, Анатолии имеются в книге Цаго Нури (Цагъо. Н.) «Адыгэм итхыд» («История адыгов»), изданной в Баксане в 1918 году.

2. Исследователи об адыгах

Генуэзец Георг Интериано, говоря об адыгах 1551 года, конкретно очерчивает места, занимаемые ими, описывает некоторые обычаи и нравы их страны. Он пишет: «Зихи¹⁶, называемые так по-итальянски, гречески и латински и известные у турок и татар под именем чиаркаси (Ciarcassi), сами себя называют адыгами; они обитают по всему азиатскому морскому берегу Тана¹⁷ или Дона, до Босфора, называемого в наши дни Восперо, «устьем» св. Иоанна, «устьем» моря Забаш; они распространяются затем вдоль берега моря к югу, до Самшитовой бухты (Саво ді Бусси), по направлению к реке Фазу, и граничат здесь с Авогазией, составляющей часть Колхиды. Весь этот морской берег, вместе с береговой линией Палуса, имеет приблизительно 500 миль длины, распространяясь в глубь страны, на восток, на расстояние не более пяти дней пути... С суши они граничат со скифами и татарами»¹⁸.

Георг Интериано далее сообщает, что язык адыгов ничуть не

¹⁴ На цитируемой нами странице имеется клише, изображающее камень с надписями, о котором сообщается: «Этот кусок камня откопан у г. Къаргъамыш. Адыгейские тамги-тавры взяты из этой письменности» — А. Г.

¹⁵ Журнал-газета «Гъуазэ» («Путеводитель»). Константинополь, 1913, № 46. Статья «Одна страница из нашей истории». Извлечение адыгского текста, напечатанного буквами арабского алфавита, А. А. Хатанова.

¹⁶ В слове «з и х и» я слышу адыгское «з ы х ы», что буквально означает «одноморье», «одноморцы».

¹⁷ Тенэ — смысл слова по-адыгски можно объяснить как «мелководье».

¹⁸ Цит. по кн. Фредерика Дюбуа де Монперэ «Путешествие вокруг Кавказа». Сухуми, 1937, стр. 24—25.

похож на язык их соседей, и звуки произносятся гортанно. У них нет письмен. Священники, совершая по-своему богослужение, пользуются греческими формулами¹⁹ и письменами, которых они не знают... Их горсть может прогнать целое полчище татар, так как они лучше вооружены, более ловки и смелы. Согласно его личному наблюдению, «зихи в большинстве случаев красивы и хорошо сложены и вызывают своей красотой восхищение среди мамелюков²⁰ Каира. Женщины нисколько не дичатся мужчин»²¹.

В своем труде «Путешествие вокруг Кавказа» Ф. Дюбуа, говоря о высокой традиционной культуре адыгов, сравнивая ее с цивилизацией Германии и Франции времен их первых королей, обстоятельно отмечает устойчивость адыгских обычаев, складывавшихся и утверждавшихся на протяжении многих веков.

«Племена Кавказа, — пишет автор, — представляют обычно редкий пример того постоянства, с каким некоторые народы сохраняют свои древние нравы; что делалось за тысячу лет до нашей эры, что делалось во времена Страбона, то делается и сейчас. Ни одно из первобытных племен не осталось более верным своим античным нравам, чем черкесское»²².

Автор Витцштейн встретил в труде Ибн-Халдуна следующее интересное место, говорящее об адыгах: «В этих горах находятся большие ворота (Баб-эль-Абуаб) и живут там христианские турки, эскесы, лазы и народы, которые суть смесь персов и греков, но черкесы могущественнее всех»²³.

Более 10 столетий тому назад, в 943 году, Масуди писал, что на берегах Кубани жили адемы (адыгге), занимаясь рыбной ловлей, что они не имеют ни царей, ни правителей. «Когда они в согласии между собою, тогда ни одно соседствен-

¹⁹ Адыгский ученый XIX в. Шора Ногмов упоминает, что некогда адыги имели свою письменность на основе греческого алфавита, и указывает, что имеется «любопытная рукописная книга уорка Измаила Шогенэва, написанная, как оказывается, на греческом алфавите» (Ш. Б. Ногмов. История адыгейского народа. Нальчик, 1947, стр. 19); Академик И. А. Джавахишвили установил, что многие имена, встречающиеся в эпиграфических памятниках Причерноморья, адыгского происхождения и исполнены буквами греческого алфавита (И. А. Джавахишвили. Проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока, «Вестник древней истории», 1939, № 4, стр. 34).

²⁰ Мамелюки, или мамлюки (араб.) — буквально: приобретенные в пользование; так назывались вооруженные отряды, которые составляли гвардию египетских эмиров. Они вербовались в основном из рабов, привезенных с побережья Черного моря — Кавказа. С 1382 по 1517 г. адыгские мамелюки управляли Египтом, выдвигая своих эмиров, составивших династию адыгов (черкесов), см.: А. А. Хатанов. Мамлюк, газ. «Социалистическэ Адыгей», 4 мая 1960 г.

²¹ Ф. Дюбуа. Цит. соч., стр. 28.

²² Там же, стр. 38.

²³ Записки Имперского Одесского Общества истории древности, Одесса, 1875, стр. 170, списка 4.

ное, воинственное племя, даже аланы, не смеют тревожить их, даже думать о влиянии над ними. Они многочисленны и воинственны; к ним доступ труден, даже можно сказать более невозможен, чем к другим народам»²⁴.

Любопытные суммарные сведения об адыгах даются в «Энциклопедическом словаре» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. «Черкесы жили на Кавказе почти на тех же самых местах с древнейших времен, — говорится в нем. — Первые исторические сведения о них восходят к VI веку до рождения Христова... Их храбрость, лихое наездничество, рыцарство, великодушие, гостеприимство так же славилась, как красота и грация их мужчин и женщин... Их внешность дышит достоинством и внушает симпатию. Сني с гордостью говорят: «сэ сыадыгэ» — я адыге»²⁵.

Татары занимали особое положение у адыгов. Генуэзец Георг Интериано в 1551 году сообщает, что адыги «постоянно бьются с татарами, которые окружают их со всех сторон. Небольшая их горсть может прогнать целое полчище татар, так как они лучше вооружены, более ловки и смелы... Они высоко ценят щедрость и охотно отдают все, чем обладают, исключая, впрочем, коней и оружие»²⁶. Заметим, что проявлением сверхщедрости традиционно у адыгов считалось: *подарить* человеку *предметы вооружения*: сэ — меч и щэ — стрелу; готовность *отдать* за него *свою душу* (нсэ) и *свой глаз* (нэ), или уподобление им в изречениях: «Сынэм уфэд, сыпсэм уфэд» (букв.: «моему глазу ты подобен, моей душе ты подобен»), т. е. готов отдать за тебя свой глаз, отдать свою душу. В адыгском эпосе, в сказании о сверххрабром нарте Бэуч (БэукI) имеется место, где говорится: «Тыныр-тыны, ау сэр-тынмэ анахь тыныжъ» — «Подарок-подарок, но сэ (меч) — наивысший подарок из подарков»²⁷.

Интересные сведения об адыгах дает в своей книге «Луга золотые...» Масуди. Он пишет: «...кешеки — адыги характера короткого... Из всех обитателей здешних стран мужчины этого народа имеют самые правильные черты, цвет лица самый приятный и стан более стройный и весьма гибкий»²⁸.

Говоря о высокой традиционной культуре кавказцев конца XIX века, О. В. Марггоф дает о них интересные данные. «Кавказские кустарные изделия, — пишет он, — изготавливаются исключительно для местного же населения. Если, не теряя этого из виду, мы сравним их с крестьянскими изделиями в России,

²⁴ См. сб. «Руководство по познанию Кавказа». Петербург, 1850.

²⁵ Энциклопедический словарь. Том XXXVIII-A. Издатели Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон, СПб, 1903, стр. 580—582.

²⁶ Цит. по книге: Фредерик Дюбуа де Монперэ. Путешествие вокруг Кавказа, Сухуми, 1937, стр. 27—28.

²⁷ Нартхэр. Рукопись АНИИ, том VII, цикл «Нарт БэукI».

²⁸ Масуди. Из книги «Луга золотые и родники драгоценных камней», СМОМПК, вып. 38, Тифлис, 1908, стр. 45—55.

предназначенных не для столичных рынков, а для употребления крестьянами же, то окажется, что кавказские изделия отличаются от русских высшим достоинством выработки и отделки, большею красотой и прочностью, хотя, при несовершенстве орудий, эти качества достигаются и с большим трудом. Возьмите для сравнения, например, — ходовые валяные изделия горцев, их сукна, ковры, сапожный товар; возьмите их серебряную и шелковую тесьму, — покрой и отделку женского и мужского платья («черкеску»), — их медную посуду, а также пояс, папаху (шапку), седло... и вы убедитесь, что преимущества их, сравнительно с однородными русскими кустарными изделиями, — очевидны и вне всякого сомнения»²⁹.

В прежние времена в Крыму жили кабардинцы. Это подтверждается топонимикой и устнопоэтическим творчеством адыгов. Л. Я. Люлье сообщает о том, что «существуют там и поныне развалины замка, называемого Черкес-Кермен; местность между речками Бельбек и Кача называется Кабарда и Черкес-дюзь, т. е. «Черкесская равнина»³⁰. Это отражено и в адыгском сказании «Тауч и Пэштэуко Тлешеж», в котором действия происходят в адыгской среде в Крыму, на берегу реки Керчь.

Древние адыги знали дальние страны, куда они совершали походы. В адыгских песнях и сказаниях часто упоминается Бухара, заморские страны, река *Индыл*. Так, в адыгской песне «Хатхе Магомет» о славном герое поется: «*Индылыжъым ынъ къышэкъы, зэпырэкъышъ гъэрхэр къещэжъы*» — «*Индыль старый (букв.) глаза выпячивает, перейдя его, из плена многих привозит обратно*».

Образ храброго адыга, его высокая культура, эстетическое чутье и этикет истари привлекали внимание многих исследователей Кавказа и всего мира.

В грузинской народной поэзии и мифологии, в поверьях, пословицах и поговорках черкешенка (черкезис кали) выступает как символ красоты, черкес — как символ храбрости, воинственности, мужества, доблести. «Он храбр, как черкез!» «Она словно черкешенка!» — говорят грузины³¹.

В народном песенном тексте «Желание», записанном от певца Дедас Левана Котетешвили и опубликованном в Грузии на грузинском языке, имеется упоминание об адыгейке:

²⁹ Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. Составил по материалам, собранным А. В. Золоторевым и др., О. В. Марггоф, М., 1882, стр. XXXIII—XXXIV.

³⁰ Л. Я. Люлье. Черкесия, историко-этнографические статьи, Краснодар, 1927, стр. 12.

³¹ Архив АНИИ, ф. 1, ед. хр. 51. «Грузины о черкезах» (беседа с проф. К. А. Сихарулидзе 5/XI 1958 г. в Кахетии Грузии).

«Хвалят женщин черкезских,
Одну бы рядом иметь...»³²

Понятие о храбрости и стойкости, а также внешней опрятности, воспитанности и скромности человека чечены связывают с образом адыга — горца. Они говорят: «Он подобен черкесу!» «Она словно черкешенка!» Чеченская поговорка гласит: «Чергасин мехкарий санна хаза, създа!» — дословно: «Как девушки-черкешенки, красивы, скромны!»; «Одежда его словно сшита черкешенками, соревнуясь между собою»³³.

«Черкешенки отличаются замечательным искусством в женских работах; скорее изорвется материя, чем шов, сделанный их рукой; серебряный галун их работы неподражаем. Во всем, что они готовят, обнаруживается хороший вкус и отличное практическое приспособление» (Е. Вейденбаум. Воспоминания кавказского офицера, М., 1864, стр. 90).

«Обращение черкесских девушек было скромно и исполнено достоинства, — писал Н. Дубровин. Красота их с давних пор не находила соперниц: правильные черты лица, стройный стан, маленькие руки и ноги, походка и все движения являли что-то гордое и благородное. Все, кто только мог видеть черкесских женщин, свидетельствуют, что между ними встречаются такие красавицы, при виде которых невольно останавливаешься, пораженный изумлением. «Про черкешенок, — говорит очевидец, — можно сказать, что они вообще хороши, имеют замечательные способности, чрезвычайно страстны, но в то же время обладают необыкновенною силою воли». (К. Дубровин. Черкесы (адыге). Краснодар, 1927, стр. 56—57).

Аналогичные отзывы об адыгах имеются в устнопоэтическом народном творчестве абхазов, осетин и других народов, населяющих Кавказ.

Воинственный образ адыга, выпестованного суровыми условиями жизни и борьбы, запечатлел А. С. Пушкин в своей поэме «Кавказский пленник»:

...Черкес проворный,
Широкой степью, по горам,
В косматой шапке, в бурке черной,
К луке склонясь, на стремена
Ногою стройной опираясь,
Летал по воле скакуна,
К войне заранее приучаясь.
Он любовался красотой
Одежды бранной и простой.
Черкес оружием обвешан;

³² Народная поэзия, Тбилиси, 1934, стр. 14.

³³ Беседа с Сераждином Эльмурзаевым 3/XI 1961 г. в Чечено-Ингушетии.

Он им гордится, им утешен;
На нем броня, пищаль, колчан,
Кубанский лук, кинжал, аркан
И шашка, вечная подруга
Его трудов, его досуга.
Ничто его не тяготит,
Ничто не брякнет; пеший, конный—
Все тот же он; все тот же вид
Непобедимый, непреклонный³⁴.

«Адыги — народ добрый и рассудительный, догадливый, остроумный, в пище и питье умеренный и трезвый, твердый в дружбе», — писал о них историк С. Броневский³⁵.

Э. Светланова, побывавшая в Адыгее осенью 1965 года, впоследствии так отзывалась об адыгах. «...Один из мудрых сказал, — пишет автор, — покидая в свой час Адыгею, что расстанется с ее народом с «почтительным удивлением». Мне очень понравились эти слова, и, пожалуй, они подходили лучше всего к тому, что пришлось мне узнать и увидеть на адыгейской земле.

Попав к адыгам, — продолжает она, — я сразу превратилась в «священную» особу, поскольку я гость, а еще Александр Сергеевич Пушкин отметил, что адыги «отличаются перед нами гостеприимством. Гость становится для них священной особю...». Точно так и осталось до наших дней. Вообще у адыгов много и других весьма мудрых и важных, достойных истинного уважения народных традиций и обычаев — тонко разработанный этикет, неписанный закон поведения в личной и общественной жизни, восхищавший с незапамятных времен самых просвещенных европейцев». (Э. Светланова. «Это поэтическая сторона...», еженедельник «Литературная Россия», № 20 (176), 13 мая 1966 г.).

Живописный костюм адыгов (черкеска) стал общегорским костюмом народов Кавказа.

В. И. Ленин дал высокую оценку и характеру горца, и его национальному платью. В своем труде «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин писал: «...господин Купон безжалостно переряживал *гордого горца* из его *поэтического национального костюма* (подч. нами. — А. Г.) в костюм европейского лакея (Гл. Успенский)»³⁶.

Ко всему сказанному можно еще добавить данные археологии, свидетельствующие о том, что с местным населением Кавказа, создавшим в далеком прошлом высокую культуру, были связаны генетически в очень значительной степени и адыгские

³⁴ А. С. Пушкин. Соч. в 3 томах, ГИХЛ, М., 1958, том II, стр. 93.

³⁵ С. Броневский. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, ч. II, М., 1823, стр. 105—106.

³⁶ В. И. Ленин. Развитие капитализма в России, Соч., том 3, стр. 526.

племена³⁷, что на этой территории эта культура постоянно совершенствовалась на протяжении многих веков, не испытывая каких-либо резких изменений, которые можно было бы связать со сменой населения³⁸.

Все эти особенности характера народа в той или иной степени нашли свое отражение в древнеадыгском героическом эпосе «Нарты».

3. О терминах «меот», «адыг», «Кавказ», «скиф» и других

Адыги (или меото-адыги), родившись и живя тысячелетиями на Кавказе, на берегах Черного и Азовского морей, дали по-адыгски свои наименования местностям, а также имена своим соседям. Хотелось бы высказать несколько замечаний относительно терминов «меот», «адыг», «Кавказ», «скиф», «Тамань» и других.

I. «Меот» — древнее адыгское наименование Азовского моря (озера) и жителей его побережья. Отсюда же происходит эллинизированное название «Меотида».

Существующее в литературе объяснение значения термина «меот» (мыутI) Л. Г. Лопатинского³⁹, Е. И. Крупнова⁴⁰ и других авторов нам кажется неправильным. Они говорят, что «ме» — в о н ь, з а п а х и, «ятI» — б о л о т о и, соединяя их, делают заключение: «меот» — вонючее море. Во-первых, «меот» происходит не от «мей ятI». Во-вторых, по-адыгски «ятI» не означает «болото».

Термин «меот» (мыутI) или «море Меот» («хы МыутI») встречается в стихотворно-песенных текстах древнеадыгского эпоса «Нарты». Так, он содержится и в пщынатле об Ащэмэзе («Iащэмэзы ипщыналъ»), где мать предупреждает молодого нарта о том, что, если он оденет тяжелую кольчугу отца, то «загорится».

Ащэмэз отвечает матери:

— О мэшIошхор къыскIанэмэ
Хы МыутIэм сыхэхъан! —
— О, если сильно загорюсь,
В море Меот войду!

³⁷ А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 23, М.—Л., 1951.

³⁸ Н. В. Анфимов. Меото-Сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 23, М.—Л., 1951, стр. 268.

³⁹ СМОМПИК, том XXI, Тбилиси, 1896, стр. 77—78.

⁴⁰ Е. И. Крупнов. Древняя история и культура Кабарды, М., 1957, стр. 155—156.

⁴¹ Нартхэр, том V, «Iащэмэз ипщыналъ», текст записан на магнитную пленку от А. Х. Мыгу в Адыгее.

Значение термина «Меот» («МыутI»), которым именовалось Азовское море, на наш взгляд, объясняется в основном рельефом Кубано-Приазовской низменности, тем, что, говоря словами И. П. Лотышева, *«его песчано-ракушечные берега безлесны, невысоки, а местами понижаются до уровня вод лиманов...»*⁴² (подч. нами. — А. Г.).

Термин «мыутI» (меот) по-адыгски буквально означает «непруд», т. е. водоем, не имеющий запруды, не закрытый, не имеющее высокого берега озеро, пруд или море.

В двусложном слове «мыутI(э)» первая часть «мы» означает отрицание «не-», вторая «утIэ» — запруда, пруд.

Адыгейская пресса в наши дни пользуется термином «утIэ» («псы-утI» — водяной пруд). Еще адыги говорят: «Псыр утIэ-гъэн фае», т. е. «Воду запрудить надо», в смысле: «Надо поставить запруду».

В науке известно, что те или иные племена получали свое наименование обычно по территориальному признаку. Племена, жившие на берегу моря Меот (Хы МыутI), получили свое наименование «меоты» от названия этого моря. Ср. наименование древнерусских племен *дреговичи от дрегва* — «болото» (В. А. Никонов. Введение в топонимику, М., 1965, стр. 76); русское *поморы* — «коренное русское население побережья Белого моря и Ледовитого океана».

II. Адыг. О происхождении слова адыге или адыхе автор первой половины XIX века Шора Ногмов сообщает любопытные сведения. «Настоящее родовое название нашего народа есть то, которое уцелело в поэзии и в преданиях, т. е. *ант*, изменившееся с течением времени в *адыге* или *адыхе*, причем по свойству языка буква *т* изменилась в *ди*, с прибавлением слога *хе*, служащего в именах наращением множественного числа. Есть в Кабарде старцы, которые выговаривают это слово сходно с прежним его произношением — *антихе*, в некоторых же диалектах говорят просто *атихе* (Ш. Б. Ногмов. История адыгейского народа, Нальчик, 1959, стр. 67). Здесь же заметим, что Б. А. Гарданов и Т. Х. Кумыков в своих «Примечаниях — комментариях», сделанных ими к настоящему изданию «Истории адыгейского народа», прямо указали на ошибку Ш. Б. Ногмова в отождествлении предков адыгов со славянами-антами. «Анты, под именем которых в первые века нашей эры были известны восточнославянские племена, — пишут они, — ошибочно отождествляются Ногмовым с предками адыго-кабардинцев» (стр. 203).

Джамальдин Коков полагает, что термин «адыг» происходит от абхазского «адзы» (вода, море) (Ж. Клокю.

⁴² И. П. Лотышев. География Краснодарского края, Краснодар, 1965, стр. 28.

Адыгэ лъэпкъыцІэр, газ. «Социалистическэ Адыгей», 9/VII 1966).

Этот термин, по нашему мнению, происходит от меото-адыгского «*хы*» — море (хы ШІуцІ — море Черное). Меоты, жившие вдали от хы ШІуцІ, указательно называли это море, и, стало быть, и его приморских жителей (поморян), словом «*адэх*» — «*адых*», что в переводе на русский язык означает «то море», так как *а-адэ* или *ады* выражает указание: «то», «там находящееся», «вдалеке находящееся» и х(ы) — море. Если это представить пространственно, для меотов, живших поодаль от них и у которых оно (это — другое море — «адых» или «адэх») было «другим», «отдаленным», по отношению к своему морю, и они, разумеется, называли жителей его морского побережья «того моря жители», «у того моря жители» — *адых* или *адэх*. Отсюда могли утвердиться термины «адых» — «адыг», во множественном числе: адыхи, адыги.

Этот термин, по-видимому, первоначально обозначал только поморян Черного моря. Но после того, как меоты были оттеснены от Дона и Меотского моря к югу и юго-востоку, они влились в другие родственные приморские этнические группы адыхов (адыгов). С этого периода меот — «житель примеотья» по существу перестал быть таковым, перестал, в силу этого, именоваться «меотом»; он стал «адыхом» («адыгом»). Таким образом, термин «адых» — «адыг» стал общим собирательным именем и для меотов, и для самих адыхов.

В терминах «апсилы», «псесы», которыми именовались некоторые мелкие этнические группы меото-адыгов, присутствует адыгское пс(ы) — вода и, по всей вероятности, выражает синонимически то же самое, что и «адых», «меот», в смысле обозначения людей, живущих на берегу воды (видимо, реки, может быть, и моря).

Здесь во всем этом мы можем подчеркнуть интересную закономерность: все жители приморья на своем языке называли себя или соседей «поморянами».

Л. Г. Лопатинский, ссылаясь на труд П. К. Услара «О языке убыхов», говорит, что название *азыггэ* он выводит этимологически от абхазского слова «азы» — «вода»: «...стало быть, приморские жители — поморяне. Следует заметить, что убыхи называют *азыггэ* все народы, говорящие на абхазских наречиях; абхазцы же дают название *азыхуа* черкесам»⁴³.

Следовательно, не только одноязычные меоты и адыхи (адыги) называли себя «поморянами», но такое же положение наблюдалось и у других приморских жителей — соседей убыхов и

⁴³ Л. Лопатинский. Заметки о народе адыге и кабардинцев в частности. СМОМПК, вып. XIІ, Тифлис, 1891, стр. 1, сноска 3.

Об этнониме «адыгэ» см. также: Дж. Н. Коков. Кабардинские географические названия, Нальчик, 1966, стр. 167—170.

абхазов, т. е. убыхское «азыгъэ», абхазское «азыхуа», адыгское «адэхи» являются калькой одного и того же слова «поморяне».

III. Кавказ. Таково наименование гор, у подножия которых с древнейших времен обитают меото-адыги. Происхождение этого термина разные авторы объясняют по-разному. Мы сошлемся на известного кавказоведа — лингвиста П. К. Услара, сделавшего некоторый экскурс по этим высказываниям и предложившего свое заключение.

«Кавказский хребет никогда не имел у туземцев, как и теперь не имеет, общего названия, — пишет П. К. Услар. — Эти общие названия возникают лишь у народов, обладающих письменностью, но весьма вероятно, что сауроматы, маэты, синды, приморские обитатели, с которыми прежде всего познакомились греки, называли *видимые от них вдаль* (подч. нами. — А. Г.) снежные вершины Кавказа: гауг-аз, горами азов. Посему мы считаем *Кауг-газ* за гораздо более правдоподобную первоначальную форму Кавказа, чем Коф-Каф или Кох-Касп, несмотря на то, что последнее толкование наиболее распространено между учеными»⁴⁴.

Существует и другое мнение, согласно которому слово «Кавказ» адыгское по происхождению. Оно происходит от «*къогу-къос*», что означает дословно «живущий за горой (углом)».

IV. Скиф. Как известно, меото-адыгские племена в I-м тысячелетии до нашей эры имели связи со скифами, являвшимися их новыми соседями.

По установившейся в научной литературе традиции термин «скиф» является собирательным названием, будто данным греческими писателями различным племенам, обитавшим в причерноморских степях с VII века до нашей эры по III век нашей эры⁴⁵.

Это, на наш взгляд, требует уточнения.

В науке известно, что люди, прибывшие из Азии на северное побережье Понта Евксинского, затем получившие от местного приморского населения наименование «скифы», сами себя называли «сколотами»⁴⁶.

Термин «скифы», по словам археолога Е. И. Крупнова, был собирательным⁴⁷. Это, на наш взгляд, соответствует действительности.

Если учесть то обстоятельство, что скифы прибыли на Северный Кавказ (во время их походов в Малую Азию), имея уже

⁴⁴ П. К. Услар. Древнейшие сказания о Кавказе, ЗКОИРГО, том 12, Тифлис, 1881, стр. 490—491.

⁴⁵ Энциклопедический словарь (в трех томах). М., 1955, том 3, стр. 261.

⁴⁶ С. Мельников-Разведенков. Боспор Киммерийский в эпоху спартокидов, СМОМПК, XXI, Тифлис, 1896, стр. 5.

⁴⁷ Е. И. Крупнов. Древняя культура Кабарды, М., 1957, стр. 132.

свое старое имя «сколот», и они получили от местного населения «скиф», то вряд ли следует считать, что это новое имя им дали на Кавказе именно греки. Мы склонны думать, что местное население, окрестившее скотов именем «скифы», это меото-адыги — коренные обитатели (автохтоны) побережья Меотского (Азовского) и Черного морей. По нашему мнению, этноним «скиф» происходит от адыгско-шапсугского «сЫф» (человек).

Истории известно, что у отдельных племен, как и у некоторых современных народов, их самоназвание или их имя, данное им со стороны соседей, означало на языке автора просто «люди». Так, самоназвания эскимосов (инуиты), некоторых индейцев (де-не) и других означают в их языке просто «люди»⁴⁸.

Племена скотов не могли принять этот термин как самоназвание, так как сами они не относились по языку к меото-адыгам. Не исключена возможность, что «скоты» — самоназвание народа, а имя «скиф» («сЫф») им дали меото-адыги, жившие постоянно в этих местах.

Таким образом, утвердившееся в науке мнение о том, будто именно греки дали новым племенам *скотов* имя «скиф», на наш взгляд, не следует считать бесспорным. Возможно, что греки по прибытии на северное побережье Черного моря, как образованный народ, первыми записали термин «скиф» и сделали его достоянием науки.

Возможно, что, живя долго в среде меото-адыгов, многие скоты — скифы в дальнейшем приняли их язык и культуру, затем постепенно растворились в новой среде.

V. Тамань. Слово «Тамань» ныне известно как название полуострова и станицы на берегу Керченского пролива.

В адыгском эпосе «Нарты» встречается герой по имени «Темэншыу», в котором: *Темэн* — таманский, *шыу* — всадник, т. е. «Таманский всадник». Само слово «темэн» (видимо, заимствованное) означает в языке адыгов «болото», что соответствует характеру местности — весь этот район сильно заболочен.

VI. Азов. По-адыгски: «Іузэв», «Іузэжъу» — наименование северной части Меотского моря, ныне называемого Таганрогским заливом. Это и название известного моря. В адыгском эпосе часто упоминается, видимо, это «море», которое переплывают нарты. У Ногмова «Азовское море» — «Тенджыз Іузэв» (Нэгумэ Ш. Б. Адыгэ народым и тхыдэ, Нальчик, 1958, н. 65).

Слово «азов» (Іузэв, Іузэжъу) по-адыгски означает: «горло узкое», что также соответствует топографии местности.

VII. Хы ШІуцІ (калька «Море черное»). Наименование этого

⁴⁸ См. об этом: В. Мавродин. Происхождение названий «Русь», «Русский», «Россия», Л., 1958, стр. 4.

моря известно всему миру как «Море Черное». Оно очень часто встречается в текстах адыгского эпоса «Нарты».

Название моря много раз пытались заменить, но ни одно из новых наименований (ни греческое «Пантос», ни хазарское «Бахр ал-Хазар», ни другие) не устояло перед временем. И поныне оно называется каждым народом, заимствовав значение его древнеадыгского наименования, калькой, «морем Черным». Русские и, через их посредство, многие народы мира знают его как «Черное море», арабы — как «ар-Рум» («море Черное») ⁴⁹.

Таким образом, мы предполагаем, что вышеприведенные термины «меот» («мыутIэ»), «адыг» («адых»), «скиф» («сIыф») и другие наименования являются исконно адыгскими. Они легко объяснимы на языке местного аборигенного населения.

Вот почему мы думаем, говоря словами археолога Е. И. Крупнова, что «в те отдаленные времена, когда далекие предки адыгейской народности (меоты, синды, керкеты) обитали на Азово-Черноморском побережье, в формирующемся народном эпосе отложились факты и явления их приморского быта (упоминание Черного моря, подводного мира и пр.), которые до наших дней сохранились в нартских сказаниях...» ⁵⁰.

К сказанному хотелось бы добавить общее замечание исследователя-путешественника, автора шеститомного труда «Путешествие вокруг Кавказа» Фредерика Дюбуа де Монперэ (1798—1850), высказанное им в главе «История черкесской нации».

«Если народ, — пишет он, — оставаясь в одной и той же местности, не изменяет ни своего духовного облика, ни свойств своей природы, почти наверное можно сказать, что у него имеются свои собственные названия, которые проходят сквозь века неизменными; чужестранцы дают им прозвища, но они забываются, и только имена национальные сохраняются» ⁵¹.

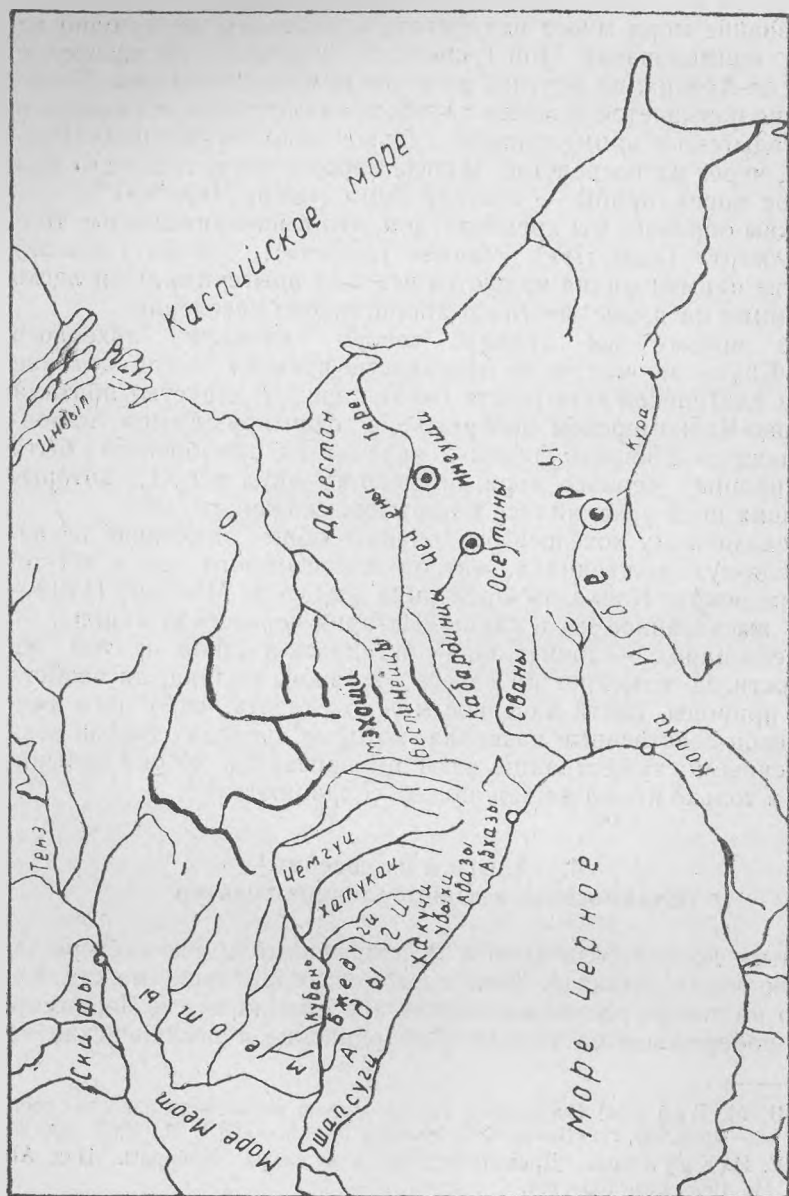
4. Адыги и их соседи. Взаимосвязи и взаимовлияние культур

Адыги до присоединения к России занимали всю северо-западную часть Кавказа. Они населяли территорию между Кубанью на северо-востоке, главным хребтом на юге и Черноморским побережьем на западе. Кабардинские и беслинейские эт-

⁴⁹ В. М. Бейлис. Сведения о Черном море в сочинениях арабских географов IX—X вв., сб. ст. «Ближний и средний Восток», ИВЛ, М., 1962, стр. 24.

⁵⁰ Е. И. Крупнов. Древняя история и культура Кабарды. Изд. АН СССР, М., 1957, стр. 163—164.

⁵¹ Фредерик Дюбуа де Монперэ. Путешествие вокруг Кавказа, том. I, перевод с французского Н. А. Дашкевич-Пушиной, Сухуми, 1937, стр. 16.

Этнические группы адыгов и их соседи.

нические группы адыгов населяли, как и в наши дни, бассейн среднего Терека.

На протяжении многих столетий соседями адыгов являлись убыхи, абхазы, сваны, осетины, чечены, ингуши, балкары, карачаи, несколько поодаль — народы Дагестана. Со всеми этими народами адыги поддерживали постоянные культурные связи.

Адыги и все народы (убыхи, абхазы, сваны, осетины, чечены, ингуши, балкары, карачаи и дагестанцы), жившие или живущие по соседству с ними, знают легенды о нартских богатырях, известных им почти под одними и теми же именами.

На адыгских языках, входящих в абхазо-адыгскую группу кавказских языков, говорят все адыги, т. е. современные адыгейцы, черкесы, кабардинцы и двух- трехязычные абазины.

Все адыгские языки ныне являются письменными: *адыгейский* (Адыгея и Причерноморская Шапсугия) и *кабардинский* (Кабарда и Черкесия).

Наиболее древние черты языка сохранились в адыгейском.

Помимо самих адыгов, адыгским языком владеют армяне (коренное население черкесо-гаев г. Армавира⁵² и а. Бжедухабль), греки (урым), татары (тэтэрхэр) и таты (кьурш джухэр), живущие постоянно в Адыгее, Черкесии и Кабарде.

Всего адыгов (включая и убыхов), по состоянию на 1858 год, насчитывалось 315 549 человек⁵³. По данным же Всесоюзной переписи населения 1959 года, в СССР насчитывается около 314 тысяч адыгов. Они ныне проживают в основном в Адыгее, Причерноморской Шапсугии, Кабарде и Черкесии и в городах: Туапсе (Туапсэ), Майкоп (Мыекъяупэ), Белореченск (Шытхьалэ), Усть-Лабинск (Лэбап), Краснодар (Къалэ), Лабинск (Чэтыун), Армавир (Ермэлхьабл), Черкесск, Нальчик, Тырнауз, Моздок (Мэздэгү)⁵⁴ и других.

Помимо этого, адыги проживают и за рубежом — в Югославии, Израиле, Иордании, Сирии, ОАР, Тунисе, Алжире, Албании, Ираке, Турции. Причем, по данным турецкой статистики, в одних лишь городах Турции насчитывается не менее 130 тысяч адыгейцев (черкесов), потомков выселившихся в 1864 го-

⁵² В Армавире теперь проживает около 100 семей адыгских армян (черкесо-гаев). Их язык, фольклор, музыка, культура — адыгские. См. о них: А. Хьэдэгъал. Ермэлхьабл, газ. «Социалистическэ Адыгей», № 58, 1959.

⁵³ Н. Дубровин. Черкесы (адыге), Краснодар, 1927, стр. 22.

⁵⁴ В самом городе Моздоке (Мэздэгү, букв. означает: «Лес глухой») ныне проживает около 300 семей адыго-христиан. Помимо них, адыго-христианские и адыго-магометанские селения имеются в Моздокском районе Северо-Осетинской АССР, а также в Курском районе Ставропольского края. См. о них: А. Хьэдэгъал. Мэздэгү адыгэхэр, газ. «Социалистическэ Адыгей», 13/XII 1959.

ду в Турцию⁵⁵. Турецкая перепись в 1945 году внесла в списки 66 691 человека, говорящего на адыгском языке⁵⁶.

Ближайшими родственниками адыгов являются абхазы (абхъаз), с которыми они составляют одну абхазо-адыгскую группу аборигенных кавказских народов. По языку, образу жизни, культурному облику абхазы, обитающие на южном склоне Кавказского хребта, примыкают к адыгам. С древнейших времен они живут бок о бок с адыгским племенем шапсугов-хакучинцев.

В работе «Об абхазо-адыгских этнографических параллелях» проф. Ш. Д. Инал-Ипа отмечает, что «этнографические параллели представляют выражение этнографической общности или культурно-исторических связей народов. Тожественные параллели, наблюдаемые во всех областях быта сравниваемых народов, не могут быть случайными, не могут представлять пример обычного заимствования. Они — порождение не только одинаковых условий материальной жизни сопоставляемых обществ, но и проявление единства происхождения, глубокой этнокультурной взаимосвязи и сходства психического склада людей»⁵⁷.

По убеждению самих абхазов и адыгов, они происходят от одного народа-основы. Эту мысль облек в образную и удачную форму Ш. Д. Инал-Ипа: «Абхазо-адыгская группа происходит от единого языка-основы, хотя этого языка-предка, давшего им начало, давно уже нет в живых: он исчез, как зерно, из которого выросло ветвистое дерево»⁵⁸.

И поныне в абхазо-адыгских языках сохранились общие слова с одними и теми же значениями. Таковы, в частности, следующие слова: жъы-ажъу (старый, старик), цу-ацу (вол), унэ-аюнэ (дом, хата), гу-агу (сердце), кеты (шапсугско-хакучинское) — акутЫ (курица), Ыуашъхъэ-ашъхъэ (курган, высота), мышъэ-амышъэ (медведь), чыуан (хакучинское) — ачыуан (котел), цацэ, дзасэ-адзadz (вилка), чы (хакуч.) — ачъы (конь), чыды (хакуч.) — ачъада (осел), бэджы — абаки (паук), дэгу-адэгу (глухой), унэ гуашъэ-аюнэ гуаша (домашняя хозяйка) и другие. Полагаем, что многие общие слова, наблюдаемые в лексике адыго-абхазских народов, несомненно, представляют собою продукт древней эпохи и свидетельствуют об их этнической целостности в прошлом.

Абхазский лингвист К. С. Шакрыл в своих трудах отмечает большое совпадение в употреблении суффиксов, имеющих одинаковые значения и одинаковый фонетический облик в абхазо-адыгских языках. Кроме того, он обнаруживает одинаковые

⁵⁵ Проф. А. С. Чикобава. Введение в языкознание, ч. 1, М., 1953, стр. 221.

⁵⁶ А. Куйперс. Фонема и морфема в кабардинском (восточно-адыгском) языке, Моутон, 1960. Предисловие (на английском языке).

⁵⁷ Ш. Д. Инал-Ипа. Об абхазо-адыгских этнографических параллелях, УЗАНИИ, том IV, Краснодарское книжное издательство, 1965, стр. 222.

⁵⁸ Ш. Инал-Ипа. Абхазы, Сухуми, 1960, стр. 14.

словообразовательные процессы в этих этнически родственных языках.

«От адыгского слова *кIуэрей* — часто ходить — образовалась усеченная форма *кIуэр*, выражающая понятие «иноходец», употребляемая во всех абхазско-адыгских языках (сравни: *шыкIуэр*) адыг куар (абх.-абазинское) — иноходец, буквально часто ходящая лошадь»⁵⁹.

Абхазский историк Г. А. Дзидзария отмечает: «Адыги и абхазы имеют общий корень происхождения. Об этом говорят наши языки, обычаи, нравы, которые так близки между собою. В одно время, возможно, они составляли одно общество, имели общий язык, понятный и адыгам, и абхамам, позже — они развили самостоятельные языки, близкие между собою в фонетическом, морфологическом и синтаксическом отношениях»⁶⁰.

Кроме того, ученые высказывают мысль о том, что под терминами «зихи», «адзыгъэ», «адыгэ» подразумевали и самих адыгов, а также и абхазов. По этой части Ш. Инал-Ипа пишет, что адыгские (черкесские) племена, которые по языку, культуре и психическому складу составляют с абхамами этническое родство, в древности иногда выступали под общим наименованием и играли важную роль и за его пределами; «характерно, что еще в XI веке до новой эры эти племенные названия, обозначающие и предков абхазов и предков адыгов, выступают синонимами»⁶¹.

Известный этнограф, лингвист и историк Абхазии Симон Басария в своей книге «Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении», говоря о древе своего народа, указывает на генетическую общность адыгов и абхазов. «Основываясь на указаниях греческих, римских, византийских и арабских писателей, — пишет Симон Басария, — можно с уверенностью утверждать, что абхазы — одна из ветвей первоначального ядра генихов, — к племенам которых относились зиги — зихи (по-абхазски «Азохукуа» — черкесы) и абски — обезы (абхазы), причем нынешнюю территорию свою, по свидетельству тех же классических писателей, они занимали за несколько веков до Рождества Христова»⁶².

Подтверждение этой мысли мы имеем в «Энциклопедическом словаре» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, в котором указывается, что абхазы — одна из больших групп черкесов⁶³.

⁵⁹ К. С. Шакрыл. О сравнительной характеристике глагольных суффиксов в абхазо-адыгских языках. (Труды Абхазского института языка, литературы и истории, том XXVIII, Сухуми, 1957, стр. 291—301.

⁶⁰ Архив Адыгейского НИИ, ф. 1, ед. хр. 51, стр. 8. (Беседа с проф. Г. А. Дзидзария 19/XI 1957 г. в Абхазии).

⁶¹ Ш. Инал-Ипа. Указ. соч., стр. 31—32.

⁶² Симон Басария. Абхазия в географическом, этнографическом отношении. Издание Наркомпроса ССР Абхазии, Сухум-кале, 1923, стр. 43.

⁶³ Энциклопедический словарь. Том XXXVIII-А, издатель Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон, Спб, 1903, стр. 580.

«Дворяне и обитатели морского берега, — писал Евг. Ковалевский, — все говорили адыгским языком, удобно понимая и им соседственный абхазский говор»⁶⁴.

Такое многовековое общение адыгов и абхазов, как мы отметили выше, дало, несомненно, много единого в их древней культуре, быте, нравах, обычаях и устнопоэтическом народном творчестве.

Известный натуралист Паллас в своих описаниях путешествий по южным областям России (1793—1794) дает извращенную констатацию фактов о древних адыгах. Он пишет, что будто адыги «были скитающиеся рыцари, которые, *покорив народы, живущие на Кавказе, насильственно сделали свой язык господствующим*, точно так, как поступили тевтонские рыцари в Ост-Зейском крае, покорив прежних его обитателей» (подч. нами. — А. Г.).

Такая мотивировка Палласа относительно распространения адыгского языка на Кавказе ошибочна. Другой автор, историк Кубани конца XIX—начала XX века Ф. А. Щербина, в своей книге «История Армавира и черкесо-гаев» дает диаметрально противоположное этому мнению высказывание. Армяне, жившие среди адыгов (как и в наши дни), говорили на адыгском языке, пели адыгские песни, пользовались адыгскими танцами, блестяще соблюдали адыгский этикет, несмотря на то, что в политическом отношении *«армяне не занимали у черкесов положения подневольного сословия. Никогда ни один армянин не был ни рабом, ни крепостным у черкесов...»* Более того, «как известно, — пишет Ф. А. Щербина, — армяне, живя между черкесами, совершенно утратили свой национальный облик, забыли даже родной язык и сохранили лишь христианскую веру»⁶⁵, и, наконец, адыго-армяне по своему культурному облику во всем стали похожими на адыгов: и внешностью, и языком, и нравами, и обычаями. Даже любопытно, существует адыгская поговорка: «Адыгабзэ умышIэмэ, ермэлым еупчIыжь» — «Если адыгского языка не знаешь (не понимаешь), учись (спроси) у армянина».

Принятие адыгской культуры армянами, греками, ногайцами и другими, жившими среди адыгских племен, объясняется тем, что, во-первых, у адыгов уже была своя традиционная древняя, крепко сложившаяся высокая культура, и, во-вторых, общностью бытовой обстановки, в которой длительное время они пребывали. «Живя между черкесами, — пишет Ф. А. Щербина, — в их бытовой обстановке, армяне, понятно, не могли не подчиниться влиянию окружающей их среды, т. е. не могли не строить черкесских сакель, не ездить на черкесских арбах, не вести чер-

⁶⁴ Евг. Ковалевский. Очерки этнографии Кавказа, «Вестник Европы», том III, отд. I, стр. 94—95, 112—113.

⁶⁵ Ф. А. Щербина. История Армавира и черкесо-гаев, Екатеринодар, 1916, стр. 16—19.

кесских видов хозяйства, не усваивать их обычаев и нравов, не учиться черкесскому языку и пр.»⁶⁶.

На таком же, в основном, положении среди адыгов были и ногае-татары, но, правда, лишь с той разницей, что они, усвоив адыгский язык, сохранили и свой.

Адыги с древнейших времен поддерживали культурные связи и с другими соседними народами. Как известно, в VII и начале VI века до нашей эры существовали меновые связи Прикубанья с Закавказьем и Урарту, а через их посредство и с другими странами. С середины VI века до нашей эры адыги начинают устанавливать живые связи и с древнегреческими колониями на Тамани⁶⁷.

Ученые установили, что в древности существовали взаимосвязи скифских и савроматских племен с синдами, меотами, аорсами, сираками и другими древними племенами Северного Кавказа, которые приняли участие в формировании адыго-черкесо-кабардинских и алано-осетинских этнических массивов⁶⁸. При этом связи и взаимовлияния между меото-адыгами и алано-осетинами наблюдаются на протяжении многих веков.

Независимо от того, где бы аланы ни пребывали — то ли на берегах Меотийского озера, то ли в верховьях реки Кубани, — они всегда находились по соседству с меото-адыгами, и линии связи крепились с каждой новой эпохой.

В XVII и первой половине XVIII века осетины находились в тесных политических, экономических, культурных отношениях с адыго-кабардинцами, причем Большая и Малая Кабарда «несколько господствовали» над ними и «присваивали их»⁶⁹.

Осетины, живя в горах, и адыги-кабардинцы — на плоскости были взаимно заинтересованы в сохранении и укреплении хозяйственных связей: одни нуждались в летних пастбищах в горах, другие — в зимних на плоскости. Связи эти развивались и в торговом отношении (через Кабарду к осетинам поступали товары первой необходимости: мануфактура, металлические изделия и соль) и по линии установления родственных связей, отношений аталычества (отдавали мальчиков на воспитание до совершеннолетия). Родственники бывали друг у друга в гостях, устраивали совместные охоты, развлечения. В дни, когда им угрожала опасность, они совместно отражали нашествия врагов: полчища крымских ханов и султанской Турции⁷⁰. Адыги и осы (осетины) выступали совместно против Тамтаракай (Тумтэрэ-

⁶⁶ Ф. А. Щербина. Указ. соч., стр. 19.

⁶⁷ Очерки истории Адыгеи. Майкоп, 1947, стр. 48.

⁶⁸ Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа, Изд. АН СССР М., 1960, стр. 10—11.

⁶⁹ ИСОНИИ. 1933, том VI, стр. 297.

⁷⁰ История Северо-Осетинской АССР. Изд. АН СССР, М., 1959, стр. 106—107.

къашъ)⁷¹. В результате многовековых связей происходило взаимовлияние, взаимопроникновение культур соседствующих северокавказских народов (некоторых обычаев и нравов, сюжетов устного народно-поэтического творчества, элементов музыки и танцев, а также лексики).

Проф. Т. Х. Кумыков в своей работе «Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX веке» (Нальчик, 1965, стр.192) отмечает, что на протяжении многих веков между кабардинцами, чеченцами, ингушами, осетинами и дагестанскими народами развивались экономические и политические связи. Они привели к формированию у этих народов общих элементов в психическом складе, быте и материальной культуре.

Влияние верхнеадыгского (кабардинского) языка на язык соседей — осетин можно подтвердить фактом наличия в их языке множества адыгских слов: *хъама* — кинжал, *Іагубза* — пьяло, стакан, *тъаффа* — лист, *гуфа* — кузов арбы, *зачъе* — борода, *сан* — вино, *лывза* — жаркое, *халывва* — ватрушка, *цывзы* — перец, *дзылла* — общество, *уынаффа* — совет, *гуызава* — сомнение, *гуырысхо* — подозрение⁷², *кезу* — очередь, *кин* — волчок, *джыдэ* — топор, *кІэрахъо* — пистолет и другие⁷³.

Фонетическая характеристика заимствованных осетинами адыгских слов свидетельствует о том, что *проникновение этих терминов и понятий к ним шло через посредство их соседей, т. е. от кабардинцев — к осетинам*⁷⁴.

Народы, населяющие Кавказ, абхазы, сваны, осетины, чечены, ингуши, балкары, карачаи, дагестанцы и ногайцы постоянно общались между собою и поддерживали тесные культурные связи, т. е. шло постоянное многовековое историческое взаимодействие и взаимообогащение национальных культур. В результате всего этого из языка одного народа в лексику другого, из фольклора одних народов в устное народно-поэтическое творчество других вошли новые слова, новые легенды с относящимися к ним личными именами лиц (антропонимикой).

В язык адыгов давно вошло много ногайско-татарских слов, как например къашыкъ (ложка), сабын (мыло) и т. д.

* * *

Крупнейший сказитель Адыгеи Кувай Зэфэс рассказывает много легенд об Едыдже, в основе которых лежит древняя былина о Едыге, известная всем ногайско-татаро-казахо-кипчакским народностям. Причем имя «Едыге» в народной этимологии фо-

⁷¹ Л. Г. Лопатинский. Заметки о народе адыге, СМОМПК, вып. XII, Тбилиси, стр. 9.

⁷² История Северо-Осетинской АССР. Изд. АН СССР, М., 1959, стр. 108—109.

⁷³ Б. Х. Балкаров. Язык беслинеевцев, Нальчик, 1959, стр. 21.

⁷⁴ См. об этом более подробно: Б. Х. Балкаров. Адыгские элементы в осетинском языке, Нальчик, 1965.

нетически совпало с адыгским «Едыдж», и сказитель, не подозревая того, вдохновенно рассказывает легенду как об адыгском богатыре, давно знакомом ему.

По мнению акад. А. С. Орлова, названия, имена казахской былины свидетельствуют о том, что она повествует о золотоордынских правителях Тохтамыш-хане и эмире Идиге (Едиге русских летописей), действовавших в последней четверти XIV и в начале XV веков⁷⁵.

Былину о Едыге, связанную с распадом Золотой Орды при Тохтамыше и Темир-Аксаке (Тамерлане), исследователи возводят к подлинной истории среднеазиатских и крымско-татарских кочевых народов, к такому периоду, когда герои былин еще не казахи, а выходцы из Ногайлы, «когда роды, составившие этническую основу казахского народа, фигурировали еще в составе Золотой Орды, Крымского и Казанского ханств под общим более популярным именем «Ногайлы»⁷⁶. И тогда, находясь по соседству с адыгами, эти роды Ногайлы общались с ними.

Заимствование и переделка имени *Едыге* в народной этимологии в адыгское *Едыдж* по образцу, известному сказителю и привычному его уху, обнаруживается при изучении природы двух разноязычных текстов: первого *стихотворно-песенного* и второго — *прозаического пересказа*.

В былине о Едыге говорится о том, что Бабай-Тукты потерял свою жену вследствие нарушения им трех ее заветов. Согласно ее предсказанию, она безвременно родила ребенка и оставила в безлюдной пустыне, на берегу реки Нила. Отец нашел своего сына, завернутого в платок, под стенами Кимкент-города. «И потому, что ребенок этот безвременно рожден в безлюдной пустыне, то и назвал его *Едыге, соответственно обстоятельствам, в которых мальчик найден*» (подч. нами.—А. Г.)⁷⁷. На языке оригинала былины «Едыге» — «Идыгу» — «Иэдыгын» означает: из-

⁷⁵ Акад. А. С. Орлов. Казахский героический эпос. Изд. АН СССР, М., 1945, стр. 128.

⁷⁶ Акад. А. С. Орлов. Казахский героический эпос. М.—Л., 1945, стр. 7. Тут же автор отмечает: «Приведенные здесь даты относятся к историческому субстрату былин, к событиям и лицам, определенным исследовательски. Но сюжетные и фабульные мотивы, представляющие поэтический субстрат былин, выходят за пределы этих дат».

⁷⁷ Там же, стр. 134—135. Здесь автор отмечает, что потеря жены вследствие нарушения мужем ее заветов и отлет ее—мотив фольклора многих народов. Наименование найденного ребенка соответственно обстоятельствам, в которых он найден, есть, например, в «Повести о Вавилонском царстве» — именно наречение ребенка Навходоносором. Мы со своей же стороны можем подтвердить, что такие явления часто встречаются и в фольклоре адыгов. Так, в сказании о Къззаныкъо Джэбэгъы говорится о том, что ему дали такое отчество (фамилию) и имя по тому, в каких обстоятельствах его нашли «овцепасы». Он был обнаружен в котле, отчего ребенка нарекли Къззаныкъо, в котором «къэзан» — котел, ы — его, -къо — сын, потомок; имя «Джэбэгъы» означает: «окликавший долго плача», (джэ (н)—окликать, -бэ—много, долго, -гъы (н) — плакать).

мученный, оставленный, брошенный, что и обуславливается мотивами самой былины. Едыдж же по-адыгски означает: зло горькое (е—зло, *дыджи*—горькое).

Итак, в первом случае мы имеем стихотворно-песенный текст ногайско-казахской былины с множеством в деталях исторической антропониимики (имен лиц), топонимики (названия местностей) и мотивам, конкретно определяющими собственное имя Едыге.

Во втором случае в адыгском варианте прозаического пересказа ногайской былины о Едыге наблюдается потеря названия города Кимкент, реки Нила, имени хана Тохтамыша и отца найденного ребенка, а также многих деталей, однако основной мотив (Едыдж нанимается работать у хана, и он побеждает его) остается. Остаются и другие подробности оригинала. «Однажды жена ему (хану) сказала о Едыге, что предназначение его выше предназначения Гохсамыш-хана, о чем свидетельствует дрожь, постоянно овладевающая ханом при словах утреннего приветствия Едыге: «Да спасет вас бог!» Чтобы убедить хана, жена приколола низ его платья к полу иглой, которая и переломилась, как только Едыге вошел в юрту с этими словами» (пересказ А. С. Орлова)⁷⁸.

В адыгском пересказе этот эпизод передается с поразительной точностью, но с именем не «Едыге», а «Едыдж». Приведем это место. Вот оно:

— О хан, когда парнишка проходит мимо тебя, ты встаешь. Ты встаешь сознательно или бессознательно? — спросила его жена.

— Как встаю? Я не встаю, — сказал хан...

Жена вернулась (к себе), вдела суровую нитку в иглу, зашла за спину хана и, незаметно для хана, пришила полу кафтана к подушке, на которой он сидел. Когда мальчик проходил (мимо его), хан вскочил с шумом «гау», потянув за собою подушку.

— Ага, встаешь же и сейчас? — сказала жена, обернувшись к хану.

— Аллах (свидетель), я встаю! — сказал хан. — А почему так получается?

— А это получается потому, — сказала жена, — что Ногай Джамбай своего мальчика отдал убийцам, а Едыдж-бия (будущего мстителя за кровь отца. — А. Г.) оставил⁷⁹.

Эпизод ногайско-казахской сказки нашим сказителем передан с поразительной точностью.

Здесь произошла замена ногайского «Едыге» адыгским

⁷⁸ Акад. А. С. Орлов. Указ. соч., стр. 136.

⁷⁹ Адыгэ тхыджэжхэмрэ пшысэхэмрэ. Мыекъяупэ, 1959, стр. 22. (Сказание «Едыдж-бий итхыд», записанное от Кувай Зэфэса в Адыгее, перевод наш).

«Едыдж», очень близким по фонетическому звучанию.

Заметим, что не был сохранен адыгским сказителем стихотворно-песенный строй былины иноязычного народа, лишь было передано им ее содержание прозаически.

Подобные фольклорные явления мы встречаем при наблюдении над жизнью и движением собственных имен эпоса «Нарты» в лексике разноязычных народов, населяющих Кавказ.

В результате взаимодействия и взаимообогащения культур народов, живущих на Кавказе, адыги заимствовали дагестанскую «Лезгинку», чечено-ингушский «Танец Щамиля» и «Осетинскую пляску».

Наблюдается влияние и самих адыгов на развитие и обогащение культуры народов Кавказа и России.

Военный историк И. Попко в своем историко-этнографическом очерке «Терские казаки с стародавних времен» отметил, что «с одеждой и снаряжением казаки... усвоили военное воспитание адыгов и все приемы и туд-де-форсы блестящего адыгейского наездничества»⁸⁰.

«Постоянно общаясь с русским населением, — отмечает М. В. Покровский, — горцы Западного Кавказа в свою очередь оказывали большое влияние на его быт. Это выразилось в заимствовании казаками горского костюма (черкески, бурки, ноговиц, бешмета, папахи), а также предметов кавалерийского снаряжения и конской упряжи. Адыгейские арбы широко вошли в быт станичного населения... Сообщение по реке Кубани производилось почти исключительно на лодках, изготовленных адыгейскими мастерами, жившими в прикубанских шапсугских и бжедугских аулах. Эти мастера делали не только небольшие лодки, употреблявшиеся для переправы через реки и для рыбной ловли, но изготовляли и более крупные суда, поднимавшие по несколько сотен пудов груза и совершавшие плавания с товарами по среднему и нижнему течению Кубани»⁸¹.

«Высокий уровень адыгейского садоводства, — пишет М. В. Покровский, — оказывал свое влияние на развитие садов в Черномории, где широко культивировались высококачественные сорта адыгейских яблонь, вишен и груш. Горцы охотно привозили саженцы плодовых деревьев на русские базары и ярмарки... в области пчеловодства казаки, а затем «иногородние промышленники» также почти целиком следовали приемам, применяемым горцами в уходе за пчелами»⁸².

С древнейших времен славились адыги и в области прикладного искусства. Высокое мастерство и эстетическую зрелость

⁸⁰ И. Попко. Гребенское войско, том I, СПб., 1881, стр. 110—118.

⁸¹ Краснодарский госархив, ф. 249, оп. 1, св. 51, д. 386, л. 140—141.

⁸² М. В. Покровский. Очерки социально-экономической истории адыгейских племен в конце XVIII — первой половины XIX веков, автореферат, М., 1957, стр. 24—25.

они проявили в народном орнаменте⁸³, который находил яркое выражение в золотошвейных работах, в узорчатой декорировке изделий из серебра. По оценке искусствоведа Е. Шиллинга, «на всем Северном Кавказе, включая Дагестан, не находится золотошвейных работ, стоящих по качеству выше адыгейских... Развитая культура адыгэ, их костюм, украшения, обычаи, тонко разработанные правила общественного поведения (т. н. адыгэ хабзэ) долгое время были образцом хорошего тона и предметом подражания у ряда народов Северного Кавказа: осетин, ингушей, чеченцев, кумыков и других» (Шиллинг. Адыгейский узор, «Искусство», М., 1940, № 3, стр. 105)⁸⁴.

В результате продолжительных, изнурительных войн, разорений и пожаров многие из культуры, накопленной адыгами и утвержденной веками, было обречено на гибель.

Разрушительный удар культурному процветанию адыгов в VI веке нанес аварский хан Байкан, который разгромил, сжег дотла всю Адыгею (Черкесию). После аваров к адыгам приходили калмыки, хазары, славяне, посетил их и «бич Божий» Атилла. Он со своими скопичами гуннов дошел до Шат-горы. Нападали на адыгов и турки, и крымские ханы. «Все это в конце концов, — писал А. И. Лавинцев, — обратило прекрасный мирный народ в неустрашимых воителей»⁸⁵.

Много зла, разорений принесло адыгам в 1221—1277 и последующих годах нашествие монголов, которые долгое время оставались грозными соседями и Россией⁸⁶.

Борьба адыгов в XIX веке с царизмом⁸⁷, длившаяся более шестидесяти лет, подорвала мощь адыгов во всех отношениях.

Адыги — в прошлом многочисленный могущественный аборигенный народ Кавказа, расселенный от Тамани до Абхазии по берегу Черного моря и от Тамани через Темрюк по Кубани до Моздока, с ясно выраженной оригинальной и богатой традиционной культурой — в XIX веке были частью истреблены, частью изгнаны с родных мест, а их живописные места поселений превращены в руины и пепелища царским самодержавием,

⁸³ См.: М. З. Азаматова. Адыгейский народный орнамент (альбом). Адыгейское книжное издательство, Майкоп, 1960.

⁸⁴ Е. Шиллинг. Адыгейский узор, «Искусство» М., 1940, № 3, стр. 156—157.

⁸⁵ А. И. Лавинцев. Горные орлы. В кн.: «Покоренный Кавказ», СПб, 1904, стр. 124.

⁸⁶ Описание Кавказского края... Том I, Труды Ставропольской ученой архивной комиссий, Ставрополь, 1914.

⁸⁷ Борьбой адыгов за свою независимость интересовались современники этих событий К. Маркс и Ф. Энгельс. Они писали: «Борьба на Кавказе, которая из всех таких войн покрыла горцев наибольшей славой, их относительные успехи объясняются наступательной тактикой, которой они по преимуществу держались при обороне своей территории» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. том XI, ч. 1, М., 1933, стр. 177).

злейшим врагом всех народов России, «жандармом Европы», по определению В. И. Ленина.

После присоединения Кавказа к России «в 1864 году, — как об этом пишет С. А. Токарев, — большая часть черкесов была принудительно выселена в Турцию. Это была катастрофа, спровоцированная турецкими агентами. Многие злополучные переселенцы погибли в пути, другие погибли в Турции, где им пришлось сильно бедствовать. Потомки оставшихся в живых переселенцев живут в Турции и сейчас... После этой катастрофы черкесы перестали играть ту значительную политическую и культурную роль на Северном Кавказе, которая принадлежала им в прошлом»⁸⁸.

Численность адыгов в разные эпохи менялась резко. По данным, опубликованным в 1912 году в «Известиях любителей изучения Кубанской области», в Турции в то время проживало 2 750 000 адыгов, из которых 105 000 находилось в Константинополе, а остальные в разных губерниях Малой Азии, Турецкой Армении, Сирии и Месопотамии. Такая многочисленность адыгов объяснялась тем, что другие кавказские народы, переселившиеся в Турцию, смешались с ними, потеряли свою национальность, самобытность и язык⁸⁹.

О количественном составе адыгов в XIX веке в русской литературе имеются некоторые данные, составленные «приблизительно», как об этом сообщают их авторы.

Согласно данным «Карты народов, обитающих между морями Черным и Каспийским, на пространстве, подвластном России», составленной по сведениям, имевшимся в Генеральном штабе Отдельного Кавказского корпуса в 1833 году, общее народонаселение адыгов, живущих на Кавказе, составляло 546 000 человек (из них в Адыгее — 501 000, беглые кабардинцы — 15 000, Кабарда — 30 000)⁹⁰.

Военный историк русско-кавказской войны Н. Дубровин в своей работе «Черкесы» приводит следующую таблицу, показывающую численность населения «черкесского племени в два периода времени» на Кавказе:

	Число душ в 1835 г.	Число душ в 1858 г.
Большая Кабарда	24 000	24 282
Малая Кабарда	6 000	12 756
Беглые кабардинцы	4 000	4 707
Шапсуги	200 000	160 000

⁸⁸ С. А. Токарев. Этнография народов СССР. Изд. Московского университета, 1958, стр. 246.

⁸⁹ Султан Довлет-Гирей. Жизнь черкесов-переселенцев в Турции, «Известия Общества любителей изучения Кубанской области», выпуск V, Екатеринодар, 1912.

⁹⁰ См. об этом подробнее: Т. Х. Кумыков. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии, Нальчик, 1965, стр. 55—60.

Натухайцы	60 000	20 000
Абадзехи	160 000	40 000
Хатюкайцы	9 000	4 000
Бзедухи	15 000	8 168
Кемгуй (Темиргой)	25 000	5 115
Беслинейцы	5 000	5 000
Махашевцы	19 000	25 000
Убыхи ⁹¹	527 000	315 549

Как видно из этой таблицы, в течение 23 лет численность у адыгов уменьшилась на 211451 человека. В их числе потери абадзехов (точнее, абдзахов) составляли 120 000 человек, шапсугов — 40 000, натухайцев — 40 000, беслинейцев — 19 985.

В те мрачные для свободолюбивого народа годы изгнания из своей родины свое великое горе — горечь оставления отечества адыги запечатлели в песне.

Марыекъо мэзы гуцэм
 Топыр кыщэгырза,
 Тхьэм тыригъзыгъэ гуцэшъ
 Хэкур къэтэгын,
 Е-о-ой,
 Стамболы текIыжь...

Перевод:

В лесу Марыеко, горе мое,
 Пушки грохочут,
 Богом принужденные—горе мое,
 Родину мы покидаем,
 Е-о-ой,
 В Стамбул мы уходим...

Эту песню можно услышать и в наши дни в Адыгее.

Т. М. Керашев, говоря об искусстве адыгов, о том, что в своих устнопоэтических творениях трудовой народ отражал свои чаяния и ожидания, мечты о светлой жизни, отмечает, что «то неутомимое трудолюбие, с каким ухаживали адыги за своими виноградниками, скотом и садами, та усидчивость, с которой адыги вырезали различные узоры на деревянных изделиях, на чеканках из травы, та богатая своеобразная орнаментация, а также опрятность, прибранность хат, показывают, как хотелось бы

⁹¹ «К черкесскому племени (адыге) мы должны причислить и убыхов, живущих между реками Зюебзе (вернее: Псышуапсы—ПсышIупсы. — А. Г.) и Хамышь (или Хоста), в двух урочищах Вардане и Саше. По происхождению и языку убыхи вовсе не принадлежат к племени адыге; но по нраву, обычаям, общественному устройству и, наконец, по всеобщему употреблению у них черкесского языка наравне с природным языком должны быть причислены к группе черкесских племен» (Н. Дубровин. Черкесы (адыге), Краснодар, 1927, стр. 22—23).

адыгу устроить свою жизнь, и свидетельствуют о значительном их эстетическом чутье»⁹².

Ныне адыги — малочисленный народ Кавказа с большой традиционной культурой.

Разрушительные войны, надо полагать, затмили в памяти адыгов много произведений устного народного творчества — воспоминания о своей древней старине, заключенные в песнях, пщынатлях и легендах. Разумеется, очень многое из адыгского эпоса «Нарты» не дошло до нас. Но и то, что дошло до наших дней, и то, что удалось записать на бумагу и ферромагнитную пленку с помощью магнитофона, свидетельствует о высокой древней многовековой культуре адыгов, о творческой одаренности и мудрости народа.

Адыги, живущие с древнейших времен на берегах Черного и Азовского (Меотского) морей, на благодатных землях Кавказа, постоянно отражали нападения врагов. В силу этих суровых обстоятельств здесь «война и организация для войны становятся... нормальными функциями народной жизни»⁹³.

Эти факторы навевали героический дух на национальный характер, обычаи и нравы адыгов. Все это, разумеется, в известной степени питало, направляло и формировало героическое эпическое творчество народа.

Итак, говоря об этногенезе и кратко освещая исторические сведения об адыгах, на основании вышеприведенных фактов мы можем констатировать, что, во-первых, адыги являются древнейшими аборигенами Кавказа и письменные сведения о них восходят к временам до нашей эры; во-вторых, к древне-адыгским этническим группам принадлежат и абхазы, и абазыны, и убыхи, с которыми они имеют общегенетическое родство; в-третьих, с древнейших времен адыги поддерживали постоянные связи со всеми соседними народами, что обогащало их материальную и духовную культуру; и, в-четвертых, в силу такого постоянного общения и взаимовлияния среди адыгов и их соседей популярны одни и те же легенды о нартских богатырях, почти с одними и теми же главными героями, которые обогащают их национальный фольклор, сближают эти народы и способствуют благотворному развитию общекавказской традиционной культуры.

⁹² Т. Керашев. Искусство адыге, «Революция и горец», Ростов-на-Дону, 1932, № 2—3.

⁹³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., том 16, стр. 139—140.

ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АДЫГСКОГО ГЕРОИЧЕСКОГО НАРОДНОГО ЭПОСА «НАРТЫ»

1. Что мы подразумеваем под адыгским героическим эпосом «Нарты»

Под адыгским героическим народным эпосом «Нарты» («Нартхэр») мы подразумеваем совокупность адыгских песен, пщынатлей и легенд о нартах. Эпос повествует о нартах. Поэтому его называем «**нартским**». Учитывая то обстоятельство, что эпос «Нарты» — вымысел, автор полагает правомерным, а потому и удобным условно именовать его прозаические тексты легендами (хъишъэ). Адыгский эпос «Нарты» — живой эпос.

По определению проф. Жоржа Дюмезиля, эти легенды заслуживают внимания прежде всего потому, что «они дают прямую картину о жизни, о душе народов, которые их рассказывают. Там можно увидеть кодекс чести горцев, который не исключает ни ложь, ни измену...»¹.

Эпос «Нарты», пожалуй, самое ценное и самое гениальное из всего, что создано и сохранено народным искусством адыгов за их многовековую жизнь. Анализ материала со всей очевидностью показывает, что на протяжении многих веков адыгские песни, пщынатли и легенды народного эпоса «Нарты» создавались одноязычными меото-адыгскими племенами.

О принадлежности названного народного эпоса меото-адыгам говорят, в частности, и многочисленные топонимические наименования, встречающиеся в произведениях о нартах. Топонимика нартского эпоса — это топонимика той самой территории, которую, как об этом свидетельствует история, некогда занимали или достигали древнеадыгские племена. Яркую иллюстрацию к этой мысли может дать, например, древнеадыгская песня-пщынатль о нарте Шэбатыныко (Шэбатыныкъо), так как «песня, связанная и мелодией и ритмом и рифмой, вообще и всегда лучше сохраняет если не исконные, то наиболее древние формы передачи содержания»².

¹ G. Dumézil. *Légendes sur les Nartes*, Paris, 1930, p. VII.

² См.: акад. И. А. Орбели. Предисловие к книге «Давид Сасунский», армянский народный эпос., Ереван, 1939, стр. X.

В пщынатле о нарте Щэбатыныкьо (Бэдынокьо) поется:

«Тенэ кьырэгъуаза, орэда,
Гъуазэ кьырыдэкла, орэда,
Пщызэ никлыгъожьхэр, орэда,
Шы чэпэпс фэмышъуа, орэда...»

В этом контексте отмечается, что нарт Щэбатыныкьо (Бэдынокьо) следует с верховья *Тенэ* (Дона) в направлении к Черному морю в район *Пшызэ* (Кубани).

Согласно текстам адыгской легенды «Рождение Саусырыко» и абхазского варианта, Сэтэнай-гуащэ производит стирку на берегу реки *Пшыз* (Кубани) или *Лабы*; по другим текстам — нарт водит на водопой своего коня на реку *Уарп* (Уруп), переплывает *Лабэ* (Лаба); в цикле сказаний о Пакоко Тэтэрсао (Пакокьо Тэтэршъау) повествуется о том, что нартская девушка толчком одной руки переправляет лодку через реку *Шгъхэгъуащэ* (Белая), по другим вариантам — *Пщыщ*. Нарт Саусырыко (Саусырыкьо) замораживает иныжа (великана) в Хы ШIуцIэ (Черное море). В сказаниях о Сет — братьях нарт (Сит Сэтымыкьо) отмечается, что они пришли из района *ТIуапсэ* (Туапсэ). В легенде о храбром нарте БэукI упоминаются: *Темэн* (Тамань), *Тсмэншыу* (Таманский всадник); нарт Нэсрен прикован к вершине горы *Годышэ* (Одисса — Кавказа) — *Юшгъхэмаф* (Эльбрус) и т. д.

Все эти и многие другие древнеадыгские топонимические наименования составляют географию адыгского эпоса «Нарты».

Адыгские певцы и сказители считают нартвов народного эпоса своими реально существовавшими прямыми предками и поэтому совершенно убежденно связывают их имена с названиями курганов, рек, селений, источников, растений, а также фамилиями. К сожалению, это положение не всегда исследователями было принято критически. Так, Ш. Б. Ногмов к числу «вождей и знаменитых витязей, прославившихся в глубокой древности», относит нарта Сосырыко³.

Идеал нарта — борьба со злом, проявление стойкости и бесстрашия в этой борьбе, утверждение правды и справедливости, помощь слабому, защита бессильного во имя свободы человека. Эти качества опосредствуются моральным кодексом, выработанным народом на протяжении многих тысячелетий.

Педагогичность этого эпоса выражается в том, что через посредство песен, пщынатлей и легенд о нартских богатырях старшее поколение адыгов передавало и передает младшему свой многовековой опыт жизни, борьбы и труда.

Неоценимо велика роль адыгского народного эпоса о нартских богатырях в идейном воспитании молодежи. Он привива-

³ Ш. Б. Ногмов. История адыгейского народа, Нальчик, 1947, стр. 40.

ет ей высокие патриотические качества. М. И. Калинин, обращаясь к агитаторам-бойцам в дни Великой Отечественной войны, призывал их: «Воспитывайте в наших людях советский патриотизм, национальную гордость, напоминайте каждому бойцу о героических традициях его народа, о его прекрасном эпосе, литературе, о великих людях — полководцах и военачальниках, о борцах за освобождение народных масс»⁴.

Песни и легенды эпоса отражают различные этапы развития общества, различные эпохи, через которые они проходили.

Нарты — суровые воители-богатыри. Они не страшатся трудностей, способны перенести любые лишения и невзгоды, готовы пойти на любые испытания и страдания, защищая честь человека, его свободу и счастье. Их занятие — странствия, поединки, борьба с темными силами природы, добывание огня, плавка железа, изготовление предметов личного вооружения и орудий труда, возделывание проса, производство всевозможных напитков.

В адыгском эпосе «Нарты» основные образы богатырей (Сэтэнай-гуаш, Орзэмэс, Саусырыко (Сосырыко), Шэбатыныко (Бэдыноко), Пэтэрэз (Бэтэрэз), Ащэмэз (Іашэмэз) и другие) поданы величаво, выпукло и рельефно. Они постепенно вырастают из легенд титанами перед мысленным взором слушателя, в их величии мы видим не только физическую силу, но и ум, и совесть, и честь, проявляемые в направлении защиты бессильного, оказания помощи слабому, отражения врагов. В адыгском героическом эпосе богатырей (мужчин и женщин), имеющих свое личное имя, более 100.

Наблюдения над адыгским эпосом «Нарты» показали, что одни циклы его наиболее полюбились некоторым этническим группам адыгов и нашли большую популярность среди них. Так, среди всех этнических групп адыгов широко известны песни, пщынатли и легенды о Саусырыкьо (Сосырыкьо), Шэбатыныкьо, Сэтэнай, Пэтэрэз, Іашэмэз, Лъэпшъ, Шъэуай, но у шапсугов наиболее популярны Іашэмэз, Саусырыкьо, Пэтэрэз, Лъэпшъ; у бжедухов, хатукайцев, абдзахов — Пэтэрэз, Саусырыкьо, Лъэпшъ, Колэс, БэукІ, Шэбатыныкьо; у егерухаевцев — Сасырыкьо, Шэбатыныкьо, Лъэпшъ, Сэтэнай; у беслинеевцев и кабардинцев — Сосырыкьо, пщы Бэдынокьо (Шэбатыныкьо), Шъэуай, Іашэмэз, Лъэпшъ, сатирические куплеты Лашынэ... Одни певцы, как абдзах Кувай Зэфэс и Хамтаху Аюб, не совсем охотно расскажут о Саусырыкьо, по их мнению, он не из самых храбрых, а то, что он иногда одерживал победы над своими недругами, то это только заслуги его матери Сэтэнай-гуаш; а Гойкьо Хазраило (Адыгея), Хавпачеву Амерхану (Кабарда), Ордокову Мырзэбечу (Черкесия), Хахо Мостафа (Кфар

⁴ М. И. Калинин. О коммунистическом воспитании, М., 1945, стр.154.

Кама, Израиль) нравится образ Саосырыкъо (Сосырыкъо), и они с желанием исполняют пщынатли о нем; Схаляхо Алий из Афысыпа предпочтение в храбрости отдает нарту Іашэмэзу...

Язык адыгского эпоса отличается суровым, спокойным и величественным тоном повествования. Он не знает внешней рисованности, красотей и помпезности. В основном действия героев поданы в реалистическом плане, но они навеяны мотивами идеализации и героизации. Адыгские песни, пщынатли и легенды не знают никаких сказочных зачинов и концовок. Основной прием изображения образа и действия — гиперболизация.

Судя по наличию языковых архаических форм и словообразовательных элементов в личных именах центральных героев, мы несколько склонны полагать, что основные адыгские песни и пщынатли о нартах Іашэмэзе, Щэбатыныкъо и Саосырыкъо родились в шапсугской (натэкуайско-хакучинской) среде.

2. «Нарты» — эпос доклассового, первобытнообщинного строя

Науке известны эпические памятники разного происхождения. Мировой популярностью пользуются такие **исторические** эпические памятники, как «Давид Сасунский» — армянский героический эпос, сложившийся в VII—X веках под непосредственным влиянием народно-освободительных восстаний против владычества Арабского халифата⁵; сказания о Кёр-оглы, созданные в Азербайджане и отображающие героическую борьбу азербайджанцев против турецких пашей и местных феодалов в XVI и XVII веках, и в Туркмении — борьбу народа с иранскими захватчиками в XVI—XVIII веках⁶; киргизский эпос «Манас», отображающий период борьбы киргизов за свою независимость против калмыков в XV—XVII веках⁷, и многие другие. В этих произведениях устнопоэтического творчества, как правило, имеются названия народов, городов и даже реальных личностей.

К первобытным памятникам наука относит древние легенды

⁵ Г. А. Григорян. О некоторых чертах армянского героического народного эпоса «Давид Сасунский». Сб. «Вопросы изучения эпоса народов СССР», М., 1958, стр. 168—175. Кстати, Сасун — высокогорная область в юго-западной части исторической Армении, один из центров народного движения против арабского владычества в IX веке, ныне находится в пределах Турции. Восстание 851—855 гг., описанное в романе Церенц (Овсела Шашманяна) «В муках рожденная» (Ереван, 1961), лежит в основе армянского эпоса «Давид Сасунский».

⁶ Л. И. Климович. Заметки об эпическом творчестве Советского Востока, сб. «Вопросы изучения эпоса народов СССР», М., 1958, стр. 241.

⁷ В. М. Жирмунский. Некоторые итоги изучения героического эпоса Средней Азии. Там же, стр. 58. М. И. Богданова. Об особенностях киргизского героического эпоса «Манас». В кн.: «Киргизский героический эпос «Манас», М., 1961, стр. 209—210.

и былины, которые, не имея такой основы, обобщенно отражают борьбу древнего человека с природой на раннем этапе своего существования, когда его круг знаний об окружающей природе и ее явлениях был крайне ограничен; отражают борьбу с безымянными чудовищами—великанами, которые нападают на людей, отнимают у них и угоняют скот, а также жен и сестер; в них выступают титаны-богоборцы, отстаивающие интересы человека на земле.

Разумеется, как в исторических, так и в первобытных героико-эпических памятниках образы героев и их действия подаются весьма фантастично и в своеобразной мифологической окраске.

Мифологические образы, естественно, присутствуют в народном эпосе, поскольку он художественно отображает реальную действительность, самого человека во взаимосвязи с явлениями природы. Народ, «создавая эпическую личность, наделял ее всей мощью коллективной психики»⁸.

Адыгский героический народный эпос «Нарты» правомерно следует отнести к эпосам доклассового, первобытнообщинного строя, к категории так называемых «**первобытных**», с элементами наслоения общественных формаций последующих эпох, через которые он проходил.

Древнеадыгскому народному эпосу «Нарты», разумеется, присуще постоянное движение, изменение, потеря и возникновение деталей; «ведь подобные памятники фольклора за долгий период своего бытования в народе изменились как в смысле, так и в речевом отношении. Под влиянием новой среды и литературы в них появляются новые наслоения, выпадают некоторые старые моменты, *но в уцелевших легендах* и их частях все же сказываются в какой-то мере взгляды и представления прежних поколений, отличающиеся от современных и потому не всегда понятные нам»⁹.

В эпосе мы встречаемся с явлениями анимизма, одухотворением окружающих предметов и явлений, с фактами миропонимания первобытных людей, бессильных перед стихиями природы. В легенде «Как Саусырыкъо вновь добыл нартам семена проса» проходит поверие, будто душа похитителя семян проса Емынэж покоится то в двери, то в дереве («Нартхэр», том 1, № 107). В представлении нарта адыгского народного эпоса мир, который постоянно его окружает, полон неисчислимых тайн, страшных существ, с которыми они бьются. Такими существами в адыгских текстах выступают великаны-людоеды и лесные получеловеки.

⁸ М. Горький. Собр. соч. в 30 томах, том 24, стр. 26.

⁹ Иосиф Мегрелидзе. Руставели и фольклор, «Сабчота мцрალი». Тбилиси, 1960, стр. 9—10.

Нарты наделены магической силой: Саусырыкъо вызывает жару или мороз (см. «Саусырыкъо маштор къызэрихьыгъэр» — «О том, как Сасырыкъо огонь добыл»), или дождь-непогоду (эпизод встречи Саусырыкъо с Адиху (Іэдииху) на берегу реки Инджыдж); некоторые нарты излучают свет (Адииху¹⁰ своей рукою освещает путь мужу во время переправы через реку); встречаются мотивы превращения — жена Пакокъо Тэтэршъао с помощью волшебной «къамыш паку» (плети короткой) превращает мужа то в коня, то в собаку; а в сказке о Хъагъуре, его жена с помощью волшебной плети превращает мужа то в собаку, то в петуха, он (Хъагъур) свою жену и ее любовника — в ослицу и осла¹¹.

На ранней поре своего существования древние адыги, имея очень ограниченный круг знаний об окружающей природе и ее явлениях, слагали свои песни и легенды, в которых они отражали опыт жизни и труда, свои взгляды на природу, идеалы современной им эпохи, учреждали свой моральный кодекс, свое мироощущение, миропонимание.

Таким образом, адыгский эпос «Нарты» — эпос доклассового, первобытнообщинного строя.

«Основу первобытнообщинного строя, — пишет М. О. Косвен, — составляет общественная собственность на средства производства. Низкий уровень развития производительных сил и их характер, наряду с общими условиями жизни человека в эту эпоху, обуславливает необходимость общего, коллективного труда, а общий труд и ведет к общей, коллективной собственности как на средства, так и на продукты производства. Частной собственности не существует. Не существует в эту эпоху ни общественного неравенства, ни классов. Не может существовать и эксплуатации человека человеком»¹².

3. Мечта человека в эпосе

Адыги в своем эпосе запечатлели свои чаяния и ожидания. На эту сторону вопроса обратили внимание М. И. Мальцев и В. М. Потявин в своей работе «К вопросу о социально-классо-

¹⁰ Как мы установили, собственные имена нартов носят символический характер и указывают на их функцию в эпосе. Значение собственного имени лучезарной нартской женщины «Іэдииху», освещающей ночью своей рукой путь мужу, в этом отношении вызывает особое любопытство. Оно многосложное, в котором: Іэ — рука, дий — кисть, ху — белое, светлое, т. е.: «Светлорукая». Этот факт, как и многие ему аналогичные, свидетельствует о том, что легенды о нартах — продукт человеческого мышления и фантазии, а не были о реальных людях нартов-богатырей, существовавших некогда «до прихода народа на эти места», где о них рассказывают и поют и поныне.

¹¹ СМОМПК, Тифлис, 1891, вып. XII, стр. 78—90.

¹² М. О. Косвен. Очерки истории первобытной культуры, М., 1957, стр. 7.

вом содержании нартского эпоса». Авторы отмечают, что некоторые исследователи представляли жизнь нартвов как полную чашу материального изобилия, а их общественный строй — идеалом демократии... В самом деле, могли ли быть то изобилие и та беспечная щедрость и расточительность древних людей, которые оказались бессильными в борьбе со стихийными силами природы и поэтому подвергались неисчислимым бедствиям и материальным лишениям? В земледелии, в скотоводстве, в охоте и рыбной ловле труд их был примитивен и мало производитель¹³.

В силу этих обстоятельств нартвы отсекали голову старцам, уже не пригодным к полезному труду (пщынатль «О том, как Саусырыко спас Орзэмэджа»), или сбрасывали с высокой скалы в пропасть («О том, как Шэбатыныко изменил старый обычай нартвов»). В благополучной жизни, изобилии у нартвов подтекстно следует видеть чаяния человека, а не реальную жизнь древних людей.

И. В. Тресков отмечает, что главным лейтмотивом в нартском эпосе является великая любовь к человеку, стремление сделать его жизнь более радостной и светлой. Народ воплощал в своих фольклорных образах свой многовековой опыт, свою мечту о счастливой и радостной жизни¹⁴.

Производство и потребление у нартвов — коллективное. Нарты сообща обрабатывают землю, пашут деревянным плугом (пхъэIаш), возделывают просо (фы, ху), ухаживают за плодовыми деревьями и виноградом — санэ, из напитков производят *нартсан* (нартское вино) в их разновидностях: *сэнэплъ* (вино красное) и *сэнэф* — *сэнэху* (вино белое); занимаются пчеловодством и пьют шъоупсы-фоупс (медовую воду).

Нарты добывают огонь, обрабатывают железо, производят орудия труда (лемех, серп, клещи) и для лечебных — «ремонтных» целей делают медные «заплатки», накладываемые на разбитые головы богатырей; они делают предметы вооружения — всережушие и всерубящие мечи, длинные пики с острыми наконечниками, всевозможные стрелы, в их числе и стрелы самоуправляемые, самоотыскивающие цели (Тлепш делает одну самоуправляемую стрелу, которую пускают для отыскания и поражения трех нартвов); они, наконец, занимаются охотой, совершают дальние походы и добычу делят поровну.

Хачим Теунов в своем труде «Литература и писатели Кабарды» пишет, что «Нарты» повествуют народу о том, как

¹³ Ученые записки Чувашского госпединститута, вып. IV, Чебоксары, 1956, стр. 132.

¹⁴ И. В. Тресков. Кабардинская литература. Сб. «Кабардино-Балкарская АССР», Нальчик, 1957, стр. 546.

люди в тяжелой борьбе с природой и злыми силами отстаивали свое право на счастье; эпос воспеваfe непреходящие ценности человеческого духа: любовь к труду, готовность к самоотверженной борьбе, протест против насилия, помощь слабому, мужество, смелость и благородство, мудрость и находчивость, верность в дружбе и неугасимый прометеев огонь¹⁵.

Адыгский героический эпос «Нарты» многопланово отображает различные стороны жизни ранних периодов развития общества и, в частности, особенности быта, нравов и психологии мето-адыгов.

Так, в легенде «Сэтэнай-цветок» повествуется о том, как человек впервые познал живительную силу влаги. «Вода душе подобна», — гласит нартская поговорка.

Герои эпоса мечтали далеко видеть и слышать, быстро пересекать водные и воздушные пространства, молниеносно возводить переправы (мосты) и жилища, смело управлять природой (вызвать дождь и бурю, мороз и жару), жить богато и даже воскрешать мертвых. Об этом повествуют нам нартские легенды, в которых проходят богатые пиршества, походы богатырей и разные их чудодействия. С помощью «псыщыкIo цуакъ» (буквально: «поводеходная обувь») богатыри быстро передвигаются по морю, не погружаясь; с помощью «къамыщ пэкожъ» (буквально: «плеть тупоносая старая-добрая») молниеносно прокладываются переправы, и, более того, стоит ею ударить по «Анэ»¹⁶ и сказать «къытехь!» («появись!»), как сразу же появится все то, что угодно человеку¹⁷. С помощью камня-оселка (мыжьоупцIэ) нартская женщина оживляет убитого Ащэмза¹⁸. В этих предметах, наделенных народом волшебными свойствами, мы видим устремления человеческого ума предугадать перспективы развития науки и техники.

В наши дни мечты людей претворяются в явь. Советские космонавты совершили блестящие космические полеты. Космонавт А. А. Леонов вышел из кабины корабля и шагнул в космос. А о том, как человек стремился познать космос, говорилось в древнеадыгском эпосе «Нарты» (см. в конце книги легенду

¹⁵ Х а ч и м Т е у н о в. Литература и писатели Кабарды. СП, М., 1958, стр. 39—40.

¹⁶ **Анэ**—круглый столик адыгов. Различают два типа: первый—на трех ножках, пользуются им в быту; второй — без ножек, с одной стороны слегка вогнут,—походный.

¹⁷ «Нартхэр». Рукопись АНИИ, том. I, № III, легенда «О том, как Саусырыко нартам дележ устроил». Кстати, у адыгов есть поговорка: «Мыр нарт ялэнэжъ пшIошIа!» — «Что, думаешь, это нартов старый стол, что ли!».

¹⁸ А. Н. Д у ч к о в - Т а р а с о в. Абадзехские былины, ЗКОИРГО, Тифлис, 1902, кн. 22, вып. 4, стр. 36—37.

«Нартхэр уашьом зэрэдэкЫгыэ шыкІэр» — «О том, как нарты хотели добраться до неба», стр. 345—346).

Человек делает все новые шаги к познанию вселенной. Так, 3 февраля 1966 года советская автоматическая станция «Луна-9» произвела мягкую посадку на поверхность Луны. Как сообщала печать, недалеко то время, когда по лунным «морям» и «вулканам» пройдет человек... Осуществление мягкой посадки на поверхность Луны позволит ученым в самом недалеком будущем изучить природу лунной поверхности с помощью автоматических приборов, а в дальнейшем открывает перспективу посылки по этому же маршруту целого экипажа.

После трех с половиной месяцев космического путешествия автоматическая станция «Венера-3» достигла планеты Венера и доставила на ее поверхность выпел.

В эпосе подтекстно слышится главный его лейтмотив: «Где бы, на какой бы космической высоте ни обитало человеческое счастье, оно будет завоевано».

В аспекте рассматриваемых нами вопросов представляет научный интерес адыгская легенда, которая известна в эпосе под названием «Тыгъэр пщыхъэрэ къызфызтеуцогорэр» («Почему Солнце по вечерам перед закатом на время приостанавливается»).

...Сэтэнай и нартский юноша — шорных дел мастер — поспорили: она обязалась в течение светового дня сшить сае (черкеску), а он — сделать седло. День был жаркий. Они очень упорно трудились. Солнце уже было близко к закату, когда юноша закончил свою работу, и новое седло он положил сбоку себя. Сэтэнай показалось, что она, возможно, не управится за оставшееся время, и тогда обратилась к Солнцу с просьбой:

— О Солнце, немного приостановилось бы!

В те времена желание нартов сбывалось, и поэтому перед закатом Солнце приостановилось и стояло до тех пор, пока она не закончила свое шитье... И с этого времени, когда Солнце входит в эту пору, стало привычкой приостанавливаться на краю неба¹⁹.

В нашем сказании четко запечатлено миропонимание древних адыгов, их представление о Солнце, как об одушевленном существе, с качествами, присущими человеку: слышать, понимать, исполнять просьбу.

Во всех древних сказаниях подтекстно ощущаем и зримо представляем, о чем мечтали создатели этих легенд меото-адыги, какую жизнь, какие возможности они хотели бы иметь; мы видим адыгское мировоззрение и миропонимание, мы чувствуем их древний меото-адыгский дух.

¹⁹ Н а р т х э р. Рукопись АНИИ, том I, текст № 17.

4. Возраст циклов. Древность эпоса

Определение «возраста» песен, пщынатлей и легенд или циклов эпоса является одним из центральных вопросов нартоведения. Но вряд ли можно говорить о точной дате возникновения произведений народного первобытного эпоса, плода коллективного творчества многих веков. Здесь уместно вспомнить замечания акад. И. А. Орбели, одного из крупных исследователей армянского эпоса «Давид Сасунский», относительно точной датировки возникновения народного эпоса. «Не является ли такая попытка определить точную дату возникновения народного эпического круга,—пишет он,—столь же невыполнимой, как попытка установить на основе наблюдений над течением реки, цветом и вкусом ее воды время зарождения первого ручейка, обратившегося затем в могучую величавую реку, несущую свои волны к берегам великого соленого моря»²⁰.

При внимательном ознакомлении и анализе циклов эпоса (изучение основного занятия, «профессии» персонажа и т. д.), хотя и весьма ориентировочно, но все же можно предположить эпоху, отображаемую ими и проливающую тусклый свет на время его зарождения.

«Народная поэзия, произведение массы, — по определению Поля Лафарга,—возникает из самого быта народных масс, народ поет свои песни под непосредственным и прямым впечатлением страсти, которую он испытывает...»²¹.

В порядке иллюстрации мы можем взять любой цикл эпоса.

Обратимся к циклу «Нарт Тлепш» («Нарт Лъэпшъ»).

Искусный мастер Тлепш из железа делает нартам всевозможные предметы личного вооружения — ножи, шашки, мечи (сэ, сэшхо), разные наконечники стрел и пик (щэ, пчы), а также и первый серп, и первые клещи и ножницы. Всегда в руках Тлепша — железо.

Эпоха же изготовления предметов вооружения из железа отнесится по целому ряду археологических памятников Северо-Западного Кавказа к VIII—VI векам до нашей эры²².

Как об этом пишет А. А. Иессен в своей работе «Прикубанский очаг металлургии и металлообработки» (Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа, № 23, Изд. АН СССР, М.—Л., 1951, стр. 98, 117), медные и бронзовые орудия

²⁰ Акад. И. А. Орбели. Предисловие к книге «Давид Сасунский», армянский народный эпос, Ереван, 1939, стр. IX.

²¹ П. Лафарг. Очерки по истории культуры. «Московский рабочий», М.—Л., 1926, стр. 54.

²² Н. В. Анфимов. Протогеотский могильник с. Николаевского, «Сборник материалов по археологии Адыгеи» (СМАА), том II, Майкоп, 1961, стр. 103—126; П. А. Дитлер. Могильники в районе поселка Колосовка, на реке Фарс, СМАА, том II, Майкоп, 1961, стр. 140—144.

(топоры-секиры, ножи, наконечники стрел и пр.), собранные в бассейне р. Сочи и хранящиеся в Сочинском краеведческом музее, относятся к периоду от начала II тысячелетия до нашей эры почти до середины последнего тысячелетия до нашей эры, т. е. до скифского времени, а основная масса ранних «скифских» курганов Северного Кавказа, в инвентаре которых наконечники копий и дротиков, акинаки, датируется временем не ранее рубежа VII—VI веков до нашей эры. Эта группа курганов характеризуется широким освоением железа.

Археолог Е. П. Алексеева пишет, что в VIII—VII веках до нашей эры на Северном Кавказе появляется железо²³. Таким образом, по общеизвестному выражению Ф. Энгельса, здесь наступает эпоха «железного меча, а вместе с тем железного плуга и топора».

Археолог Е. И. Крупнов считает, что в раннюю человеческую пору возникли нартские мотивы, в ту пору, когда изобиловала бронза и жизнь горцев была заполнена героическими делами.

«Резонно предположить,—пишет Е. И. Крупнов,—что именно в ту начальную эпоху железа и зародились основы цикла сказаний о Тлепше, воплотившем в себе древнее высокое кузнечное мастерство»²⁴.

Итак, согласно этим фактам, судя по мотивам, наличествующим в текстах, время зарождения и начало формирования цикла адыгского эпоса о нарте Тлепше следует отнести к отдаленным векам до нашей эры.

В древнеадыгском народном эпосе «Нарты» подчеркивается, что кузнец Тлепш знает два вида закалки: «холодную» (чъыгэ пщэжъын) и «горячую» (мэшгэ пщэжъын). Эпос указывает, что нарты стали применять огонь в производстве предметов личного вооружения (мечей, пик, всевозможных наконечников стрел), предметов быта и орудий труда (клещей, серпов и лемехов).

«Открытие, знаменующее переворот в производстве путем применения огня, — отмечает проф. Ш. Нуцубидзе, — произвело, по всем данным, сильное впечатление на народное творчество. Поэтому в создании мифологического эпоса нашло свое отражение применение огня в производстве. Нет сомнения, что в Греции, и в других местах, творческое отображение этого события имело место уже в позднейшем «переживании» давно прошедших событий».

«Что касается предков грузин, — продолжает Ш. Нуцубидзе,—то исторические памятники подтверждают развитое состояние использования каленого железа уже во второй половине

²³ Е. П. Алексеева. О чем рассказывают археологические памятники Карачаево-Черкесии, Черкесск, 1960, стр. 14.

²⁴ Е. И. Крупнов. Древняя история Кабарды, Нальчик, 1952, стр. 48.

II тысячелетия до нашей эры. Находки Богазкойского архива, изыскания Винклера, дипломатические документы Египта (при Рамзесе II) и Хетского царства (Хатушил III), а также недавние раскопки Триалети — все это указывает на такое массовое изготовление оружия из каленого железа на восточном побережье Черного моря, что оно составляло предмет экспорта. Само собой разумеется, что ознакомление с новым способом производства должно было далеко предварить его массовое внедрение²⁵.

О древности адыгского эпоса «Нарты» свидетельствуют и другие факты.

В пщынатле о Шэбатыныко имеется описание «большого» дома Алэджа (Галэдж) — места собрания нартов, где проходят заседания Хасэ (Совет).

Алэджа дом старый, орэда
Дом покосившийся, орэда
Колонны-подпорки его, орэда
Восемь волов еле тащут, орэда
Тридцат **тха** длины, орэда
Его терраса, орэда
По грудь лошади, орэда...

Примечательным в этом тексте является упоминание меры длины, веса, высоты у человека древности: «*восемь волов еле тащат*», «*тха*», «*по грудь лошади*» (в некоторых вариантах «по грудь вола»).

В этом доме, на Хасэ (Совете), нарты решают свои дела и споры. Решение Хасэ не оспаривается. На Хасэ воздают дань уважения и похвалы щедрым и храбрым нартам.

Законы нартов суровы. Кровавая месть — священный долг защиты рода. Их девиз: «Око тронет — за душу возьми!»

Беспределен в своих правах Хасэ (Совет), выносящий смертные приговоры состарившимся, непригодным к труду и другим лицам. По решению Хасэ заочно осужденный вызывался на собрание нартов. Состарившегося нарта, не способного уже быть полезным обществу, ставили около сэнэф кIад (бочка с вином), вручали ему ковш. Он, произнося хохи (тосты), пил за здоровье нартов. Он доходил до сильного опьянения. В таком виде его отводили в определенное место (обычно в дол) и там отсекали ему голову. В сказании о нарте Орзэмэсе повествуется о том, что таким образом нарты хотели лишить жизни «бесполезного» Орзэмэса, но умной Сэтэнай удалось спасти его с помощью своего сына Саусырыко, которого она содержала тайно в подземном доме (чIыунэ) до совершеннолетия.

²⁵ Ш а л в а Н у ц у б и д з е. Мифология и мифологический эпос, «Амирани», Тбилиси, 1946, стр. 17—18.

Эти черты жизни и быта человека, засвидетельствованные в адыгском эпосе «Нарты», указывают на его древность.

5. Мотивы кровнородственной семьи. Черты матриархата и патриархата

Эпос «Нарты» в художественной форме отобразил жизнь и быт народа.

В эпосе встречаются и другие факты, характеризующие далекую старину, факты, которые с точки зрения современного человека не этичны, не правомерны, и, передавая их, адыгские сказители и певцы иногда объясняют эти «странные», на их взгляд, явления с позиции своего современного мирозерцания.

По некоторым вариантам, Сэтэнай-гуащэ является сестрой нарта Орзмэса и, несмотря на это, она — его жена. Наукой установлена «правомерность» таких фактов в доисторическую эпоху.

Ф. Энгельс, говоря о кровнородственной семье в своем труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства», писал: «Братья и сестры — родные, двоюродные, троюродные и т. д. — все считаются между собой братьями и сестрами и *уже в силу этого* мужьями и женами друг друга.

Родственное отношение брата и сестры на этой ступени семьи включает в себя взаимное половое общение как нечто само собой разумеющееся»²⁶.

В примечаниях к этому положению Ф. Энгельс приводит высказывание К. Маркса о том, что «в первобытную эпоху сестра *была женой, и это было нравственно*»²⁷.

«При очень распространенном у малийцев матрилокальном браке, — сообщает Л. Мерварт, — при котором дети остаются в роде матери, браки единокровных, но единоутробных братьев и сестер возможны и не вызывают представлений о кровосмешительстве. Индийцы же допускают браки между людьми разных поколений. Брак с дочерью сестры индийцы считают даже самым естественным браком»²⁸.

В адыгской легенде «Нарт Шэбатыныкьо Акуандэ-дахэ дэжь кызырыклогъагъэр» («О том, как нарт Шэбатыныко посетил Акуандэ-дахэ») встречается одна интересная деталь. Приведем это место: «Нарт Шэбатыныкьо жьокьо-янэм чыунэджэ ыпгугъ, хьэпаниитгурэ бгъэжытгурэ дигъэсагъэх.

Аущтэу Шэбатыныкьо²⁹ лIы къэхъугъ. ЛIы кызыэхъум, Iалэ-

²⁶ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, М., 1951, стр. 36.

²⁷ Там же.

²⁸ Л. Мерварт. Предисловие к книге «Сказание о Сери и Раме», М., 1961, стр. 13.

²⁹ «Курган Шэбатыныко» имеется в ст. Тимашевской (прим. сказителя).

джымэ яунэ Іэкуандэ-дахэр аІоу пшъэшъэ дэгъу горэ исыгъэти, Чэлэхъсэтым ипшъашъэу, ащ дэжы кьэкІуагъ. Ипч пчъэлупэм щычІисишъ, ежъ пшъэшъэ дахэм дэжъ, унэм ихъагъ»³⁰.

Из приведенного текста видно, как нарт, *прежде чем войти в дом к красавице, оставил перед ее дверью пику, воткнул ее в землю и сам вошел к Акуандэ-дахэ*. Сказители, передавая эту деталь, связанную с *пикой*, каждый раз стараются пояснить, как будто «нарт Шэбатыныко так сделал лишь с той целью, чтобы испытать силу молодых нартов: «пусть попробуют они выдернуть ее!»

Этот мотив оставления предмета личного вооружения перед дверью при посещении женщины наблюдается и в других текстах адыгского фольклора. В этом отношении представляет определенный интерес текст «Пщы-орк заом ехьылІагъ» («О битве с князьями-дворянами»), записанный (25/IX 1960 г.) со слов 68-летнего сказителя из адыгейского аула Шэбэнэхабля Батыжа Хаджимоса научным сотрудником АНИИ М. К. Хуажевым. Приведем дословно интересующее нас место из этого текста.

«А лъэхъаным фэкъолІ пшъашъэ лІы зыдакІоджэ, апэрэ чэщыщым пщэр пшъашъэм голтытыгъ... Нэчахъэр затхым, пщым иІашэ къаригъахы кыпаригъэлыагъ. Ар хабзэти...» (Архив АНИИ, ф. 1, ед. хр. 37, стр. 5).

Перевод:

«В те времена, когда девушка из свободных крестьян-фокотлей выходила замуж, первые три ночи с девушкой ночевал князь... Когда был написан брачный акт — «нэчах», князь свою саблю прислал и велел повесить. Так как это было в обычае...»

Этот факт адыгского фольклора свидетельствует о том, что обычай оставления перед домом женщины (к которой приходил мужчина) предмета из своего вооружения был явлением, свойственным не только глубокой древности, но и более поздним временам.

На ранних ступенях развития человеческого общества, как известно, существовали очень примитивные формы ведения хозяйства и не менее примитивные формы общественных отношений и брака. В эту пору женщина считалась личностью первостепенной по сравнению с мужчиной.

«В первобытную эпоху, — сообщает М. О. Косвен в своем труде «Матриархат», — дети были связаны только с матерью и по ней только именовались»³¹. Такое положение мы усматриваем и в адыгском эпосе «Нарты». Нарты Саусырыко (Сосрыко), Сэуай (Шъуай) в основном известны как: *первый* — сын

³⁰ В кн. «Псалъ», № 2 (М., 1924, стр. 139—140) напечатан вариант этого же сказания в изложении Хутыз Заубэча (Джэджэхабль).

³¹ М. О. Косвен. Матриархат. М.—Л., 1948, стр. 3—11.

Сэтэнай-гуашэ, второй — сын Нэбгырые, и их именуют: «Сэтэнайкьо Саусырыкью», «Нэбгырые ыкьо закьоу Шэуай».

Далее, здесь же, М. О. Косвен ссылается на труд Гесиода (IX или VIII в. до н. э.), как наиболее ранний литературный отклик этой идеи, в которой при характеристике «серебряного века» говорится о детях, «воспитывавшихся заботливой матерью, не упоминая об отце»³².

Аналогичные факты мы находим и у Геродота. «Если спросить ликияна, — сообщает Геродот, — к какому он принадлежит роду, он перечислит матерей своей матери»³³.

Поль Лафарг в своем известном труде «Очерки по истории культуры», говоря о матриархате, пишет, что «наирская женщина имеет несколько мужей, — десять, двенадцать и даже больше, — если ей так угодно, а чтобы узнать, что место занято, он вешает на ворота меч и щит»³⁴.

Таким образом, в вышеуказанной нами детали, подчеркнутой в сказании «О том, как нарт Шэбатыныко посетил Акуандэ-дахэ», мы усматриваем черту матриархата, особенности первобытнообщинного строя.

Из приведенных фактов видно, что во времена матриархата существовал обычай, следуя которому, мужчина при посещении женщины оставлял перед входом в ее дом знак — предмет из своего вооружения, предупреждающий о том, что она занята.

Если рассмотреть обычай, запечатленный в адыгской легенде о нарте Шэбатыныко (Бэдыныко) и Акуандэ-дахэ, с учетом среды, где этот обычай зародился, становится ясным следующее положение: оставление нартом перед домом красавицы, к которой он пришел, предмета своего вооружения (*ники*) — черта эпохи матриархата. Адыгский эпос засвидетельствовал ее за много веков до нашей эры.

Толкования и объяснения этой детали — продукты последующих поколений, и они исходят, разумеется, от сказителей, представителей новых эпох.

В адыгском народном эпосе «Нарты» встречается легенда «Ныхас» (буквально: «Матерей Совет»), записанная нами на магнитофонную ленту от сказителя Хараху Доля в а. Шынджый Адыгеи 20 июня 1962 года, в которой повествуется о том, как женщины-матери на своем *Ныхасе* решают дела нартвов, «как жить-быть».

Наряду со следами матриархата в адыгском эпосе «Нарты» ясно выражены и мотивы патриархата, т. е. мотивы известного в науке периода родового строя, характеризуемого господством

³² Там же, стр. 11—12.

³³ Геродот. I, 173 полностью.

³⁴ Поль Лафарг. Очерки по истории культуры, «Московский рабочий», М—Л., стр. 12—20.

мужчины в хозяйстве и в общественных отношениях. Так, Хасэ нартов, как правило, ведут одни мужчины. Более того, старейшие не очень и считаются с пожеланиями женщин. В тексте «Со сырыкъуэ Нарт Хасэм япэ зэрэкIуауэ щытар» («Как Сосрыко впервые появился на Нарт Хасэ») имеется эпизод, в котором нарты отклоняют просьбу Сэтэнэ-гуащэ вызвать на Хасэ и Со-срыко.

«Дэ ди хабзэкъым Нарт Хасэм
хэт и лъхугъи къетшалIу...» —
«Не в обычае у нас на Нарт Хасэ
Любою рожденного приводить...» —

говорят ей мужчины.

Черты патриархата запечатлены в поговорке:

«Четыу щысэу пщысэ аIуатэрэп,
Нарт Хасэ шъуэ ащэрэп»—
«При кошке сказку не сказывают,
На Нарт Хасэ женщину не зовут».

Таким образом, в адыгских песнях, пщынатлях и легендах о нартах мы обнаруживаем черты матриархата и патриархата.

6. Особенности антропоники и топонимики адыгского эпоса

Интересны и своеобразны факты антропоники и топонимики адыгского героического эпоса «Нарты».

Факты, известные в литературе, свидетельствуют о том, что адыги пользовались письменами с древнейших времен³⁵ и были ими зафиксированы еще до нашей эры буквами греческого алфавита имена Пщыбадыныкъо и Iащэмэз.

Имя нарта Пщыбадыныкъо встречается и в эпиграфических памятниках северо-восточного Причерноморья, как об этом свидетельствует акад. И. А. Джавахишвили³⁶. По мнению проф. Г. В. Рогава, это многосложное адыгское слово-имя было записано «по крайней мере до нашей эры»³⁷.

³⁵ Шора Ногмов пишет, что некогда адыги имели свою письменность на основе греческого алфавита, и указывает, что имеется «любопытная книга уорка Измаила Шогенова, написанная, как оказывается, на греческом алфавите» (Ш. Б. Ногмов. История адыгейского народа, Нальчик, 1947, стр. 19); А. Ж. Кафоев в своем труде «Адыгские памятники», изданном в Нальчике.. в 1963 г., установил, что на древних памятниках, подвергнутых им новому анализу, «надпись осуществлена на адыгском языке, что свидетельствует о достаточной распространенности среди адыгских племен.. письменности на греческой графической основе» (стр. 55).

³⁶И. А. Джавахишвили. Проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока, «Вестник древней истории», 1939, № 4, стр. 34.

³⁷Г. В. Рогава. К вопросу о структуре именных основ и категориях грамматических классов в адыгских (черкесских) языках, Тбилиси, 1956, стр. 128.

Другое собственное имя *Іащэмэз* (греческое начертание «Атамазас») встречается в эпиграфических надписях Северного Причерноморья в I—III веках нашей эры, как об этом указывает Латышев³⁸.

Эти данные свидетельствуют, с одной стороны, о том, что и в древности адыгским именам был свойственен характер многокомпонентности³⁹, с другой, что 1200—1700 лет тому назад адыги имели собственные имена, подобные именам нартов народного эпоса. Разумеется, так как эпос «Нарты» в своей основе — плод народного вымысла, то в силу этого и *персонажи*, носящие символические имена, *не являются лицами историческими*.

Люди носят имена, встречающиеся в эпосе «Нарты». Таковы Сэтэнай, Саусырыкъо, Пэтэрэз, Іащэмэз, Шэбатыныкъо (Бэдыныкъо) и Нарт, Нэтэкъо, Нартэкъо, как фамильные имена.

Некоторые растения носят названия, аналогичные именам нартов.

Лабазник (*Filipendula*), род растений семейства розовых известный также под названием таволги, с цветками обоеполыми, белыми, розовыми или красными, по-адыгейски называется «Сэтэнай» («цветок») ⁴⁰.

Кукуруза по-адыгски, «натрыф» — «натыху» и «нартыху» — «натыф», что означает: *нартское просо* (*нат*, *нартэ*—*нартское*, *ф(ы)* — *(ху)* — *просо*).

Топонимические наименования, как «Курган Саусырыкъо», «Камень Соусырыкъо», «Курган Шэбатыныкъо», «Дом Алэджа», «Дом Іадииху», «Печь Сэтэнай», «Нарт-река», «Нат-аул», «Крепость Гьуд-гьуд»⁴¹, «Курган ната Балкъаш», «Курганы братьев Сэтымыкъо» адыги связывают с именами нартов.

Лечебные воды «Нартсан» («нарзан») и нартан⁴² своим происхождением тоже связаны с нартами, означают соответственно: *нартское вино* (напиток) и *нартский колодец*.

Свои приметы и поверья древние адыги связывали с делами

³⁸ В. Латышев. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе, II, 213, 183; IV, 249.

³⁹ См. об этом: Г. В. Рогава. Указ. работа, стр. 127—128.

⁴⁰ Цветок Сэтэнай известен шапсугам и под наименованием «Щышъ», бжедугам — «хъыркопан». Абдзахи под «Сэтэнай» разумеют аморфу (крутика) и водяной перец. Водяной перец, или горец перечный, — растение с острым, жгучим вкусом, достигает 40—60 см высоты. Зеленые стебли к осени краснеют. Используется в медицине для приготовления препаратов, обладающих кровоостанавливающим действием.

⁴¹ Крепость, взятая нартами, у абхазов — «Гуитвинт», у осетин — «Хизова Крепость».

⁴² М. И. Балкаров в своей книге «Лечебная вода нартан» (Нальчик, 1953) отмечает: «В старое время, когда хотели придать особое значение силе человека, природным фактам и явлениям, связывали их с именем нарта-богатыря» (стр. 7).

и памятью нартов. Во время засухи с нартских курганов приносили землю, просили бога, чтобы он послал дождь, и опускали землю эту в воду. «Заговоришь о Саусырыкъо—дождь пойдет» («Саусырыкъо игугъу пшы́мэ ожъубанэ къэхъу»), — гласит адыгская поговорка.

Цветок «Сэтэнай» («Сэтэней») являлся своеобразным календарем и для пахаря, и для пчеловода.

Адыгские поговорки гласят:

1. Сэтэнаер шъхьалъэмэ
Шъолъырыкъэ имыхьжъ.
Сэтэнай зацветает —
Борозду новую не прорезай,

т. е. опоздал, прекращай пахоту.

2. Сэтэнаер шъхьалъэмэ —
Бжьэм тельхъэ фэмышыжъ.
Сэтэнай зацветет —
Пчеле подкормку не давай,

т. е. настала хорошая пора для пчел.

Вышеприведенные антропонимические, топонимические наименования, названия растений, а также поверья и приметы, связанные с нартами эпоса, порождены в седой древности жизнью и творческим мышлением меото-адыгов, представлявших еще в те отдаленные времена многочисленный аборигенный народ Северного Кавказа, восточного побережья Меотского моря (Хы Мы-у́тIэ) и северо-восточного побережья Черного моря (Хы ШыуцIэ).

Следовательно, эти многосложные собственные имена, запечатленные в героическом эпосе «Нарты», бытовали среди древних адыгов за несколько веков до нашей эры.

Расшифровка собственных имен центральных героев «Нартов» приводит к выводам о генезисе этого величественного памятника, о том, кем и на каком языке впервые были созданы циклы эпоса, впоследствии получившие общекавказское распространение.

На Всесоюзной конференции нартоведов, состоявшейся 14—18 ноября 1963 года в Сухуми, в докладе «Значение собственных имен ядра эпоса «Нарты» и термина «нарт» мы дали расшифровку значения личного имени «Саосырыкъо» — «Саусырыкъо» — «Сосрыкъо», основываясь на данных фольклора и языка адыгов. С помощью сравнительно-сопоставительных таблиц мы установили, что в легендах о рождении Саусырыкъо (и в адыгских, и в абхазских) общей характерной особенностью является то, что новорожденный мальчик «пылает», «испускает огонь» (со всех сторон). Это обстоятельство полностью нашло свое отражение и в самом имени «Саусырыкъо», являющемся адыгским⁴³.

⁴³ См. об этом главу десятую.

Из вышеизложенного становится понятным, что адыгский эпос «Нарты», как памятник культуры, созданный предками адыгов современной Адыгеи, Черкесии, Кабарды и Причерноморской Шапсугии, а также адыгов, живущих за рубежом, в своей основе является чрезвычайно древним. Но, как подметил исследователь А. Х. Хакуашев, «нартский эпос, возникший еще в недрах доклассового общества, не остается без изменения. Каждое поколение вносит в эпос что-то новое, свое, в какой-то степени воплощает и отражает новые условия жизни народа, возникшие на определенном историческом этапе развития, новые связи и взаимоотношения людей»⁴⁴.

* * *

К. Маркс в своей работе «Конспект книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество», говоря о начале мифологии и эпоса, писал: *«Период дикости и низшая ступень периода варварства — эти два этнических периода* обнимают, по крайней мере, $\frac{4}{5}$ всей жизни человечества на земле.

На низшей ступени варварства начали развиваться высшие свойства человека. *Личное достоинство, красноречие, религиозное чувство, прямота, мужество, храбрость стали теперь общими чертами характера, но вместе с ними появились жестокость, предательство и фанатизм. В области религии имеет место почитание стихий с смутным представлением о личных божествах и о великом духе; примитивное стихосложение, общие дома и хлеб из маиса — все это относится к этому периоду. Он дал также синдиасмическую семью и конфедерацию племен, организованных в фратрии и роды. Воображение, этот великий дар, так много содействовавший развитию человечества, начало теперь создавать неписаную литературу мифов, легенд и преданий, оказывая уже могущественное влияние на человеческий род»*⁴⁵.

Эти слова К. Маркса, характеризующие низшую ступень варварства, можно отнести и к древнеадыгскому эпосу «Нарты». Именно в этом народном эпосе запечатлены высшие свойства человека. Личное достоинство, красноречие, религиозное чувство, мужество, прямота и храбрость являются отличительными особенностями нартов Шэбатыныкьо, Ащэмэза, Пэтэрэза. Во взаимоотношениях Саусырыкьо и Тотырэща, Ащэмэза и матери его мы имеем черты жестокости и предательства. По поверью нартов, Солнце на определенное время приостанавливается перед закатом, клянутся именем Неба, затем, люди эпоса имеют общий Дом Алэджа — место собрания нартов, в котором засе-

⁴⁴ А. Х. Хакуашев. Али Шогенцуков, Нальчик, 1958, стр. 7—8.

⁴⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве. В двух томах, том I, М., 1957, стр. 270—271.

дает мужское Хасэ (Совет). Кстати, существует у них и женское «Ны хас» (буквально: «Матерей Совет»), на заседаниях которого матери предсказывают, что случится в будущем (къэ-хъушт-къэшIэштхэр).

Надо полагать, что песни, пщынатли и легенды о нартских богатырях — вся эта неписаная литература мифов, легенд и преданий, являвшаяся своеобразным моральным кодексом норм поведения человека в обществе, организовавшая и вдохновлявшая людей на подвиги во имя жизни, — создавались задолго до нашей эры. Жизнь древнего общества многосторонне освещается в древнеадыгском героическом народном эпосе «Нарты».

Академик А. Н. Веселовский пишет: «Эпос зарождается от столкновений народностей»⁴⁶. Мы полагали бы это несколько иначе: эпос зарождается от столкновений человека с внутренними и внешними силами природы, он вызывается необходимостью противостоять этим силам, подчинить себе и управлять ими.

Героический эпос «Нарты», как вымысел, по существу — безымянный, как безымянна вся первобытная история. «Она не знает ни лиц, ни героев (подлинных, исторических. — А. Г.), не знает и замечательных дат. И тем не менее овеяна подлинным героизмом, героизмом всей великой массы безвестных созидателей первобытной культуры»⁴⁷.

Таким образом, адыгский народный эпос «Нарты» представляет непреходящую духовную ценность как источник воспитания, как своеобразный кодекс чести, доблести и геройства. Он оказывал и оказывает благотворное влияние на развитие языка, обогащая его большими лексическими возможностями, на фольклор, развивающийся параллельно, и, наконец, на письменную профессиональную литературу. Он «становится залогом великого будущего, тех несравненных художественных творений, которые создаст человечество в пору своей зрелости»⁴⁸. Таким образом, являясь неуязвимой «вечной прелестью», народный героический эпос «Нарты» продолжает «служить нормой и несосягаемым образцом»⁴⁹.

⁴⁶ А. Н. Веселовский. Историческая поэтика, М., 1940, стр. 476.

⁴⁷ М. О. Косвен. Очерки истории первобытной культуры, М., 1957, стр. 12.

⁴⁸ К. С. Давлетов. Фольклор как вид искусства, изд. «Наука», М., 1966, стр. 364.

⁴⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., том 12, стр. 737.

АДЫГСКИЕ ПЕСНИ И ПЩЫНАТЛИ О НАРТАХ. ХАЧЕЩ. ДЖЭГУАКО И ЕГО РОЛЬ

1. Адыгские песни и пщынатли

На Кавказе наиболее широко и многочисленно исполняются героические песни и пщынатли о нартских богатырях у адыгов.

В фонотеке Адыгейского научно-исследовательского института насчитывается много адыгских народных песен и пщынатлей о нартах, в основном записанные нами на магнитофонную пленку в 1959—1965 годах в Адыгее, Причерноморской Шапсугии, Кабарде и Черкесии. В их числе «Пщынатль о Сэтэнай и Орзмэсе», «Плач-песня Сэтэнай-гуашэ», «Песня о Саусырыко», «Пщынатль о нарте Шэбатыныко», «Нарт Бадыноко», «Песня-плач о Нэгуре», «Сатирические куплеты Лащын о нартах» и другие.

Помимо местных записей, мы имеем адыгские песни о нартах, записанные нашими стационарными собирателями фольклора в странах Ближнего Востока (Сирии, Израиле и др.), где проживают адыги.

Мелодии адыгских песен и пщынатлей о нартах перенесены на ноты адыгейским музыковедом Индаром Хейшхо (Индар Хэщхы) и включены в подготовленные нами к печати рукописи научных многотомных академических одноязычных (на языке оригинала) и двуязычных (с переводами) изданий адыгского национального героического народного эпоса «Нарты».

Мелодии адыгских песен о Саусырыко, Шэбатыныко, Пэтэрэзе были опубликованы в нотной записи в сборнике «Адыгэ орэдхэр», изданном Музгизом в 1941 году¹. Основное музыкальное

¹ Адыгэ орэдхэр. Адыгейские песни и мелодии, Музгиз, М.—Л., 1941, пояснения к текстам — стр. 147—148.

Образцы адыгских народных песен и пщынатлей в нотной записи см. в разделе третьем.

богатство еще не увидело света и ждет своих исследователей-специалистов.

Ознакомление с этими материалами, хранящимися в нотной записи в музыкальном фонде АНИИ, убедило нас в том, что они были произведены специалистами, не имеющими навыка в записи адыгской музыки. Об этом свидетельствуют многочисленные приписки к текстам, сделанные самими композиторами.

Так, например, композитор Г. М. Концевич к одной своей нотной записи, произведенной от Шыблако Магамуда в ауле Хатукай 2 августа 1931 года, сделал следующее примечание: «Чтобы записать не только точно, но хотя бы приблизительно нотными знаками некоторые песни — сказания, подобно данной (за некоторым, конечно, исключением), выразить интонацию (особенности звукового оттенка в пении, в выговоре слов и т. п.), — нужно обладать прежде всего языком, а вернее — быть черкесом (адыгом. — А. Г.), музыкально образованным и с этнографическим опытом»².

Композитор А. М. Абрамов, занимаясь исследованием природы адыгского стиха-песни в Кабарде, подчеркнул, что «наиболее оригинальна и своеобразна кабардинская песня. В старинной форме она представляет собою почти декламационное повествование, обычно мастерски исполняемое стариком-солистом, на фоне унисонной хоровой мелодии (без слов), повторяющейся на каждом стихе или строфе рассказа. Партия солиста почти не поддается записи нотно-музыкальными знаками: это драматический, глубоко выразительный речитатив, притом индивидуально варьируемый не только каждым исполнителем, но и одним и тем же из строфы в строфу»³.

Учитывая эти и подобные замечания композиторов, побывавших среди адыгов, в 1959—1965 годах нами были записаны на ферромагнитную пленку с помощью магнитофона адыгские песни и пщынатли о нартских богатырях в селениях Адыгеи, Причерноморской Шапсугии, Кабарды, Черкесии, а также на хуторах моздокских адыгов-христиан. Адыгские песни, записанные от хакучинского (шапсугского) певца Хахо Мустафы, были выполнены по нашей просьбе учителем местной школы Я. Щэуджэном (Яхье Щэуджэн) в деревне Кфар Кама (Израиль) в 1962—1963 годах. Затем мелодии этих песен и пщынатлей были тщательно изучены и перенесены на ноты.

Традиция исполнения этих песен и пщынатлей своеобразна. Певцы поют, сидя на стульях, скамейках, величаво-спокойно и сосредоточенно. Почти всегда при исполнении хоровых песен начинает скрипач (шичепщынао) первым мелодию, варьируя ее по

² Архив АНИИ, ф. 1, ед. хр. 26, л. 161.

³ Цит. по кн.: «Кабардинский фольклор», М., 1936, стр. VIII—IX.

своему усмотрению, украшая форшлагами, и тем как бы одобряет певца-орэдыо и хор — «подзадоривает». Речитатив меняется согласно содержанию песни: певец то усиливает, повышая или понижая голос, то своеобразно акцентирует, то мелодекламирует. Хор безостановочно исполняет свою мелодию во время мелодекламации.

При исполнении пщынатлей орэдыо и хор чередуются⁴. При исполнении длинных пщынатлей о Саусырыко, Щэбатыныко, Пэтэрэзе или Ащэмэзе певцы свое пение «передают» друг другу.

Адыги любят музыку. Они готовы слушать увлеченно с вечера до рассвета народные песни и пщынатли о нартах, а также о героях былых сражений.

Песни и пщынатли адыгского эпоса «Нарты» исполнялись и во время похода, и во время привала, на различных сборищах и увеселениях и, главным образом, в хачещах. Орэдыо, исполнив пщынатль, должен был рассказать и историю к нему.

2. Хачещ — народный университет

В жизни адыгов хачещ (хьакIэщ — дом для гостей) имел особо важное значение. Хачещ, где по вечерам собирался и стар, и млад, являлся подлинным народным университетом. Здесь старшес поколение с помощью песен, пщынатлей и легенд передавало младшему поколению свой жизненный опыт и опыт своих предков, традиции и обычаи народа и, таким образом, давало ему умственное, духовное, героическое и нравственное воспитание.

В смысле распространения народных песен и пщынатлей о храбрых и своенравных нартах хачещ играл важную роль. Слушая талантливого певца, молодое поколение из его уст усваивало и заучивало песни его репертуара.

Помимо песен, как вспоминал об этом одаренный сказитель из а. Агуй Причерноморской Шапсугии Негуч Сэпцах (Нэгъуцу Сэпсахь), в этих хачещах не только исполнялись песни и пщынатли, здесь же можно было услышать разные легенды и истории об интересных людях и их судьбах.

В хачеще всегда имелись шичепщынэ (смычковый инструмент), камыль (род флейты), арфа⁵, трещотки (ударный ин-

⁴ Архив АНИИ, ф. 1, ед. хр. 25, примечания к нотным записям Г. М. Концевича.

⁵ По описанию Павла Свиньина, «кавказская арфа составляет треугольник, имеющий 12 волосяных струн, одна другой тонее. Одна сторона треугольника, к коему посредине прикреплены струны, сделана с пустотою из дечных дощечек для отголоску звуков, и в другую ввернуты колки и сделаны рубчики, посредством коих играющий производит большим пальцем левой руки изменение тонов, наподобие педалей. Рога или стороны арфы сей имеют около 9 вершков в длину, между коими снизу у кольца, служащего основанием,

струмент типа кастаньет). Здесь не только рассказывали. Здесь коллективно шлифовали, давали свою «редакцию» песням и пщинам.

Каждый хозяин старался, чтобы его хаче́ш был хорошо убранный, оснащен самыми лучшими музыкальными инструментами. Он следил за тем, чтобы угощения были пороскошнее. Хозяин желал, чтобы хаче́ш часто посещали почетные певцы и сказители — народные историки и поэты. Все это, разумеется, делало популярным в народе и имя самого хозяина.

По словам сказителя Гойко Хазраиля (Гъойкьо Хъазраил), в течение недели по вечерам он рассказывал разные легенды и исполнял песни о Соусырыко в одном и том же хаче́ше. И пока он не исчерпал весь свой репертуар, неудобно было менять хаче́ш хозяина.

Адыг, возвращаясь с поля домой, думал, куда ему пойти, у кого сегодня вечером будут хорошие певцы и сказители.

«Как бы я ни устал за день на косовице сена, — рассказывает ныне популярный в Адыгее одаренный 85-летний певец и сказитель Хамтаху Аюб, — я спешил домой, желая поспеть к началу «Вечера песен и легенд» в хаче́ше, чтобы дослушать окончание заинтересовавшей меня легенды, начатой еще вчера... Бывало, стоишь где-нибудь в углу, взявшись за колышек-вешалку, все слушаешь и слушаешь сказителя. Уже за полночь. Не хочется уходить. Все слушал бы и слушал... Усталость тянет вниз. Боишься, как бы не выдернуть колышек и не рухнуть вниз! Тогда — не дай бог! — так и жди, в очередной фразе почтенный сказитель или певец сразу удостоит тебя «похвалы»... И я, и каждый из нас боялся получить замечание сказителя в хаче́ше и затем на свадьбе — еще от джэгуако, до чуткого уха которого доходило почти все, что происходило у нас в ауле»⁶.

О таких народных певцах и сказителях — джэгуако, или гегуако, высоко отзывался А. М. Горький.

Говоря об адыгском хаче́ше, об обстановке слушания народных песен и легенд, хотелось бы остановиться на некоторых явлениях, наблюдаемых у других народов, находящихся вдали от Кавказа и не имеющих никакого родства с адыгами.

Выдающийся исследователь и издатель якутского богатырского эпоса — олонхо Георгий Эргис во вступительном очерке, предпосланном к первому выпуску книги «Нюргун боотур Стре-

не более четверти аршина, а сверху у самой толстой струны более аршина расстояния. Инструмент сей называется по-черкесски пщинедукокво и почитается самым редким и превосходнейшим в горах, между тем, как кобыс (род гудка) и даже чебизит (флейта) довольно обыкновенны» (Празднование байрама в черкесском ауле. «Отечественная записка», № 63, июль, 1825).

⁶ Архив АНИИ, ф. 1, том 52, «Беседа с Хамтаху Аюбом в а. Пчигатлукай Адыгей 20 сентября 1959 года».

мительный»⁷, дает весьма интересные и ценные сведения об исполнителях народного эпоса, об их очаровывающей силе, о том, как их слушают с вечера до глубокой ночи или до утра, а иногда и по нескольку вечеров, слушают песни народного эпоса, которые, говоря словами К. Маркса, «еще продолжают доставлять нам художественное наслаждение и в известном смысле сохраняют значение нормы и недостижимого образца»⁸.

В упомянутом очерке Г. У. Эргис приводит детальное описание, сделанное А. Е. Кулаковским, обстановки слушания олонхо в якутской семье. Вот оно.

«Взгляните на якутскую семью, слушающую в долгую зимнюю ночь сказочника (олонхосута, — Г. Э.). Все — стар и млад — скучились вокруг него словно голодные дети вокруг матери. Тут и дряхлый дед, которому покой на нарах дороже всего. Его ничто, кроме родной сказки, не заставило бы добровольно оторваться от теплой постели. Тут и отец семейства, мужчина зрелых лет с утилитарным мировоззрением, которого пустые забавы, вроде «костуоруйа», более не интересуют и который после дневных работ сильно устал и желал бы предаться обычному отдыху. Здесь же сидит со своим шитьем, забитая дразгами и заботами дня, хозяйка дома. Ей сон весьма нужен, так как встанет она раньше всех, ложится позднее всех и устает больше всех. Тут сидят даже малыши, прекратившие свои обычные шалости и капризы, а также подростки, которым мало понятны слова поэзии, но которых сильно увлекли фабула и фантастичность сказки. Тут же бодрствует и случайный гость, которому завтра предстоит встать рано и пуститься в дальний путь.

Сказку слушают с раннего вечера и до «предутреннего сна», т. е. подряд 13—14 часов (богачи иногда заставляли рассказывать сказки подряд по трое суток с короткими перерывами для сна и еды). Слушают все с затаенным дыханием, сильно увлекаясь и стараясь не проронить ни одного слова...

Каждый позабыл свои заботы, свое горе и унесся в волшебный, прекрасный мир чарующих грез... А сам сказочник, как истинный поэт, увлекся больше всех: у него даже глаза закрыты, чтобы окончательно отрешиться от «грешной» земли с ее злободневными дразгами и грозой; он закрыл пальцем отверстие одного уха, чтобы звонче раздавалось в мозгу собственное пение, под такт которого мерно покачивается его туловище. Он забыл про сон, про отдых, про все на свете... В глазах слушателей сказочник совершенно преобразился: это не прежний знакомец Уйбаан,

⁷ Богатырский эпос якутов. Нюргун боотур Стремительный, текст К. Г. Оросина, редакция текста, перевод и комментарии Г. У. Эргиса, Якутск, 1947, стр. 7—8.

⁸ К. Маркс. Введение к «Критике политической экономии», Собрание соч., том XII, часть 1, стр. 203.

а какое-то сверхъестественное прекрасное существо, окруженное таинственным ореолом»⁹.

Эта сцена очень живо напоминает подобную же обстановку, которую мы часто наблюдали в адыгских семьях Причерноморской Шапсугии, Адыген, Кабарды и Черкесии.

3. Джэгуако и его роль

«На Кавказе, в Кабарде еще недавно, по словам А. Веселовского, существовали гегуако, бездомные народные певцы. Вот как один из них определил свою цель и свою силу:

«Я одним словом своим, — сказал он, — делаю из труса храбреца, защитника своего народа, вора превращаю в честного человека, на мои глаза не смеет показаться мошенник, я противник всего бесчестного, нехорошего» (подч. нами. — А. Г.)¹⁰.

Из этой характеристики видно, какую роль выполняли певцы и сказители среди адыгов, не имевших ни государственного устройства, ни писаных уставов и моральных кодексов, но строго соблюдавших свой национальный традиционный этикет.

Собиратель и переводчик сказаний о нартских богатырях у татар-горцев Пятигорского округа С. Урусбиев, говоря о нартских песнях (СМОМПК, выпуск I, Тифлис, 1881, отдел II, стр. IV—V), подчеркнул, что «они пелись по преимуществу знаменитыми в свое время в Кабарде бродячими певцами-поэтами, называемыми гегуако.

Эти гегуако, — пишет автор, — были люди, не имевшие никакой собственности, не занимавшиеся решительно никаким хозяйством; они не носили оружия и разъезжали по Кабарде исключительно с целью присутствовать на народных собраниях, битвах, разных увеселениях и плясках, погребальных и иных процессиях, вообще искали всегда какого-нибудь сборища. Здесь-то они и пели свои песни о временах, давно минувших, или, воспевая какие-либо важные современные события, прославляли современных героев. Таким образом, гегуако были баянами (певцами) родного племени и заменяли в свое время письменную литературу. Как странствующие певцы, они разносили свои произведения по Кабарде.

... Обыкновенно в том месте, — продолжает С. Урусбиев, —

⁹ А. Е. Кулаковский. Якутский язык. Сб. трудов об-ва «Саха Каскилэ», выпуск I. Якутск, 1925, стр. 62—69.

¹⁰ М. Горький. Разрушение личности, сб. «О литературе», СП, М., 1955, стр. 87.

К слову заметим, что буквально такую же характеристику певцу-гегуако дает С. Урусбиев (см.: С. Урусбиев. Сказания о нартских богатырях у татар-горцев Пятигорского округа Терской области, СМОМПК, том I, Тифлис, 1881, разд. II, стр. VII).

где проходили гегуако, замечалось некоторое: один поправлял свою папаху, другой кинжал, третий хазыри, словом, каждый обнаруживал боязнь, как бы гегуако не подметил какого-нибудь недостатка в нем и не осмеял его в резкой остроте».

Об адыгских певцах и о роли их в обществе довольно обстоятельно говорится в книге военного историка Н. Дубровина. «Черкесы любят поэзию и песни, — пишет он. — В прежнее время у них были поэты, гекоко (вернее, гегуако или джэгуако.—А. Г.) — слагатели народных песен». Они были по большей части простолюдины и редко знали язык священников — людей грамотных. Такие поэты высоко были чтимы князьями и дворянством; они ходили в бой и были впереди войск. Князья любили иметь при себе певцов и гордились ими. Умение сочинить песню всегда глубоко уважалось. Замечательнейшие наездники не пренебрегали рифмою и пшиннером. Магомет-Аш, один из первых богатырей за Кубанью, был отличнейшим импровизатором. Песни, особенно старинные и притом о родных героях, составляли для черкесов святыню...

В старину, в период могущества и самостоятельности черкесского народа, для знаменитых людей певцы-поэты были необходимы, так как, за неимением среди народа письменности, песня была единственным средством передать свое имя потомству...

Поэзия — это жизнь, душа и живая летопись событий в земле черкесов. Она управляла их умом и воображением в домашнем быту, в увлечениях и в печали. Она одна встречала их рождение, сопровождала всю жизнь от колыбели до могилы и передавала потомству их дела...

При рождении младенца мужского пола будущий его воспитатель поручал импровизаторам сложить колыбельную песню в честь своего юного питомца. Поэты, исполняя поручение, начинали свой рассказ со славы предков новорожденного, потом переходили к достоинству его родителей и, наконец, заканчивали картину будущих подвигов младенца и его заслуг на пользу родины. Начавши свой поэтический рассказ, певец-импровизатор вдохновлялся и в своих поэтических сравнениях и красотах не жалел ни южного солнца, ни цветов и красок природы. Он воспевал не настоящее, а будущее своего героя, которое было точно так же беспредельно, как беспределен был простор уму, сердцу и воображению самого поэта...

Устойчивость адыгских народных песен и пщынатлей Дубровин объясняет тем, что содержание их большей части составляет святыню, историю черкесского народа, его могущество, жизнь и славу и славу его предков, и потому естественно, что человек, способный передать в поэтической форме все то, что составляет гордость и прошедшую жизнь Черкесии, не мог быть не уважаемым. Отсюда уважение к поэтам-импровизаторам и слагателям

песен... Певцы были необходимы адыгам как прославители и хранители событий¹¹.

В. Кусиков, непосредственно слышавший исполнение адыгских героических песен, восхищается их изяществом и правдивостью. Он рассказывает о том, как поэты слагали песни.

«Вот что я слышал об этом последнем обстоятельстве, — пишет автор. — Как только герой пал на поле брани, его ближайшие родственники сзывают со всех сторон самых знаменитых певцов и, поместив их в ближайшем лесу, продерживают их до тех пор, пока не сложат песни в честь героя. Интересно узнать, как эти певцы общими силами сочиняют песню. Утром они оставляют общее жилище, бредут в разные стороны и в глуши леса каждый сочиняет отдельно на одну и ту же тему. По вечерам, сходясь вместе, представляют на общий суд все, придуманное каждым порознь. Здесь они выбирают из представленных стихов те, которые отличаются изяществом, красотой и правдивостью. Таким образом случается, что целый месяц певцы просиживают в лесу. Наконец песня готова. Все подвиги героя воспеты. Тогда по данному знаку в ауле готовится пир, где во всеуслышание распевается новая песня. Если она заслуживает одобрения, то сочинители ее, получив большие подарки, возвращаются восвояси. Эти певцы разносят везде новую песню, все с жаром затверживают ее. Вот каким образом каждая вновь составленная песня у черкесов делается достоянием всего народа. Так были сочиняемы все песни, в которых воспеваются подвиги славных героев черкесских. Было ли у других народов что-нибудь подобное этому обычаю, и не имеют ли в этом случае черкесские певцы некоторые сходства с рапсодами древней Греции»¹².

Проф. Ю. М. Соколов, побывавший в Кабарде летом 1935 года, говоря о мобилизующей и организующей роли народных певцов, писал, что в эпоху феодализма, при отсутствии грамотности на родном языке, фольклор играл очень большую роль в жизни всех классов. Аристократия широко пользовалась фольклором в своих классовых, эксплуататорских целях. Князья держали при себе придворных певцов, так называемых «тегуако», которые и должны были сочинять песни для прославления своих хозяев, для внедрения в народные массы идей господствующего класса¹³.

¹¹ Н. Дубровин. Черкесы (адыге), изд. ОИААО, Краснодар, 1927, стр. 80—82; Хан-Гирей. Черкесские предания, часть 2, рукопись АНИИ, стр. 89.

Подробную характеристику о певце см.: Султан Крым-Гирей. Путевые заметки, «Кубанские войсковые ведомости», № 20, Екатеринодар, 1866.

¹² В. Кусиков. О поэзии черкесов, «Ставропольские губернские ведомости», № 1 и 2, 7, 11 января 1861 г.

¹³ Ю. М. Соколов. О кабардинском фольклоре, газ. «Социалистическая Кабардино-Балкария», № 151, 6 июня 1935 г.

Угнетатели притесняли и всем своим существом ненавидели певцов, отважных защитников народа. По их мнению, из их уст исходят слова, отравленные ядом. Едким сарказмом и шуткой они могли публично нанести такой удар эксплуататору, от которого трудно было ему оправиться. О таком типичном народном певце-горце упоминает А. И. Караева в одной из своих работ.

«На очередной свадьбе в горах Исмаила попросили спеть. Людей было много. Певец еще не успел и рта раскрыть, как один из подвыпивших богачей повернулся к нему и громко, чтобы все слышали, сказал: «Несчастный Исмаил! Когда ты образумишься? всю жизнь трещишь, как сухой бубен. Неужели петь песни ты считаешь делом, достойным серьезного мужчины?» Певец, нисколько не растерявшись, поднялся, спокойно погладил усы, которые он закладывал за уши (так они были длинны), и еще громче, чем богач, ответил: «Верно, почтенный, я не был плеткой никого. И ты имеешь основание считать меня несерьезным мужчиной? У тебя плетка, а у меня — песня. Я освещаю сердца, ты омрачаешь их! — Так знай же: человек с песней — это всадник, а без нее — пеший! В твоей холодной душе не может гнездиться песня, так же как и доброта. Вот ты и есть тот пеший, которому за мной не угнаться!»¹⁴

Имена джегуако прошлых тысячелетий до нас не дошли. В Адыгее помнят только немногих певцов и сказителей последних столетий, десятилетий. В их числе Джанчат Куйнеш, Хамхоко Хусен, Теучеж Цуг. Певец Теучеж Цуг прославился в народе своими искренними и волнующими поэтическими произведениями, и его творческое наследие заняло почетное место в сокровищнице поэзии народов Кавказа¹⁵.

Как рассказывают об этих певцах, они были умны, находчивы и сильны своим метким изречением. По словам писателя и литературоведа Д. Г. Костанова, как-то старик-аульчанин, прослушав стихи молодого певца Теучежа Цуга, спросил: «Откуда у тебя эти слова, сын мой?» — «Из моего сердца, отец», — ответил он. Старик удостоил его похвалы. Теучеж Цуг знал много песен и легенд о нартах, но, к нашему великому сожалению, нам не удалось записать их на ферромагнитную ленту, — наши желания опередила смерть, он скончался в 1940 году в возрасте 85 лет.

Адыги придавали большое значение меткому слову.

«Певцы и сказители, — пишет Д. Г. Костанов, — играли важную роль в организации общественного мнения в аулах. Они

¹⁴ А. И. Караева. О фольклорном наследии карачаево-балкарского народа, Черкесск, 1961, стр. 7.

¹⁵ См. о нем: Д. Костанов. Цуг Теучеж, критико-биографический очерк, Адыгейское книжное издательство, Майкоп, 1955.

первыми откликались на волнующие темы современной им жизни, выносили свои суждения о каждом значительном явлении в обществе и в быту.

В дни исторических событий, военных схваток певцы и сказители принимали живейшее участие своим оружием слова. Иногда они даже устраивали посты наблюдения за сражением. Они слагали хвалебные куплеты героям и клеймили позором трусов. Из их уст народ получал первые сведения о ходе сражения или похода, о подвигах или поведении участников. Многие песни (так называемые «тлибэ ордэ») являлись живой информацией о битвах, о мужестве и подвигах воинов. Эти песни имели огромное воздействие на людей. Их оценка приобретала силу общественного приговора. В ауле, в местах сборищ, почетное место занимала мать героя. Если сын получил нелестный отзыв в песне, мать одевала специальную шапку труса (пӀынэ. — А. Г.) и носила до тех пор, пока сын подвигами не смоем с себя позора или не погибнет со славой.

Высшей наградой адыг считал хвалебное упоминание его имени в песне. Он предпочел бы смерть, чем покрыть себя позором в рассказе¹⁶. Прозванному в песне трусом никто не подал бы руку, и друзья отвернулись бы от него. Вот почему в аулах и боялись, и уважали этих певцов-джэгуако.

Кабардинский писатель Алим Кешоков хорошо сказал о безымянных сочинителях адыгских песен, о назначении и роли их в обществе. «Мой народ, — пишет он, — всегда высоко ценил слово, а сочинителей песен так уважали, что их сажали на пиру с тамадой, и свадьба не была свадьбой, если на ней поэт не сочинил здравицу в честь невесты и жениха. Здравницы запоминались и жили долго, хотя никто уже не помнил тех, кто их сочинял... Хранители огня не выбирают место для костра где попало. Они знают, огонь нужен не только им: днем, чтобы чабаны могли погреться, а ночью — светить людям и показывать дорогу путникам». Точно так же поэзия, этот живой светильник, служит народу и его высоким целям¹⁷.

Нарты эпоса имеют своего выдающегося джэгуако-певца в лице острозычной Лащын, чьи сатирические куплеты распеваются и в наши дни. Первое упоминание о том, что в адыгском героическом эпосе «Нарты» встречается образ народной поэтессы, мы читаем у адыгейского этнографа первой половины XIX в. Хан-Гирея. «Время нартов, — пишет Хан-Гирей, — имело и своего Сервантеса в лице одной знаменитой красавицы-поэтессы.

¹⁶ Д. Костанов. Цуг Теучеж, Майкоп, 1955, стр. 31—32.

В третьем разделе нашей работы даются портреты и биографические данные о певцах и сказителях, о собирателях и исследователях адыгского эпоса «Нарты».

¹⁷ А. Кешоков. Мальчик с песенным лбом, сб. «Заоблачные дали», М., 1964, стр. 6—8.

Она воспела известнейших нартвов ея времени. Это, в своем роде, бессмертный роман Сервантеса. В песне своей она заставляет влюбиться в нее всех замечательных нартвов той эпохи, и тут с язвительною ирониею высказывает причины, заставляющие ее отвергать их любовь и искательства; наконец она предлагает себя в жены одному из них, но тот отвечает на ее вызов самую обидную насмешкой, вовсе неприличной рыцарю, говоря, что не хочет болтунью иметь женою»¹⁸.

После того как Персия и Турция захватили Кавказ, новые хозяева огнем и мечом вводили магометанскую религию среди адыгов. Малейшее сопротивление горцев служило поводом к истреблению населения. Магометанская религия не могла мириться с положением, чтобы адыгские джэгуако-певцы и сказители продолжали исполнять эпические песни о Нэсрен-Жаче, о Пэтэрэзе и других, в которых проходят мотивы противодействия богам. С этого момента начинается ожесточенная борьба с джэгуако, пытаются песни эпоса заменить молитвами из корана. Однако ни муллам, ни их хозяевам не удалось затмить в памяти народа жизнеутверждающие, вольнолюбивые песни и пщынатли адыгского героического народного эпоса «Нарты».

Одаренные адыгские певцы-джэгуако, ревностные хранители и пропагандисты древнеадыгских песен, пщынатлей и легенд, являлись как бы уполномоченными современного им века, изустно вдохновенно передавали новому поколению людей произведения адыгского героического народного эпоса «Нарты». В этом — их большая и благородная миссия перед мировой общечеловеческой культурой.

¹⁸ Хан-Гирей. Черкесские предания, «Русский вестник», 2, СПб., 1841, стр. 36.

См. «Сатирические куплеты Лащын о нартских мужах» в разделе третьем, стр. 360—361, 386.

НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА И ПОЭТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ АДЫГСКИХ ПЕСЕН И ПЩЫНАТЛЕЙ О НАРТАХ

Адыги с незапамятных времен жили и живут на Кавказе, они обитали на берегах Черного и Меотского морей, в бассейне реки Кубани, в верховьях Тенэ (Дона); горячо любили свою родину и отважно защищали ее, постоянно отражали нашествия врагов, откуда бы те ни нагрянули; усердно и с любовью обрабатывали землю, бережно ухаживали за своими плодовыми садами и виноградниками; мужчины отличались беспредельной отвагой и героизмом, женщины — красотой и мастерством в рукоделии — таково многообразие содержания, которое в неразрывном органическом синтезе составляет единство национальной специфики песен и пщынатлей народа о нартах.

1. Язык эпоса

«Вненационального же литературного произведения (как и фольклорного. — А. Г.) не существует, — пишет Георгий Цицишвили, — хотя бы потому, что каждое из произведений создано на каком-то определенном языке и принадлежит тому или иному народу»¹.

Песни и пщынатли героического эпоса «Нарты» созданы народом на *живом* языке адыгов. Эпос этот, пожалуй, единственно ценный памятник древней культуры, свидетельствующий о том, что язык адыгов на протяжении многих веков сохранился, он жил, набирая сил и постоянно обогащая свой основной словарный фонд. Это обстоятельство подтверждается тем, что *язык поэтических произведений древнеадыгского эпоса* (который, как мы полагаем, в отличие от текстов прозаических легенд, сохра-

¹ Г. Ш. Цицишвили. Национальная форма литературы и процесс взаимодействия литератур. Сб. «Литературные взаимосвязи», том. 1, издание Института литературы АН ГССР, Тбилиси, 1965, стр. 232.

няет в основном свою целостность в силу того, что он заключен в традиционные формулы народного стиха) — понятен, не отличается от современного нам языка адыгов. Исключение могут составить отдельные слова, значение которых было связано с фактами, которые были «изъяты» отдельными эпохами, через которые проходил эпос.

Для иллюстрации нашей мысли мы могли бы привести выдержку из любой песни эпоса. Вот начало пщынатля о Саусырыко:

Саусырыкъоу сикъан,
Саусырыкъоу синэф,

Пчы-мэлуфор зиашъу,
Ашъор зиджэнэкокл,

Пчыклэр зипэюшыгу,
Ешыгуаор зичат,

Пызыкъутырэр зипчышъхъ,
Къэбарыхъэ узэклом
Огугъэр сыда, сиклал? —

Сэтэнае гуащэр
Саусырыкъо къеупчл.

В этом контексте нет ни единого слова, непонятного адыгу, владеющему родным языком. Подчеркнутые нами слова «пчы», «мэлу», «ашъо», «чатэ», означающие предметы личного вооружения богатыря древнего эпоса (пика, щит, кольчуга, меч), не нуждаются в особом пояснении. Здесь же в адыгском тексте мы имеем два заимствованных слова — *къан* — «воспитанник» (из тюркских языков) и *къэбар* — «весть» (из арабского языка), которые давно вошли в живую ткань родного языка народа.

Разумеется, оттого, что в адыгском языке мы имеем заимствованные слова из арсенала языка других народов (турок, татар и др.), он не перестает быть самим собой, т. е. адыгским, говоря другими словами, от этого язык народа не становится «адыгско-турецко-татарским»; от этого произведение народа, созданное на этом языке, не становится «адыгско-турецко-татарским».

Наличие иноязычных слов в языке эпоса доказывает, что создатель его имел общение (непосредственное или через посредство своих соседей) с народами, из языка которых им были заимствованы эти слова; наличие иноязычных слов и терминов в адыгских песнях и пщынатлях о нартах не доказывает, что эти адыгские песни и былины сочинены при участии других народов, из языка которых были заимствованы имеющиеся в них слова и термины; заимствования не говорят, разумеется, и о том, что эти адыгские народные песни и пщынатли о нартах — иноязычного происхождения.

Некоторые спрашивают, не заимствованы ли адыгами песни и пщынатли о нартах у алано-осетин? Мы полагаем, что нет. И вот почему.

1. Адыгские песни и пщынатли о нартах не могли быть заимствованы адыгами у осетин, так как у последних нет таковых.

2. Адыгские песни и пщынатли о нартах не могли быть заимствованы адыгами у осетин, так как *они разноязычны*. Следовательно, адыгские песни и пщынатли о нартах — адыгские, они—адыгское создание.

Фольклорные произведения песенного строя могут друг у друга заимствовать лишь народы, имеющие общие исторические корни и говорящие на родственных языках. В силу этого обстоятельства народные песни «Полевые голуби» и «Моя черноглазая», рожденные в Кабарде, поются в оригинале и в Адыгее и в Черкесии, но этих песен в оригинале не поют осетины. Аналогичное явление, встречающееся и в фольклоре народов тюркско-татарской системы, отмечено многими исследователями (см. об этом: Академик А. С. Орлов. Казахский героический эпос, М.—Л., 1945, стр. 5; Н. В. Капиева. Песни ногайцев, Ставрополь, 1949, стр. 9).

Необходимо отделить вопрос о формировании языка, включая сюда и вопрос об иноязычном влиянии на лексику, от вопроса о *создании произведений народного творчества на уже сформировавшемся национальном языке*. Эти понятия разные и их не следует отождествлять. Разумеется, прежде создается язык народа. (явление первичное), затем на этом же языке сам народ сочиняет свои песни и поэмы (явление вторичное).

Если человек, создающий песни на своем национальном языке, употребляет в своей лексике турецкие слова, это не значит, что его поэтические творения принадлежат и туркам.

Русский народ, как и любой другой, в своих устнопоэтических произведениях употребил много немецких слов, — значит ли это, что эти создания — немецкие или немецко-русские?..

Конечно, нет.

Немецкий язык обогатил русский новыми терминами и понятиями, но от этого русский язык не перестал быть русским. То же самое можно сказать и относительно его народных творений, которые являются лишь национальной принадлежностью русских, создавших их, а не немцев или других народов, из языка которых были заимствованы отдельные слова и термины, встречающиеся в песнях, былинах и сказаниях народа.

Вопрос оценки лексического состава, на котором сложены народные песни, пщынатли и легенды о нартских богатырях, с одной стороны, и вопрос оценки объяснения значения личных имен центральных героев, известных всем народам Кавказа, с другой, нельзя отождествлять. Отождествление этих двух совер-

шенно различных понятий могло бы привести исследователя к явно абсурдным выводам.

В качестве эксперимента мы возьмем отдельные куски из общезвестного текста древней исконнорусской народной былины «Святогор».

Ездим **Илья** да по чисту полю
Да наехал **Илья** на поляницу тут.
И да едут с поляницей по чисту полю,
Да ударил ево палицей по буйной головы,
Да ударил ён ведь ту да в третий раз,
Разгорелось у ёво сердце богатырско,
У тово ли у **Самсона** Святогора у богатыря.

.....
И вынимал туто **Самсон** **Илью** да из кармана тут
Да поехал с **Ильей** да по святым горам,
.....

.....
Соходил-де ведь **Самсон** да со добра коня,
Еще сам-то за суммы да принимается...²

В приведенном *русском тексте русской былины*, в котором дается образ Святогора, одного из самых древних в героическом русском эпосе, *нет слов, которые были бы не понятны русскому человеку*, знающему родной язык своего народа. Наряду с исконно русскими по своей природе словами здесь встречаются слова иноязычного происхождения. Таковы, например, «богатырь» — татарское, «сума» — польское, «карман» — турецкое; «Самсон» и «Илья» — древнееврейские имена. Разумеется, было бы абсурдно утверждать, будто эта былина не русская, будто она не является национальным произведением устнопоэтического творчества русского народа, будто она — «русско-татарско-польско-турецко-древнееврейская» на том основании, что в *русском тексте* древней былины *встречаются иноязычные слова* — из татарского, польского, турецкого и еврейского языков. Спрашивается, говорят ли эти иноязычные слова, наличествующие в действительности в этом тексте, о том, что в создании русской былины «Святогор» принимали участие и татары, и поляки, и турки, и евреи?

Конечно, нет.

А о чем свидетельствуют указанные в былине русских иноязычные слова?

Они говорят о том, что русские еще с древнейших времен имели этно-исторические и культурные (прямые или косвенные) связи с татарами, поляками и другими народами, из области языка которых были заимствованы русскими эти слова.

² А. Ф. Гильфердинг. Онежские былины, № 270, том III, изд. 3-е, М., 1940. Текст записан от И. А. Гурьбина; «Русское народное поэтическое творчество», составители Э. В. Померанцева и С. И. Минц, М., 1959, стр. 250—251.

Как и в русском народном поэтическом творчестве, где *русские былины* — *русские*, так и в адыгском героическом эпосе *адыгские песни и пщынатли* — *адыгские*, несмотря на то, что в их текстах встречаются слова иностранного происхождения.

2. Поэтическая форма бытования ядра адыгского эпоса «Нарты» — песенно-стихотворная

М. Ауэзов в своей работе «Киргизская народная героическая поэма «Манас» высказал предположение, которое в известной степени, пожалуй, можно распространить и на историю зарождения и развития героического эпоса «Нарты». «Весьма возможно,—пишет М. Ауэзов,—что первоначально вся героическая поэма состояла только из одного цикла с небольшим числом песен. А затем постоянная слушательская аудитория, увеличивая свои запросы, побуждала аэдов расширять, разнообразить основную фабулу, придумывать второстепенные сцены, основанные уже на известных ситуациях, и соединять их со сценами первоначальными»³.

Тексты адыгского героического народного эпоса «Нарты» бытуют среди адыгов в песенно-стихотворной и стихотворно-прозаической формах. Причем песенно-стихотворные тексты, являющиеся более архаическими, составляют ядро всего адыгского эпоса или, иначе говоря, **тексты ядра адыгского героического народного эпоса «Нарты» — песенно-стихотворные.**

Некоторые полагают, что весь этот народный эпос передавался стихами, впоследствии он принял смешанную стихотворно-прозаическую форму.

Ученые, обращавшиеся ранее к изучению адыгского эпоса «Нарты», высказали ряд заслуживающих внимания замечаний.

Так, например, М. Талпа полагает, что «сказания о нартах некогда были поэмами, но в теперешнем своем виде они в большинстве представляют прозаическую форму»⁴.

Кабардинский поэт и ученый-филолог Б. Куашев, посвятивший много лет изучению поэтики адыгского эпоса «Нарты», отметил, что «в формальном отношении стихи и песенные тексты нартского эпоса отражают древнейший период перехода от ритмической прозы к силлабическому стиху. Полная деформация стиха и прозы явилась формальной предпосылкой становления

³ М. Ауэзов. Киргизская народная героическая поэма «Манас». В кн.: «Киргизский героический эпос» «Манас», Изд. АН СССР, М., 1961, стр. 25—26.

⁴ М. Талпа. Устное творчество кабардинцев, «Литературный критик», М., 1935, № 12, стр. 174.

этого эпоса, как лиро-эпической поэмы, ибо нам кажется, что этот эпос некогда представлял собой циклично последовательную, композиционно единую поэму.

Силлабический стих, — продолжает исследователь, — как новая форма художественного выражения была порождена новыми социально-историческими условиями, которые нашли свое величественное воплощение в нартском эпосе. Огонь и железо изменили быт человека и облик его жизни, они дали ему «вабдзэ», «афэ» и «джатэ» (лемех, панцирь и меч), благородство и плоды труда потрясли сознание человека, расширили пределы его досягаемости миропонимания, все эти и связанные с ними величайшие перемены требовали художественного осмысления новой формой»⁵.

Другой автор М. И. Мальцев по-своему поясняет причину перехода от стихотворно-песенной формы пщынатлей о нартах к прозаическому изложению в более поздние времена. «Хранители эпоса, — пишет исследователь, — народные певцы, преследуемые исламом, должны были перенести исполнение сказаний из широкой публичной аудитории в более узкий круг аула, улицы, семьи. Это не могло не отразиться на судьбах передачи поэтических сказаний от поколения к поколению. Стихотворный текст героических сказаний постепенно забывался вместе со смертью талантливых сказителей. Отсюда постепенное вытеснение песни прозаическим рассказом. Это явилось новым этапом в развитии классического эпоса в новых условиях»⁶.

Мы полагаем, что первоначально адыгами и их предками был сложен емкий и сильный цикл песен и пщынатлей о дальновидной Сэтэнай-гуашэ, об умном и хитром сыне ее Саусырыко, о храбром нарте — «не пировом человеке» Шэбатыныко, о бесстрашных богатырях Ащэмэзе и Пэтэрэзе. Затем этот цикл, в котором излагались в художественно преобразованном виде основные нормы поведения человека современной им эпохи, стал тем ядром, вокруг которого формировались все новые и новые циклы, аналогичные первому. Эпос пелся, как и сейчас, сопровождал истории народа, и по мере своего продвижения он обрастал песенными и прозаическими текстами, обогащался, развивался и шлифовался. Вокруг имен первых богатырей формировались целые циклы, к ним прибавились новые, неизвестные ранее. К моменту подготовки к печати научного многотомного издания адыгского эпоса «Нарты», в котором мы насчитываем 26 циклов, он — величественен и гениален.

⁵ Б. Куашев. Стихосложение нартского эпоса, личный архив автора, рукопись, стр. 12.

⁶ М. И. Мальцев. О некоторых особенностях поэтики кабардинского эпоса «Нарты», УЗ КНИИ, том VIII, Нальчик, 1953, стр. 90.

В своей работе «Исторические и идеологические предпосылки творчества Руставели» автор русского перевода величайшего творения грузинской литературы — романтической поэмы «Витязь в тигровой шкуре» Шота Руставели профессор Шалва Нуцубидзе дает высокую оценку памятникам фольклора. «На столбовой дорожке древней культуры, — пишет Ш. Нуцубидзе, — имеются памятники народного творчества, которые в своей совокупности представляют аттестат зрелости многих народов в области культуры. Корни подлинно гениального произведения мирового значения глубоко лежат в развитом народном творчестве, идейное настроение дается достижениями мышления, суммарно лежащего в основе умонастроения эпохи, базирующейся на определенных общественных отношениях»⁷. Таким памятником устного народно-поэтического творчества адыгов по праву может быть назван героический эпос «Нарты».

Никакой народ ни на Кавказе, ни за его пределами не поет адыгских песен и пщынатлей о нартах и не может петь, так как нет в мире другого народа, понимающего этот язык. Это обстоятельство еще раз подтверждает, что адыгские песни и пщынатли, составляющие ядро эпоса «Нарты», — творение адыгское. **Содержание** отдельных адыгских песен и пщынатлей о Сэтэнай (Сэтэна) и Орзмэдже (Орзмэг), Саусырыко (Сосырыко) и Шэбатыныкьо (Бадинок, Баданг), Пэтэрэзе (Бэтраз, Батрадз) и Ашэмэзе (Ашмаз) перешло в прозу к народам, живущим по соседству с адыгами, где они обрели популярность, упрочились, приняв в новых условиях национальное своеобразие, затем — пополнились и местными сюжетами.

При рассмотрении вопроса генезиса народного эпоса исследователь должен предельно ясно и разграниченно определить, на языке какого народа созданы стихотворно-песенные тексты данного эпоса.

В. Я. Пропп, автор многочисленных трудов по русскому устнопоэтическому творчеству, считает, что «один из главных признаков русского эпоса, отличающий его от других произведений героического содержания, состоит в том, что он слагается из песен, которые назначены не для чтения, а для музыкального исполнения... Признак музыкального, песенного исполнения настолько существен, что произведения, которые не поются, ни в каком случае не могут быть отнесены к эпосу (разр. наша. — А. Г.)»⁸.

⁷ Шалва Нуцубидзе. Исторические и идеологические предпосылки творчества Руставели, предисловие к кн. Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре», Тбилиси, 1957, стр. 5.

⁸ В. Я. Пропп. Русский героический эпос, М., 1958, стр. 6.

Если это положение распространить на героический эпос «Нарты», то вряд ли какой-нибудь народ Кавказа, за исключением адыгов, которые имеют основы циклов этого эпоса именно в музыкально-песенном исполнении, может отнести свои тексты о нартах к героическому эпосу.

3. О песенно-стихотворных текстах эпоса

Адыгский традиционный стихотворный текст песен относительно устойчив и легко запоминается. Это, на наш взгляд, объясняется двумя факторами, во-первых, большим интересом, проявляемым народом к содержанию этих произведений, несущих в себе историю народа, славу, мужество и отвагу предков; во-вторых, устойчивостью адыгского стиха песен и пщынатлей, достигаемой системой национальной рифмовки, обеспечивающей связь между стихами и придающей тексту музыкальность и благозвучие.

В качестве примера, иллюстрирующего адыгский стихотворный текст, держащийся на повторах гласных элементов (ассонанса), а также слогов и слов, можно было бы привести несколько строк из пщынатля «Как Сосрыко появился на хасе нарттов»:

Много сказов повторялось,
Распевалось много песен
В кузне Тлепша, и начало
Так звучало каждой песни.
Потому что все напевы,
Потому что все сказания
Родились на Хасе Нарттов,
Начались на Хасе Нарттов.

(Перевод С. И. Липкина).

Такую же организацию стихотворного текста с ассонантной — внутренней рифмой мы имеем и в других народных песнях адыгов. Сравним:

I. Пхъэр мэхасэ,
Псэр мэдао...
(«Пхъэм иорэд»).

II. Индылым шыбэр къырефы,
Фэмыфыбэр зыгъэшэсыжырэр —
Хъатхым ыкьокIэ Мыхъамэт-гъуаз...
(«Хъатхым ыкьо Мыхъамэты игъыбз»).

III. Шыыхыхэр зыгъэгъуагъоу
Благъохэр зыгъэкIыи гушэрэр — КъокIас...
(«Хъатх я КъокIасэ иорэд»).

IV. Къызэрэнэсэуи пщэгъо коренэу мэуцу,
КIочIэцу хабзэуи мы тамбырыгум зыресэ,
Мансэр рихымэ пным ыкIыIур игъогу,
Ижыгум зихъэджэ ныбэджэ хабзэуи зеплъахь.

Нэджэ зытеплээрэр Джэманщэрыккым ІэкІэкІырэп,
Пыим кІэкІымэ зы псэуи хэлгэри Іуеггээ...

(«Айдэмыркъаны иорэд»).

V. ГъучІыр мэплгы,
Іадэм лъыхъуба, си Мэмэт!
Уянэ гъэгуги
Сыггэгугаш, си Мэмэт!
(«Си Мэмэт»).

Древние песни и пщынатли адыгов о нартах ритмичны, но вряд ли можно разложить и объяснить их размерами современной поэтики.

Метрическая система и ритмическая организация стихотворных текстов адыгского героического народного эпоса «Нарты» определяется мелодией песен и пщынатлей, в которых, как правило, слышится конский топот широко и размеренно скачущих всадников-богатырей, биение их сильных сердец. И для того, чтобы изучить и определить их природу, пожалуй, надо быть скорее всего музыковедом, нежели литературоведом.

Одноязычные адыгские народы Кавказа (предки современных коренных жителей Адыгеи, Причерноморской Шапсугии, Кабарды и Черкесии) создали общенациональный многокомплексный героический эпос «Нарты», в основе которого лежат многочисленные песни и пщынатли. Причем каждая адыгская песня и пщынатль эпоса имеют свой стихотворно-песенный размер и свою оригинальную мелодию.

Здесь, в аспекте рассматриваемого вопроса, нам хотелось отметить лишь одно обстоятельство, имеющее прямое отношение к генезису героического эпоса «Нарты».

По своей природе, национальной специфике, принципам сложения, поэтическому своеобразию, лексическому составу, а также древним традициям и формам исполнения адыгские эпические песни и пщынатли о нартах, с одной стороны, и другие «обычные» героические песни и пщынатли фольклора адыгов (об Айдэмыркэне, Коджэбэрдыхо Мыхамэте, Хатхе Кочасе, Славном фокотле), с другой, — аналогичны. Это обстоятельство — одно из многочисленных свидетельств о том, что этот народный эпос «Нарты» не чужероден, что эти песни и пщынатли о нартских богатырях созданы одними и теми же единоязычными этническими группами адыгов.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

МОТИВЫ МИРОВОЙ МИФОЛОГИИ В АДЫГСКОМ ГЕРОИЧЕСКОМ ЭПОСЕ «НАРТЫ»

Специального труда, посвященного мотивам мировой мифологии в адыгском героическом эпосе «Нарты», нет. Известные нам публикации Хан-Гирея, Крым-Гирея, П. К. Услара, Вс. Миллера, Н. Я. Марра, Л. Г. Лопатинского, А. Иоакимова, И. М. Нусинова, К. Хашба, Х. С. Бгажба, М. Я. Чиковани и других авторов, на которые мы ссылаемся в своей работе, касаются отдельных вопросов мифологии Кавказа.

В адыгском героическом народном эпосе «Нарты» ясно выражены следы архаических верований и мифотворчества ранних периодов развития человеческого общества.

1. Мифы и их особенности

Во многих песнях и легендах адыгского эпоса «Нарты» мы встречаемся с мотивами, известными в мировой мифологии.

«Страх создал богов», — говорит В. И. Ленин¹. Создав в своем воображении богов, человек сложил о них легенды, известные в науке под именем мифов. В этих вымыслах о богах и героях он стремился объяснить непонятные ему явления природы.

«Всякая мифология, — по определению К. Маркса, — преодолевает, подчиняет и формирует силы природы в воображении и при помощи воображения; она исчезает, следовательно, вместе с наступлением действительного господства над этими силами»².

Ф. Энгельс так характеризует религию: «Всякая религия является не чем иным, как фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их по-

¹ В. И. Ленин. Соч., том 15, стр. 375.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., том 12, стр. 737.

вседневной жизни, — отражением, в котором земные силы принимают форму неземных. В начале истории объектами этого отражения являются прежде всего силы природы, которые при дальнейшей эволюции проходят у различных народов через самые разнообразные и пестрые олицетворения. Но вскоре, наряду с силами природы, выступают также и общественные силы — силы, которые противостоят человеку и так же чужды и первоначально так же необъяснимы для того, как и силы природы, и подобно последним господствуют над ним с той же кажущейся естественной необходимостью. Фантастические образы, в которых первоначально отражались только таинственные силы природы, приобретают теперь также и общественные атрибуты и становятся представителями исторических сил»³.

Мифический герой — это гиперболизированный образ, в котором народ сочетал силу и героизм, ум и находчивость всего коллектива, воплотил в нем психологию и характер, обычаи и нравы самого создателя, отразил его одежду и вооружение.

При этом герой предстает в легенде мифическим титаном, во много раз превосходящим физическую силу и возможности обыкновенного человека.

Люди в мифах изображаются слабыми, инертными, зависящими от воли бога. В мифе мы видим неверное представление о природе, о духах, волшебных силах и т. д.

В отличие от мифа, в героическом эпосе человек предстает хозяином положения, вершителем серьезных дел; он ведет непримиримую борьбу с темными силами природы и даже с самими богами; он отстаивает интересы человека на земле.

Таким образом, «миф и эпос диаметрально противоположны один другому по своей идейной направленности»⁴.

Герои адыгского народного эпоса «Нарты» — это *Саусырыко* (Сосырыко), смело вступающий в борьбу с иныжем (великаном) и добывающий огонь для людей; это — *Тлеши* (Лъэшшъ), образ, воплотивший в себе качества кузнечного ремесла предков древних меото-адыгов; это — *Нэсрен*, вступающий в бой с богом; это — *Пэтэрэз* (*Бэтэрэз*), побеждающий смерть и освобождающий Нэсрена, прикованного к горе, и многие другие. Все эти герои эпоса «Нарты» — добродетели, ведут борьбу против зла. Они идейно близки образу Прометея.

Разумеется, создавая эти образы эпоса в седой древности, народ наделял их чертами, характерными для современной им эпохи, и эти герои-титаны, как и сами создатели этих образов, были чрезвычайно далеки от материалистического представления о природе.

«Человечество на первой ступени своего развития, — писал

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма, Соцэкгиз, М., 1931, стр. 383.

⁴ В. Я. Пропп. Русский героический эпос, М., 1958, стр. 35.

Поль Лафарг, — не было в состоянии создать себе положительное представление о мире и должно было вследствие этого прибегать к помощи фантазии для возмещения фактического опыта и наблюдения, а небесные явления оно должно было объяснять не действительными материальными, а воображаемыми идеальными причинами»⁵.

Адыгское предание о прикованном к Ошхэмафэ (Ошхэмахо) — Эльбрусу является типичным мифом, созданным человеком в глубокой древности.

Бегло ознакомимся с имеющимися у адыгов некоторыми вариантами этой легенды, мотивы которой широко известны в мировой мифологии, и вслед кратко прокомментируем их.

В первой половине XIX века адыгский этнограф Хан-Гирей на страницах газеты «Кавказ» опубликовал статью «Мифология черкесских народов». В ней сообщается сюжетная линия мифа о старике с длинной бородой до самых ног.

«Предание повествует, — пишет автор, — что на вершине снежного Эльбруса за какие-то грехи прикован один великан. Когда он пробуждается от оцепенения, то спрашивает у своих стражей: «Растет ли еще на земле камыш и родятся ли ягнята?» Безжалостные стражи отвечают: «Камыш растет и ягнята рождаются». От такого ответа великан приходит в бешенство, рвет свои оковы, и тогда земля дрожит от его движений, цепи брызжут молниями и грохочут громами; его тяжкое дыхание — порывы урагана, стоны — подземный гул, бурная река, вырывающаяся из подножия Эльбруса, — его слезы»⁶.

Второй адыгский вариант этого мифа «Тхьэм пэуцужьыгъэм ихъиштъ» («Легенда о восставшем против бога»), записанный от Хушта Ибрагима в Адыгее 18 октября 1960 года, то есть спустя более века после Хан-Гирея, гласит следующее:

Говорят, что наты выступали против бога. Легенду о нате, который было восстал против бога, слышал я часто. Он стал сквернословить на бога, этого не стерпел бог, и его ангелы приковали, наложив на него цепи... Около ната сидит собака, верная ему, охраняет. Она беспрестанно цепи грызет, бывает, почти перерывает. Но слышатся удары о наковальню, и железная цепь вновь утолщается. Тогда с криком «ха-хай!» нат начинает бушевать — дождь льет, громом гремит. Когда железными цепями о цепь бьет — молнии блещут, когда с шумом «па-аф» изрыгает воздух — сильный ветер дует, резко встряхнув себя — заставляет гору вздрогнуть, с шумом «пхъы—пхъыпхъ» камни большие спускает сверху.

Люди не хотят, чтобы цепь, которая против тех, кто посмел

⁵ П. Лафарг. «Кампанелла», Петроград, 1920, стр. 40.

⁶ Хан-Гирей. Мифология черкесских народов, «Кавказ», 1846, № 35, стр. 140 (Архив АНИИ, «Сочинения Хан-Гирея», том 1, рукопись).

восстать против бога, была перегрызена его собакой; они боятся и говорят, что если перегрызет, как теляль⁷, он явится на землю, уничтожит благочестие бога, мир перевернется и рухнет⁸.

В комментариях к своему тексту сказитель И. Хушт сообщает, что делать трехкратные удары по наковальне, а также по лемеху было традиционным явлением в жизни адыгов. Во время чапша⁹, перед кроватью больного и сейчас кладут лемех и молоток. При посещении его каждый подходит к лемеху, берет молоток и делает три удара по нему и желает больному благополучного выздоровления; при первом посещении кузни и перед уходом производили удары молотом по пустой наковальне; адыги имели «отэо маф» (день удара молотом), при котором, поочередно производя удары по наковальне, первый говорил: «лгыгъэ-кIуат» («подвинь дальше!»), а другой: «екIотэх!» («спустись ниже!»). Всем этим люди хотели «отодвинуть от себя бедствие».

Третий адыгский текст этой же легенды «Тхьэм пэуцужьыгъэм ихьышъ» («Легенда о восставшем против бога») начинается с сообщения о том, что «эту легенду часто в адыгских хачешах¹⁰ не принято было рассказывать, — не считали особо уместным рассказывать о Нэсрене-старике, посмевавшем выступить против бога». Затем говорится о том, что Нэсрен возгордился, стал ставить себя выше всех и в дела бога вмешиваться, за что был прикован железными цепями к горе.

«С тех пор ревет и мечет, бряцает цепями. Так он ни мертв, ни жив, к горе приколочен! Его две борзые собаки грызут цепи и вот-вот, бывает, почти перегрызут их, как прилетает какая-то птичка и садится на столб, к которому цепями привязан, как тотчас же цепи принимают прежнюю толщину. Тогда (рассказывающий смеется) этот, проклятый богом, холерой расхочется: «ха-хай!» орет, гремит, рывками столб расшатывает. Вот, бывает, наполовину уже выдернет, но огромный камень он мечет разгневанно в эту птичку, но камень падает не на птичку (она слетает), а на столб, к которому он привязан, и еще крепче сам же вбивает (в землю)»¹¹.

Во многих адыгских преданиях о прикованном к скале бога-

⁷ Теляль — мифическое чудовище.

⁸ Нартхэр. Адыгэ эпос, том VII, цикл «Разные песни, легенды», рукопись академического издания, сказитель Хушт Ибрагим. Смысловой перевод наш.

⁹ Чапш (клапш) — увеселения, устраиваемые у больного исключительно с переломом кости или ранением, чтобы заглушить его страдания перед сном. (См. этнографический очерк адыгейского писателя И. Цей «Чапш» в ж. «Революция и горец», Ростов-на-Дону, 1929, № 4—6, стр. 41—42).

¹⁰ Хачеш (хьакIэш) — дом для гостей, гостевая.

¹¹ Нартхэр. Адыгэ эпос, том VII, цикл «Разные сказания». Рукопись академического издания, сказитель Хапай М. Т., перевод с хатукайского текста.

тыре выступают смельчаки, которые пытаются проникнуть в расщелину двуглавого Юшъхъэмафа (Эльбруса), чтобы узнать ее вековую тайну. Одно из таких преданий было записано и опубликовано на русском языке Л. Г. Лопатинским в XIX веке.

В этом варианте адыгского предания рассказывается о том, что когда-то один богатырь с одним глазом во лбу дерзнул проникнуть в тайны бога — Тха¹² и пробрался в расщелину между обеими вершинами горы Ошхэмафэ (Эльбрус). Не потерпел бессмертный Тхэ дерзновенного поступка смельчака и приковал его к скале вершины Иныж¹³ длинной цепью за шею.

Много лет прошло с тех пор. Богатырь состарился. Длинная борода, белая, как ледники Ошхэмафа, доходит ему до колен. Мощное тело согнулось, а гордое лицо избороздилось морщинами.

В наказание за дерзкую попытку богатыря Тха послал хищную птицу: коршун прилетает к нему каждый день и безжалостно клюет его сердце; когда же страдалец наклоняется, чтобы испить из родника немного воды, то хищная птица, бросаясь раньше его, выпивает все до последней капли. Эта вода имеет чудодейственную силу. Кому удастся испить этой воды, тот будет жить до скончания света.

Наступит время, когда Тха рассердится на грешных детей Адама и, освободивши одноглаза от наказания, выпустит его из недр горы. Горе тогда людям! Он отомстит им за свои вековые страдания¹⁴.

В этом адыгском предании наличествуют мотивы героя греческой мифологии Тантала. Тантал, испытывающий нестерпимые муки жажды и голода, стоит по горло в воде, но стоит ему наклонить голову, чтобы напиться, как вода отступает от него.

В приведенных нами четырех текстах адыгского предания о богатыре, прикованном к горе, общими являются следующие обстоятельства: *первое*, богатырь несет наказание за то, что он восстал против бога; *второе*, место, где он прикован к вершине горы Кавказа; *третье*, люди боятся выступить в защиту человека, наказанного богом; *четвертое*, его освобождение грозит опасностью гибели вселенной; *пятое* — подтекст: «Не противься богу, бойся его, накажет!»

Перед нами типичный этнологический миф, со всеми его типическими обстоятельствами.

В этом мифе следует выделить объяснение древними предками меото-адыгов причин происхождения различных явлений в природе: 1. Отчего земля дрожит; 2. Почему гром гремит и мол-

¹² Т х а (Тхэ) — бог (адыг).

¹³ И н ы ж («Иныж») (адыг.) — название одной из вершин Ошхэмафэ; само адыгское слово «Иныж» означает «Великан».

¹⁴ СМОМПК, вып. XII, стр. 37—38.

нии блещут; 3. Отчего происходят порывы ветра, урагана; 4. Почему слышится подземный гул; 5. Какова причина того, что с неистовством выбиваются из подножия горы воды реки. Все эти действительные явления природы, которые люди постоянно видели и слышали, древний человек, еще далекий от научного материалистического понимания явлений природы, пытался объяснить мифологически, с помощью вымысла, догадки, фантазии.

В мифах, поверьях адыгов веками держалось утверждение о том, будто добраться до вершины Ошхэмафа (Эльбруса) и познать ее тайны невозможно, так как тот, кто попытается проявить такое «дерзкое дело», неминуемо понесет суровую кару бога.

Человек опроверг этот миф.

10 июля 1829 года группа ученых, в сопровождении одного адыга из Кабарды, предприняла восхождение на Эльбрус. Надпись на плите, отлитой на Луганском заводе в 1829 году и установленной тогда же в районе восхождения, гласит: «... вершины же оного 16330 футовъ (2333 саженьей) достиг только кабардинец Киларь. Пусть сей скромный камень передаст потомству имена тех, кои первые проложили путь къ достижению поныне почитавшегося непреступным Эльбруса!»¹⁵.

2. От мифа — к эпосу. Мотив противодействия богам

Народ в своем развитии постоянно совершенствуется, обогащается опытом, наблюдениями и, по мере познания окружающей действительности, начинает отрицать идеологию мифа и из мифа создает эпос, в котором, как было отмечено несколько выше, герой уже не раболепствует перед силами природы, а активно вступает в борьбу с ними, ненавидит тиранию, противодействует богам, побеждает зло¹⁶. В этом отношении представляет научно-познавательный интерес адыгское сказание о том, как Хымышыко Пэтэрэз (у восточных адыгов: ПӀэтэрэз — Бэтэрэз) освободил Нэсрен-жача, прикованного к Ошхэмафэ (Эльбрусу).

¹⁵ Лэпатинский в примечании к легенде «Эльбрус», записанной в Кабарде во второй половине XIX века, ошибочно сообщает, будто первое восхождение на Эльбрус совершено 19 июля 1863 года членами Лондонского альпийского клуба: Фрешфильдом, Муром и Тёккером (СМОМПК, том XII, Тифлис, 1891, стр. 39). Первым достиг вершины Эльбруса 11 июля 1829 г. Хащырыко Чылар (Хьащырыкъуэ Чылар). См. об этом: Елмэс Аулдин. Чылар, ж. «Юащхэмахуз», 6, Налшык, 1959, н. 58—66.

¹⁶ Уместно здесь привести слова К. С. Давлетова о том, что «постепенно от одной области фольклора к другой, от одного жанра к другому народное эстетическое сознание освобождается от влияния мифологического мировоззрения. От жанра к жанру фольклор движется к внутреннему становлению реалистического метода, к становлению художественного объективизма». (К. С. Давлетов. Фольклор как вид искусства, М., 1966, стр. 346).

В пщынатле (народной поэме) говорится о том, что:

Нартхэм яІэт Хасэ тепщэу Нэсрэн-жакІэ,
О-рэ-да,
Нэсрэн-жакІэ лІы хахуэт, лІы хыжъейт,
О-рэ-да!..

Перевод:

Нарты имели Хасэуправляющим¹⁷ Нэсрэн-жаче¹⁸
О-рэ-да!¹⁹
Нэсрэн-жачэ — мужчина грозный, мужчина беспокойный,
О-рэ-да!..

Не все понравилось богоравному Пако. Он разгневался и все беды обрушил на голову нартов, разорил их очаг и унес их огонь. Видя, что нарты оказались в большой беде, старейший на Хасе, мудрый, дальнзоркий нарт Нэсрен, готовый принять самую жестокую пытку, первым принимает решение и, ради спасения людей, первым достигает богоравного Пако и раньше всех предстанет перед титаном.

— Гъазэ зoІэ, цІыху цІыкІухэр дин икІаш,
О-рэ-да,
Си тхэ напэм нэмыплъ Іейхэр фэ хувошІ,
О-рэ-да,
.....

Гъэм зигъазэм сэ си хъохъу фымыІуатэ,
О-ри-да!..

Перевод:

Вернись, говорю, люди маленькие из веры вышли,
О-рэ-да,
К моему божьему лицу неуважение сильно вы
..... проявляете,
О-рэ-да,
.....
Год целый обо мне тост не произносите,
О-рэ-да!..²⁰

Не отступил нарт Нэсрен, за что тотчас же был связан железной цепью и прикован к вершине Кавказа. К нему был приставлен орел караулить его. Нарты предпринимали много усилий, но никак не могли справиться с тираном. Тогда одному из самых храбрых мужей — нарту Бэтэрэзу (Пэтэрэз) удастся освободить титана Нэсрена, прикованного к горе, одержав победу над

¹⁷ Хасэ — совет рода, Хасэуправляющий — советоуправляющий, глава совета.

¹⁸ О значении собственного имени «Нэсрен» мы скажем ниже; «жакІэ» означает «борода».

¹⁹ Орэда (адыг.) — припев, от адыгского слова «орэд» — песня.

²⁰ Нартхэр. Том 11, цикл «Хъымышыкъо Пэтэрэз», рукопись академического издания, перевод с кабардинского текста наш. — А. Г.

темными силами — орлом, драконом и самой смертью. С Нэсреном, с головней (огнем) в руке, на своем быstroномoм коне Пэтэрэз (Бэтэрэз) возвращается к нартам.

Резонно полагать, что этот пщынатль люди сложили в ту древнейшую пору, когда добыча огня являлась чрезвычайно сложной проблемой, когда адыги, возможно, приветствовали словами: «МэфІэхъу апщы!» («МышІохъу апщы!»), в смысле «Да будет у тебя огонь!»; когда в пожеланиях молодой нысэ — невестке говорилоcь:

УимэфІашъхъэ мысэхъжъэу
Утхъэжъэу опсэу, ситІасэ! —

Буквально:

Твой огонь никогда не угасая
Да в блаженстве живи ты, моя любимая!²¹

Тогда же, видимо, люди лэгунэ («лэгъунэ» — спальня, комната невестки) называли «мэшІуапІэ», буквально: «Огня место».

Этот пщынатль, по-видимому, является более цельным, более оформленным в народе (в результате длительного живого бытования) и более сохранившимся (в силу его стихотворно-песенного склада) вариантом адыгского предания о прикованном к горе великане.

В данном тексте очень четко выражены мотивы сказания: герой смело восстает против богоравного Пако, чтобы вернуть людям огонь, символ жизни. На помощь ему идет другой нарт, и оба они одерживают победу над злом. Образ нарта Нэсрена, презирающего смерть, ненавидящего насилие, не зная страха, первым идущего на самопожертвование во имя жизни и счастья людей, по своей внутренней натуре и идейной целеустремленности роднится с Прометеем. По определению Карла Маркса, «Прометей — самый благородный святой и мученик в философском календаре»²².

Мотив прикованного человека к земле или горе Кавказа, или заключенного в пещеру, свойствен не только легендам адыгского народного эпоса «Нарты», — он часто встречается в «обычных» сказаниях и сказках, известных и ныне в Адыгее, Кабарде, Черкесии и Причерноморской Шапсугии. Но заметим, в этих адыгских сказках и сказаниях прикованный богатырь — хищник, циклоп или полифем — дикий одноглазый получеловек (мэзлІыныкъу), против которого люди ведут борьбу.

В популярной адыгской сказке «Есмыко Есхот» старик приковывает к земле семью крюками великана Алирегу-Альгожа, похитителя его дочерей²³.

²¹ Приветствия, связанные с культом огня, нами записаны во Втором Кизбуруне Кабарды 21 декабря 1958 г. от Каздоха Мыхамэта. См. подробнее: МафІэм и хъыбар. Адыгэ уэрыуатхэр, Налшык, 1963, н. 84—85.

²² К. Маркс и Ф. Энгельс. О литературе, М., 1958, стр. 119.

²³ Адыгейские сказания и сказки. Майкоп, 1952, стр. 147.

В другом тексте «Сказания об Акбэче» повествуется о том, как во время странствований в степи на пути героя встречается белокаменный большой дом, в котором он увидел великана, прикованного железными цепями и «железными колючками». Возле великана лежит хлеб²⁴, сколько он съедает его, столько прибавляется²⁵.

В этих адыгских сказаниях, сказках и легендах человек не раболепствует перед черными силами, а торжествует над ними. В этом отношении показательное эпическое героическое сказание об освобождении прикованного к скале Кавказа нарта Нэсрена.

Легенды о титанах, прикованных к горам, известны и у других народов, живущих на Кавказе.

3. Легенды о титанах, прикованных к горам, известные у других народов, живущих на Кавказе

Адыгские сказители, рассказывая легенду или исполняя былин о Нэсрене, прикованном верховным Богом (Тхьэ) к Ошхэмафу (Эльбрусу), глубоко уверены в том, что подобные сказания вряд ли имеет другой народ. Недалеки от этой мысли даже некоторые исследователи. Однако факты говорят о наличии подобных сказаний и у других народов Кавказа.

По своему происхождению абхазы, грузины, так же как и адыги, принадлежат к аборигенной этнической группе Кавказа. Эти народы связаны друг с другом общностью происхождения и являются древнейшими обитателями Кавказа²⁶, и, естественно, наблюдается очень много поразительно близких деталей в их мифологии и поверьях. Эта близость была отмечена учеными и писателями еще в XIX веке.

Проиллюстрируем некоторые народные легенды о титане, наказанном богом, записанные в Абхазии, Грузии, а также в Армении.

Прикованный к столбу титан у абхазов известен под именем Абрскил. Легенда о нем впервые была записана А. Иоакимовым²⁷ в двух вариантах. Один вариант таков. Абрскил любил род людской и делал для него много благодеяний, сообщая ему тайны неба. Так как папоротник грозил заглушить посевы, Абрскил вел борьбу с папоротником, стараясь задержать его рост. Затем, считая для себя унизительным преклоняться перед кем-либо, он рубил цепкие лианы, висевшие над дорогой, и уничтожал ко-

²⁴ В других вариантах: «пIастэ» — каша.

²⁵ Адыгэ тхьидэжъхэмрэ пшысэхэмрэ. Мыекъуапэ, 1940, н. 133—134.

²⁶ Очерки истории Абхазской АССР, ч. 1, Сухуми, 1960, стр. 18—19.

²⁷ А. Иоакимов. Предрассудки моих учеников, газ. «Кавказ», 1873, № 66.

лючие кусты. Ангелы, по велению бога, заковали его в цепи и заключили в пещеру. Черный пес грызет эти цепи, и когда звено утончается до толщины нитки, сидящая на страже девушка дает знать об этом злой ведьме, и та ударом волшебного жезла скрепляет цепь²⁸.

В других вариантах этого же предания героем выступает Амиран. Академик, профессор Московского университета Всеволод Миллер (1848—1913) в своем известном труде «Кавказские предания о великанах, прикованных к горам» приводит абхазский вариант, записанный Г. Н. Потаниным от Демурия. В этом абхазском тексте повествуется о том, что Амиран был прикован богом к Эльбрусу в верховье речки Хадзильти. При Амиране его пег (рашь), которая грызет его цепи. Когда цепь становится уже совсем тонкою, стоящая тут женщина в черной одежде прикасается к ней палкою, и цепь принимает прежнюю толщину.

Амиран, говорится в этом предании, был воспитан абхазом из рода Цицибаевых. Однажды эти Цицибаевы пошли вверх по реке Хадзильти, чтобы посетить Амирана, но не могли дойти до него: они только слышали его голос. Амиран их спросил: «Растет ли у вас папоротник (квимра)?» «Ему ответили: «Ничего нет обильнее папоротника», Амиран говорит: «Это несчастье!» Затем он спросил: «А есть ли у вас рыжеволосые люди?» «Есть», — ответили ему. Амиран сказал: «И это несчастье». Потом он еще задал вопрос: «Есть ли у вас виноградные лозы, перекинутые над папоротниками?» «Есть», — сказали ему. А он: «И это несчастье». Абхазы говорят, лозы были неприятны Амирану, так как люди, проходя под ними, должны были наклониться и как бы невольно поклониться богу.

Автор XIX века П. К. Услар писал, что грузины и тушины рассказывают об исполине Амиране²⁹, который за дерзость против бога заключен, скованный в горной пещере: с ним находится верный пес его, который без отдыха грызет или лижет цепи, отчего последние делаются все тоньше и длиннее. К концу года великан уже мог бы достать до меча своего, висящего тут же в пещере, и тогда вырвался бы на свободу, — но этому препятствуют удары кузнецов по пустой наковальне, производимые в известные дни и с известными приговорами³⁰.

О подобных же преданиях грузин сообщает Вс. Миллер в выше упомянутом своем труде «Кавказские предания о велика-

²⁸ Х. С. Бгажба. Об абхазском героическом эпосе. Труды Аб. НИИ ЯЛИ им. Д. И. Гулиа, том XXVI, Сухуми, 1955, стр. 234.

²⁹ Газ. «Кавказ», 1855, № 1, см.: «Картвельские сказания об Амиране». Сб. МОМПК, вып. 32, Тифлис, 1903, отдел II, стр. 141—166.

³⁰ П. К. Услар. Древнейшие сказания о Кавказе, ЗКОИРГО, Тифлис, 1881, стр. 483.

нах, прикованных к горам». Любопытно своими деталями имеретинское предание, сообщенное ему В. С. Микеладзе.

В нижней Имеретии существует популярная легенда о богатыре-узнике Рокапи, прикованном цепями к громадному чугуному столбу. Исполин силится вытащить этот столб из земли, но с 14 по 15 августа, в «ночь ведьмы», когда Рокапи делает последние усилия и он вот-вот близок к цели, прилетает маленькая птичка, которая садится на столб. Узник ударяет в это время громадным молотом по этому столбу, чтобы убить птичку. Но напрасно: птичка улетает, а столб вновь вбивается глубоко в землю. Имеретины говорят, что если Рокапи когда-нибудь удастся освободиться, то настанет конец миру³¹.

Мотивы этого древнего предания, по-видимому, настолько были широко известны, что у некоторых народов они вылились в сказания действительных событий.

Армянская легенда прикованного титана называет Шида-ром, сыном Артавадза. «Жил-был царь Армянский, по имени Артавадз. У него был сын помешанный по имени Шидар. Артавадз, умирая, не передал царства Шидару, так как он был сумасшедший. По этой причине пошла смута по нашей земле и немало было разорений. Раз Шидар садится на коня, приказывает трубить в трубы и возвестить, что он желает царствовать, сам же с избранными всадниками отправляется на охоту. И только въехал на речной мост, нечистый дух тотчас же потряс его, и он упал в реку и исчез. И всадники распустили слух, что боги схватили Шидара и заключили его в черную гору, в старый Масис (Арабат), наложив на него оковы. Две собаки — одна белая, другая черная — непрестанно лизут цепи Шидара. К концу года цепи его делаются тонки, как волос. Если они порвутся, Шидар выйдет и уничтожит нашу землю. Для предотвращения этого кудесники постановили, чтобы в исходе года, в первый день месяца навасарда, все ковачи, какой бы работой ни были заняты, ударяли три раза по наковальне, дабы оковы Шидара, дошедшие до тонкости волоса, толстели и крепчали; иначе выйдет Шидар и уничтожит нашу землю».

Турецкие армяне имеют подобное предание, в котором повествуется, что Мхер со своим конем заключен на вершине горы, недалеко от Вана. Там находится колесо, приводящее землю с небом во вращательное движение. Мхер пристально следит за этим колесом: как только оно остановится, он получит свободу. Тогда Мхер разорит мир.

Предания об Амيرانе бытуют и среди осетин. Вс. Миллер в своих «осетинских этюдах» под особой рубрикой «Сказания о нартах» опубликовал два текста («Амиран, Бадри и Мысырби»,

³¹ Вс. Миллер. Кавказские предания о великанах, прикованных к горе, ЖМНП, М., 1883, № 225.

«Предание об Амиране»³². У осетин есть предание, в котором повествуется о том, что некогда издали приходил неизвестный человек. Он сделал им много добра, но за то, что освободил их от власти злого духа, верховным демоном прикован к скале³³.

Приведенные нами предания народов, населяющих ныне Кавказ, при общности многих факторов, национально различны и самобытны. Так, общим для всех их является то, что: 1. Все они — титаны, но каждый из них имеет свое собственное имя. Имя титана, прикованного богом к столбу-скале, у адыгов, проживающих в Адыгее, Кабарде, Черкесии, Причерноморской Шапсугии, а также за рубежом, — *Нэсрен*, у абхазов — *Абрскил*, у грузин — *Амирани*, у армян — *Мхер* и *Шидар* и т. д. 2. Все они прикованы к «своим» вершинам Кавказа: *Нэсрен* — к *Ош-хамафу* (Эльбрусу); *Абрскил* заключен в *Чиловскую пещеру* и привязан цепью к каменной глыбе; *Амирани* — к *Казбеку*³⁴, *Мхер* и *Шидар* — к Масис (*Арарату*). 3. Народ мыслит конкретно и мысленно представляет этих титанов в условиях своей стороны, что вносит в предание свои национальные черты, этнографические детали, особенности природы. Например, Абрскил рубит папоротники и лианы, которые очень распространены в Абхазии. Их вы не увидите ни в Адыгее, ни в Кабарде, ни в Черкесии... В абхазских, грузинских и армянских легендах о прикованном титане герой — насильник, его освобождение может привести гибель народу.

Судя по наличию имеющихся фактов, можно полагать, что наибольшее живое бытование и более обстоятельную научную разработку предания о титане Амиране получили в Грузии. Грузинские сказители и певцы увлеченно поют и рассказывают об Амиране; грузинские ученые много внимания уделили его исследованию. Труд проф. М. Я. Чиковани «Амираниани» подытоживает и приводит к единому знаменателю все исследования по этому эпическому произведению. При этом автор отмечает, что при исследовании «Амираниани» им «было привлечено до 140 вариантов, которые собраны на грузинском, абхазском, осетинском, черкесском, армянском и других языках и на их наречиях»³⁵. Настоящее монографическое исследование М. Я. Чиковани имеет в своем приложении XVII текстов (стр. 201—294), с

³² В.с. Миллер. Осетинские этюды, ч. 1, М., 1882, стр. 58—59. Здесь же заметим, что, во-первых, легенды об Амиране были ошибочно включены автором в раздел «Нартских сказаний»; во-вторых, эти легенды представляют собою известные сюжеты из грузинского эпоса «Амираниани».

³³ П. К. Услар. Древнейшие сказания о Кавказе, Тифлис, 1881, стр. 483.

³⁴ Михаил Чиковани. Амираниани, Тбилиси, 1960, стр. 292. Кроме «Амирани», у грузин известно имя «Арам-Хуту», который прикован к столбовому железному колу, положив тут же сорокапудовый молот (стр. 294).

³⁵ Там же, стр. 6.

соответствующими примечаниями к ним (стр. 295—304). «Первое литературное оформление сказания произошло в Греции (Гесиод, VIII век до н. э.). Детальное изучение памятников искусства, обнаруженных во время археологических раскопок, показало, — пишет проф. М. Я. Чиковани, — сказание о прикованном герое в Грузии (в древней Колхиде и Иберии) существовало еще во втором тысячелетии до нашей эры»³⁶.

Итак, факты убеждают нас в том, что легенды о титане, прикованном цепями к горе (или заточенном в пещеру), имеют устойчивое бытование и популярность среди народов, живущих на Кавказе, и они своими корнями крепко приросли к вершинам и пещерам Кавказа: к Ошхамафу (Эльбрусу), Казбеку и Масис (Арапату).

Сходство вариантов этого предания у народов Кавказа — хорошее свидетельство о родственной близости их культур, их внутренней целостности, свидетельствует о внутренней духовной близости с древнейших времен.

4. Мотив уязвимого места на неуязвимом теле

В наши дни общеизвестен образ Ахилла, героя Троянской войны, сына морской богини Фетиды. Согласно греческой легенде, Фетида, стремясь сделать своего сына Ахилла (Ахиллеса) неуязвимым, окунула младенца в воды Стикса. От этого его тело стало неуязвимым, за исключением пятки, за которую его держала мать, опуская его в подземную реку.

Мотив уязвимого места на неуязвимом теле наличествует и в адыгском национальном эпосе «Нарты». В одном из вариантов легенды «Рождение Саусырыко» («Саусырыкъо икъэхъукI») говорится так: когда нарт родился, «Лъэпшъы гъучIы Iадэмджэ сабым ыкопкъышъхъитIу ыубыти блэ гъогогъо псым хигъэуагъ... блэ псахъыгъо ыпсахъыгъ... ыкIышъо щылычым фэдэу пытэу хъугъэ. Ау ыкопкъышъхъитIоу гъучI Iадэмджэ ыубытыгъагъэр, щыфы пкъышъоным фэдэу шъабэу къэнагъэх». То есть: «Тлепш железными клещами за оба бедра схватил ребенка и семь раз окунул в воду... сделал семикратную закалку... Тело его стало крепким, как сталь... Но его оба бедра, за которые (он) держал железными клещами, остались мягкими, как у обыкновенного человека...»³⁷.

Согласно этому варианту, уязвимыми местами на неуязвимом теле нарта Саусырыко были его бедра.

В другой адыгской легенде о рождении Саусырыко имеется

³⁶ Михаил Чиковани. Амираниани, Тбилиси, 1960, стр. 5.
³⁷ Нартхэр. Том I, № 20(1), сказитель ШашIэ Бый, перевод с бжедугского текста наш.

указание на колени, как на уязвимое место на неуязвимом теле. Приведем это место из оригинала:

«Лъэпшъ дэй хьи къегъэпщэжъ, Іялэр мэсызы, — ыІуи Сэтэнаем Чэлэхъсэт Лъэпшъ дэжъ сабыир ригъахыгъ. *Лъэгонжц-Іур* ІадэмІе ыубыти, блэ ыпщэжыгъ...».

Перевод:

«К Тлепшу отнеси, чтобы он закалил, а то мальчик горит, — сказала Сэтэнай и попросила Чэлэхсэта к Тлепшу ребенка отнести. *Оба колена* щипцами схватив, семикратно закалил (ребенка)...»³⁸.

В кабардинских вариантах «Рождения Сосрыко», записанных от сказителей Кабарды ХьэхъуапшІэ Амырхъан 28 мая 1946 года и Къоуфэ Пшымырзэ 25 апреля 1949 года, уязвимыми местами на теле нарта указываются *бедра*³⁹.

Сирийский адыгский вариант этой же легенды (Нарты, том 1, № 34/15) имеет указание как на уязвимое место на теле нарта Саусырыкъо, *на левое колено*⁴⁰. Проф. Жорж Дюмезиль, побывавший в 1930 и 1931 годах в нескольких адыгских деревнях Измида, где проживают, по словам исследователя, многочисленные племена адыгов (абдзахи, шапсуги), отмечает, что в измидских адыгских вариантах легенд о Саусырыкъо, записанных им в Узун Тарла, уязвимыми местами на неуязвимом теле этого нарта оказывались *колени*. «Они (великаны) покатили колесо к Саусырыко, который на этот раз оттолкнул его коленями. Колесо тотчас же отрезало ему ноги»⁴¹. При этом, кстати, здесь же сказитель сообщает, что уязвимым местом у коня нарта было копыто: «Стрела... ударит лошадь Саусырыко *под копыта* и... лошадь упадет. Это и произошло...»⁴². Подобные детали имеются и в легендах, записанных в Адыгее.

В мае 1960 года убух Тевфик Эсэнч⁴³ из селения Хаси Осман продиктовал на убухском языке легенду о Саусырыкъуа, в кото-

³⁸ Нартхэр. Том 1, № 22(3), сказитель Кувай Зэфэс, дословный перевод с абдзахского текста наш.

³⁹ Нартхэр. Том 1, № 38(19), 39(20), сказитель Кувай Зэфэс.

⁴⁰ «Адыгэ усэнэр». Дамаск, 1940, стр. 12.

⁴¹ Жорж Дюмезиль. Легенды о нартах, новые тексты, относящиеся к герою Сосырыко, опубликованные в ж. «Обзор истории религии», том СХХV, 1942—1943, стр. 117—118 (на франц. языке).

⁴² Жорж Дюмезиль. Там же, стр. 118. Имеется аналогичное упоминание (см. «Нартхэр», том 1, № 61): «Соусырыкъо заом кІуао нартхэр къоури Тхъожъейм илъэгум щэр къытрагъахори Тхъожъейр къаукІа» (сказитель Гъой Хъазрэл).

⁴³ Тевфик Эсэнч — убух (убухи — промежуточное племя между адыгами и абхазами). Это сказание он узнал от 56-летнего адыга-кабардинца Хьамит бэя. Тевфик Эсэнч, как и все его поколение, говорит на двух языках, убухско-абхазском (он двуязычный), а иногда говорит и на трех языках, зная еще и адыгский (Жорж Дюмезиль. Убухские рассказы. «Азиатский журнал», ССХIVIII).

рой рассказывается о том, что «Лъапшъ кузнечными щипцами взял новорожденного за бедра и окунул три раза в воду»⁴⁴.

Таким образом, и по этому тексту уязвимым местом на теле Саусырыко оказались *бедра*.

В абхазском варианте сказания «Рождение Сасрыква» уязвимым местом на теле нарта указывается его правая нога, за которую держал клещами кузнец во время его закалки («Абхазские сказания». Абгосиздат, 1961, стр. 77—78); в осетинском же — *колени*, которые были согнуты у новорожденного Созрыко во время закалки (В. Миллер. Осетинские этюды. М., 1882, стр. 28—35).

Подобно тому, как греческий Ахилл (Ахиллес) был убит троянским царевичем Парисом (Паридом), стрелу которого греческое божество Аполлон направил в единственно уязвимое место героя, в его пятку, нарт Саусырыко (Сосрыко, Сасрыква, Созрыко) был убит недругами, которые угодили режущим колесом (по другим вариантам—камнем) в его единственно уязвимое место.

5. Мотивы клятвонарушений и наказания за них

Древние люди, находившиеся во власти стихий природы, выступление против богов и нарушение клятв, произнесенных во имя их, считали большим преступлением и сурово наказывали. Эти явления нашли отображение во многих легендах адыгского эпоса «Нарты».

В адыгской легенде «Сто грехов совершивший» повествуется так: когда состарилась Исп-гуашэ (мать Хамышыко Пэтэрэза), согласно меото-адыгскому обычаю, нарти окружили ее заботой и вниманием и поклялись перед богом: тот, кто ее обидит, — совершит сто грехов и за это будет жестоко наказан!

Клятвонарушение совершил сын великана Иныж-Шхабг. Сын кузнеца Тлепша нарт Нэгур схватил преступника, и они учинили единоборство. Нарт был относительно невелик, великан во многом его превосходил. Однако, говорится в сказании, он знал, что ему не одолеть нарта до тех пор, пока он соприкасается с землей⁴⁵. Поэтому он оторвал его от земли и приподнял в воздух, но нарт распознал хитрость великана: всей мощью своей стиснул его голову и сплюснул... Нарты связали клятвонарушителя и высоко подняв, прибили к скале, над речкой, лицом к солнцу. Возле него положили кашу-пастэ (пIастэ). Целый день палящее солнце изнуряет великана, он пребывает в состоянии оцепене-

⁴⁴ Ж. Дюмезиль. Убыхские рассказы, «Азиатский журнал», ССХVIII, стр. 442.

⁴⁵ Ср.: Антей (греч.) — великан был непобедим, пока он соприкасался со своей матерью — Землей, дававшей ему новые силы.

ния. От жажды трескаются его губы, но достать воды не может. Еле душа держится в теле. Наступает вечер, воздух наполняется влагой. Он пробуждается и тогда съедает кашу, — не наедается, но не умирает с голоду. За ночь эта каша восстанавливается: сколько съедал — столько и прибавлялось...⁴⁶

Настоящее адыгское сказание напоминает греческого героя Тантала, дерзнувшего оскорбить богов и за это низвергнутого в Аид (позднее царство).

В отличие от великана адыгского сказания, греческий Тантал стоит по горло в воде и терзается жаждой: вода отступает, когда он собирается выпить глоток; не может он утолить мучительный голод: ветви с плодами, висющие над ним, отодвигаются, когда он — Тантал протягивает руку, чтобы их сорвать. По другой версии — Тантал висит в воздухе под качающейся скалой, ежеминутно грозящей его раздавить.

Мотив наказания богом людей, провала сквозь землю за их дерзость проходит во многих преданиях адыгов, причем сказители, как правило, их приурочивают к известным им озерам. Кроме того, среди адыгов наблюдается много пословиц, поговорок и проклятий, как: «Тумы охъу!» («исчезни!»); «Тум-тэрэ-къашъ охъу!» («Да будь ты в Тумтарары!»); «Тхъэм урегъэ-чъэх!» («Бог да провалит тебя!»).

В Адыгее, недалеко от левобережья реки Кубани, в районе аулов Казанукай и Едэпсыкуай I имеется озеро «Хъумэджый», происхождение которого объясняется провалом сквозь землю аула, находившегося некогда здесь: своим поведением жители этого аула навлекли на себя гнев бога, за что он их и жестоко наказал.

Предание об аналогичном провале сквозь землю адыгейского селения излагает автор XIX века Крым-Гирей.

В районе ЦIэмэза 47 (Цемесса-Новороссийска) имеется озеро Iэбрагъу (Абраг), окруженное горами. По адыгскому преданию, сообщает Крым-Гирей, на месте этого озера, в прекрасной и плодородной долине существовал аул Абраг. Жители его будто бы слыли в горах такими богачами, что, подобно жителям Сибариса, вошли в пословицу. Абрагцы до того возгордились, что, позабыв запрет бога, в своих йграх начали употреблять кружки сыра вместо камней и хлебное тесто для вымазки саклей вместо глины. Бог наказал Абраг гибелью в страшной трещине, поглотившей его на рассвете дня; спасся только ка-

⁴⁶ Адыгская легенда «Сто грехов совершивший» записана нами от шапсуга-хахучинца Халида Тлифа из а. Тхагапш (Тхъагъэпшъ) Причерноморской Шапсугии 3/VIII 1959.

⁴⁷ Цемес (ЦIэмэз) — адыгское название Новороссийска (города бухты).

кой-то праведник с его семейством, выведенный ангелом в другое ущелье. Вслед затем трещина исчезла, и на месте пресловутого аула образовалось озеро⁴⁸.

6. Мотивы умирающей и воскресающей природы

Мотив мировой мифологии умирающей и воскресающей природы (мотив «Осириса» — «Озириса») наблюдается в цикле «Іашэмэз» («Ащэмэз») и «Саусырыкъо» («Саусырыко») и во многих легендах адыгов.

Ащэмэз, с одной стороны, храбрый воин — юноша, мстящий за смерть своего отца, с другой — прекрасный игрок на чарующем камыле (своеобразной флейте). Подобно мифическому фракийскому певцу Орфею, заставляющему растения склонять свои ветви, камни — сдвигаться и т. д., когда Ащэмэз (Іашэмэз) играет на камыле, — оживает кругом вся природа:

Русло сухое наполняется рекою,
Море наполняется водою,
Травы и лозы,
Окованные морозом,
Оживают, распускаются почки.

(«Песнь об Ащэмэзе»).

В легенде об Ащэмэзе рассказывается о том, что нартская женщина является обладательницей камня-оселка, которым она воскрешает убитого молодого нарта Ащэмэза⁴⁹.

В легенде («Саусырыкъо илІакІ») («Смерть Саусырыко»⁵⁰), говорится, что Саусырыко похоронен живо и продолжает жить под землей. Ежегодно в ту пору, когда дунай (мир) одевается в зелень и оживляется пением перепелок, слышится голос из-под земли. Он говорит:

Когда небо сине,
Когда земля зелена, —
Подняться бы на семь дней, —
Появиться бы на дунай,

Глаза моих недругов
Всем я вырвал бы,
На земле стоящий мрак
Я рассеял бы!⁵¹

⁴⁸ Крым - Гирей. Несколько слов о нашей старине, «Кубанские войсковые ведомости», № 21 от 29 мая 1865 г.

⁴⁹ А. Н. Дьячков - Тарасов. Абадзехские былины, «Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества», кн. 22, выпуск 4, Тифлис, 1902, стр. 28 и последующие.

⁵⁰ Нартхэр. Том 1, № 124.

⁵¹ Нартхэр. Том 1, № 127.

И, боясь воскресения Саусырыко, недруги его говорили: «Если нарт Саусырыко вернется на наш дунай — земля потеряет «жир» («плодородие»)!»⁵².

Мотивом умирающей и воскресающей природы ясно навеяно и народное предание о Самгъур-бгъэжъ (Самгур-бгэж)⁵³.

Целые тысячелетия, говорится в этом предании, живет огромная серая птица Самгур (Самгъур)⁵⁴, которая одним глазом видит все прошедшее, другим — все будущее.

Когда Самгъур поднимается в воздух, земля вздрагивает от могучих взмахов ее крыльев, ревет буря и закипает волнами море до самого своего дна.

По временам с вечноснежного трона Самгъура раздаются невнятные звуки, подобные жалобным стонам: тогда умолкают птицы в лесах, цветы опускают свои головки, сердито ропщут потоки в каменных ущельях, и блестящая вершина скрывается в облаках.

По временам с этой вершины раздаются гармонические райские звуки: тогда проясняется небо и блещет глубокою синевою, золотом горят солнечные потоки, шумят веселым шумом, и лес наполняется душистым дыханием оживших цветов.

Снежная вершина, на которой живет чудная птица Самгур, — это Ошхэмаф (Ошхэмахо), одна из вершин Кавказа — Одисса (Юдышь).

Второй и, пожалуй, самой главной особенностью, на наш взгляд, является то, что в этой легенде подчеркивается *отличительная черта* символического орла — *титана* Самгура, мотив, которым люди наделили его. Это:

видеть все прошедшее,
видеть все будущее.

Эта особенность великого *орла-провидца, видящего далеко вперед*, заметим, идейно роднит его с образом Прометея-провидца.

7. Некоторые высказывания ученых и писателей относительно мифов древнекавказских народов и греков

Являются ли случайными те сходства, которые мы обнаруживаем в адыгских и греческих преданиях, или между кавказскими и греческими преданиями о титанах, прикованных к горам

⁵² См. об этом: И. В. Тресков. Сказания об изобилии земном, «Фольклорные связи Северного Кавказа», Нальчик, 1963, стр. 146—153.

⁵³ Это предание было опубликовано в иллюстрированном вестнике отчизноведения «Живописная Россия» в 1901 году (стр. 77); его же опубликовал Л. Доброумов (см.: Птица Самгур. Легенды и сказания о Кавказских минеральных водах, Пятигорск, 1928).

Кстати, легенды о птице-титане известны и в фольклоре и литературе народов Востока.

⁵⁴ У Л. Доброумова «Самгъур» изображено как «Самург».

или заключенных в пещерах? Какие имеются предположения и суждения ученых и писателей по этому вопросу?

В своем многолетнем труде «Древнейшие сказания о Кавказе» П. К. Услар (1816—1875) пишет: «Есть поводы думать, что у кавказских туземцев действительно существовали самостоятельные поверья, которые греки отнесли к своему Прометею... Нет даже причин сомневаться, что легенды эти относятся к самому отдаленному времени, к времени, предшествовавшему началу ознакомления греков с Кавказским перешейком. Весьма понятно, что греки, услышав от туземцев об одном из таковых скованных великанов, приняли его за своего Прометея; понятна также неопределенность места страданий Прометея на Кавказе. Упоминание Кавказа Есхилом не подлежит ни малейшему сомнению. К году сочинения Скованного Прометея, т. е. к 479 году, должно отнести древнейшее несомненное появление этого громкого имени»⁵⁵.

Адыгский автор XIX века Крым-Гирей имеет упоминание о Джадале (Теджале, Теляле. — А. Г.), прикованном к скале Кавказа, и высказывает свое отношение к оценке образа Промефея (Прометея). «Если предание это (о Джадале-Теляле) не перешло к нам от греков в мифе о Прометее, а у нас (у адыгов. — А. Г.) в предании о Джадале, то можно сказать, — пишет Крым-Гирей, — что Промефей — лицо не вымышленное, и тем более герой не греческой мифологии или истории»⁵⁶.

Гегель высказал интересное положение относительно основы преданий греческой мифологии. «Греки заимствовали большую часть богов из других стран, как Геродот определенно сообщает это о Египте, — говорит Гегель, — но эти чужие мифы были преобразованы и одухотворены греками, и то, что при этом было усвоено ими из чужеземных теогоний, было передано в устах эллинов в такой рассказ, который оказывался злословием о богах»⁵⁷.

Относительно «родины» мифа о человеке, прикованном к скале Кавказа, классик грузинской литературы Акакий Церетели полагал, что мифы о Прометее и Азоне-Медее — «дети нашего края; здесь они родились, здесь выросли и в сказках перешли через Колхиду в страну элинов»⁵⁸.

Крупнейший исследователь фольклора Кавказа и, в частности, нартского эпоса акад. В. С. Миллер сделал весьма определенное умозаключение о мифах эллинов о Прометее. «Так

⁵⁵ П. К. Услар. Древнейшие сказания о Кавказе. ЗКОИРГО, Тифлис, 1881, стр. 482—484.

⁵⁶ Крым-Гирей. Несколько слов о нашей старине, «Кубанские войсковые ведомости», № 21, от 29 мая 1865 г.

⁵⁷ Гегель. Соч., том VIII, М.—Л., 1935, 238—239.

⁵⁸ Цит. по кн. «Анталогия абхазской поэзии», М., 1958, стр. 22

упорно державшееся убеждение греков, что Прометей был прикован где-то на Кавказе, должно, необходимо иметь какое-нибудь основание. Трудно думать, чтобы только каприз воображения перенес в Азию, на Кавказ, древнего национального бога, в честь которого в Афинах ежегодно устраивались бега с факелами и которого миф, связанный с ранними успехами эллинов в культуре, был настолько популярным, что послужил сюжетом знаменитой трилогии Эсхила. Причина приурочения Прометея к Кавказу должна быть та, что эти места, по мнению греков, были как-нибудь связаны с его мифом (подчеркнуто нами — А. Г.). Действительно, еще до сих пор в некоторых местах Кавказа ходят предания о каком-то богатыре или великане, прикованном богом к вершине гор»⁵⁹.

В «Заметке» к легенде «Красавица Елена — богатырь-женщина», записанной 12 июля 1889 года Л. Г. Лопатинским в селении Кармокове (Къармэкъуэ) Кабарды от Псэбыды Кашежева, Вс. Миллер отмечает, что «мы имеем, по-видимому, на почве Кавказа отголоски двух песен Одиссеи, или, говоря точнее, отголоски тех же народных сказаний, которые некогда вошли в состав Одиссеи, так как в настоящее время вполне установилось убеждение, что вся Одиссея составлялась из отдельных эпических сказаний, связанных искусственно в одно целое и наложившихся на имя Одиссея»⁶⁰.

Иного мнения придерживается автор Исаак Маркович Нусинов (1889—1950). «Кавказские легенды о прикованных гигантах и миф о Прометее, — писал он, — думаем мы, возникли совершенно самостоятельно и независимо друг от друга. Они выросли на разных социальных базах, на отличном друг от друга культурном уровне, и поэтому выражали различные целеустремления»⁶¹.

Эта гипотеза автора нам сдается необоснованной, так как легенды адыгов-кавказцев о прикованном богатыре Нэсрене или человеке, заключенном в пещеру, по своему содержанию, социальной направленности и мотивам близки образам греческой мифологии, в частности, благородному образу Прометея.

Правда, как в устнопоэтическом творчестве адыгов, так и в фольклоре других аборигенных народов Кавказа (абхазов, грузин и армян) имеются мифы иного направления, а именно, мифы, в которых титаны выступают в роли хищников. Но, спрашивается, дают ли эти односторонние данные основание отрицать в целом мысль о возможности зарождения мифа о Прометее на Кавказе?

⁵⁹ Вс. Миллер. Кавказские предания о великанах, прикованных к горам, «Журнал Министерства народного просвещения», М., 1883, № 225.

⁶⁰ Вс. Миллер. Заметка, СМОМПК, XII, 1891, стр. 76.

⁶¹ И. М. Нусинов. История литературного героя, ГИХЛ, М., 1958, стр. 7.

Кажется, нет. К тому же мы полагаем, что в устах самих же кавказцев мотивы отдельных мифов о прикованных титанах в разные эпохи менялись в силу новых условий их жизни, новых понятий о боге и природе. Это, естественно, заставляло людей по-новому оценивать и трактовать цели подвигов одних и тех же богатырей, встречающихся в традиционных народных мифах.

Так, в одних вариантах одной и той же адыгской легенды «Нэсырен чIэлулагъэр» («Нэсырен прикованный»)⁶² певец желает, чтобы не ослаблились крепления, которыми прикован титан, осмелившийся восстать против бога, а другой, наоборот, рад освобождению Нэсырена нартом Пэтэрэзом (Бэтэрэзом)⁶³. Такова, видимо, природа народных легенд, передаваемых из поколения в поколение через посредство певцов и сказителей с различными мировоззрениями.

Судя по материалам, на которые ссылается И. М. Нусинов, он, видимо, был знаком лишь с легендами кавказцев, в которых прикованные великаны выступают в роли злых хищников. Это могло привести автора к односторонним выводам.

Н. Я. Марр в своем труде «Кавказоведение и абхазский язык» останавливается на вопросах, посвященных языковым, историческим и культурным взаимоотношениям и взаимосвязям Абхазии, Грузии и Армении. Он полагает, что «в родной среде та же легенда выработалась в сказание в Армении о Meher'e, в Грузии об Амиране, в Абхазии об Абэрскиэл'е. Какому бы яфетическому (кавказскому. — А. Г.) племени ни принадлежала честь создания этого сказания, та редакция, в которой оно распространено в Грузии и Армении, несомненно прошла через абхазскую среду⁶⁴. Автор приходит к этой мысли на том основании, что «само имя Амиран, собственно А-тэ-га или А-тэг представляет абхазское название солнца а-тга, а-тэг, как последнее появляется в сложных абхазских словах»⁶⁵.

Конкретизируя это положение, А. К. Хашба указывает, что термин-название абхазского мифического героя А-bərskil тесно связывает абхазский язык с грузинским, точнее, с мегрельским и лазским языками. А-bəг или А-тэг в абхазском языке получает пополнение в виде суффикса skil, или, что то же, skua — «сын», «дитя», во множественном числе: skulepe — сыновья, т. е. выходит, что А-bərskil или Амərskil означает «дитя солнца» или «сын солнца»⁶⁶.

⁶² Архив АНИИ. ф. 1, рукопись двуязычного научного издания адыгского героического эпоса «Нарты», № 62 (536), сказитель Шыблэко И. Т.

⁶³ Там же, № 63 (538), сказитель Пщыдатыко С. Х.

⁶⁴ Н. Я. Марр. Избранные работы, том 1, Л., 1933, стр. 74.

⁶⁵ Н. Я. Марр. Там же.

⁶⁶ А. К. Хашба. Академик Н. Я. Марр о языке и истории абхазов, Сухуми, 1936, стр. 26—27.

На наш взгляд, Н. Я. Марр и А. К. Хашба придерживаются правильной точки зрения о том, что лингвистический анализ в кавказских языках дает возможность вскрыть историю взаимоотношений, в корне подрывающую тенденциозные, ненаучные построения истории народов Кавказа в более древние и древнейшие эпохи⁶⁷.

Резонно предположить, что греческие ученые и писатели задолго до нашей эры первыми записали легенды народов Кавказа о прикованном к горе или заточенном в пещере человеке—Прометее, они первыми создали свои произведения по материалам этих легенд и первыми открыли их миру. И, в силу этого, легенды Кавказа были приняты письменной литературой как легенды греческой мифологии.

Углубленное изучение проблемы соотношения мотивов и деталей фольклора предков меото-адыгов и древних эллинов в сравнительно-сопоставительном плане осветит новые стороны вопроса нашего исследования, остающиеся в науке достаточно неосвещенными.

8. Древнегреческое слово «Одиссея» не от древнеадыгского ли «Одисс» («Юдышь»)?

Фредерик Дюбуа де Монперэ, говоря о мифе об аргонавтах, отмечает существенные его стороны, имеющие почти непосредственное отношение к вопросу нашего исследования.

«В мифе об аргонавтах, — пишет Дюбуа, — следует видеть нечто большее, чем одну сказку: в основе его лежит факт исторический и политический. Весьма вероятно, что эллины, варяги или норманы тех времен в черкесских ладьях отправлялись в далекие плавания для того, чтобы грабить морские берега и пиратствовать на море (прочтите внимательно «Одиссею» и смотрите выше картину жизни черкесов). Когда они познакомились с великолепной страной, у них должно было зародиться желание основаться в ней, как это бывало с норманнами. Рано или поздно, принимая миф таким, какой он есть, так как мы не встречаем противоречий, мы будем считать, что тиндариты основали диоскурию и гениохи—Гераклею и, быть может, Фазис около середины XIV столетия до нашей эры»⁶⁸.

Факты, о которых говорит Дюбуа, надо полагать, имеют непосредственное отношение к греко-кавказским связям.

Известно, что термин «Одиссей», с одной стороны, — имя мифического царя острова Итака, героя знаменитых эпических

⁶⁷ См.: Н. Я. Марр. Кавказоведение и абхазский язык, «Избранные работы», том 1, Л., 1933, стр. 77.

⁶⁸ Фредерик Дюбуа де Монперэ. Путешествие вокруг Кавказа, Сухуми, 1937, стр. 145—146.

поэм «Одиссея» и «Илиада», приписываемых легендарному древнегреческому поэту Гомеру, жившему, как полагают, между XII и VIII веками до нашей эры; с другой стороны, «Одиссея» *иносказательно означает «странствие», полное разных необыкновенных приключений и переживаний.* Это понятие, по-видимому, складывается из самой природы поэмы «Одиссея»⁶⁹. Как мы говорили выше, после того, как греки разрушили Трою, во время их возвращения на родину, Одиссею пришлось долго странствовать и пережить много приключений. Ученые полагают, что эти «приключения» есть не что иное, как древние мифы Кавказа, нанизанные на стержень названной нами древнегреческой эпической поэмы Гомера.

К этой мысли, как и авторов, обращавшихся ранее к *гомеровскому вопросу*⁷⁰, нас приводят многочисленные аналогичные или поразительно одинаковые детали, наличествующие в фольклоре адыгов и поэмах греков.

Так, детали древнеадыгской народной легенды «Приключения охотника Хагура» («Хъагур шхончаом къехъулIагъэхэр») ⁷¹ повторяются в древнегреческой поэме «Одиссея». 1. Как в первой, так и во второй (см. IX песнь поэмы) *встреча* героев (Хагура и Одиссея) *с великаном мззтлнъко (мззлъныкъо) — лесным получеловеком с одним глазом во лбу* происходит в пещере. 2. Пытаясь спастись от чудовища, герой (наш Хагур, в греческом — Одиссей) *лишает одноглазого великана зрения с помощью острия кола* (в первом случае — деревянного), во втором — вертела (железного). 3. *Герой при борьбе с одноглазым великаном прибегает к вспомогательной силе* (у адыгского Хагура это — сыновья, греческого Одиссея — друзья). 4. Как Хагуру, так и Одиссею приходится *прибегнуть к одному и тому же хитрому приему: спрятаться под брюхом барана* (в некоторых вариантах — под брюхом козла) и проскользнуть между ног ослепленного великана — лесного получеловека Полифема. 5. В адыгской легенде и греческой поэме мы наблюдаем идейную близость образов. В них — одна и та же социальная база, одни и те же целеустремления, *герой* — друг человека, *великан* — враг человека.

⁶⁹ Нам также известно, что в греческой интерпретации значение имени «Одиссея» объясняется как «Сердящий».

⁷⁰ Под «гомеровским вопросом» подразумевается проблема личности древнегреческого поэта Гомера и история возникновения поэм «Илиада» и «Одиссея».

⁷¹ См. эту адыгскую легенду о Хагоре (точнее «Хагур») в дореволюционных публикациях Л. Лопатинского (СМОМПК, XII, Тифлис, 1891, стр. 80—85). Хагур (Хъагъур) — адыгская фамилия у шапсугов, буквально означает: «собака отточенная», в смысле: «собака гончая». Шхончаом — стрелок, искусный охотник, См. вариант адыгской легенды, записанный по-русски Л. Лопатинским в его же публикации (СМОМПК, XII, Тифлис, 1891, стр. 38).

Эти факты не единичны.

Наличие одних и тех же фактов, роднящих древнеадыгские мифы и легенды с древнегреческой эпической поэмой «Одиссея», как-то само по себе ставит перед нами вопрос: не происходит ли древнегреческое слово «Одиссея» от древнеадыгского «Одисс»?

Мы считаем небезынтересным высказать свои некоторые соображения по этому вопросу.

Адыги, помимо термина «Кавказ» (возможно, от адыгского «к'юг'хук'юс» — живущий за горой), имеют другое, более древнее параллельное его название «Одисс» («Іуэдышъ» — «Одышъ»).

Термин «Одисс» («Одышъ» — «Іуэдышъ») — двусложное исконно адыгское слово, первый компонент которого О — (Іуэ) означает «высота», «гора». О (Іуэ) входит как словообразующий компонент во все слова-термины, связанные с понятием «высота», «гора» («Іуашъхъ» — курган, «Іуэшъхъэмаф» — Эльбрус). Второй компонент дисс («дышъ») — «золотая». Таким образом, в целом адыгское слово «Іуэдышъ» — «Одышъ», *во-первых*, в современном языке адыгов означает «Гора золотая».

Если рассмотреть это же слово-термин «Одышъ» в палеонтологическом плане, с учетом того, что могло в нем подвергаться фонетическому изменению, то можно указать на то обстоятельство, что в языке адыгов наблюдается переход «с» в «шъ» (как бы в двойное *сс*) (*сэжъй-шъэжъй*, *сао-шъао*, *сыд-шъыд* и т. д.), то есть первично «с», вторично «шъ». В этом случае возможно, что слово «Іуэдыс» — первично, «Іуэдышъ» — вторично. Слово «Іуэдыс», *во-вторых*, в этом случае по-адыгски означает «высота заостренная», «гора, уходящая ввысь» или «гора-пик».

«Одышъ» в греческой транскрипции, возможно, было воспринято как «Одисс», так как в нем нет звука, соответствующего адыгскому «шъ». Но греки, возможно, смогли этот звук «шъ» обозначить как *с—сс*, более приближенно к оригиналу («Одышъ» — «Одисс») ⁷². Но нам кажется более вероятным, что греки зафиксировали этот этноним в его первичной форме как «Одис» (от адыгского «Іудыс»).

Если учесть тот факт, что задолго до нашей эры эллины-путешественники, производя поиски новых земель, посещали Кавказ («Одисс») и здесь изучали этнографию и фольклор народов, населявших его, то резонно предположить, что питательной средой греческой (эллинистической) мифологии в известной мере являлся и адыгский Одисс. Возможно, что мифы одисские, то есть ми-

⁷² Проф. Иосиф Мегрелидзе и проф. Федор Бегиашвили, рецензировавшие рукопись этой книги, в частности, отметили, что и «в топонимике Грузии встречается «Одиси», «Одзиси», «Одиши» (рец. проф. И. Мегрелидзе, рукопись, стр. 13). «Причерноморская низменность Колхиды, — пишет проф. Ф. Бегиашвили, — куда, по сказаниям, приходили аргонавты за золотым руном, называлась Одиши...» (рец. проф. Ф. Бегиашвили, рукопись, стр. 10).

фы кавказские, были систематизированы в «Одиссею», в «странствия по Одиссу», «Одисские приключения», «Одиссиаду» — «Кавказиаду». Отсюда же мы допускаем реальную возможность возникновения древнегреческого «Одиссея» от древнеадыгского «Одисс».

Древнегреческая поэма Гомера «Одиссея» (иносказательно — **странствие**, полное приключений и испытаний), как об этом свидетельствуют факты, создана на основе мифологических легенд Кавказа. В этом случае легенды Кавказа, положенные Гомером в свои «странствия», — первичны, сама «Одиссея» — вторична. На этом же основании можно полагать, что образ адыгского Нэсрена старше греческого Прометея.

Теперь перейдем к следующему вопросу.

Как было отмечено выше, одинаковые детали, с самыми наимельчайшими аналогичными штрихами, мы имеем в древнеадыгских мифах о прикованном к скале Кавказа (Одисса) нарте-Нэсрене и древнегреческих мифах, связанных с похитителем небесного огня Прометеем (Промефеем). Как первый, так и второй прикованы к скале Кавказа за противодействие богу (богам); огромная птица (коршун, орел) клюет (сердце, печень) старика (Нэсрена—Прометея).

Автор VI века до нашей эры Эсхил в своей трагедии «Прикованный Прометей» указывает на местность, где прикован Прометей.

Все племена, что обитают
На лоне Азии священной,
С тобой скорбят, с тобой страдают
В твоей судьбе многоплачевной.
И девы Колхиды, бесстрашные в битвах,
И скифов народ, что на крайнем пределе
Земли обитают, у вод Мэотийских
И племя Сарматов, любимцев Арея,
Живущие в граде высоком в воротах
Кавказа, та грозная рать, коей любо
Стучат заостренными копьями шумно⁷³.

Древний географ Страбон отмечает, что, по словам мифологов, Прометей страдал на «Понтийском Кавказе». По старинному убеждению, «Кавказ, к которому прикован был Прометей, находился на конце света» (Страбон. Кн. XI, стр. 505, 506)⁷⁴.

Подобно тому, как нарт Пэтэрэз (Бэтэрэз) освободил Нэсрена, Геракл убил орла и освободил Прометея. В греческой мифо-

⁷³ По ст.: Вс. Миллер. Кавказские предания о великанах, прикованных к горам, «Журнал Министерства народного просвещения». М., 1883, № 25, перевод проф. В. Г. Зубкова.

⁷⁴ П. К. Услар. Древнейшие сказания о Кавказе, «Записки Кавказского Отдела Императорского Русского Географического Общества», Тифлис, том XII, стр. 492.

логии Прометей, подобно адыгскому нарту Нэсрену, — священный образ титана, ненавидящего тиранию, борющегося за правду, благополучие и счастье людей.

Сравнительно-сопоставительный анализ дает нам возможность установить, что по своей природе и идейной нагрузке древнеадыгская эпическая песнь о Нэсрене и древнегреческий миф о прикованном к скале Кавказа (Одисса) — в основном тождественны и, что весьма любопытно, имена титанов «Нэсрен» и «Прометей» по своему смысловому значению представляют почти одно и то же слово-понятие в разных языках: первое — в адыгском, второе — в греческом.

Если слово-имя «Прометей» («Промефей»), как известно, в древнегреческой мифологии используется с конкретно очерченным значением «провидец» (тот, кто постоянно раньше достигает, тот, кто раньше узнает), то и древнеадыгское «Нэсрен» по своему значению, оказывается, имеет аналогичный смысл. В языке адыгов «Нэсрен» осмысливается как «всегда достигающий (чего-либо)».

В древнеадыгском эпосе «Нарты» личное имя «Нэсрен» — имя мудреца титана-провидца, противника тирании.

Если учесть то обстоятельство, что в категорию заимствований в лингвистике принято включать и кальки, которые являются заимствованиями по содержанию, то в данном случае возможно, что мы имеем дело с фактом заимствования древнеадыгского имени «Нэсрен» путем калькирования.

Мы солидарны с известным исследователем древнекавказской культуры И. В. Тресковым в том, что «явное сходство ряда конкретных художественных черт в образе Прометея и кавказских богоборцев, упорное приурочивание места страданий Прометея к Кавказу, кавказская обстановка всех событий, связанных с мифом, дают основание выдвигать предположение о его кавказском происхождении... Необходимо рассматривать этот процесс диалектически, как взаимообогащение, учитывая, что именно кавказские сказания о прикованных к горам великанах возникли еще в так называемый «доэллинический период», то есть раньше, чем у греков»⁷⁵.

Таким образом, из краткого обзора видно: первое, эти многочисленные легенды, которые, разумеется, создавались до появления греков на Кавказе, свидетельствуют о древности эпоса «Нарты»; второе, факты фольклора адыгов подтверждают предположение о том, что родиной и питательной средой многих мифов («приключений», «странствий»), наличествующих в древнегреческих поэмах «Одиссея», «Прикованный Прометей» и других, является Кавказ — Одисс (Одышъ).

⁷⁵ И. В. Тресков. Фольклорные связи Северного Кавказа, Нальчик, 1963, стр. 175—176.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ЗНАЧЕНИЕ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН ЦЕНТРАЛЬНЫХ ГЕРОЕВ ЯДРА ЭПОСА «НАРТЫ» И ТЕРМИНА «НАРТ»

1. Что мы подразумеваем под «ядром» эпоса «Нарты»

Как было сказано нами в первом разделе, народный эпос «Нарты» популярен среди разноязычных народов, населяющих Кавказ. Он бытует среди адыгов (в Причерноморской Шапсугии, Адыгее, Кабарде и Черкесии), абхазов, сванов, чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев, осетин, дагестанцев.

Большие циклы, строящиеся вокруг центральных героев, составляют ядро эпоса «Нарты». Имена ядра эпоса постоянно наличествуют в легендах о нартах почти у всех этих народов. Иногда меняются топонимические наименования местностей, встречаются замены деталей в сюжетах и мотивах, но более или менее постоянными факторами ядра эпоса «Нарты» остаются собственные имена центральных героев. При этом они, входя в новую сферу обращения, подвергаются определенным фонетическим изменениям, в соответствии с нормами произношения принимающего их языка, или заимствуются путем калькирования. В эту группу основных собственных имен центральных героев эпоса «Нарты» входят:

I. Адыгское *Сэтэнай*-гуаш — убыхское *Сэтэнайа*¹ — абхазское *Сэтэни*-гуаша — чеченское *Сэтий*-хъак — осетинское — *Шьэтэна*.

II. Адыгское *Саусырыкъо* (Сэуэсырыкъо, Соусырыкъо, Сосрыкъо) — убыхское *Саусырыкъуа* (Саусын) — абхазское *Сасрыкъуа* — карачаевское *Сасрыкъо* (Сосрыкъо) — осетинское *Шъожъырыкъо* (Сосрыкъо).

III. Термин *нарт* (шапсугское *нат*, чеченское *нярт*), кото-

¹ Убыхские имена даются по записи проф. Ж. Дюмезиля (Recits oubuyk, IV, Textes sur Sawсэгэг^а par Georges Dumezil, Paris, 1960 p. 432—465).

рым нарицательно обозначается каждый персонаж и весь эпос в целом.

IV. Адыгское *Пэтэрэз* (Піэтэрэз, Бэтэрэз, Батраз) — абхазское *Патраз* — ингушское *Пэтырыз* (Пэтрэз) — осетинское *Батразжъ* — дагестанское *Патриж*.

V. Адыгское *Іацэмэз* (*Іацмэз*) — абхазское *Кятауан*, *Кетауан* — балкарское *Ачемез* — осетинское *Ацэмэжъ* (Адемез) — ингушское *Ачымыз*.

VI. Адыгское *Шэбатыныкьо* (Шэбатыныкьо, Шэбатын, Батынокьо) — абхазское *Наибатакъуа* (На-Шбатакъуа) — убыхское *Бэрдэнэкьо* — осетинское *Бадан* (Баданаг).

Наличие одних и тех же собственных имен центральных героев в легендах с близкими друг другу сюжетами и мотивами о нартах у адыгов, абхазов, *осетин* и других народов, населяющих Кавказ, было подмечено учеными и писателями XIX и XX веков, и ими был поставлен вопрос: кому из кавказских народов принадлежит ядро эпоса «Нарты»? *Чтобы найти верный ответ, они обратились к собственным именам и самому термину нарт, как наиболее устойчивым элементам эпоса.*

Ученые и писатели сделали ряд интересных высказываний общего и частного порядка.

Мы хотели бы: 1) привести эти высказывания ученых и писателей; 2) кратко проиллюстрировать типологическое и генетическое единство исконно адыгских имен и имен центральных героев эпоса «Нарты»; 3) дать нашу расшифровку значения личных имен центральных героев эпоса «Нарты»; 4) изложить некоторые наблюдения над жизнью и движением имен эпоса «Нарты» в фольклоре народов, живущих на Кавказе.

2. Высказывания ученых и писателей XIX и XX веков относительно значения термина «нарт», имен центральных героев эпоса «Нарты» и его генезиса в целом

Опыт, накопленный предшественниками, всегда полезен при решении сложных проблем. Он будет полезен при рассмотрении вопроса зарождения и формирования эпоса «Нарты» на Кавказе. Важно знать исследователю все высказывания, интересующие его, для того, чтобы: во-первых, опереться на то, что уже добыто; во-вторых, знать ошибки и заблуждения, чтобы их не повторить; в-третьих, определить то, что следует еще добавить.

Приведем наиболее характерные высказывания ученых и писателей XIX и XX веков относительно значения термина «нарт», собственных имен центральных героев эпоса «Нарты» и его генезиса в целом.

1. Нэгумэ Щорэ (1796—1844) отмечает, что термин «нарт» происходит от слова «Нарант», в котором н а р — глаз,

ант — народ антский (История адыгейского народа. Нальчик, 1947, стр. 27)².

II. Петр Услар говорит, что термин «нарт», распространенный по всему Кавказу, необъясним ни на одном из горских языков (заметка «Кое-что о словесных произведениях горцев». Сб. сведений о кавказских горах, 1868, I, стр. 28).

III. Академик Всеволод Миллер (1843—1913) писал: «За немногими исключениями, имена осетинских нартов носят не осетинский, а кабардинский или иностранный характер» (Осетинские этюды, ч. I, М., 1881, стр. 8).

IV. Л. Г. Лопатинский (1842—1922), много внимания уделивший публикации адыгских текстов, полагал, что: 1) слово «нарт» иранского происхождения; он сопоставил этот термин с армянским «мард» («человек») и сванетским «мар» (СМОМПК, том XII, Тбилиси, 1891, стр. 45, комментарии к кабардинским текстам); 2) в другом месте, говоря о балкарском сказании «Богатырь Ецемей, сын Ецея», он же пишет: «Замечу кстати, что слово «Ецемей» составляет искажение кабардинского Ашемез (Иашэ—оружие, вооруженный, мез—лес, лесной; стало быть, лесной витязь)» (СМОМПК, вып. XXI, Тбилиси, 1896, стр. XXI).

V. А. Грен полагал так: «название «нарт» не объясняется ни одним из кавказских языков», но он считал целесообразным искать корень этого слова в казикумухском языке (СМОМПК, том XXII, отд. III, стр. 18).

VI. Туганов Мухарбег (1870—1952), народный художник и фольклорист Северной Осетии, относительно термина «нарт» высказал мнение, что он будто на осетинском языке означает «наш огонь» или «наша присяга» (Кто такие нарты? «Известия Осетинского НИИ краеведения», 1925, 1, стр. 372).

VII. М. В. Рклицкий высказал утверждение, будто слово «нарт» — множественное число древнеиранского слова *на р*, означающего героя или военного человека («К вопросу о нартах и нартских сказаниях», Владикавказ, 1927, стр. 33).

VIII. Л. П. Семенов в своем труде «Нартские памятники в фольклоре ингушей и осетин», изданном во Владикавказе в 1930 году, пришел к заключению, что «К настоящему времени не выяснены с достаточной убедительностью и термин «нарт», и происхождение нартского эпоса» (стр. 4).

IX. Д. Г. Джантиева в своей работе «О героическом эпосе горцев Северного Кавказа» утверждает, будто значение сло-

² В первом издании (Тифлис, 1861) книга называлась «История адыгейского народа», т. е. слово «адыгейский» было обозначено ближе к первичному термину «адых» — «адэх» и тождественно пушкинскому «адехи»:

«Так рано съехались адехи
На двор Гасуба старика»

(А. С. Пушкин. Тазит, Соч., ГИХЛ, М., 1949, стр. 288).

ва «нарт» не сохранилось ни в одном северо-кавказском языке (Записки СККГНИИ, том II, Ростов-на-Дону, 1929, стр. 333).

Помимо этих высказываний, имеются и другие.

Х. Б. В. Скитский считает, что:

а. «Хотя нартровский эпос бытует у всех народов Северного Кавказа, он является творчеством осетинского народа»;

б. «Само осетинское слово «нартэ» имеет суффикс «тэ», характерный признак множественного числа в осетинском языке, что говорит за осетинское происхождение этого слова»;

в. «...Имена Шатана, Сослан — не иранского происхождения, возможно, они происходят из местного кавказского языкового мира» (Б. В. Скитский. Нартский эпос как исторический источник. Сб. статей «Нартский эпос», Дзауджикау, 1949, стр. 22).

XI. Писатель Алим Кешоков в предисловии к книге «Нарт хыбархэр» («Нартские сказания»), изданной в 1945 году в Нальчике, пишет: «Сосрыкъо» жиIэмэ «Сос» и къуэ жиIэу араш» — «Сосрыкъо» означает «Соса сын» (указ. кн., стр. 4).

XII. Ш. Д. Инал-Ипа полагает, что «слово «нарт» можно было бы перевести как «семья матери» или «семья матерей». В имени Сасрыква—«ква»(-ко) является адыгейским суффиксом происхождения и означает «сын». Что означает Саср (Соср, Сосл), пока неясно» (Ш. Д. Инал-Ипа. Об абхазских нартских сказаниях. Труды Абхазского НИИ, XXIII, Сухуми, 1949, стр. 115, 116).

XIII. Абхазский ученый А. К. Хашба полагает, что «термин Sasəg-qua на черкесской почве поясняется как «сын солнца», от адыгского слова sər || stər — «горячий», «огонь», «солнце» или термина sou-zəg-eĭ — «божество», «пророк» (посредник между богом и людьми) — в шапсугском диалекте адыгского языка. Таким образом, sa-zəg||sou-zeg лежит в основе термина легендарного нартвовского героя, а суффикс — qva в черкесском означает «сын», то же, что в мегрельском — skua, в абхазском ba||pa — «сын». Термин в целом означает «сын солнца», то же, что в абхазском — A-bəg-skil.

(А. К. Хашба, Академик Н. Я. Марр о языке и истории абхазов, Сухуми, 1936, стр. 27).

XIV. Акад. И. А. Джавахишвили нартское имя Пшыбадыныкъо, зафиксированное в эпиграфических надписях Северо-восточного Причерноморья до нашей эры, объясняет так: «пшы» — «князь», Бадынэ — имя мужчины и «къо» — «сын» (И. А. Джавахишвили. Проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока, «Вестник древней истории», 1939, № 4, стр. 34).

XV. В. И. Абаев — известный советский ученый-осетиновед, посвятивший много труда и времени популяризации и исследованию нартских сказаний осетин. В своих работах он сде

дал много высказываний относительно основы эпоса, собственных имен нарттов и термина «нарт». Приведем некоторые из них.

1. «Основу, стержень нарттовских сказаний составляют аланский эпический цикл, принесенный на Кавказ предками нынешних осетин» (В. Абаев. Нартовский эпос. Известия СОНИИ, том X, вып. 1, Дзауджикау, 1945, стр. 8).

2. «Нартовский эпос в своей существенной части — эпос аланского народа. От алан он уже давно был усвоен другими северо-кавказскими народами» (Там же, стр. 117).

3. «Это — весьма древний, архаичный по типологии эпос; в нартском эпосе имеется мифологическая подоснова...»

4. Намечается два основных центра³ или узла эпического творчества на общей нартской основе: осетинской и адыгской...

Карачаевские и балкарские версии примыкают к осетинским, иногда к адыгским. Абхазские тяготеют к адыгейским...

5. «Насколько неоспоримо, — пишет далее автор, — что этот эпос получил у ряда кавказских народов свое самостоятельное развитие и свой национальный облик, настолько же бесспорно и то, что существовал какой-то центр или центры, где зарождалась основа эпического цикла о нартах и вокруг которых шла дальнейшая кристаллизация сказаний. В пользу предположения о существовании таких центров говорит прежде всего общность собственных имен и самого термина «нарт» (В. И. Абаев. Проблемы нартского эпоса. Сб. «Нартский эпос», Материалы совещания 19—20 октября 1956 года, Орджоникидзе, 1957, стр. 34—35).

6. И далее В. И. Абаев полагает, будто в термине «нарт» конечный «т» представляет, по-видимому, осетинский показатель множественности. «Если так, — пишет автор, — независимо от происхождения элемента «нар», термин в целом оформился на осетинской (аланской) почве и отсюда перешел к соседям» (Сб. «Нартский эпос», стр. 35).

7. «Имя Сатана, Сатаней не может быть объяснено ни из осетинского, ни из какого-либо другого кавказского языка... Форма Созырко в осетинском — несомненный вклад из адыгейского». Автор, отметив, что «Сосырыко» и «Сослан» означают одно и то же: сын (или потомок) Сосра, пишет: «Беда в том, что имя «Соср» не получило пока удовлетворительного разъяснения. Тот, кто разъяснил бы имя Соср, оказал бы немалую услугу нартским исследованиям» (Там же, стр. 35—36).

8. Необходимо здесь же обратить внимание на высказывания В. И. Абаева относительно других двух собственных имен ядра эпоса «Нарты» — «Ацамаз» и «Батраз»:

³ На Всесоюзной конференции нарттоведов, состоявшейся в ноябре 1963 г. в Сухуми, В. И. Абаев сообщил, что «основных центров» эпоса «Нарты» намечается не два, как это он ранее предполагал, а три: адыгский, абхазский и осетинский.

а) «Ацамаз — старое аланское имя» (В. И. Абаев. Нартовский эпос, Дзауджикау, 1945, стр. 75).

б) «Имя Ацамаз с первого взгляда имеет явно турецкий облик» (В. И. Абаев. О собственных именах нартского эпоса, «Язык и мышление», Изд. АН СССР, М.—Л., 1935, стр. 72);

в) «Имена Batraz и его отца Хамица монгольского происхождения... Мы рассматриваем имя Batraz как сложное из batyr-as, т. е. «богатырь асский (аланский)»... Слово batyr, широко распространенное у монгольских и тюркских народов, проникло также в некоторые другие языки...» (В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь, М.—Л., 1958, стр. 240—241).

9. «Термин «Нарт» по корню своему монгольского происхождения» (В. И. Абаев. Нартовский эпос, Дзауджикау, 1945, стр. 28).

10. «Нартовский эпос — это аланский эпос с монгольскими влияниями» (В. И. Абаев. Нартовский эпос, Дзауджикау, 1945, стр. 92).

XVI. Бетал Куашев (1920—1957) — поэт и филолог Кабарды писал: «Слово «Сос» или «сэхъу» означает камень, и «ко» («кьуэ») — сын — Сосрыкьуэ — сын камня».

Батараз (Бэтэрэз) — бэ—много, тэрэз — правильный, многоправильный, многосовершающий, величие-вершитель, что вполне соответствует духу героя, а случайное фонетическое совпадение (с батыр) не дает основания приписать этому слову миграционный характер. Имя же батыр от монгольского у нас (адыгов) бытует, ничего общего не имея с «Бэтэрэз» (Б. Куашев. Стихосложение нартского эпоса, личный архив автора, рукопись, стр. 8, 10).

XVII. Б. Гарданов высказал мысль о том, что он считает несостоятельным тезис В. И. Абаева об «осетино-аланском» происхождении всего нартского эпоса, который затем якобы был «усвоен» другими народами Северного Кавказа... «Древнейшим ядром этого эпоса являются космические и тотемические мифы, имеющие общекавказское и мировое распространение. Ведь совершенно очевидно, что возникновение таких мифов относится к глубочайшей древности, когда, конечно, ни «аланского», ни «осетинского» народа еще не существовало... И, следовательно, древнейшее ядро нартского эпоса связано своим происхождением не со средневековыми аланами или, тем более, не с современными осетинами, а с древнейшим населением Кавказа и Причерноморья...» По мнению Б. Гарданова, древнейшее ядро нартского эпоса зародилось у разных этнических групп, «эти группы затем, общаясь друг с другом, оплодотворили эпос различными вариантами и мотивами, сделав их в конце концов «интернациональным» достоянием» (Б. Гарданов. «В. И. Абаев. Нартовский

эпос», «Советская этнография», Изд. АН СССР, М.—Л., 1947, 2, стр. 245).

XVIII. И. В. Тресков, автор многопланового монографического исследования «Фольклорные связи Северного Кавказа», говорит о том, что «нартский эпос создан на Кавказе, а не заимствован у Востока, как это утверждал акад. В. Ф. Миллер и утверждают некоторые современные фольклористы. Указание этих ученых на наличие в нартском эпосе отдельных монгольских слов и восточных мотивов в известной степени соответствует действительности. Но, являясь отражением определенных исторических взаимоотношений с Востоком, они, эти восточные мотивы, не могли существенно «повлиять» на такой глубоко самобытный высокоидейный и художественно совершенный памятник, как нартский эпос, который сложился в своих главных чертах на тысячелетия ранее встречи коренных кавказцев, скажем, с татаро-монголами» (И. В. Тресков. Указанная работа, Нальчик, 1963, стр. 107).

XIX. Ш. Х. Салакая, автор книги «Абхазский героический народный эпос», полагает, что абхазские материалы не могут дать ключа к раскрытию этимологии термина «нарт», «в слове «нарт», элемент «т» является, может быть, не показателем множественности осетинского языка, а представляет собой элемент, встречающийся в термине «Урарту». Впоследствии элемент «т» («ту») мог присоединиться к корню «нар», «наир» (Ш. Х. Салакая. Абхазский народный героический эпос, Тбилиси, 1966, стр. 73—74).

XX. М. А. Кумахов установил, что «в адыгских языках с точки зрения существующих в них звуковых соответствий возможность изменения *Соср* *Созр* в *Сэусыры* совершенно исключена. Что касается обратного явления—перехода *Сэусыры* в *Соср* *Созр*, адыгских языков, изменение *эуэ* в *о* (ср.: *Сэусыры*, *Соср*) и редукция гласных *э*, *ы* до нуля (ср.: *Сэусыры*, *Соср*) — закономерное явление в этих языках... Заметим, что на осетинской почве закономерным является изменение *р* в *л*, а не обратный процесс, что может подтвердить вторичность *Сосл* по отношению к *Соср* (если, разумеется, они генетически тождественны). Из этих двух выводов вытекает следующее: опровергается распространенная точка зрения, согласно которой *Сослан* считается исходной формой для *Сосрыкэуэ* (*Сосрыко*)». (М. А. Кумахов. О соотношении *Сосрыко* и *Сослан*, УЗ АНИИ, том V, 1965, стр. 63—64).

Приведенные высказывания, хотя и в большинстве своем носят характер гипотез, представляют собою несомненный интерес в том смысле, что они являются свидетелями того, как постоянно ищущий ум и ученых и писателей на протяжении XIX—XX веков отыскивал, формировал и выдвигал новые вопросы, новые проблемы эпоса «Нарты» и решал их по-своему.

Однако «тайна» имен ядра эпоса «Нарты» не была открыта ни в XIX веке, ни в XX веке.

Хорошо сказал проф. В. И. Абаев: «Всякий древний эпос представляет своего рода шифр, ключ к которому давно утерян и должен быть найден заново» (Нартовский эпос, стр. 88).

Наше суждение о вышеприведенных высказываниях будет дано несколько ниже при расшифровке значения личных имен центральных героев эпоса «Нарты» и термина «нарт», а также и в последующих главах настоящей работы.

3. История, фольклор и язык народа — наша опора

«Весь дух марксизма, вся его система требует, чтобы каждое положение рассматривать лишь (а) исторически; (б) лишь в связи с другими; (в) лишь в связи с конкретным опытом истории» (В. И. Ленин)⁴. Все зависит от условия, места и времени. Во всем должна быть закономерность и взаимная обусловленность, «до тех пор, пока существуют люди, история природы и история людей взаимно обуславливают друг друга» (К. Маркс и Ф. Энгельс)⁵.

Для того чтобы понять и правильно оценить фольклорные произведения в их развитии, необходимо знать прежнюю среду, которая их создала, и новую, в которой они пребывают.

«Произведения устной народной поэзии, — пишет проф. П. Г. Богатырев, — могут быть полностью поняты только при изучении тех эпох и событий, художественным отображением которых они являются»⁶.

Адыгский эпос «Нарты» мы рассматриваем с учетом национального своеобразия всех конкретных условий, в которых он возник, развивался, шлифовался и, пройдя сквозь толщу веков, дошел до нас в оригинальном представлении. Факты адыгского эпоса «Нарты» и язык этнических групп *меото-адыгов* служит прочной основой и верной опорой при установлении значения собственных имен ядра эпоса «Нарты». Причем явления языка мы берем и рассматриваем в палеонтологическом плане, с учетом того, какие фонетические и семантические изменения произошли в языковых терминах. «Лингвистическая палеонтология в кавказских языках дает возможность вскрывать поразительную историю взаимоотношений, в *корень подрывающую* националистические или тенденционные построения истории народов Кавказа в более древние и древнейшие эпохи» (Н. Я. Марр)⁷.

⁴ В. И. Ленин. Соч., том 35, стр. 200.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. Соч., том 3, 1955, стр. 16, Примечание.

⁶ П. Г. Богатырев. Введение к кн. «Русское народное поэтическое творчество», М., 1956, стр. 23.

⁷ Н. Я. Марр. Избранные работы, Л., 1933, том I, стр. 74.

«Наш язык — это также наша история» (Я. Гримм)⁸.

«Слово никогда не возникает вне ряда, каждое слово имеет своих предшественников» (В. А. Никонов)⁹.

«Если исследовать словарь, т. е. полный состав слов какого-нибудь языка, то мы увидим, что в нем отражается все содержание сознания общества, говорящего на данном языке» (проф. Яковлев, доц. Д. Ашхамаф)¹⁰.

С учетом этих обстоятельств обратимся к фактам адыгских языков, чтобы глубже раскрыть значение собственных имен центральных героев эпоса «Нарты» и термина «нарт».

Имя, собственно говоря, тоже история, живая история, которая может заговорить на том языке, на котором оно было создано; оно, в свою очередь, может указать нам имя своего создателя.

Имя — это свидетель эпохи, породившей его; оно расскажет не меньше о современной ей эпохе, чем хорошая легенда.

Имя — это, попросту говоря, название человека, даваемое ему *нарицательно* при рождении родителями, близкими. взрослыми людьми, отражая в нем (этом имени) *сознательно* (а не инстинктивно) идеи и черты современной эпохи, отражая в нем свои внутренние духовные чувства и пожелания, *каким* они хотели бы видеть своего ребенка, будучи взрослым. Отсюда, *имя* — и в жизни, и в легендах — вымыслах, созданиях народного ума, представляет собою, в свою очередь, осмысленный *символ*. Как известно, все личные имена первоначально были нарицательными.

Имя, наконец, имеет свое лицо, свой облик, свой типаж и своеобразную конструкцию, свою национальную специфику словосложения.

Каждый человек, как правило, являет собою тип (образец) определенного народа, к которому он генетически принадлежит. У нас, на Кавказе, исконно кавказские люди имеют свой кавказский облик. Например, кавказцев (адыгов, абхазов, грузин и других) легко отличить от некавказцев — монголов, калмыков и казахов. Это можно было сделать еще легче, разумеется, несколько десятков веков назад, когда смешение народов наблюдалось менее, сохранялась лишь относительная однородность, т. е. народы жили более обособленно друг от друга, и имена, которые давались детям сознательно, можно было объяснить без особого труда на языке каждого. Надо полагать, что собственные имена ядра эпоса «Нарты» (Сэтэнай, Саусырыкъо, Шэба-

⁸ Я. Гримм. О происхождении языка, «Хрестоматия по истории языкознания XIX—XX веков», М., 1956, стр. 61.

⁹ В. А. Никонов. Поиски системы, «Этимология». Изд. АН СССР, М., 1963, стр. 217.

¹⁰ Проф. Н. Яковлев, доц. Д. Ашхамаф. Грамматика адыгейского литературного языка. Изд. АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 211.

тыныкъо, Пэтэрэз, Иашэмэз и термин «нарт») относятся к именам этого, отдаленного от нас периода. Все явления, разумеется, находили свое непосредственное отображение в фольклоре народа, в его «зеркале» жизни и истории.

Для удобства работы над собственными именами ядра эпоса «Нарты» и термина «нарт», для удобства получения справок и просто для наглядности мы составили несколько таблиц — приложений к нашей работе. Основные из них следующие.

Первая: «Формы бытования ста собственных имен адыгского эпоса «Нарты» и их производительные вариации у других народов, живущих на Кавказе, и убыхов¹¹, находящихся в Анатолии».

Вторая: «Формы бытования имен ядра эпоса «Нарты» и термина «нарт» среди адыгов и их соседей — абхазов и осетин».

Третья: Сравнительно-сопоставительная таблица «Рождение Саусырыкъо (Сосырыкъо) — Сасырква-Созрыко».

Четвертая: «Схема компонентов собственных имен центральных героев эпоса «Нарты».

Пятая: «Формы бытования имен ядра эпоса «Нарты» среди адыгов и их производительные вариации у абхазов, осетин, карачаевцев и ингушей».

Эти таблицы мы рассмотрим после установления типологического и генетического родства исконно адыгских имен и затем расшифровки значений последних.

¹¹ По данным 1858 г., убыхов, живших по берегу Черного моря между реками Псызуапсе (Псышлупсы) и Хамишь (Хоста), в двух урочищах Вардане и Саше, было 25000 человек (Кавказский календарь на 1858 г., статья Ад. Цет. Берже). Как было сказано выше, в 1864 г. они выселились в Турцию и в настоящее время в незначительном количестве проживают в Анатолии.

О языке и древней культуре убыхов см.: 1) Фредерик Дюбуа де Монперэ. Племя убыхов... Путешествие вокруг Кавказа, том I, Сухуми, 1937, стр. 89; 2) проф. Жорж Дюмезиль. Документы анатолийские о языке и традициях Кавказа, I, II и III тома, Париж, 1962—1965 (на франц. яз.).

ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И ГЕНЕТИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО ИСКОННО АДЫГСКИХ ИМЕН И ИМЕН ЦЕНТРАЛЬНЫХ ГЕРОЕВ ЭПОСА «НАРТЫ»

Прежде чем приступить к объяснению значения собственных имен центральных героев ядра эпоса «Нарты» *Сэтэнай, Саусырыкътэ, Шэбатыныкътэ, Пэтэрэз, Іащэмэз* и термина «нарт», мы сочли необходимым ответить на вопрос: являются ли эти имена по своей природе, типологии, модели, словообразовательным принципам адыгскими?

Не уяснив себе эти обстоятельства, мы могли бы попасть в крайне опасное и явно ошибочное положение. Ведь если судить по чисто случайным признакам, мы могли бы утверждать, что «*Лондон*» — алаано-осетинское, так как само название народа «ирон» имеет в своем составе ясное — **он**. В абхазско-абазинских языках компонент «**ба**» — патронимический формант, означающий «сын», наличествует в фамилиях, например, *Экба, Тарба*, и т. д. Спрашивается, можем ли утверждать, что фамилия «Щерба» — абхазо-абазинская? Конечно, нет.

Путем изучения и сравнения фактов нами установлены некоторые особенности имен древнеадыгского народного эпоса «Нарты».

Первое. Имена нартов, как правило, представляют собою многосложную форму. Но *была ли* эта «многосложность» особенностью имен адыгов в далеком прошлом? Прямой ответ на этот вопрос мы находим в трудах адыговедов. Проф. Г. В. Рогава в своем труде «К вопросу о структуре именных основ и категориях грамматических классов» установил, что «в далеком прошлом для адыгских языков обычны были, как и теперь, многосложные слова», в их числе и слова-имена¹. Это положение соответствует фактам и ни у кого не вызывает сомнения.

Второе. Авторы «Грамматики адыгейского литературного языка» проф. Н. Яковлев и доц. Д. Ашхамаф установили, что в большом количестве случаев можно еще вскрыть в многосложных словах слова-корни, из которых они сложились. При этом каждое слово — глагол в его отдельных формах, а в некоторых

¹ Г. В. Рогава. Указанная работа, Тбилиси, 1956, стр. 127.

случаях и имя, в результате такого исторического анализа объясняются как *целые предложения*, ставшие единими словами. Наши филологи установили, что в некоторых случаях более сложные сочетания односложных корней *можно разложить на первоначальные составные части и понять значение всего этого сочетания* и увидеть, как оно складывалось впервые в древности².

1) нэпсы	нэ	псы
слезы	глаз	вода
буквально:	глаза	воды
2) Iупсы	Iу	псы
слюна	рот	вода

Несмотря на то, что наш народный эпос в своей основе эпос первобытно-родового строя, прошел многовековой путь, язык его проявил поразительную устойчивость, — и в наиболее архаичных песенно-стихотворных текстах о Сэтэнай-гуащ, Саусырыкьо, (Сосырыкьо), Шэбатыныкьо (Бадынокьо), Пэтэрэз (Бэтэрэз), Iащэмэз все корневые слова сохранились *почти* полностью, они сравнительно мало отклонились от живого современного языка адыгов.

Третье. Проф. Н. Яковлев и доц. Д. Ашхамаф установили, что при слиянии двух или нескольких основ, из которых последняя оканчивается ударной краткой гласной, этот конечный ударный гласный закономерно отпадает независимо от его качества³:

унэ	псыун
Дом	водяной дом
Дахэ	унэдах
красивый	дом красивый

То же самое происходит в многосложных именах.

Бэ	тэ	Бат
много	дари	многодарящий (мужское имя)
щэ	ты	Щэт
стрела (пуля)	дари	Стрел дарящая (женское имя).

Н. Яковлевым и Д. Ашхамафом установлено, что при слиянии двух основ вторая теряет гласный, если первая восстанавливает его⁴:

шхо	шъуз	—	шъузышху
большой	жена		женщина большая
унэ	шIу	—	унэшIу
дом	хороший		

² Проф. Н. Яковлев, доц. Д. Ашхамаф. Указанная работа, Изд. АН СССР. М.—Л., 1941, стр. 216, 218.

³ Проф. Н. Яковлев, Д. Ашхамаф. Краткая грамматика адыгейского (кяхского) языка для школы и самообразования, Краснодар, 1930, стр. 103.

⁴ Там же, стр. 104.

Далее Н. Яковлевым и Д. Ашхамафом установлено, что во всех остальных случаях краткие гласные «Ы» и «Э» при слиянии основ сохраняются. Отпадение кратких гласных, как в середине слова, так в особенности в его исходе, представляет собой в кяхском языке один из признаков, связанных с выделением границ слова. В частности, во вторичных основах отпадение конечного «Ы», во всех случаях, и отпадение конечного ударного гласного «Э» в исходе составного слова показывают, что мы имеем дело не с отдельным самостоятельным словом, а с основой, входящей в состав составного слова. В некоторых случаях эти фонетические признаки безусловно могут служить даже основой различного осмысления речи⁵.

Сочетание слов:

- I. Шъузыр дахэ
жена-красива
II. унэр ины
дом-велик

Сочетание основ:

- шъуздах
красивая жена
унэин
великий дом

Помимо всего этого, внутри диалектов адыгского языка наблюдаются переходы отдельных звуков или целого ряда звуков, о которых мы скажем по мере надобности при рассмотрении исходных полных форм собственных имен ядра эпоса «Нарты».

Четвертое. Многие адыгские имена (собственно сами имена, фамилии и клички) носят символический характер и выражают *желание* тех, кто их дает новорожденному.

Древние люди сознательно подбирали имена с элементами *тэ-тэн*, *ты-тын* (дари — дарить), в которых была заложена *идея щедрости*. Таковы имена и фамилии адыгов:

Сэт, Бат, Бэрэтар.

а) *Сэт* (*сэ*—меч, *ты*—дари) — буквально: меч дарящий или меч дарящая.

б) *Бат* (полная форма Батэ), в котором: *бэ* — много, *тэ* — дари, т. е. *Бат* — много дарящий или много одаривающий.

в) *Бэрэтар* (полн. форма Бэрэтэрэ), в котором: *бэ-рэ*—«много», *тэ-рэ* — одаривающий часто.

Новорожденному мальчику (сао—шъао) давали имя. В нем отразились *желание* родителей видеть в ребенке храброго защитника, устрашающего врагов.

Дзэгъащт—*дзэ*—войско, *гъа* — аффикс побудительной формы глагола, выражающий значение заставить, *щтэ*—*щтэн*—пугаться, т. е. *дзэгъащт* — войско пугающий.

Чэтау — *Чэтао* (*Чатэ* — то же, что и *сэ* — меч, *о-он* — бить, разить, т. е. *Чэтау*—*Чэтао* означает «мечом бьющий», «мечом разящий»).

⁵ Проф. Н. Яковлев, Д. Ашхамаф. Краткая грамматика адыгейского (кахского) языка для школы и самообразования, Краснодар, 1930, стр. 104.

Сау-Сао (сэ—меч, то же, что и *чатэ*, *о-он*—бить, разить, т. е. *Сау-Сао* (в современном адыгейском языке: *Шъау* (*Шъао*) означает: «мечом разящий» в смысле «сабельник», «воин», «юноша»). В восточноадыгском, т. е. в новокабардинском литературном языке в настоящее время это имя самостоятельно малоупотребительно и встречается только в древнеадыгских именах.

Шъомахуэ (мужское имя, означающее: мальчик (юноша) добрый).

Шъолыхъуэ — мужское имя, означающее: мальчик (юноша), пасущий (содержащий) свиней, животных.

Женские имена с элементом *тэ-тэн*, *ты-тын* — дари, дарить, по своему значению играют вспомогательную роль.

а) *Щэт*, в котором:

щэ — стрела лука,

ты — дари,

щэт — стрелы дарящая (буквально: «Стрелодара»),

б) *Псэтын*, в котором:

псэ — душа,

тын — дарить,

Псэтын — душу дарящая (буквально: «Душедарка»).

Женские имена встречаются у адыгов (в жизни и фольклоре) с ласкательными эпитетами:

гуащэ — хозяйка,

дахэ — красавица.

Например:

Псэтын — *гуащ*,

Сэтэнай — *гуащ*,

Акондэ — *дах*,

Щэризэт — *гуащ*,

Мужские имена, а также фамилии адыгов оформляются посредством суффикса — *къо* со значением отросток, член тела⁶, сын, потомок. Таковы:

Фамилия:

Сэтымыкъо

В фамилии *Сэтэныкъо* мы имеем следующее:

Сэ — меч,

ты — дари, дарить,

-м—(показатель) определенности в косвенном падеже,

ы—притяжательно-местоименный аффикс органической принадлежности, наблюдаемый только в адыгейском языке,

къо — сын, потомок.

Таким образом, *Сэтэныкъо* — *меча дарящего сын*, по-русски примерно будет означать «Мечедаров».

Самым примечательным в этой адыгской фамилии является наличие *ы* — аффикса органической принадлежности, свиде-

⁶ Н. Яковлев, Д. Ашхамаф. Указанная работа, стр. 51.

теля древности. «Наличие двух видов притяжательных префиксов — органической и имущественной принадлежности представляет собой в адыгейском языке, — как отмечают наши ученые-языковеды, — замечательный остаток старины, — архаизм, который пока обнаружен лишь в одном языке этом из всех яфетических языков Кавказа»⁷.

Приведенная фамилия по своей конструкции, типологии и модели родственна собственным именам ядра эпоса «Нарты». Ср.:

«Сэтымыкѳо»

и:

«Щэбатыныкѳо»,

«Саусырыкѳо».

Суффикс -кѳо не всегда является показателем адыгской фамилии. Он может выступать и как показатель мужского имени:

а) Кѳыщыкѳо: кѳыщ — кузня; ы — притяжательный аффикс органической принадлежности; кѳо (сын) — показатель мужского имени (в смысле мальчик);

б) Мазэмыкѳо: мазэ — луна; ы — притяжательный аффикс органической принадлежности; кѳо — показатель мужского имени;

в) Мэщыкѳо: мэщы — просо; ы — притяжательный аффикс органической принадлежности; кѳо — показатель мужского имени;

г) Зэхэкѳыкѳо: Зэхэкѳ — раздел; ы — притяжательный аффикс органической принадлежности; кѳо — показатель мужского имени.

Показателем женского имени в адыгских языках может выступить формант пхѳу (дочь), например, Пхѳукѳас, Мелэчпхѳу. Помимо пхѳу и кѳо в языке народа встречаются и другие слова, указывающие мужские и женские имена. Вот некоторые из них.

Мужские:

1. шѳао, шѳау, (мальчик, юноша):

Блыпэшѳау

Зэхэкѳшѳау

Шѳэофыжѳ

Шѳэомаф

2. хѳу (мужской пол):

Кѳэлэхѳу

Хѳуцѳыкѳу

Хѳутѳатѳ

Тѳыхѳу

Матѳыхѳу

⁷ Проф. Н. Яковлев, доц. Д. Ашхамаф. Грамматика адыгейского литературного языка, Изд. АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 299.

Женские:

1. пшъашъ (девочка, девушка):

Пшъэшъай
Пшъэшъэшъу
Пшъэшъэф

2. бзы (женский пол):

Хъабзыгуаш
Курабз
Куабз

3. дахэ (красавица):

Дэхэос
Дэхэнагъу
Нахьдах
Гошдах
Гондах
Дэхэсур

В языке адыгов встречаются и ласкательно-возвеличительные своеобразные эпитеты при мужских и женских именах или непосредственно в их составе. Например, в **мужских**: «пшы», «тхъаматэ» в значении **глава, старейший**, почетный ; в **женских**: «гуашэ», позднее — «хъан» (в значении хозяйка). Таковы Пшы-маф, Пшытеф, Гошэфыжъ, Гошнашхъу, Хъангуаш, Гошэхъан, Гошпакъ, Пшы-Марыкъу, Пшы-Іалэдж или Іалэджыпш.

Адыгские имена и фамилии не всегда имеют суффикс **-кьо**:

а) Цужъыт — фамилия, в которой:

компонент **цу** — вол,
компонент **жъы** — старый, добрый,
компонент **ты** — дари, дарить,

т. е. **Цужъыт** означает: вола доброго дарящий;

б) ЛэупакІэ — фамилия без суффикса **кьо**:

Лэу — свинья,
пакІэ — рыло (буквально: носа конец)⁸.

Суффикс **-кьо** отсутствуют в тех именах, которые по своему значению передают физические черты человека.

а) **Пакъ** (полная форма Пакъэ): **пэ** — нос, **къэ** — тупой: Ту поносый или Тупоносая;

б) **Наш** (полная форма Нашэ): **нэ** — глаз, **щэ** — кривой Кривоглазый или Кривоглазая;

в) **Нашхъу** (полная форма Нашхъо): **нэ** — глаз, **шхъо** — **шхъмантІэ** — серый: Сероглаз.

Эти имена, как правило, являются и мужскими, и женскими, так как в адыгских языках нет показателей категорий рода.

В мужских именах адыгов, обозначающих профессию или занятие человека, как правило, отсутствует **-кьо**:

⁸ В другом случае, между прочим, пакІэ (пашІэ) может означать усы
а) ПэкІэшху — Великоусый; б) ХъэпакІ — Собакоусый.

МэщбашI (полная форма МэщбашIэ): *мэщ* — просо, *бэ* — много, *шIэн*⁹ — обрабатывать, делать, сеять, т. е. МэщбашI — много обрабатывающий просо.

Хьэбэху (полная форма Хьэбэху): *хьэ* — собака, *бэ* — много, *хьун* — содержать, разводить, т. е. Хьэбэху — много собак разводящий.

Запанадыгские (адыгейские) имена типа «Сэосырыкъо» или «Саусырыкъо», согласно фонетическим законам адыгского языка, в восточноадыгском (кабардино-черкесском) приобретают форму «Сосырыкъо», так как адыгейские *-эо (-эуэ)*, *-ау* соответствуют кабардинскому *-о- (-уэ)*, как в исконно адыгских именах — фамилиях:

Шъэуэмаф — Шъомахуэ
Шъэуэлыху — Шъоныху
Ср.: Сэуэсырыкъуэ — Сосырыкъо.

Кстати, у некоторых адыгов (егерухайцев), а также абхазов и абазин имя нарта «Саусырыкъо» произносится как Сасырыкъо (*-кьуа*), с потерей неслогового полугласного «у».

Внутри адыгских языков, а также их диалектов, в одних и тех же словах наблюдаются звуковые переходы **т-д**: *тыгъужь* — *дыгъужь* (волк), *тыгъэ* — *дыгъэ* (солнце), *Шэбатыныкъо* *Бadyнокъо* (мужское имя); **ф-ху**: *фыжы* — *хужы* (белый), *Iадыф* — *Iадиыху* (женское имя); **щ — ш**: *Iащэ* — *Iашэ* (оружие, меч), *щы* — *шы* (лошадь); **п-б**: *Панэ* — *Банэ* (колючка), *пытэ* — *быдэ* (крепкий), *пырац* — *бырац* (лохматый), *Пэтэрэз* — *Бэтэрэз*; и т. д. Этот закон фонетических соответствий, факторы аналогии распространяются и на личные имена эпоса «Нарты».

В древнеадыгском языке личные имена мужчин и женщин оформлялись ласкательным суффиксом **-ай**. Об этом свидетельствуют формы личных имен «ун-ай» (женское имя), «Шъэуай» (мужское имя), «Гош-ай» (женское имя), «Сэтэн-ай» (женское имя), сохранившиеся в современных адыгских языках. Но в последних упомянутый суффикс уже не имеет такого назначения, ныне он употребляется в личных именах как морфологический элемент, служащий средством выражения именной формы обращения.

⁹ Надо полагать, что в те отдаленные времена в адыгском языке имя и глагол не были дифференцированы, поэтому предметные и процессные понятия передавались общей для них лексической единицей. Так, *тыны* одинаково обозначало «дар» и «дарить», *хьыны* — «ношение» и «носить», *шыны* — «делание» и «делать».

В адыгских языках формы «тыны», «хьыны», «шыны» уже не выражают процессных понятий, они обратились в имена. Так, «тыны» обозначает «подарок», «хьыны» — то, что подлежит ношению, «шыны» — то, что подлежит деланию.

Суффикс **-ай** в адыгском языкознании имеет и другое объяснение. Проф. Н. Ф. Яковлев и Д. А. Ашхамаф **-ай** считают префиксом органической принадлежности. В этом случае адыгские имена (женские и мужские) типа «Сэтэнай» оформляются посредством прибавления к основным компонентам древнеадыгейского органического притяжательного префикса «а». Сравните:

Гоцэун-ай
Сэтэн-ай

Здесь префикс «а» выступает в составе самостоятельного притяжательного местоимения «яй» (йай) третьего лица органической принадлежности: к префиксу присоединяется спереди согласный (полугласный) «й», представляющий собою, по-видимому, фонетическое стяжение (сокращение) префикса имущественной принадлежности 3 лица единственного числа «и» перед последующим гласным (ср. «я-н» из «-а-н» — «его мать», «я-т» из «и-а-т» — «его отец», где **а** — древний притяжательный префикс), как об этом указывают проф. Н. Ф. Яковлев и доц. Д. А. Ашхамаф на стр. 294 своего труда «Грамматика адыгейского литературного языка», выпущенного издательством АН СССР в 1941 году. По этой же аналогии оформляются и мужские имена, фамилии и наименования селений. Сравните:

Хьатикъу-ай
Гъобэкъу-ай
Еджэркъу-ай
Хьатыгъужъыкъу-ай

Здесь же проф. Н. Ф. Яковлев и доц. Д. А. Ашхамаф пишут, что исторически следует рассматривать притяжательные имущественной принадлежности как позднейшие, вторично образованные от притяжательных органической принадлежности.

Следовательно, в адыгских языках этот суффикс из словообразовательного элемента, каким он был в древнеадыгском, обратился в формообразующий.

Суффиксу **-ай**- адыгейского языка соответствует в кабардинском **-ей** (Шъэуай — Шъэуей, Сэтэнай — Сэтэней).

Самым примечательным в приведенных адыгских именах, аналогичных нартским, является то, что они оформляются *особо* по-адыгски, характеризуются такими элементами архаизма, которые совершенно отсутствуют в языке других народов Кавказа.

Таким образом, мы проиллюстрировали типологическое и генетическое единство исконно адыгских традиционных имен и имен центральных героев эпоса «Нарты». Эти имена имеют адыгскую модель, а не осетинскую, ингушскую, чеченскую и т. д.

РАСШИФРОВКА ЗНАЧЕНИЯ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН ЦЕНТРАЛЬНЫХ ГЕРОЕВ ЭПОСА «НАРТЫ» И ТЕРМИНА «НАРТ»

Как отмечено выше, народный эпос «Нарты» — героический эпос доклассового, первобытнообщинного строя с наслоениями черт последующих эпох, через которые он проходил, сопутствуя истории своего создателя. В своей древней основе этот эпос отображает эпоху «железного меча», идеи и черты пройденных человеком этапов жизни, борьбы и труда.

Мы уже изложили краткие данные по истории, фольклору и языку адыгов. Эти сведения о народе и его эпосе помогут нам легче понять значение имен центральных героев ядра эпоса «Нарты», так как и действительность, породившая их, и сами эти имена взаимно обуславливают и поясняют друг друга.

Одним из важных и неперемennых условий, без которого, на наш взгляд, совершенно немыслимо объяснение значения личных имен древности, является рассмотрение их в первичной, полной форме с учетом изменений, происшедших в системе языка.

Поскольку эпос «Нарты» является творчеством народа, то его создатель идеи и черты современной ему эпохи воплощал не только в содержание легенды или песни, но и в имена героев, встречающихся в них, т. е. эти имена как бы были подсказаны обстоятельствами и природой самих фольклорных текстов.

1. «Саусырыкъо»

«Саусырыкъо» — личное имя центрального героя эпоса «Нарты», известного широко в легендах, песнях и пщынатлях адыгов. Произносительные вариации этого имени среди адыгов различны (см. нашу таблицу 1). Полная форма этого имени «Сэуэсырыкъуэ» сохранилась у шапсугов—хакучинцев, с некоторыми усечениями гласных первого и последнего слогов, как

2. «...Сэтэнай этот камень-душа взяла, принесла и в сундук положила. Камень девять месяцев и девять дней в сундуке лежал. Потом, когда Тлепш-кан наш пришел и камень расколол, *Саусырыкъо в огне-лучах* (или буквально: «огнелучий») выпал, в подол Сэтэнай упал, *прожог платье* и на землю упал. Тлепш-кан наш железными клещами «шъэожъе» — мальчика за колени схватил и в воду семь раз опустил. Мальчика (юношу) закалил и остудил»⁶.

3. «...Так как *его сильно горячим-горячим* из камня извлекли, то Саусырыкъо в кузню отнесли, к Тлепшу. Он, в клещи заключив два бедра, взял его и огнем (на огне) закалил»⁷.

4. «...Когда исполнилось количество месяцев, Тлепша со своими инструментами привела, и он камень вскрыл (раздвоил). *Как огонь сияя (свет издавая) Сосрыкъо из него извлек*»⁸.

5. «...Свои инструменты захватив, пошли, — сказали и к камню привела. Камень (по ее просьбе) распилил и оттуда извлек шъэо цыкыу — мальчик маленький, горящий, прямо огонь сып. Взяв клещами мальчика маленького, отнес в речку (воду)»⁹.

6. «...Дни считая, когда исполнилось девять месяцев, — так как все время камень увеличивался, камень лопнул и выпал мальчик. *Он был горячим, голыми руками не смогли взять (поднять)*. К Тлепшу побежали и сказали. Тлепш, с инструментами в руке, пришел. *Не смог голыми руками взять, клещами за его бедра схватил и искупал*»¹⁰.

Чудесное рождение «горячего» или «пылающего» мальчика, с этими же элементами, встречается и у зарубежных адыгов.

В адыгской легенде о Саусырыкъо, записанной в мае 1960 года проф. Ж. Дюмезилем в Анатолии от убыха Тевфика Эсэнча (которому рассказал 56-летний кабардинец Хамит бэй) это героическое своеобразие сохраняется.

«Лъапшъ подошел к камню, — говорится в этой легенде, — и, ударив молотом, сбил верхнюю часть камня. Когда они посмотрели — новорожденный сидит в камне! *Он испускал огонь (со всех сторон)*. Лъапшъ кузнечными щипцами взял новорожденного за бедра и окунул три раза в воду. *Огонь, который он излучал, прекратился*... Нарты стоявшие сильно удивились.

⁶ Там же. № 8, сказитель Хапай Магамуд, легенда записана нами в Ха-тукае (Адыгея) 10/VIII 1952.

⁷ Там же. № 12, легенда записана в а. Беслиней (Черкесия). 25/II 1962.

⁸ Там же. № 17, легенда записана Кардангушем Зарамуком в а. Кахуне (Кабарда) 28/V 1946.

⁹ Там же. № 18, легенда записана Шишховым Асланом и нами (на плён-ку) в а. Егерухае (Адыгея) от кабардинца Гой Хазраила 26/VI 1961.

¹⁰ Там же. № 20., сказитель из Кизбруна III (Кабарда) Коуфэ Пщымыр-зэ, записал Кардангуш Зарамук 25/IV 1949.

Лъэпшъ сказал: «Я даю ему имя Саусырыкъуа», — и он назвал его Саусырыкъуа»¹¹.

Традиционный обычай адыгов относить новорожденного к кузнецу, который купает его и дает ему имя, — еще живуч в памяти народа¹².

Некоторые адыгские сказители, рассказывая легенду о рождении этого нарта, склонны считать, что хитрая и вещая Сэтэнай-гуашэ родила внебрачного сына, а легенду о чудесном рождении пылающего огнем мальчика она сочинила сама, как бы для ограждения своей чести, избежания осуждения¹³.

Возникает вопрос: почему в легенде адыгского эпоса «Нарты» кузнец Тлепш дает новорожденному имя именно «Саусырыкъо», а не «Иван» («Иоан») и не «Сослан» («Сос аланский»)? Случайно ли это имя?

В народной интерпретации Саусырыкъо — то «Сэтэнайкъо» — сын Сэтэнай, то «Чэмэхожькъо» — сын пастуха, то «Мыжьомыкъо» — сын камня. Все эти вариации опосредствуются содержанием легенды о его рождении. Расшифровка же значения имени «Саусырыкъо» указывает на новые обстоятельства этой же легенды.

Слово-имя «Саусырыкъо», или, в наиболее полной форме, без усечения «о» («уэ»), «Сэосырыкъо», является многокомпонентным с сложной основой. Разложим его на компоненты и поясним значение каждой.

Сэо-сыр-ы-къо:

сао (современное: **шъао**) — мальчик, юноша;

сыр — горячий, огнем горящий;

ы — притяжательно-местоименный аффикс органической принадлежности, наблюдаемый только в адыгейском языке;

¹¹ Ж. Дюмезиль. Убыхские рассказы, тексты о Саусырыкъуа, отрывок из азиатского журнала, ССXLVIII, Париж, 1960 г., стр. 442. Здесь и далее переводы параллельного французского текста Хутиз Разиет.

¹² Уместно, пожалуй, здесь привести любопытный рассказ 84-летнего сказителя — шапсуга Тыркуау Исмагила, записанный нами 13/V 1964 года в а. Афыспыпэ Адыгеи. «Как только рождался ребенок, — говорит сказитель, — адыги относили его на кузню, где кузнец окатывал его водой из-под точила, давал новорожденному имя, связанное с кузней или кузнечным ремеслом, огнем или железом:

«Къышыкъо» — буквально «Кузни сын»; в смысле: «кузня-мальчик»;

«Гъучыпс» — буквально: «Железная душа»;

«Гъукъэшъау» — буквально: «Кузнец-мальчик»;

«Гъукъэл» — буквально: «Кузнец-мужчина» и т. д.»

Как живые свидетели этого обычая, в ауле Афыспыпэ проживает Ачмиз Къышмай, в ауле Еджэркуай — Тхакумащэкэ Гъукъэпш.

¹³ На эту особенность обращает свое внимание проф. Ж. Дюмезиль в своих примечаниях к текстам о Саусырыкъо (Убыхские рассказы, IV, Париж, 1960, стр. 447).

кьо — здесь показатель лица мужского пола по отношению к своим родителям (в значении мальчик, юноша, сын, а не потомок; ср. Гьубджы-кьо — «Вторник — сын (мальчик)», Мазэ-мы-кьо — «Месяц—мальчик», Мэщы-кьо — «Просо-сын» (юноша); или прямо: Блыпэ-шъау — букв.: «Понедельник-мальчик», ГьукIэшъау—Кузнец-мальчик (юноша).

Следует пояснить, что:

1) **сао (сэуэ)** — сложный компонент, в котором **са(сэ)** — меч, предмет вооружения и **о(уэ)** означает: *бить, разить*, т. е. **сао** — *мечом бьющий*, в смысле *сабельник, витязь, воин*; в быту **сао (шъао)** — *мальчик, юноша*. Таким образом, наиболее полная форма написания этого имени: «Сэусырыкъуэ»;

2) переход «с» в «шъ» закономерное явление в системе языка адыгов. Сравним:

сэжъый — шъэжъый (меч маленький, ножик),

лъапсэ — лъапшъэ (основа, основание),

Сэофыжь — Шъэофыжь

(букв.: мечом бьющий (мальчик) белый);

3) шапсуги-хакучинцы, а также абдзахи и егерухайцы, среди которых наиболее полно сохранились древние формы слов, слово «стыр» произносят как «сыр», с потерей «т», как и в других, подобных им, «мэIысы» — садится, «псэуми» (каб. «псоми» — всеми).

Следовательно, имя нарта «Саусырыкъо», данное ему Тлепшем, означает «сао сыр» (современное литературное «шъао стыр») — «мальчик горячий», «мальчик огнем горящий» или «пылающий». Это имя первоначально было нарицательным, затем оно закрепилось за героем эпоса и стало личным.

Таким образом, мы установили, что сообщение адыгской легенды о рождении мальчика в горячем, пылающем огнем состоянии, с одной стороны, и значение его имени «Саусырыкъо», данное ему кузнецом, с другой, — тождественны.

Из сказанного ясно, насколько были верны приведенные выше высказывания, предположения и догадки ученых и писателей XIX и XX веков относительно того, какой народ является творцом имени «Саусырыкъо», песен и легенд о нем и что оно означает.

II. «Сэтэнай»

Сэтэнай (Сэтэней) — дальнозоркая и заботливая жена нарта Орзэмэджа и мать Саусырыкъо. Она своей мудростью превосходит старейшин Хасэ (Совет) и спасает от их смертного приговора своего мужа (см. легенды о том, как вернули из Хасэ нарта Орзэмэджа)¹⁴.

¹⁴ Нартхэр. Рукопись семитомника, Архив АНИИ, том 1, № 12, 13 и 14.

Основная функция Сэтэнай в адыгском эпосе «Нарты» — воспитание и защита от врагов единственного ее сына Саусырыкьо.

Как бы и Орзэмэдж и Саусырыкьо ни были хорошо вооружены, *без совета Сэтэнай они бессильны*. Эту особенность Сэтэнай мы ясно видим в пщынатле о том, как Саусырыкьо одержал победу над злобным Тотырэщем.

Мы хотели бы в порядке исключения¹⁵ воспользоваться одним из вариантов этого пщынатля, удачно, соблюдая детали оригинала, переведенного С. И. Липкиным с кабардинского текста, и отметить в ней интересующие нас места.

В этой адыгской былине поется о том,

Как слабейший из слабых,
Свесясь набок. Сосрыко
В родной дом возвратился...

Сэтэнай сразу спустилась со своего ложа и обратилась к нему с материнской речью:

Ой, Сосрыко, мой сын,
Ой, Сосрыко, мой свет!
Ты в кольчугу одет,
Словно в солнечный свет!
Словно солнце — твой щит,
Ой, джигит, чье копье
Страшно недругам всем,

Что на Хасе стряслось?
Смутен, жалок твой взгляд...

И сын отвечает:

Не скажу, гуаща нартово,
Почему твой сын расстроен:
Женщине о Хасе нартово
Не рассказывает воин.

Долго противится он матери, но в конце концов он открывает ей свою тайну. Возвращаясь домой без добычи, нарт приметил черное пятно. «Надо встретиться скорее с этим всадником!» — сказав, погнался за ним, но его он не догнал. Два дня Саусырыкьо был в дороге. Затем этот всадник повстречался с ним:

И заставил он споткнуться
Быстроногого Тхожея.

Саусырыкьо — «дрожит от страха». И далее сын рассказывает матери Сэтэнай:

Он копьем меня коснулся,
Два моих ребра сломал он.
Был готов я к поединку,
Но меня с седла он сдвинул,

¹⁵ Автор, как правило, опирается только на подлинные и выверенные им тексты эпоса.

Как пушинку, поднял в небо,
Опрокинул, как травинку,
Бросил наземь, и плечами
Целое вспахал я поле.

Чтоб лишить ничтожной жизни,
Он меня вогнал по пояс
В прах степной одним ударом,
Вынул меч, чтоб обезглавить, —
И слукавить я решился:
— Нартский муж, — сказал я громко, —
Не могу тебя убить я:
В день веселый Санопитья
Нарта нарт не убивает.

Дай мне трое суток сроку:
Встречусь я с тобою снова.

Злобный Тотырэщ отвечает злой усмешкой и велит ему быть
«завтра, с первыми лучами» на Харам-горе.

Сэтэнай предупреждает сына:

Но Тотреща, милый сын мой,
Ты не одолеешь силой:
Всех сильнее он в грозной сече!..
Отстоял при первой встрече
Душу ты свою живую
Хитростью, а я вторую
Хитрость выдумать сумею!

Боль твоя — боль моя,
Твой позор — мой позор.
Твой противник хитер,
Он — исчадие зла.
Удила его — сталь,
Плеть его — горный путь,
Но врага одолеть
Я тебя научу.

И она своим умом и прозорливостью предрешила победу
Саусырыкьо. Она дала совет сыну, что надо делать и как надо
встретить Тотырэща и осилить его.

Сто красавиц для Сосрыко
Сшили бранную одежду.
На Тхожея нацепили
Сто звенящих колокольцев.

Затем, выполняя советы матери, с орлами и собаками он
выехал к месту встречи, подкрался к седоку.

Зазвенели на Хараме
Сто певучих колокольцев!
Как спастись коню Тотрэща
От борзых, за ним бегущих,
От орлов, его клюющих,
От звенящих колокольцев,
Наводящих черный ужас?

Тотырэш, дернув удила, разорвал челюсть своего коня и сам выпал из седла на землю. Подскочил к нему Саусырыкъо, сын отваги, и одним взмахом меча избавил мир от злобного Тотырэша, опустошавшего земли Тена (Тенэ)—Дона, Пшыза (Кубани) и Индыля (Волги), — говорится в этой легенде¹⁶.

Из приведенной адыгской легенды сын Сэтэнай (Сэтэнайкъо) Саусырыкъо предстает перед нами как бы в двух лицах, совершенно разными особенностями.

В первой части, *когда еще не получил совета от матери, он — «слабейший из слабых»*, несмотря на то, что и «в кольчугу одет, словно в солнечный свет», словно солнце — его щит, и копье при нем, и шлем на голове; он — трус, смутен и жалок на вид.

Во второй части, *когда уже получил совет от матери, он — сильнейший из сильных*, — неузнаваемо преобразается и становится грозным меченосцем. Теперь его «меч», подаренный матерью, всесилен и сам он — могуч.

Нетрудно заметить, что Саусырыкъо без совета матери — словно воин без меча. И этот «меч», в виде «совета», он получает от матери. Пророчество, мудрое предсказание — ее отличительные особенности. Она безошибочно оценивает обстановку и принимает такой неотразимо сильный тактический ход, который наверняка обеспечивает нарту успех в бою. Ее совет равен силе всепобеждающего меча. Она дает совет нарту, словно меч вручает ему.

Так выглядит символический образ Сэтэнай в адыгском эпосе «Нарты».

Теперь обратимся к самому имени «Сэтэнай». Оно является многокомпонентным. Мы имеем:

Сэ-тэн-ай.

В этом слове-имени выделяются:

Сэ — меч,

тэн — дарить,

ай — ласкательный суффикс, с помощью которого оформляются имена в языке адыгов (ср.: «Гошэунай», «Кышмай»).

Таким образом, «Сэтэнай» означает «меч дарящая», «мечедарка».

Следовательно, символический подтекст, наличествующий в древнеадыгском эпосе «Нарты», находит свое полное выражение в личном имени «Сэтэнай».

III. «Щэбатыныкъо»

Песни, пщынатли и легенды о Щэбатыныкъо (шапсугское, первичное Щэбатыныкъо, бжедугско-чемгуйское и современное литературное: в Адыгее—«Щэбатыныкъо», в Черкесии и Кабар-

¹⁶ Семен Липкин. Кабардинская эпическая поэзия. Нальчик, 1956, стр. 58—82. Везде подчеркнуто нами. — А. Г.

де — «Бадынэкьо», «Бадыныкьо») в адыгском народном эпосе «Нарты» представлены большим циклом, равным почти одному самостоятельному тому¹⁷.

Говоря об убыхских легендах, посвященных «Барданакъуа», проф. Ж. Дюмезиль отмечает, что «имя этого персонажа искажено от обычного кабардинского Бадынэкьо (Вадыноко), от западных адыгов Шэбатынэкьо, дословно «сын Бадына». У адыгов, особенно у кабардинцев, где о нем собран целый эпический цикл, Бадынокьо более важен, чем соответствующий ему у осетин, и без сомнения его прототип «Арэхцау сын Бэдэнэг» или «Бэзэнэг» (дж.)»¹⁸.

Шэбатыныкьо в адыгском эпосе «Нарты» выступает как наихрабрейший титан. В его образе народ сосредоточил мужество всех нартвов, им выразил свой идеал настоящего героя. В песнях и легендах о нем подчеркивается, что титан Шэбатыныкьо в своих действиях чрезвычайно скромен, честен, благороден.

Орзмэджыкьо Шэбатыныкьо едет из района Тенэ (Дона) и Хы МыутИэ (моря Меот) в направлении Черного моря, переправившись через реку Пшызэ (Кубань).

Хвосты его стрел, уа-орэда
Словно лес большой, уа-орэда
На правом плече, уа-орэда
Иней садится, уа-орэда
На левом плече, уа-орэда
Солнце сияет, уа-орэда!

Воздух из ноздрей его коня, уа-орэда
Траву поверх сжигает, уа-орэда
Пена, падающая с его коня, уа-орэда
Шатром садится на землю, уа-орэда
Из-под копыт вылетающие комья земли, уа-орэда
Словно бело-черные грачи, уа-орэда
В небо взлетают, уа-орэда
Путь, по которому конь идет, уа-орэда
По грудь лошади, уа-орэда
В земле пробивает, уа-орэда.

Удар его плетки, уа-орэда
На расстоянии семи окриков слышится, уа-орэда.

Подобного всадника, уа-орэда
Не сыскать в Натие, уа-орэда
Небом клянемся, уа-орэда.¹⁹

Шэбатыныкьо не стремится к богатым угощениям и любовным наслаждениям. Его удел — защита правды. Человеческая

¹⁷ Н а р т х э р. Рукопись научного издания АНИИ, том III.

¹⁸ Ж. Дюмезиль. Убыхские рассказы, IV. Тексты о Саусырыкъуа, отрывок из азиатского журнала, ССXLVIII, Париж, 1960, стр. 448.

¹⁹ Н а р т х э р. Рукопись АНИИ, том III, № 139, «Нат Шэбатыныкьо ипщыналъ», записанный от Ахэджаго Закерия 12/VIII 1946 в а. Псейтук (Прикубанская Шапсугия).

его щедрость и воинская доблесть как бы разлита по всему циклу «Шэбатыныкьо». Вся его жизнь характеризуется воинской доблестью, добытой честно (в отличие от Саусырыкьо) в суровом бою.

Шэбатыныкьо порожден, как и образы Сэтэнай, Саусырыкьо, эпохой меча. Меч для этого нарта превыше всего.

Вот изречение «нартов», характеризующее их отношение к предмету личного вооружения:

Тыныр — тыны,

Ау сэр — тынымэ анахь тыныжь.

Подарок — подарком,

Но меч — наивысший подарок из подарков²⁰.

Если «Сэтэнай» — «мечедарка», то что же может дарить этот суровый меченосец Шэбатыныкьо?

Как и предыдущие, это слово — имя многосложное. Изобразим его в шапсугском, наиболее полном и первичном виде:

Щэ-ба-тын-ы-кьо

Смысл или значение этих компонентов таков:

щэ — стрела лука,

ба (бэ) — много,

тын — дарить,

ы — притяжательный префикс органической принадлежности,

кьо — в данном случае: показатель мужского имени (в смысле «сын», а не «дочь»).

Следовательно, «Щэбатыныкьо» буквально означает: стрел много дарящий (сын, юноша)».

Это слово-имя типологически, генетически и по принципу образования от существительного, обозначающего предмет вооружения, напоминает «Саусырыкьо» и «Сэтэнай».

Здесь уместно указать, что первично — «Щэбатыныкьо» или «Шэбатыныкьо», т. е. «щэ-» или «шэ-». В настоящее время и шапсуги, и бжедуги, и хатукайцы, и мамхеги, и абдзахи понятие «стрела» — «пуля» обозначают и произносят одинаково, как «щэ». Это «щэ» входит в слово «*Іашэ*», означающее «оружие». Этот термин современные адыги произносят фонетически по-разному:

1) шапсуги, хакучи, натыхуаджи: «Іашэ»;

2) темиргоевцы, бжедуги, хатукайцы, абдзахи и др.: «Іашэ».

Из этого видно, что адыгское имя «Щэбатыныкьо» в шапсугском фонетическом облике — первично, «Шэбатыныкьо» — вторично. Значит, мы это слово-имя рассмотрели в его исходной первичной форме.

²⁰ Там же. Том VII, цикл «Нарт БэукІ».

IV. «Іащэмэз»

Іащэмэз — грозный богатырь. Такова его основная функция в эпосе. Это хорошо характеризует второе нарицательное имя «кетэон» (шапсугское *кятэ* — меч, *он* — бить, т. е. «меч сам бьющий», или «меч — самобой»). Некоторые адыгские певцы и сказители (Хавпачев Амырхан, Ордоков Мырзэбэч) знают много песенно-стихотворных текстов, в которых образ Іащэмэза подан и в плане красноречивого певца-музыканта, изобретателя сырына (дудки). Он известен абхазам под именем Қятауан (Кетуан).

Песни, былины и легенды о бесстрашном Іащэмэзе составляют большой цикл в адыгском эпосе «Нарты».

Ящэ сын (Ящэмыкъо) Іащэмэз проявляет исключительную стойкость и упорство в борьбе с заморским врагом Тлегуц-жаче (Лъэгуц-жакІ), к которому он едет, отыскивает его и одерживает победу над ним²¹.

Собственное имя «Іащэмэз», как было отмечено выше, засвидетельствовано в I—III веках нашей эры в эпиграфических надписях Северного Причерноморья, где в те отдаленные времена жили меото-адыги²².

Личное имя нарта «Іащэмэз», как и предыдущие, является многокомпонентным:

Іа-щэ-мэз.

В этом слове-имени мы уже объяснили, что первые два компонента «Іа-щэ» обозначают оружие, то же, что и «меч». Мы можем добавить, что третий компонент «мэз» означает «лес».

Таким образом, «Іащэмэз» *буквально* означает «оружие лесное», или «меч лесной».

Но это еще не все. Элемент «мэз», который наличествует в этом имени как третий компонент, часто выступает во многих адыгских словах с другим смыслом.

Например:

мэз-чэт — дикая курица,

мэз-пчэн — дикая коза,

мэз-лІыныкъу — дикий получеловек.

Следовательно, в многосложном имени «Іащэмэз» слово «мэз» следует понимать не буквально, как «лесной», а как «дикий». В целом имя одного из центральных героев ядра эпоса «Нарты» богатыря *Іащэмэза* означает «меч дикий».

Таким образом, личное имя центрального героя эпоса «Нар-

²¹ Об этом см. текст «Пщинатль об Ащэмэзе», записанный нами от Тлифа Чеча 20/XII 1962 г., и примечания к нему в разделе третьем.

²² Латышев. II, 213, 283; IV, 248.

ты» «Іашэмэз», как и предыдущие «Сэтэнай», «Саусырыкъоу»²³ «Шэбатыныкъо», порождено эпохой меча. Оно, как и первые, произведено от существительного, обозначающего предмет вооружения человека.

V. «Пэтэрэз»

«Пэтэрэз» — имя могучего героя-богатыря. Песни, пщынатлы и легенды о нем в адыгском эпосе представлены большим циклом, входящим в IV том рукописи научного издания Адыгейского научно-исследовательского института.

Это имя шапсуги, бжедуги, хатукайцы, абдзахи, мамхеги, егерухайцы, чемгуйцы произносят как «Пэтэрэз», беслинейцы — «Піэтэрэз» и «Бэтэрэз», кабардинцы — «Бэтэрэз» или, с стяжением согласных, «Бэтраз».

Первичной формой мы считаем «Пэтэрэз». В слове «Пэтэрэз» звук «п» следует считать первичным: в «пэ» звук «п» произносится во всех адыгских языках как «п».

В кабардинском (новоадыгском языке) в силу традиционной аналогии, существующей внутри адыгских языков (переход «п» в «б»: пый и бий (враг), пытэ и быдэ (крепкий), панэ и банэ (колючка) и т. д.), имя «Пэтэрэз» получило соответствующее фонетическое оформление, как бы свой «кабардинский» облик²⁴. Рассмотрение этого личного имени во вторичной форме привело бы нас неминуемо к ошибке²⁵.

Адыгские сказители рассказывают, что Пэтэрэз находился еще в утробе матери, когда был убит его отец Хымыщ. Нарты были обеспокоены тем, что Исп-гуащэ (жена Хымыща) родит ребенка.

В пщынатле о Хымыщыкъо Пэтэрэзе («Хымыщыкъо Пэтэрэз ипщыналъ») поется:

Ерэ-да²⁶, Хымыщыкъо Пэтэрэз,
Ерэ-да, в ком находится сто сердец,
Ерэ-да, ста мужчинам равен ты!

Ерэ-да, находясь еще в утробе матери, судят обо мне:
Ерэ-да, девочкой родится — воспитаем,
Ерэ-да, мальчиком родится — уничтожим.

²³ О внутриадыгском фонетическом соответствии в этом имени было сказано: 1) в нашей работе «Об адыгском эпосе «Нарты», опубликованной в III томе УЗ АНИИ (Майкоп, 1964, стр. 155) и 2) в докладе о значении собственных имен ядра эпоса «Нарты», сделанном нами на Всесоюзной Сухумской конференции нартоведов 18 декабря 1963 г.рда.

²⁴ О движении этого имени мы скажем более подробно несколько ниже. — А. Г.

²⁵ Расшифровка этого имени была бы подана верно Б. Куашевым, если бы он не впал в эту ошибку. — А. Г.

²⁶ Е р э-д а. — запев, междометие.

Ерэ-да, мужская душа во мне зародилась,
Ерэ-да, в коробку положив меня,
Ерэ-да, на море отнесли, бросили в него.

Затем, рассказывается в пщынатле, волны выбросили его на берег. Пастух-юноша пригнал туда скот пасти. В то время, когда бились рогами бараны, между ними оказалась коробка. Они ее расколотили и оттуда выпал мальчик.

Ерэ-да, пастух-юноша меня заметил,
Ерэ-да, в подол цые²⁷ положил меня,

Ерэ-да, придумав имя, дает мне:
Ерэ-да, «Никому не известен», — он говорит обо мне,

Ерэ-да, какое имя дать ему, откуда нам знать?
Ерэ-да, етIуапхээр шъы фэтшIэн?

Ерэ-да, лицо-нос — красив рисунок,
Ерэ-да, что ни миновать: «Пэтэрэз!»²⁸

Таким образом, из самой народной поэмы нам становится ясным, что этому мальчику (сао-шъао) дали имя по конкретному обстоятельству, каким он по своему облику показался пастушонку в момент нахождения.

Что же означает само имя «Пэтэрэз»? Оно — двукомпонентное:

Пэ-тэрэз.

В этом имени:

пэ — нос,
тэрэз — правильный.

Следовательно, слово-имя «Пэтэрэз» означает: «Нос правильный» или «симметричноносый», что подтверждается самой адыгской былиной о нем.

Мотивы наречения ребенка по обстоятельствам, в каких их находят, широко известны в фольклоре многих народов²⁹.

В имени «Пэтэрэз» первый компонент *пэ* — является исконно адыгским однокорневым словом; что же касается второй части имени *тэрэз*, означающий по-адыгски «правильный», то это слово, видимо, из числа заимствованных, продукт взаимных культурных и экономических связей и языковых контактов. По

²⁷ Цые — верхняя одежда адыгов, черкеска.

²⁸ Нартхэр, том V, «Хъымышкьо Пэтэрэз ипщыналъ», записанный от Усий Чищыко 19/XI 1947 г., а. Псейтук (Прикубанская Шапсугия).

²⁹ Уместно здесь вспомнить об именах «Эдыге», «Къээззаныкьо» или «Джэ-бэгъы, о которых мы говорили выше (стр. 100—102).

всей вероятности, оно персидское, попало в язык адыгов. Персидское «тэрэзи» означает: 1) «весы»; 2) «мера, симметрия». Надо полагать, что оно первоначально и у адыгов означало то же самое, что у персов. Затем «тэрэзи» на адыгской почве получило второе понятие «правильный», каким оно выступает в имени героя нашего эпоса.

Слово «Пэтэрэз» по своей природе стоит в одном ряду с именем «Іащэмэз», в которых «тэрэз» и «мэз» находятся в положительных позициях по отношению к определяемым существительным «пэ» (нос) и «Іащэ» (оружие). Здесь строго выдержана система словосложения древнеадыгских имен и терминов, наблюдаемых в адыгском эпосе «Нарты».

VI. Термин «нарт»

И Сэтэнай, и Саусырыкъо, и Шэбатыныкъо, и Ащэмэз, и Пэтэрэз, а также все персонажи эпоса и весь эпос именуется нарицательно термином «нарт», известным всем народам, живущим на Кавказе.

В этом слове должен быть выражен весь идейный и моральный подтекст эпоса. В данном термине, как и в других символических именах адыгского эпоса «Сэтэнай», «Шэбатыныкъо» и «Іащэмэз», мы должны видеть проявление сверхщедрости и беспредельного мужества; в нем должно быть выражено народное представление о храбрости, благородстве и отваге; словом, в термине «нарт» должен быть правдиво отображен общий характер эпоса в целом.

По представлению адыгов, самыми дорогими для человека являются жизнь, глаз (свет). Как мы отметили выше, нарты эпоса, желая выразить полную готовность оказать помощь человеку, говорят: «Сынэм уфэд!» — «Моему глазу ты подобен!», или: «ИщыІагъэмэ, сыни пфэстын!» — «Понадобится, и свой глаз для тебя отдам!»

Теперь посмотрим, что означает термин «нарт».

Слово «нарт» состоит из двух компонентов:

нар-тэ или **нар-т(ы)**.

Первый компонент, выраженный существительным с простой основой на «нэ», означает «глаз»; «-р» — суффикс определенности в адыгских языках.

Кстати, этот суффикс шансуги в этом слове не употребляют и произносят его как «нат», «натэ», а бжедуги в сочетании: **на-тыжъым фэд**.

Далее, второй компонент, уже известный нам по другим именам нартов «Сэтэнай» и «Шэбатыныкъо», рассмотренным нами выше, означает: **«дари»**.

В первых словах-именах компонент «тэ» или «ты» выступал суффиксом «н» («тэн», «тын» — дарить в масдарной форме), а здесь без него.

Правомерность перехода «э» в «а» при словосложениях и усечениях гласных в конце слова уже была нами оговорена выше.

Следовательно, термин «нарт», которым именуется весь эпос и каждый его персонаж в отдельности, означает: «глаз — дари», в котором правдиво и поразительно точно выражена символика всего древнеадыгского эпоса «Нарты». «Нарт», «нат» осмысливается как «глаз дарящий».

Таким образом, личные имена центральных героев эпоса «Нарты» Сэтэнай, Саусырыкъо, Шэбатыныкъо, Іащэмэз, Пэтэрэз и термин «нарт» являются адыгскими.

VII. Внутригенетическая закономерность имен центральных героев ядра эпоса «Нарты» и термина «нарт»

Для выяснения внутригенетической закономерности собственных имен центральных героев ядра эпоса «Нарты» ниже в виде схемы сопоставлены их компоненты (см. таблицу 4). Несмотря на то, что она будет рассмотрена подробнее в дальнейшем, все же следует сделать некоторые предварительные замечания по ней.

Из таблицы видно, что собственные имена центральных героев по словообразовательным принципам делятся на две группы.

В *первую* входят имена, образованные от названия предмета вооружения древнего человека: **сэ** (меч), **щэ** (стрела), **Іащэ** (оружие, меч). В этой группе:

I. Саусырыкъо, или Сэуэсырыкъо.

II. Сэтэнай.

III. Шэбатыныкъо.

IV. Іащэмэз.

Вторую группу составляют Пэтэрэз и термин «нарт». Они образованы от наименования частей тела: **пэ** (нос), **нэ** (глаз).

На схеме в *первом ряду* стоят компоненты (**са-о**, **сэ**, **щэ**, **Іащэ**, **пэ** и **нэ**), выраженные *существительными с простой и сложной основой*. Следует заметить, что в слове «**са-о**» компонент **о** (уэ) является отглагольным именем действия и указывает на его функцию (профессию). Такие образования в языке адыгов наблюдаются широко:

пщына-о — гармонист,

мэкъуа-о — сенокос,

ша-о — погонщик лошадей.

Во втором ряду — компоненты сыр (стыр), ба (бэ), мэз и тэрэз выполняют функцию определения состояния первых.

В третьем ряду мы имеем компоненты тэн, тын, тэ (или «ты»), как правило, везде со значением «дарить», «дари», т. е. слова, которые выражают щедрость.

В четвертом ряду стоят компоненты ы, ай и вновь ы, являющиеся притяжательными префиксами органической принадлежности, присутствующие только в адыгейском языке.

В пятом ряду дважды представлено кьо — показатель истинно адыгского мужского имени. Оно обозначает в фамилиях «сын».

Таким образом, мы установили, что эти собственные имена центральных героев эпоса «Нарты» и термин «нарт» имеют стройную и строгую внутреннюю систему словосложения, обусловленную законами адыгского языка.

ОЦЕНКА ВЫСКАЗЫВАНИЙ УЧЕНЫХ И ПИСАТЕЛЕЙ XIX И XX ВЕКОВ ОТНОСИТЕЛЬНО ЦЕНТРАЛЬНЫХ ИМЕН ЭПОСА «НАРТЫ» И ТЕРМИНА «НАРТ»

В 1945 году проф. В. И. Абаев высказал мнение о том, что «в наибольшей полноте и богатстве нартowski эпос сохранился у осетин, в меньшей степени — у кабардинцев и черкесов, и, наконец, в самом фрагментарном виде у балкарцев, карачаевцев, абхазов, ингушей и чеченцев»¹. Этого тогда мы не могли сказать потому, что у нас под руками еще не было ни абхазского, ни адыгского, ни осетинского, ни другого издания песен, былин и легенд о нартах, даже и в рукописях, еще не были более или менее полно собраны и систематизированы тексты эпоса. *еще не было* материала для сравнительно-сопоставительного анализа. В Адыгее почти не было квалифицированных национальных кадров, по-настоящему еще не собирался, не изучался фольклор и язык народов в сравнительно-сопоставительном плане. Эти обстоятельства еще не могли породить научно достоверных суждений и обобщений ни об ядре, ни о самом эпосе «Нарты» в целом, так как факты еще не были выявлены.

Раньше, чем у других народов, в Осетии занялись сбором, изучением и публикацией текстов эпоса. Отсутствие квалифицированных кадров фольклористов и литературоведов и у абхазов и у адыгов, с одной стороны, и более раннее появление их у осетин, с другой, породило много односторонних, порою явно ошибочных высказываний относительно эпоса «Нарты». Эти неверные односторонние высказывания (в основном, осетиноведов) в известной степени нашли свое распространение в советской и зарубежной науке, дезинформировали и дезинформируют многих ученых и писателей, интересующихся культурой Кавказа и, в целом, культурой всей страны.

¹ В. Абаев. Нартowski эпос, Дзауджикау, 1945, стр. 7.

В подтверждение нашего замечания можно привести высказывание д-ра Иржи Цейпек с комментариями чехословацкого филолога Вацлова Черны. «Единственный чехословацкий исследователь, который пока высказал свое мнение, придерживается теории об иранском происхождении нартов, — пишет в письме, адресованном автору этих строк, сотрудник Академии наук Чехословакии кавказовед В. Черны. — Но он, по-моему, *одно-сторонне* информирован. Он (д-р Иржи Цейпек. — А. Г.) пишет: «В разных формах перешли нартские сказания и к другим народам Кавказа, но разработки, разнообразия и многочисленности нартских сказаний осетин нигде не достигли» (Jiri Cejpek *franská tvorvost*; V kn. Jan kypka, *Dějtny Perské, ljtteratury*, Прага, 1959)².

Высказывания некоторых поименованных авторов, в особенности осетиноведов, были критически оценены в печати. По мнению В. И. Абаева, после трудов Вс. Миллера «не появилось до последнего времени таких исследований, которые можно было бы расценивать, как существенный шаг вперед в деле разрешения нартской проблемы. Такие работы, как: М. С. Туганов. Кто такие нарты? Изв. Осетинского института краеведения, Владикавказ, 1925, стр. 371—378; М. В. Рклицкий. К вопросу о нартах и нартовских сказаниях. Владикавказ, 1927,—не лишены в отдельных случаях весьма интересных и ценных мыслей и наблюдений. Однако все они в той или иной мере грешат против требований строгого метода и поэтому не убеждают во всем, что касается принципиальных выводов и обобщений... кроме крайне рискованных этимологий, которые мы находим в работах М. Туганова, А. Кубалова, М. Рклицкого и Б. Алборова, мы ничего в сущности не имеем»³.

Эту оценку В. И. Абаева мы разделяем полностью. Но этого недостаточно. Голословны, бездоказательны, а порою надуманы приведенные высказывания А. Грена, Д. Г. Джантиевой, М. Р. Рклицкого, М. Туганова и Б. В. Скитского. Интересны и требуют дальнейшего уточнения, на наш взгляд, наблюдения Нэгумэ Щорэ, Всеволода Миллера, Л. Г. Лопатинского, И. А. Джавахишвили, Алима Кешокова, Бетала Куашева, Шалвы Инал-Ипа, А. К. Хашба. Мы разделяем полностью высказывание проф. Б. Гарданова о том, что древнейшее ядро эпоса «Нарты» связано своим происхождением с аборигенным населением Кавказа.

² Письмо В. Черны от 10/IX 1958. Архив АНИИ, ф. 1, ед. хр. 51, л. 20.

³ В. И. Абаев. О собственных именах нартского эпоса. Изд. АН СССР, М.—Л., 1935 стр. 63—64.

Заметим, в этой работе речь идет о происхождении собственных имен в основном по внешним признакам, а не об их значениях, т. е. —не ставится вопрос: на языке какого народа они впервые были созданы.

Относительно высказываний и концепций проф. В. И. Абаева мы придерживаемся особого мнения. С одной стороны, проблемы эпоса «Нарты»⁴, разработанные и выдвинутые им, весьма ценны для нас, они будят и двигают мысль исследователя. С другой стороны, нам сдается, что высказывания В. И. Абаева относительно ядра эпоса «Нарты», термина «нарт», собственных имен «Сэтэнай — Сатана», «Ацамаз», «Батраз» несостоятельны.

Далее. С одной стороны, постановка им вопроса относительно существования на Кавказе двух основных центров на общей нартской основе, а также его положение относительно национального своеобразия эпоса у каждого народа, при наличии сходных мотивов — что «общего» и что «частного» в нем — заслуживают внимания и уточнения; с другой стороны, его «миграционные прогнозы», его утверждения, будто *нартский эпос — аланский*, с монгольскими влияниями, и будто этот так называемый «аланский» эпос «Нарты» *был принесен на Кавказ предками осетин* и будто, в силу этого, он *не является кавказским* — все эти и подобные им утверждения В. И. Абаева не выдерживают критики.

Не выдерживает критики и то обстоятельство, что В. И. Абаев, как это верно подметил Б. Гарданов, избегает параллелей и экскурсов в область фольклора, языка и быта ближайших соседей осетин — других народов Северного Кавказа, у которых песни, пщынатли и легенды о нартах представлены богато. «Когда же подобного рода сопоставления напрашиваются сами собой, автор упоминает о них вскользь, мимоходом, как о мало интересном и не заслуживающем внимания факте. Зато автор весьма охотно проводит подобного рода параллели и в отношении римлян, греков, древних иранцев, ирландцев, монголов...»⁵.

Поисками «нартов» за пределами Кавказа увлекается немало исследователей. Так, Х. Г. Кармоко ищет Сосрыкъо в долине реки Нила у древних египтян.

Х. Г. Кармоко, желая объяснить значение имени «Сосрыкъуэ», делает экскурс в область мифологии египтян и проводит любопытную аналогию между двумя образами — адыгским **Созырэщ** и египетским **Осирис** (богом воды и растительности). Он полагает, что **соср** есть часть имени Созырэщ: «Сосырыкъуэ — Созырэщ и къуэ (Созырэщыкъуэ)»⁶. Далее автор допускает возможность происхождения адыгского **Созырэщ** от еги-

⁴ Б. Гарданов. «В. Абаев. Нартовский эпос», ж. «Советская этнография», Изд. АН СССР, М.—Л., 1947, 2, стр. 242—248.

⁵ Б. Гарданов. Там же, стр. 245.

⁶ Х. Кармоко. Наше суждение о происхождении имени «Сосрыкъо», «Ошхамахо», № 4, Нальчик, 1963, стр. 102—106.

петского **Осирис**. По его мнению, эти имена — одного и того же божества.

Мы со своей стороны считаем, что эта «египетская пирамида» уважаемого автора чрезмерно искусна и далека от истины. Для объяснения адыгских «Сосырыкъу» («Сэусэрыкъуэ») и «Созырэщ» («Сэузырещ»), на наш взгляд, не следовало ему совершать турне в долину Нила, к древним египтянам, увлекшись фонетической близостью имен Созырэщ, Сосырыкъу, с одной стороны, и Осирис (Озирис), с другой.

Эти имена в наиболее целостной форме встречаются в языке шапсугов-хакучинцев, как Сэузырэщ и Сэуэсырыкъуэ. В верхнеадыгском (кабардинском), согласно внутриадыгским фонетическим законам перехода, они звучат, как Созырэщ и Сосрыкъуэ. Исследователь в данном случае должен был *рассматривать эти имена в исходной их форме*, а не во вторичном видоизмененном виде. Это во-первых. Во-вторых, ему не следовало брать за основу сообщения русского военного историка Н. Дубровина (как это делает наш автор), который, в свою очередь, довольствовался пересказом сведений, взятых к тому времени из опубликованных книг, вместо того, чтобы обратиться к самому народу, к его знатокам мифологии адыгов.

Народные сказители Причерноморской Шапсугии 117-летний Кобле Пэкож (Кобл Пэкожь) и 90-летний Хагур Наныу (Хьагъур Наныу) свидетельствовали, что Сэузырэщ (Сэузырэщ) у адыгов считался покровителем всадников, находящихся в походе. Функция этого героя адыгской мифологии нарицательно соответствует значению его собственного имени, образованного от адыгского существительного «сэуэ» — сабельник, воин, юноша (буквально сэ — меч, сабля; уэ — бить, бьющий) и зэрэщ (шапсугское зэрэщ) — водитель, тот, кто сопровождает, т. е. в целом «Сэуэзырэщ» — по-адыгски буквально означает «Сабельников водитель», в смысле «покровитель воинов», «покровитель всадников».

Стоило ли Х. Г. Кармоко отрывать от родной почвы и искать адыгское имя Созырэщ в долине реки Нила у древних римлян? Конечно, нет. Прав Х. Г. Кармоко, когда он видит в адыгских именах Созырэщ и Сосрыкъу общее Соср, хотя он берет их не в первичной исходной форме «Сэуэсыр», о значении которой мы говорим в главе десятой нашей работы.

А. К. Шагиров, как бы полемизируя с В. И. Абаевым относительно происхождения термина «нарт», считающим это слово монголо-осетинским, пишет: «... в первой части данного слова правильнее видеть индоиранское **нар** (см.: санскритское **нара** — «герой», авестийское **нар** — «воин», «рыцарь»)), — и отсылает читателя к книгам В. А. Кочергиной и Н. Reichelt⁷.

⁷ А. К. Шагиров. Очерки по сравнительной лексикологии адыгских языков, Нальчик, 1962, стр. 5.

В данном случае автор строит свое суждение на основании сходных по значению слов, обнаруженных им в разных книгах: в работе В. А. Кочергиной «Начальный курс санскрита» (М., 1956, стр. 166) и Н. Peichelt. *Awestisches Elementarbuch*, Heidelberg, 1909, стр. 469), не вникая в родной язык и фольклор, в котором это слово бытует, в историю народа, обладателя эпоса «Нарты», и его язык, на котором сложены многочисленные песни, пщынатли и легенды о нартских богатырях, т. е. весь адыгский эпос.

К сожалению, этот недостаток наблюдается и у некоторых других исследователей.

При объяснении значения личных имен народного эпоса исследователь должен быть чрезвычайно осмотрителен, так как случайные фонетические явления, наблюдаемые в других языках, могут сбить его с верного пути. В языке разных народов, живущих даже на разных континентах, встречаются имена и словосочетания, которые могут показаться искомыми.

Приведем несколько фактов.

Первый. В якутском эпосе «Олонхо» имеется персонаж рабтабунщик Сорук⁸. Это слово внешне напоминает адыгское «Сосрук». Известно, что в дореволюционных публикациях имя богатыря Сосрукъо, из адыгского эпоса «Нарты», часто встречается и как «Сосрук». Имея это в виду, «Сосрук» может быть отождествлен с «Сорук», так как, во-первых, при слуховом восприятии выпадение отдельных звуков признается естественным и, во-вторых, эти имена типологически сходны. Более того, их носят *богатыри народного эпоса*. В-третьих, если Сорук якутский — *табунищик*, то Сосрук адыгский, судя по легендам, — *сын пастуха*. Опять-таки и здесь мы имеем некоторую общность. Но, спрашивается, можем мы утверждать, что адыгское «Сосрук» есть якутское «Сорук», или, наоборот: якутское «Сорук» есть адыгское «Сосрук»?..

Кстати сказать, по данным писателей Монголии Донрава Намбага и Боха Бааста, обучавшихся на Высших литературных двухгодичных курсах при Литературном институте имени А. М. Горького в Москве в 1962—1964 годах, «в монгольском фольклоре не только нет легенд о нартах, вообще в самом языке народа вовсе отсутствует термин «нарт»⁹.

Второй факт. Как известно, в китайском языке встречаются такие сочетания в именах, как «Лю си чан». По данным адыгского языка, китайское «Лю си чан» дает ладно сложенное целое предложение. Китайское «Лю си чан» по-адыгски означает:

Лю—имя мужское,

⁸ См. об этом: И. В. Пухов. Якутский героический эпос «Олонхо», Изд. АН СССР, М., 1962, стр. 203—209.

⁹ Беседа Х. А. Ашинова с монгольскими писателями 20/V 1964. Архив АНИИ, ф. 1, ед. хр. 51, д. 18.

си — притяжательное местоимение,

чан — проворный, активный.

Любой *адыг*, мало-мальски знающий свой язык, пояснит, что «Лю си чан» — «Лю мой проворный», но верно ли это? Приведет ли такой подход к объяснению генезиса имен, к научно достоверным выводам?.. Конечно, нет.

В продолжение перечня подобных «аргументов», выхваченных из разных словарей (языков), мы могли бы привести еще множество фактов, свидетельствующих о том, что в разных языках могут быть **услышаны** слова одинакового звучания. Для наглядности покажем несколько примеров.

1. **Шыу:** а) в адыгском языке и эпосе — **всадник**. — личное мужское **имя нарта**;

б) в южновьетнамском языке — личное мужское имя. Спрашивается, все «Шыу» — только южновьетнамское или адыгское?..

2. **Белидж (Бэлыдж):**

а) в адыгском языке — **редька**;

б) в Дагестане — **Белиджи** — название населенного пункта.

3. **Тарелка:** а) в балкарском языке — **табак**, травянистое растение из семейства пасленовых;

б) в русском языке — **посуда**, круглой формы, с приподнятыми краями и широким плоским дном (для супа и борща).

4. **Псы:** а) в адыгских языках — **вода**;

б) в русском языке — **собаки**.

5. **Макао (Мэкъуао):** а) в адыгских языках — собственное имя мужчин со значением «**сенокос**»; б) в географической литературе — **название полуострова и города**.

6. **Ара:** а) в адыгском языке — вопросительная частица со значением «да?»; б) в грузинском языке — отрицательная частица со значением «**не**», «**нет**».

7. **Хьурдэ (-а):** а) в адыгских языках — имя нарицательное со значением «**крупный**»; б) в грузинском языке — имя нарицательное со значением «**мелочь**».

8. **Баба, бабаи:** а) в грузинском языке — **отец**;

б) в русском языке — **старушка**.

9. **Туман:** а) в турецком языке — **десятирублевка**;

б) в русском языке — **непросматриваемый воздух, насыщенный парами влаги**.

10. **Нарты, нарт:** а) в языке адыгов — **богатыри и наименование эпоса**;

б) в языке народов Севера — **сани для езды на собаках и оленях**.

Эти имена, почти одинаковые и по звучанию, и по типологии, складывались самостоятельно у каждого народа. Они, разумеется, научно объяснимы только на том языке, на котором впервые складывались.

Нельзя трактовать адыгское слово ни по-русски, ни по-татарски, ни по-грузински. Подобные «эксперименты» могут завести исследователя в заблуждение.

Нам кажется, что если бы их исследователь не игнорировал язык и фольклор древних народов Кавказа, то он, возможно, нашел бы «ключ» к собственным именам ядра эпоса «Нарты» и установил бы, на языке какого народа они были впервые созданы.

Приведенные выше высказывания ученых и писателей XIX и XX веков относительно собственных имен ядра эпоса «Нарты» и термина «нарт», относительно самого ядра и всего эпоса, и их беглый обзор показывают, что В. И. Абаев и авторы, разделяющие его точку зрения, полагают, будто этот эпос — скифско-аланский, принесенный предками осетин на Кавказ, т. е. будто он не кавказский и, стало быть, чужеземны собственные имена ядра эпоса, в силу этого нельзя раскрыть и объяснить их ни на одном из кавказских языков. Эти исследователи, придерживавшиеся теории миграции, пытались отрицать наличие национального эпоса на Кавказе. Они, как правило, явления эпоса брали и рассматривали оторвано от жизни, языка и фольклора народов Кавказа, без учета исторической среды, фактически породившей их. Эти ученые и писатели строили свои высказывания *на предположениях, а не на основе анализа фактов*.

Некоторые авторы, видя аналогичные сюжеты в легендах о нартах у абхазов, осетин, адыгов и других народов, живущих на Кавказе, проявляют склонность именовать эпос каждого народа «вариантом» эпоса «Нарты». Такое наименование было бы явлением, не выражающим самобытность и автономность нартского эпоса у каждого из этих народов. Несомненно одно, что песни и пщынатли, являющиеся, на наш взгляд, наиболее древними и потому наиболее архаическими, сперва были созданы одним из этих народов. Эти песни и пщынатли затем явились тем «ядром», вокруг которого формировались легенды, циклы и весь эпос. Заимствовав сюжеты песен и пщынатлей у первосоздателя ядра, приемники творчески преломили их к своим географическим, этнографическим и прочим условиям жизни и быта. И не только это. На базе уже заимствованных сюжетов они сами создали совершенно новые, национально самобытные легенды о богатырях со своими новыми именами и новыми сюжетами. Спрашивается, целесообразно ли при этих конкретных условиях утверждать именовать эпос каждого народа — адыгов, осетин, абхазов и других — «вариантом» нартского эпоса? Разумеется, нет.

Все высказывания, приведенные нами выше относительно генезиса эпоса «Нарты», а также частных его вопросов, представляют большой интерес для исследователя. Они в известной степени представляли «опыт», результат долгих поисков ученых и писателей. И, надо сказать, были полезны в целом высказывания Ш. Б. Ногмова, Л. Лопатинского, А. К. Хашба, Б. Куашева, И. В. Трескова, В. И. Абаева и других.

Иногда исследователи высказывали правильные, на наш взгляд, предположения, но они не были подтверждены соответствующими научно достоверными фактами.

Был близок к цели Ш. Б. Ногмов, говоря о термине «нарт». Он верно пояснил значение первого его компонента, хотя и в целом дал ошибочное объяснение.

Замечание Л. А. Лопатинского относительно того, что слово «Ашемез» — адыгское (**Іашэ** — оружие), но не «вооруженный», **мэз** — буквально: лес, лесной — верно. Ошибка автора заключается в том, что он, правильно трактуя факт, не дает ему правильного объяснения в целом. Это имя нарта, как мы объяснили выше, по-адыгски означает «меч дикий» или «оружие дикое» (в смысле «бесстрашный»), но не «лесной витязь».

Ш. Д. Инал-Ипа, А. П. Кешоков, И. А. Джавахишвили, Б. Куашев высказали несомненно верную мысль о том, что по-адыгски «кьо» означает «сын», но они здесь не досказали мысль о том, что в именах (а не в фамилиях) они выступают как показатели мужских имен (в смысле: мальчик, юноша).

Б. Куашев верно передал значение второго компонента имени «Пэтэрэз» (**тэрэз** — правильный). Ошибка исследователя выразилась в том, что он это имя в целом взял не в исходной древнеадыгской полной форме, как «Пэтэрэз».

Утверждение В. И. Абаева о том, что «форма Созырыко в осетинском несомненный вклад из адыгейского», — верно.

Ш. Х. Салакая в своей работе «Абхазский народный героический эпос», изданной в Тбилиси в 1966 году, касаясь генетической принадлежности личного имени нарта Саусырыкьо (кабардинское Сосрыко, абх. Сасрыкьюа), констатирует факт отсутствия в абхазо-адыгской среде нового варианта имени «Сослан». Это имя, чуждое адыгско-абхазскому героическому эпосу «Нарты», в осетинской среде сосуществует с Сосрыко (Созрыко). Исследователь полагает, что «имя нартского героя оформилось первоначально в абхазо-адыгской среде в виде «Саусырыкьюа» — «Сасрыква» («Сосрыко»), а затем, в процессе заимствования из данной среды в сармато-аланскую, герой, в силу большой популярности, с одной стороны, сохранил древнейшее свое имя, но,

наряду с этим, с другой стороны, имя его подвергалось незначительной обработке, выразившейся в замене абхазо-адыгского патронимического форманта осетинским, при этом корень слова остался неизбылемым, если не говорить о некоторых фонетических процессах (замена «р» через «л»: Соср—Сосл)» (стр. 80).

Языковед М. А. Кумахов подвергает верному лингвистическому анализу исходную форму имени *Сэуэсырыкъуэ*, наблюдаемую в живом шапсугско-хакучинском диалекте адыгского языка. Автор убедительно опроверг существующую ошибочную точку зрения, будто имя *Сослан* считается исходной формой для *Сосрыкъуэ*.

Таким образом, становится очевидным, что имя Сосрыкъо, Созрыкъо от адыгов попало к осетинам из кабардинской языковой среды¹⁰.

А. К. Хашба правильно указал, что в слове «Сасрыкъуа» компонент «сыр» от адыгского слова **сыр** (стыр) — «горячий». Остальные компоненты (за исключением **къо** — сын) автор толкует ошибочно; его утверждение, будто «термин в целом означает «сын солнца», то же, что в абхазском «Абырскил», к сожалению, — неверно.

На остальные высказывания ученых и писателей мы дали свою оценку косвенно при рассмотрении соответствующих вопросов эпоса «Нарты».

Мы полагаем, что в более или менее большую ошибку впали некоторые осетинские ученые и писатели, давшие ошибочное толкование и неверное направление в изучении эпоса «Нарты», как чужеземного. В частности, В. И. Абаев и некоторые исследователи утверждали, как было отмечено нами выше, будто ядро эпоса «Нарты» — аланское и собственные имена нарттов и сам термин «нарт», *возможно*, монгольского (?), *возможно*, иранского (?), *возможно*, аланского (?) происхождения. Они не допускали возможности того, что этот эпос является кавказским. Они писали, будто эпос «Нарты» чужеземен, и, стало быть, чужеземны собственные имена центральных героев ядра этого эпоса и их нельзя ни раскрыть, ни объяснить ни на одном из кавказских языков.

Некоторые авторы, основываясь на данных эпоса, полагают, что наличие в нем матриархальных черт — прямое, почти единственно надежное свидетельство древности «Нарттов». Не все исследователи могут согласиться с таким абсолютным утверждением.

¹⁰ М. А. Кумахов. О соотношении Сосрыко и Сослан, УЗ АНИИ, том V, Краснодар—Майкоп, 1966, стр. 61—65.

Так, в своей работе «Изучение нартского эпоса и археология» проф. Е. И. Крупнов отмечает, что «по данным археологии, матриликальные общества существовали на Северном Кавказе в неолитическую эпоху (т. е. в IV в. до начала III тыс. до н. э.); поэтому судить о соответствующей эпохе по данным эпоса весьма затруднительно. Сами сказания о нартах, кроме уже упомянутых признаков, не содержат никаких других данных, которые можно было бы приурочить к столь отдаленному времени. Поэтому все элементы, содержащиеся в нартском эпосе и указывающие на матриархат, на наш взгляд, являются не чем иным, как глубокими, но пережиточными признаками, сохранившимися до более позднего периода, а кое в каких формах почти до современности. Подлинных элементов матриархата так мало, что они не могут составлять основу нартского эпоса, являясь в нем лишь пережиточными явлениями.

По существу, это признается почти всеми современными исследователями, — как справедливо и убедительно далее замечает проф. Е. И. Крупнов, — в том числе известным знатоком генезиса героического эпоса Е. М. Мелетинским, который тем не менее, преувеличивая значение матриликальных пережитков у сарматов и переоценивая историко-культурную роль этнически родственных им алан, даже сложение «древних циклов нартского эпоса» на Северном Кавказе приписывает «аланскому союзу» (I тыс. н. э.). Таким образом, мощная местная не ираноязычная, по Мелетинскому, среда оказывается творчески бесплодной и является лишь питательной средой, в которой пышным цветом расцвели занесенные иранскими племенами — скифами, сарматами и особенно аланами — знаменитые нартские сказания (подч. мной. — А. Г.). Но ведь нартский эпос, причем в наиболее архаичных формах, бытовал у таких кавказских горцев, как ингуши и чеченцы, не говоря уж об абхазцах, связь которых с аланскими племенами была наименее возможной»¹¹.

Е. И. Крупнов в этой же работе (стр. 34), развивая свою мысль, пишет, что нартский эпос возник и развивался в таких районах Северного и Западного Кавказа, где ныне проживают чеченцы, ингуши, адыги, абазинцы и абхазцы, принадлежащие к кавказской языковой семье, отличной от всех языковых систем мира. «Здесь, — подчеркивает автор, — сознательно не упомянуты проживающие на северном склоне Центрального Кавказа ираноязычные осетины и тюркоязычные балкарцы и карачаевцы, представляющие один и тот же единый, так называемый «кавказнонижний» антропологический тип, как и все адыги и вейнахи. И наличие у них, в особенности у осетин, развитых циклов нартского эпоса для меня служит одним из доказательств их сугубо

¹¹ Е. И. Крупнов. Изучение нартского эпоса и археология, «Археолого-этнографический сборник». Грозный, 1966, стр. 33.

местного, а не пришлого происхождения; только на протяжении столетий они сменили свой язык: одни племена на иранский, другие на тюркский» (подч. мной — А. Г.).

Тезис ученого о том, будто осетины «не пришлого происхождения», а являются «сугубо местными», т. е. аборигенами Кавказа, в основном построенный на том, что у них наличествуют «развитые циклы» эпоса «Нарты», на наш взгляд, не выдерживает критики. Тезис этот выглядел бы убедительным, если бы его автор пояснил, каким образом и от какого кавказского народа осетины восприняли иранский язык.

Проф. Е. И. Крупнов безусловно прав, когда он говорит, что **нартский эпос возник и развивался именно на Кавказе**, т. е. ни аланы, ни монголы и никакой другой народ-чужестранец не занес его сюда и, стало быть, не мог распространить песен и легенд о нартах среди многочисленных народов Кавказа. Это же высказывание косвенно подтверждает ошибочность существующего в науке направления об «алано-осетинском» или «монгольском» происхождении героического эпоса «Нарты». Следовательно, автор солидарен с нами в утверждении того, что **народный эпос «Нарты» — кавказский по своему происхождению.**

Сторонники теории «алано-осетинского» происхождения нартского эпоса безапелляционно заявили, будто основа нартских сказаний перенесена на Кавказ предками осетин, будто «сами осетины-аланы... заимствовали некоторые эпические сюжеты, а также имена героев, у монгольских племен, с которыми тесно общались в XIII—XIV вв., а возможно и раньше» (В. Абаев. Нартовский эпос, стр. 8). Не задерживая свое внимание на несуразицах, содержащихся в этом заявлении (отождествление алан и осетин (?), их прямая преемственная связь (?), заимствование сюжетов у монголов (?) и пр.), хочется поставить вопрос: а есть ли вообще за пределами Кавказа какой-либо народ, хотя бы и монголы, среди которого бытовал бы эпос «Нарты»?

Оказывается, нет. Не было в прошлом и нет в настоящем и у монголов народного эпоса «Нарты», как это было подтверждено высказываниями двух писателей Монголии¹².

От какого же некавказского народа тогда алано-осетины смогли воспринять сказания эпоса о нартах? Возможно, от родственных им народов индоевропейской семьи — иранской группы (персов, афганцев, таджиков) или народов алтайской семьи — тюркской группы (азербайджанцев, туркмен, узбеков)?..

Наши настоятельные запросы, адресованные Академиям наук многих стран и народов, как и следовало ожидать, не дали положительных ответов.

¹² См. об этом стр. 213 и сноску 9.

Так, в частности, заведующий сектором фольклора и литературы Института языка и литературы им. Рудаки Академии наук Таджикистана Р. Амонов 14 октября 1966 года написал из Душанбе:

«В ответ на ваше письмо от 30 сентября сообщаем, что среди таджиков песни и легенды народного героического эпоса «Нарты» пока не обнаружены».

Можно привести и второе письмо от 27 октября 1966 года из Академии наук Узбекской ССР.

«На Ваш 201 от 21.X — 1966 г. Как мне сообщили ведущие фольклористы Узбекистана, песни и легенды героического эпоса «Нарты» не бытуют среди узбекского народа.

Узбеки с эпосом «Нарты» ознакомились после широкой публикации различных версий «Нарты» за годы Советской власти.

Директор ИЯЛ — К. Х. Ханазаров¹³.

Таковы факты, свидетельствующие о несостоятельности версии «алано-осетинского» происхождения народного героического эпоса «Нарты».

Таковы факты, говорящие о том, что героический эпос «Нарты» — кавказский и по своему бытованию. Он бытует только среди народов, живущих на Кавказе¹⁴, где он зародился, нашел свое творческое развитие и распространение.

За последнее столетие нартоведение значительно шагнуло вперед. В настоящее время, когда уже накопилось большое количество исследований по эпосу «Нарты» у разных народов, живущих на Кавказе, когда уже имеются работы Ш. Инал-Ипа, Ш. Салакая, А. Аншба и других по абхазским нартам, когда уже опубликованы труды Вс. Миллера, В. Абаева и других по осетинским нартским сказаниям, когда уже мы имеем статьи и очерки Л. Лопатинского, Т. Керашева, Д. Костанова, Х. Теунова, А. Шортанова и других по адыгскому героическому эпосу «Нарты», стало возможным сделать обобщения и выводы по этому эпосу.

¹³ Письма хранятся в АНИИ.

¹⁴ Разумеется, в это понятие мы не включаем кавказцев, эмигрировавших в другие страны Ближнего Востока.

ДВИЖЕНИЕ И ЖИЗНЬ ИМЕН ЦЕНТРАЛЬНЫХ ГЕРОЕВ ЭПОСА «НАРТЫ» В ФОЛЬКЛОРЕ АДЫГОВ И ИХ СОСЕДЕЙ

Теперь мы проследим развитие имен центральных героев эпоса «Нарты».

Адыгские собственные имена ядра эпоса «Нарты» и термин «нарт» в своем живом устном бытовании в легендах перешли к народам Кавказа; при этом остались: *имена — общими, герои-богатыри — однотипными, сюжеты одинаковыми*, с почти одними и теми же элементами, но в своеобразной орнаментации, в силу отличительных фольклорных традиций и национальных особенностей каждого народа. Эти явления, в основном, объясняются результатом их многовекового соседства, широкого постоянного общения, культурного обмена, совместных походов и воинских завоеваний и, наконец, языкового контакта.

Некоторые исследователи очень болезненно воспринимают открытие новых фактов, опровергающих то, что они «предполагали», или показывающих, что народ, к которому он по своей национальности принадлежит, как выясняется, заимствовал родные ему элементы у своего соседа. Эти факты, говорящие о том, что соседние народы выработали общую культуру, заимствуя друг у друга близкие им элементы культуры, не должны разочаровывать исследователя, наоборот, он должен радоваться, он на верном пути — народы никогда не жили изолированно друг от друга.

Советский ученый проф. Г. С. Ч и т а я, подытоживая итоги «Адыгейской экспедиции», проведенной Институтом истории Академии наук Грузинской ССР летом 1957 года в Причерноморской и Прикубанской Шапсугии, отметил поразительное единство общекавказской культуры. «Адыгейская» экспедиция, — пишет проф. Г. С. Читая, — выявила, что народная культура шапсугов имеет ярко выраженные самобытные черты. Вместе с тем она проявляет глубокие связи как с общекавказской культурой, так и, в частности, с культурой юго-запад-

ного побережья Черного моря, т. е. с Колхидой (система земледелия, пахотные орудия, песенное творчество и др.)»¹.

Нельзя бояться общности культур и духовной близости народов, опасаясь, «как бы это не пахло заимствованием». К сожалению, такая тенденция имеется в работах некоторых авторов.

Так, С. Л. Зухба в своей работе, посвященной *общим* мотивам и сюжетам *древнего* героического эпоса о нартах и волшебной сказки (по материалам абхазского фольклора), говорит о терминах «анныже» и «адау», означающих и по-адыгски, и по-абхазски «великан». Казалось бы, здесь необходимо подчеркнуть эту общность. Однако автор проходит мимо этих фактов. Он пишет: «В современном абхазском языке наиболее распространен «адау», поэтому мы пользуемся этим термином»².

Спрашивается, целесообразно ли ориентироваться на *современные* термины языка абхазов, говоря о *древнем эпосе*, чтобы пояснить исторически складывавшиеся общности?

Такой неисторический подход может привести автора к ошибочным выводам.

Сравнительно-сопоставительный анализ адыгских, убыхских и абазино-абхазских текстов дает ценные результаты.

Как установила Хутыз Разиет (переводчица французского языка), из 2551 убыхского слова, представленного в книге Ганса Фогта «Словарь убыхского языка» (Осло, 1963), сходных по звучанию и значению с адыгскими, однокоренных и заимствованных оказалось 265 слов, т. е. более 10%. Таковы, в частности, некоторые из них:

Убыхское:	Адыгейское:	Значение:
абзах	абдзах	абдзах
адыга	адыгэ	адыг, черкес
альмыкъ	Іальмэкъ	сумка
бахъуа	бахъу	широкий
баджа	баджэ	лиса
пхъакІыкъ	пхъэкІыкъ (шапс)	деревянные трещотки
бзылъфыгъа	бзылъфыгъ	женщина
лъапад	лъэпэд	чулки
нанау	нэнау	ребенок
нарыплъа	нэрыплъ (шапс),	очки
ныбжьы	ныбжьы	возраст
тхъурба	тхъурбэ	пена
хъупхъа	хъупхъэ	молодец

¹ Тезисы докладов по этнографии. Изд. АН СССР, М., 1958, стр. 19.

² С. Л. Зухба. Некоторые общие мотивы и сюжеты героического эпоса о нартах и волшебной сказки (по материалам абхазского фольклора). «Научная конференция молодых научных работников», том XIV, Тбилиси, 1964, стр. 179.

Согласно примечаниям Г. Фогта, сделанным им к текстам, убухи ясно отличают легенды о нартах от обычных историй и, когда рассказывают, ссылаются на источник (кто им рассказал, от кого они слышали). Имена нартов они произносят по-адыгски, делая ударение, как правило, на последний слог.

Для иллюстрации степени лексического родства абхазско-абазинско-адыгских языков мы, с помощью Экба Назира Бекмурзовича, 6 июня 1964г. в Майкопе сделали небольшой лингвистический эксперимент: произвели пересказ одностороннего адыго-беслинейского текста Мэремыко Харуна легенды «Соусырыкъо икъэхъукIэ» (90 слов)³ на щкаруовский диалект абхазо-абазинского языка. Сравнительно-сопоставительный анализ текстов «Соусырыкъо икъэхъукIэ» и «Сасырыкъуа йарира» показал, что в них мы имеем четырнадцать общих терминов и понятий: *Сасырыкъца*, *Сэтэнай*, *гуаща*, *Псыжъ*, *хъэ-хъай*, *нэпсы ари*, *гъюны (унэ)*, *амдз (мазэ)*, *апIалъэ*, *Лъэпшъ*, *сэби (саби)*, *пырIабэ*, *анэпкъа*.

Не следует бояться заимствований.

Относительно заимствования уместно, кстати, здесь вспомнить слова А. М. Горького. Он говорил: «Заимствование — не всегда искажение, иногда оно дополняет к хорошему лучшее... Процесс заимствования и дополнения древних сказок особенно-стями быта каждой расы, науки, каждого класса играл значительнейшую роль в развитии культуры разума и народного творчества»⁴.

На основании анализа имен центральных героев эпоса «Нарты» мы пришли к выводу, что «Сэтэнай», «Саусырыкъо», «Шэбатыныкъо», «Пэтэрэз», «Iашэмэз» и термин «нарт» — адыгские. Бытование этих имен мы изобразили на таблицах, рассмотрение которых зрительно поможет увидеть их жизнь в фольклоре наших соседей — народов, живущих на Кавказе.

Таблица 1

На этой таблице мы иллюстрируем формы бытования собственных имен адыгского эпоса «Нарты» и их произносительные вариации у других народов, живущих на Кавказе, и убухов, находящихся в Анатолии (см. приложение).

Перечень неполный. В адыгских песнях, пщынатлях и легендах о нартах встречается более 100 имен.

На этой таблице мы не указали некоторых народов, у которых, хотя и фрагментарно, но все же бытуют легенды о нартах.

³ Нартхэр. Том II, № 101; эти тексты даются на стр. 285—286.

⁴ М. Горький. О сказках — «книга тысячи и одной ночи». Соч., т. I. стр. X—XI.

В частности, на этой таблице нет сванов, а у них зарегистрирована легенда о Сосрукве еще в 20-х годах.

Так, 3 августа 1923 года Себи Гулендани со слов А. Хергиани в Сванетии Грузии записал текст легенды «Сосрукв». Проф. А. Шанидзе и В. Топурия опубликовали этот текст с соответствующей научной аппаратурой в книге «Сванские прозаические тексты. I. Верхнебальское наречие» (Тбилиси, 1939, стр. 394—395).

По нашей просьбе 27 апреля 1965 года проф. А. Г. Шанидзе перевел на русский язык и прислал его нам*.

Сванская легенда о Сосрукве представляет собой значительный интерес для науки нартоведения. В устах свана-сказителя легенда о нарте Сосрукве получила национальную окраску и своеобразное оформление. Легенда начинается с зачина: «Здесь есть благословенный и Сосрукв», чего мы обычно не наблюдали у других народов.

Эта особенность, видимо, продиктована природой сванских народных произведений. Обычное начало сванских сказок, — по словам проф. А. Г. Шанидзе, — «да будешь благословен», «да будем благословены», «да будете благословены», «да благословит тебя (вас, нас) бог» — в условиях Сванетии, оказывается, нашло свое влияние и на легенды о нартах.

В сванском тексте «Сосрукв» говорится о том, как отец отвез поворожденного к Солому-богу, который «высушил» все его тело, за исключением «коленных чашечек». Позже, повествуется в легенде, произошла ссора между Сосруквом и нартами. Рассерженные витязи пустили на него жернов и им отбили коленные чашечки у Сосруква. Далее сказитель упоминает волка, ворона и перепела, которым Сосрукв предлагает испить свою кровь. Все отказываются, за исключением ворона, которого Сосрукв проклял...

В сванском тексте «Сосрукв» сохранилось относительно немало деталей (личное имя нарта, затем жернов и названия отдельных животных и птиц).

Исследование сванских текстов о нартских богатырях открывает новые страницы героического эпоса «Нарты».

Каждый народ, заимствуя адыгские легенды и сюжеты песенных текстов с относящимися к ним именами, творчески обогащал их, придав им свой национальный облик, связав их с местной топонимикой. Более того, распространил свое мировоззрение на эти легенды, придав им новые своеобразные мотивы и толкования; ввел новые имена персонажей. Например, помимо общих с адыгами нартских имен, абхазы и осетины имеют еще много имен, встречающихся в их фольклоре о нартах. Таковы у абхазов:

* Мы сочли бы приятным долгом выразить глубокую признательность академику А. Г. Шанидзе за этот труд и внимание. — А. Г.

«Цвицв», «Шьаруан», «Хноу», «Башныху», «Ампар», «Куанацхир», «Гутака», «Хьабжин», «Нарт Кун», «Зылха».

Помимо общих с адыгами и другими народами Кавказа, осетинские прозаические тексты о нартах знают еще несколько имен. Таковы: «Дзерасса», «Кадзиевская Шъэтана», «Крым-Султан», «Сослан».

Следует заметить, что из этих дополнительных имен ни одно не вошло в число центральных героев эпоса «Нарты», и они, по всей вероятности, «приращены» к нартам сравнительно недавно.

На этой таблице видно, что:

во-первых, наиболее полное и многообразное бытование имен эпоса «Нарты» наблюдается у адыгов;

во-вторых, все имена центральных героев, вокруг которых строятся циклы, проходят у всех народов, что обуславливает состав основных имен ядра всего эпоса «Нарты»;

в-третьих, чем дальше имена нартов уходят от адыгов, тем менее становятся они известными.

Здесь уместно вспомнить адыгское изречение: «Орэдыр нахь чыхьзэ ІукІы кьэси нахьыбэ хэкІудыкІы» — «чем дальше песня уходит, тем больше она теряет».

Эту особенность бытования эпоса на Кавказе верно подметила У. Б. Далгат. «По мере продвижения нартского эпоса на юг Северного Кавказа, — пишет исследователь, — наблюдается постепенное затухание, забвение нартского эпоса, который теряет свой песенный строй и сказочный характер и превращается в своеобразные сказания о нартах (у плоскостных чеченцев, ингушей), в какой-то мере еще сохраняющих генеалогический характер эпоса.

Приближаясь к границам Дагестана, — говорит далее автор, — нартские сказания теряют свою традиционную специфику. Они продолжают бытовать у кумыков в форме героических и эпических песен — иров и в виде волшебных и авантюрных сказок. В нагорном Дагестане нартский эпос перерождается в сказки, и это на героев нартских сказаний накладывает отпечаток, меняющий самую сущность облика нартов. Рассмотренный материал свидетельствует, что нартский эпос создавался за пределами Дагестана»⁵.

Эти наблюдения У. Б. Далгат могут быть поставлены, пожалуй, как резюме под нашей таблицей 1.

Таблица 2

В эту таблицу мы заключили имена центральных героев ядра эпоса «Нарты» для того, чтобы зрительно проследить их координаты и формы бытования у наших соседей — абхазов и осетин.

⁵ У. Б. Далгат. К вопросу о нартском эпосе у народов Дагестана, сб. «Нартский эпос», Орджоникидзе, 1957, стр. 174.

Формы бытования имен ядра эпоса «Нарты» и термина «нарт»
среди адыгов и их соседей — абхазов и осетин

АДЫГИ (Адыгея, Кабарда, Черкесия, Причерноморская Шапсугия)	АБХАЗЫ (соседи причерно- морских адыгов- хакушинцев)	ОСЕТИНЫ (соседи адыгов — кабардинцев)
СЭТЭНАЙ по-хакушински: Сэтэнай- гуашэ по-кабардински: Сэтэней	Сэтэни-гуаша	Шьэтэна
ШЭБАТЫНЫКЪО по-хакушински: Нат Шэба- тыныкъо по-шапсугски: Нат Щэба- тыныкъо по-кабардински: Бэдынокъо	На-Шбатаква (-къуа)	Бэдэн, Бэдэнэг
НАРТ, НАТ	Нарт	Нарт
САУСЫРЫКЪО по-хакушински: Саусырыкъо Саосырыкъо по-кабардински: Сосырыкъо	Сасрыква (-къуа)	Шьожъырыкъо Созрыкъо, Сосырыкъо ¹
ПЭТЭРЭЗ по-хакушински: Пэтэрэз по-кабардински: Бэтэрэз Батраз	Патраз	Батражь Батраз
ІАЩЭМЭЗ ІАШЭМЭЗ КЯТЭУЭН (нариц. шапсугское)	Кятауан, Кетауан	Ацэмэжь (ирон.) Ацэмэз (диг.)

¹ Г. Шанаев это имя засвидетельствовал у осетин еще в XIX веке как «Сосрыко» и «Сосырыко» (Сб. сведений о кавказских горцах, Тифлис, 1871, вып. V; этот же сборник, вып. VII).

1. Имя «Сэтэнай», или — с ласкательно-возвеличительным словом «гуащэ» (хозяйка) — Сэтэнай-гуащэ *абхазы произносят так, как и их соседи* и ближайшие родственники (по происхождению и языку) *адыги-хакучинцы*.

Заметим, что так называемые «ласкательно-возвеличительные» слова «гуащэ» (хозяйка), «пицы» (хозяин, б. м. старейший, главный), «дахэ» (красавица, красивый) и другие при заимствованиях либо воспринимаются прямо, либо калькой, т. е. путем перевода их значения.

Например:

Адыгское — Сэтэнай-гуащэ.

Абхазское — Сэтэни-гуаща,

Карачаевское — Сэтэнай-бийче,

Чеченское — Сэтий-хъан.

Заметим: абхазы, которые имеют в своем лексиконе «гуащэ» — «гуаща» (ср.: адыгское «унэ гуащэ», абхазско-абазинское «аюнэ гуаща» — домашняя хозяйка) оставили при этом личном имени ласкательное «гуащэ», а другие народы дали калькой свое соответствие (ср.: карачаевское «Сэтэнай-бийче», чеченское «Сэтий-хъан»).

Эта тенденция прибавления ласкательного «хъан» к женским (и только к женским) именам наблюдается широко у адыгов и в наши дни. Таковы, например:

Гощэ-хъан (хозяйка-хъан),

Кыщ-хъан (кузня-хъан),

Дышьэ-хъан (золото-хъан).

Известно, что не всегда адыгские звуки соответствуют звукам языка соседей и при этом недостающие звуки в заимствующем языке, как правило, заменяются существующими в этом языке похожими звуками или же создаются компромиссы⁶, допускаются усечения и выпадения гласных.

Так, адыгское «Сэтэнай» (кабардинское Сэтэней) осетины восприняли в усеченном виде в конце слова, как «Шъэтэна», — отпал «-й», чуждый, видимо, природе имен народа. Далее, следуя законам звукового соответствия, имя «Сэтэнай» осетинами воспринято как «Шъэтана» — «с» перешел в «шъ».

А не могло ли случиться наоборот: может быть «Шъэтана» воспринята адыгами как «Сэтэнай»?

Нет. Этого не могло случиться, так как в адыгском языке имеются полные звуковые соответствия — есть и «с», и «шъ». Таким образом, если это имя поступило бы в язык адыгов как «Шъэтана», они его восприняли и произносили бы так же.

То, что это имя — символ эпоса «Нарты» — не «Шъэтана», а «Сэтэнай» — может подтвердить такой факт: у всех народов

⁶ См. об этом: В. П и з а н и. Этимология, ИИЛ, М., 1956.

Кавказа оно проходит только как Сэтэнай, Сэтэни, Сэти (см. таблицу 1). Следовательно, обратного явления мы не наблюдаем.

2. **Нарт Шэбэтаныкьо** или **Пщы-Бadyнокьо** популярно в фольклоре народов, населяющих Кавказ. На таблице 2 видно, что имя этого героя эпоса «Нарты» абхазами воспринято так, как его произносят их соседи-хакучинцы. Ср.: адыгско-шапсугское **Нат Шэбатыныкьо** — абхазское **На-Шбатакьуа**. Здесь почти точно выдержаны основные звуковые соответствия, полностью воспринят адыгский облик слова. Некоторые незначительные фонетические отклонения допустимы даже внутри одного и того же языка, так как «такие имена не имеют для говорящего никакого значения и ограничиваются обозначением определенного лица или определенной местности; это наблюдается не только в тех случаях, когда первоначальное значение слова потускнело, но также и там, где элементы слова сами по себе еще понятны. Кто думает о цвете, выраженном в имени, говоря о Monte Bianco, Monte Rosa, Monte Nero, или кто, называя Donato, Oтоволо, Angelo, либо по фамилии Amadio Bevilacqua, Vinciguerra, обращает внимание на качество, пригодность, пожелание, выраженные в этих именах? Это привело их к полному отрыву от слов, составляющих язык, а отсюда еще большая легкость отклонений от нормального развития»⁷.

Теперь обратим внимание, в какой форме бытует это имя у осетин. Нетрудно заметить, что они его заимствовали как «Бэдэн», «Бэдэнэг» непосредственно от кабардинцев, которые имя нарта произносят как «Бэдынокьо» (ср. *Бэдынокьо* и осетинское *Бэдэн, Бэдэнэг*).

Здесь -кьо, чуждое осетинским именам, отпало, а в целом слово-имя заимствовано, с сохранением основных компонентов адыгского имени.

Соседи кабардинцев и беслинейцев, или те народы, которые живут непосредственно с ними, это имя нарта произносят также по-кабардинско-беслинейски. Ср.: кабардинско-беслинейское **Бadyнокьо**, балкарцы **Бадинокьо**, Бёдене, карачаевцы **Бадинокьо**, Бёдене, абазины **Баданыкьуа**⁸.

3. Термин «нарт», «нат». Он известен всем народам, среди которых бытуют сказания эпоса «Нарты», и они его произносят одинаково. Исключение составляют только шапсуги («нат») и ингуши («нярт»).

4. **Сэуэсырыкьуэ, Саусырыкьо, Сосырыкьо**. На этой таблице видно, что абхазы имя этого нарта произносят так, как их соседи адыги-хакучинцы, а осетины — как их соседи адыги-кабардинцы.

Слово «Сосырыкьо» осетины заимствовали как «Шьожьыры»

⁷ В. Пизани. Этимология, ИИЛ, М., 1956, стр. 93—94.

⁸ Это нагляднее можно увидеть на нашей таблице 1.

кѣ», т. е. и здесь повторилась та же закономерная особенность восприятия звука «с», как «шъ» (ср.: Сэтэнай — Шъэтэна, Сосырыкѣ — Шъожъырыкѣ).

Исследователь может заметить еще одно обстоятельство. Возможно, что для звуков «с» и «з» осетины имеют общее соответствие «шъ». Это подтверждается иронскими и дигорскими произношениями этого имени нарта (ср.: кабардинское Сосырыкѣ, иронское Шъожъырыкѣ, дигорское Созырыкѣ).

В абхазском фольклоре «Саусырыкѣ» живет с теми же легендами, что и в адыгском, живет, сохраняя исконно адыгскую форму имени. Здесь мы наблюдаем лишь стяжение звуков: Са— вместо Сау и ср — вместо сыр, как бы намечается характер выпадения «у» и «ы».

Если бы имя «Сэусырыкѣуэ» — «Саусырыкѣ» — «Созырыкѣ» исходило от иронцев, то и их соседи должны были заимствовать и произносить его как «Шъожъырыкѣ». Но этого не случилось.

Взгляните на нашу таблицу 1 (порядковый № 7): все народы, живущие по соседству и с иронцами, и с адыгами, это имя произносят, при незначительных отклонениях, по-адыгски, а не по-иронски. Сравните:

адыгское — Сэусэрыкѣуэ, Саусырыкѣ, Сосырыкѣ
убыхи — Саусырыкѣуа
абазины — Сосрыкѣуа
абхазы — Сасрыкѣуа
осетины — Шъожъырыкѣ
балкарцы — Сосрыкѣ, Сосрукъ
карачаевцы — Сасрыкѣ, Сосуркѣуа
чеченцы — Съеска Оолса
ингуши — Съексы-Сослы

Спрашивается, кто из этих народов воспринял иронскую форму этого имени? Никто. Следовательно, иронское «Жъожъырыкѣ» (или «Сослан») не является исходной формой, перешедшей к другим народам. Попросту говоря, В. Абаев неправ, когда он утверждает, что это имя нарта и песни, и пщынатли, и легенды о нем «оформились на осетинской (аланской) почве и отсюда перешли к соседям».

Но мы хотели бы здесь же обратить внимание исследователей и на другое обстоятельство. Проф. В. Абаев, говоря о главных героях, являющихся «общим достоянием северокавказских народов», пишет: «...осет. *Сослан*, ингуш. *Сосла* (чаще двойное имя: *Соска-Солса*)»⁹.

⁹ В. И. Абаев. Нартовский эпос, Дзауджикау, 1945, стр. 7.

И это неверно. В действительности, как мы выяснили путем беседы с ингушами (гъалгъай) и чеченцами (нохъчи), ни те, ни другие не знают этой формы. Есть: «Съексы—Солсы», «Сеска—Солсы» и «Соьска», «Сеска Солса». На основании своей этой ошибочной посылки нельзя делать вывод, что все северокавказские народы произносят имя этого героя эпоса только как **Со-ср**, **Со-сл**, а не как **Са-усыр**, **Са-сыр**, **Са-ср**, а также неправомерно ставить вопрос проблематично: «...кто разъяснил бы имя Соср»¹⁰, не заботясь о том, является ли оно в таком виде первичной формой имени. Такая постановка вопроса может породить опять-таки долгие безрезультатные экскурсы и новые заблуждения.

Все это так ненаучно и несерьезно, как несерьезно и ненаучно, скажем, говорить об анекдотах среднеазиатских народов о хожде Нэсредине (осетинское **Сырдон**, шапсугско-хакучинское **Сырадин**), как о кавказском персонаже эпоса «Нарты». Не говоря уже ни о чем другом, можно констатировать такой факт: ни один народ, ни один исследователь, живущий на Кавказе (кроме осетин и вайнахов), не причисляет анекдоты эти к героическим сказаниям эпоса «Нарты». Видимо, не народ Нэсредина — Сырдона — Сырадина причисляет к нартам, а только некоторые исследователи, которые полагают, что «в эпосе все же должен быть и комический элемент».

5. **Пэтэрэз**. Имя этого нарта, как это мы видим на нашей таблице 2, осетины произносят так, как и их соседи-кабардинцы. Ср.: кабардинское **Бэтэрэз**, **Батраз**, осетинское **Батражъ**, **Батыраз**.

Здесь подтвердилась та наметка, о которой мы говорили выше: адыгское «з» воспринято как «жъ», а не иначе, т. е. не как «с». Следовательно, форма «Батрас», под которую некоторые осетинские исследователи подводят имя этого нарта, фактически отсутствует в фольклоре народа, и она встречается лишь у исследователя. Напомним это место из высказываний В. И. Абаева. Автор пишет: «Имена *Батраз* и его отца *Хамица* монгольского происхождения... Мы рассматриваем имя *Батраза* как сложное из *батир-ас*, т. е. «богатырь асский (аланский)... Слово батир, широко распространенное у монгольских и тюркских народов, проникло также в некоторые другие языки»¹¹.

Как бы в ответ на это утверждение уместно здесь вспомнить замечание Бетала Куашева, которое приводилось несколько выше. Он отметил, что «случайное фонетическое совпадение с «батыр» не дает основания приписать этому слову миграционный характер. Имя же батыр от монгольского у нас (адыгов)

¹⁰ В. И. Абаев. Проблемы нартского эпоса, сб. «Нартский эпос», Орджоникидзе, 1957, стр. 36.

¹¹ В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь, М.—Л., 1958, стр. 240—241.

бытует, ничего общего не имея с «Бэтэрэз»¹². Это — во-первых.

Во-вторых, мы полагаем, что в данном случае имя *Бэтэрэз* — кабардинской, вторичной формы. *Бэтэрэз* — в народной этимологии воспринято осетинами как «Батражъ» и «Батыраз», из которых исследователи сами выводят удобную им форму «*Батирас*», чтобы иметь «*богатыря асского*». Этим исследователям, нам кажется, следовало бы внимательнее осмотреться и уточнить, в какой форме эти указанные имена бытуют в фольклоре соседей.

В адыгском героическом эпосе «Нарты» имеется имя **Хьымыш**. Его носит отец Пэтэрэза (кабардинское Бэтэрэз, Батраз). Подвиги этого героя в нартском эпосе осетин выполняет **Хьамыц**, отец Батраза (Батрадза). Проф. В. И. Абаев утверждает, что имя Хьамыц (Хамиц) будто монгольского происхождения.

У адыгов много имен типа **Хьымыш**. Таковы **Тымыш**, **Мамыш**, **Тутарыш**.

В эпосе адыгов и осетин эти герои выполняют почти одни и те же функции. И здесь и там они **сыновья Батраза**. Все это внутренне роднит их. Внешне, думается, они тоже не разнятся.

Мы полагаем, что это адыгское имя (со всеми относящимися к нему легендами) заимствовано осетинами. Причем заимствовано закономерно, с точным соблюдением фонетических соответствий. Здесь, при заимствовании, произошел переход согласного «щ» в «ц». Было **Хьымыш**, стало **Хьамыц**, не случайно ли такое чередование звуков? Оказывается, нет. Дело в том, что то же самое мы наблюдаем и при заимствовании осетинами другого нартского имени Ащамэз. И здесь адыгское «*Ащамэз*» в осетинском «*Ацамаз*». Наблюдается тот же звуковой переход «щ» в «ц».

Следовательно, вскрывается фонетический закон звуковых соответствий, который позволяет исследователю проследить за движением имен адыгского эпоса «Нарты» и за их жизнью в фольклоре и языке других народов Кавказа.

Таким образом, проф. В. И. Абаев неправ, утверждая, будто имя **Хьамыц** в осетинском — вклад из монгольского. Это имя, оказывается, пришло к осетинам от адыгов из кабардинской среды и принято своеобразно, по-осетински.

«Батраз» близок к «Батырас», но это не значит, что они представляют одно имя. Здесь, видимо, мы имеем дело с фонетически близкими между собою именами различных народов.

Изучение формы жизни личного имени нарта Пэтэрэза (Бэтэрэз, Батраза) в устнопоэтическом творчестве народов, живущих на Кавказе, показало, что чеченцы и ингуши, являющиеся

¹² Б. Куашев. Стихосложение нартского эпоса, личный архив автора, рукопись, стр. 8, 10. Кстати, эта работа покойного исследователя представляет ценность и следовало бы ее опубликовать. — А. Г.

постоянными непосредственными соседями осетин, это адыгское имя заимствовали как Пэтэрэз, Пэтырыз, Патриж, не говоря уже об убыхах и абхазах, которые также приняли общеадыгскую первичную форму этого имени:

Убыхи — Пэтраз,
абхазы — Патраз, Патара.

Эти факты говорят о том, что:

а) аборигенные народы Кавказа — убыхи, абхазы, чеченцы и ингуши имя героя древнеадыгского эпоса «Нарты» в своем фольклоре засвидетельствовали в его первичной форме;

б) осетины заимствовали позже это имя от кабардинцев, которые «Пэтэрэз» произносят как «Бэтэрэз» и, видимо, восприняли от них после того, как они переселились в район Эльбруса и стали их непосредственными соседями.

В-третьих, если это имя «Батраз» было бы воспринято от осетин, полагающих его монгольским Батырас-ом — «богатырем ассским», то и адыги, и абхазы, и убыхи, и чеченцы, и ингуши знали бы это имя в такой же форме и произносили бы по-монгольски как «Батраз», так как в этих воспринимающих языках наличествовал соответствующий звук «б». Ведь «батыр» всеми этими народами воспринят не как «патыр».

Таким образом, мы установили, что координаты личного имени «Пэтэрэз» адыгского эпоса «Нарты» прослеживаются достаточно ясно в фольклоре народов, живущих на Кавказе.

6. **Иашэмэз** (Кятэуэн). Этот герой эпоса «Нарты» имеет два имени. Первое — Иашэмэз, получившее общекавказское распространение, и второе — Кятэон (Кятэуэн), данное ему по характеру его действий¹³.

Второе имя нарта запечатлено в шапсугско-хакучинском тексте «Пщынатль об Ащэмэзе»¹⁴. В этой былине поется:

Ра мой Ащэмэз, — говорит, —
Ра мой Кятэон, — говорит, —
Чья мать да будет блаженствовать!
О-рэ ра-дэ-рац!
Ра мой Ащэмэз, — говорит, —
Ра мой Кятэон, — говорит, —
Что случилось?
О-рэ ра-дэ-рац!

На этой таблице видно, что абхазы знают имя этого нарта как «Кятуан» (с выпадением гласного «э» перед гласным в сильной позиции). В остальном мы имеем полное звуковое соответ-

¹³ Значение имени «Кятэон», «Кятуан», «Кятэуэн» мы дали несколько выше.

¹⁴ См. «Пщынатль об Ащэмэзе» в третьем разделе, стр. 349—351.

ствие, опосредственное фонетическим единством и системой языка абхазов и адыгов.

Имя этого нарта осетины знают как *Ацэмэз* (дигорское), *Ацэмэжъ* (иронское). Как видно, в осетинском это имя сохранило почти полностью свой фонетический облик и свой типаж. О наблюдаемом звуковом переходе или соответствии *з* и *жъ* мы говорили выше, когда речь шла об именах «Соз-рыкъ», «Шъо~~жъ~~ырыкъ», «Батраз» — «Батра~~жъ~~». Переход же шипящего «*щ*» в «*ц*» внутри слова-имени не вызывает сомнения, так как это — имя, термин, и для говорящего оно лишь слово, обозначающее в целом лицо, предмет.

Такова краткая характеристика нашей таблицы 2.

На ней мы увидели, *во-первых*, что при заимствовании собственных имен ядра эпоса «Нарты» наблюдается более точное фонетическое их восприятие абхазами, в отличие от осетин, так как абхазы и адыги ближайше родственны по языку, их языки составляют одну абхазско-адыгскую группу кавказских языков; осетины же относятся к иранской группе индоевропейских языков и сравнительно ограничены в фонетическом отношении, чем адыги и абхазы.

Во-вторых, на этой таблице мы увидели, что, с одной стороны, личные имена центральных героев ядра эпоса «Нарты» Сэтэнай, Шэбатыныкъ, Саусырыкъ, Пэтэрэз, Иашэмэз, Кятэуэн, исходящие от адыгов, восприняты и бытуют у каждого народа (абхазов и осетин) в таком фонетическом облике, в каком они бытуют у этнической группы адыгов, с которой этот народ находится во многовековом соседстве, постоянно общаясь с ним; и, с другой стороны, эти личные имена ядра эпоса «Нарты» по своему облику сами точно указывают, от какой этнической группы адыгов они заимствованы.

Таблица 3

На таблице 1 мы ознакомились со ста адыгскими именами эпоса «Нарты», проследили их произносительные вариации у других народов, живущих на Кавказе, убедились, что чем дальше они уходят от адыгов, тем больше испытывают изменений и даже, в конце концов, затухают; затем, по таблице 2 мы вели наблюдение за жизнью личных имен центральных героев ядра этого эпоса, т. е. речь шла об именах, а не о жизни легенд, в которых они наличествуют.

Мы говорили и о том, что сюжеты и основные мотивы, как правило, сохраняются в легендах о нартах, известных и адыгам, и абхазам, и осетинам, но это положение не было развернуто и подкреплено фактами.

«Сходства», которые мы наблюдаем в легендах о нартах разных народов, иногда (в смысле единства деталей) чрезвычайно поразительны. В них иногда сохраняются даже детали арифметические, которые, казалось бы, невозможно запомнить и удержать в народной памяти.

Например, в кабардинском тексте адыгской легенды «Последний поход Уазызмэса»¹⁵ и осетинском тексте «Последний поход Урызмага»¹⁶ мы наблюдаем подобные сходные моменты.

I. По кабардинскому тексту:

1. Уазызмэса пленили на берегу Черного моря.

2. Назначили выкуп: 500 быков. Из них: 100 — безрогих, 100 — рогатых, 300 — с красными и белыми рогами, и чтобы волы были не стары, не молоды и не тощи...

I. По осетинскому тексту:

1. Урызмага пленили на берегу Черного моря.

2. Назначили выкуп: 500 быков. Из них: 100 — однорогих, 100 — двурогих, 100 — трехрогих, 100 — четырехрогих, 100 пятирогих...

Причем, хотя и повторяются в осетинском тексте детали адыгской легенды, все же здесь наблюдается значительное их упрощение. Как видно из приведенных параллелей, в осетинском уже нет дифференциации рогов на «красные и белые» и указания: «...чтобы волы были не стары, не молоды и не тощи».

Возможно, что эта легенда не пользуется особой популярностью и имя Уазызмэса (Орзэмэса) не так широко известно народам, живущим на Кавказе, и поэтому эти данные не могут служить прочной основой для того, чтобы по ним делать какие-либо обобщения? Возможно, и так. Тогда мы возьмем адыгские, абхазские и осетинские варианты легенды о рождении Саусырыкъо (Сосрыкъо) — Сасрыква — Созрыкъо, одного из самых популярных центральных героев эпоса «Нарты». Достаточно вспомнить, что тексты о нем составляют у осетин большой цикл, у абхазов его именем именуются и преподносятся все легенды о нартах как «Приключения нарта Сасрыквы и его девяноста девяти братьев», у адыгов песни, пщынатли и легенды о нем составляют большой цикл семитомника адыгского героического эпоса «Нарты», а легенды о его рождении здесь представлены 26 текстами.

На основании этих данных мы для удобства анализа и оценки фактов составим сравнительно-сопоставительную таблицу 3 и вслед прокомментируем ее.

¹⁵ Нарт хэр. Рукопись семитомника АНИИ, том I, легенда «Последний поход Уазызмэса».

¹⁶ Осетинские нартские сказания. Орджоникидзе, 1948. стр. 67.

АДЫГСКОЕ

Саусырыкъо — Сосрыкъо

На берегу реки Кубани пастух нартвов Лымцэмькъо Зэртѣжъ увидел СЭТЭ-НАИ-ГУАЩЭ. Страсть им овладела. Пастух через реку пустил мужское семя — (хъопсащэ), которое упало на камень. Когда прошло около 9 месяцев, С.-г. отнесла этот камень нартскому кузнецу Тлепшу. Тот расколол камень и оттуда выпал пылающий (горящий огнем) мальчик. Кузнец схватил клещами за бедра (по др. в. — за колени) и, опуская в воду, закалил его тело. Все его тело стало булатным, а бедра (по другим вариантам колени) остались не закаленными. Кузнец ему дал имя «Саусырыкъо».

(Нарты, т. II, «Рождение Саусырыкъо», № 20—41).

АБХАЗСКОЕ

Сасрыква (Сасрыкъуа)

На берегу реки Кубани пастух нартвов Зартыжъу увидел: лежит САТАНЭИ-ГУАЩА на спине, купается. Страсть им овладела. Пастух через реку пустил мужское семя, которое врезалось в камень. Нартский кузнец Айнар Йжьи из этого камня выдолбил людской образ. С.-г. его таила в тепле. Когда он родился, пылая как жар, кузнец закалил, держа клещами за его правую ногу. Все его тело закалилось, за исключением этой ноги.

Ему дали имя «Сасрыква» («Сасрыкъуа»).

1. Ш. Д. Инал-Ипа. Об абхазских нартских сказаниях. Труды Абх. НИИ, Сухуми, 1949, стр. 86—87;

2. Абхазские сказания. Составитель Шинкуба Б. В., Абгосиздат, 1961, стр. 40—47, 53—54, 77—78.

(СОСРЫКЪО)-САСРЫКВА-СОСРЫКО

ОСЕТИНСКОЕ

В прежних записях и изданиях 1881 года
Сосрыко (Созрыко, Созруко)

В новой редакции и изданиях 1945,
1948 годов (Сослан)

Однажды САТАНАИ выстирала свое белье и расстелила для сушки на камне. В это время пришел покровитель воннов Уастырджи и сказал: где теперь от меня спрячется твоя одежда. Пришел Уастырджи и на разостланную на камне одежду... В результате этого внутри камня возникла жизнь. Узнав это, САТАНАИ стала ухаживать за этим камнем. Когда настал положенный день, женщина расколола камень и оттуда вышел холодный, как лед, Сосрыко...

(Вс. Миллер. Осетинские этюды, том 1, М., 1881, стр. 30—31).

На берегу большой реки, при виде полуобнаженной САТАНЫ (Шатаны), некий пастух оставил семя на камне, Сатана приметила этот камень и, когда пришло время, привела на берег молодых сильных нартвов, которые раскололи камень, а она извлекла из сердцевины камня живого мальчика, которому она дала имя Сослан. Небесный кузнец, по просьбе Сатаны, закалил его в волчьем молоке, и стал неуязвимым. Но, так как корыто, в котором его закаляли, было коротким, мальчик лежал с согнутыми в коленях ногами, и они остались не закаленными.

1. В. Абаев. Нартовский эпос, Известия СО НИИ, X, Дзауджикау, 1945, стр. 47;

2. Осетинские нартские сказания. Дзауджикау, 1948, стр. 73—77.

Из этой сравнительно-сопоставительной таблицы 3 видно:

Первое. Что мы имеем у разных народов одну и ту же легенду о рождении нарта Саусырыкьо.

Второе. Чем больше эта легенда уходит от адыгов, тем больше она терпит потерь в деталях.

Проанализируем варианты этой легенды.

1. В адыгском тексте имеется прямое указание на место действия: «На берегу *Кубани*». То же самое мы наблюдаем и в абхазском: «На берегу реки *Кубани*». Положение о том, что нарты живут и действуют в бассейне *Кубани*, подтверждается и другими абхазскими текстами: нарты «исполнены были величья, — говорится в них, — и там они жили, где Бзыбь и Кубань»¹⁷.

В осетинском тексте этой легенды нет конкретного наименования реки, в нем *она теряется*, здесь просто указывается берег «*большой реки*».

2. В первом тексте дается адыгское собственное имя «*Зэрт-Ижжъ*» (обозначает буквально: «тот же баран») и имя его отца «*Лпыццъ*» (буквально: «муж черный»).

Личное имя пастуха нартов, как «*Зартыжв*», сохраняется и в абхазском, в осетинском же оно *совершенно потеряно* и есть только «*некий пастух*»¹⁸.

3. Далее в третьей графе упоминается личное имя *нартского кузнеца Тлепша*. Во второй и третьей графах нет этого личного имени, но есть: «*Айнар Ижьи*» — «нартский кузнец» (абхазское) и «*Курдалагон*» — «небесный кузнец» (осетинское)¹⁹, т. е. имеются нарицательные имена, данные им по характеру действия, перешедшие в собственные.

Личное имя «*Тлепш*» («*Лъэпшъ*») ни абхазские, ни осетинские легенды *не сохранили*.

4. В адыгском тексте говорится о появлении на свет «*пылающего (горящего) огнем мальчика*». Эта особенность — очень важная деталь, так как *по этому-то признаку* ребенку дали личное адыгское имя «*Саусырыкьо*» — «*пылающий (горящий или горячий) мальчик*».

Как же это удерживается в абхазских и осетинских текстах?

В абхазском есть указание, что мальчик родился, «*пылая как жар*». В осетинском же — *потеряна* эта особенность.

5. В адыгском тексте говорится о том, что Тлепш закалил мальчика, взяв его клещами *за бедра* (по другим вариантам — *за колени*), опуская его в воду. Далее, в абхазском — «кузнец закалил, держа клещами за его правую ногу»; в осетинском —

¹⁷ Абхазские сказания. Абгосиздат, Сухуми, 1961, стр. 34.

¹⁸ По замечанию Вс. Миллера, «топографических указаний в осетинских сказаниях немного» (Вс. Миллер. Осетинские этюды, ч. I, М., 1881, Предисловие).

¹⁹ В представлении осетинских сказителей нарты в основном живут на небе. — А. Г.

мальчика закалили с согнутыми в коленях ногами в волчьем молоке.

В первых двух текстах ситуация закалки «горячего мальчика» — одинакова: есть *кузнец* и его *клещи*. В третьем — уже нет клещей, обстоятельства изменены: кузнец просто погружал в волчье молоко. Волчье молоко — чуждая деталь адыгского текста — приращена осетинами к этой легенде, и, видимо, это обусловливается природой легенд и поверий народа.

Здесь в тексте произошла замена условий закалки Саусырыкъо.

6. В адыгском тексте подчеркивается, что «*кузнец ему дал имя «Саусырыкъо»*. Это обстоятельство далее не сохраняется ни абхазскими, ни осетинскими сказителями, как ничего не значащее.

Адыгскому сказителю, знатоку мифологии и поверий народа, важно не забыть этот момент, и он, пожалуй, не пройдет мимо этой детали. Ему известно, что при рождении ребенка (мальчика или девочки) адыги, соблюдая свои традиции, раньше относили на кузню, где кузнец, как мы отметили выше, окатывал его (ее) «мыжьопс» — «каменной водой» из корыта точильного колеса для того, «чтобы — «гъучыпсэу псэу пытэу хъуным пай» — она или он стал железным и крепким душою», и давал ему имя.

Таким образом, можно констатировать факт о том, что и эта особенность, почти постоянно наличествующая в адыгских вариантах о рождении нарта Саусырыкъо, в абхазских и осетинских текстах потеряна.

7. Далее мы видим, как имя «Сатанай», засвидетельствованное у осетин в 1881 году, теряет общеадыгский облик и становится «Сатана» («Шатана»); происходит замена Сосырыко, Созрыко, Созруко в «Сослан».

Обзор сравнительно-сопоставительной таблицы 3 подтверждает, что легенды эпоса «Нарты» чем дальше уходят от адыгов, тем больше терпят потерь и намечается их трансформирование.

Таблица 4

Таблицу 4 мы почти полностью рассмотрели выше, когда речь шла об образовании собственных имен центральных героев ядра эпоса «Нарты» и значения компонентов имен Саусырыкъо, Сэтэнай, Щэбатыныкъо, Іащэмэз, Пэтэрэз и термина «нарт». Тогда мы сделали подтекстно обобщение о том, что вещи присущее ее собственное имя, неизменное, прирожденное, и, изменяя его произвольно, допускали грубую ошибку, которая легко обнаруживается.

Как об этом пишет известный итальянский языковед В. Пиза-

ни, Сократ считал, что «вещам присущи их собственное бытие и сущность, независимые от нашего представления, и что поэтому обращаться с ними необходимо в соответствии с их природой, а не следуя нашей прихоти ... отсюда он заключил, что необходимо называть все вещи так, как это присуще им по природе, а не так, как нам это кажется удобным»²⁰.

Герои эпоса «Нарты» носят свои и только свои собственные имена, присущие им по природе. Всякое чужое вмешательство в природу собственных имен нарттов и их искусственная переделка противоречат их строгой внутренней закономерности и легко обнаруживаются, так как грубо нарушается подлинная природа этих имен-символов.

Так, личное имя Саусырыкъо, данное кузнецом пылающему огнем «горячему» мальчику после того, как он его закалил, присуще ему по природе легенды, так как само слово-имя обозначает это же понятие — «мальчик горячий» и обстоятельства, в которых происходит и церемония «закалки», и присвоение имени кузнецом, обусловлены традициями адыгов.

Таблица 4

Компоненты, выраженные существительными с простой и сложной основой	Компоненты определения состояния	Компоненты идеи щедрости	Притяжательные префиксы органической принадлежности	Оформление мужских имен посредством -къо	Оформление имени посредством суффикса -ай
---	----------------------------------	--------------------------	---	--	---

Группа I. Образование имен от названия предмета вооружения древнего человека сэ (меч), щэ (стрела-пуля), 1ащэ-1ашэ (оружие)

I. Сэ-уэ	сыр		ы	къо	
II. Сэ		тэн			ай
III. Щэ	бэ	тын	ы	къо	
IV. 1а-щэ	мэз				

Группа II. Имена, образованные от наименования частей тела человека

V. Рэ	ТЭРЭЗ				
VI. На		т(э)			
Нар		т(э)			

Как видно из этих фактов, чужое вмешательство в это адыгское имя, его переделка обнаруживаются легко. При этом очевидно, что имя Саусырыкъо (Сосрыкъо) искусственно передела-

²⁰ В. Пизани. Этимология, ИИЛ, М., 1956, стр. 11.

но осетинами, считающими себя прямыми потомками алан, в Сослан, т. е. «Сос-аланский». И тут же отмечают с сожалением: «... беда в том, что имя Сос (р) не получило пока удовлетворительного разъяснения. Тот, кто разъяснил бы имя Сос (р), оказал бы немалую услугу нартским исследователям»²¹.

Как было отмечено выше, в XIX веке осетины, осетинские сказители знали и рассказывали многое о нарте Сосрыко или Сосруко. Так, в осетинских народных текстах, опубликованных в 1871 году Д. Шанаевым, идет речь о том, что «этот закаленный и потому неуязвимый никаким оружием ребенок был «Сосрыко»²². Немного позже, в «Сборнике сведений о кавказских горцах» (выпуск VII, раздел II) Г. Шанаевым опубликованы «Нартские сказания (два варианта о Сосрыко — о том, как великан поймал Урызмага)».

А что же ими делалось в нартоведении в 1949 году?

Имя нарта Сосрыко (Сосруко или Сосрыко) в Северной Осетии убрано не только из изданий текстов, как это было отмечено нами, но и вытравлено из исследовательских работ. Об этом свидетельствует сборник статей «Нартский эпос», изданный Северо-Осетинским научно-исследовательским институтом в 1949 году. В этом сборнике опубликованы работы шести авторов: В. И. Абаева, К. Д. Кулова и других, но ни один из этих авторов уже не упоминает о Сосрыко. Это имя и в осетинских текстах, и в исследованиях заменено словом «Сослан» — «Сос-аланский».

Искусственная переделка некоторыми исследователями фонетико-морфологического облика собственных имен эпоса «Нарты», нередко наблюдаемая в специальной литературе и продиктованная интересами неправильно понятого национального престижа, не решает проблемы генезиса ядра эпоса «Нарты», а попросту упраздняет ее.

Таблица 5

При обзоре и анализе предыдущих таблиц мы уже опирались на данные этой таблицы, на которой ясно видно, что:

1) ни один народ на Кавказе не знает такие формы личных имен, какие наблюдаются у иронцев: «Шэ́этэна», «Жэ́ожэырыкэо».

Эти народы знают только адыгскую форму. Сравните:
адыги — Сэтэнай,

²¹ Эти слова проф. В. И. Абаева были приведены выше. — А. Г.

²² Д. Ш а н а е в. Осетинские народные сказания, «Сборник сведений о кавказских горцах», вып. V, часть II, Тифлис, 1871, стр. 51. В этом же номере опубликован и другой текст — «Как Сосруко поссорился с Алимбеком».

Таблица 5
 Формы бытования имен ядра эпоса «Нарты» среди адыгов и их производные вариации у абхазов, осетин, карачаевцев и ингушей

№ п.п.	АДЫГИ (западные — Адыгей, Шапсу- гня) (восточные — Кабарда, Чер- кесия)	АБХАЗЫ	ОСЕТИНЫ	КАРАЧАЕВЦЫ	ИНГУШИ
I	Сэтэнай-гуаш (западно-адыгское)	Сэтэни-гуаша		Сэтэнай-бийче	Сиэла-Сата
	Сэтэней-гуашэ (восточноадыгское)		Шъэтэна		
II	Саосырыкъо	Сасырыкъуа		Сасырыкъо	Сеска-Солсы
	Саусырыкъо				Сьексы-Солсы
	Соусырыкъо		Шъожъырыкъо (ирон.)	Сосрукъо	
	Сосырыкъо		Созрыкъо (диг.)	Сосуркъуа	
III	Нарт Нат (шапсут)	Нарт	Нарт	Нарт	Нярт
IV	Пэтерэз	Патраз			Пэтрэз
	Бэтерэз Бэтраз		Батражъ (ирон.) Батраз (диг.)	Батраз	
V	Ацэмэз			Ацэмэз	Ачымыз
	Кятэуэн (шапсутское на-рипательное)	Кятуан, Кетауан	Ацэмэжъ (ирон.) Ацэмэз (дигор.)		
VI	Щэбатыныкъо (шапсутское)	На-Шбата-къуа			Батокс-Шертук
	Шэбатыныкъо (западноадыгское)				
	Бадынокъо (восточноадыгское)		Бадан, Бэдэнэг	Бадинокъо, Бёдене	

карачаевцы — Сэтэнай,
абхазы — Сэтэни, Сэтэней.

Ни один аборигенный народ Кавказа не знает такие формы личных имен, как «Батражъ», «Ацэмэжъ», какие имеются у иронцев.

Эти народы опять-таки знают только адыгскую форму этих собственных имен центральных героев эпоса «Нарты»;

2) факт наличия западноадыгских форм личных имен «Сэтэнай» (не «Сэтэней») у карачаевцев, «Пэтэрэз» (не «Бэтэрэз») у ингушей, «Сасрыкъо» (не «Сосрыкъо») у карачаевцев свидетельствует о том, *с одной стороны*, что эти собственные имена нартских легенд поступили к ним от западных адыгов до переселения кабардинцев с низовья Кубани и других мест в район Эльбруса (Иуашхэмахуэ), т. е. ранее XIII—XIV веков; *с другой стороны*, этот факт свидетельствует еще и о том, что эти имена не носят осетинский облик, т. е. их соседи не заимствовали от них эти имена.

Следовательно, *распространенный в нартоведении тезис о том, будто предки осетин принесли и подарили народам Кавказа эти личные имена и эпос «Нарты», следует считать ошибочным.* Изложенное со всей очевидностью доказывает беспочвенность концепции «скифо-алано-осетинского» происхождения «Нартов».

На основании вышеприведенных фактов и наших установлений мы можем сделать следующие краткие выводы.

Первый. Личные имена центральных героев ядра эпоса «Нарты» Сэтэнай, Саусырыкъо (Сосрыкъо), Шэбатыныкъо, Иашэмэз, Пэтэрэз и термин «нарт» — *адыгские.*

Второй. По своему значению, структуре и типологии эти имена внутренне строго закономерны, взаимосвязаны, взаимообусловлены и соответствуют системе языка адыгов, создавших их.

Эта железная закономерность позволяет исследователю обнаружить всякое чужое вмешательство в систему древнеадыгских собственных имен центральных героев эпоса «Нарты».

Третий. Поскольку личные имена центральных героев ядра этого эпоса — адыгское творческое создание, то, разумеется, ядро знаменитого героического народного эпоса «Нарты» генетически принадлежит адыгам. Поэтому существующее в науке утверждение проф. В. И. Абаева и его последователей о том, будто эпос «Нарты» не является кавказским, — несостоятельно. Оно потеряло свою силу, так как нами доказана генетическая принадлежность ядра этого эпоса адыгам, аборигенам Кавказа.

Четвертый. В результате постоянного соседства, многовекового общения и языкового контакта сюжеты песен, пщынатлей и легенд о центральных героях древнеадыгского эпоса «Нар-

ты» проникли и привились в устнопоэтическом творчестве многих народов Кавказа, где они нашли дальнейшее развитие и новое формирование в самостоятельный национальный эпос (или цикл сказаний).

На протяжении веков устная литература о нартах обслуживала и обслуживает сейчас многие народы Кавказа.

Эпос «Нарты» духовно сближает и роднит дружественные народы Кавказа, приобщает их национальную культуру к мировой общечеловеческой культуре.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

I

1. С незапамятных времен адыги (черкесы) являются древнейшими жителями Кавказа и Причерноморья. Адыги или меото-адыги — древняя многоплеменная этническая семья одного народа. К ним относятся: шапсуги, бжедуги, хатукаи, мамхеги, абдзахи, егерухаи, кабардинцы, бесланеи и другие более мелкие этнические группы народа. Они жили на восточных берегах Хы МыутІэ (моря Меот), в верховьях реки Тенэ (Дона) и в бассейне Пшызэ (Кубани), на берегах Хы ШыуцІэ (моря Черного), в бассейне рек Шъхьэгущэ (Белой) и Лабэ (Лабы). В настоящее время адыги проживают в Причерноморской Шапсугии, Адыгее, Кабарде, Черкесии, Моздокском районе, на хуторах Курского района Ставропольского края, в аулах Шъхьащэфыжь (Уруп), Бэчмызей и Кургоко Краснодарского края, за рубежом — в Анатолии, Сирии, Иордании, Израиле, Ираке, Ливане и других странах.

2. Среди этих многоплеменных меото-адыгских этнических групп Кавказа и Причерноморья задолго до нашей эры сложилось основное ядро древнего народного эпоса «Нарты», являющегося ныне общенациональным фольклорным памятником адыгских народов Адыгеи, Черкесии, Кабарды и Причерноморской Шапсугии, а также многих народов Кавказа.

Как показали факты, подвергнутые нами исследованию, основные циклы этого эпоса зародились в недрах доклассового общества за много столетий до появления на Кавказе монголов, иранцев и алан.

Родившись в седой древности, эпос постоянно сопутствовал истории народа, правдиво отображал этапы его жизни, борьбы и труда.

Песни, пщынатли и легенды о нартах адыгов, собранные и подготовленные нами к печати для научного издания, составляют 7 томов (26 циклов). Этот объем делает очевидным несостоя-

тельность существовавших утверждений, будто этот эпос бытует «в меньшей степени у адыгов», чем у осетин, где он был представлен шестью (по другим данным, четырьмя) циклами.

3. По степени распространенности эпос «Нарты» носит характер многонациональный только в рамках Кавказа. За пределами Кавказа его не знают ни монголы, ни иранцы, ни турки, ни таджики, ни узбеки, ни калмыки.

4. На протяжении многих столетий соседями адыгов являлись: убыхи, абазины, абхазы, сваны, осетины, чеченцы, ингуши, балкарцы, карачаи и несколько поодаль — народы Дагестана. Ближайшими родственниками адыгов являются абхазы, абазины и убыхи, эмигрировавшие в Турцию в 60-х годах XIX века.

Между этими народами наблюдается постоянное общение, постоянное многовековое историческое взаимодействие и взаимообогащение национальных культур. В результате чего из языка одного народа в лексику другого, из фольклора одного народа в устнопоэтическое творчество другого вошли новые слова, новые легенды о нартах, с относящимися к ним личными именами (антропонимикой).

5. Наличие почти одних и тех же легенд с одними и теми же личными именами нартов и у адыгов, и у абхазов, и у осетин и у других народов, живущих на Кавказе, было подмечено исследователями еще в XIX веке. Это побудило их поставить вопрос: кому принадлежит основное ядро эпоса «Нарты»? Они обратились к собственным именам центральных героев эпоса, желая объяснить их значение и по языковому признаку определить, кто их впервые создал. Анализ высказываний ученых и писателей XIX и XX веков показал, что некоторые считали этот эпос некавказским. Они утверждали, что именно по этой причине собственные имена эпоса «Нарты» не поддаются расшифровке. Отсюда и беспочвенные теории о монгольском, иранском, аланском и т. д. происхождении эпоса.

Наши анализы, произведенные с помощью языка, фольклора, истории, этнографии и археологии адыгов, дали положительные результаты, позволяющие сделать вывод о том, что личные имена центральных героев эпоса «Нарты», вокруг которых строятся большие циклы эпоса, и составляют его ядро, а именно: «Сэтэнай» («Сэтэней»), «Саусырыкъо» («Сосрыкъо»), «Пэтэрэз» («Бэтраз»), «Іашэмэз», «Шэбатыныкъо» («Бadyнокъо») и термин «нарт» — адыгские.

II

Результаты дальнейших наших многосторонних и многочисленных наблюдений за движением легенд эпоса «Нарты» от адыгов к соседним народам и жизнью личных имен центральных героев ядра этого эпоса в их фольклоре показали:

Первое: Осетинские основные сказания (здесь нет адыгского многообразия песен и пщынатлей) о нартах Созрыкъо — Шъо-жъырыкъо, Шъэтана, Батраз — Батражъ, Ацэмэз — Ацэмэжъ, Бадан — Бэдэнэг (см. таблицы 1 и 5) формировались под непосредственным воздействием адыгов-кабардинцев.

Осетины, живя веками по соседству с кабардинцами и постоянно общаясь с ними, не могли не знать их адыгские легенды о храбрых нартах, как не могли не знать и их пищу «халывва» (ватрушка), «лывза» (жаркое), «санэ» (вино); не могли не знать и не полюбить и не носить их форму «черкеску» (адыгэ фашэ); не могли не знать и не танцевать по-адыгски «къэшъ-кон къафэ» (касконский—адыгский танец), находясь у себя дома и в гостях в Кабарде. Все это роднило и объединяло их. Разве от этого следует отказываться? Наш долг — говорить о фактах так, как они есть в действительности.

Осетинские нартские сказания имеют свое национальное своеобразие, свое оригинальное развитие, и это не нарушает единства героического эпоса «Нарты».

Эпос «Нарты» — моральный кодекс в прошлом, кодекс норм поведения человека в обществе, кодекс мужества и храбрости. Он одинаково обслуживал народы Кавказа, что в известной степени формировало и направляло характер горцев, их психический уклад жизни, и способствовал созданию общекавказской культуры.

Второе: Ингушские сказания о нартах Хъамч, Хъымчи, Пэтрэз, Патоко-Шертуко (Батоко-Ширтга), Ачымыз складывались под воздействием западноадыгских (адыгейских) этнических групп, с которыми общались ингуши, видимо, еще задолго до переселения кабардинцев в XIII—XVI веках в район Эльбруса. Аналогичное положение мы наблюдаем в Чечне, где известны легенды о Сэти-хъане, Пэтрэз, Гъожакъ и Дагестане (Патриж, Хамчи, Кожак).

Третье: Балкарцы и карачаевцы в основном рассказывают легенды о нартах и произносят их личные имена в такой форме, в какой их знают этнические группы адыгов, в среде которых они живут (см. таблицу 1).

Четвертое: Абхазские легенды о нартах, как и абазинские и убыхские, с их именами Сэтэни-гуаща, Гундэ-пшэдз, Хъмыш, Патраз, Сасрыкъуа, На-Шбатакъуа, Кятауан, Татраш, нарт Сит, Зартыжа, Нарчхъоу, Атлагуца (см. таблицу 1) примыкают к шапсугско-адыгским и, видимо, созданы на общей адыгско-абхазской почве.

Возможно, что когда создавался и формировался древний эпос «Нарты», абхазы и адыги жили вместе и их обслуживал один общий язык, на что указывает история, археология, этнография, география и лексика этих двух аборигенных родствен-

ных народов Кавказа. Любопытно, что и в наши дни абхазы знают адыгов, как «абхазское платье носящие».

Начиная с античных веков, как замечает проф. Зураб Анчабадзе, и даже раньше, Абхазия входит в сферу культурного влияния Грузии. Перенять у адыгов такой крупнейший эпос, как «Нарты», в поздние времена абхазы не могли. Следовательно, абхазские нартские сказания восходят к тем временам, когда предки нынешних абхазов теснейшим образом были связаны с предками адыгов, т. е. не позднее рубежа II—I тысячелетия до нашей эры, когда, как это устанавливается археологическими данными, население современной Абхазии составляло в культурно-историческом отношении одно целое с населением Северо-Западного Кавказа. Это, с одной стороны, подтверждает древность абхазских нартских сказаний и, с другой, дает основание считать, что абхазские сказания о нартах примыкают к адыгскому эпосу «Нарты»¹.

Дагестанцы поддерживали постоянные связи с аланами, но у них не популярен народный эпос «Нарты». Следовательно, у алан не было этого эпоса, и они не могли заимствовать его у них, поэтому и осетины не могли унаследовать его от алан.

В средние века непосредственно с осетинами жили горские племена моховцы (в районе Казбека), мтиулы (в районе Душети и Пасанаури), гудамакарцы, но никто из них не знает нартского эпоса. Это подтверждает, что горные осетины в то время еще не имели нартского эпоса. Эпос «Нарты» шел к осетинам от адыгов из Кабарды, видимо, после их переселения с низовьев Кубани в район Эльбруса.

Вышеизложенные факты из области исследуемого эпоса, а также фольклористики, литературоведения, языкознания, истории, этнографии, археологии, географии и других наук приводят нас к следующим выводам:

1. Народный героический эпос «Нарты» зародился и сложился на Кавказе.

2. Ядро кавказского по происхождению эпоса «Нарты» — адыгское (черкесское).

3. Героический эпос «Нарты» бытует среди разноразличных народов Кавказа и в этом смысле он является общекавказским.

¹ Беседа с доктором исторических наук З. В. Анчабадзе в Тбилиси 12/XI 1958.

L'ÉPOPÉE HEROÏQUE ADYGHÉ «LES NARTES» ET SA GENÈSE

(Les thèses principales du livre).

En 1865, en même temps qu'il soulignait combien il était important de recueillir et de publier les récits épiques sur «Les Nartes», le caucasologue P. K. Uslar disait, avec regret, que beaucoup de temps s'écoulerait avant qu'un corpus de ces poèmes pût être présenté au public¹. Et en effet, cent ans ont passé avant que pour la première fois nous ayons pu préparer trois manuscrits destinés à une publication scientifique: 1°) *l'épopée adyghé «Les Nartes»*, en sept volumes (sept cents textes, chants, traditions et légendes, notés dans les divers dialectes de la langue adyghé); 2°) *l'épopée héroïque adyghé «Les Nartes»* (cent textes extraits de ces sept volumes avec une traduction russe parallèle); 3°) l'étude monographique «L'épopée héroïque adyghé «Les Nartes» et sa genèse».

C'est pour présenter ces nombreuses données uniques recueillies par l'auteur au cours de vingt ans qu'est écrit le présent livre. Il comprend trois parties: dans les deux premières on trouvera une étude historico-philologique sur l'épopée «Les Nartes» et sa genèse, et dans la troisième partie les documents adyghé.

I

L'expression «épopée héroïque adyghé «Les Nartes» désigne un ensemble de chants (орэд — wәрэд) adyghé, de bylines (пщыналъ — pchinatl), de légendes (хъишъэ — xisə) relatifs aux Nartes. Cette épopée est une véritable encyclopédie de la vie, des traditions, des usages, de la psychologie des Adyghés (Tcherkesses)

¹ L. Zagourskij, Predislovije k sočchin. P. K. Uslara «Drevnejšyje skazanija o Kavkaze», Tiflis, 1881, str. V.

aux différentes étapes de leurs évolution historique. Georges Dumézil, professeur au Collège de France a pu dire que ces légendes donnent une image directe de la vie, de l'âme des peuples qui les racontent et qu'elles contiennent le code d'honneur des montagnards caucasiens².

C'est sans doute la plus précieuse, la plus géniale création des Adyghes conservée par eux pendant des siècles.

Ces récits sont l'oeuvre d'innombrables tribus méoto-adyghé qui parlaient la même langue. En particulier, de nombreux noms de lieux qui s'y rencontrent attestent que les auteurs appartenaient bien au groupe ethnique adyghé: ils reproduisent la toponymie du territoire même qu'occupaient jadis les anciennes tribus de ce peuple.

La byline chantée sur le héros Chébatynyko (Шэбатныкъо) illustre clairement ce fait: en effet, «fixés par la mélodie, le rythme, la rime, les chants conservent mieux en général, et en tout lieu les plus anciennes formes traditionnelles de transmission du contenu»³.

Dans cette byline sur Chébatynyko (Badynoko), donc, on chante par exemple:

Тенэ кырэгъуаза, орэда,
Гъуазэ кырыджла, орэда,
Пшызэ никлыгъохэр, орэда,
Шы чэпэпс фэмышуа, орэда.

Ces vers disent que le Narte Chébatynyko (Badynoko) descend de la haute Тенэ (le Don) vers la mer Noire, dans la région du Пшызэ (Kouban). De même, selon la légende adyghé «La naissance de Sausyryko» et sa variante abkhaze, Setenay (Сэтэнай-гуащэ) lave son linge au bord soit du Пшызэ (Kouban) soit de la Лабэ (Laba). De même encore, dans d'autres textes, un Narte mène boire son cheval à la rivière Уарп (Urup), ou traverse à la nage la rivière Лабэ (Laba); dans les légendes sur Pakoko Тэтэрсao (Пакoкъо Тэтэршъау), une jeune fille narte, en le poussant d'une seule main, fait traverser à un bateau la rivière Шъхъаруащэ (Bélaya), ou, suivant d'autres variantes, la rivière Пшыщ (Pchich). Le Narte Sausyryko (Саусырыкъо) fait geler un Иныжъ (un Géant) dans la mer Noire. Les textes relatifs aux frères Set (Сит, Сэтымыкъо) disent qu'ils sont venus de la région de Тыуапсэ (Touapse). La légende sur le vaillant Narte БэукI (Béoutch mentionne le Темэн (Taman) et le Темэншыу (le «Cavalier de Taman»); le Narte Nasren (NN 62, 63) est enchaîné sur le mont Юшъхъемаф (Ochkhamaf) — Elbrus du Юдышъ (Odissa — Caucase) etc.

² G. Dumézil, «Légendes sur les Nartes», Paris, 1930, p. VIII.

³ V: acad. S. A. Orbéli, «Predislovije» k knighe «David Sassounskij» («Préface du livre «David de Sassoun»), Armianskij narodnyj epos, Erévan, 1939, str. X.

Ces noms de lieux et beaucoup d'autres, qui appartiennent tous à la vieille langue adyghé constituent le cadre géographique de l'épopée adyghé «Les Nartes».

Le principal leitmotiv de cette épopée est l'amour de l'homme, l'effort pour rendre sa vie plus joyeuse et plus lumineuse. L'Adyghé a incarné dans ses représentations folkloriques son expérience séculaire, son rêve d'une existence heureuse et joyeuse.

Chez les Nartes, la production et la consommation sont collectives.

Ils labourent la terre à l'aide de la charrue de bois (пхъэIаш); cultivent le millet (фы, ху); soignent les arbres fruitiers et la vigne—sane (санэ); produisent le нартсан (nartsan — le vin des Nartes); le сэнэплъ (le vin rouge) et le сэнэф—сэнаху (le vin blanc); et enfin pratiquent d'apiculture et boivent le шъоупс — фоупс («hydromel»).

Les Nartes savent se procurer le feu, travaillent le fer, fabriquent des outils (soc, faucille, pinces) et des «pièces» de cuivre pour réparer les têtes cassées des héros; ils forgent des armes: des épées à quoi rien ne résiste, de longues lances aux pointes aiguës, des flèches de toutes sortes, parmi lesquelles des flèches qui se dirigent elles-mêmes et cherchent elles-mêmes leur cible. Le forgeron Tlepch fabrique une flèche de ce genre qu'il décoche pour rechercher et frapper trois Nartes. Enfin les Nartes font de longues expéditions et partagent leur butin en parts égales.

Dans l'épopée adyghé «Les Nartes», les principales figures de héros (Setenay-guaché, Sausyryko (Sosryko), Chébatynyko (Bedy-nyko), Peterez (Beterez), Achemez, etc. sont magnifiquement décrites, avec beaucoup de relief. Progressivement, dans l'imagination des auditeurs, ils prennent une stature de titans et ce qui les grandit à nos yeux, ce n'est pas seulement leur force physique, mais aussi leur intelligence, leur conscience, leur sens de l'honneur, tournés à la défense du faible contre ses ennemis étrangers.

L'idéal des Nartes, c'est la lutte contre le mal, et, dans cette lutte, la manifestation du courage et de la fermeté, le maintien de la vérité et de la justice, la défense et la protection du faible au nom de la liberté humaine. Ces vertus constituent un code moral, mis au point par le peuple au cours de nombreux millénaires.

Par le moyen de ces chants, traditions et légendes sur les héros Nartes, chaque génération d'Adyghé a transmis et continue de transmettre à celles qui la suivent son expérience du monde, de la guerre et du travail. En cela consiste la valeur pédagogique de cette épopée.

Les héros de cette épopée ont rêvé de voir et d'entendre au loin; de traverser à toute vitesse les airs et les eaux; d'élever des ponts et des habitations avec la rapidité de l'éclair; de diriger audacieusement la nature, par exemple de produire la pluie et la

tempête, le froid et la chaleur; de vivre dans l'abondance et de ressusciter les morts. Il est question de tout cela dans les récits nartes, qui décrivent les fêtes somptueuses, les expéditions et les aventures des héros. A l'aide de «псыщыкIo цуакъ» (litt «les souliers qui vont sur l'eau») les Nartes traversent les mers sans s'enfoncer dans l'eau; grâce au «къамыщ пэкожъ» (litt «le vieux bon fouet au nez camus») ils font surgir des ponts avec la rapidité de l'éclair; il leur suffit de frapper le «анэ» (petite table) en disant «garnis-toi» pour qu'aussitôt apparaisse tout ce que l'homme peut souhaiter (№ 42); une pierre à aiguiser permet à une femme narte de ressusciter Achemez⁴. Les anciens Adyghès avaient aussi rattaché aux Nartes leurs propres croyances: dans les temps de sécheresse, c'est aux Kourganés nartes (le Set-Kourgane, le Kourgane de Nate Balkach (Бэлкъаш) etc.), qu'ils allaient prendre de la terre qu'ils jetaient ensuite dans l'eau, en priant Dieux de leur envoyer la pluie.

La fleur nommée «Setenay» («Сэтэнай—къэгъагъ») a fourni un calendrier original à la fois au laboureur et à l'apiculteur.

Les Adyghès disent:

1. «Сэтэнаер шъхьалъэмэ —
ШъолъырыкIэ имыхыжъ».
— «Setenay est en fleurs —

N'ouvre pas un nouveau sillon, (c'est-à-dire, tu es en retard, cesse de labourer»).

2. «Сэтэнаер шъхьалъэмэ —
Бжьэм тельхъэ фэмышыжъ»
— «Setenay est en fleurs —
Ne donne pas d'appât à l'abeille,

(c'est-à-dire, la belle saison est venue pour les abeilles.)

Les noms d'hommes, de lieux, de plantes, les croyances relatives aux Nartes de l'épopée, se sont formés, dans une haute antiquité à partir de la vie et par l'imagination des anciens Adyghès, — peuple millénaire, aborigène du Caucase du Nord, vivant sur la côte orientale de la mer Noire (Хы ШIуцIэ). La légende adyghé «Pourquoi le Soleil fait-il halte avant de se coucher?» exprime clairement la vision que les anciens Adyghès avaient du monde, l'image qu'ils se faisaient du soleil comme d'un être doué des facultés de l'homme: entendre, comprendre, exaucer une demande, et même s'adapter à n'importe quelle situation.

A travers le texte de tous ces chants et légendes, nous ressentons, nous nous représentons sensiblement les rêves

⁴ V. «Achemez», A. N. Diatchkov-Tarasov, Abadzekhskie byliny («Les bylines abadzekhs»), Zapiski Kavkazskogo otd. russk. gheographitch. ob-va, Tiflis, 1902, kn. 22; vyp. 4.

des Adyghés qui en sont les auteurs, leur conception du monde, leur âme héroïque, caractéristique de la race.

Les textes de l'épopée narte vivent parmi les Adyghés dans plusieurs formes: poèmes chantés, prose mêlée de vers, prose pure, les premiers étant les plus archaïques. Certains pensent que l'épopée populaire tout entière a été d'abord rédigée en vers: que c'est seulement plus tard qu'elle a revêtu la forme d'une prose mêlée de vers; et que les textes purement en prose sont encore plus récents.

Mais, dans son étude «Le Poème héroïque Kirghiz «Manas»» (*«Kirghizskaja narodnaja gheroitcheskaja poema «Manas»»*), M. Auezov a fait une hypothèse très intéressante qu'on peut, dans une certaine mesure, appliquer à l'évolution de l'épopée héroïque adyghé «Les Nartes». «Il est possible, écrit-il, que primitivement, tout le poème héroïque n'ait formé qu'un cycle unique, ne contenant qu'un petit nombre de chants. Par la suite, la demande de l'auditorie aura conduit les aèdes à élargir, à diversifier le sujet central, à imaginer des scènes secondaires et à les joindre aux scènes primitives»⁵.

La détermination de «l'âge des chants, bylines, légendes ou des cycles de l'épopée est l'une des plus importantes questions de la nartologie. Mais il n'est guère possible de dater avec précision la naissance d'une épopée populaire primitive, fruit de la création collective de plusieurs siècles. Il convient en outre de ne pas oublier les remarques que l'académicien I. A. Orbéli, l'un des meilleurs spécialistes de l'épopée arménienne «David de Sassoun», a faites à propos de la datation précise de l'origine d'une épopée populaire.

Dater une oeuvre épique populaire, écrit-il, n'est pas aussi facile que de déterminer par l'observation du courant, de la couleur et du goût de l'eau l'époque où est apparu le premier ruisseau qui est ensuite devenu un grand fleuve, portant ses eaux jusqu' à la grande mer salée⁶.

De nombreux faits témoignent de l'antiquité de l'épopée adyghé «Les Nartes». Par exemple le chant épique sur Chébatynyko (Шэбатыныкъо) décrit la maison d'Aledj (Алэдж) — lieu d'assemblée des Nartes, où ont lieu des réunions de xase (хасэ). Le texte mesure les longueurs, les poids, les hauteurs selon les critères en usage chez les hommes de l'antiquité: «huit boeufs traînent à grand peine...», «jusqu'au poitrail d'un cheval...» (dans certaines variantes «jusqu'à la poitrine d'un boeuf...»).

C'est dans la maison d'Aledj que les Nartes régulent leurs af-

⁵ M. Auezov, *Kirghizskaja narodnaja gheroitcheskaja poema «Manas»*, kn. «Kirghizskij gheroitcheskij epos «Manas», izd. A.N. S.S.S.R., M. 1961, str. 25-26.

⁶ «David Sasunskij» («David de Sassoun»), *Armianskij narodnyj epos*, Erëvan, 1939, str. IX, Predislovije (Préface).

faïres et leurs débats et rendent hommage aux Nartes courageux et généreux, par des décisions sans appel.

Dans le Nyxase (Ныхасэ), ou «conseil des mères», les femmes sages délibèrent sur les affaires de la tribu et sur le comportement de leurs enfants.

Sans limites est la compétence du Jyoutchase (Жъуѣхасэ) qui prononce la sentence de mort contre les vieillards incapables de travailler.

On peut dire que l'épopée adyghè «Les Nartes» est celle de la structure sociale du communisme primitif, antérieure aux classes, sous réserve des éléments que lui ont ajoutés les époques ultérieures, à travers lesquelles elle a été transmise.

Dans cette épopée nous rencontrons des détails relevant de l'animisme, qui prête vie aux objets et phénomènes ambiants, et aussi des traits de la «Weltanschauung» des peuples primitifs, désarmés devant des phénomènes de la nature. Dans la légende «Comment Sausyryko reconquit pour les Nartes les grains de millet», on observe la croyance que l'âme du voleur des grains de millet Yemunej (Емынэжъ) réside tantôt dans une porte, tantôt dans un arbre. Dans l'imagination d'un Narte de l'épopée adyghè, le monde qui l'entoure est plein d'innombrables mystères, d'êtres bizarres doués d'une force magique: telles les magiciennes Userej (Усэрэжъ), Tséunej (ЦэІунэжъ), homologue de la Baba-Yaga (Баба Яга) des Russes. Les Nartes eux-mêmes ont des pouvoirs magiques: c'est ainsi que Sausyryko provoque la chaleur ou le froid (v. «Comment Sausyryko a procuré le feu aux Nartes»), ou encore la pluie (l'épisode de la rencontre de Sausyryko et Adjikh (Адийху))⁷; de même on assiste à des métamorphoses: la femme de Pakoko TétérSao (Пакоко Тэтэршъау) le transforme, à l'aide de «къамыщ паку» (un fouet court), en cheval, puis en chien; dans le conte sur Khagour (Хъагъур), sa femme le transforme d'abord en chien et en coq, puis Khagour à son tour transforme sa femme en ânesse et son amant en âne⁸.

Dans les premières phases de leur existence les anciens Adyghés qui n'avaient encore que peu de connaissances sur la nature et sur ses phénomènes, ont exprimé dans leurs chants et légendes leur expérience du monde et du travail, leurs vues sur la nature, les idéaux de leur époque, leurs règles morales, leur philosophie.

⁷ Comme nous l'avons noté, les noms propres des Nartes ont une valeur symbolique exprimant leur fonction à l'épopée. La signification du nom propre de la femme narte «Adjikh» («Адийху»), qui éclaire par sa main la route de son mari est très intéressante: лэ — bras; дий — main xy — blanc (blanche), clair (claire).

Il faut croire que les noms propres ont été primordialement noms communs et, puis l'homme les a affecté et ils sont devenus propres.

⁸ SMOMPK, Tiflis, 1891, vpy. XII; str. 78—90.

«La propriété sociale des moyens de production — écrit M. O. Kosven, — est le fondement du régime du communisme primitif. Le bas niveau du développement des forces de production et la nature de ces forces, joints aux conditions générales de vie de l'homme à cette époque, imposent le travail collectif, et ce travail mène à la propriété collective des moyens et des résultats de la production. A cette époque-là il n'y a ni inégalité sociale, ni classes»⁹.

Dans l'épopée adyghé «Les Nartes» on observe des reflets du matriarcat et du patriarcat.

Intéressantes et originales sont les particularités d'anthroponymie et de toponymie de l'épopée populaire adyghé.

Le nom de Narte Pchibadyko (Пчыбадыко) se retrouve dans des monuments épigraphiques du Nord-est de la mer Noire, comme l'a montré l'académicien I. A. Djavakhichvili¹⁰, et, d'après le professeur G. V. Rogava, ce nom adyghé polysyllabique a été écrit «au moins avant notre ère»¹¹.

Un autre nom propre, Achemez (Ащэмэз) transcription grecque Atamazas», se lit, ainsi que l'a reconnu Latychev, dans des inscriptions épigraphiques du Nord de la Mer Noire aux I-er—III-ème siècles de notre ère¹².

Ces faits témoignent, d'une part, que, dans l'antiquité, les noms adyghé étaient des composés complexes¹³, et d'autre part, que certains noms de l'épopée narte étaient d'usage courant il y a douze ou dix-sept cents ans chez les Adyghés. Bien entendu, l'épopée héroïque adyghé «Les Nartes» étant fondamentalement le fruit de l'invention populaire, les personnages qui y paraissent ne sont pas historiques.

Il y a des gens qui portent des noms qui se rencontrent dans l'épopée narte: ainsi Setenay (Сэтэнай), Sausyryko (Саусырыкъу), Peterez (Пэтэрэз), Achemez (Ащэмэз), Chebatynyko (Шэбатыныкъо), Bedenyko (Бэдэныкъо), et, comme noms de familles, Narte (Нат, Натэкъо, Нартэкъо).

Il y a également des plantes qui ont reçu des noms analogues

⁹ M. O. Kosven, *Otcherki istorii pervobytnoj kultury* («Précis de l'histoire de la culture primitive»), M., 1957, p. 7.

¹⁰ I. A. Djavakhichvili, *Problemy istorii Gruzii, Kavkaza i Blijnego Vostoka*, «Vestnik Drevnej Istorii», 4, p. 34.

¹¹ G. V. Rogava, *K voprosu o strukture immennykh osnov i Kategorijakh grammatitcheskikh klassov v adygsikh (tcherkessikh) jazykakh*, Tbilisi, 1956, p. 128.

¹² Latychev, II, 213, 183, IV, 249.

¹³ G. V. Rogava, *K voprosu o strukture immennykh osnov i Kategorijakh grammatitcheskikh klassov v adygsikh (tcherkessikh) jazykakh*, Tbilisi, 1956, p. 127—128.

à ceux des Nartes. Par exemple, la spirée (*Filipendula*), espèce de plante de la famille des roses, à fleurs bissexuées, blanches, roses ou rouges, s'appelle en adyghè «fleur Setenay» («Сэтэнай — къэтыагъ») ¹⁴. Le maïs s'appelle en adyghè: «natryf» («натрыф») — «natykhу» («натыху») — «partykhу» («партыху») — «natyf» («на-тыф»), mot qui signifie «le millet des Nartes» (нат, нартэ — «parte»; ф(ы) — (ху) — millet).

Les Adyghès tirent des Nartes de nombreux noms de lieux: «Kourgan de Sausyryko», «Kourgan de Chèbatynyko», «Maison d'Adjikh», «Poêle de Setenay», «Rivière-Nat», «Aoul Nat», «Forteresse Goud-goud» ¹⁵, «Kourgan de Nate Balkach», «Kourgan des frères Setymyko».

Certaines eaux médicinales «nartsan» («нартсан», narzan) et «nartan» («нартан») ¹⁶, sont aussi rattachées aux Nartes. Leurs noms signifient «le vin ou la boisson des Nartes» et «le puits des Nartes».

De l'exposé qui précède, il résulte que l'épopée adyghè «Les Nartes» reflète divers aspects des premières périodes du développement de la société et, en particulier, des traits de la vie, des usages, de la psychologie des Adyghès, qui ont formé dans le passé une nation millénaire, aborigène du Caucase, sur les côtes de la Mer Noire et de la Mer d'Azov (Méotie).

II

L'existence chez les Ossètes, et l'absence chez les Adyghès de recherches et de publications sur l'épopée narte ont eu pour conséquence une information unilatérale et erronée sur cette épopée, et les savants aussi bien soviétiques qu'étrangers ont été ainsi et sont encore induits en erreur.

C'est ainsi que en 1945 (alors que les peuples n'avaient pas encore recueilli ni publié leurs textes relatifs à l'épopée) on a exprimé a priori l'opinion hâtive et inexacte que «l'épopée narte a été conservée dans sa plus grande plénitude et richesse chez les Ossètes, à un moindre degré chez les Kabardes et les Tcherkesses (?) et enfin, fragmentairement, chez les Balkars, les Karatchays, les Abkhaz (?), les Ingouches et les Tchétchènes»; ou encore que «l'épopée narte, dans sa partie essentielle, est l'épopée du peuple alain» et qu'«elle a été empruntée aux Alains» par d'autres

¹⁴ La fleur Setenay est connue chez les Chèpsougs sous le nom «цыш» («tsysh»), chez les Bjedougs sous celui de «хъыркопан» («хуркопан»).

¹⁵ La forteresse que les Nartes ont conquise sur les Abkhaz; elle est nommée chez les Abkhaz, «Gouintvint», et chez les Ossètes — «Forteresse de Khiz».

¹⁶ M. I. Balkarov, dans son livre «L'eau médicinale nartan» (Naltchik, 1953) remarque: «Dans l'antiquité, quand on a voulu donner une signification particulière à la force de l'homme, aux phénomènes de la nature, on les a rattachés au nom des héros Nartes», p. 7.

peuples du Caucase du Nord chez qui elle a reçu à des degrés variables des colorations nationales locales»; ou encore que «en prose et en vers les Ossètes ont conservé jusqu' à nos jours et communiqué à leurs voisins Tcherkesses, Abkhaz, Tchétchènes, et même Tatars, un vaste ensemble de récits épiques originaux, relatifs à des héros des anciens temps, les Nartes»¹⁷. Suivant le professeur Abaev et ses disciples, l'épopée «Les Nartes» ne serait pas d'origine caucasienne et, par suite, il ne serait pas possible de reconnaître et d'expliquer les noms de ces héros dans aucune des langues caucasiennes. De là sont venues les théories, mal fondées, sur une origine mongole, ou iranienne, ou alane etc, de l'épopée narte. Ces chercheurs ont nié l'existence d'une épopée nationale au Caucase et, d'une façon générale, ont étudié l'épopée narte en l'isolant de la vie et de la langue des peuples du Caucase, sans tenir compte du milieu historique qui lui a donné naissance.

Nous combattons cette tendance de la nartologie comme dénuée de fondement.

Les chants et les pchinatl adyghé de l'épopée narte n'ont pas été empruntés ou communiqués, car il n'y a aucun peuple à même langue au Caucase et dans le monde entier. *Ils sont de production nationale adyghé.*

Et nous appuyant sur d'abondants matériaux caucasiens, historiques, ethnographiques, archéologiques, folkloriques et comparatifs, nous avons prouvé l'identité génétique et typologique des noms adyghé les plus anciens et des noms propres de l'épopée «Les Nartes», et nous en avons découvert le sens.

Nos analyses, faites à l'aide de la langue, du folklore, de l'histoire, de l'ethnographie et de l'archéologie des Adyghés, ont donné des résultats positifs, qui nous permettent de conclure à l'origine adyghé des noms propres de l'épopée Nartes, de ceux en particulier autour des lesquels on la divise en grands cycles et que l'on considère comme formant son noyau, à savoir: «Сэтэнай» («Сэтэней»), «Саусырыкъо» («Сосрыкъо»), «Пэтэрэз» («Бэтэрэз»), «Іащэмэз», «Шэбатыныкъо» («Бадынокъо») et le mot «нарт». En particulier, nous avons, du nom «Саусырыкъо» — «Саосырыкъо» — «Сосрыкъо» — «Sausyryko» — «Saosyryko» — «Sosryko»), donné une interprétation qui se fonde sur les données irréfutables du folklore et de la langue des Adyghés. À l'aide de tableaux comparatifs, nous avons prouvé que, dans les légendes sur la «Naissance de Sausyryko» (adyghé, abkhaz), le trait caractéristique général est que le nouveau-né «flambe», «jette du feu» de tous côtés.

C'est cette circonstance qui a trouvé son expression adéquate dans le nom propre de «Sausyryko» («Саусырыкъо»), qui est

¹⁷ G. Dumézil, Le Livre des Héros, Légendes sur les Nartes, traduction de l'ossète, Paris, 1965.

bien adyghé. Dans ce nom propre en effet, dont la forme complète est «Саосырыкъо» le premier composant, «сао» — «шъао», signifie «garçon»; l'élément qui suit, «сыр(э)» — «стырэ» signifie «flambant, brûlant»; «ы» est préfixe possessif-pronominal spécial à la seule langue adyghé, exprimant l'appartenance organique: enfin «къо» signifie «fils» — «garçon» — en ce cas est l'indice du sexe masculin (cf. les noms propres adyghés: КЫШЫ—къо (litt. «fils de Tchich»), Гъубджы-къо (litt. «fils de Goubdj»), Мэщы-къо (litt. «fils de Mech»), c'est-à-dire, «Tchich-garçon», «Gubdj-garçon», «Mech-garçon». Le nom propre adyghé «Саосырыкъо» ou «Саусырыкъо», selon les lois phonétiques de la langue adyghé prend la forme «Сосрыкъо» («Sosryko») en kabarde: en effet, à adyghé эо (ао) correspond kabarde о (уэ), ainsi que le montrent les noms propres d'origine adyghé tel que «Шъэомаф» — «Шъомахуэ», «Шъэолыху» — «Шъолыху», etc. Ici le «s» le transforme en «шъ» (cf. «сэжтый» — «шъэжтый», «сыл» — «шъыл», «сэлихъ» — «шъэлихъ» etc.).

Le nom «Саусырыкъо» est donc purement adyghé et signifie littéralement le garçon flambant et cela correspond pleinement au contenu de la légende de sa naissance.

Les autres noms propres des Nartes, le mot «narte» («nat») lui-même, sont aussi d'anciens noms symboliques adyghé. Il nous a été possible de découvrir la loi de correspondance entre, d'un part, le contenu de ces noms, qui expriment des traits et des idées de l'homme archaïque ou des objets d'équipement propres au régime du communisme primitif, et, d'autre part, la nature des chants, bylines, légendes adyghé sur les Nartes. D'après leur signification, leur typologie, leur formation, ces noms forment un système harmonieux, avec une régularité interne rigoureuse. Les noms propres des Nartes n'appartiennent qu'à eux. Toute insertion de noms étrangers dans le système de noms propres Nartes, toute transformation sont contraires à la régularité interne de ce système et sont aisément décelables par le fait même qu'elles font violence à l'authentique nature de ces mots-symboliques.

Nous avons en outre examiné l'évolution des personnages centraux de l'époque dans le folklore des Adyghés et de leurs voisins. Pour cela nous avons utilisé cinq tableaux, dressés d'après des données du folklore de nombreux peuples du Caucase:

1°) «Cent noms propres contenus dans l'épopée «Les Nartes», avec leurs variantes phonétiques chez les autres peuples du Caucase ainsi que chez les Oubykhs qui vivent en Anatolie». («Formy bytovaniya 100 sobstvennykh imen adygskogo eposa «Narty» i ikh proiznositelnye variatsii u drugikh narodov, zhivuchtykh na Kavkaze i obykhov, nakhodiachtykhsia v Anatolii»);

2°) «Les noms propres du noyau de l'épopée «Les Nartes» chez les Adyghés et chez leurs voisins Abkhaz et Ossètes». («Formy

bytovania imion yadra eposa «Narty» sredi adyghov i ikh sosedej-abkhazov i osetin»);

3°) «Naissance de Sausyryko (Sosryko) — Sasrykva — Sozryko» («Roïdenie Sausyryko (Sosryko) — Sasryko — Sozryko»);

4°) «Schéma des éléments composant des noms propres des principaux héros de l'épopée «Les Nartes» («Skhema komponirovaniy sobstvennykh imion tsentralnykh geroev eposa «Narty»);

5°) «Noms propres contenus dans le noyau de l'épopée «Les Nartes» chez les Adyghès, avec leurs variantes phonétiques chez les Abkhaz, les Ossètes, les Karatchays, les Ingouches». («Formy bytovania imion yadra eposa «Narty» sredi adyghov i ikh proiznositelnye variantsii u abkhazov, osetin, karatchajevtsev i ingouchev»).

L'analyse de ces cinq tableaux prouve que les noms propres adyghè du noyau de cette épopée, et le mot «narte» («нарт») lui-même, avec leur usage dans les légendes, ont été adoptés par les autres peuples du Caucase; en outre, que les noms propres n'ont pas été modifiés, que les héros ont gardé le même type, et que les sujets sont les mêmes, avec les mêmes éléments, simplement avec des ornements originaux, d'après les diverses traditions folkloriques et les particularités nationales du chaque peuple. Cette constatation s'explique pour l'essentiel par le fait du substrat unifié commun aux diverses nations du Caucase, et aussi par leur voisinage séculaire et leurs perpétuels échanges culturels.

De l'exposé qui précède, il résulte que:

1°) *l'épopée héroïque populaire «Les Nartes» est née et s'est formée au Caucase.* Elle est d'origine Caucasiennne;

2°) le noyau de l'épopée caucasiennne héroïque «Les Nartes» est adyghè (tcherkesse). Les sujets des chants, des pchinatl et des légendes relatifs aux héros centraux de l'épopée adyghè «Les Nartes» ont pénétré et pris racine dans le folklore de plusieurs peuples du Caucase, où ces sujets ont trouvé leur évolution et formation nouvelle dans l'épopée nationale indépendante (ou cycle des légendes) relative aux héros nartes;

3°) *l'épopée héroïque «Les Nartes» s'est largement répandue parmi les peuples à plusieurs langues du Caucase et c' est en ce sens qu' elle est devenue internationale «Caucasiennne commune».*

L'épopée «Les Nartes» rapproche spirituellement les peuples frères du Caucase, initie leur culture nationale à la culture mondiale.

III

Les textes du noyau de l'épopée héroïque adyghè «Les Nartes» sont en vers, et chantés.

En dehors des Adyghès, aucun peuple du Caucase n' a composé, sur un large échelle et en grand nombre, de chants héroïques ni de bylines (pchinatl) relatifs aux Nartes¹⁸. Dans la présente édition, on en trouvera dix, qui ont été enrégistrés au magnétophone et dont les mélodies sont ici transrites: «Byline sur Setenay et Orzemes», «Le Narte Badynoko», «Pchinatl sur le Narte Achemez» et. c. La transcription des mélodies a été faite par Indar Khejchkho (Индар Хэчхы), musicologue adyghé.

Les appendices contiennent le tableau de cent noms se trouvant dans l'épopée et dans les photodocuments: chanteurs et narrateurs, collecteurs des textes, et enquêteurs.

Le lecteur trouvera dans cette édition des «Commentaires» aux textes, un «Dictionnaire Adyghé-Russe», ainsi que le présent «Résumé» composé par l'auteur et traduit en français par Melle Khoutyz Raziet.

Georges Dumézil, professeur au Collège de France, a eu l'amabilité de lire le texte français.

¹⁸ Signalons au passage que l'affirmation de certains auteurs, suivant lesquels les Ossètes auraient des chants relatifs au Nartes, est erronée. Par exemple, G. Z. Kaloev écrit: «Le double titre des légendes—Narty Kadjyta (chants épiques nartes) et Narty Taurykhta (légendes nartes) — témoigne qu'il y a deux types de légendes: en vers et en prose» (G. Z. Kaloev, «L'épopée narte ossète», thèses des communications faites au colloque consacré à l'épopée narte des peuples du Caucase, Ordjonikidzé, 1956, p. 18). En réalité les «Narty Kadjyta» ne sont que la versification faite par des poètes ossètes contemporains, de textes en prose; c'est ce que prouve directement la suscription jointe au titre du livre: «Les textes ont été mis en vers par Ardasenty Kh., Dzanayty I., Epkhity T., Mamsyrty D., Plity Kh... Rédacteurs littéraires: Pliev G., Britaev S.» («Narty Kadjyta», Dzaudjikau, 1949, p. Y): autrement dit, *il ne s'agit pas d'une production populaire ancienne*, alano-ossète, mais bien d'une oeuvre littéraire moderne. — A. G.

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

ДОКУМЕНТЫ

В ходе изложения глав автор делал ссылки на отдельные мифы и тексты песен, пщынатлей и легенд о нартских богатырях.

В этом разделе мы приводим некоторые мифы и варианты адыгских народных песен, пщынатлей (тексты и нотные записи) и легенд из числа основных текстов ядра героического эпоса «Нарты» с параллельными подстрочными филологическими переводами и без них.

МИФЫ

1. НЭСЫРЕН ЧІӘІУЛІАГЪӘР

(Хъатикъое текст)

1. О уи-уйй! Нарт Насырена
Уий, уий,
Насырены — жакІа,
Уий, уий,
5. Еджә о озекІуа
Уий, уий,
Тхъәми иІо-фашІэхәр
Уий, уий,
Мыхъә-мыштә ошІа
10. Уий, уий,
О тхъәр къызәбгыгъа,
Уий, уий,
О бгым дахъыгъа,
Уий, уий,
15. О бгым халулІагъа.
Уий, уий,

- Бгъэр кыпшъхъащыта!
 Уий, уий,
 Уихъэ кыбгъодэлъа!
 20. Уий, уий,
 Ухъуахъоу укъелъа
 Уий, уий,
 Уипкъэу къеогъаба!
 Уий, уий,
 25. Зы бзыу кыпфэбыба
 Уий, уий,
 Пкъэум кыпэлыста
 Уий, уий,
 Еуи узэкIэкIа
 30. Уий, уий,
 Хъэхъаеу окIыа,
 Уий, уий,
 Мыжъоджэ укъеуа,
 Уий, уий,
 35. Пкъэум теогъафа
 Уий, уий,
 Нахъи чIзофэжъа!
 Уий, уий,
 Хъэу кыбгъодэлъмэ
 40. Уий, уий,
 Пшъэхъухэр кызэпалъа —
 Уий, уий,
 IудэнэкIэ псыгъуа
 Уий, уий,
 45. Зэпегъухэ пэта! —
 Уий, уий,
 КIышым чIэсы гъукIэхэр
 Уий, уий,
 Жъырытэджы мафэхэр
 Уий, уий,
 Сыджым зэлъытеуа —
 50. Уий, уий,
 Пшъэхъухэр зэIоожъа,
 Уий, уий,
 55. Зытетыгъэ къабз! — еIо!
 Уий, уий,
 Тэ укъэтIэтэфэ —
 Уий, уий,
 Тхъэ укIэрегъэлъа,
 60. Уий, уий¹,

¹ Нэсыренэр хъакъурэжхэмкIэ чIэIулIагъэу, етIани пкъэум епхыжыгъэу кызыэрашIошIрэр.

УкІэрегъэлІахъа,
Уий!

КъэзыІуагъэр Шыблэкъо Исхъакъ Техъакъ
ыкъу, илъ. 73 ыныбжъ, Хъатикуай, къоджэ ефэнд
Зытхыгъэр ХъэдэгъэлІэ Аскэр, Хъатикъуай
8/ІХ 1964.

1. НЭСЫРЕН ПРИКОВАННЫЙ

(С хатукайского текста)

1. О уи-уий!¹ Нарт Нэсырен,
Уий, уий,
Нэсырен-жаче²,
Уий, уий,
5. Зло творят твои поступки
Уий, уий,
Бога слова-деяния
Уий, уий,
Оскорблениям подвергаешь
10. Уий, уий,
О богом проклятый.
Уий, уий,
О на гору кого подняли,
Уий, уий,
15. О к горе кого приковали.
Уий, уий,
Орел над тобой парит (буквально: сто-
ит)
Уий, уий,
Твоя собака возле тебя лежит!
20. Уий, уий,
С ревом — грохотом рванувшись
Уий, уий,
Свой столб (к которому привязан.—
А. Г.) склоняешь
Уий, уий,
25. Одна птица к тебе прилетает
Уий, уий,
На столб садится
Уий, уий,
Зло (надменно) разошелся,
30. Уий, уий,
Шумя-гремя кричишь,
Уий, уий,

¹ Запев-восклицание.

² Ж а ч е (от адыгейского **жакІэ**) — эпитет, означающий «борода».

- Камень (в птичку) мечешь,
 Уий, уий,
 35. В столб угождаешь
 Уий, уий,
 Еще сильнее вбиваешь!
 Уий, уий,
 Собака, лежащая возле тебя,
 40. Уий, уий,
 Цепи (грызя) утончает —
 Уий, уий,
 С ниточку уже осталось
 Уий, уий,
 45. Вот-вот перегрызет! —
 Уий, уий,
 В (на) кузне находящиеся кузнецы
 Рано вставшие, добрые.
 50. Уий, уий,
 По наковальне ударяют —
 Уий, уий,
 Цепи смыкаются (восстанавливаются)
 Уий, уий,
 55. Точь-в-точь, как были прежде, —
 говорит!
 Уий, уий,
 Пока мы развяжем (раскуем) тебя —
 Уий, уий,
 Да бог тебя подержит (у столба)
 60. Уий, уий,
 Да бог тебя прикончит (у столба)
 Уий!

Записан от Шыбляко Исхака Тханхача сына,
 73 лет, из а. Хатукай, аульского эфенди.

Записал А. М. Гадагатль, а. Хатукай, 8/IX
 1946.

2. СТАРИК, ПРИКОВАННЫЙ К ЭЛЬБРУСУ

(Адыгский миф)

Предание повествует, что на вершине снежного Эльбруса за какие-то грехи прикован один великан. Когда он пробуждается от оцепенения, то спрашивает у своих стражей:

«Растет ли еще на земле камыш,
 и родятся ли ягнята?»

Безжалостные стражи отвечают:

«Камыш растет,
 и ягнята родятся».

От такого ответа великан приходит в бешенство, рвет свои оковы, и тогда земля дрожит от его движений, цепи брызжут молниями и грохочут громами; его тяжкое дыхание — порывы урагана, стоны — подземный гул, бурная река, с неистовством вырывающаяся из подножья Эльбруса, — его слезы.

Хан-Гирей. Мифология черкесских народов, «Сборник газеты «Кавказ», № 86, 1846, стр. 172.

2. ИОШЪХЪЭМАФЭ ЕІУЛЫГЪЭ ЛЫЖЪЫР

(Адыгэ миф)

Хъишъэм къызэриІотэжъырэмкІэ, осылъэу щыт Іошъхъэмафэ ышъхъагъы гонахъ шІагъэ горэхэм апае зы иныжъ хэлъ. Іагъ. Зэрымырым хэтызэ къызыдэоежыкІэ, ежъ къэкъэрэгъулэрэмэ ар къяупчІы:

«Джыри чІыгум къамыл къышэкІа, шъынакІэхэри къыщалъфа?» — еІошъ.

ГукІэгъунчъэ къэрэгъулэмэ джэуап ратыжъы:

«Къамылыри къэкІы, шъынакІэхэри къыщалъфы».

Ащ фэдэ джэуапым пае иныжъым зымышІэжъэу мэхъу, зэрэчІэІулагъэхэм акІырэу. Ащыгъум чІыгур мэсысы, арэущтэу зэрэкІырыурэм фэшІы, пшъэхъухэмэ пчыкІэр къапэустхъукІы. шылблэ гъогъо макъэр къапэлукІы; ащ ихъапщэ онтэгъу жьы хьарзэшхо къыпэкІы, игырзы макъэ—чІычІэгъ мэкъэшху. Ехьыжъэгъаеу Іошъхъэмафэ ылъапсэ къычІэзэрэхьрэ псыхъо бэжъутэр — ащ ынэпс.

Зытхыгъэр Ханджэрий (Хан-Гирей), Мифология черкесских народов, «Сборник газеты «Кавказ», № 86, 1846, н. 172.

УрысыбзэкІэ тхыгъэр ззэыдзэкІыжъыгъэр ХьэдэгъэлІэ Аскэр, Мыекъуапэ, 24/X 1962.

3. СТАРИК, ПРИКОВАННЫЙ К ОШХАМАХО

Когда-то, давно это было, — один богатырь, с одним глазом на лбу, дерзнул проникнуть в тайны Тхъэ¹ и пробрался в расщелину между обеими вершинами, в то самое место, где подымается огромная, видимая для глаза скала, у подошвы которой пробивается родник чистой, как горный кристалл, воды. Не потерпел бессмертный Тхъэ дерзновенного поступка смертного и приковал его к скале длинною цепью за шею. Много лет прошло с тех пор; богатырь состарился. Длинная борода, белая,

¹ Т х ъ э — бог.

как ледники Ошхамахо, доходит ему до колен; мощное тело согнулось, а гордое лицо избороздилось морщинами. В наказание за дерзкую попытку богатыря, Тхьэ послал хищную птицу: коршун прилетает к нему каждый день и безжалостно клюет его сердце; когда же страдалец наклоняется, чтобы испить из родника немного воды, хищная птица, бросаясь раньше его, выпивает все до последней капли. Эта вода имеет чудесную силу. Кому удастся испить этой воды, тот будет жить до конца света. Наступит время, когда Тхьэ рассердится на грешных детей Алама и, освободивши одногоглаза от наказания, выпустит его из недр горы. Горе тогда людям! Он отомстит им за свои вековые страдания.

Рассказал Талиб Кашежев из Кабарды.
Записал Л. Г. Лопатинский (СМОМПК, Тиф-
лис, 1891, вып. XII, стр. 38).

4. ТХЬЭМ ПЭУЦУЖЬЫГЪЭМ ИХЬИШЪ

(Хьатикъое текст)

Мы хьышъэр шлагъоу адыгэ хьакIэщмэ къащаIотэжьэу хэ-
бзагъэп, — тхьэм пэуцуужьыным езыкугъэ Нэсрен-лIыжъым къе-
хьулагъэм игугъу пшынэр шлагъоу къырагъэкIущтыгъэп. Ау
къаотэжьырэр ары...

Нэсрен-лIыжъэр нартыгъ, бэлахъэу кIочIэшхоу, ынае тефа-
гъэу пелыуанэу, тхьы, хэти къыримыдзэжьэу, «Тхьэм цIыфхэр
изэфэдэп» ыIоу хьакъу-жьокъоу. Ар тхьэм ыдагъэп, аIуагъ.
Арыти аригъэубыти, Iэхъу-пшъэхъу аригъэшIи къушъхьэм
шыцIаригъэIуллагъ: «Ы-хьы, хьытIумэ азыфагу кIыкIыгъ, джа-
ры, о пфэшъуашэр!» ыIуи.

Ащ къыщыублагъэу мэхъуахъошъ, Iэхъу-пшъэхъухэр зэре-
гъэшхыхэшъ мыIэ-мылIэу къушъхьэм кIэлъырыIуллагъ.

ИхьэджэшъуитIу Iэхъу-пшъэхъухэм ягъузэ моу зыщызэпаш-
хыкIыным, бзыу цIыкIу горэ къэбыбышъ зэрэчIэлIулIэгъэ пкъэ-
ум къытеIыстэ — ащ лъыпытэуи ипшъэхъухэр псау-тау мэхъу-
жьых. ЕтIанэ (къэзыIуатэрэр мэшхы) мо тхьэр зэбгыгъэр емы-
нэу къызэкIэкIышъ, «хьэ-хьай!» — ыIоу мэкIыи, мэгъуахъо,
кырыузэ къегъэтIаехъэшъ, ныкъохэтхьы ешIы, ау ыгу фэллэу
убзыу цIыкIум мыжъошходжэ зеоджэ: бзыур тебыбыкIы-
жьышъ, пкъэум тырегъафэ. Ауштэу ежъ-ежырэу пкъэоу, а ежъ
зэрэчIэлIулIэгъэ шыпкъэр нахьы лъэшэу хелIулIэжьы...

Тьухыгъэ.

КъэзыIуагъэр Хьапэе Мыхьамод Тэркъанэ
ыкъу, илъ. 75 фэдиз ыныбжь, Хьатикъуай, еджа-
кIи тхакIи ышэIрэп, диныр зышIошъ хъурэ цIыф.
Къэзытхыгъэр ХьэдэгъэлIэ Аскэр, Хьатикъуай
18/VI 1950.

5. ТХЬЭМ ПЭУЦУЖЫГЬГЭМ ИХЬИШЬ

(Щапсыгээ текст)

Тхьэм натхэр пэуцужьхэу шытыгь ало. Тхьэм пэуцужьыгьэ натым ихьишье кьауатэу бэрэ сэлугьэ. Ай тхьэм илаехэр ылоу рэхьуи, ар ымыдэу имелэичымэ кларигьэлулэгьагь, лэхьу-пшэхьу аригьэшли.

Натхэр жьэклэ-пэклэфоу, мыдэ (кьэзылуатэрэм кьегьэлъягь) ылтапшье ыжьаклэ нэсэу рэхьугьэ. Нат лыжьым игупсэу хьэ гьэсэгьэфо клэлъырыс, кьегьэгьунэ. Ай зэпымыоу пшэхьхор бэрэ зепегьуклы, мыдэ лудэнаклэм фэдизэу псыгьэ рэхьуфэ. Ау сыджьы тео макьэ кьэлуи, гьукл пшэхьхор иклэрыклэу гьумы мэхьужьы. Етлуанэ, «хьэ-хьай-» ригьалоу кьызэклькыи уаер кьеклы, шыблэу мао, игьукль пшэхьхуэр зэреутэкльы-пчыкльэу егьэхьопскльых, «па-аф!» ригьалоу мэфапши жьыбгьэфор кьетлупшы, фоу зеутхыпкльи кьушхьхэр егьэгырзы, мыжьофохэр «пхьы-пхьыпхь!» ригьалоу кьыретэкьохы.

Тхьэм пэуцужьыгьэм пшэхьхуэ тэлъэр ихьэ зэпищхыкльыным слыфхэр фаеп, шэщынэх; зэпищхыкльымэ тэлалэм фэдэу клым кьытэхьани тхьэм инэхьой игьклэодыни дунаер рэушторэкльыни рэклэодыжьыштэу ало.

Джыри сыджьым шэ гьогогьу тэонхэр, цуабзэм шэ гьогогьу тэонхэр адыгэмэ хабзэу ахэлъ. Клэпшэ зылэпкь-лэпкь- зэпыкльыгь горэм зыфашлырэм, ащ ыпашхьэ цуабзэрэ уатэрэ агьэ-лылты. Сымаджьэр зэрылъ унэм узэрехьэу уатэр пштэни: «Зэ-пэщэу отэджыжь» плони уатэмджьэ сыджым «жьгьау-жьгьау» ригьалоу утэон фэе. Ай фэдэу, гьукльэр кльышым апэу зэрэ-клахьэуи, илофшлэн ыухыгьэу кьыклэкльыжьын рэхьуми сыджьым шэ гьогогьу фоу тэонэр хабзэу адыгэмэ ахэлъыгь. «Отэо-мафи» ялэуштыгьэ. Гьукльэхэр нэбгитлу рэхьумэ, зызэбладзымэ сыджьы нэклым саощтыгьэх: зым — «лэыгьэкьлат!» елоти, адырэми «еклэотэх» ылоштыгь.

Ай рапэсырэр — слыфым шынагьор нахь пэчыжьэ рэхьунэу ары.

Кьэзылуагьэр Хьушт Ибрахьим, щапсыгь, адыгэ lорлэте угьоякьлу, илъ. 80 фэдиз ыныбжь.

Зытхыгьэр Хьэдэгьэллэ А. М., Афылсып, 18/X 1960.

6. ТЕЛАЛЭМ ИКЪЭБАР

(Хьятикьое текст)

Тхьэм зэрэпэуцужьырэм, иунашьохэр мухьэморэ зэришльхэрэм, пае аригьэуыти кьушхьхэм раригьэлулгыгьагь, алуагь, лэхьупшэхьхуджэ.

Дунаер кЮдыжыны зыхуджэ Іэху-пшэхур зэпиуты-
нышъ Телалэр кѣжѣнэу аЮ.

Нахыпэ рапшІэ гѣблэшхо кѣхунышъ, цІыфхэр егѣзы-
гѣ дэдэу хурых. Ащыгум ІэшІу-ІушІухэр ику изэу, сырынэм
епщэу, мышІэр пышІыкІэу Телалэр кѣжѣнышъ:

— Фаер кыызгорэхъ, — цІыфмэ кѣариЮт. Аузэ мо гѣаблэм
ригѣзыгѣхэр зыкѣуищэнхэшъ, етІанэ плѣэгѣурэм жѣбгѣш-
хор кѣыригѣпщэнышъ, псэу хымэ адэтэр чІылѣмэ кѣатыри-
гѣэонышъ дунаер хыдзэ-псыдзэ ышІыть, ауштэу дунаер ыгѣэ-
кЮдыжыть.

Ары сэ Телалэм икѣбар кѣаІуатэу зэрэзэхэсхыгѣэр.

КѣззыІуагѣэр. Нэнкѣойкѣо Мэджыд, илѣэс
75-рэ ыныбжъ, Хѣатикѣуае дэс, пенсионер.

Кѣззытхыгѣэр ХѣэдэгѣэлІэ А. М., Хѣати-
кѣуай, 10/X 1961.

II. АДЫГСКИЕ ПЕСНИ, ПЩЫНАТЛИ И ЛЕГЕНДЫ О НАРТАХ С ПАРАЛЛЕЛЬНЫМИ ФИЛОЛОГИЧЕСКИМИ ПЕРЕВОДАМИ И БЕЗ НИХ

1. Тыгъэр пщыхъэрэ кыызфызетеуцогорэр

(Абдзэхэ текст)

1. Тыгъэр пщыхъапэм, зы лъэхъан горэм, къэуцугоу, ошъо чапэм заулэрэ итэу зэрэщытым гу лъыптагъа?...
Арэуштэу зыкIэхъурэр мары.

Сэтэнаерэ зы нарт шъошIэ Iялэрэ зэныкъокъугъэх.

2. Зым: «Непэ сае сыдын», — ыIуагъ.

Ар ышIэу, Сэтэнае фэшъхъаф, щыIэгъэштэп аIо!

Адырэм: «Зы мафэкIе уанэ сшIын», — ыIуагъ.

3. Мэфэ ренэм, шъхъажь зыфэгъэзагъэм ыужъ итэу, щысыгъэх.

Нарт Iялэр шъошIэ Iэзэ блэIигъэу цытыти, ишIэн зэIикъуи Iысыжыгъэ.

4. Тыгъэр ошъо чапэм нэсыгъэу, IофшIэнэу кыфэнагъэр тIэкIу ымыухыIоIе енэгуге зэхъум:

— О Тыгъ, зэ укыызетеуцагъэемэ! — ыIуагъ Сэтэнае.

5. А лъэхъаным нартмэ аIорэр хъу хабзэти, тыгъэр тIэкIу кыызетеуцуи, идын кыпаплъэу зы шIыпIэ итыгъ.

Мафэм бэрэ зэтесыгъэти, Сэтэнае хъазэрэу пшъыгъэн, пэгъэн фае. Къэтэджи, лъэшэу зиукъудый сэе шIыгъаIер зышилъи нарт Iялэр кыригъэплъыгъ.

6. — ЗэраIорэм утет, Сэтэнай! ШIоу бгъэшыгъэ! — нартым кыриIуагъ.

Ащ кыщегъэжъагъэу, пщыхъэрэ а уахътэм тыгъэр зихъэIе, шэны фэхъугъэу кызэтеуцогозы, ошъо чапэм заулэрэ еты.

КъэзыIуагъэр КIуай Исмахьил, илъ. 82-рэ ыныбжъ, Хъакурынэхъаблэ щыщ, абдзах, Адыгейм икъэбар Iотэ цIэрыIу.

Къэзытхыгъэр ХъэдэгъэлIэ А. М., Хъакурынэхъабл, 26/V 1958.

1. ПОЧЕМУ СОЛНЦЕ ПО ВЕЧЕРАМ (НА ВРЕМЯ) ОСТАНАВЛИВАЕТСЯ

(С абдзахского текста)

1. Ты не замечал, как солнце вечером (перед закатом), на некоторое время остановившись на краю неба, несколько задерживается?

Вот почему это так случается.

Сэтэнай и один нартский шорных дел мастер — парень по-состязались.

2. Первая: «За день сае¹ сошью», — сказала.

Умеющей это так сделать, кроме Сэтэнай, не было, говорят!

Другой: «За один день седло сделаю», — сказал.

3. День целый, каждый занимаясь своим делом, сидели.

Нартский парень был превосходным мастером шорных дел, поэтому, свое дело сделав, сел.

4. (Когда) солнце дошло до края неба, (она) стала сомневаться в том, что оставшуюся работу, возможно, не сможет закончить, и тогда:

— О Солнце, на время ты приостановилось бы! — сказала Сэтэнай.

5. В те времена нартов желания (то, что говорят) обычно сбывались и, поэтому, солнце на немного приостановилось, пока шитье свое (она) не закончила, ожидая, на одном месте стояло. (Ввиду того, что) днем долго просидела, Сэтэнай, должно быть, порядочно устала, утомилась. Привстав, сильно потянувшись, сае новосделанное одела, нартского парня попросила посмотреть.

6. — Ты такая и есть, как о тебе говорят, Сэтэнай! Добро ты мастерила (буквально: отлила)! — нарт сказал ей.

Начиная с этого (момента), когда вечером солнце в эту пору входит, привычкой став, останавливается и на краю неба несколько простаивает.

Рассказал Кувай Исмагил, 82 лет, урож. а. Хакуринохабль, абдзах, популярный сказитель Адыген.

Записал А. М. Гадагатль, Хакуринохабль, 26/V 1958.

2. СЭТЭНАЙ — КЪЭГЪАГЪ

(Хьатикъое текст)

1. Сэтэнай — гуащэм къэгъэгъэ дахэ горэ Пшызэ Iушъо мэзблыгу горэм къотэу къышилъэгъугъ. «Мыщ фэдиз зидэхэгъэ къэгъагъэр тиунэ пчъэлупэ IузгъэIыстэнышъ, зылъэгъурэм ыгъэшIагъоу Iорэт!» ыIуи ядэжъ къыхыгъагъ, аIуагъ. Къыхыи чIым хигъэIыстагъ. Ыужырэ мафэм ащ еплъымэ — ытхьапэмэ

¹ Сае — адыгский национальный костюм.

загъчэрэзыгъ — гъугъэ. Ар Сэтэнai — гуашэм лъэшэу шIон-гъуаджэ хъугъэ.

2. Зэгорэм а къэгъэгъэ дэхэ дэдэм фэдэ къыхь: «Ыпэрэр мыхъугъэми мыдырэр хъункIи хъун» ыIуи, ятIонэрэу етIани ыгъэIыстагъ. Ари гъугъэ.

3. Яшэнэрэу къыхь: «Ыпэрэхэм афэмыдэу мыр мыгъункIи хъун, — ыIуи, пчэIупэм IуигъэIыстагъ. Ащи ытхьапэхэм зыкырагъэIыхыгъ.

4. Сыд пае мэз блыгум зэрэпсаухэу къосымыгъэтыгъэхI! — кIэгъожыгъэу ышъхъэ фиIожыгъ. ОшIэ-дэмышIэу ошъуапщэхэр кыитезэрэхъэхи, ошхышхо къещхыгъ. Нэужырэ мафэм еплъымэ: Сэтэнai — гуашэм икъэгъагъэ гъэшIэгъонэу зыкыIэ-тыжыгъ.

5. ГушIуагъэ Сэтэнai — гуашэ. Ошхыпсым къэгъагъэм ыпсэ арэуштэу кыпигъэкIэжыгъ.

6. Арэуштэу апэрэу цIыфмэ псым шIуагъэу иIэр къашIагъ. «Псыр — псэм фэд» — нартмэ аIуагъ.

КъэзыIуагъэр Шыблэкъо Исхакъ, Хъати-къуае шыщ.

Къэзытхыгъэр ХъэдэгъэлIэ А. М., къ. Хъати-къуай, Адыгеир. 12/XI 1948.

2. СЭТЭНАЙ — ЦВЕТОК

(С хатукайского текста)

1. Сэтэнai-гуашэ увидела какой-то красивый цветок на берегу Пшызэ¹, в лесном куту. «Пусть растет перед моим домом такой прекрасный цветок и все любятоя им!» — сказав, домой принесла, говорят. Принесла и в землю посадила. Прошел день, и Сэтэнai видит, что цветок вянет. Это огорчило Сэтэнai-гуашэ.

2. Как-то снова она принесла такой же цветок и посадила его. И этот засох.

3. Третий раз приносит. «В отличие от первых, этот возможно не засохнет», — сказав, перед домом посадила. И его листья опустились.

4. «Зачем в лесном куту живыми не дала им постоять (расти)!» — разочарованно про себя сказала. Вдруг надвинулись тучи и пошел проливной дождь. На другой день Сэтэнai видит, что цветок чудесно преобразился.

5. Обрадовалась Сэтэнai-гуашэ. Вот как дождевая вода вернула душу цветку.

6. Так люди впервые узнали пользу воды. «Вода подобна душе!» — нарты сказали.

Рассказал Шыблако Исхак, а. Хатукай, Адыгея.

Записал А. М. Гадагатль, а. Хатукай, 12/XI 1948.

¹ Пшызэ (адыгейское) — Кубань.

3. СЭТЭНАЙРЭ ОРЗЭМЭСРЭ ЯПЩИНАЛЪ

(Бжъэдыгъу текст)

1. А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
Нарт яшъао къежъагъ джы
А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
Орзэмэсы дэжъы къакIуи:
5. А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
— Псэлъыхъо тыгъакIу, — ыIуи.
А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
— Хэты дэжъы тыкIоны гуш?
А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
10. — Сэтэнаер пшъашъэу шыс
А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
— КъыздэкIонэп, къыздэкIонэп, нарт яшъау.
А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
— УилIэужэр бэ охъуи
15. А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
ЛIырэ бжъэрэ зэблэкIырэп.
А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
КъыбдэкIон, къыбдэкIон, Орзэмэс,
А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
20. Псэлъыхъохэм зэтырахы джы
А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
Псэлъыхъохэр къежъагъ ыджы
А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
Сэтэнае ыдыжъы къакIох
25. А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
Сэтэнаер къапэгъокIышъ
А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
Псэлъыхъохэр регъэблагъ
А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
30. Унапчъэмджэ къырещэшъы,
А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
IыстыпIэхэр афешIы,
А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
Сэтэнаер агъэIысты.
35. А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
— Лъэгъун тиIэу тыкъэкIуагъ.
А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
— Шъуилъэгъуни къэшъуIон джы
А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
40. — Псэлъыхъоу тыкъэкIуагъ,
А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
Сэтэнэе гуащи, — еIо.

- А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
 Орэмэсым удэклонна?
45. А орэдэ — а орэдэ — рэу!
 — Сянэпсэба сидэмыклонджи,
 А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
 Ыжаклэхэр фыжы хьугъэ
 А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
50. Мэлишьэмэ аклышьоц
 А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
 Зы цыяпхъэ фэхьурэл,
 А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
 Сянэпсэба сидэмыклонджи.
55. А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
 — Уилэужэр бэ охъужы,
 А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
 Хьабзюдэу джэдэжыба,
 А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
60. Тимэлыми фыжы кьалъфы,
 А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
 Уимэлымэ аклышьоц
 А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
 Сэ цыяпхъэу сылэжыагъэп.
65. А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
 Пшъхьацы гуцэхэр бырабэуи,
 А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
 Убыдзитлуми лъатэуи джы
 А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
70. Къохъо шъузы узясымыгъэшлджэ
 А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
 О пшъхьэхэр кысшлуакли джы.
 А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
 Псэлъыхъохэр мэгубжи,
75. А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
 Псэлъыхъохэр къэкложы джы.
 А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
 Нарт ябыны шъхьакло ял,
 А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
80. Іэхъо-жъуахъор кыхащыжы
 А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
 Ужъгъэм дэси дащыжыгъ
 А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
 Гурхъум тесэр кыращэхи,
85. А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
 Шъхьалым дэтэр дащыжыгъ.
 А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
 «Аргуанэри къэнагъ!» — алуи
 А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!

90. КІалэхэри льягъэхуба
А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
Къэбарэри реуати джы:
А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
— Къоныр — бгъу,
95. А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
Жабгъор — пшы,
А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
Мышхъо-мышгъор — пшыкІуи,
А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
100. Янэ — щэкІы, ятэ — щэкІы,
А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
ЩэкІы-щэкІэр акІэс джы
А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
А куартэри сихъубгапхъ,
105. А орэдэ — орэдэ, а орэдэ — рэу!
КІалэ гущэм хысап ышІрэп,
А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
КІалэ гущэри къэкІожь джы.
А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
110. Нарты елгъфхэр зэхэтэу
А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
Къэбарыхэр ареу джы.
А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
Ермэлэри ахэтыти
115. А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
Ермэлэри агъэшэсышъ
А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
Аргуанэм льягъакІоба!
А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
120. Къэбархэр реуатэба.
А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
— КъедэІуба, ермэлы,
А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
Къуанэр — бгъу, жабгъор — пшы
125. А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
Мышхъо-мышгъор — пшыкІуи,
А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
Янэ — щэкІы,
А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
130. Ятэ-щэкІы,
А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
ЩэкІы-щэкІэр акІэс
А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
А куартэр сихъубгапхъ.
135. А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
Ермэлыми хысап ышІи,

- А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
 Аргонэжтым кызекІужым
 А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
 140. Къо нэкултыкІишъэрэ
 А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
 ПІэстэ Іулъхъэ шъыйрэ
 А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
 Аргуанэм ифыгукІ,
 145. А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
 А куартэри зыІуегъафи
 А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
 «Къохъу уанэ» кытырихи
 А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
 150. Ишы кытырилъхы
 А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
 Аргуанэхэр къэшэсхи
 А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
 Ермэлэри къэшэсыжы,
 Ермэлэри игъусэуи
 155. А орэдэ — орэда, орэдэ — рэу!
 А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
 Аргуанэхэр кьежъэжыхи
 А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
 160. Нарт ялъфыхэр зэхэтхэу
 А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
 Аргуанэхэр кынынэсыжъ.
 А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
 Нартхэм ахэбанэшъи джы
 165. А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
 Сэтэнаер рехъыжъэ.
 А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
 — Орзэмэсы дышъ,
 А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
 170. Дышъэхэри зыпакІэ
 А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
 Мы къохъожым семыгъахъ!
 А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
 — Хъабзудэу джэдэжъыба,
 175. А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
 Ослуагъэм унэсыгъ.
 А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
 Орзэмэсэр — пщы-тхъэмати.
 А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
 180. Орзэмэсым унашъо ешІ.
 А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
 Нартхэр ежъэжынынэу хъуй,
 А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!

- Нартыхэр езэрэфыжьэжь.
 185. А оредэ — оредэ, а оредэ — рэу!
 Чэщэр кыызэхъум
 А оредэ — оредэ, а оредэ — рэу!
 Унашъохэр афешы джы.
 А оредэ — оредэ, а оредэ — рэу!
 190. А чIапIэми щегъэлтых,
 А оредэ — оредэ, а оредэ — рэу!

Унашъо афишIыгъ яшымэ алъэкъуиплIи ажи апхынэу, Аргуанэр кIочIэшхоу щэщынахьыхэу щытыти.

Аргуанэм алорэр шлошгы хъоу, бырыу-щырыу хъазырэу щытыти, ишы ыпэрэ лъакъохэри ыужырэ лъакъохэри зэрипхыгъэх, ыпи ыпхыгъ.

Гьолы чыыагъэ.

Зэчъыем, нарыхэмэ Сэтэнаер къашти, къэшэсыхи къежьэ-жьыгъэх.

Пчэдыжъым Аргонэжъэр кызэушым иш лIагъэу, нарыхэри щымыIэжьэу зельэгъум, ынэмэ акIэлотахъ-къакIэлотахыжыи, шы хъадэр кышти къалъежьэжьыгъ.

Шъыдэу щытыми, Сэтэнэе-гуащэр Аргуанэ рагъэхыгъэп.

Джауштэу талъэныкъо мы пщыналъэр кыщаIо.

КъэзыIуагъэр Жанэ Исмахьил, илъ. 68
 ыныбжь, I Едэпсыкъуаеи щыщ, бжъэдыгъу.

Къэзытхыгъэр. ХъэдэгъэлIэ Аскэр, I Едэпсы-
 къуай, 23/IX 1960.

3. ПЩЫНАТЛЪ О СЭТЭНАЙ И ОРЗЭМЭСЕ¹

(С бжедугского текста)

1. А оредэ — оредэ, а оредэ — рэу!..
 Нартов парень пошел теперь
 А оредэ — оредэ, а оредэ — рэу!
 К Орзэмэсу придя:
5. А оредэ — оредэ, а оредэ — рэу!
 — Душу² искать пойдем, — сказал
 А оредэ — оредэ, а оредэ — рэу!
 — К кому пойдем?
 А оредэ — оредэ, а оредэ — рэу!
10. — Сэтэнай девушкой сидит
 А оредэ — оредэ, а оредэ — рэу!
 — За меня не выйдет, за меня не выйдет, нартоу парень.
 А оредэ — оредэ, а оредэ — рэу!
 — Твой (женский) пол (род) пусть много станет

¹ Нотную запись мелодии см. в конце третьего раздела.

² В данном случае: невеста; душу искать — невесту искать.

15. А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
 А орэдэ-орэда, а орэдэ-рэу!
 Мужчина рога (тоста) не минует.
 Выйдет за тебя, выйдет за тебя, Орэмэс.
 А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
20. Душеискатели³ соперничают (отнимают теперь друг у друга)
 А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
 Душеискатели пошли теперь,
 А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
 К Сэтэнай приходят
25. А орэдэ — орэдэ, а орэдэ — рэу!
 Сэтэнай встречает
 А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
 Душеискателей приглашает (к себе)
 А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
30. Через двери в дом заводит
 А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
 Места сидения дает (делает) им,
 А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
 Сэтэнай сажают.
35. А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
 — Намерение имея мы пришли
 (приехали).
 А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
 — Дело свое скажете теперь.
 А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
40. — Душеискателями мы пришли,
 А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
 Сэтэнай — гуашэ, — говорят.
 А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
 За Орэмэса выйдешь ли (замуж)?
45. А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
 — Душой матери клянусь, не выйду
 А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
 Его бороды белыми стали
 А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
50. Сто барашек шерсть
 А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
 На (материал) одного цые не хватает,
 А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
 Клянусь душою своей матери, что не выйду (за него)
55. А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
 — Твое (женское) потомство пусть много станет,
 А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!

³ Душеискатели — женихи.

- Сука-ведьма громадина,
А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
60. Наши овцы и белых котят,
А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
От твоих овец шерсти
А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
Я материал цые не износил,
65. А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
Волосы твои жалкие — лохматые,
А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
И твои две груди — торчащиеся (болтающиеся),
А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
70. Женою свинопаса если я не заставлю сделать тебя
А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
Пусть твои (буквально) головы вырастут на мне теперь
А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
Душеискатели сердятся,
75. А орэдэ — орэда, орэдэ — рэу!
Душеискатели возвращаются теперь.
А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
Нартов семья обиду имеет,
А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
80. Пастухов-мастухов⁴ скликали (собрали) —
А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
И на просорушке сидящего (сидящую) сняли
А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
И со ступки спустили
85. А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
И с мельницы увели.
А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
«Аргунэ остался!» — сказав
А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
90. Молодых пустили искать.
А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
Новость ему рассказали теперь:
А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
— Свиной-маток — девять.
95. А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
Широкопастных — десять,
А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
Разномастных⁵ — восемнадцать,
А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
100. (Их) маток (буквально: матерей) — тридцать,
хряков (буквально: отцов) — тридцать,

⁴ Дается тавтологически: «Іэхъо-жъуахъохэр», вроде «пастухи-мастухи».

⁵ В адыгских языках нет категории рода; не уверен в точности передачи содержания этого понятия. — А. Г.

- А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
 По тридцать приплода имеют теперь
 А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
 Все это мое «хъубгӀпхъ»⁶
105. А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
 Парень бедный не может счет вести,
 А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
 Парень бедный обратно идет теперь.
 А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
110. Нартов племя в сборе (когда были)
 А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
 Новости (им) рассказывает теперь.
 А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
 И ермэль⁷ среди них находился, поэтому
115. А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
 Ермэля сажают на коня,
 А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
 За Аргуанэ посылают!
 А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
120. Новости ему рассказывает.
 А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
 — Послушай, ермэль,
 Свиной-маток — девять,
 Широкопастных — десять,
125. А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
 Разномастных — восемнадцать,
 А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
 Их маток (буквально: матерей) — тридцать,
 А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
130. (Их) хряков (букв.: отцов) — тридцать,
 А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
 По тридцать приплода имеет,
 А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
 Все это мое хъубгӀпхъ!
135. А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
 И ермэль счет сделав (сосчитав),
 А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
 К Аргонэж когда вернулся,
 А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!

⁶ Мы не смогли найти термина, соответствующего прямо адыгскому хъубгӀпхъ, который означает: «материал на завод», или «стадо для разведения», или «количество на завод».

⁷ Ермэль — армянин. Армяне среди адыгов выполняли в разные времена роль мелких торговцев. Видимо, этот термин является наслоением, употребляемым в данном контексте в смысле счетчик, т. е. человек, знающий счет, считать. Современные адыгские армяне (см.: Щербина. История черкесо-гаев) полностью приняли адыгскую культуру, адыгский язык, забыв свой. И поныне адыги говорят: «красноречию учись у ермэля».

140. Свиных колбас сто,
 А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
 Кусков⁸ пастэ восемьсот,
 А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
 Для Аргуанэ — пища.
145. А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
 Все это приняв,
 А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
 «Кохъу уанэ»⁹ сняв (с чего-то)
 А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
150. Оседлал своего коня
 А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
 Аргуановы садятся¹⁰ (на коня)
 А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
 И ермэль вновь садится на коня,
155. А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
 С ермэлем вместе
 А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
 Аргуановы двинувшись обратно
 А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
160. Нартов племя в сборе (было)
 А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
 Аргуановы прибыв (к ним) обратно —
 А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
 Аргуановы возвратились.
 А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
 Среди нартов выхватывает теперь
165. А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
 Сэтэнай начинает уносить.
 А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
 — Орзэмэс золотой,
 А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
170. Золотые чьи усы,
 А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
 Не позволь этому свинопасу меня унести
 А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
 — Сука-ведьма громадина,
175. А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
 С тем, что я говорил, ты столкнулась.
 А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
 Орзэмэс — пщы-тхьэматэ¹¹.

⁸ Смысл передан приблизительно.

⁹ «Къохъу уанэ»: къохъу — хряк; уанэ — седло: «седло хряка».

¹⁰ Субъект и предикат в оригинале поданы во множественном числе, здесь и во всем тексте: «Аргуановы садятся». — А. Г.

¹¹ Пщы-тхьэматэ (адыг.) — старейший; «пщы» и «тхьэматэ» в эпосе дофеодалльного периода выступают как синонимы одного и того же понятия «старейший», «глава», «почтенный», в поздние эпохи — «князь». — А. Г.

- А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
 180. Орзэмэс унашъо¹² отдает.
 А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
 Нартам тронуться (в путь) надлежало
 А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
 Нарты друг друга нагонять (перегонять).
 185. А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
 Когда ночь настала.
 А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
 Советы им делает теперь.
 А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!
 190. В (на) этом месте ночлег устраивает.
 А орэдэ — орэда, а орэдэ — рэу!

Велел (нартам) своим коням связать четыре ноги, повязать рты, так как Аргуанэ очень сильного они боялись (было).

Аргуанэ верил всему тому, что ему говорили, несколько наивно — доверчивым был, и потому своего коня и передние ноги и задние ноги связал и его нос повязал.

Лег и уснул.

Когда он уснул, нарты Сэтэнай забрали, оседлали коней и обратно поехали¹³.

Утром Аргуанэ старый, когда проснулся, увидел своего коня издохшим и нартов — уже отсутствующими, тогда свои глаза потер-потер, коня труп взял и пустился им вслед.

Что б ни делали, но Сэтэнай-гуашэ Аргуанэ не дали унести.

Так в нашей стороне эту былинку исполняют.

Рассказал Жанэ Исмаил, 68 лет, из аула
 I Едэпсыкуай.

Записал (на пленку и бумагу) А. М. Гадатль, I Едэпсыкуай, 23/IX 1960.

4. ОРЗЭМЭДЖЫ ИМЫЖЪОУПЦИИЦ ЗЭРИТЫГЪЭ ШЫКІЭР

(Сирием кыщатхыгъэ адыгэ текст)

— МыжъоупцIэ лъэпIиц тиIэшъ, — еIо Орзэмэджы, —
 Шэн-сэнхэр мыш фэдэу ахэлъ:

Сэ лъыгъэм зыр нахъ чан.

Шхынэу узфаер адрэм къехъы,

Бзылъфыгъэ анахышIур

Рыбгъотынэу ящэнэрэр щыт.

Нартмэ лIыгъэкIэ анахышIум — зыр еттын.

¹² Унашъо — повеление, приказание, указание; букв.: по дому указание.

¹³ Букв.: обратно пошел. Адыги говорят: «кIуагъэ» в смысле пошел и поехал; неупотребительно «поехал», но правомерно: ещэ — везет. — А. Г.

Нартымэ ныбэкIэ анахышIум — адрэр ий.
Нартымэ шъузыкIэ анахышIум — къэнагъэр ий.
Зы нэбгырэм щыри ыхьымэ апшъэ хъун.
Ар зымышхурэм, тIур зыхърэр ары.
Зы ныбгырэм тIу фэмышхымэ,
Лыгъэ рышIур апшъэ тшIын.

Нарт тхьаматэхэм зэдашти, мэфэ гъэнэфагъэкIэ зэкIэ нартхэр зэфагъэсыгъэх. Хьымышыкъори къэкIуагъ. Ар зыплужыгъэ мэлыхъоу Хьамышъи кIыгъу. Еуи, нарт тхьаматэр Орзэмэджити, къэтэджити, апэрэ мыжъор къаригъэлъэгъуи:

— Нартмэ лыгъэкIэ анахышIум мыр естышт, — ыIуагъ.

Нартхэр тэдрэзми илIыгъэрэ ишIэгъошIагъэхэмрэ кыIотагъэх. Хьымышыкъом зи ымыIо зэхъум, Хьамышъэ къэтэджити:

— Сэ скъоу Пэтэрэзым ар фэшъуаш.
Пый шыуишъэр изэкъуабзэу рилIыхыгъ.
Ащ нахьылI нартхэм къахемыкIын!—
Купэу щысмэ къариIуагъ.

Пый шыуишъэр кызыпэгъокIым, изэкъуабзэу зэриукIыгъэхэр къариIотагъэти, Хьымышыкъом нарт тхьаматэхэр кьеупчIыгъэх: «Тауштэу хъумэ шыуишъэм уапэгъокIэу еолIых?» — аIуи.

— Ар кызыпысхыгъэр сишэкIуахъ. Мафэ горэм зекIо сыкъэкIыжъэ къуаджэ горэм сыктыблэкIым, а къуаджэм хьишъэ кыдэчти кыкIэлъежъагъэх. Сихъажъ кызэплъэкIи, хьишъэмэ анэ нэплъэу, ацэ лыгъэу зелъэгъухэм, еуи кIиIагъ. Хьишъэмэ «гъыб-гъыбгъ» аIоу ащ лъежъэхи, чыжъэ-чыжъэ чъагъэхэу, «ашIхыгъэпэн фæе» зыщысIоным сызэплъэм, сихъажъ кызэплъэкIи, хьишъэмэ чъэри, тIэкIу чъэни, мычъэшъуни ахэтти, зэпэзырызы хьугъэхэу кыльгъэгъухъэх. Еуи кытригъази, зырызэу кыылхэзэ, зэужэри кыылIыгъэх. Ащ тетэу пыир зэкIэкIэлъщымэ нахь псынIкIэу узэрэтекIошъуштыр кыызгурыIуагъ. Ащ ыуж шыуишъэ кызыспэгъокIым зэбгырысщи зырызэу еслIыхыгъ.

Нарт тхьаматэр къэтэджити апэрэ мыжъоупцIэр кыыритыгъ.
ЯтIонэрэ мыжъом пайи ащ фэдэ къабзэу нартхэр зэпеуагъэх. Аргорэу Хьамышъэ къэтэджити кыIуагъ:

— Сэ скъоу Пэтэрэзым
Нахь ныбэрышIу жъугъотынэп.
Iэнэ гъэIагъэхэм тапэсэу,
МэфиблIэ ар кытхэсыгъ.
Зы IульхьэкIэ хэмIабэу
КъырихьылIэгъэ нарт пстэуми
Анахь нахь чанэу
НэшIо-гушIоу, кызхимгъэщэу
Тэ тышхэзэ тезэщи

ТызпэкIыжым хэIаби,
ТIэкIу дэдэ зыIуидзи
Еуи тэджи ежьэжыгъ.

Ари нартхэм агъэшIэгъуагъ: «Ар сыд зищысэр?» — Хъымыщыкъом къеупчIых. Ахэм арелo:

— ЗекIо тыщыIэу, нарт тхъаматэхэм псыхъэ сагъэкIуагъ Псы къызэрысхъын симгъотэу сыгуIэжыгъ. ЕтIанэ зы шъо нэт горэ къэзгъоти, къуштхъэ псынэ чIэчым сыкIуи, къесэгъа-хъошъ-къесэгъахъо, екIуадэ нахъ из хъурэп. Сыпи, сыпшъи! Псыр гъуным нэси, из сфэшIыгъэп. Сеуи а къызгъэхъуагъэр къэсхъи сыкъэкIожыгъ. Тхъаматэхэр псы езгъашъуи, шъо нэтым изэрэщыт ясIотагъ. Еплъ—къеплъыжыи:

— Мыр цIыф нэгъу, ары зызфимыгъэшхэкIырэр, — аIуагъ. Ащ щегъэжыагъэу сыныбэ сенэкъокъоу сыубли, мафэм тIэ-кIу дэдэ щэхъу симыщхыгъэми сфэхъоу зезгъэсагъ.

Нарт тхъаматэр къэтэджи ятIонэрэ мыжъоупцIэри Хъымыщыкъом къыритыгъ.

Ящэнэрэ мыжъор зифэшъуашэм пай, ащ фэдэу Хъамышгъэ къэтэджи къариIуагъ:

— Мы зы мыжъор
Сэ зы нарти естынэп.
Сэ скъоу Пэтэрэзым
ШъузкIэ нахъышIу зи шыIэнэп.
ЗекIо шыIагъэу мо скъо-есыр
Чэщ ныкъом къызэсыжым
Ипсэогъум зы мэлахъо
Голъэу къырихъылIэжыгъ.
ИкIакIо ышти, унэм икIи
Чэщ чъылэ кIыхъэр риши
Нэф къызэшъым, хъакIэшIу фэдэу
ЫнаI тетэу дигъэкIыжыи,
Ишъуз дэжыи ежь ихъажыи
Дэхъашхэнхэр ащ риокIзэ,
ШъхъакIор ыгу хегъэкIуакIэ.

Ари нартхэм агъэшIагъо: «Ар сыд зищысэр?» — Хъымыщыкъом къеупчIых.

Ари шъосIотэн, — ыIуагъ Хъымыщыкъо Пэтэрэзы. — Зэ зекIо тыщыIэу, губгъожь нэкI горэм, пси чи имытэу, тыхъагъ. Бэрэ титыгъ тимыкIыжышъоу. МэлэкIалIэм, псыэфIлэным тигъалIэу зэхъум, тхъаматэхэм тырафыжыи тылтыхъозэ, етIэ убэ унэ цIыкIуитIу тьякIолIагъ, зы пшъашъэрэ ащ янэрэ исхэу. Еуи, а щэхъурэ кIуапIэ тилэжыгъэпти, тигъусэхэри къэтщагъэх. Тагъашхи, тырашъуи, чэщ зэхъум шыу пшIыкIубгъу тэхъути, пшIыр — унэ иныIом, бгъур — адрэ унэм тырагъэгъолтхъажыгъ.

Унэ кIыбым щытхэу, янэрэ ыпхьурэ сызядэIум, моштэу зэхэ-сэхы:

— А сипшъашъ, уныбжьыкI,
Тхъагъо Iаджи о плъэгъун.
ТилIхэр дэкIмэ зекIо къэтзэ
Зэпытчыгъэр сид фэдиз!
Непэ слъэгъурэм щэхъу тхъагъо
СимыIэжьынкIи хъун. Ащ пае
Нахь унэшхом сэ сихъан.

Ар ыпхъу ымыдэу мыр еIо:

Лэныгъэм жъыгъэ, кIагъэ ышIэрэп.
Тхъэгъо Iаджи о плъэгъугъэ.
Непэ тхъагъор
Сэ анхь серэй...

БзылъфыгъитIур зэнэкъокъузэ нэф шъи, тыкъежьэжьыгъ.
Ащ щегъэжьагъэу бзылъфыгъэм ыгу дэкIырэр зэхэсшIыкIы-
гъэу, ащ седэхэшIэным сэ зезгъэсагъ.

Нарт тхъаматэр къэтэджи ящэнэрэ мыжъоупцIэ лъапIэри
Хъымыщыкъом къыритыгъ.

КъэзыIуагъэр Хъапышт Азэмэт, Сирием щыщ.
Къэзытхыгъэр. Тыгъужъ ФуIад, Дамаск.
9/1 1966.

4. О ТОМ, КАК ОРЗЭМЭДЖ РАЗДАЛ ТРИ КАМНЯ-ОСЕЛКА

(Адыгский текст, записанный в Сирии)

— Три камня-оселка мы имеем, — говорит Орзэмэдж, —
Вот какие чудо-свойства они имеют:

Один острее меча разящего,
Другой еду нужную приносит,

Лучшую женщину добыть

Тебе поможет третий камень.

Один мы отдадим тому из нартов, кто мужественнее всех.

Другой — тому из нартов, кто в пище воздержаннее.

Оставшийся — тому из нартов, кто женщину уважает

больше всех.

Если один человек получит все три — он станет первейшим,

Если это не удастся, им будет тот, кто получит два

камня-оселка.

Если один человек не сможет получить два камня-оселка,

Первым будет тот, кто отличится мужеством.

Нартские тхаматэ-старейшие, согласившись, в определенный
день созвали всех нартов. Пришел и Хымыщыко. С ним пришел

его воспитатель, овцевод Хамышэ (Хьамышь). Тогда, так как Орзмэдж у нартов тхаматэ, встал и показал первый камень:

— Этим удостою того из нартов, кто мужественнее, — сказал.

Каждый нарт рассказал свои чудо-приключения. Когда Хымышыко стал отделяться молчанием, Хамышэ встал:

— Этот камень заслуживает мой сын Пэтэрэз,
Сто вражеских всадников он один одолел.
Мужественнее его из нартов не найдется! —
Всем здесь сидящим он сказал.

Когда он рассказал о том, как он один одолел встретивших его сто всадников, нартские тхаматэ-старейшие спросили Хымышыко. «Каким образом ты, встретив сто всадников, один сразил их?» — сказав.

— Этому научила меня моя гончая собака. В какой-то день, возвращаясь из странствия, миновав какое-то селение, из этого селения выбежало сто собак и погнались за нею. Моя старая собака оглянулась. Увидев, что у ста собак глаза горят, зубы отточены, пустилась бежать. Сто собак «гыб-гыб» — лая за нею побежали, далеко-далеко убежали. «Ее уже съели, наверно», — уже думал я, но, когда посмотрел, моя собака оглядывается назад и видит, что из ста собак есть могущие еще бежать, могущие немного бежать и те, которые уже не могут бежать — что они поодиночке разбросано растянулись. Тогда, повернувшись, по одной она стала их травить (убивать), удавила всех. Я понял как, что если врага растянуть, легче его одолеть. После этого, когда меня встретило сто всадников, я их растянул и по одному одолел всех.

Нартский тхаматэ встал и один камень-оселок ему дал.

Из-за второго камня (приза) также нарты посостязались. И тогда Хамышэ, встав, сказал:

— Моего сына Пэтэрэза
Более воздержанного в пище вы не найдете.
Сидя за накрытыми едой столами,
Семь дней он с нами был,
Ни кусочка не взяв в рот,
Из всех нартов присутствующих
Был проворнее,
Был веселее. Не проявлял он грусти.
Мы, кушая, устали (надоело нам есть).
Когда встали из-за стола, он к пище прикоснулся,
Чуть-чуть отведав,
Встал и пошел.

И этому нарты удивились: «А с чего это взято?» — Хымышыко они спросили. Он говорит им:

— Находясь в походе, нартские тхаматэ меня послали за водой. Я был сильно обеспокоен тем, что не мог найти, в чем принести воду. Тогда я какой-то кожаный мешочек нашел, подошел к горному источнику. Наливаю-наливаю, но не наполняется. Утомился, устал! Вода дошла до предела, но наполнить его я не смог. Тогда то, что было уже налито, я взял и возвратился. Всех тхаматэ я напоив водою, рассказал им о свойстве этого кожаного мешочка. Посмотрели и так и этак:

— Это человеческая натура. Вот потому и не насыщается,— сказали.

С этого периода стал воздержано относиться к своему желудку и приучил себя так, чтобы в день, съедая немного, хватало мне.

Нартский тхаматэ встал и второй камень - оселок Хымыщыко подарил.

Когда речь зашла о третьем камне, о том, кто достоин его получить, также Хамышэ встал и сказал:

— Этот камень

Я ни одному нарту не отдам.

Моего сына Пэтэрэза лучше

Никто не относится к женщине.

Из странствия этот мой сын превосходный

В полночь вернулся домой,

Жену, с одним пастухом

Лежащую, он застал.

Взяв бурку свою, вышел из дома,

Всю долгую холодную ночь во дворе проводил.

Когда рассвело, как доброго гостя,

С почтением проводил (пастуха).

К своей жене он вернулся,

Шутки-прибаутки говоря ей,

Заставил свое сердце забыть обиду.

И этому нарты удивились: «А с чего это взято?» — они Хымыщыко спросили.

— И это расскажу, — сказал Хымыщыко Пэтэрэз. — Однажды, находясь в походе, мы вошли в безводную и безлесную пустыню. Долго бродили, не могли выбраться. И голод, и жажда начали нас терзать. Тогда тхаматэ-старейшие послали нас в поиски (поселений). В поисках мы подъехали к двум земляным маленьким домикам. Одна девушка и ее мать были в них. Но, так как не было у нас другого выхода, привели сюда наших спутников. Накормили, напоили, а когда ночь настала, — нас было девятнадцать всадников, — десять поместили в чуть больший домик, девять — в другой.

Когда я послушал разговор матери и дочери, стоявших за домом, услышал следующее:

— О дочь моя, ты молода,
Блаженств много ты изведаеть.
Наши мужья выезжали в поход,
Сколько пришлось нам терпеть!
Кроме сегодняшнего, блаженства больше,
Возможно, мне не знать. Поэтому
В больший дом я войду.

Дочь, возражая, говорит:

— Смерть не различает старости и молодости.
Блаженств много ты видела.
Сегодня большее блаженство пусть будет моим...

Две женщины спорили всю ночь. Когда рассвело, мы выехали. С тех пор я понял, как много приходится терпеть женщине, и я приучил себя красиво обращаться с ней.

Нартский тхаматэ встал и третий камень—драгоценный оселок Хымышыко отдал.

*Рассказал Хапишт Азэмэт из Сирии.
Записал Тутуз Фуад, Дамаск, 9/І 1966.*

5. САУСЫРЫКЪО ИКЪЭХЪУКИ

(Хъатикъое текст)

Саджэмыкъохэр зэшитІу хъутыгъэх. Нахыжъым ЗэртІыжъ ыцІагъ, нахыкІэм Шъэуай ыцІагъ.

Псым адырабгъу Саджэмыкъо ЗэртІыжъ — нарт Іахъор итызэ Сэтэнэе-гуашэр хъакъу-шыкъухэр ытхъакІэу, ылъэкІэу ылъэгъугъ. Мо бзылъфыгъэ хъабз уд дахэр зельэгъум, къэкІо-накІо шымыІэу шытыти, шыгъэр зыцигъэтэкъуи, исыкІи нарт я Сэтэнэе-гуашэ зылуигъэкІагъ, алуагъ...

Ежъ Саджэмыкъо-Іахъори лІы Ізегъэн фаеп. Сэтэнае ашыгъум илІ жъы дэдэу, мыхъэтэжъэу шытыгъэу тыхъакІэшчы пчы-хъэрэ шызэхэсрэ лІыжъмэ къаІотэжъытыгъ.

Ары, етІанэ Саджэмыкъом ихъопсашэ сабий хэкІынэу шытыти, игъо къызэсым Сэтэнэе-гуашэм шъао къыфэхъугъ. Шъаоу къыфэхъугъэр къызэрыкІуагъэп, алуагъ. МашІор къыпыустхъукІы зэхъум, нартмэ ягъукІэ мэу ышІи (къегъэлъагъо) ыкопкъитІу Іадэм диубыти блэунае мыжъо шэрэхъыпсым хигъаозэ ыпсахыжъи, «Саусырыкъор» цІэу къыфишІи къаритыжъыгъ.

ЫкопкъитІоу Іадэмджэ ыубытыгъэхэр мыпсахыхэу, адыджэ зэ фэдэу шылычыпкъэу хъугъагъэу къаІотэжъы.

*Къэзылуагъэр ЛІыпый Билъэустэн, илъ. 70
фэдиз ыныбжъ, Хъатикъуай.*

*Зытхыгъэр Хъэдэгъэлэ А. М., Хъатикъуай,
25/IV 1946.*

5а. СОУРЫҚЪУЭ ИҚЪӘХЪУКІЭ

(Бэслыней текст)

1. ПцІэуэ яупсамэ пцІы дыусыжын, пэжбу жьаІамэ пэжбу жьытІэжын.

2. Сэтэней-гуашэ Псыжъ кІуауэ псы Іуфэм Іусу нартхэ яІэ-хъожым:

3. — Хьэ-хьей, Сэтэней! — жьери, — НокІуэ! — жьери кьитІыпшъа нэпсыр. КъутІыпшыри, псым кьызэпырыкІыри Сэтэней ибгъум дей мывэжъ горэ шъылыти абы кьытехуа. Ар Сэтэней илээгъуа, — мывэм хэхъа, къаву.

4. «Мыр згъэунэхун!» — жьери, мывэжъыр кьыздихъа унэм.

5. Мывэр игъэтІылыри, мэээ бжъыгъэр кьэсыхукІэ ежа. ИпІалъэр кьыщысым, мывэр зэгоудри саби кьдыэкІа.

6. МафІэр кьыпыустхъукІу мывэм кьыдэкІати кІышъым яхъа, Лъэпшъ — гъукІэм мэфІэ пэрІабэм икопІкьытІыр дилъхъэри, псым шъыхагъауэм быду, гъушІым ходу хъуа. ПэрІабэм дэлъа икопкьитІыр зэрэтІатІу кьэна.

7. ГъукІэм сабийм цІэу Соусырыкъо фІишІа.

8. Соусырыкъо кьышъалъхуар Псыжъ псыхъо нэпкъ Іуфэрат.

КъэзыІуагъэр: Мэремыкъо Хьарун Бырэыкьуэ, илгъэс 75 иныбжъ, Черкесиём щыщ Инджыджышхо къуаджэм дэс.

МагнитофонкІэ

Зытхыгъэр ХьэдэгъэлІэ А. М., Бэслыней,
25/II 1962.

5а. САСЫРЫҚЪУА АРИРА

(Пересказ беслинейского текста на щкаруовском диалекте абазинского языка)

1. Мцны йерхъозари мцны ехъхъуэд, цІабыргны йрхъхъуэзэри цІабгыргны йрхъхъуэтІ.

2. Сэтэней! — гуаша Псыжъ адзы атшпы дышыкъаз:

3. — Хьэ-хъай, Сэтэней! — йхуэн, — йысцуныет! — ихуэн инэпсы ауштІ. Ауштэ, адзы иктысын, Сэтэней лхъадэ иштаз Іахъакъу якушъэтІ. Ари Сэтэней елбетІ, ахъакъу ишалалоз, яшхуа.

4. «Ари исыркъухъпІ!» — лхуэн, ахъакъулыцалгетІ рыгъунэ

5. Ахъакъу штІалцІан, амдз нкъора надзэнцІвкІ дазпшытІ. АпІалъа анадза, ахъакъу айгйувцын асаби дабжыцІтІ.

6. Ишыз ахъакъу дахъабжыцІыз, ажыра дырган, ажыи Лъэпшъ амца пырІаба дыбжыкІыын адзы бдзайщын аухъэ

¹Подчеркнутые слова являются общими и для адыгов и для абазинцев. Запись в адыгейской транскрипции. — А. Г.

айпш дкъалетI. АпырIаба ибжьэкъыз игъувщэпIыкIь (ищэмкъэ уагъувснэ) иштIэтIаз янхетI.

7. Ихъидз икъызцIаз ажыи якIупI.

8. Сасырыкъуа дэхъадрийз Псыжъ адзы анэлкъа ачIы акIупI

ЙызгIваз МерамкъвылI Харун Бирэ йла, сквша 75 йныбжьупI, Черкес йауу. Инджыджышхо акыт йто.

Магнитофонла йызгIвыз: ХьэдэгъэлIэ А. М. акыт Н. Бесленей.

Абазала йатанызкIыз Экба Назир Бекмурза ипа. Майкъвоп, 6/VI 1964.

5а. РОЖДЕНИЕ СОУСЫРЫКО

(С беслинейского)¹

1. Если неправду рассказывают, неправду перескажем, правду рассказывают, правду перескажем.

2. Сэтэней-гуащэ на Псыж² пошла и, сидя на берегу воды (реки), ей пастух:

3. — Ха-хай, Сэтэней! — сказал. — Идет! — сказал и пустил нэпс (семя мужское). Пустив, оно через воду перелетело и на камень, сбоку Сэтэней лежащий, упало. Это Сэтэней видела. Семя в камень вошло, закипая.

4. «Это я испытаю!» — сказала и камень (этот) с собою принесла домой.

5. Камень положив, пока не исполнилось должное количество месяцев, ждала. Когда срок настал, камень раскололся, и Соусырыко вышел.

6. Так как он вышел из камня, горя огнем (искрясь), его на кузню отнесли к Тлепшу. Тот, в клещи его два бедра заключив, в воду опустил, и (от этого) стал крепким, как железо. В клещи заключенные его два бедра мягкими остались.

7. Кузнец ребенку дал имя Соусырыко.

8. Соусырыко родился на берегу Псыж-реки.

Рассказал Мэремыко Харун Быра сын, 75 лет, из Инджыджышхо-селения Черкесии.

Записал (на магнитофонную пленку) А. М. Гадагатль, а. Бесленей, 25/II 1962.

¹ Записывающий не склонен утверждать, что в этом тексте полностью выдержаны сказителем все особенности беслинейского (бесланейского) диалекта адыгского языка, т. к. он равно и постоянно живет среди кабардинцев и беслинеевцев, которые, по его мнению, «ябзкIэ тIыри зыкъа!» — по языку одинаковы ведь!» — А. Г.

² Псыж (Псыжъ) — восточноадыгское название реки Кубань; западные адыги ее называют *Пшызэ*

6. САУСЫРЫКЪО ИКЪЭХЪУКИ

(Проф. Ж. Дюмезиль ытхыжыыгэмэ ащыщ,
бжъэдыгъу-шапсыгъэ текст)

Мы пшысэу къэсІощтэр зыхъугъэр пэсэжъым цІыфмэ илъэс шъитІурэ шъэныкъорэ-илъэс шъищ агъашІэу, жъырэр мылІэ-рапшІэу щэджыблэхэр хэсэу арапыбжъэ рагъашъори агъэлІэ-жъэу зыщытыгъэ лъэхъанэр ары.

Лабэ адырабгъу ГъукІыкьо раІоу чэмахъо горэ Іусыгъ. Ишъуз хъошъэным икІодагъэуцтыгъ. Сабыеу къелыгъэр ари-гъэпІун ымылгъэІэу къэнэгъагъ. Сэтэнэе гуащэр псыхъом гы-кІэнджъэ зэкІом, чэмахъор псым адырабгъуджъэ кыІухъи: «О Сэтэнэй-гуащ! Мы сабыир ибэу къэнагъ, язгъэпІун слъэкІырэп, осэты, пІу!» ыІуи кызелъэІум, кыІихи цІыфы римыгъашІэу ыныбжъ илъэс тІокІым ехъафэ нэсы кІыунэм щипІугъ, Саусы-рыкьо цІэу фиуси.

Ж. Д ю м е з и л ь. Анатолийскэ документхэр,
I, Париж, 1960, н. 92.

7. СЭОСЫРЫКЪО НАРТМЭ МЭШІУАХЪЭ ЗЭРАФЭКІУАГЪЭР

(Израиль кыщатхыгъэ хъакІуцу текст)

Нартхэр дэщэсыкІы,
Ри-ра-рэш-арэда,
Гъод-гъод къалэ екІугъа
Ри-ра-рэш-арэда,
Къушъхъэ-лъашъхъэр къауахъа,
Ри-ра-рэш-арэда,
КъалэкІахъи шымыІа,
Ри-ра-рэш-арэда,
Нартхэр чыІэм егъалІа
Ри-ра-рэш-арэда,

— Хэт мэщІуахъэ рэкІона?
Ри-ра-рэш-арэда,
Сэосырыкьо рэкІона.
Ри-ра-рэш-арэда,
Сэосырыкьо рэмыкІомэ
Ри-ра-рэш-арэда,
РэкІонихэ тхэмыта!
Ри-ра-рэш-арэда,

Сэосырыкьо ежъагъ — Іуагъ
Ри-ра-рэш-арэда,

Хьэ уштыкІэу мэушъа,
Ри-ра-рэщ арэда.
Кетыу щэкІуакІ мэщакІо,
Ри-ра-рэщ арэда.
ПхьэцэкІэ иным кыщхьаІа
Ри-ра-рэщ арэда.
ПхьэцэкІэ макІэр кьепхьуата
Ри-ра-рэщ арэда.
ПхьэцэкІэ инэр кызыщхьэІа,
Ри-ра-рэщ арэда.
Сэосырыкьо кьеІи кьеубыты:
Ри-ра-рэщ арэда.
— Сэри гущэм учхына?
Ри-ра-рэщ арэда.

— Шъыды мыгъом сыфэпщха?
Ри-ра-рэщ арэда,
— Сэосырыкьо иджьэгукІы
Ри-ра-рэщ арэда,
КъызысэмыІуатэрэм
Ри-ра-рэщ арэда,
Сэры гущэм учхын! — Іуагъ.

— Джан кошэрыхъыхэр
Ри-ра-рэщ арэда,
— Сэосырыкьо иджьэгукІэ
Ри-ра-рэщ арэда,
АІоу зэрысэІугъэр:
Ри-ра-рэщ арэда,
Цобзэ-шІобзэр егъэплъа
Ри-ра-рэщ арэда,
Ыпшъэджьэ ретІупщэх
Ри-ра-рэщ арэда,
Ыхэджьэ ретІупщыжьа...
Ри-ра-рэщ арэда,

— Ехъо-еплъи хырефа
Ри-ра-рэщ арэда,
Щхэны фаеу тыкъещІа
Ри-ра-рэщ арэда,
— Ныбэуз бзаджэр схырефа,
Ри-ра-рэщ арэда,
Щхэны фаеу сыкъещІы,
Ри-ра-рэщ арэда,
Нахы сашІэгъо сэмыІомэ
Ри-ра-рэщ арэда,
Сэры гущэм учхын — Іуагъ.
Ри-ра-рэщ арэда,

Копкыкыльэ еуи регъэчэхы!
Ри-ра-рэщ арэда,
Шъхъэпкыкыльэ еуи кIегъэшъута
Ри-ра-рэщ арэда,
Къущхъэм кIырегъэщъты
Ри-ра-рэщ арэда,

— Шъхъэуэз бзаджьэ сылэти
Ри-ра-рэщ арэда,
Сэры гуцэм схифыгъа
Ри-ра-рэщ арэда,
Щхэны фаеу сыкъещIа
Ри-ра-рэщ арэда,
Нэхы шIагъо кыызсэумыIорэм
Ри-ра-рэщ арэда,
Сэры гуцэ учхын! — Iуагъ.
Ри-ра-рэщ арэда,

— Псы — орыжъым хэуцуа
Ри-ра-рэщ-арэда,
Мэфиблымэ егъэцыгъ.
Ри-ра-рэщ арэда,
ЛъэпхъэбэфитIор къеIы кыхеч
Ри-ра-рэщ арэда,

— Чыгъупшагъэ къэсщIыгъ,—Iуагъ
Ри-ра-рэщ арэда,
ХъэмцIый куахыбл хырелъхъа
Ри-ра-рэщ арэда,
Мэфиблымэ егъэцыгъа.
Ри-ра-рэщ арэда,
Иныр къеIи кыхемыч
Ри-ра-рэщ арэда,
Сэосырыкъо ежъагъ — Iуагъ,
Ри-ра-рэщ арэда,
— Тэдэ окIо, Сэосырыкъу?

— Укъхэсхынджьэ сыкъакIуа
Ри-ра-рэщ арэда,
— Уикатэхэр шъыда ихыгъ?
Ри-ра-рэщ арэда,
— Бэчы папкIэ зыкIэсэгъалэ!
Ри-ра-рэщ арэда,
— Ащ гуцэм ппукIыштэп
Ри-ра-рэщ арэда,
Унэм илты пхъуатэмэ —
Ри-ра-рэщ арэда,

Дэлээр кээпхэмэ пиупкIын—гуш
Ри-ра-рэш арэда!

— УзэрэлээкIьэпIащэмджэ
Ри-ра-рэш арэда,
Узэрэ-Сэосырыкьор
Ри-ра-рэш арэда,
Гурышхьо кыпфэсцIыгъа,
Ри-ра-рэш арэда,
Уикатэ спиупкIышъуштэл,
Ри-ра-рэш арэда,
Сэ сикатэу пхъуатэм дэлъым
Ри-ра-рэш арэда,
СуукIынэу рэхъумэ
Ри-ра-рэш арэда,
Ныбэ гъэлыцIагъэр
Ри-ра-рэш арэда,
Псым кыдихъемэ
Ри-ра-рэш арэда,
Иныжъэр зэрэуукIыгъэмджэ
Ри-ра-рэш арэда,
ЦIыфмэ кыуалъэгъулэнэу
Ри-ра-рэш арэда,
НыбэгъэлыцIэр бгырыпхэу пщIыжъын!
Ри-ра-рэш арэда!

Сэосырыкьо ежъагъ...
Ри-ра-рэш арэда,
Саосырыкьо идул — идул еIо:
Ри-ра-рэш арэда,
— Пхъуатэм ыпэкIьэ утIыскъон!
Ри-ра-рэш арэда,
Иужьыджэ кыызэтеха,
Ри-ра-рэш арэда,
Иныжъым ышхъэ зышIоуупкIырэм,
Ри-ра-рэш арэда,
Ныбэм игъэлыцIэр кыыздихъыерэм
Ри-ра-рэш арэда,
Сэцхуапэмджэ къаштэ
Ри-ра-рэш арэда,
Псыгъунэм Iут чыгыжъмэ яупцI,
Ри-ра-рэш арэда,
ЯщышIырэм еплъы!..
Ри-ра-рэш арэда,
Иныжъым ышхъэ шIуеупкIа,
Ри-ра-рэш арэда,

Машlor къехъри къэкIыжъа?
Ри-ра-рэц арэда!

КъэзыIуагъэр Хъахъо Мостафэ, хъакIуцу,
илъэс 78 ыныбжъ, Израил ис адыгэ къуаджэу
Кфар - - Кама шыш.

Къэзытхыгъэр Щэуджэн Яхъя, тилорыIотэ
угъоякIу, Кфар Кама, 15/I 1962.

8. САУСЭРЫКЪО ИПЩЫНАЛЪ

(Сирием кыщатхыгъэ адыгэ текст)

1. Сэтэнай:

— Саусэрыкъоу сикъан,
Саусэрыкъоу синэф,
Пчы мэлufыр зиашъу,
5. Ашъор зиджэнэкокл,
ЕкIапцIэр зипэлoшыгу,
Ешыгуаор зичат,
О зичэтэ Iапшъэр
Лъэпшъ тикъаным къефыз,

10. Нарт Саусэрыкъу!
Саусэрыкъо лIыкъуапцI,
Ор лIыкъопцIэ гъур,
Ор шыу гъур зэтес!
Уишъор пыхъэ-пыкIэу,
15. Угур икIыгъахэу.
УкысэфэкIожьыгъ?!
Нарт я Хасэ узсэгъакIом
УзыIукаIагъэр кысаIу.

Саусэрыкъу:

20. — Сэтэнай гуащэу
Гуащэми ямышъогъу,
Ямышъогъухэр уитхыд,
Тхыдэ гуаом урыкIодын!
Сэ кысщышIыгъэр шъкъакIошху,
25. ШъкъакIор шъузмэ араIорэп,
Шъузхэр хасэм агъакIорэп.

Сэтэнай:

- Арэп сэ сызэрэоупчIырэр.
О джэгъогъоу бгъотыгъэм
30. ИлIыIо-лIышъо кысаIу.

Шъо пхъотэшхом екIуалIи.
Ипхъэ цокъитIу ыгъэхъуахъуи

- Чъыр лэныстэр къыдихи.
ЫлыцІ хъырзэ риубыти:
35. — КъызысэмыІорэм,
Уашхъор ситхъамыгъэпцІ,
Чъыр лэныстэмкІэ зыслІэжъын.

Саусэрыкъу:

- Мафэр мэфэ шхъоджыдж,
40. Мафэр шъо техъэ-текі,
Хъарам Іуашхъэм сыдэкІи.
Арыкъ кІэим сызеплъэм
- Шыум нахъи нахъ инэу,
45. ШІуцІагъэкІэ сэлъэгъу.
Шыпэлъэгъур сэ сыети
«Хъахъай» сІуи, макъэ есэшъ.
Мэкъэшъ макъэр ымыдэу
Адэдэм къытригъази
50. Шы чэпэлс симыгъэкІоу
Іалыунэм шагъэсагъэти
Иш шІэхэу къыскІахъи,
Налкъутхэр ипчышхъэти
Пчышхъэр къысимыпэсэу.
55. ПчыдысымкІэ къысауи.
ШышхъапхэтыкумкІэ сыщихи.
Шъузихымэ яхъаку ятІэ
ПакІэкІэрэ сигъэтхъуи
Нарт жъогъэ пчыумихыр
60. ТэмэкъитІумкІэ сигъужъуи.
Зэрэсыжъорэр цуитІумэ якІэтІэя?
КІэпсэ кІэкІитІумкІэ къыхищй.
Шъхъэ шІохыным зыфекІум
Хъогъэ-шагъэ секІужъи.
65. «— Нартхэр зэфалох,
Зэфалорэ зэфамыгъэпцІ.
ПцІыкІэ сыомышгъэфакІу.
Непэ тэ тимэфэшху.
Непэ тиешхэ-ешъу.
70. Ешъо-устхъо сымышІ.
Іошхъэ пІалъэ къысфэшІ» сІуи.
Ащ ехъуи усымІотэн.
- УкІомэ Тхъожъыем къыуиІон». Ар Саусырыкъо къызеІом.
75. ИпхъэцокъитІу ыгъаджэу
Тхъожъыем дэжъ къынэси.

- «— Тхъожъыеу лъэдэкъэкIыц.
Тхъожъыеу хъакIыцэ кIыхь.
Шыхэр зыкIемыхъажь.
80. Шъыд губгъэнхэр къэохъ»..

- Тхъожъые цIыкIур къэгубжи.
Шэщ пхъэбгъухэр хигъэзи.
Сэтэнай гуащэр кIэзэзэу тридзи.
ХъакIэфыпкIэ кыфеоу.
85. Жъы феоэзэ кыгъэнэхъэжьи.
— Адэ, тэнэ гуащ,
Гуащэмэ урямыуцогъу.
Ямыуцогъухэр уитхыд.
Тхыдэ гуаом урыкIодын.
90. Щытхъу тIэкIоу тэ къэтхырэр
О пкъо пшъапцIэм фэохъы.
Убэгъэ тIэкIоу тэ къэтхырэр
Сэ садэжъ къэохъы.

- Арарэп сызэрэоупчIырэр.
95. Шъо джэгъогъоу жъугъотыгъэм
ИлIыIo-лIышъо кысаIу.
Шым ишъуи кысэIуат.
— Шыу къопцIэ Iэлшъабгъу, —
Губгъо тIыбгъоу мэзекIу.
100. ИзекIуакIэ бэлэрэгъышъу.
Заорэр ешъомыкIожь.
Шым ышъор гъочэгыешъ.
Чэгые блэнашъхь.
Къурэ шъхъапэм регъалъэ.
105. Ебгъулъэшъ мэлъае.
Мэзпчэн лъэякI.

- Арэу шытыр Алджэрыекъо Тутарыщ.
Дзэгъэщынэ шыу закъу.
Мыгъо закъоу къэнагъэм.
110. Скъо ышъхъэ ехъыжъти.
Сегъэунэхъупэти.
— АщэхъукIэ янэ кыльтфыгъэба?
— Ащ зэшиблэу янэ кызелъфым
ЗэрэмышIэу хымэ ашъхъэ къезгъэхъи.
115. Мыгъо закъоу къэнагъэм
Скъо закъо ышъхъэ ыхъыжъынышъ.
Сигъэунэхъун ыгу хэлъи.
Ышъхъэ кыземыгъахъырэм.
Хъэмэ уазгъэшхыжъын.

120. — Атэкълъыр сиуцэу,
Къыль-уцым себгъэгъоу,
Шхохэр гъурэу сфябгъэшлэу
Нартмэ янэплыжъхэр
Сэкубгъуитлум кыыхапшлэу
125. Нарт шъхъахъ сыбгъакломэ,
Сшлэрэр о плъэгъун».

- Атэкълъыр иуцэу.
Къыль-уцым ригъэгъоу
Шхохэр гъурэу фишли
130. Нарт шъхъахъ ыгъэклуагъ.
Нэфшъагъом рихъыллэу
Хъарэмэ луашъхъэ зылохъэм.
Шыу закъор ыгъотыгъ.
— Саусырыкъу зыфалорэр.
135. А плыупсыр къэклуагъэп.
Къэклонэуи къэтэпщтын.
Ар елошъ зеплъыхъэ.
Нэплъэгъум къолъэтыгъ.
Нэплхэр ыгъэжъгыжъгыгъэу.
140. Саусырыкъор телъадэ.
Іалыунэм щыгъэсагъэти.
Гъонэклупцлэр кыыгъащти.
Щтагъэу ар зежъэжъым.
«— О емынэ хъуныр.
145. Тыдэ мыгъо сепхыжъагъ.
Шъуз быным сахэпхъажъыщти»
Ылуи Тутарыщым,
Ишы къежэдали.
Жэ пхъэбгъуитлур кыыхикли.
150. Шыпхэклымкли ефэхи.
Саусэрыкъор телъади.
Ифэщысэ кърпхъоти.
«Мэзпчэн плытыгъа
Езгъэфэхыгъэр сэлэ» ылуи.
155. «— Мэзпчэн плытыгъэп.
Ар лы хъусэ ес.
Ар бырамыбгъ.
Уянэ нэклапхэм егъалэшъ.
Хэпхмэ Іазэгъу фэхъун.
160. Ппалъэ кыыпфэсшыгъэшъ.
Ппалъэ кыысфэшлыжъ.
— Сигъуаджэ хъумэ кыуаслоу.
Уигъуаджэ хъумэ кыысаплоу.
Тшъхъэ зэрэхъыщтэп» ылуи.
165. Ышъхъэ кыыхы, къэкложъзэ.

- ХэгъошгъаІум кыызэсым.
 Нартыжъмэ къаІокІэ.
 «— Нартхэм титхъаматэхэу
 О тхъамэтэ мафэхэр.
 170. Илгъэсиблым зэ шъуемыжъ.
 Шъушэсэу шъо шъуежъэмэ.
 ИлгъэсиблІэ шъуемыпсыхыжъ.
 Тидэрабгуъ шъо шъуежъагъ.
 — О нэклупцІэ къуапцІэр.
 175. О пцІыупсы цІапІэр.
 Тэ уедгъэукІынкІэ.
 Тикъан тылгъыхъушт.
 О пІуагъэп умыІожъ.
 — Шъуикъан шъулгъыхъушtmэ.
 180. Тэ тылгъыхъугъахэшъ.
 ЛгъыхъуакІэ шъуемыжъэжъ.
 Ащ иІофхэр зэкІэри.
 Зэрэщытыр шъосІон.
 Ыпкъмэ шъо шъуызфаер,
 185. Хъарэмэ Іуашгъхъэ шъуекІу.
 Ышгъхъэ шъуфэешtmэ,
 Сэ джыдэдэ шъостыжъын.»
 ЫІуи, шгъхъэр афидзи.
 Сэтэнай гуащэм фэкІожъи.
 190. Хъугъэ-шІагъэр зыреІуатэм,
 Мыщ фэдэу ащ ыІуагъ:
 — Тыгъосэрэр сшІэрэп,
 193. Ау непэрэр хъун, сишау.

Къэзытхыгъэр: Тыгъужжъ ФуІад, Дамаск,
 30/І 1966.

КъэзыІуагъэр: Қят Ахъмэд, 1900 илгъ. Си-
 рием щыщ адыгэ къуаджэу Тэпадэ кыщыгъугъ.

9. О ТОМ, КАК ПОХИТИЛ ОГОНЬ САУСЫРЫКО У ИНЫЖА

(Пересказ содержания пщынатля Крым-Гиреем)

Однажды в отсутствие Савсорука (Саусырыко. — А. Г.) нар-
 ты отправились искать добычу, говоря: «И без Савсорука мы
 найдем обильную добычу». Спустя три дня после того, Савсорук
 возвратился домой и, не видя никого из нартов, спросил свою
 мать:

— Мать моя, Сетенай, где нарты?

— Они выехали со словами: «И без Савсоруко мы найдем
 обильную добычу».

Вооружившись тотчас саблей, Савсорук отправился вслед за
 нартами и, проехав трехдневный путь нартов, догнал их. Они

объехали горы и ущелья, но, не найдя нигде добычи, возвращались домой без поживы.

— Эх, неопытные, как же теперь вы покажетесь своим женам без матери для шальваров. Они отрекутся от трусов.

Сказав это и переменяя места двух сыновей Анны¹, начальствовавших над нартами, Савсорук пригласил последних следовать за ним. Самолюбие его страдало, и он отомстил нартам жестоким холодом.

— О, Черный Савсорук, с огненными глазами железного человека, холод губит нас, нарты погибают от стужи! — возопили нарты.

— Вы страдаете от холода, но никто из вас не имеет столько бодрости, чтобы развести костер и согреть удальцов: как же после этого общество ваше безубыточно без меня.

Сказавши это, Савсорук тотчас развел огонь, но пока нарты грелись отдаленными членами, он успел сразу обогреться, став посреди костра. Видя, что нарты еще не скоро воспользуются огнем, Савсорук, чтобы не опоздать на добычу, бросил его в воду.

— Эх, Савсорук, ты вечный хитрец, напрасно мы столько надеялись на твою помощь в настоящем нашем положении: ты жестоко обидел нас. Обида не может остаться без мщения.

Нарты обнажили сабли. Савсорук уговорил их и, надев сандалию, с помощью которой он ходил по воде, начал мешать воду саблей, с видом, будто бы ищет огня.

Нарты опять обнажили сабли.

— Эх ты, лукавец. Последний твой поступок еще больше оскорбляет нас, чем все прежние твои обиды. Ты теперь должен погибнуть.

— Погодите, нарты, отсрочьте ваше намерение, я сейчас снабжу вас огнем,—сказал Савсорук и отправился на соседнюю гору. С нея он увидел вдали небольшой дым. Савсорук подъехал к нему — и что же он встретил? — громадный горевший пень и около него чудовищного великана, дремавшего, греясь. Савсорук спросил совета своего рыжого коня (Тхозий); тот ему сказал:

— Я подойду к огню тихонько, присяду по возможности осторожней, а ты, Савсорук, не полейстись большим огнем, да набери его немного — и будем таковы.

Но Савсорук второпях уронил горсть огня на спавшего великана — и чудовище проснулось. Первым его делом по пробуждении было схватить и приостановить Тхозия и спешить его господина.

¹ Видимо, здесь произошла механическая перестановка букв внутри слова «наны»: «сыновья наны», т. е. «сыновья матери», иронически: «маменькины сынки». — А. Г.

Савсоруку не терял присутствия духа, а напротив того, по врожденной ему страсти к затеям, уже помышлял об уничтожении великана. Этот предложил ему несколько вопросов.

— Незванный гость из нартов, не знаешь ли ты некоего Савсорука, о котором так много сказано и еще больше говорят.

— Савсорука я не знаю лично, но слышал, что о нем ходит чудная молва и за горами.

— Так не можешь ли ты рассказать мне известнейших из его подвигов. Авось и я, может быть, не хуже Савсорука повторю их. Я давно желал встретиться и состязаться с этим молодцом...

Савсоруку начал рассказ свой.

— Человек, которого ты желал бы видеть и о котором так много ты слышался, в одном месте сорвал гору, мешавшую племени нартов делать набеги на вражьи селения, поставил ее себе на голову и понес к морю; затем, подбросив гору вверх один и другой раз, низверг ее в глубь моря.

Великан встал и попробовал сделать то же самое, что и удалось ему.

— Шутка эта хороша по себе, а в особенности для меня, потому что она уничтожила старую неизлечимую язву, покрывавшую мою голову. Еще что скажешь? — спросил великан.

— Савсоруку, говорят, иногда тешится и тем, что проглатывает докрасна раскаленный железный плуг.

Великан отправился к реке и вступил в нее. Вода от жестоко-рев его докрасна, проглотил.

— И эта штука хороша, а для меня она тем благодетельней, что возбудила во мне давно желанный аппетит, ведь я два года не обедал. Дальше что? — продолжал великан.

— Савсоруку до груди становится в воду и, когда она от стужи замерзает толстым слоем льда, выходит из реки, грудью разломав лед.

Великан отправился к реке и вступил в неё. Вода от жестокого холода тотчас замерзла. Великан стал грудью разламывать лед, но нарт к последним своим словам прибавил такую оговорку, что в воду должно набросать соломы и древесных веток. Великан и на это согласился, — но после, при всех своих усилиях, уже не мог разломать льда — и Савсоруку восторжествовал над врагом. Великан, уверенный в том, что Черный Савсоруку с огненными глазами железного человека отрубил ему голову, просил нарта опоясаться внутренностью «побежденного чудовища». Савсоруку отсек ему саблей голову и хотел уже выполнить просьбу великана, как вдруг Тхожий начал копытами топтать о землю. Савсоруку спросил своего коня причину его беспокойства, на что тот отвечал своему господину советом наперед бросить внутренность великана на ближайшее дерево. Савсоруку послушался своего коня. Дерево мгновенно пережглось.

Уничтожив таким образом врага своей родины, Савсоруку

возвратился к нартам, развел им огня, обогрел их и потом повел их дальше.

Екатеринодар. 4 ноября 1865 года.

Крым-Гирей. Несколько слов о нашей старине
«Кубанские войсковые ведомости», № 44, Екате-
ринодар, 6 ноября 1865 года.

10. СОСЫРЫКЪО И ПШЫНАЛЪЭМ И КЪЕДЗЫГЪУИТІ¹ (1864-рэ илъэсым кыхаутыгъэгъэ

къэбэрдей текст)

I

1. Армы СосырыкъоапцІэ,
Армэ лІыфІыцІэ гъушІынэ,
Мыдэ емынэ шыу,
Нарт щыхэр шышэсмы,
5. Сосырыкъуи къакІэрыхушъ;
Жэшъибл махуибл уаеми нзаришІэкІшъ,
Нартыжъхэри бгъапІышІэшъ;
Уэ езыхэри нзэупшІыжшъ:
Уэ, Имыс, мафІэ уиІэ;
10. Уэ Сосым, мафІэ уиІэ;
Жъынду жъакІэ, мафІэ уиІэ;
Арэкъшэу, мафІэ уиІэ;
Озырмэг, мафІэ уиІэ;
Нэсрэн жъакІэ, мафІэ уиІэ;
15. Ащэм и къо Ащэмэз, мафІэ уиІэ;
Хъымыщ и къо Батырэз, мафІэ уиІэ;
Сыбылши, мафІэ уиІэ;
Албек и къо Тотырэш, мафІэ уиІэ;

- Нарты дзэго ежъам
20. МафІэ зиІа къахекІкъэм;
Анэм и къуитІри² тхъаусыхашъ,
«Дэ дымы дейлэтэмы
Сосырыкъо зхэмытмы
Дэри дкъадейжъэнтэкъэм»,
 25. Ар жалэрэ зэдыпэтго,
Сосырыкъуи къасашъ:

¹ Къази ХъатІэхушъокъом илъэси 100-кІэ узэкІрІэбэжъмэ зэритхыгъагъэм тет шъыпкъэу Адыгейм иалфавиткІэ ттхыжыгъэу кыххэтэутыжы. Текстым кыххэдгъэнэгъэ буквитІумэ уктызэряджэн фаер. ш—щ, ж—жь. — А. Хь.

² Мы чІыпІэм тхыгъэр нафэу хэпшыкІыжырэп. — А. Хь.

сосырыкъо жи пшыналъэм жи къедзыгъунт.

1.

армт сосырыгъсанба, арма нрвгъе еурна,
мрда жемна шгу,
нармт шгуаер гшасмт, сосырыгъу дасе-
рхъс;
жагъобл махуобл уајемі нзарифакъ, нари-
мърхаери бганрфас;
уа језгхаери нзгупржс;
уа, імгс. маба уіа; уа сосм, маба уіа;
хннду хака, маба уіа; арагшгу, маба уіа;
озгрмаз, маба уіа; насран хака, маба уіа;
ашам жи до ашамаз, маба уіа; агмтм жи
до батрфаз, маба уіа;
свблми, маба уіа; албек жи до мотрраш,
маба уіа;

Сосырыкъо и пшыналъэм и къедзыгъунт

Текст, изданный К. Атажукиным в 1864 году.

Фотокопия И. М. Шаранова.

- «Мыри ди дышъэ лIэужъ,
 Армы ди лIэужъыфI,
 МафIэ шъхьа дзэтеулIэ»,
 30. «Ай хъай, сэ сиIэ», жиIэри
 МафIэр инго къахуишIшъ;
 Дзэ псоури шъызэдэйкIом,
 Сосырыкъуи къагъэгубжъшъ.
 МафIэр зэхидзри,
 35. Псым хидзэжшъ;
 Уэ нэртыжъхэр мафIэншэго кышътынэм:
 «Армы ди Сосырыкъо,
 Мыдэ ди дышъэ лIэужъ,
 Армэ ди лIэужъыфI,
 40. МафIэ уиIэм, къыдхошI» жаIэри
 Мыр иетIани къеулъэIу;
 «Уашъхъо къан, симыIэ,
 СимыIэми фхосшIыншъ» жиIэри,

- Итхъожъей зридзри,
 45. Хьарэмэ Iуашъхъэ дэкIойери, зеплъэхъ:
 Зы кэшъанэ³ къогожъмы⁴
 Iугъо тIэкIу къырихуго,
 Сосырыкъуи къылъагъушъ;
 Лъэс зишIри декIоашъэшъ:
 50. Ар инмы и унэшъ,
 И шъхьамрэ и лъэмрэ зэгъэкъуашъ,
 МафIэр икум илъыжшъ;
 Уэ иври мэжей. —
 Сосырыкъуи къакIосэжшъ,
 55. Ар ишмы къеупшIыжшъ:
 «Мырмы си Тхъожъиажэ,
 Жэрхэр зышIэмыхъаж,
 Мыр инмы и унэшъ,
 И шъхьа и лъэ зэгъэкъуашъ,
 60. МафIэр икум илъыжшъ,
 Уэ ирни мажей,
 МафIэр сыткIи фIэдхьын, жи.
 — Армы СосырыкъоапцIэ,
 Армы лIыфыцIэ гъушIынэ,
 65. Мыдэ емынэ шыу,

Сэ си шIыб къашэс,
 Сэ си шылъэ макъым
 Хьалъэ макъ зезгъэшIыншъ,
 Сэ си хъа лъэ макъэм

³ Кэшъанэ — чэшъанэ, башня.

⁴ Къогожъ — къокожъ.

70. Гедыу лъэ макъ зезгъэшIыншъ;
Холъэ фIалъи зизгъэоншъи,
Зы пхъэдзакIи къаддыгъушъ;
Сосырыкъуи къошэс,
Мыр кешъанэмы къеукIуалIэри,
75. Зы пхъэдзакIи къадыгъуншъ;
Жэшибл мэхуибл къажаго,
Зы тэи кыххэзри
Инмы и коафэ трихъашъ,
Уэ инри кыызшъыури
80. И пхъэдзакIэхэр кыибжыжри,
Зы пхъэ дзакIи кыххотшъ.
— Си адэм кърахъакIашъэрэ,
Хэтхэ я бзагэ кыызэдыгъу, желIэри,
Здэшъысым мхъейго,
85. Гъогушъхыибл кыызэпиIабыхъри,
къеубыдыж
Жэшибл мэхуибл жаар.
«Уа нартхэ я шъао,
ЦIынэгорэ усшынкъэ,
Сосырыкъо здэшъыIэ кыызжумыIэм»
90. — Сосырыкъуи слъэгъуакъэм,
И хъэбари зэхэсхашъ,
«Здэшъыи⁵ схомышIэ.
«ЗдэшъыIэ пхомышIэмн,
И гегукIэ сэгъашIэ».
95. Ай хъай, и гегукIэ озгъашIэн, жиIэри
Уэ инри къришажъэшъ,
Сосырыкъо жхоаIэм
Къапшъыкъай лъапэ къагъэувурти,
Абрэ мывэ кърагъэжэхурти,
100. НэтIапэкIэ пшIэурти⁶
Нэхъ хоабжъыхэго дихоежырт.
— «Сэри аго⁷ скъашI» жи.
Сосырыкъуи дажиери,
Абрэ мывэ къригъэжэхшъ;
105. НэтIапэкIэ пшIэури
Нэхъ хобжъыхэго дихоежшъ,
Пхэ хъамбыти къригъаошъ⁸
Уэ иныр кыызшъыужри,
Мыри гегукIэ шIагъошъ,
110. Нэхъ шIагъо пшIэми сагъашIэ,
НэтIапэ и хъу ибжъ иреху, жи.

⁵ Мыщ дэжым укъызэреджэн фаер: «зэдэшъыи».

⁶ ЕнтIэпшIэуа-натIэкIэ еуагъ.

⁷ Аго — арэу, ащ фэдэу.

⁸ КъызэхигъэтIысхъагъ зыфиIу.

- Сосырыкъуи тхьам и укІшъ,
 Инмы и укІикІэ хомышІэ.
 Нэхъ шІагъуй озгъашІэншъ, жиІэри,
 115. Уэ иври къришажъэшъ;
 Сосырыкъо жхоаІэм
 Лъэгуажъэ мышъхьаго къагъэтІысырти.
 Шэхужъго шэшъэшІхэр
 Жъэдэз хъуху жъэдадзэрт;
 120. Шашъхьар фІигъэнышъкІукІирти,
 ШэкІэр къызжъэдидзыжырт.
 — Сэри аго скъашІ, жиІэри,
 Уэ иныжъри къатІышъ,
 И жъэ къригъэушІри
 125. Шэхужъго шэ шъэшІхэр
 Жъэдэз хуху жъэдидзэшъ.
 Шашъхьэр фІигъэнышъкІукІри
 ШэкІрэ къызжъэдидзыжшъ;
 «Уэ нартхэ яшъао,
 130. Мыри гегукІэ шІагъошъ,
 ІукІоцІ ихъу ибжъ и реху,
 Нэхъ щІагъо пшІэми сагъашІэ».
 Сосырыкъуи тхьам и укІшъ,
 Инмы и укІикІэ хомышІэ.
 135. — Нэхъ шІагъуи озгъашІэншъ, жи,
 Сосырыкъо жхоаІэм, и жъэ кынушІырти
 Вабдзэ фІэбз къагъэплъырти,
 жъададзэрти,
 Иныбэ шъигъэушІыІурти
 ИпхэмкІэ къызжъэдидзыжырт.
 140. — Сэри аго скъашІ, жи;
 Вабдзэ фІэбз къагъаплъыри,
 Уэ иныжъым и жъэм жъэдидзэшъ;
 И ныбэм шъигъэушІыІури,
 И пхэмкІэ къызжъэдидзыжшъ.
 145. «Уэ нартхэ я шъао,
 Мыри гегукІэ шІагъошъ,
 Нэхъ шІагъуи сагъашІэ.»
 Сосырыкъуи тхьам нукІшъ,
 Инмы и укІикІэ хомышІэ.
 150. — Шъыт, шъыт, иныжъ,
 Зы гегукІи къэнашъ,
 Сосырыкъо жхоаІэр
 Хыкъопсибл⁹ зэпрашырти,
 Анахъ куум хагъэувэрт, .

⁹ Хыкъопсибл — хыкъочъибл.

155. И лъэр шым нэмыго,
И жъэм псы жъэдэмыого,
Жэшъибл махуиблкIэ хэгъашътхьарти
КъеIэм, кыыхэкIижырт.
«Сэри аго скъашI» шъыжиIэм,
160. Уэ иныжъри хигъэшътхьашъ.
— КъеIэ иги, — шъыжиIэм,
Уэ иныжъыр кыызделэри,
И мылхэр кыигъакэшъ.
— Шъыт, шъыт, иныжъ,
165. Iэбжэ-набжэ гъабыдэшъи,
Зэрубыдым пшъхьапэншъ, жиIэри,
ПсышIагъэлъадэ къхуишIри,
Нэхъ быдэго хигъашътхьашъ.
— КъеIа иги, шъыжиIэм; уэ иныжъым
170. «СеIэ шъхьа, сыхъужыркъэм,» жи.
Мыр и гатэ кърипхъотри,
Сосырыкъуи телъадэшъ.
- «Ыф» жиIэри, кыышъепшъэм
ШегегъоакIо къригъахышъ,
175. Дамэ тетти нэсыжшъ,
Уэ и гатэ кърихри
Шъхьа флихынго шъхойкIом,
«Сэри сымы иныбжъ дэйлэтэм,
Ори узэри Сосырыкъор
180. Уи лъэкIамплэкIэ усиыхупхъэт»,
Инмы и шъхьа кыыфлихри,
МафIэри кыыхъри, къакIожшъ.
Нартыдзэго кыызхокIожар, зетепшъхъари
Хэт шыIэм игъэлIашъ,
185. Хэт хуабэм игъэлIашъ,
Я ку дэлго къана тIэкIум
МафIэр инго яхуишIшъ, —
ЕтIанэ хъуншIэри кодго къаригъашIри.
Уэ ядэжи кыишэжашъ Сосырыкъо.

II

190. — Сосырыкъо ди къан,
Сосырыкъо ди пэху,
Иам Iоху дышъафэ,
Афэр зи ганэ кошI,
Дыгъэр зи паIэ шъыгу,
195. Йеушъыгоаори мэшэс
Нарт хасэ унокIо,
Нарт хасэ уздэкIоам

- КъандзитІ зэпышъылъшъ,
 Зыпышъылъэр зрамыкуго,
 200. ЛыкІо кІоми къахэмыкІго,
 Сосырыкъуи налушІэшъ.
 ЛыкІо пхэнж зашъишІшъ,
 Къандзитри зэшъишэшъ,
 Езыми и лыхъубж шъикъутэшъ,
 205. И шъаобж къахихри,
 И хъа закъо и гъусэрэ,
 Нарт шыу гъусэ имыІэго, къежъэжшъ.
 АрыкъыкІэри кызэпишъыхъго,
 Къобланэм кыдэжэго
 210. Зы фІыцІагъи къекІэпшъ,
 КъышІэгоури, зэхихкъэм;
 КъыдышІэІэри¹⁰ кышІэхъэкъэм,
 Езым кыигъазэри
 КъышІэгоури зэхихшъ,
 215. КъыдышІэІэри кышІэхъэшъ,
 Нартхэ я бжышъхъа дыкъоакъор¹¹
 И онэгу къриушхошъ.
 ШхомылакІэри ІэшІигъээшъ,
 Вагъэ бдзумэ пшъыкІутІыр
 220. БлыбкъыпэкІэ ригъавэшъ,
 Вэрэ виймы я пшІантэпсыр
 И пэшъхъын¹² кърихушъ,
 И пашІэго данагъор
 Сэбейм кыихулІэго,
 225. Анэ быдзышэо зэфари
 Іубыгъуишъго ригъакІэшъ,
 И хошысэ кърихри,
 Шъхъа фІихынго шъхойкІом,
 «Шъыт, шъыт, нартхэ я шъао,
 230. Уэр у хъый, у хъадый.»
 — Сэр сыхъакъэм, сыхъадэкъэм.
 Нобэ нартхэ я санэ хоафэшъ,
 Хэфэ утхъуи дыкъумышІ,
 Дэ ди лаужъыр нобэ ходэми яукІиркъэм.
 235. Ар зукІри хэкІыжыркъэм;
 Мэхо пІалъи кысхошІ.
 — Хъарэмэ Іуашъхъи ди пІалъэшъ.
 Пшъэдэй пІалъэм епцІынмы
 Фызмы я пІинэри шъхъахъыгъшъ¹³.

¹⁰ КъыдышІэІэри — кылыжежы.

¹¹ Пчышъхъэ тіаркъор.

¹² Пэшъхъын — пэбзиджын.

¹³ Шъхъащыль зыфІлу.

240. Тотырэши текІотшъ,
Сосырыкъуи о ядэж къакІожшъ.
«Си анэго Сэтэней гоаштэ,
Уи мэрыхъу схогъабзэ,
Уи мэрыбз схогъадэ,
245. Тегелей схойгйашІ.»
— Сэ си мылътхукъо,
Сэ си къо шІасэ,
Нартхасэ уздэкІоам
Сэ хъабар къызжыІэ.
250. «Си анэго, Сатэней гоаштэ,
Уэ уфызшътхъа удэйли,
«Фыз хасэ шІэупшІэрэ,
Фыз упшІэжи рахъалІэрэ?»
— Уашътхъокъан зыслэжынмы, жиІэри,
255. Жыр лэныстэр къызкъойх.
«Шъыт, шъыт, дэ ди анэ,
Хъадырыхэ зышътызыгъалІэмпрэ
Дунэйм зышътызылэжымрэ,
«ДиужъкІэ къахъун цІыху цІыкІухэм
260. Мыри къахушътумынэ;
«Сэ хъабари бжесІэншъ,
Нартхасэ сыздэкІоам
«Сэ зеошхуй сыІушІэшъ,
КъэндзитІ зэпышътылтэр, зрамыкуго,
265. «ЛыкІо кІони къахэмыкІго,
КъэндзитІмы салушІэри,
«ЛыкІо пхэнжы зэшътысшІри,
Къандзитри зэзгъэзаори,
«Си лІыхубжи къэскъутэри,
270. Си шъаобжи къахэсхри,
«Си хъа закъо си гъусэрэ,
Нарт шыу гъуси симыІэрэ
Сэри скъахекІижри,
«АрыкъыкІэр къасштътыхърэ
275. Къоблани сыкъыдэжэрэ,
«Жэрми зыкъезгътэлътэшІаго
ЗыфІыцІагъи сейкІэпри¹⁴,
«СдышІаІэри сышІахъэкъым,
СшІэгоури зэхихкъэм;
280. «Езым къигъазэри,
КъыздышІаІэри къысшІэхъэшъ;
«Нартхэ я бжы штъхъа дыкъоакъор
Си онэгу къриушхошъ.
«ШхомылакІэр сІэшІигъээшъ,

¹⁴ СыкІахъи, пэблагъэ сыхъуи.

285. Вэрэ виймы я пшІэнтІэпсыр
«Си пэшъхъын кърихушъ,
Дэнагъого си пашІэри
Сэбейм къыхулІэшъ,
«Анэ быдзышэго сызэфарикІ
290. Іубыгъуйшъго сигъакІшъ,
«И хошысэ кърихри
ШъхъафІихинго къшъэйкІом
Къогъэ шъагъэ сейкІожри
Уи унэ скъакожашъ. —
295. — Уэ уи анэр уи шъхъа узыхъшъ,
Армы къабхъыгъэ зашІи;
Абы и шыфэ лыфэхэр
Сэри къазыгъашІэлъ.
— Шыгъо зтесыр шыгъобланашъхъат,
300. И шъхъар огум етат,
Лъадакъэцыгэт, схъашІыдзэ кІахът,
Зэ къабгъулъэм, зэ лъэйр⁷
Зэ лъиям плъагъужыртэкъэм.
Шъаогорэ тесыжыр
305. Шъаохужъ Іапшъагъот,
ГутІэры бгъатІэры зэйкІот,
Балырыгъ зэйкІокІэт.
— Уэ уи анэри уи шъхъа узыхъшъ,
Сэ си шыпхъуго Барэмбыпхъум
310. Ар зэшибгъуго къилъхоат.
Им яшъхъа къозгъэхъат,
Йебгъоанэ закъори
Дэгэгогъу къыбхомыхужэкІэшъэрэ.
КъыбхохъужакІи,
315. Абы ишъхъари къозгъэхъыншъ,
Ар шыго зтесыр уд-унэм шъалъхуашъ,
Іэл унэм шъапІашъ;
Къохъыпшъ и одгынэр
Сэри къыбхоысхъыншъ,
320. Уи шыкІэм тезблэншъ,
Уи шы сэкур къезблэкІиншъ,
Шышъхъар зэшІэбгъаорэ
ШыкІэр зэшІэбгъэзгъыжъгъэм,
Шыгъор шътэншъи йежэжъэншъ,
325. И шІыбагъыр кыгъазэм
Узхойери йебшІэншъ;
— Си анэго Сэтэней гоашъэ,
Сэри аго скъашІ», жиІэри,
Сосырыкъуи и Тхъожъей
330. Идэж мэкІож;

— Мырмы си Тхъожъи ажэ,
Жэрхэр зышIэмыхъаж,
Мы дыгъоасэрей шыгъом къдишIа
лажъэр

335. Сэ си закъо си лажъэ,
Хьамэ зэдэ ди лажъэ?
— Армы Сосырыкъожъ,
Армэ лъапэ кІэрэхъ,
Мыди жэмыхъо рылъху,
Фыз удыхъи кыильхоа,
340. Псынэ шІаІэ збгъэдэжырты
Іубыгъуй йезгъэжэхакъэм,
Вагъо удз збгъэдэти
Шхипэ¹⁵ хэзгъэзакъэм.
— Нахъейхэго си лажъи,
345. Си ади кърахъакІышъ,
Мор си анэрэ сигъэІушъго,
Мыр си шрэ сиушъыго!
Сосырыкъуи къагубжъшъ,
И Тхъожъэй зридзшъ,
350. Кобжэ¹⁶ лэйри кыижэхъго,
Сэтэнai кыильагъушъ:
— Сэ симылъхукъо,
Сэ си къо шІасэ,
Тхьам къыгъэшІ шхыдэ¹⁷ гъыбзэр
355. Нартхаси здумыхъ,
Мыди къагъэзэж,
Къохъыпшъ и одгынэр
Уи шыкІэ кІэрыдгъаблэ;
Къохъыпшъ и одгынэр
360. И шыкІэм кІэригъаблэшъ.
Албэк и къо Тотырэши
Хьарэмэ Іоашъхъа къекІоалІэри,
Ар и пІалъэ бгъадэтго,
Пшагъо машІэ пшагъо тІкІифІго
365. Сосырыкъуи зришІэкІшъ,
— Си адэ кърахъакІашъ,
Пшагъо бзагэр тэнэ кыикІ, жиІэри
Тотырэш абы хогупшъысэго
Шъхъаукъон кътеошъ.
370. Сосырыкъуи къасэти¹⁸,
Шышъхъар зэшІигъаошъ
ШыкІэр зэшІигъэжъгъыжъгъэшъ,

¹⁵ Шхип (щхипэ) — уцы налъ.

¹⁶ Кобжэ — къэлапчъ, «купчъэ» зыфилу.

¹⁷ Мэшхыдэ — мэцлаццэ.

18 Къэсати, къэсыгъэти.

- Шыгъор шътэри, рейхъажъэ:
 — Хъам я шхыжын,
 375. Фызым ядэж сыбхъыжынго, желэри,
 Тотыреши жъэдэори,
 И жъэ пхъамгъуитIыр
 Iурылэлго жъэдикъутэшъ,
 Абы шъзэтейшъахэри,
 380. Сосырыкъуи шъхъашъылъадэшъ.
 И хошысэ кърихри,
 ШъхъафIихинго шъхойкIом,
 — Шъыт, шъыт, нартхэ яшъао,
 Сэ дгъоасэ пхушъызнашъи,
 385. Нобэ кышъхушъыбнэжын хойешъ, жи—
 «Шъао дейлэр укIод,
 Уэ зы пIалъэ кызэптрэ
 Сэ зы пIалъэ остыжго,
 Нартхэр дэ къыдпэллэнкъэм, — жиIэри
 390. И шъхъар фIихри кьежъэжшъ.

(«Сосырыкъо и пшыналъэм и къедзыгъуитIрэ таурыхъитIрэ, Отрывки из народной поэмы «Сосыруко» и рассказы, переведенные на кабардинский язык Кази Атажукиным». В военно-походной типографии Главного штаба Кавказской Армии, Тифлис, 1864, н. 35—52).

10. ДВА ОТРЫВКА ИЗ ПЩЫНАТЛЯ О СОСЫРЫКО

(Из публикации 1864 года, с кабардинского)

I

1. Эй, Сосырыко смуглый,
 Эй, муж черный, железноглазый,
 Нетерпеливый, горячий всадник!
 Когда нартские всадники выехали,
5. Сосырыкъо от них отстал;
 На семь ночей, семь дней дождь наслав,
 Нартов старых заставил озябнуть.
 Вот они друг друга спрашивают:
 — О. Имыс, огонь ты имеешь?
10. О, Сосым, огонь ты имеешь?
 Жынду-жачэ, огонь ты имеешь?
 Арэкшэу, огонь ты имеешь?
 Озырмэг, огонь ты имеешь?
 Нэсрен-жачэ, огонь ты имеешь?
15. Аща сын Ащэмэз, огонь ты имеешь?
 Хымыща сын Батырэз, огонь ты имеешь?
 Сыбылши, огонь ты имеешь?

- Альбека сын Тотырэщ, огонь ты имеешь?
Среди нартов, выехавших войском,
20. Огня имеющего нет среди них.
Матери два сынка жалуются:
«Если мы не были бы дурными,
Когда Сосырыкъо не находился среди нас,
Нам не следовало бы выезжать».
25. Пока это говорилось,
И Сосырыко прибыл:
«И это наш золотой предок,
Эй, наш предок добрый,
Из-за неимения огня пропадаем».
30. «Ай-гей, я имею», — сказав,
Огонь большой для них сделал;
Войско целое когда отступило,
Сосырыко рассердился.
Огонь разбросал,
35. В воду кинул;
Нарты старые, когда остались без огня:
«Эй, наш Сосырыко,
Нетерпеливый, наш золотой предок,
Эй, наш предок добрый,
40. Если имеешь огонь, разведи нам», — сказав,
Они вторично просят его.
«Небом клянусь, не имею,
Хотя и не имею, для вас добуду», — сказав,
На своего Тхожей-коня садится,
45. На Харам-курган взобравшись, осмотрелся.
Из одной башни старой
Дымок поднимается—
Сосырыко увидел;
Пешком пробрался туда.
50. Это великана дом,
Его голова и ноги сомкнуты,
Огонь в середине лежит,
И этот великан спит.
Сосырыко незаметно возвращается,
55. Он своего коня спрашивает:
«Вот что, мой Тхожей,
Кого быстроногие не догоняют!
Это великана дом,
Его голова и ноги сомкнуты,
60. Огонь посреди лежит,
И этот великан спит,
Как мы огонь отберем?» — сказал.
— Эй, Сосырыко смуглый,
Эй, муж черный железноглазый,

65. Нетерпеливый, горячий всадник,
Ты на спину мою садись,
Я свой конский топот
Сделаю как собаки топот,
Я свой собачий топот
70. Сделаю как кошки топот,
Опущусь я на передние ноги,
Одно горящее полено украдем.
Сосырыкьо садится на коня,
К этой башне подходит,
75. Одно горящее полено чтоб украсть,
Семь ночей, семь дней пробежал...
Один уголек горящий выпал,
На ноги Иныж-великана упал.
Этот Иныж-великан вскочил,
80. Свои головешки пересчитал,
Одной головешки не хватает.
— Кто опозорил отца моего?
Какой негодяй обокрал меня? — сказав,
Сидя на месте. Не двигаясь,
85. Протянувшись через семь дорог, поймал,
Семь ночей — семь дней убежавшего.
«О нартов сао-парень,
Если не скажешь, где Сосырыкьо,
Сырым я ведь тебя съем».
90. «Сосырыкьо я не видел,
О нем я слышал,
Но где он, не знаю».
«Если где он, не знаешь, —
Его играм научи меня».
95. «Ай-хай, его играм научу», — говорит.
Этого великана повел он.
«Того, кого зовут «Сосырыко»,
У Капшыкай подошвы ставили,
Абрэ-камень с горы спускали.
100. Лбом ударив его,
Он еще сильнее подбрасывал.
— И мне так сделай, — говорит.
Сосырыко взбирается на гору,
Абрэ-камень сбрасывает.
105. Лбом ударив,
Еще сильнее его подкинул.
Его отбросило назад,
Но опомнившись,
«И эта игра чудесная!..
110. Если чудеснее знаешь, научи.
А эта игра сняла зуд со лба моего», — говорит.

- Сосырыкьо — богом наказан,
Не знает, как убить Иныжа.
«Более интересную покажу», — сказав,
115. Этого Иныжа-великана ведет дальше.
— Тот, кого зовут «Сосырыко»,
Становится на колени,
Белоголовыми стрелами короткими
Наполняет свой рот;
120. Откусывает головки
И плюется концами.
— И мне так сделай, — говорит.
Этот Иныж садится,
Свой рот раскрывает,
125. Белоголовыми стрелами короткими
Наполняет его.
Отъев головки стрел,
Концы выплевывает:
«О, нартов сао-парень,
130. И эта игра чудесная!..
Зуд с горла моего сняла.
Если знаешь еще чудеснее, научи», — говорит.
Сосырыкьо — богом наказан,
Не знает, как убить Иныжа.
135. — Более интересную покажу, — говорит. —
Тот, кого зовут «Сосырыкьо», раскрыв широко рот,
Раскаленный лемех бросает ему в рот,
А он его в желудке охлаждает.
И испражняется.
140. — И мне так сделай, — говорит.
Лемех накалили,
Иныж себе в рот бросил;
В своем желудке охладил
И оправился.
145. — О нартов сао-парень,
И эта игра чудесная,
Более интересную дай мне знать!
Сосырыко богом наказан,
Не знает, как убить Иныжа.
150. — Постой, постой, Иныж,
Еще одна игра осталась.
Того, которого зовут «Сосырыко»,
Через семь морских заливов провозят,
На самой глубине ставят, —
155. Его нога дна не достает,
В его рот вода не льется,
Семь ночей — семь дней замораживают,
А он, сделав рывок, выходит.

- «И мне так сделай», — когда сказал,
 160. Этого Иныжа заморозил.
 — Трогай теперь, — когда сказал,
 Этот Иныж-великан напрягается
 И лед ломает.
 — Пстой, пстой, Иныж,
 165. Свои руки-ноги укрепи,
 Если сильнее лед схватится, тебе это поможет. —
 Воду поверх льда пустив,
 Еще сильнее заморозил.
 — Трогай теперь. — Когда сказал, этот Иныж:
 170. «Силюсь, но не получается», — говорит.
 Тут свой меч обнажив,
 Сосруко налетает на него
 «Ыф», — сказав, когда подул на него,
 На расстоянии в полдня пути — отбросил,
 175. Так как конь был крылатым, вернулся,
 Свой меч вынув.
 Когда голову снимать кинулся:
 «Если я великан не глупый,
 То это ты — Сосырыко,
 180. По твоим ногам должен был догадаться».
 Великана голову он сняв,
 Огонь взяв с собой, вернулся обратно.
 Нартское войско, к которому пришел, сгрудилось,
 Кто от мороза умер,
 185. Кто от жары умер.
 Для оставшихся из них
 Огонь большой развел он, —
 Еще много нападений сделав,
 Домой их привел Сосырыко.

II

190. — Сосырыко наш кан — воспитанник,
 Сосырыко наш свет,
 Чей меч большой золотого цвета,
 Чья кольчуга до колен,
 Чей верх шапки, как солнце, сияет,
 195. Ударив ладонями, садится на коня.
 На нартское Хасэ едет,
 На нартское Хасэ, куда приехал,
 Два кан-войска лежат друг против друга,
 200. Не могут найти посланца.

- Сосырыко их встретил.
Ложно объявив себя посредником,
Два кан-войска свел.
Сам рог мужа разбив,
205. Молодецкий рог он взял.
Со своей единственной собакой,
Не имея сопровождающего нартского всадника,
Край Арык-озера обогнув,
Из Кобланэ-долины скачущую
210. Одну черноту приметил.
Крикнул вслед — не слышит,
Пустился вслед — не догнал.
Тот всадник повернулся,
Крикнул — услышал,
215. Пустился вслед — догнал.
Нартов пику о двух остриях
Пустил в Сосырыко седло,
Поводья из рук выбил, выбил из седла,
Пахоты борозд двенадцать
220. Углом плеча заставил пропахать.
Пашущих восьми волов пот
Из ноздрей вышиб.
Его усы желто-золотоцветные
В пыль грязную втер,
225. Материнское молоко, которым вспоен,
Тремя отрыжками пролил.
Свой большой меч вынул,
Чтобы голову его снять.
— Стой, стой, нартов парень,
230. Ты — собака, ты — мертвец.
— Я не собака, я не мертвец,
Сегодня нартов день сано-питья,
Питье наше не делай мутным,
Выходцев из нашего рода в такой день
не убивают.
235. И кто убивает — погибает,
День — срок назначь мне.
— Харам-курган нашей встречи место.
Завтра сроку кто изменит,
Женщин пынэ — шапку позора пусть оденет.
240. Тотырэщ отступил.
Сосырыко домой вернулся.
— Моя мать Сэтэней-гуашэ,
Твои ножницы для меня пусть скроют,
Твоя иголка для меня пусть шьет,
245. Меч разящий мне пусть сделают.

- Мой сын неродный,
 Мой сын любимый,
 Новости Расскажи.
 Нарт хасэ, куда ты ездил,
 Новости Расскажи.
250. — Моя мать, Сэтэней-гуащэ,
 Ты хотя женщина, дурна.
 «Женщины о Хасэ разве спрашивают,
 К женщине за советом разве обращаются?»
 — Небом клянусь, что себя я заколю, —
 говорит,
255. Стальные ножницы достает.
 — Пстой, пстой, наша мать,
 Тем, кто на том свете,
 Тем, кто на этом свете себя заколет,
 Тем людям маленьким, кто появится
 после нас,
260. Пример не подавай.
 — Я новость Расскажу.
 На нарт Хасэ, куда я ездил,
 Я войну большую там встретил,
 Два кан-войска лежали, не осмеливаясь вступить
 в бой друг с другом,
265. Посредником кто мог бы быть, не находился
 среди них.
 С двумя кан-войсками я встретился,
 За посредника себя я ложного выдал,
 Свой мужий рог разбил,
 Два кан-войска заставил биться,
270. Свой молодецкий рог добыл.
 С одной-единственной собакой,
 Без сопровождающего нартского всадника,
 Я их оставил.
 Арык-озеро низовье обежав,
275. Из Кобланэ-места выезжая,
 Быстро едушее
 Что-то черное заметил, приблизился к нему.
 Ринулся за ним — не догнал,
 Окликнул — не слышит.
280. Сам всадник повернулся,
 Ринувшись, догнал меня,
 Нартов пику о двух остриях
 В седло мое направил.
 Поводья из рук моих выбил,
285. Восьми пашущих волов пот
 Из ноздрей моих вышиб,
 Желто-шелковистые мои усы

- В пылищу вывалял,
Материнское молоко, которое я выпил,
290. Стами глотками заставил пролить.
Свой большой меч вынув,
Снять голову когда намерился,
Прибегнув к хитрости,
В твой дом я вернулся.
295. — Твоя мать — твоих более головных
приемница,
Ты многое принес.
Его и коня облик
Дай мне знать.
— Конь, на котором он сидит, рыжий,
ланеголовый
300. Его голова небо подпирает,
Волосистопятый, с длинными зубами,
То ринется, то прыгнет,
То скроется с глаз.
Парень, который на нем сидит,
305. Парень белый, ширококостный и крепкорукий.
С открытой грудью широкой шествует,
Не бдителен с виду.
— О твоя мать — твоей головной боли
приемница,
- Моя сестра Барэмбыпху
310. Девятерых братьев родила.
Головы восьмерых ты принес с моей помощью.
Девятый, единственный,
С тобой более не станет играть.
Если он это сделает,
315. И его голову принести я помогу.
Конь рыжий, на котором он сидит, в уд-унэ —
доме ведьм родился,
В альунэ — доме диких воспитан,
Кохыпца — морехода звонок
Я для тебя принесу,
320. К хвосту у твоего коня приплети.
В гриву твоего коня колокольцы вплети.
Конь головой встряхнет,
Конский хвост зазвенит,
Конь рыжий станет уходить.
325. Когда спину покажет,
Что угодно тебе, то и сделаешь.
— Моя мать, Сэтэней-гуашэ,
Сделай это, — сказав,
Сосырыко к Тхожей
330. Возвращается.

- Эй, мой Тхожей,
Кого быстроногие не могут догнать,
Вчерашняя обида, нанесенная нам рыжим конем,
Только моя обида
335. Или обида наша общая?
— Эй, Сосырыко ничтожный,
Эй, кривоногий,
Происходящий от пастуха,
Рожденный женщиной-ведьмой,
340. Источник холодный протекал мимо,
Но ни глотка я не выпил,
«Месяц-трав» рядом находилась,
Но ни травинки я не щипнул.
— Больше всех я виновен,
345. И моего отца опозорили,
И эта моя мать меня поучает,
И этот мой конь меня укоряет!
Сосырыко рассердился.
На своего Тхожей сев,
350. Вокруг стал бегать.
Сэтэней его увидела:
— Мой неродный сын,
Мой сын любимый,
Богом созданную ругань-плач
355. На нарт Хасэ с собой не уноси,
Сюда ты вернись,
Кохыпца звонок
В хвост твоего коня дай нам вплести.
Кохыпца звонок
360. В хвост своего коня он дал вплести.
Альбэка сын Тотырэщ
К Харам-кургану прибыл
В назначенный срок.
Туман малый, туман черный
365. Сосырыко на него напустил.
— Моего отца опозорили,
Туман недобрый откуда взялся? — сказав,
Тотырэщ об этом думая,
Дремота на него напала.
370. Так как Сосырыко был на месте,
Голову коня потянув назад,
Хвостом как зазвенит,
Конь рыжий испугался, ринулся бежать.
— Чтоб собаки тебя съели,
375. К женщинам меня хочешь отнести! — сказав,
Тотырэщ рывком натянул повод,

- Его две челюсти
Свисают, выломал,
Конь присел.
380. Сосырыко, на него налетев,
Свой меч вынул,
Когда стал снимать голову:
— Постой, постой, нартов сао-сабельник,
Я вчера тебя уважил,
385. Сегодня ты должен меня отпустить, — говорит.
— Сао дурной, ты пропади,
Один срок ты мне даешь,
Я один срок тебе даю —
Нарты нас ждать не станут!.. — сказал,
390. Его голову снял, поехал обратно.

Записал К а з и А т а ж у к и н («Сосырык-ко и пщыналъэм и къедзыгъуитIрэ таурыхъитIрэ. Отрывки из народной поэмы «Сосыруко» и рассказы, переведенные на кабардинский язык Казии Атажукиным». В военно-походной типографии Главного штаба Кавказской Армии, Тифлис, 1864, н. 35—52).

11. САОСЫРЫКЪО ИПЩЫНАЛЪ

(Шам кыщатхыгъэ шапсыгъэ текст)

«Саосырыкъоу тикъан!
Саосырыкъоу тинэф!
ПчымэIуфор зиашъу,
Ашъор зиджъэнэ кокI.
ПчыкIэр зипэIо щыгу,
Ещыгуаор зичат.
Пызыкъутырэр зипчышъхь,
Нарт шъхъахъэу узгъакIу,
Кореныгум уашIуепкI,
Нат шъхъахъэу узэкIом
Хъугъэ-шIагъэу къэпхыгъэр
КъысаIу» — ыIуагъ Сэтэнае.

«Тянэу Сэтэнэе гуащ!
Хъугъэ-шIагъэу къэсхыгъэр шъхъакIо
ШъхъакIор аIуата?»

«ПшIыкIушы сиIэу ахэзгъэхъагъэп,
Мыгъо закъоу ахэзгъэхъагъэм
Хъугъэ-шIагъэу кыыхыгъэр
Сэ кызысымыIоджъэ—
Мы уащхъор ситхъэмыгъэпцI! —

Зыслэжынджэ» ылуи,
Шыр лэныстэр кыпхъуати,
Сэтэнэе гуащэм

ЫлыцІ хъырзэ реубытэ.
«Тхэрыло мыгъо пфэхъун,
Тянэу Сэтэнэе гуащІ
Шыр лэныстэр гъэылы,
Хъугъэ-шІагъэу къэсхыгъэр ослон:
Нат щхээхэ сыккыдэкІэ
Уашъор кытехэ-текІэу,
АрыккыкІэ темэным
ЫкІэ кызысэхуэхэм,
Хъэжъ къэи ІуаІхъэм зыщысэплъахы,
ІШуцІагъэ гори сэлъэгъу.
Щыпэлъэгъор сэсыети,
«Хъэхъэй!» Іоу езгъэдэдажы,
Бгъэм фэдэу сыкІяхы,
КъызэплъэкІищ сыккелъэу.
Хъэхъэй Іоу кытыригъази,
ПчыпэІо щиз симыгъэкІоу,
Пчыщхэри кысимпэсэу,
ПчыкІэмджэ кызыдэсым,
Лъэрыгъыпсыри зэщимыгъакъоу,
О уэнэкъуапэми сынимыгъэсэу,
Шыщъхъэм сыккыдифыхы,
Батырмэ яхъэку ятІэ
ПэкІакІэдджэ сигъажъуи,
Яжъогъэ пцыумихи
Тэмэпккыщъхъэдджэ рысигъэфи,
Шъхъэ шІохыным кызыфакІом,
Хъогъэ-шІагъэм секІужы:
«Нэпэ тиешхэ-ешъу,
Нэпэ тиешъо-джэгъу,
Ешъоутхъо сымышІ,
Іошъхъэ пІалъэ кысфэпшІынкІэ

Мы уашъор ситхъамыгъэпцІ» есІуагъ.
«Тхэ кысауи, Саосырыкъу!
УзыІукІагъэм Шъыд илІыІо-лІышъу,
Шъыд ищыу шІыкІ?
«ЛІэу сызыІукІагъэр
Шъзофыжъ Іэпшъабгъу,
Губгъо-тІыбгъо зекІуакІэ,
ИзекІуакІе гуих,
Ышъхъэ абырамыжъу,
Ынэ жъогъошхо закъу,

Щэу зытесыр Іалыунэм щамыгъэсагъэмэ
Фэдэ нибжьи слъэгъугъэп».

«Ар зилЫІо-лЫшъор
Албэчыкъо Тэтарыщ,
Сэ сщыпхъум ыкъо закъу,
Симыгъо закъо ыхъыжъти» ыІуи,
Сэтэнае къэгубжьи,
Шыр лэныстэр къыпхъуати
Тхъожъыем ыдэжъ къачи:

«ТхъожъЫеу хъэцэ кІахъ,
Щыхэри зыкІэмыхъэжъ,
Симыгъо закъо ышъхъэ ябгъэхъти,
Шыр лэныстэм сыкъыфэнагъэми,
Хъэмэ уязгъэшхынкІе
Мы уашъхъор ситхъамыгъэпцІ!»
«Е Сэтэнае гуашъу,
Гуашъэмэ ямышъогъу!
Е гушъэр къэтхъымэ садыжъу,
Ныбжъырэ мафэм сызкІыригъусэр
Ащ къыщышІырэр зэдэтиІофэу,
Шури зэдытыеу арымэ,
Атэкъэлърэ къыль уцрэкІе
Сищхылъэ къэкуд,
Щэрдэнмэ яодыджъени
ЩэкІо кІогъу къэси къысхашІ,
Іошъхъэ пІалъэр къызысыкІе,
Щышъхъэм тыгъэр щезгъэпсэу,
СпхэкІыми пшэсыр пезгъэхъу,
Іошъхъэ пІалъэм секІолІэнышъ,
Іалбэчкъом ышъхъэ къызесымыгъэхъкІе
Сищи хъэмэ сягъэшхъ».
Тхъожъыем ыІуагъ.

Іошъхъэ пІалъэр къызэсым екІуалІи,
Ышъхъэ тыгъэр щепсэу,
ЫпхэкІи пшэсыр хихъу,
Іошъхъэ къогъум къоуцуи,
Іалбэчкъор Іуашъхъэм къызэсым;
«Саосырыкъу зыфалорэ пцІыусэр
Джыри къэкІуагъэп» ыІуи,
Іалбэчкъор Іуашъхъэм щыдэкІуаем.
Одджынымэ жъгъыжъгъыжъгъ аІоу,
Тхъожъыр Іошъхъэ къогъум къызкъолъэтым
Іалбэчкъом ищ Іэлыунэм щыгъэсагъэти,
Қащти лъэшъу кІэбгъулъыгъ.
«Тхъэм хъэмэ уарегъэшхъ» ыІуи,

ЩхомлакIер кызыкъудым,
Шы жэпхъобгъуитIур кыхилъэшъуи,
Iалбэчкьо Тэтарыщ
Щы пхэкIымкIэ кьефэхыгъ.
Саосырыкьо ичатэ кырихи,
«Мы езгъэфэхыгъэр
Мэзыпчэн пIытIыгъа?» ыIуи,
Псынклеу шъхъашылъэдагъ.

«Мы ебгъэфэхыгъэр
Мэзыпчэн пIытIыгъэп,
Бырамыбгъы кокIь,
Уянэ нэклапхэм егъалIэшъ,
Лъым емыгъэуцIэпIэу хэпхымэ
Уянэ нэтIэ кIапхэ фэхъущт»
Iалбэчкьом кызеIом,
Саосырыкьо Iабэчкьом ышъхъэ
КъыпиупкIи къэкIожьыгъ.

КъэзыIожьыгъэр Тхъабысым Мыхъа-
мэт.

Къэзыгъахыгъэр Адэл Абдэлсэлам, Шам,
25/VII 1959.

12. САУСЫРЫКЪО ИГОЩАКIЬ

(Щапсыгъэ текст)

Гъуд-гъуд къалэ заштэм, натмэ пкыгъуиплI; «псырыкIo
цуакъ», «нэпх паIу», «къамыщ паку», шъоIэнэжъ» кыда-
хыгъагъ.

«Нэпх паIор» зыщалъэу «шъо Iэнэжъым» зытэтIысхъэу,
«къамыщ пакомджъэ» зеохэджъэ цIыф кыкIэмыхъэу, нэрымы-
лъэгъоуи узыфаем уихынэу хытыгъ. Хым унэсымэ псырыкIo
цуакъэм уиуцоньети узэпырыкIыштыгъэ.

МэлакIэ улIэ хъумэ шъоIэнэжъым утэуIомэ, гъомлапхъэр
тэзы хъуштыгъэ.

Ащ фэдагъ а пкыгъуиплIэр. Мыхэр фэшъхъаф мылъкумэ
ахэлъэу Гъуд-гъуд къалэ натхэмэ кызыдахым;

— Саусырыкъу, мы кIэнэр кытфэугощ, — натмэ аIуагъ.

— Бэу кышъуфэзыгощын, — ыIуагъ. Ау мы нэбгыришхэр
зэкIоцIышъупхи жъугъэтIыси, къэгущалэхэмэ, зыукIыштыхэри
ашъхъаштыхэу шъушIымэ етIуанэ кIэнэр шъуфэзыгощышт, —
ариIуагъ.

Ащ натхэр къезэгъыхи, а нат нэбгыришхэр шъхъафэу агъэ-
тIысыхи, къэтэ ихыгъэхэр аIыгъэу шъхъагъырытхэр афашIыгъ.

— Джьы къэугощ, — аIуагъ натмэ.

Мылъкур зэфэдэу натмэ афигощызэ, нэпх паIор кызыхэ-
кIыым

— Ма, кІалэ, шахъо укІомэ пщыгъын, — ыІуи, нэпх паІор пщэрахъ кІалэм ритыгъ.

— АІ, — аІуагъ пхыгъэхэмэ, къызэплъыжъыхи. Ау къэгущэ-Іэнхэ фитхэп.

ЕтІуанэ мылъкор ыугощы пэтзэ, псырыкІо цуакъэр къызыхэ-кІыым:

— Ма, кІал, шахъо укІомэ пщыгъын, — ыІуи, ари ипщэрыхъ ритыгъ. Пхыгъэхэр гумэкІхэу зэплъыжъыгъэх. ЕтІуани угощы-ным хэтзэ, шъоІэнэжъэр къыхэкІыгъэти:

— Ма, кІал, мыри, — шахъо ущыІэ хъумэ ущыщхэн, — ыІуагъ.

Аузэ етІуани къамыщ пакор къызыІэкІафэм:

— Ма, кІал, о уцахъу шахъо укІомэ плыгъын, — ыІуагъ.

А пкыгъуиплЫр къызыхэкІь нэужьы:

— Мыдырэ къэнагъэм шъугу зэрелу, — ыІуи Саусырыкъо тэджыжъыгъэ.

ПсырыкІо цуакъэм иуцуи, нэпх паІор зыщилъи, шъоІэнэжъ ыблыгу кыкІилъхы, къамыщ пакомджъэ еожьи, — кІодыгъэ, — къэгъотыжъ!

УкІыхъэмэ пэт!..

*КъэзыІуагъэр Шхъэлэхъо Али, шапсыгъ.
Афыпсыпэ къуаджэм щыщ.*

*Къэзытхыгъэр Хъэдэгъэлэ А. М., Мыекъяу-
пэ, 10/VII 1962.*

13. О ТОМ, КАК ИСКАЛЕЧИЛИ КОНЯ СЭТЭНАЙКО САУСЫРЫКО

Богатыри на общем собрании своем, где рассуждали о средствах к умертвлению Созерико (точнее, Сосырыко или Саусырыко. — А. Г.) пришли к такому заключению, что до тех пор, пока конь его жив, никто не победит его. На этом основании они вперед решились погубить коня Созерико. Это самое интересное место во всей поэме; я расскажу так, как мог запомнить. Богатыри после многих опытов узнают, что никакой меч, никакое оружие не в состоянии погубить Созерико и коня его. Долго они изыскивали средства к этому и наконец отправили комара разведать: есть ли у Созерико и коня его часть тела, доступная оружию. Комар открыл, что у Созерико и коня его только оконечности ног доступны для оружия, а все остальное несокрушимо ничем. Вследствие этого великаны выстроили чугунный мост и раскалили его до высшей степени. Вскоре случилось через этот мост переезжать Созерико. Он понукает коня, но конь упирается. Наконец, вынужденный настойчивостью седока, он перебегаёт через мост и падает.

*Пересказал В. Кусиков. О поэзии черкесов,
«Ставропольские губернские ведомости», № 2, 11
января 1861 года.*

14. СЭТЭНАЕ ИГЪЫБЗ

(Саусырыкъо кыызекІодым паплгъэзэ ыусыгъагъэм щыщ
Іапэ-цып. Щапсыгъэ текст)

Орэ-орэдэ-адэ,
Орэ-орэдэ-адэ!..
Пщызэ адырэкІым
Орэдэ-радэ,
ЩакІо сэгъакІори къэгужъу,
Орэдэ-адэ,
Сэ сыгузажъоуи
Орэдэ-адэ,
А мы псынэпкъышъхъами сытет,
Орэдэ-адэ,
КІыгоу сызытетым
Орэдэ-адэ,
Лъэгуаджъэм шизеуи хэсэф,
Орэдэ-адэ,
А ифэрэ Тхъожъыри
Орэдэ-адэ,
А кІыунэ щэщым щэшъыгъу,
Орэдэ-адэ,
Ор иашъо бгъожъыхэр
Орэдэ-адэ,
Пхъотэжъ нэкІыми дэкІуад
Орэдэ-адэ,
Ащ икІодыжъыкІэхэр
Орэдэ-адэ,
Хэты мыгъом кыІотэн
Орэдэ-адэ...¹

14. ПЛАЧ-ПЕСНЯ СЭТЭНАЙ

КъэзыІуагъэр Шъхьэлэхъо Али Махъмэты
ыкъу, Афыпсып.

Зыухыгъэр ХьэдэгъэлІэ А. М., 20/V 1959.

(Сочинила по случаю исчезновения Саусырыко.

Отрывок. Шапсугский текст)

Орэ-орэдэ-адэ,
Орэ-орэдэ-адэ!..

¹ Пыдзагъэр къэсшІажьырэп, — еІо Афыпсыпэ щыщ орэдыІоу Шъхьалэхъо Алыи. — Сянэжъы (сятэ янэ) ПхъукІапхъо нарт орэдыбэ ышІэштыгъэ, бэрэ ахэр кыІоштыгъэх, мэкъэ дэгъу иІагъ. Ар Убыхые кышыхъугъ. 1883-рэ илгъэсым, апэрэмэ ащыщэу, Афыпсыпэ къэкІожыгъагъ. 1921-рэ илгъэсым илгъэс 99-рэ ыныбжъэу іІагъэ. Мы гъыбзэ орэдыр ежъ Сэтэнай — гуащэм зэхилхъэгъэу тјанэжъы ыІоштыгъэ. — Хъ. А.

За Пшызэ—Кубанью
 Орэдэ-адэ,
 На охоту посылаю, а он задерживается,
 Орэдэ-адэ,
 Я в беспокойствии,
 Орэдэ-адэ,
 На берегу стою,
 Орэдэ-адэ,
 Землю, на которой стою,
 Орэдэ-адэ,
 По колено вдавливаю,
 Орэдэ-адэ,
 А его конь Тхожий,
 Орэдэ-адэ,
 В подземной конюшне в трауре,
 Орэдэ-адэ,
 А его кольчуги широкие,
 Орэдэ-адэ,
 В сундуке пустом ржавеют,
 Орэдэ-адэ,
 Об его гибели,
 Орэдэ-адэ.
 Горе мое кто расскажет!..
 Орэдэ-адэ...¹

Записано от Схалыхо Алия Магомета сына.
 1880 г. р. из Афыпсыпа.

Записал А. М. Гадагатль, Афыпсыпэ Адыгеи,
 20/V 1959.

15. ОРЗЭДЖЫКЪО ЩЭБАТЫНЫКЪО ИПЩНАЛЪ

(Щапсыгъэ-бжъэдыгъу текст)

1. Э-а, нат Щэбатыныкъя,
 Ай-ай, натымэ ялэкъогъуя,
 А-а, хъагъу-шъугъу бэшIа,
 А-а, ябгэхэр зишIыхъафа,
5. А-а, хъафычъэ шыуа,
 А-а, Пщызэу икIыгъочъэри,
 А-а, ар ищычэпэпса!
 А-а, Бзэжъэуи зытесэр, о-о...
 А-а, кыызэкIекъузэ

¹ Продолжение не помню, — говорит певец Али Схалыхо из а. Афыпсы-
 пэ. — Моя бабушка (мать моего отца) Пхучапх знала много нартских песен,
 часто пела их, обладала хорошим голосом. Она родилась в Убыхье. В 1883 го-
 ду, в числе первых, переселилась в Афыпсыпэ. Скончалась в 1921 году в воз-
 расте 99 лет. Бабушка говорила, что эту плач-песню сочинила сама Сэтнай-
 гуащэ. — А. Г.

10. А-а, губгъэжъы нэкІыми, ей...
 А-а, кыриузэкІагъэу о-э...
 Ер-ар, натымэ япсыхъаКіоми
 А радэм, кызыІокІэм:
 — СыхъэкІэ гъозадж сэ, гей-гей,
15. Натымэ ягъогу лъапэми
 Э-а, о сыхэбгъэгъозагъэми,
 Э-э, бо гуапэджи сшІыни, — еІо.
 — Натымэ ягъогу лъапэри, ий-ий,
 Э-а, шъыдым сигъэшІэн сэ,
20. Э-э, натымэ сырячэмахъу, сэ,
 Э-а, чэщэу сыккъыдэкІы сэ,
 Э-а, чэщэу сыдэхъажъы сэ!
 О-э, а чІыпІэм кыреІо,
 Э-а, натымэ ягъогу лъапэри,
25. А хъабзы удыжъа,
 Ер, хъабзы джэдэжъа,
 Е-е, о тхъэми семыплъымэ,
 Э-а, быдзыщэ семынэгумэ,
 Э-а, Іэхъомбэшкo бармэкъыми
30. Ари-ей, учІэзгъэпшыни!
 — А уктысфэмыпхъаша,
 А-а, зиусхъына,
 Э-э, мы бгым узыдэкІыджэ,
 Э-э, зы щэджэгъаКіоу
35. Э-э, губгъом узикІуатэджэ,
 Э-э, а унэ плІэуІуфэу
 Ай-ай, унэ фыжъы кІахъэу,
 О-э, унэ къебэ-небэу,
 О-э, кІэсэнэбэ кІэтэу,
40. Ра-а, кІэсэнэуи кІэтыхэр
 О-э, ащ ипІуЛъашъохэр
 Ра-э, шы бгъэлыбэм къэсы,
 Ай, ай, пшъэшъэ дахэ ис ащ,
45. Э-э, псэлтыхъожъ бзаджэмэ
 Ай-ай, къэлэпчъэІур ауагъэшъы,
 А-э, уишэр мыдэгъу дэдэмэ,
 Ай-ай, ухэускІутэна,
 Э-э, ущукІытэжъынджэ,
50. Э-э, бэ дэдэу чІыпІэ бзадж, — еІо.
 — О хъабзы удыжъа,
 А зы хъабз джэдэжъа,
 Э-э, зы пшъыжъы сыхахъэмэ,
 Э-эй, сишыр хэскІутэнэуи,
55. Э-ай, зы хъабзышэ слъэгъумэ,
 Э-ай, сыукІытэжъынэу
 Э-ай, ай, Чыты сыккъэкІыгъэп сэ

- Э-ай, ай Наты сыкъэкIуагъэп сэ,
Э-э, тятэ илъэуасэхэр
60. Э-э, натымэ аIысхыжынджэ
Э-э, Натым сыкъэкIуагъ, о-га!
- Э-э, а Бзэжъэуи зытесэр
Э-а, кызэкIекъузэ,
Э-а, а губгъэжъы нэкIыми
65. Э-а, кыриузенкIагъ.
Э-а, ишы лъэгу чIэзырэр
Э-а, къочIапIцIэ — къочIэфэу
Э-а, ышъопщым щэбыби,
Э-а, ихъапэныитIумэ
70. Э-а, къалъэрэзахъа, а-гэ,
Э-а, ишы пэбзджынитIу кыхрогъозым
Э-а, гъогу напцэр ылэу,
Э-а, ишы тхъубэу IукIырэр
Э-а, шатрэу мэуцуа,
75. Э-а, ихъэ кыхыгъэшырэр
Э-а, ибгъэ регъэубыта, ай-ай!..
- Э-а, пшъэшъэ дахэр
Э-а, нэчапэм кыкIэплъа, ай-ай
Э-а, чыжъэу кыщелъэгъуа,
80. — Тянэу Сэтэнай,
О-а, Сэтэнэе — гуаща,
Э-ай, ай, мыщ зы шьор къакIошъы,
Е-ар, Чыты кымыкIыгъэмэ,
Э-а, Наты фэдэ исэп, а!..
85. — Щыгъу-пIастэу ышхытэри
Ер, фэухъазыра,
Ер, хъазэр тыфэхъумэ,
Ер, къедгъэблэгъэн! — еIо.
Е-а, янэ Сэтэнаем
90. Е-а, ылъэкIэпIэшъуитIури, ей-га,
Е-а, ылэдджэнэшъуитIури
Е-а, дегъэлъэрэзай,
Е-а, дегъэчэрэзай,
Э-ай-ай, шкынэу ригъэшкытэри
95. Э-а, мыфэбэ — мычъыIэу и
Э-а, фигъэхъазыри!..
Е-а, Тэмэ-тазэ зишIэу:
— Еблагъ! — ащ кыреIуа.
— Сыешкэ-ешъуакIоп сэ
100. Е-а, сылэгъунэкIо шъаоп сэ,
Е-а, Алэдж яунэжъы
Ра-а, сэ сырилъыхъуаку,

- Ра-а, Чытым сыкъэкIы сэ
 Ай-ай, Наты сыкъэкIуагъ сэ!
 105. Э-а, сылэгъунэкIо шъаоп сэ,
 Э-а, сыешкэ — ешъуакIоп сэ, — еIо!

- Еблагъ, Щэбатыныкъуа,
 Е-а, гъэлъэхъум ипщэрхэр
 Ра-ай-ай, тилэпэ щыпса,
 110. Е-а, цугъожъым ипщэрхэр
 Е-а, тилэпсы зэкIэта,
 Ай-ай, ти Акуандэ-дахэхэр, ра,
 Пшъхъэ хэдгъэуIон, — еIо.
 — Шъуигъэлъэхъу пщэрыхэр
 115. Ра-э, псэхалIэ орэхъуа,
 А Акуандэ-дахэхэри
 Рэ-а, тхъа кыырегъэлIыха!
 — Еблагъ, Щэбатыныкъуа!
 А-ай-ай, ублэмыкIа!
 120. Е-э, унэм ращагъэу,
 Е-э, Iашэр кызыгуихи,
 Е-э, кIалэм ритыгъа
 Ай-э, ынэбзыц егъэупIапIа,
 В-ай-ай, ылъэкIэпIитIор
 125. А-э, егъэкIэзэа.
 Ай-ай, пкъэужъыем зыпелъэм, —
 Рай-ай-ай, пкъэужъыер хэлъэшъуа!
 Ра-э, пIэкIор бармэкъым
 Ра-э, а зытырелъхъэм —
 130. Ра-э, о зэхикъутагъа!
 О тхъэм шъурегъэшк ащ,
 Ра-э, ащ игъэIылтыпIыхэр
 Э-а, бэуи мэкIэ дэда!
 Э-а, Iашэр къаIихыжьи.
 135. Ай-ай, Iанэу кыфахыгъэри
 Э-а, ышъхъэ тыригъэуцуи,
 Э-а, къашъоу еуцуа,
 Э-а, кIэбгыкъухэр къефэха,
 Э-а, зышъхъэ зэгоутырэр
 140. Э-а, унэ кIыб ращэкIэу,
 О-э, ныкъоукI ышIырэм:
 — Щэбатыныкъор, — еIо, —
 Ай-ай, нартымэ яунэжъэр,
 Ай-ай, кыттемыкъутэжъа!
 145. — Тятэм илъэуасэр
 Э-а, натымэ кысэшъутыжъымэ
 Э-а, сызэкIэкIожы, — еIо.

- Щыбзэмджэ псы кысфэштыхи,
Е-а, цацэмджэ тху сфэжугъажы
150. Е-э, тятэм илъяуасэджэ
Эй-ай, радэм чъэжыт, — еЮ.

- Е-э, Натэ яделэхэр
Э-ай, пэКІэ-пакІэу хэзырэхы,
Эй-ай, щыбзэмджэ псы къахынэу,
155. Эй-ай, цацэм тху рагъэжъэнэу...

- Е-ай, хъухэнэп кытиІуагър!
— Нат Щэбатыныкью,
Щэбатыныкьопща,
Ер, мыхунхэр кытэпІуагъ, — аЮ.

160. — Щэмбарэу кулъэмыджэр
Радэм, къэжугъота,
Радэм, къэжугъотымэ
Радэм, чъэжын, — еЮ.

- Натыхэр пэКІэ-пакІэу
165. Хэзэрэхы, ий-ай,
Щэмбарэу кулъэмыджэр
Радэм, къагъотыен!

- Наты къуапцІэу исэр
Къызэфэжугъэси,
170. ХъарамІуашъхэ къушышІошубзи,
Си Бзэжъ ишычэпэпсэу
Радэм, зижугъэкъуджэ,
Тятэ илъяуасэджэ
Радэм, чъэжыт, — еЮ.

175. Е-э, Натэ данэу илър
Е-э, къэшъуугъой,
Ер, ХъарамІуашъхэ кышыжъугъэсти,
Ер, сишъхъарыхъоным
Е-э, из стафэ кысэшъутыри, —

180. Е-э, тятэм илъяуасэджэ
Радэм, чъэжыт, — еЮ.

КъэзыІуагър. Кушъу Нухъ, бжъэдыгъу, илъ.
78-рэ ыныбжъ, ицІыкІугъом Шапсыгъэ шапІугъ.
Зытхыгъэр ХъэдэгъэлІэ А. М., къ. Очэпщый,
Адыгеир, 18/ІХ 1960.

15. ПЩЫНАТЛЪ ОБ ОРЗЭМЭДЖЫКО ЩЭБАТЫНЫКО

(С шапсугско-бжедугского текста)

1. Э-а, нат Щэбатыныко,
Ай-ай, родом из натов,
А-а, вечно завистливый,

- А-а, в ком кипит злость,
 5. А-а, не выезжающий на чужом коне,
 А-а, Пшызэ-река трудно переходимая
 А-а, его коню до брюха только доходит.
 А-а, Бзэжу-коню, о-о...
 А-а, затягивает подпруги
 10. А-а, по пустому полю старому, ей...
 А-а, едет прямо, о-э...
 Ер-ар, натами посланного по воду
 человека,
 А радэм, когда встретил:
 — Я гость несведущий, гей, гей,
 15. Если бы ты мне указал,
 Е-а, дорогу к натам,
 Э-а, был бы очень благодарен, — говорит.
 — Дорогу к натам, ий-ий,
 Э-а, откуда знать мне,
 20. Э-э, я натов коровопас,
 Э-а, ночью выхожу я,
 Э-а, ночью возвращаюсь я! —
 О-э, отвечает тогда ему. —
 Э-а, откуда знать мне дорогу к натам.
 25. — Ах, ты сука-колдунья,
 Ер, сука большая,
 Э-а, если б с богом не считался,
 Э-а, если не боялся грудного молока,
 Э-а, под большим пальцем,
 30. Ари-ей, заставил бы тебя проползти!
 — О, не будь столь строгим ко мне,
 А-а, чьи боли я приму,
 Э-э, когда взойдешь на этот холм,
 Э-э, половину дня иди,
 35. Э-э, среди поля
 Э-э, стоит дом белоплечий,
 Ай-ай, дом белый, длинный,
 О-э, дом зигзаго-кособокий,
 О-э, со многими колоннами,
 40. Ра-а, эти колонны-подборки
 О-э, восемь волов еле тащат,
 Э-э, его веранды-террасы
 Ра-э, по грудь коню,
 Ай-ай, сидит красавица,
 45. Э-э, женихи-душегубы зловредные
 Ай-ай, у ворот так натоптали,
 Ай-ай, что если твой конь не очень
 хороший,
 Ай-ай, можно свалиться,

- Э-э, опасно быть там осмеянным,
50. Э-э, очень недоброе место, — говорит.
— О сука-колдунья,
А сука ты громадина бесчестная,
Э-э, войдя в какую-то грязь,
Э-эй, чтоб конь мой застрял,
55. Э-ай, увидев одну суку,
Э-ай, чтобы был я пристыжен!
Э-ай-ай, из Чыты еду я,
Э-ай-ай, в Натие приехал я,
Э-э, цены за кровь отца
60. Э-э, чтобы взять у натов,
Э-э, в Натие я прибыл, о-гей!
Э-а, Бзэжу, на котором он сидел,
Э-а, затягивает подпруги,
Э-а, по старому пустому полю
65. Э-а, прямо шествует.
Э-а, что из-под копыт падает,
Э-а, черно-белыми комьями
Э-а, взлетает под небеса,
Э-а, его две собачки
70. Э-а, вокруг него носятся, — а-гей,
Э-а, пламя из ноздрей его коня,
Э-а, опалает придорожную траву.
Э-а, пена изо рта коня
Э-а, падает шатром,
75. Э-а, что его собака находит,
Э-а, его орел схватывает, ай-ай!..

- Э-а, глаза красавицы
Э-а, из-под бровей смотрят, ай-ай,
Э-а, издали она видит:
80. — Наша мать Сэтэнай,
О-а, Сэтэнай-гуаца,
Э-ай-ай, сюда один всадник едет,
Е-ар, если не из Чыты,
Е-а, в Натие нет такого, а!..
85. — Соль-пастэ кушанья
Ер, приготовь ему,
Ер, если мы поспеем,
Ер, пригласим его к себе, — говорит.

- Е-а, мать Сэтэнай
90. Е-а, обе ноги, ей-га,
Е-а, подгибает,
Е-а, оба рукава
Е-а, подкатывает,

- Э-ай-ай, кушанье для гостя —
95. Э-а, не теплое, не холодное —
 Э-а, приготовила!..
 Е-а, плечами подыгрывая:
 — Пожалуйте к нам! — ему говорит.
 — Не пировой человек я
100. И не соблазнитель, посетитель светлиц
 женщин,
 Е-а, Алэджа дом старый
 Ра-а, мне нужно найти,
 Ра-а, из Чыты еду я,
 Ай-ай, в Натие я прибыл!
105. Э-а, не соблазнитель посетитель
 светлиц женщин я,
 Э-э, не пировой человек я! — говорит.
 — Пожалуйте к нам, Щэбатыныко,
 Е-а, из жирной барашки
 Ра-ай-ай, приготовлен наш соус,
110. Е-а, из жирных волов —
 Е-а, наш мясной бульон,
 Ай-ай, наша Акуандэ-дахэ, ра,
 Твою голову почешет, — говорит.
 — Ваши барашки жирные
115. Ра-э, да пусть подохнут,
 А Акуандэ-красавица
 Рэ-а, да пусть помрет!
 — Пожалуй к нам, Щэбатыныко,
 А-ай-ай, не минуй же нас!
120. Е-е, в дом вводят его.
 Е-э, оружие с себя снимает,
 Е-э, отдает парню, —
 Ай-э, у того ресницы запрыгали,
 Э-ай-ай, его обе ноги
125. А-э, задрожали.
 Ай-ай, на колышек когда повесил —
 Рай-ай-ай, колышек свалил!
 Ра-э, на спинку кровати
 Ра-э, когда положил —
130. Ра-э, поломало ее!
 — Да бог поможет ему съесть вас,
 Ра-э, для него нужно место
 Э-а, очень малое!
 Э-ей, оружие взял обратно.
135. Ай-ай, столик, который ему принесли,
 Э-а, на голову поставив,
 Э-а, танцевать он начал,

- Э-а, балки стали падать,
Э-а, у кого разбита голова —
140. Э-а, за дом завели,
О-э, кто избит до полусмерти:
— Щэбатыныко! — говорит, —
Ай-ай, натов старый дом
Ай-ай, на нас не обрушай!
145. — Цену за кровь отца
Э-а, наты, если отдадите,
Э-а, я назад возвращусь, — говорит:
Ситом воды мне принесите,
Э-а, на вертеле масло мне пожарьте,
150. Э-э, за цену крови моего отца
Эй-ай, я приму, — говорит.
Е-э, глупые из натов
Эй- во все сторны побежали,—
Эй-ай, хотят ситом воду принести,
155. Эй-ай, хотят на вертеле масло жарить...
— Е-ай, не годится то, что он сказал нам!
— Нат Щэбатыныко,
Щэбатыныко-пща!
Ер, неосуществимое требуешь, — говорят.
160. — Щэмбарэ¹ для оси подводы
Радэм, найдите,
Радэм, если найдете,
Радэм, приму, как плату за кровь отца,
— говорит.
Наты во все стороны
165. Разбежались, ий-ай,
Но щэмбарэ ось подводы
Радэм, не нашли!
— Всех смуглых в Натие
170. Соберите на Харам-кургане², нарежьте их,
И глубина потока их крови до живота моего
Бзэжа
Радэм, если достигнет,
За цену крови моего отца.
Радэм, я приму, — говорит.
175. Е-э, весь шелк в Натие
Е-э, соберите,
Ер, на Харам-кургане сожгите,
Ер, если мой башлык

¹ Щэмбарэ — волжанка.

² Хьэрам-гуашъхь — Харам-курган, курган жадного, на котором ничего не растёт, обычное место поединка нартов.

Е-э, наполните и дадите, —
180. Е-э, за цену крови моего отца
Радэм, я приму, — говорит.

Рассказал Кушу Нух, бжедуг, 78 лет, в молодости воспитывался в Шапсугии.

Записал А. М. Гадагатль, а. Очэлщый Адигей, 18/IX 1960.

16. ЛЪЭПШЪЫ АПЭ ДЭДЭ ГЪУПЧЭ ЗЭРЭРАГЪЭШЫГЪЭР

(Шапсыгъэ текст)

1. Ижъ дэд ар зыхъугъэр. Ашыгъум тихэку натхэр исыгъэх. Ахэмэ якъэхэр УбынрыкIы бэу итых. Хы Iушъом пэблэгъэ натхэр хъыджэ балыкъ ещэщтыгъэх, сэнэфым ишIыны бэлахъэу фэIэзагъэх, хашъом шылажъэщтыгъэх.

2. Натхэр лэжыгъэджэ анахъэу зыпылгыгъэхэр мэщэр ары. Мэщэр ашIэти, ащ игъо зыхъуджэ Iэджэ хъасэм кытырачыжыщтыгъ. Ау ренэу ауштэу ухэтыныя?

— Лъэпшъ! — аIуагъ натмэ.

— Шъыд?

— Мэщэр ритхыкIыжъэ тшIынэу моу зыгорэ тфэшI, IэпсIанэджэ кытхутхыкIыжъэ тэзэщыгъ, башэри тыпэлъы, — аIуагъ.

— Ар шъыд фэдэу сшIымэ хъушта? — Лъэпшъ къяупкIыгъ.

— ТшIэрэп, — аIуагъ, — ау пIыгъынджэ гупсэфэу, зэIэбгъум бэ кыырипхыкIыын плъэкIынэу тфэшIын фае.

— Арымэ, — ыIуагъ Лъэпшъы, — Тхъагъэлыджэ яныо зэ шыукъеупкIыжъ.

— Хъунба адэ, — аIуи, Тхъагъэлыджэ яныо дэжъ рэкIохы еупкIыгъэх. Нат ныом зеупкIыхэм:

— Мы уашъухъу, ар Спы-гуащэ дэгъоу кытыIонджэ! — ыIуи, Спы-гуащэ лыгъэкIуагъэх.

3. — Спы-гуащэр Пэтэрэз янагъ; рэгусалэщтыгъ.

4. ЗэрэгъэгущаIэхэу шысхэзэ. Спы-гуащэри къэсыгъ. Пчашъхэм кызыпырыкIыын зелом, пчашъхэр ежъ емыпэсыгъэу лъагэу кыкIэкIы лъэпэуагъэ.

5. Тхъагъэлыджэ яныо ныо сэмэркъэушIылэ — жъэ маисэ-кIаеу шытыти,

— Хъунба адэ, — аIуи, Тхъагъэлыджэ яныо дэжъ рэкIохы еупкIыгъэх. Нат ныом зеупкIыхэм:

— Мы уашъухъу, ар Спы-гуащэ дэгъоу кытыIонджэ! — ыIуи, Спы-гуащэ лыгъэкIуагъэх.

3. — Спы-гуащэр Пэтэрэз янагъ, рэгусалэщтыгъ.

4. ЗэрэгъэгущаIэхэу шысхэзэ. Спы-гуащэри къэсыгъ. Пчашъ-

хьэм кызыпырыкIьын зейом, пчашъхьэр ежъ емыпэсыгъэу лъагъу кыкIэкIьы лъэпэуагъэ.

5. Тхьагъэлыджъ яныо ныо сэмэркъэушIылэ — жъэ маисэ-кIаеу шытыти,

— О, фэсапщи, фэсапщи,
Испы — гуашъу тикIас,
Укъэмысзэ оукIорэи!—

кызылуипхъоти, кIенэкIалъэ тIэкIуи фишIэу (къэзылуатэрэр мэххы) риуагъ аIо.

6. Исп-гуашъ ар ыгуджъэ ыдагъэп, шIоигъуаджъэ рэхъугъэ, ау ныоми, адырэ шытхэми ащыукIьыти зиIэжъагъ.

— Сызыфыоджъягъэр мырары, — ылуи, Тхьагъэыджъ яныо зыфэягъэр Испы-гуашъэм риIотагъ.

7. Испы-гуашъэм зи кырымьIоу ыгъээзжьи, зыфэсакъыжъзэ пчашъхьэм ебэкъожьи, ежъэжъыгъ! (Къэзылуатэрэр ыпакIэ тэIэжъзэ мэххы).

8. Ыхьы, джъы шIу пшIагъэмэ урихьылIэжъын!

9. Тхьагъэлыджъ яныо нэжыгъурэу, Испы — гуашъэм ищэнхэр ешIэти:

— Моу зыгорэ ыужъ льерэхъ, ередэлъу, зыгорэ кыIонджьи мэхъу, — натмэ къариуагъ.

10. Арыти, едэлощэнэу анахьыкIер кырагъэжъагъ.

11. Исп-гуашъ макIо, мыдырэ нат кIалэри лъэкIо. Едэлумэ, зыгорэхэр рэгубжъагъ ыгъэжъзэ къело-еложьых:

«Сэ шъосIонэп,

Шъо шъушIэхэнэп!

АтэкъакIэм фэдэу къэбгъэщышт,

Блэщырыцэм фэдэу бгъэпсыжъышт!

Сэ шъосIонэп,

Шъо шъушIэхэнэп!..»

12. Нат кIалэр Исп-гуашъэм кыIорэм етIуани кIэдэлукIьыгъ.

«АтэкъакIэм фэдэу къэбгъэщышт,

Блэщырыцэм фэдэу бгъэпсыжъышт, —

Сэ шъосIонэп,

Шъо шъушIэхэнэп!...»

ыIозэ, «гырц-гырц» ригъалоу, ышъхъэ ыгъэзаззэ мэкIожьы.

13. Ыхьы, джъы къашIагъ — мэххых, мэгущIох — Iэмэ-псы-мэм гъэпсыкIеу иIэштэр.

14. Натхэр Лъэпшъ дэжъ рэкIожьых:

— АтэкъакIэм фэдэу къэбгъэщышт,

Блэщырыцэм фэдэу бгъэпсыжъышт, — раIуагъ.

15. Лъэпшъ — фэдэ къэмышъугъэу, гъукIе пстэуми ятхъэ-матэщтыгъ!—узыфаер, епIуахэмэ, анэмыIэу кышIымэ кыуиты жъэу шытыгъ. Арыти, шъыд ригъэIон! АтэкъакIэм фэдэу ытамэ

къэгъэшыгъэу, блэщырыцэм фэдэу ыцэ гъэпсыгъэу, зынэсырэр пигъумэ-пибзыкIэу, гъупчэ гоуз къафишIи:

— Ма, натхэр, мыш риупкIыи икъун тхьэм шъущерэмы-гъакIь! — къариуагъ. — Шъулажъ, шъущхэжъ.

16. Лъэпшъ зэриуагъэм фэдэу, ежъ натхэр щэIэфэхэджъэ, ягъупчэ риупкIыи икъуни шыкIагъэхэп, ау шъыд фэдиэуи зы-рэлажъэхэми Лъэпшъы афишIыгъэ гъупчэр рэуцэкугъэп.

17. Джьащ фэдагъ Лъэпшъы игъупчэ шIыгъэ!

КъэзыIожьыгъэр Шъхьэлэхъо Али Мыхьамэ-ты ыкъу, илъэс 1882-рэм Адыгеим шыщ къуаджэу Афыпсыпэ кышыхъугъ, орэдыIо Iаз.

Къэзытхыгъэр ХьэдэгъэлIэ А. М., Афыпсып, 30/VIII 1958.

16. КАК ТЛЕПШ ВПЕРВЫЕ СЕРП СДЕЛАЛ

(С шапсургского текста)

1. В глубокой древности это случилось. Тогда на нашей земле наты жили. Их могил за Убыном много находится. К побережью моря близкие наты сетью балык (рыбу) ловили, санэ белое готовить мастерами были, в поле работали.

2. Наты из злаков особенно выращивали просо. Просо сеяли, когда оно поспевало, руками вырывали. Но разве так все время может быть?

— Тлепш! — сказали наты.

— Что?

— Просо чем можно будет косить, что-нибудь нам сделай, голыми руками вырывать нам надоело, и долго возимся, — сказали.

— Это на что похоже я сделать должен? — Тлепш их спросил.

— Мы не знаем, — сказали, — но чтобы удобно было держать. Чтоб одним взмахом можно было много срезать.

— Тогда, — сказал Тлепш, — Тхагэлиджевых старуху прежде спросите.

— Ладно тогда, — сказав, к Тхагэлиджевых старухе пошли и спросили. Натскую старуху когда спросили:

— О небо, это Спы-гуащэ хорошо нам скажет ведь! — сказав, за Спы-гуащэ послала.

3. Спы-гуащэ являлась матерью Пэтэрэза, была капризной.

4. К беседующим Спы-гуащэ прибыла. Когда порог двери хотела перейти, порог двери не по ее росту оказался высоким, споткнулась.

5. Старуха Тхагэлиджевых довольно шутиливо - острословной была, и поэтому:

— О фэсапши, фэсапши,
Исп-гуашэ, наша любимая,
Не успев прибыть — падаешь! —

сразу посмешищем немного ее делая (рассказывающий смеется), сказала, говорят.

6. Исп-гуашэ это своим сердцем как должное не приняла, обидой посчитала, но старухи да и тех присутствующих постеснявшись, воздержалась.

— Я тебя позвала вот почему, — сказав, Тхагэлиджевых старуха, что хотела, Исп-гуашэ рассказала.

7. Исп-гуашэ, ничего не ответив, повернулась, осторожно перешагнула порог, стала уходить! (Рассказывающий, усы трогая, смеется).

8. Ага, теперь если добро сделал, встретишься с ним!

9. Тхагэлиджевых старуха мудрой, предусмотрительной была, Исп-гуашэ характер зная:

— Сейчас кто-нибудь за ней пусть следует, что-нибудь, возможно, скажет, — натам сказала.

10. И тогда, подслушать младшего за ней пустили.

11. Исп-гуашэ идет, и этот натский юноша за ней идет. Подслушав ее, что-то сердито часто говорит — пересказывает:

«Я вам не скажу,

Вы сами не узнаете!

Надо загнуть так, чтобы на хвост петуха был похож.

На змееныша зубы похожим надо сделать!

Я вам не скажу,

Вы сами не узнаете!..»

12. Натский юноша Исп-гуашэ слова вторично подслушал:

Надо загнуть так, чтобы на хвост петуха был похож.

Я вам не скажу,

На змееныша зубы похожим надо сделать!

Вы сами не узнаете!..» —

говоря, «гырц-гырц» — шагом, свою голову трясая, возвращается.

13. Ага, теперь узнали — смеются — радуются — орудия устройство каким должно быть.

14. Наты к Тлепшу возвратились:

— Надо загнуть так, чтобы на хвост петуха был похож.

На змееныша зубы похожим надо сделать, —

сказали ему.

15. Тлепш, подобного которому еще не было, всех кузнецов превосходил! — что ты пожелаешь, лишь только скажи, моментально сделав, возвращал тебе. Поэтому долго ли возиться с этим! На хвост петуха похожим крыло его, серп загнул, на змееныша зубы похожими зубья сделал, к чему ни прикасался, отваливающим, отлизывающим серп прекрасный сделал:

— Вот, наты, да пусть бог шлет вам столько проса, сколько этот серп может срезать! — им сказал. — Работайте, ешьте.

16. Подобно тому, как Тлепш сказал, наты пока были живы, не знали недостатка, срезали (жали) столько, сколько могли, но сколько бы ни пользовались, Тлепшем сделанный серп не стал тупым.

17. Таков был Тлепшем сделанный серп!

Рассказал Схалыхо Али Мыхамэта сын,
1882 г. рождения, уроженец аула Афыпсып Ады
геи, популярный певец.

Записал А. М. Гадагатль, Афыпсып, 30/VII
1958.

17. ЛЪЭПШЪЫҚЪО НЭГУРЭ ЕХЫЛІЭГЪЭ ГЪЫБЗ

(Бжъэдыгъу текст)

Ом лъагъо хещы,
Щэм шъоу хехы,
ЗыІушІэшІыкІырэр —
Нэгурэм ичат!
Пчэгъэлэнтхъ — Нэгур кІэкІэр!
Къонтхъ емыплъэу,
Псэ емыблэжъэу
Епсыхыжыгъэр
Нарт Нэгур.
«Чэлэхъстэн — мэхъэджэ жакІи
Нэгурэр ыукІи
Сигъэунэхъуи!» — ыІуи
Усагъэр
Лъэпшъы иныс.

КъэзыІуагъэр ЦІэІогъошІу Ислъам, Адыгеим
щыш.

Зытхыгъэр ХъэдэгъэлІэ А. М., 2/III 1948.

18. ХЪЫМЫЩЫҚЪО ПЭТЭРЭЗ ИПЩЫНАЛЪЭХЭР

(Щапсыгъэ текст)

I

1. Ери-ей, Хъымыщыкъоджъэ Пэтэрэз, о-уй!
Ери-ей, Пэтэрэзэр-кІэлэ закъо, о-уй,
Ери-ей, Гоузишъэуи зэкІоцІылъ, о-уй,
Ери-ей, Ныбэ илъэу зятэ ылъэхэр зымыгъэгъу, о-уй,
5. Ери-ей, Пэтэрэз Исп-гуащэм къызыхэкІым, о-уй,
Ери-ей, А мафэм лъэосэ пІурэу къыщахъ, о-уй,
Ери-ей, Анаем ипытэхэр икушъэ натІ, о-уй,

- Ери-ей, Хэшъаем ипытэр икушъэ цаг, о-уй
 Ери-ей Бланэм ытхысIашъо икушъэпс, о-уй,
 10. Ери-ей, Пэтэрэз Жъокъоянэм кызыхепхэм, о-уй,
 Ери-ей, зикъудый — кушъэ нэтIитIори хикIыкIыи, о-уй,
 Ери-ей, ЗигъэкIылъи — кушъэпсыхэр кызызепичъи, о-уй,
 Ери-ей, зигъэчынэу джэхэшъогум кытэуцуи, о-уй,
 Ери-ей, Жъокъо — янэ тхьагъур мыгъоти; о-уй,
 15. Ери-ей, «Пэтэрэз кызыхъукIыз лIы хэкIыи, о-уй,
 Ери-ей, Натыжъхэр лъэпкычъэ ехъулэн! — ыIуи, о-уй,
 Ери-ей, А мафэм Инджыджыжъые кыщыхадзи, о-уй,
 Ери-ей, Инджыджыжъые нат Iахъомэ кыдагъуати, о-уй,
 Ери-ей, Iахъо пщыпIэм кырахъылIи, о-уй,
 20. Ери-ей, Нат Iахъом эзы къуанан кыщырати, о-уй,
 Ери-ей, Икъунаны «Дул-дул» кыфауси, о-уй,
 Ери-ей, Илъэсихэ нат Iахъомэ къахэси, о-уй,
 Ери-ей, Пэтэрэз Дул-дулым къешэси, о-уй,
 Ери-ей, Пэтэрэз Басэ губгъом кызыехъэм, о-уй,
 25. Ери-ей, А мафэм пщы Марыкъо кыщыкIыи, о-уй
 Ери-ей, — Сипщы-тат, тэ укъэкIыжърэ?» — кыщыриIуи о-уй,
 Ери-ей, — Лъэпшъ икIыщы сыкъэкIыжъы, сишъао, о-уй,
 Ери-ей, Мэфаем Хымыщыжъэр зысэукIым, о-уй,
 Ери-ей, Натыпкъым сикъэтацэ кыIуикIыгъэти, о-уй,
 30. Ери-ей, Симайсэ Лъэпшъы къезгъэпсахыжъыгъ, о-уй,
 Ери-ей, ТIопсахэ къезгъэшIыжъыгъэу къэсэхыжъы, —
 кыыриIуагъ. о-уй,
 Ери-ей, — Умайсэ сегъэплъ, сипщытат, о-уй,
 Ери-ей, — Симайсэ уезгъэплъын, сишъао, о-уй,
 Ери-ей, Пщы-Марыкъо къэтацэр кызызешэм, о-уй,
 35. Ери-ей, Дуль-дулыр шы Iушыти кыбгъодихи, о-уй,
 Ери-ей, Пщы-Марыкъо кызызегъазэм, о-уй,
 Ери-ей, Дуль-дулэр шы Iушыти кыбгъодихи, о-уй,
 Ери-ей, Пщы-Марыкъо имаисэ кыIэкIех, о-уй,
 Ери-ей, Пщы-Марыкъо Басэ губгъо шырифыжъи, о-уй,
 40. Ери-ей, Пщы-Марыкъо хыкъумашъхэм кырефэкIы, о-уй,
 Ери-ей, Пэтэрэзы пщы-Марыкъо ищыужъы зыкыфешIы, о-у
 Ери-ей, Ищышъхъэджэ пщы-Марыкъо щырелIыхы, о-уй!

II

- Ери-ей, Пэтэрэз Жъокъоянэ къекIолIэжъы, о-уй,
 Ери-ей, Жъокъоянэ: «Сишъао, о-уй,
 45. Ери-ей, Тхьакъысати, укъэкIожъыгъ! — ыIуи, о-уй,
 Ери-ей, А мафэм Пэтэрэз кыщегъашIо, о-уй,
 Ери-ей, — Жъокъоянэ нат сэнашъо сыкIошт, — еIо, о-уй,
 Ери-ей, — Сишъао, нат сэнашъо умыкIу, о-уй,
 Ери-ей, Пэтэрэз дэнапIэм щегъэчъые, о-уй,
 50. Ери-ей, Жъокъоянэ нат сэнашъом хахъэ: о-уй,

- Ери-ей, — Натыжъхэр, шъуезэрэгъашъо шъузэхэс! о-уй
 Ери-ей, Синэфынэ къэсыжыгъэшъы, о-уй,
 Ери-ей, шъуиухышт, — ы!уи, ари!уагъ, о-уй,
 Ери-ей, А мафэм натыжъхэр зэфэусэ: о-уй,
 55. Ери-ей, — Пэтэрэз Дуль-дулым едгъэшэсэу, о-уй,
 Ери-ей, Уарпыжъым щыпсыгъашъо едгъашэмэ, о-уй,
 Ери-ей, Дуль-дулым кIап огъуищ шырихэу, о-уй,
 Ери-ей, хыкъумиблэм зэприхэу къыкIидзмэ, о-уй,
 60. Ери-ей, А мафэм щымыкIодэу къэнэжъмэ, о-уй,
 Ери-ей, Уарпыжър псыхъуиблэу зэгочы, о-уй,
 Ери-ей, Псыхъуиблымэ дзэ пэкIибл дгъэтIысмэ, о-уй,
 Ери-ей, А кIапIэм Пэтэрэз шыралIыхын, — а!уй, о-уй,
 Ери-ей, Нат сэнашъом къызыхашэ, о-уй,
 65. Ери-ей, Нат сэнашъом сэнэфыбжъэ къыщыраты, о-уй,
 Ери-ей, Сэнэфыбжър Пэтэрэзы къыщырешъу, о-уй,
 Ери-ей, — Пэтэрэз Дуль-дулым ешэси, о-уй,
 Ери-ей, Уарпыжъым къыхэгъахы къэшэсыжъ, — а!уи, о-уй,
 Ери-ей, Пэтэрэз Дуль-дулым рагъэшэси: о-уйи,
 70. Ери-ей, — Пэтэрэз, Басэ губгъом узынэсджъэ, о-уй,
 Ери-ей, Дуль-дулым кIапщ огъуищ ех, — а!уи, о-уй,
 Ери-ей, А мафэм Пэтэрэз къыдагъэкIи, о-уй,
 Ери-ей, Пэтэрэз Дуль-дулым къэшэси, о-уй,
 Ери-ей, Басэ губгъом къызехъэм, о-уй,
 75. Ери-ей, Ду-льдулым зырегъасэ, о-уй,
 Ери-ей, Уарпэ щыпсыхэгъахъэ къызэсым, о-уй,
 Ери-ей, Уарпыжър псыхъопиблэу зэбгырэкIы, о-уй,
 Ери-ей, Дзэ пэкIыибл къарыкIыгъэу къыщыIукIы, о-уй,
 Ери-ей, А мафэм дзэ пэкIыиблыр шырилIыхы, о-уй,
 80. Ери-ей, Пэтэрэз нат хэгъуашъхъэм къызэсыжъым, о-уй,
 Ери-ей, Дул-дулым а кIапIэм щепсыхи, о-уй,
 Ери-ей, Дул-дулыр онэгу нэкIэу къэсыжыгъ, о-уй,
 Ери-ей, Натыжъмэ сэнэфыбжър къыщырашъуи, о-уй,
 Ери-ей, Натыжъмэ ашъо гушIуапкIэу щати, о-уй,
 85. Ери-ей, Пэтэрэз шъоджъэ-сadjъэу зыкъишIи, о-уй,
 Ери-ей, Пэтэрэз нат сэнашъом къызахахъэм, о-уй,
 Ери-ей, Сэнэф кIадэм шъхъащыт натыжъхэр, — е!о, о-уй,
 Ери-ей, Сэнф кIадэм епсалъэ натыжъхэр, о-уй,
 Ери-ей, Пщы Алэджы мыхъуныбэ къыщелуат, о-уй,
 90. Ери-ей, Пщы Орэмэджы къэбарыпцI релоталIэ, о-уй;
 Ери-ей Пщы Асраны шъхъащытхужър икIас о-уй,
 Ери-ей, Саусыркъо псIыбэ шеусы, о-уй,
 Ери-ей, СэнэфкIадэр кIэдакIэм щэлъэрэзэ! о-уй,
 Ери-ей, — Натыжъджъэ сэнэфкIадэм шъушъхъащыкI! о-уй,
 95. Ери-ей, Натыжъхэр сэнэфкIадэм шъхъащыкIоти, о-уй,
 Ери-ей, Пэтэрэз сэнэфкIадэм епсалъэ: о-уй,
 Ери-ей, — Мы псалъэр ослоталIэрэр-шъыпкъэмэ, о-уй,
 Ери-ей, СэнэфкIад кIэдашъхъэмджъэ къыхъупщтыкI, о-уй

- Ери-ей, Мы псалъэу ослуалІерэр мышъыпкъэмэ, о-уй,
 100. Ери-ей, СэнэфкІад, кІэдакІэм шылъэраз! — о-уй,
 Ери-ей, Сиунэхэр тхьа икІапІэ щясэгъашІы о-уй,
 Ери-ей, СиунакІэ сэнэфкІадэм есэгъашьо, о-уй,
 Ери-ей, Сиунашъхэ иныжъышъоджъэ ясэгъабгъ, о-уй,
 Ери-ей, Сыбгъэцыхэр пыжъыцхэу мэуцу, о-уй,
 105. Ери-ей, Тыгъэр къызыщыкьокІырэр — кьокІыпІэ, о-уй,
 Ери-ей, Тыгъэр зыщыкьохъажьырэр — кьохъапІэ, о-уй,
 Ери-ей, Иныбэмэ акопкыхэр сипхъэцу, о-уй,
 Ери-ей, Иныбэмэ ацагэ сишъхъапхъэ, о-уй,
 Ери-ей, Иныжъхэр мэзагъорэ сэгъэхы, о-уй,
 110. Натыжъэхр мэзагъорэ сэгъало, о-уй,
 Ери-ей, «Ер-ещ!» амыІуахэу шъхъало ясэгъало, о-уй,
 Ери-ей, Ячэмахъо пэнэпслэжъым хэсэгъашэ, о-уй,
 Ери-ей, ЯмэшакІо пы ымыІыгъэу дэсэгъэкІь, о-уй,
 Ери-ей, Хым сикІьмэ-пчыкІэ закъор силъэмыдж, о-уй,
 115. Ери-ей, СыкьикІыжъмэ — Басэ губгъэ сиджэгупІэ, о-уй,
 Ери-ей, Дуль-дулым цІэлъэ-кІуалъэ зырегъаси, о-уй,
 Ери-ей, Уарпыжъэ щыпсхэгъахъэ сызэкІом, о-уй,
 Ери-ей, Уарпыжъэ псыхъопиблэу зэбгырэкІьы, о-уй,
 Ери-ей, Дзэ пэкІибл къарыкІыгъгэу сыкъаІукІи, о-уй,
 120. Ери-ей, А мафэм шыу блырыбл щызэтэзгъахь, о-уй,
 Ери-ей, А мафэм шыу пхъэщишъэ щызэхэзгъакІи, о-уй,
 Ери-ей, А мафэм шъумэ тхъэ язгъаІуи, о-уй,
 Ери-ей, А мафэм ашъофишъэ щызэщысчи, о-уй,
 Ери-ей, А мафэм пкІэгъолишъэ езгъэщэхи, о-уй,
 125. Ери-ей, Пщы Орзэмэджь, пщы Марыкьо анахъ хаф! о-уй!
 Ери-ей, Пщы Марыкьо: — Тыкъэонти,
 Ери-ей, УкІэлаш, — къышысело. о-уй,
 Ери-ей, Пщы Марыкьо Басэ губгъэ сышыІукІьы, о-уй,
 Ери-ей, Пщы Марыкьо Басэ губгъэ сыщыкІяхьы, о-уй,
 130. Ери-ей, Пщы Марыкьо имаисэ шыІэкІэсэхи, о-уй,
 Ери-ей, Пщы Марыкьо Басэ губгъэм щесэфыжъэ, о-уй,
 Ери-ей, Пщы Марыкьо хыкъумашъхъэм десэфэкІьы, о-уй,
 Ери-ей, Ипчышъхъэ тІаркьо къысигъаІи, о-уй,
 Ери-ей, Тыгъэм нэбзыиблэу зэкъочы, о-уй,
 135. Ери-ей, Пчэнэзым къыдегъэчи, къысао, о-уй,
 Ери-ей, СлээкІьэплитІу мэкІэ дэдэу егъэкІээзы, о-уй
 Ери-ей, СынитІу а кІапІэм шэушІункІьы, о-уй,
 Ери-ей, Зы жьэдэкІьы а кІапІэм щысымыІу, о-уй,
 Ери-ей, Пщы Марыкьо ипчышъхъэ есэдзэкІьы, о-уй,
 140. Ери-ей, Ишыужджьэ пщы Марыкьо зыщысэдзый, о-уй,
 Ери-ей, Ишышъхъэдджьэ пщы Марыкьо есэлІыхы, о-уй,
 Ери-ей, Ситопыфо алэшийджьэ зэрясэгъашэ, о-уй,
 Ери-ей, Щыуанщыгу дязгъэщай, язгъэлъэкІьы, о-уй,
 Ери-ей, А мафэм гын огъу плІипшІэ рязгъэтакъуи, о-уй,
 145. Ери-ей, Топышэу топыгум зырязгъалъхьы, о-уй,

- Ери-ей, Гъуды-гъудэу, Гъуды-къалэм зыдезгъадзи, о-уй,
 Ери-ей Тхъэ шызишъэу кӀыгур зэгосфи, о-уй,
 Ери-ей, Пыидзэр хъутэ-плъытэу кызынэсым, о-уй,
 Ери-ей, Зы жьэдэкӀ а кӀаплэм шысэмылу, о-уй,
 150. Ери-ей, Мы къэсӀуагъэм кӀылэ тӀэкӀу кыхэхъагъ, о-уй,
 Ери-ей, Топым ыку зезгъэхыхгъэемэ, о-уй,
 Ери-ей, Гын гъозым сыкъыстыни, о-уй,
 Ери-ей, Шыуан шыгу шъыдэуштэу дэсщэени! о-уй,
 Ери-ей, Ау ХъарамӀуашъхъэ дязгъэцаи, язгъэлъэкӀыи, о-уй,
 155. Ери-ей, Ситопыжъ зэгъуагъом, о-уй,
 Ери-ей, Гын гъозым сыхэтэу сыкъырэчэ, о-уй,
 Ери-ей, Гъуды-гъудэу, гъуды къалэм сыкъыдэпскӀыэ, о-уй,
 Ери-ей, Тхъэ шызишъэу кӀыгор зэгосэф, о-уй,
 Ери-ей, Пыидзэр хъутэ-плъытэу кынэс, о-уй,
 160. Ери-ей, Сифэщэс а мафэм шысэгъабзэ, о-уй,
 Ери-ей, Сибзэшъы тыгъужъ ини — мӀусласӀэ, о-уй,
 Ери-ей, СищикӀы, лыгъэ ешӀи, ыужъ рэкӀо, о-уй!
 Ери-ей, Пэтэрэз мыгъор сэнэф кӀадэм епсалъэ, о-уй,
 Ери-ей, Мы псалъэу есӀоталӀэрэр шъыпкъэмэ, о-уй,
 165. Ери-ей, СэнэфкӀад, кӀэдашъхъэмджэ кыххупщтыкӀы, о-уй,
 Ери-ей, СэнэфкӀадэм кӀэдашъхъэр кыщиути! о-уй,
 Ери-ей, — Натыжъхэр силъэуасэ шъосӀошт! о-уй,
 Ери-ей, Шыбзэдджэ псыкъысфэшъухыи сежъугъашъу, о-уй,
 Ери-ей, Уашъом лъэугъуае ешъудзи шъудэкӀуай, о-уй,
 170. Ери-ей, Ашъхъэ шӀуслэу хъэ фыжыишъэ кысфэжъугъот,
 о-уй,
 Ери-ей, Натыжъым дариеу илъэр зэфэшъухъэси, о-уй,
 Ери-ей, Дарие стафэу папышитӀу арыз кысфэжъугъот, о-уй,
 Ери-ей, Щэбар кулъэмыджэ сфыкӀыажъугъальхыи, о-уй,
 Ери-ей, ХъамшхъутӀэ пчэпхъэбгъу закӀо сфыуаажъугъальхъ,
 о-уй,
 175. Ери-ей, Тхъор цацэджэ сфяжъугъажъ, о-уй,
 Ери-ей, Тятэ инэт цӀыкӀу из аргъоу дагъэ кысфэжъугъот,
 о-уй,
 Ери-ей, Мы къэсӀуагъэр Хъымыщыжъым илъэуас, о-уй,
 Ери-ей, Нысэкьишъэ кысэшъутымэ, о-уй,
 Ери-ей, Бзыублыгуцыджэ сиунашъхъэ яжъугъабгъэмэ, о-уй,
 180. Ери-ей, Цундым зэзэу хэлъэр кыхэшъухэу, о-уй,
 Ери-ей, кысэм изэу кысфэшъухымэ, о-уй,
 Ери-ей, Тятэ илъэуасэджэ шъуфэсэштэ, о-уй,
 Ери-ей, А мафэм натыжъхэр зэхигъэси! о-уй,
 Ери-ей, А мафэм натыжъхэр зэхигъагъи. О-уй.

КъэзыӀуагъэр Шъхьалэхъо Алай, шапсыгъ,
 илӀ. 1881-рэм къ. Афыпсыпэ кышыыхъугъ, Ады-
 геир.

Зытхыгъэр ХъэдэгъэлӀэ А. М., 5/VII 1958.

18. ПЩЫНАТЛИ О ХЫМЫЩЫКО ПЭТЭРЭЗЕ

(С шапсугского текста)

I

1. Ери-ей, Хымыщыковых Пэтэрэз, о-уй¹,
Ери-ей, Пэтэрэз — одинокий парень,
Ери-ей, Стоящий сотни замечательных мужей,
Ери-ей, Еще в утробе матери готов был за отца отомстить,
5. Ери-ей, Когда Пэтэрэз от Исп-гуашэ² родился,
Ери-ей, В тот день заложником его забирают,
Ери-ей, Спинки его люльки — из крепкого дерева аная,
Ери-ей, Бока его люльки из крепкого самшита,
Ери-ей, Повязки — из спинной кожи лани.
10. Ери-ей, Когда Пэтэрэза Жокоян³ привязала,
Ери-ей, Растянувшись — обе спинки люльки выломал,
Ери-ей, Напрягшись — повязки крепкие порвал,
Ери-ей, Завертелся волчком в центре пола,
Ери-ей, Жокоян — умнейшая, догадалась:
15. Ери-ей, «Если подрастет, из Пэтэрэза герой получится,
Ери-ей, Наты без рода от него останутся!»
Ери-ей, В тот день в Инджыджжие бросили,
Ери-ей, Инджыджжие натские пастухи нашли,
Ери-ей, На стан пастухов занесли.
20. Ери-ей, Натские пастухи жеребенка ему подарили,
Ери-ей, Жеребенка Дуль-дулем назвали,
Ери-ей, Шесть лет среди натских пастухов прожив,
Ери-ей, Пэтэрэз на Дуль-дуля садится,
Ери-ей, Пэтэрэз на Басэ-степи выехав,
25. Ери-ей, Там ему повстречался пщы-Марыко.
Ери-ей, — Мой пщытат, откуда возвращаешься?
— Я от Тлепша возвращаюсь, мой сын,
Ери-ей, В день убийства мною Хымыща старого,
Ери-ей, Натское тело отломило зуб меча.
30. Ери-ей, Мой меч Тлепшем вновь закален,
Ери-ей, Дважды теперь закаленный, — сказал он.
Ери-ей, — Дай посмотреть твой меч, мой пщы-тат.
Ери-ей, — Покажу тебе мой меч, мой сын.
Ери-ей, Пщы-Марыко острый меч протянул, —
35. Ери-ей, Дуль-дуль — умный конь отошел,
Ери-ей, Пщы-Марыко когда поворачивает —

¹ После каждого стиха хор исполняет: «о-уй!» или «орэ-орадэ!»

² Исп-гуашэ, или Спы-гуашэ — исп-хозяйка (исп-карлик, гуашэ—хозяйка).

³ Жьокьо-нан, Жоко-нан или Жокоян — воспитательница-мать.

Эти пщынатли (былины) имеют широкое распространение среди всех адыгов, живущих в Адыгее, Причерноморской Шапсугии, Кабарде, Черкесии, а также за рубежом — в Сирии, Иордании, Израиле, Ираке, Ливане и Анатоллии.

- Ери-ей, Наты старые рог санэ белого выпивают,
Ери-ей, Наты старые кольчугу в память радости дарят,
85. Ери-ей, Пэтэрээз в тряпье потертое одевшись,
Ери-ей, Пэтэрээз на натское санопитье пришел:
Ери-ей, Над кадкой санэ стоят наты старые, — говорит,
Ери-ей, Над кадкой санэ произносят тосты наты,
Ери-ей, Пщы-Алэджд много ненужного рассказывает,
90. Ери-ей, О пщы-Орзэмэдже правду говорит,
Ери-ей, А пщы-Асран самовосхваление любит,
Ери-ей, Саусырыко много лжи там сочиняет,
Ери-ей, Санэ на дне кадки бурлит!
Ери-ей, Наты старые, от кадки санэ отойдите!
95. Ери-ей, Наты старые от кадки санэ отошли,
Ери-ей, Пэтэрээз над кадкой санэ держит речь:
Ери-ей, — Если речь, сказанная мною, правда,
Ери-ей, Ты, санэ белое, через край кадки пролейся,
Ери-ей, Если речь, сказанная мною, неправда,
100. Ери-ей, Ты, санэ белое, со дна кадки не поднимайся!
Ери-ей, Свои дома на божьем месте отстраиваю,
Ери-ей, Мой новый дом, — санэ белое пьет, —
Ери-ей, Крыша дома великаньей кожей покрыта,
Ери-ей, Волосы на моей груди, словно иголки ежа, торчат,
105. Ери-ей, Там, где солнце восходит, — Восток,
Ери-ей, Там, где солнце заходит, — Запад.
Ери-ей, Мои стропила — великаны бедра,
Ери-ей, Мои латки — великаны ребра.
Ери-ей, Великаны при лунном свете мне жнут,
110. Ери-ей, Великаны при лунном свете мне молотят.
Ери-ей, «Ер-ещ!» не говоря, на току мне молотят,
Ери-ей, Их пастух с колючек не выходит,
Ери-ей, На просо кто идет, без кутика выходит,
Ери-ей, Когда море перейти мне — древко пики мой мост,
115. Ери-ей, Когда возвращаюсь — Басэ-степь мое место
развлеченья,
Ери-ей, Дуль-дуль, скользя, упирается,
Ери-ей, Когда на Уарп старый коня купать я ездил,
Ери-ей, Семью лучами Уарп старый растекается,
Ери-ей, С семи мест войско там я встретил,
120. Ери-ей, В этот день по семь всадников я сразил,
Ери-ей, В этот день сто сильных всадников я склонил,
Ери-ей, В этот день всадников дать клятву заставил,
Ери-ей, В этот день сто белых кольчуг я разорвал,
Ери-ей, В этот день сто белых коней обуздал,
125. Ери-ей, Пщы-Орзэмэдж, пщы-Марыко, всех суровой
Ери-ей, Пщы-Марыко: — Тебя бы,
Ери-ей, Но ты очень молод, — говорит.
Ери-ей, Пщы-Марыко на Басэ-поле я встретил,

- Ери-ей, Пщы-Марыко на Басэ-поле я догнал,
 130. Ери-ей, Из рук пщы-Марыко меч его я выхватил,
 Ери-ей, Пщы-Марыко по Басэ-полю я погнал,
 Ери-ей, Пщы-Марыко в верховье залива загнал,
 Ери-ей, Двухстворчатая пика его меня коснулась,
 Ери-ей, Семью солнечными лучами разбегается,
 135. Ери-ей, Через щель просунув, он бьет меня,
 Ери-ей, Мои обе ноги немного затряслись,
 Ери-ей, Мои глаза тогда потемнели.
 Ери-ей, Ни слова я тогда не промолвил,
 Ери-ей, Пику пщы-Марыко отбросил,
 140. Ери-ей, Вслед коня пщы-Марыко бросился,
 Ери-ей, Через голову коня заколол я пщы-Марыко,
 Ери-ей, Мою пушку большую восемь меринов возят,
 Ери-ей, На Щыуан-гору затащив, почистили,
 145. Ери-ей, Попросил положить меня, как снаряд, в ствол пушки,
 Ери-ей, Зарядили ее порохом сорока залпов.
 Ери-ей, Забросили меня в Гъуды-Гъуды, Гъуды-крепость,
 Ери-ей, На сто тха-«локтей» тут землю раздвинул,
 Ери-ей, Вражье войско разъяренное когда прибыло ко мне,
 Ери-ей, Ни единого слова не промолвил.
 150. Ери-ей, В том, что сказал — немного неправды:
 Ери-ей, Если бы я в ствол пушки опустил, я,
 Ери-ей, Пороховой жар меня обжег бы,
 Ери-ей, Кто пушку на Щыуан-гору затащил бы!
 Ери-ей, Но на Харам-гору затащили, почистили,
 155. Ери-ей, Когда пушка старая загремела,
 Ери-ей, Под пороховым дымом побежал я,
 Ери-ей, В Гъуды-гъуд, Гъуды-крепость прыгнул.
 Ери-ей, Землю на сто тха-«локтей» раздвигаю,
 Ери-ей, В вражье войско разъяренное как прибыл —
 160. Ери-ей, Мой белый меч в этот день разит долго,
 Ери-ей, Моя тетива словно волчище — завывает.
 Ери-ей, Мой конь упрямо следом идет!
 Ери-ей, Пэтэрэз — горе мое, обращается:
 Ери-ей, Если эта речь, кадковое санэ, неправда,
 165. Ери-ей, Ты, санэ белое, на дне кадки побурли.
 Ери-ей Санэ белое отрывает верх кадки!
 Ери-ей, Наты старые, плату за кровь моего отца я
 вам назначу.
 Ери-ей, Принесите мне полное сито воды,
 Ери-ей, Прислонив лестницу, на небо взбирайтесь,
 170. Ери-ей, Сто черноголовых белых собак для меня вы найдите,
 Ери-ей, в Натие старом все дорогие ткани соберите мне,
 Ери-ей, Сожгите их и два чувяка наполните пеплом мне,
 Ери-ей, из прутика щэбара пусть сделают разводку,
 Ери-ей, Цельную дверь из боярышника пусть поставят,

175. Ери-ей, На вертеле масло для меня пусть поджарят,
Ери-ей, Полный нэты — кожаный мешочек нашего отца
 комариного жира вы найдете,
Ери-ей, Что сказал я — это плата за кровь, за Хымыша
 старого.
Ери-ей, Если сто молоденьких невесток мне дадите,
Ери-ей, Если из подмышки птичек перьями крышу дома
 моего вы покроете,
180. Ери-ей, Из ворона желчный пузырь вы извлечете,
Ери-ей, Полный кисет этой желчи если вы принесете—
Ери-ей, Как плату за кровь моего отца приму.
- Ери-ей, В этот день он натов старых заставил посидеть
 долго,
Ери-ей, В этот день он натов старых заставил поплакать.

19. НАРТХЭР УАШЪОМ ЗЭРЭДЭКІЙГЪЭ ШЫКІЭР

Хьымыщыкьо Пэтэрэзы ятэ ылъэуасэкIэ нартхэр зырегъз-хэм ашIэн фаеу ариIуагъэхэр афэгъэцэкIагъэп, бгъэцэкIэн плъэкIынэу шытэпти.

Арыти:

— Тыплъэмэ — тлъэгъоу,
Тыкюмэ — тынэмысэу,
Уашъом щэхъу сыд шылах?! —
Сэтэнэй гуашэм ащ къарейо,

— Къушъхър уашъом кIао,
Уашъом инэзхэр тэлъэгъу,
Ошъуапщэр къэшхэмэ — чIым къынэсы.
Тызэтеуцомэ тынэсын! —

Язэрэгъаю, зэрэгъэгушхox,
Нартышхoxэр зэтеуцox.

Ау нэсынхэ алъякЫгъэп. ЕтІани цІыфи, иныжтИ, испи, бы-
лыми, кьолэ-бзыу тэмабгъуи, чьыги, мыжъуи — ятІи — мы
псы-о-чІым тет пстэури зэтрагъэуцуи, ащ акІыІу дэдэ Пэтэрэз
трагъэуцожьыгъ.

Зыдэлэбаем, .уашъом нэсынкІэ зы чэтыукІэ щиз щыкІагъ.

КъэзыІуагъэр Уджыхъу Чэрим, Хьэсанэ
ыкъу, Сэлмэные шыщ, Сириер.

Къэзытхыгъэр Тыгъужъ Фуад, Дамаск, 1/II
1965.

19. О ТОМ, КАК НАРТЫ ХОТЕЛИ ДОБРАТЬСЯ ДО НЕБА (С адыгского текста, записанного в Сирии)

Когда Хымыщыко Пэтэрэз заставил нартов дать ему плату
за кровь своего отца, поставленные им условия те не смогли вы-
полнить, так как они были невыполнимы.

Немного позже нарты спросили самого Пэтэрэза: «А как вы
вышли б в небо?» — сказав.

— Лестницу приставьте и в небо выходите,
Друг на друга становитесь и в небо выходите.
Больше этого ничего вам я не скажу,—
Говорит грозно Хымыщыко.

Нарты друг на друга посмотрели,
Нарты друг у друга спросили.

— Смотрим — видим,
Идем — не доходим—
Что, кроме этого неба, такое есть еще?!—
Сэтэнай-гуашэ говорит им.

— Гора под небо выступает,
Края неба мы видим,
Тучи опустятся — землю достают.
Кто гремя над нами там стоит, мы не знаем!
Станем друг на друга — достанем!—
Потолковали, оживились.
Нарты великие друг на друга становятся.

Но достать не смогли. Тогда и людей, и великанов, и кар-
ликов, и животных, и птиц крылатых, и деревья, и камень-глину—
все то, что имеется в мире: моря — небеса — земли поставили
друг на друга, а сверху всех — Пэтэрэза.

Пэтэрэз потянул руку вверх, но... до неба не хватило еще с
хвост кошки.

Рассказал Удычак Чэрим Хасана сын, из ау-
ла Сэлмэные Сирии.

Записал Тугуз Фуад, Дамаск (Шам), 1/II
1965.

20. НЭСРЕН-ЖАКІЭ АЩЭМЭЗЫ ДЭЖЬ ЗЭРЭҚІОГЪАГЪЭР

(Хъатикъое текст)

1. О хъэхъаеу Нэсрен-жакІэ!..
А орэдэ-орэда!
Нартджэ типшы-тхъаматэ,
А орэдэ-орэда!
5. Нартджэ тидышгэ жакІ,
А орэдэ-орэда!
Нартджэ тижэкІэ ос,
А орэдэ-орэда!
10. Ныбыджыгум нэсы,
А орэдэ-орэда!
Шы сэкум тео,
А орэдэ-орэда!
Нэсрэныжъ мыгъом
А орэдэ-орэда!
15. ИкІэкІо гъожы
А орэдэ-орэда!
Шы пхэкІэр ебгэ.
А орэдэ-орэда!
20. Нэсрэныжъэр тыгъужъ джэдыгу,
Нэгү ебгэ-машІу,
А орэдэ-орэда!
ТІым ишІур кыфашэ,
А орэдэ-орэда!
25. ТІасхъэр кыфахы!..
А орэдэ-орэда!
Иуанэ тыралъхэ,
А орэдэ-орэда!
30. Ихыи-ибгъи игъусэу
А орэдэ-орэда!
Брасэ губгъо зэпечы,—
А орэдэ-орэда!
Индыл чалгэу кыІохъэ,
А орэдэ-орэда!
35. «Тыхэхъанэл!» —
А орэдэ-орэда!
Іофытабгэ етІупшы:
А орэдэ-орэда!
40. «Іашэмэзыр кысфаш!» — реІо
А орэдэ-орэда!
Іофытабгэр къэкІожы:
А орэдэ-орэда!
— Яжъэм хэсэу мэджэгү,

- А орэдэ-орэда!
 45. Лыхъугу нартэу сэгугъи,
 А орэдэ-орэда!
 Къэслъэгъугъэр быдзашъу! — еЮ.
 А орэдэ-орэда!
50. — Тхъэм ынае къыпщэф! —
 А орэдэ-орэда!
 Хэпфытэн дэу угу къэмыкӀи!
 А орэдэ-орэда!

Къэзылуагъэр Лпыпый Билъэустэн, Хьати-
 къуае щыщ.

Зытхыгъэр Хьэдэгъэлэ Аскэр, Хьатикъуан.
 20/IV 1946.

20. КАК НЭСРЕН-ЖАЧЭ ЕЗДИЛ К АЩЭМЭЗУ

(С хатукайского текста)

1. О ха-хай, Нэсрен-жачэ!
 А орэдэ-орэда!
 В Нартии — наш пщы-тхъаматэ,
 А орэдэ-орэда!
5. В Нартии — наша золотая борода,
 А орэдэ-орэда!
 В Нартии — наша снежная борода,
 А орэдэ-орэда!
 До пояса твоя борода,
10. А орэдэ-орэда!
 Стекает на гриву коня.
 А орэдэ-орэда!
 У несчастного Нэсрена старого,
 А орэдэ-орэда!
15. Старая рыжая бурка,
 А орэдэ-орэда!
 Закрывает круп коня.
 А орэдэ-орэда!
 В волчью шубу сам одет,
20. А орэдэ-орэда!
 Нэсрен надменноликий,
 А орэдэ-орэда!
 Лучшего барана приводят ему,
 А орэдэ-орэда!
25. Безнадзорное приносят ему!..
 А орэдэ-орэда!
 Седлают его коня,
 А орэдэ-орэда!

- С собаками, с орлами,
 30. А орэдэ-орэда!
 Барсэ-поле пересекает,
 А орэдэ-орэда!
 К Индылю разлившемуся подъезжает,
 А орэдэ-орэда!
 35. «Переплывать не станем!» — он говорит.
 А орэдэ-орэда!
 Гонцу отдает он повеленье:
 А орэдэ-орэда!
 «Ащэмэза привези мне!»
 40. А орэдэ-орэда!
 Посланец возвращается:
 А орэдэ-орэда!
 Сидя, он в золе играется!
 А орэдэ-орэда!
 45. Я думал — он нарт возмужалый!
 А орэдэ-орэда!
 А увидел молокососа! — говорит.
 А орэдэ-орэда!
 50. Да разгневается бог на тебя! —
 А орэдэ-орэда!
 Догадаться бы тебе убить его!
 А орэдэ-орэда!

*Записано от Тлипия Битлюстена, хатукаевца.
 Записал А. М. Гадагатль, а. Хатукай, 20/IV
 1946.*

21. ІАЩЭМЭЗ ІПЩЫНАЛЪ

(ХьакІуцу текст)

1. Ра си Іащэмэз, — еІо, —
 Ра си кятэуэн,¹ — еІо, —
 Зянэ тхьэн,
 О-рэ ра-дэ ращ!
 5. Ра си Іащэмэз, — еІо, —
 Ра си кятэуэн, — еІо, —
 Шъы рэхьугъ?
 О-рэ ра-дэ ращ!
 — МэлакІэм сегъалІэ, — еІо, —
 10. Бэджьынэр сфэшІ, — еІо, —

¹ Кятэуэн — арэуштэуи зэрэлІэбланэм пае Іащэмэзы еджьэщтыгъэх. ысІэ нгыпккъэ пэшъафэу. Лъэпшы нартмэ кятэуэнхэр моу кятэщахьхэр, бзэ ахэлъэу афишлэуштыгъ. А фэдэ горэмкІэ Лъэпшы ыль ышІэжыгъагъэу къаІотэжы: пхьотэрым дэлъэу хырыкІым ыпыеу щыІэм фигъэхьи, адрэм зызэтырехым, кятэуныр къыдэлъти къыпхырыуи ыукІыгъагъ. — Лпыф КІекІь.

тянэ — гуаш!
 О-рэ ра-дэ ращ!
 Ра бэджыны сырэр, — еЮ, —
 Янэми кырет, — еЮ; —
 «Щхы, сик!ал!»
 О-рэ ра-дэ ращ!
 Ра укъямылысэу, — еЮ
 Ра укыыздэмыщхэу, — еЮ
 Сымыщхын!
 О-рэ ра-дэ ращ!
 Ра тикъульфыгъэмэ, — еЮ
 Тадащхэу тихабзэп, — еЮ
 Ер, сик!ал!
 О-рэ ра-дэ ращ!

Егъэзыгъэ ещи кыздегъэлысы, бэджыны сырэм ылэ хеу-бытэри: «Къыса!у! — еЮ, — тятэ зыукъыгъэр къыса!у!» Шюмык!еу кырегъало. «О уятэ зыукъыгъэр Лъэгущ-жъак!эр ары, — еЮ. — Хы кыбым щы!.

Іашэмэз штэ ымыш!эу Нарт л!эбланэу ш!ок!ыирэгъончэу щытыгъ. Ятэ илэщэ-шъуашэхэр зыгуилъхыи, ятэ ищ т!элыи рэк!уагъэ. Хым зэпырысык!ыи, Лъэгущ-жъак!эр кызэригъэгъоти, ык!ыи, ягуашэ ык!ок!ы кыъригъэлыи ядэжъ къэк!оужыгъ.

Пщыналъэр бэлахъэу к!ыяхъэу пчыхъэрэным хъак!эщым къыща!оу, Іашэмэз ил!ыхъужыгъэ а!уатэу тил!ыжъхэр зэхэсыхуэщтыгъ, к!о тэри, тадэ!оу, пкъэужъыер т!ыгъэу пчэм дэй тыщытэуштыгъ.

Къэзы!уагъэр Л!ыф! К!ек!ы, хъак!уцу (щапсыгъ) илэс 80 ыныбжъ, Хы!ушъо Щапсыгъэм ик!уаджэу Къэлэжъ шыщ, ореды!о ц!эры!у.

Зытхыгъэр Хъадэгъэл!э А. М., Хы!ушъо Щапсыгъэр, Къэлэжъ, 19/ХІІ 1956.

21. ПЩЫНАТЛЪ ОБ АЩЭМЭЗЕ

(С хакучинского текста)

1. Ра¹ мой Ащэмэз, — говорит, —
 Ра мой кятэон², — говорит, —
 Чъя мать будет блаженствовать,
 О-рэ ра-дэ ращ!³

¹ Ра — междометие в запеве.

² Кятэон — нарицательное имя Ащэмэза (кятэ—мечь, уэн — бить, т. е. меч-самобой). За исключительную храбрость и отвагу этого титана звали «мечом-самобоем». Кузнец нартов Глепш делал нартам на пружинном взводе такие мечи. Подобным оружием он отомстил свою кровь: отослал его в сундуке заморскому недругу, тот как только открыл крышку, меч-самобой — кятэон и убил его (Глиф Чеч).

³ Припев, основанный на слове «орэд» — песня.

5. Ра мой Ащэмэз, — говорит, —
 Ра мой кятэон, — говорит, —
 Что случилось?
 О-рэ ра-дэ ращ!
 Я голоден, — говорит, —
10. Бэджынэ⁴ сделай для меня, — говорит, —
 мать-хозяйка!
 О-рэ ра-дэ ращ!
 Ра бэджынэ горячее, — говорит, —
 Его мать ему подает, — говорит, —
 «Ешь, мой мальчик!»
 О-рэ ра-дэ ращ!
 Ра пока не сядешь, — говорит, —
 Ра пока не станешь есть со мной, — говорит, —
 я не стану есть!
 О-рэ ра-дэ ращ!
 Ра с нашими мужчинами, — говорит, —
 Вместе есть не в традиции у нас, — говорит, —
 О мой сын!
 О-рэ ра-дэ ращ!

Он принудил ее сесть вместе с ним, в бэджынэ горячее воткнул руку матери. «Скажи мне! — говорит, — кто нашего отца убил, скажи!» Насильно заставляет сказать. «Твоего отца убил Тлегуц-жаке, — говорит. — За спиной моря находится».

Ащэмэз не знал страха, был нартом храбрым, неотступным. В отцовские доспехи нарядившись, он сел на его коня и поехал. Море переплыв, отыскал Тлегуц-жаке и убил его, его жену на свои колени посадил и домой привез.

Пщынатль очень длинную весь вечер в хаче⁵ распевали, Ащэмэза храбрость рассказывая, наши старики сидели, и мы, слушая их, стояли у двери, держась за тычки.

Записано от Тлифа Чеча, хакучинца (шапсуга), лет 80, из аула Калеж Причерноморской Шапсугии.

Записал А. М. Гадагатль. Причерноморская Шапсугия, Калеж, 19/XII 1956.

22. НАРТ ІАЩЭМЭЗЫ И ПЩЫНАЛЪ

Лъэгуг-ЖакІэм дэй зэрэкІуагъэр

(Бжъэдыгъу текст)

1. О си Іащэ — Іащэу,
 О си Іащэмэз,
 зянэ тхъэн!

⁴ Бэджынэ — овсяной кисель.

⁵ Хаче⁵ — гостевая комната или отдельный дом во дворе для гостей.

Ж ы у р:
О-рэ ри-ра,
орэ-да-ра-ра!

Нарты исы кІалэмэ,
5. кІэны уакъыдешІа,
І а щ э м э з!

КІэнхэр къашІоохъышъ,
кІалэхэр огъэгъа,
І а щ э м э з!

10. К І а л э х э р:
— Арэу улІы дэгъумэ
Уятэ зыукІыгъэр
Ер укІыжъ!

І а щ э м э з!

15. — Сятэ зыукІыгъэр
къызышъумыІуатэджэ
ШъусыукІын!

К І а л э х э р:

Уятэ зыукІыгъэр,
20. Уянэ къыуерэІуа
І а щ э м э з!

Іащэмэзэр гъызэ
Ядэжъ къэкІожъы
І а щ э м э з!

25. Я н:
— Ар укъэзгъэгъыгъэм
Иунэ тхъэ еуа,
Іащэмэз!

І а щ э м э з:

30. — МэлакІэм сегъалІи
сыныбэм сыкъелІыкІи,
Тянэ гуц!

І а щ э м э з:

О бэджынэ стырыми
35. Тхъу стырышІур хэлъэу,
Тян къысфэшІ.
О бэджынэ стырым
Тхъу стырышІур хэлъэу
Ыкъом фешІ.

І а щ э м э з:

40. УкъыздыхэмыІэу,
Тян, сыхэмыІэнджэ
Тхъэ пфэІон.

Я н:

45. — Е сыбдыхэІэнти
Тилъэпкъджэ тихабзэп
Іащэмэз.

І а щ э м э з:

— УкъыздыхэмыІэмэ

50. Ер сыхэмыІэнджэ
Ор синан!
Янэри къэІысты
О бэджныэ стырым
Ар къыхаІ.

55. Іащэмэз ебэни
Іапшъэ хеубытэ —

І а щ э м э з:

— Тятэ зыукІыгъэр
къызысэмыІуатэджэ

60. Пызгъэжъын,
Тянэ-гуащ!

Я н:

— УкъэзгъэІушыгъэм,
Иунэ тхъэ ебга

65. Ер, сикІал!
— Уятэ зыукІыгъэр
О Лъэгуцы-ЖакІа
Іащэмэз!

- Ар хырыкІым шыІи,
70. Шъыдым уфихъана,
Ер сикІал!

І а щ э м э з:

— Тятэ ищэІашэхэр
КъызысэмыІуатэджэ,

75. Пызгъэжъын.

Я н:

— Уятэ ищэ-Іашэхэр
Пхъотэшком дэлъыба,
Іащэмэз.

80. Сагъыдакъэр пштэмэ
ПкІыпкъы зэпикІынба,
Іащэмэз.

І а щ э м э з:

- СкІыпкыы кыызэпикІымэ —
85. Пкъэухэр кІэзгъэкъонба,
О синан!

Я н:

- Ашъохэр зыщыплъэмэ —
МашІор кыпкІэлэнба,
90. О сикІал!

І а щ э м э з:

- МэшІошкор кыыскІанэмэ
МыутІэм сыхэхъанба,
О синан!
95. — Чатэхэр зыгуаплъхъэмэ —

Я н:

кыичъын уикІынба,
О сикІал!

І а щ э м э з:

100. Чэтэ зыголъхъаным
СІапшъэ фэгъэсагън,
О синан.
Тятэ ор ифарэр
кызысэмыІуатэджэ
105. Пезгъэжъын!..

Я н:

- Мыжъо куцэрэхъэр
Ер ащ Іугъэуагъи
Іашэмэз!
110. Нарты лышІоу исхэм
АфыІумыхыгъа
Іашэмэз!

- Іашэмэзыр макІуи
Мыжъо куцэрыхъэр
115. Іуигъэчыгъ.
Мыжъо куцэрыхъэр
Гъогубл нэс егъачъа, —
Іашэмэз.
Ятэ ионэжъэр
120. Фарэми тырелъхъа,
Іашэмэз!
Ятэ ищэ-Іашэхэр

- Голъэуи къэшэса
Іащэмэз.
125. О Лъэгуцы-жакІэм
Дэжъыми къынэса,
Іащэмэз!..
Ятэ ылъ ешІэжъыри
Ягуащи къыздеша
130. Іащэмэз!..

Я н:

Жъыур: О-рэ-ри-ра, ора-да-ра-ра!

КъэзыІуагъэр Мыгу Хъалид Лыу ыкъу, 1906-рэ
илъэсым Джэджэхъаблэ къыщыхъугъ, бжъэдыгъу,
еджагъэп.

Къызытхыгъэр Мыгу Исмахыл Хъалидэ ыкъу,
Джэджэхъабл, 11/VII 1963.

22. ПЩЫНАТЛЪ О НАРТЕ АЩЭМЭЗЕ

О том, как он ездил к Тлегуц-жачэ

(С бжедугского текста)

1. О мой Ащэ-Ащэ,
О мой Ащэмэз,
Чьей матери блаженствовать!
Х о р: О-рэ-ри-ра, орэ-да ра-ра!
С ребятами, живущими в Нартие,
5. В бабки ты играешь,
Ащэмэз!
Косточки у них выигрываешь,
Ребят заставляешь плакать,
Ащэмэз!
10. Р е б я т а :
Если ты такой хороший мужчина,
Убей же того, кто отца твоего убил!
А щ э м э з:
15. Если вы не расскажете мне,
Кто убил моего отца,
Я убью вас.
Р е б я т а :
Пусть мать твоя тебе расскажет,
20. Кто убил отца твоего,
Ащэмэз!

Ащэмэз, плача,
Домой возвращается —
Ащэмэз!

25. М а т ь:

Дом того, кто тебя заставил плакать,
Да прогневится бог,
Ащэмэз!

А щ э м э з:

30. — Проголодался я,
и голод меня морит,
О мать наша.

А щ э м э з:

Приготовь мне бэджын горячий
35. с хорошим маслом,
наша мать.
О бэджын горячий
с кипящим маслом
сыну своему готовит.

40. А щ э м э з:

Если ты со мной не будешь есть,
Я не начну есть,
Клянусь тебе я.

М а т ь:

45. Я бы поела с тобой,
Но в нашем роду так не принято,
Ащэмэз!

А щ э м э з:

Если ты не сядешь со мной есть,
50. Я и не притронусь,
О моя' нан!
И его мать садится,
И в бэджын горячий
Руку опускает.

55. Ащэмэз хватает ее руку
и задерживает в бэджыне.

А щ э м э з:

Если не расскажешь мне,
Кто убил отца нашего,
60. Руку твою обварю,
Мать-хозяйка!

М а т ь:

- Да проклянет бог того,
Кто подговорил тебя,
65. Ер, мой сын!
Это Тлегуц-жачэ
Убил твоего отца.
Ащэмэз!
Он находится за морем,
70. Что может тебя доставить к нему,
Ер, мой сын!

А щ э м э з:

- Если ты не скажешь мне
Об оружии нашего отца,
75. Обварю руку твою.

М а т ь:

- Оружие отца твоего
В большом сундуке лежит же,
Ащэмэз.
80. Если возьмешь лук,
То поясницу переломит,
Ащэмэз!

А щ э м э з:

- Если переломит мне поясницу —
85. Я подставляю столбы-подпорки,
О моя нан!

М а т ь:

- Если ты наденешь,
То огнем воспламенишься,
90. О мой сын!

А щ э м э з:

- Если огнем загорюсь,
То я в Мыутэ¹ зайду,
О моя нана!
95. М а т ь:
— Если ты меч возьмешь,
То он выскочит из ножен и убьет тебя,
О мой сын!

¹ Мыутэ (МыутІэ, Хы МыутІэ) — древнеадыгское наименование Меотского (ныне Азовского) моря.

А щ э м э з:

100. Моя рука умеет
братъ меч.
О моя нан!
Если не расскажешь мне
О коне отца нашего,
105. Руку обварю тебе.

М а т ь:

- Каменный жернов
Там приставлен к нему,
Ащэмэз!
110. Лучшие мужчины, живущие в Нартие,
Не смогли его откатить,
Ащэмэз!
Ащэмэз подходит к нему,
Каменный жернов
115. откатывает.
Каменный жернов
до семи дорог он катит —
Ащэмэз!
120. Отцовское седло
На фарэ-коня кладет,
Ащэмэз!
В отцовские доспехи
Облеченный выезжает,
Ащэмэз.
125. К Тлегуц-жачэ
приезжает,
Ащэмэз!
Отомстив за кровь отца,
Взяв его жену, домой возвращается
130. Ащэмэз!..
Х о р: О-рэ-ри-ра, ора-да-ра-ра!²

23. НАРТ ЛЪЭПШЪЫ ЧЭТЭЩАХЪЫМДЖЭ
ЕМЫНЭ-ЖАКІЭ ЗЭРИУҚЫГЪЭР

(Хьатикъое текст)

1. Нарт Лъэпшъ ыкъо Емынэ-жакіэ ыукІыгъагъ. Арэуштэу илъэуасэ Емынэ-жакіэ тефэгъагъ.

2. Лъэпшъ жъы хъужыгъэу, зекІо Іофхэр ІэкІыбы фэхъу-гъэхэу шытыгъ. Арыти, чэтэщахъ кызылхырыоу ышІи, бзэ пытэ

² После каждой строфы припев повторяется. В отделе третьем книги дается мелодия этого пщынатли в нотной записи.

кIэтэу пхъуатэ горэм дилъхьагъ. ЕтIанэ анахь лIы дэгъуло горэ ежъ ицахь телъэу къаригъащи Емынэ-жакIэ ыдэй клонэу, пхъуатэри фихьынэу пшъэрылъ фишIыгъ.

3. — Ау, — рилуагъ, — мы силэпэшчысэу фэозгъэхьырэр ежъ изакъо пцIыраунэу, унэ шIункI горэм щеплъын фае.

4. Емынэ-жакIэ дэй пхъуатэр зынагъэсым, Лъэпшъ Iэпэшчысэ зэрэфигъэхьыгъэр хэти римылоу, пчыхъэ нэс ежи унэ горэм изэкъо пцIыраунэу зыкъыришIахьыгъ. Пхъуатэр зызэтырехым, чэтэщахьэр — озэ кIэлъэу шытыти, къызыпхырыуи Емынэ-жакIэ къыукIыжыгъ.

5. Джары сэ къалоу зэрэзэхэсхыгъэр.

Къэзылуагъэр Нэскур Ибрахым, хъатикъуай, илъ. 78 фэдиз ыныбжъ.

Зытхыгъэр ХъадэгъэлI А. М., къ. Хъатикъуай, Адыгеир, 22/IV 1952.

23. О ТОМ. КАК НАРТ ТЛЕПШ С ПОМОЩЬЮ МЕЧА-САМОБОЯ УБИЛ ЕМЫНЭ-ЖАЧЕ¹

(С хатукайского текста)

1. Сын нарта Тлепша был убит Емынэ-жачем. Так Емынэ-жаче стал кровником Тлепша.

2. Тлепш уже состарился, дела походные уже были за пределами его возможностей. Поэтому чэтэщах—меч-самобой оставив на крепком взводе, в какой-то сундучок положил. Затем велел привести к нему одного из надежных мужей, поручил ему съездить к Емынэ-жаче и отнести сундучок.

3. — Но, — сказал ему, — этот подарок, который посылаю ему с тобою, он должен посмотреть только наедине в какой-нибудь темной комнате (доме).

4. Когда к Емынэ-жаче сундучок доставили, скрыв ото всех то, что ему Тлепш подарок прислал, обождав до вечера, в какую-то комнату один зашел и замкнулся. Когда сундучок открыл, меч-самобой, который был на взводе, ударил Емынэ-жаче и убил его.

5. Вот что рассказывают.

Рассказал Нэскур Ибрагим, хатукай, около 73 лет.

Записал А. М. Гадагатль, а. Хатуккай Адыгеи, 22/IV 1952.

¹ Емынэ-жаче зовут еще Тлегуц-жаче.

24. ЛАШЫН НАРТ ЛЫХЪУЖЪМЭ ЯХУИУСА ЩІЭНЭЩІАЛЪЭ ЕДЗЫГЪОХЭР

(Къэбэрдей текст)

1. Іамыщэжъ

И бжъамиижъыр жъыуэ къегъаджэ,
И мэл гуартышхуэр джабэм кІэрехуэ,
Нартхэ Іамыщыжъыр — си псэлъыхъукъэ,
Бэрэ къыслъыхъуами сыхумейкъэ!

2. Хъымыш

Дагъэр и нэкІум къыревыкІри,
И пшъэм мэлхъапІацІэр кІэрымыкІи,
Нартхэ я Хъымышыр си псэлъыхъукъэ
Бэрэ къыслъыхъуами сыдэкІуэнкъым.

3. Лъэпщ

МафІэр и Іэгум къелындыкІри
ЗэпэлындыкІри и ІэщІагъэшъ,
Нартхэ Лъэпщ-къаныр си псэлъыхъукъэ
Бэрэ укыслъыхъу шъхъэкІэ сыдэкІуэнкъым.

4. Сосрыкъуэ

И Тхъужъей цІыкІур лъэбыщэ мащІэшъ,
Езы цІыкІур жырщи Іэщэ хуэфІкъэ.
Нартхэ Сосрыкъуэри си псэлъыхъукъэ,
Бэрэ къыслъыхъуами сыхуэмейкъэ.

5. Іащэмэз

Ищыпэхушхуэр нэсэ-пасэшъ,
Езы цІыкІур есшъи, Іэшэ хуэфІшъ,
Ящэмыкъуэ Іащэмэз сипсэлъыхъушъ.
Зы шу къыслъыгъакІуэми — сыдэкІуэнут.

6. Іащэмэз и жьэуап:

ЕмышІэхэ гуашъэм о урипхъу щІасэт.
Уэ удиблым якум ушагъэсэт.
Нарт шъауэфІу исым уахуэусэ
Бэрэ укысхуэусэми — сыпхуэмей!
УиІуданэ-мастэ зэкІэлъымыкІуэшъ,
Лоум ибдзыжъурэ ушхол кІыхъкъэ,
Хъабзурэ жэжа, сыпхуэмей!

Жызылар КъэрдэнгъушІ Зырамыко, къэбэр-
дей, Псыгонсу щыщ.

Зытхар ХъэдэгъэлІэ А. М., Налщык, 14/10
1959.

24. САТИРИЧЕСКИЕ КУПЛЕТЫ ЛАШЫН О НАРТСКИХ МУЖАХ

(С кабардинского текста)

1. Об Амышеже

Его рожок-бжамей громко звучит,
Его овец множество к отлогу подгоняет, —
Нартов Амышеж — мой душеискатель,
Пусть долго ищет, — я не выйду за него!

2. О Хымыше

Жир на его лице обильно выступает,
С его шеи клещи овечьи не отстают, —
Нартов Хымыш — мой душеискатель.
Пусть долго ищет, — я не выйду за него!

3. О Тлепше

Огонь на его ладони сверкает,
Светится все то, что его рукою сделано,
Нартов Тлепш-кан мой душеискатель.
Пусть долго ищет, — я не выйду за него!

4. О Сосрыко

Его Тхожей малый кривопят малость,
А сам он — железный, мастерски владеет оружием, —
Нартов Сосрыко — мой душеискатель.
Пусть долго ищет, — я не выйду за него!

5. Об Ащэмэзе

Его конь—могуч, с белым пятном на носу,
А сам он — отчаянный витязь.
Ящэмыко Ащэмэз — мой душеискатель.
Если придет за мною даже всадника одного —
я выйду за него.

6. Ащэмэз:

Безвредной с виду гуашэ ты дочь любимая,
Ты обучена семью ведьмами.
О мужах добрых Нартии ты сочиняешь куплеты.
Сколько б обо мне не сочиняла — тебя я не хочу.
Ты и в рукоделии не мастерица.
Противна ты,
Подобна сучке ты, — я тебя не хочу.

Записаны от Кардангушева Зырамыкуа, кабардинца из Псыгансу.

*Записал: А. М. Гадагатль, Нальчик, 14/X
1959.*

25. ШЫІЭНЫГЪЭР ТФЭМАКІЭМИ, ШЫТХЪУР КЪЫТЭРЭБЭКІ!

(Джамбэчыне текст)

ЛЫгъэшхохэр зерахъэхэу, чанхэу, гушхо-гуенчъэхэу нарт-хэр исэуштыгъэх. Арэуштэу шыІэхэзэ, тхъэм пцІэшхъо цыкІу горэ лЫкІо къафишыгъ:

— Дэгъу макІэхэу, макІэ гъашІэхэу, ау цІэрыІохэу, шыуи-шытхъушхо агуатэу, шыуилІэблэнагъэ лІэшІэгъумэ ящысэу шыукъэнэжынэу шыуфая? — ыІуи къяупчыгъ. — Хъаумэ, бэу шыухъуным, шыуипчъагъэкІэ шыубэгъоным, шыуешхэу, шыуешъоу, шъхъакІончъэу, шытхъунчъэу бэрэ шыушыІэным шыуфая?

Арыти, Хасэ ашІэу пымылгыжхэу, бэри емыгушшысэжхэу:

— Былымым фэдэу тыбэгъонкІэ тыфаеп, — нартмэ агуагъ. — Цыфыгъэ тиІэу тышыІэным тыфай.

ШЫІэныгъэр тфэмакІэми,
ШЫтхъур къытэрэбэкі,
Шыпкыагъэм тытемыкІэу
Зэфэныгъэр терэгъогу!
Гугъор тэрэмышІэ,
Гушъхъафитэу тэрэпсэу!

Арэуштэу, макІэу шытынхэу, макІэрэ шыІэнхэу, ау лЫгъэ иккъукІэ зерахъэнэу хахи, тхъэм пцІэшхъо цыкІур фалопшы-жыгъ.

Ящытхъу егъэшІэрэ тхыдэу цыфымэ ахэлъэу, натыкыуаджэ-хэр нартмэ ялІэкъо чылапхъэу къакІэныжыгъэхэу адыгэмэ къаІватэ.

КъэзыІуагъэр Сыхху Сэфэрбий, 1887-рэ ил. къэхъугъ, Джамбэчий, абдзах.

Къэзытхыгъэр ХъадэгъалІ А. М., Краснодар, 12/XII 1959.

25. ЕСЛИ ЖИЗНЬ НАША КОРОТКА, ПУСТЬ СЛАВА О НАС БУДЕТ ВЕЛИКА!

(С джамбэчийского текста)

Мужественны, энергичны, смелы и не злонаправны нарты были. Живя так, бог ласточку маленькую какую-то прислал к нартам:

— Хстите ли вы, чтобы были хороши, малочисленны, мало жили, но много славы имели, о славе вашей много рассказывали б и мужество ваше служило бы примером в веках? — спросила их ласточка. — Или же вы хотите, чтобы вас стало много, количественно умножились бы, ели б, пили б и жили долго без обид и славы?

Тогда, не созывая Хасэ и долго не думая, нарты ответили:
— Мы не хотим, как скот, много размножаться, — нарты ска-
зали: — Мы хотим жить, имея человеческое достоинство.

Если жизнь наша коротка,
Пусть слава о нас будет велика!
С правды не сходя,
Справедливость пусть будет нашим путем!
Пусть горе мы не будем знать,
Да свободно жить!

Так они выбрали быть малочисленными, жить мало, но со-
вершать много мужества. И с этим ответом отослали ласточку
маленькую к богу.

Их слава навечно осталась среди людей. Натыкуаджевцев¹
они оставили своими наследниками.

*Рассказал Сиюх Сэфэрбий, 1887 года рожде-
ния, из аула Джамбэчий Адыген.*

*Записал А. М. Гадагатль, Краснодар, 12/XII
1959.*

¹ **Натыкуаджевцы** — одно из многочисленных и храбрых древнеадыг-
ских племен, живших на берегу Черного моря. Один сохранившийся аул из
этой этнографической группы живет в Адыгее. — А. Г.

III. АДЫГСКИЕ ЛЕГЕНДЫ О НАРТАХ, ПЕРЕСКАЗАННЫЕ ПО-УБЫХСКИ С ПАРАЛЛЕЛЬНЫМИ ТЕКСТАМИ НА АДЫГЕЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

1. САУСЫРЫКЪУА (ИКЪЭХЪУКИ)

1. (РОЖДЕНИЕ) САУСЫРЫКЪУА

(УбыхыбзэкIэ кыкIаIотыкIыжыгъэ адыгэ хьишъ)

Этот текст проф. Ж. Дюмезилю продиктовал в мае 1960 года Тевфик Эсенч, а он узнал от 56-летнего адыга-кабардинца. Впоследствии Ж. Дюмезиль познакомился с сказителем Хьамит-бей, у которого довольно обширный репертуар эпических традиций; вместе с ним он проверил правильность, точность рассказа Тевфика Эсенча. Хьамит-бей называет персонажей рассказа Сэтэ-нэй Лъапшъ, Саусын, Саусырыкъуэ, Бэрдэнэкъуэ, Тыутарыш.

(В адыгейской транскрипции)

1. фахъ'а Адыгагъа Нартнанк'ан Сатаная ⁽¹⁾ акъIаг'ы запхъадыкIогуара латокъIа. 2. инан зяцуякIашъакъIа кыIагъын уацуяун аплъачаба такъIашагъы бяг'ы гъалакъуан затуахъуагуараг'ы лахъуанайтI. 3. Сатанаян шъапхъ'адыкIо — шъойаща кыIагъ'акъIан.⁽¹⁾ 4. атуахъуакъафагъа азуатIуанашъа агъа-хьишъа ашг'анайтI. 5. закIамакIаг'и Сатаная атуахъуакъафагъа азуатIуашъа абзыкъафагъа маяшынын лакъ'аг'эдзын кIахона⁽¹⁾ аг'ытIуасг'анайтI ⁽²⁾ 6. ащауа — шыба 'заг'ы ламыт' кыIашъа гъаг'а тIуакIашъа абзын уауг'анайтI. 7. ина — дагъуа латын абзы гъахъ'адажъаун анертна агъагумаукъуIа Саусна ⁽¹⁾ гъарI-цIаны зауаран Сатаная лъауауны бгъаг'анайтI. 8. замшъуа Сатаная даг'ы атуахъуакъафагъа азуатIуан гъаг'а тIакIан абзын уаукIаны Саусна гъаг'а дыкъарлаг'ы Сатаная атIакIакъIан ⁽¹⁾ абзан мауатын кыIалакъIа. 9. Сатанаянг'ы айнщау мычIашъа атIакIакъIан абзын уаг'нтIуакъIа.⁽¹⁾ 10. Сауснан Сатаная кыIан гъапхъа'дыкIущ дыгъурдакъIа. 11. альхъакIа иян⁽¹⁾ абзын ажъагъуайкъа. 12. Сатанаянг'ы гъатIуакъIан яданы гъаг'ы уажаг'ы ⁽¹⁾ айнщау мычIашъа ауншаг'э дыбразан ацуягъа

В этом тексте знак «'» обозначает смягчение.

айжыкыла. 13. «сыгъуа азгъатлуакылан — г'ач! тытын гъатлуакылама, сыг'а дайщайуи?» ⁽¹⁾ кылаг'ы мышъуазауна азалаушъакыла. 14. алъакылала мыжайфашъа «исытлахъса Лъапшъы-
 нискылау» кылан Лъапшъын ныгъамышъакъан. 15. Лъапшъ ады-
 ящаунг'ы акылазаны латукыла, укыщ айнщг, анайт⁽¹⁾. 16. Лъапшъ дгъайкылатын «са укылашагый, Сатанай?» кылан
 гъадзгъакыла. 17. «яуай, Лъапшъ, сыгъуа азгъатлуакылан — г'ач! тытын гъатлуакылама. 18. исытлахъса гъуа умадзала тытын
 скылафаамыт. 19. ипа — дагъуа замшъуа сыг'а скылабаг'ы абзын
 сыуатын Саусна айкылан «ытлакылааны сыкыулан аймыщп-
 хъа сантлуакыла. ⁽¹⁾ 20. ина гъамал гъуа умадзала адыгъуауау,
 сытлахъсаг'ы гъуа умадзала адыкъардау ламыт акылан сыуа-
 г'агъаг'ы сыумышъакыла. 21. исышъуауаба мадзала адычлан
 ламыт' кылакыла. 22. Лъапшъын «уана шъуама, уана гъамал
 сыгъуа аухъ'азгъуауау. 23. заны ⁽¹⁾ удыбъянына уныкы г'ыдза
 — шыба уамцлаут — гъафа ⁽³⁾ ащабахъуа ⁽²⁾ аужадыгъаг'ы
 бгъымдза — лъахылае сыгъуа сыгъалаут» кылан акыайкыла.
 24. дгъакылайтын уамшъуакылаплъан тикылатдза — г'ахъуа ла-
 г'ытукылан айкылан тытын мыб'яшъа абзыкъафагъа Сатаная
 дыг'ытлуаснайт лакъяг'ыдзана агъаза зафанкыын алакъя гъа-
 цлазамызы гъацлалаутын — г'ахъа гъацлыныутлукыла, алакъя
 пщакыла гънкылачъайкыла. ⁽¹⁾ 25. а Нартпагъафан «ай Нартна,
⁽¹⁾ Сатаная дыг'ытлуасын абзыкъафагъа кылаха лакъя акыладан,
 кылакыла афакыуын» кылан агъаныкыуыла. 26. аНартнаг'ы
 адыхъахъан «уана дгъашауи?» акылакыла. 27. дагъа латыны
 абг'ытдза дгъагъалатын Сатаная агуакылаг'ы ⁽¹⁾ атг'аукыла.
 28. анан Лъапшъ айкылан «ай Сатанай, тызы аудыгъба лагъа ⁽¹⁾
 удыг'ытлуасын лакъяна агъаза азафаскыкыла, алакъя гъацла за-
 тызы гъацлалаутын—г'ахъуе гъацласыутлукыла. 29. аудыгъаут
 тызы уалакъя аужкылашъан гъацладыс, алакъя гъабг'ахъ
 бг'адысау. 30. сыгъуа уана—щахъа сыгъалаут, гъуаг'ы ацуагъа
 укылан утлуасау» кылакыла. 31. мышъуазаула — лъакылаала Сата-
 наян амыз дыгъкыла. 32. тытын Мыбъяшъа Лъапшъын тхъан-
 кылакыла лакъян айныуын гъацланыскыла, гъабгъаг'ы шанкыай-
 кыла. ⁽¹⁾ 33. уамацлу Лъапшъ гъалан «уай лагъа шъуплъакылан,
 илакъян закылакыла гъацакыуын!» кыан ауахъкыла, аНартг'ы
 азахъабзкылан. 34. Лъапшъ алакъян кыаллан кымаун дгъаятын
 лакъя гъабгъахъ шанычакыла. 35. дгъаплъапауна алакъя гъа-
 цлагъа замызчла гъацлас! 36. амжъа фатлуг'ы ⁽¹⁾ латукыла.
 37. Лъапшъын ауцулакыулау — машауны ⁽¹⁾ амызчла гъатл-
 кыуажъаг'ауны кыулан абзын лахъуанын шъамчла уаншъун
 уаныутлуайкыла. 38. амжъа фатлуны адуакыла. 39. акъафагъа ай-
 цлуанысын (ай Сатанай!» кылан Сатанаян мышъакыла. 40. «ила-
 къян замызы гъацлатлукыла, ина аупк'ыба кыуаны аухъяшау»
 кылан ынтукыла. 41. аНартын кыулахакыланаг'ы ⁽¹⁾ яданы ады-
 хъахъакыла. 42. Лъапшъын «инан пцланы Саусырыкыуа ⁽¹⁾ хъас-
 шау» ⁽²⁾ кылан Саусырыкыуа пцланы хъянащкыла.

1. САУСЫРЫКЪУА (ИКЪЭХЪУКИ)

(Профессорэу Ж. Дюмезиль ытхыгъэмэ ащыщ. Адыгэ хъишъэу убыхыбзэкIэ къалоужыгъэр адыгабзэкIэ зэтыдзэкIыжыгъэ)

Мы убых текстыр 1960-рэ илъэсым имай мазэ проф. Жорж Дюмезиль езгъэтхыжыгъэр убыхэу Тевфик Эсенч ары. Ащ бзищ ешIэ: убыхыбзэр, адыгабзэр, абхъязыбзэр. Адыгэ хъишъэр илъэс 56-рэ зыныбжъ къэбэртаеу Хъамит-бэй ащ къыфиложыгъ. Проф. Жорж Дюмезиль ыужым Хъамит-бэй — къэбарIуатэм зыIуигъэкIэжыи Тевфик Эсенч ригъэтхыжыгъэ текстым итэрэз-ныгъэ ыуплъэкIужыгъ.

1. Зэгорэм бэшагъэу Адыгэм (Черкесым) нарт унагъо щыщ пшъашъэ Сэтэнэй ыцIэу исыгъ. 2. Ар унэ лъагэ исэу щытыти, ащ пае, къиплгы зыхъукIэ, зэкIэ зыфаер ылъэгъущтыгъ. Унэм ынашъхъэ псыхъо блэчъыштыгъэ. 3. Сэтэнэй Iофытэбгэ бзылъ-фыгъищ иIагъ. 4. Псыхъо нэпкъым къехыхэти щыгъынхэр агы-кIыштыгъэх. 5. Загъорэ Сэтэнэй ежъыри псыхъом инэпкъ ехы-ти, псыIушъом, зыщыгыкIэхэрэм дэжъ, мыжъо инхэмэ шате-тIысхъэщтыгъэ. 6. Фабэ зыхъукIэ, «Зи щыIэп» ыгукIэ ыIоти, зит-тIэкIыти псым хахъэщтыгъэ. 7. Псыхъом иадырабгъу нэпкъы щыIэ нарт Iахъоу Саусна чыжъэкIэ Сэтэнэй къыльэгъугъ. 8. Зэ Сэтэнэй къехи псыхъом къакIуи, зитIэкIи псым зыхахъэм, Саус-нэ, зигъэбылги, Сэтэнэй пцIанэу псым зыщыхэс чIыплэм къекIо-лIагъ. 9. Сэтэнэй, ышIэн ымышIэу, псым къыхэнагъ. 10. Сауснэ ащ ипшъэшъагъэ шIуикъутагъ. 11. ЕтIанэ ар псынкIэу псыхъом зэпырыкIыгъ. 12. Сэтэнэй лъэшэу чэфынчъэу, ышIэн ымышIэу ядэжъ къэкIоужыгъ. 13. «Сэ къысэхъулаIагъэм фэдэ хэти къе-хъулаIагъэп, сьд ешIэн» ащ зэриложыштыгъэ. 14. Аужыпкъэм, ащ нахъэу фэмышцэлэжынынэу зэхъум: «Сишъэф Лъапшъ есIотэн» ыгукIэ ыIуагъ. 15. Лъапшъ зэкIэ зышIэрэ цIыфэу щытыгъ, гъу-кIэн Iофым пылъыгъ. 16. Лъапшъ къызэкIом: «Сыда о узыфаер? Сэтэнэй?» ыIуи къеупчIыгъ. 17. «Е, Лъапшъ, — ыIуагъ бзылъфыгъэм, — сэ къысэхъулаIагъэм фэдэ хэти къе-хъулаIагъэп. 18. Ар сэ сишъэф, хэти, ощ нэмыкI есIотэн слъэкIы-штэп. 19. Зэгорэм, псыхъом зыщызгъэпскIы пэтызэ, Сауснэ къакIуи мышIапхъэ къысишIагъ. 20. «Ощ нэмыкI ащ Iэзэгъу къыфигъотын ылъэкIынынэу, сэ сишъэф ыгъэбылтынэу щыIэп» сыгукIэ зэсIожыи, сыпшыгугъэу сыкъыоджагъ. 21. Тхъэм нэпэ-мыкI, хэти сэ сиIоф ышIэрэп. 22. «Ар Iофэп, — ыIуагъ ащ, — сэ къыфэзгъотын ащ Iэзэгъу». 23. Ау, узылъэгъухэрэмэ, уныбэ нахъ ины хъумэ гу къызэрэплъамытэным пае, щыгъын Iэхъу-лъэ-хъу зыщылъ. МэзибгъукIэ сэ сыкъэкIон». Ар ыIуи кIоужыгъэ. 24. ЗэкIоужь нэужым, сабыир къэхъункIэ мэзитIу къызэнэжъым, хэти зыкъыримыгъашIэу къакIун, псыхъо Iушъом Iулъ мыжъо инхэу Сэтэнэй зытесыгъэмэ ащыщ тIоу зэгунути, сабий зэрыфэл фэдиз ыкIоцI къыриути, мыжъор ичIыплэ ыгъэIылыжыгъэ.

25. Ащ нартмэ ариуагъ: «Е, нартхэр! Псыхьо Iушъом Iулъ мыжъохэу Сэтэнэй зытесыхэрэр мэхъых, макъэ гори ахэмэ къарэ-IvкIы. 26. Нартмэ агъэшIэгъуагъ, «сыдэуштэу ар хъура?» аIуагъ. 27. Арэуштэу мэзибгъу зытешIэм Сэтэнэй гумэкIы фехъагъ. 28. Ащыгъум Лъапшъ къакIуи: «Е, Сэтэнэй, сабий къыпфэхъумэ — мыжъохэу одэ о узытесырэмэ азшыщ тIоу зэгосыути, ыкIоцI къисыути сабий ифэн ылъэкIынэу сшIыгъэ. 29. А мыжъор къызэлухи, ыкIоцIы сабыеу къыпфэхъурэр илхьи мыжъор тепIожь. 30. А уахътэм ехъулIэу сэ сыкъэкIошт, о шъвадэжь кIожьи зыгъэрэхъат (зызэгъэфэжь)». 31. Мэфэ заулэкIэ Сэтэнэй сабий къыфэхъугъ. 32. Зыми гу къызылбыримыгъатэу сабыр ыхьи, мыжъо Лъапшъ къыриIуагъэм ыкIоцI рилхьи мыжъор тырипIожьыгъ. 33. А пчэдыжъым Лъапшъ къэкIуагъ: «Е, мыдэ шъукъаплъ, — кууагъэ ар, — мыжъо горэм макъэ къеIvкIы!» Нартхэр къэзэрэуэгъоигъэх. 34. Лъапшъ мыжъом екIуалIи уатэкIэ еуи, мыжъом ыкIыIу тыриутыгъ. 35. Ахэр зеплъэхэм — сабий къэхъугъакIэр мыжъом кIоцIы! 36. Ащ бгъу пстэумкIи машIор къыпыустхъукIыштыгъэ. 37. Лъапшъ гъукIэ IадэмкIэ сабий къэхъугъакIэр ыкопкъхэмкIэ уубыти щэунае псым хигъэуагъ. 38. МашIоу ащ бгъу пстэумкIи къыпыустхъукIыштыгъэр зэпыугъэ. 39. Лъапшъ ар псынэпкъым тырилхьи: «О, Сэтэнэй!» ыIуи екууи, Сэтэнэй къыщагъ. 40. «Мы мыжъом сабий горэ къыкIоцIыкIыгъ; ппIумэ, ар о пкъо хъушт! — ыIуи ритыгъ. 41. Нартэу щытыгъэхэмэ лъэшэу шIагъо ащыхъугъ. 42. «Сэ ащ цIэу Саусырыкъуа фэсэшIы», — Лъапшъ ыIуи, ащ Саусырыкъо-кIэ еджагъ.

КъэзыIуагъэр Тевфик Эсенч, убых, Турцием щыц.

Зытхыгъэр Ж. Дюмезиль, Турциер, май 1960 илъэс (Азиатскэ журнал, ССХIVIII, Париж, 1960).

УрысыбзэкIэ ХъутIыжъ Разиег зэридзэкIыжыгъэ текстым тетэу адыгабзэкIэ зытхыжыгъэр: ХъэдэгъэлIэ А. М. Мыекъуапэ, 4/X 1962.

1. САУСЫРЫКЪУА (РОЖДЕНИЕ)

(С адыгской легенды, пересказанной на убыхском языке)

Т. Эсенч колеблется между «Саусырыкъуа», которого проф. Ж. Дюмезиль придерживается, и «Саусарыкъуа».

1. Когда-то давно жила в Адыгее девушка из нартской семьи по имени Сатанайа (Satanaya). 2. Она жила в высоком доме, и когда она смотрела из этого дома, видела все, что хотела. Перед домом протекала река. 3. У Сатанай были три горничные. 4. Слустившись к берегу реки, они стирали белье. 5. Иногда Сатанай(а) тоже спускалась к берегу реки, садилась на большие камни у воды, там, где она стирала. 6. Если бывало жарко, сказав про себя: «Никого нет», радовалась и входила в воду.

7. На другом берегу реки некто Саусна (Sáwsna) — пастух нартов увидел издали Сатанай. 8. Однажды, когда Сатанай спустилась к реке, разделась и вошла в воду, Саусна, спрятавшись, подкрался к тому месту, где Сатанай нагая была в воде. 9. Сатанай, растерявшись, осталась в воде. 10. Саусна испортил ее девственность, невинность. 11. Затем он быстро перешел реку. 12. Сатанай очень грустная вернулась домой, не зная, что делать. 13. «Ни с кем не случилось то, что случилось со мной, что делать», — говорила она себе. 14. Наконец, не имея сил терпеть дальше, она сказала про себя: «Расскажу я свою тайну Лъапшъ (у)». 15. Лъапшъ был всеведущим человеком, занимался кузнечным делом. 16. Когда Лъапшъ пришел, он спросил: «Что ты хочешь, Сатанай?» 17. «Е, Лъапшъ, — сказала она, — ни с кем не случилось то, что случилось со мной. 18. Это моя тайна и никому, кроме тебя, не могу рассказать. 19. Однажды, когда я купалась в реке, пришел Саусна и сделал со мной то, что не следовало бы. 20. Сказав себе: «Нет никого, кто бы мог найти этому лекарства; никто, кроме тебя, не спрячет мою тайну», понадеявшись на тебя, я позвала тебя. 21. Нет никого, кроме бога, кто знает (знал бы) мое дело». 22. «Это не дело, — сказал он. — я найду этому лекарство. 23. Только чтобы те, кто будет видеть, когда увеличится твой живот, не знали твое состояние, переоденься в свободную одежду. Через девять месяцев я приду». И он ушел. 24. После того как он ушел, когда оставалось два месяца до родов, он пришел незамеченным никем, разбил (расколол) на две части один из больших камней на берегу реки, на котором сидела Сатанай, внутри выдолбил так, чтобы мог поместиться ребенок, и положил камень на место. 25. Он сказал нартам: «Е, нарты! Камни, которые находятся на берегу реки и на которых сидит Сатанай, движутся (шевелиются) и слышится из них какой-то голос!». 26. Нарты удивились и сказали: «Как это происходит?» 27. Итак, когда девять месяцев прошло, Сатанай начала беспокоиться. 28. Тогда Лъапшъ пришел и сказал: «Е, Сатанай, если ты родишь — я расколол на две части один из камней, на котором ты сидишь, внутри выдолбил так, чтобы поместился туда ребенок. 29. Раскрой этот камень, помести туда ребенка, которого ты произведешь на свет, и прикрой камнем. 30. К этому времени я приду, а ты вернись к себе и успокойся (приведи себя в порядок)». 31. Через несколько дней Сатанай родила ребенка. 32. Незаметно (тайком) она отнесла его к камню, на который указал Лъапшъ, и положила его во внутрь и закрыла (верхней частью). 33. В это утро пришел Лъапшъ: «Э, смотрите сюда! — крикнул он, — из какого-то камня слышится голос, нарты!». 34. Лъапшъ подошел к камню и, ударив молотом, сбил верхнюю часть камня. 35. Когда они посмотрели — новорожденный сидит в камне! 36. Он испускал

лъыри къышлагъ. Іалъмэкъ цыкІур псынкІэу ныбыджым ышъ-хъагъкІэ ныбашъом тІуакІэм кІипхагъ. МэзибгъукІэ мы пкъыгъом псэр хэхъагъ: ар шъэожъыеу хъугъэ. Дэгъу дэдэу сабыир апІугъ. Ар ины хъугъэ. Ащ Саусырыкъу фаусыгъ.

КъэзыІуагъэр Хикмет-бэй, Кирк Пинар (Тыркуем шыщ, убых, ащ къэбарыр къыфэзыІотэжыгъэр Cicit Omer, абдзах.

Зытхыгъэр Жорж Дюмезиль, къуаджэр Кирк Пинар (Измид), 1929 (Ж. Дюмезиль. Убых къэбархэр, Париж, 1931, н. 139—140).

АдыгабзэкІэ зытхыжыгъэр (урыс текстым-кІэ): ХъэдэгъэлІэ А. М., Мыекъуапэ, 21/XII 1962.

2. НАРТ САУСЫРЫКЪУА (РОЖДЕНИЕ)

(С адыгского текста, пересказанного на убыхском языке)

В стране адыгов жила когда-то семья нартов. У этих нартов был пастух, который пас коров на горе. У них была также и дочь по имени Сатанай. У подножия горы, на которой находился пастух, протекала река: туда и пошла девушка стирать белье. Пастух заметил в воде, в том месте, где находилась девушка, какой-то предмет, завернутый в тряпку. Он крикнул: «Эй, Сатанай, вода что-то несет к тебе, возьми!» Сатанай посмотрела в воду и у берега увидела сумочку, завернутую в тряпку.

Она взяла ее и угадала то, что там находилось. Она поспешно привязала сумочку к животу, в складке под пупком... Через 9 месяцев в этот предмет вошла душа: он стал мальчиком.

Очень хорошо воспитали ребенка. Он вырос. Его называли Саусырыкъуа...

Рассказал убых Хикмет-бэй, который накануне услышал эту легенду от абдзаха Cicit Omer.

Записал проф. Ж. Дюмезиль в Кирк Пинаре (Измид). (Ж. Дюмезиль. Рассказы убыхские, Париж, 1931, стр. 139).

Перевела (по французскому параллельному тексту) Хутыз Разиет, Майкоп 25/X 1963.

3. САУСЫРЫКЪОРЭ ШЪАУФЫЖЪРЭ

(УбыхыбзэкІэ къыкІалотыкІыжыгъэ адыгэ хъишъ)

Мы адыгэ къэбарыр къэзыІуагъэр абдзахэу Cicit Omer. Ащ иубых текст проф. Жорж Дюмезиль езгъэтхыжыгъэр Яник (Измид) шыщэу убыхэу Ильяс-бэй (Ж. Дюмезиль. Убых къэбархэр, Париж, 1931, н. 169—170).

Убых текст

(В адыгейской транскрипции)

Саусырыкъуа Софу гъапІцІаны зауаныжъгуаран хъябзкъІа. илъана залазала азатІакІанотгъафан азакъуІакыкъян. Софу

дыгъаплъа ашхъуаны далагъуагъафан гъацаны гъашажъоны Саусырыкъуан даягъын Саусырыкъуа блыдзана (2) айцуагъа айцуапсукъа. Софу ина гъаша апкълотыны захъякъатын Саусырыкъуан къагъа. «кхъуа дащызэгучакъланоты мысуаж, сыгъуа сумкълун щыпкъащ мыгъурдагъагъу. кълуаны Хъарам къашъакъалалакъын изызагъуаунома щыжъаяно». аткъуланогъын адыбразан ацуагъа акъаикълан. Саусырыкъуа гъана гъаплъа Сатанайн гъакъуа сапазакълун (3) дабыатгъын гъадзгъакъа: «сыкъуа, саугъатлуакъай?» Саусырыкъуан гъанан заги нымкъашъа «уыкълан ачын уыгъадза, уанан ау къагъу». гъана акълан ачын гъадзгъакъа: «сыкъуан гъатлуакъласакаяагы сыгъуа аздычла». ачын къагъа: сыгъуа ишъуа ачъланы къагъланы жыкъланы сыужыплъа (4), сыкълуаган сытункъшан гъырыу фабзатун, сыгъуа кълуаны шыбакъа гъашъа аухъазно, уыкъуа гъашъуабжъ (5) айзунжъо». Сатанайн ачын къагълатгъын айпщкъа алъхъакълыхъ мыуса Саусырыкъуа матхъянакъагъафан къашъакъагъа акълакъа Саусырыкъуа ауанны (6) дгъалатукъагъафан уакълашъакъа гъуагъуазан айнщкъа. затлакълуакълала Софуги айкълакъа агълкъа ауасайгъ. закълуахъоны Саусырыкъуа гъачгъын гъаугъырыуна аныкълакъа. Софу гъачи инан цугигъан лагъуа кълакъа. Софу гъакълашъхъоны ачы гъанахуулан (7) ягъуаитса гъашъапункъ (8) фанцуакъа. Софу даги абгъаяшла гъуакълашла гъачы даги гъалъакъланы акълакъа. даги Софун агъаткъулахъоны гъашатуын фанцуакъа. Софу гъачы адыуакълан — гъагъ айцуагъауныкъла. Саусырыкъуа закълыхъон гъацанын ягъуан гъалакъ дакъатгъын Софун къагъа: «кхъуа дащызэгучакъланоты унсуйджагъафан сыгъуа сыуткълун» Саусырыкъуан «уанан-гъагъ шамыт ина сыгъуа лхъала оускъагълатгъ. кхъуагъа унгъуа сыгъуа асыукълан» ынкъагъа. закълыхъон гъаша шаныутукъла Софу ядан тытхъуайтгъ, уанагъафа Саусырыкъуан азакъланы мыцакъагъа (9) уыдыщ айнщытса бгъакълафакъла. Софу гъачы адатуайкъла. Саусырыкъуан Софу гъадыа агъуа гъачын вгъанбжъетунн дычаукъла, гъашъагъа агъуан ланыутукъла. Софу гъачгъын ацуагъа дыбразайн агъуа дыхъытгъана быакъла апхъашъуынадыа дыбыатгъын ина Саусырыкъуан дайпщкъа члакъла ачы гъашъа дафауцаукълагъафан заги тыкълафашъа гъалъапланы аныбыа тса ина Саусырыкъуан дайпщкъа аныцланатгъ.

3. САУСЫРЫКЪУАРЭ ШЪАУФЫЖЪРЭ (Sofu) (р. 167—170)

Саусырыкъуа¹ пелыуанэу Софу² зыцълэм лукълэгъ. Софу кълочъшхор сэкълэ Саусырыкъуа зеом, Саусырыкъуа иблклэ³ чълым хигъэхъагъ. Ышхъэ шлуихынэу Софу кълызыбгъодэхъам, Саусырыкъуа ащ къелъэлугъ:

¹ Убыхмэ кълызэралорэм тетэу наргъыцълэхэр къэдгъэнагъ. — Хъ. А.

² Убых текстым зэрэхэтхагъэр «Софу», француз текстым—«Шъауфыжъ».

³ Ибл — лэнтэгъуибл къекълын фае.

«Непэ типсэлъэгъу маф, зэкъошыныгъэу тазыфагу илър мыкЮдыным пае, сымыук! Неуцы Хъарам-Юашъхъэ икІэрыкІэу тыщызэІукІэжъынышъ тыщызэбэнын! (Софу) къеззгъи ядэжъ-хэм кІожьыгъэх. Сэтэнай, Саусырыкъуа янэ, сэпэ закІэу ыкъо кыидэхъажьыгъэу зелъэгъум, къеупчІыгъ: «Сишъао, сыд кы-охъулагъэр? Джэуап тэрэз римытыжъэу, мырэущтэу риІогъэ къодый: «ЕупчІ сишы, ащ кыуиІощт». КІуи шым еупчІыгъ: «КъысаІу, сыда скъо къехъулагъэр?»

Шым ыІуагъэр ары: «Нычэпэ Іус ІэшІукІэ, Іус шыугъэкІэ сы-гъашх! Одыджынжъыехэр скІи сисэкуи къыхашІэх. Неуцы ти-пыи ышъхъэ сэ кыпфэхъын, о пкъо шъхъакІоу кырахыгъэр ясхыжъын.» Шым зэкІэ кызыфиІуагъэр Сатанай фишІагъ. Ыужырэ мафэм Іуашъхъэ пІалъэм екІужьыгъ. Уд-тхъагъэпцІэу зэрэщытым пае, дунаир Іугъо пщэсае ышІыгъ. Нахъ къэкІэса-гъэу Софу къэсыгъ: зэкІэ Іэгъо-благъор зэлъыушІункІыгъэу шы-тыгъ. ОшІэ-дэмышІэу Саусырыкъуа ишы одыджын макъэхэр зэлъытыригъэуагъэх. Софу иш кыкІащти лъэгуанэмкІэ чъэнэу фежъагъ: Софу шхомлакІэм кызыкІырэум ишы ыжи ыІуи кы-Іуитхъыгъэх. ЕтІанэ кІуачІэкІэ ыпэ ыхъын ыІуагъэ шъхъае, хъу-гъэп, шым кыкІиІэжъыгъ. Софу ыжэрэ ыІурэкІэ шыр кызэри-щэлэным пылтыгъ. Шыр хъадэм фэдэу чІым тефагъ. А дэдэм Саусырыкъуа исэ кырихи адырэм кІэлъырыхъагъ. Софу къе-лъэлугъ: «Непэ типсэлъэгъу маф, сымыукІ!» Ау Саусырыкъуа: «Хъунэу шытэп! — риІожьыгъ. — Тыгъуасэ ослогъагъэр непэ кыкІэоІотыкІыжъ!» Ащ ышъхъэ шІуихыгъ. Софу лы пелы-уанти, пцІырэ удыгъэ-тхъагъэпцІыгъэрэ хэмылъэу Саусырыкъуа текІон ылъэкІынэу шытыгъэп. Софу иш къэтэджыжъыгъ. Саусы-рыкъуа хъадэр шым гуипхи, ышъхъэ ыгъэбылтыгъ. Софу иш ядэжъ къэкІожьыгъэти зиём янэ ылъэгъугъ. Ыкъо ышъхъэ шІо-зыхыгъэр Саусырыкъуа арэу зэрэщытыр бзылъфыгъэм ышІагъ: Ыжи ыІуи зэлэтхыгъэти, шым къэгущыІэн ылъэкІштыгъэп, ау лъакъокІэ Саусырыкъуа ригъэлъэгъун ащ ылъэкІыгъ.

Адыгъ хъишъэр убыхыбзэкІэ кыкІэзыІоты-кІыжъыгъэр: Ильяс-бэй, Яник (Измид) щыщ, убых. Мыщ адыгабзэкІэ кыфэзыІотагъэр: Сісіт Отег, абдзах, къ. Яник дэс.

Зытхыжъыгъэр Жорж Дюмезиль, Яник, 1930 (Ж. Дюмезиль, Убых къэбархэр, Париж, 1931, н. 169—170).

Урыс текстымкІэ зээдзэкІыгъэр Хъадэгъэлэ А. М., Мыекъуапэ, 22/XII 1962.

3. САУСЫРЫКЪУА И ШЪАУФЫЖЪ (Sofu)¹

Саусырыкъуа встретил сильного (гения) по имени Шъау-фыжъ. Шъауфыжъ, который был сильным, ударил Саусырыкъуа мечом: Саусырыкъо погрузился на семь рук в землю. Когда Шъауфыжъ подошел к нему, чтобы обезглавить его, Саусыры-

кьо попросил: «Сегодня день разговора, не убивай меня, чтобы наша дружба не была испорчена! Завтра мы вновь встретимся на Хьарам-кургане и поборемся!». (Sofu) согласился, и они отправились домой.

Когда Сатанай, мать Саусырыкьюа, увидела вернувшегося сына в пыли, она сказала ему: «Сын мой, что случилось с тобой?» Он не ответил, а лишь сказал: «Спроси моего коня, он тебе скажет». Она пошла и спросила у коня: «Скажи мне, что случилось с моим сыном?» Конь ответил: «Этой ночью корми меня обильно сладкой и соленой пищей. Повесь бубенчики мне на хвост и на гриву. Завтра я принесу тебе голову нашего врага, я отомщу за твоего сына». Сатанай выполнила то, что сказал конь.

На следующий день Саусырыкьо пошел на встречу на курган. Так как он был колдун, то наполнил воздух дымом. Немногим позднее прибыл Шьяуфыжь: все окрестности были во мраке. Вдруг конь Саусырыкьюа зазвенел бубенчиками. Конь Шьяуфыжь испугался и бросился на равнину. Шьяуфыжь так сильно тащил своего коня за уздечку, порвал (разодрал) ему рот и горло. Затем он хотел сильным ударом (силой ударив) бросить его вперед, но конь снова убежал. Шьяуфыжь продолжал притягивать коня за рот и горло. Конь упал на землю, как мертвый. Тотчас же Саусырыкьюа обнажил свой меч и подошел к нему. Шьяуфыжь попросил его. Но Саусырыкьюа ответил: «Невозможно! То, что я сказал тебе вчера, ты повторяешь мне сегодня!» — и он обезглавил его. Так как Шьяуфыжь был человеком очень крепким, Саусырыкьюа не смог победить его, не применив ложь и колдовство.

Конь Шьяуфыжь поднялся. Саусырыкьюа привязал к нему тело мертвого, спрятав голову. Конь Шьяуфыжь вернулся домой и увидел мать своего хозяина. Женщина поняла, что это Саусырыкьюа обезглавил сына: с разодранным ртом и горлом конь не мог говорить, но он смог указать на Саусырыкьюа, давая (давая) знаки своей ногой.

Перевела (по параллельному французскому тексту) Хутыз Разиев, Майкоп, 3/VIII 1962.

Примечание (проф. Ж. Дюмезиля). Рассказ абдзахский, того же происхождения, что и предыдущий, рассказанный на абдзахском старым Cicit Omer (который является, таким образом, верным источником), затем на убыхском пересказал Ильяс-бэй, убых. Содержание смотрите в Легендах о нартах... п. ° 23, тот же вариант с. ¹ (Ж. Дюмезиль. Рассказы убыхские, Париж, 1931, стр. 169—170).

4. НАРТ САУСЫРЫКЬУА

(УбыхыбзэкIэ кьаложьыгъэ адыгэ хьышъ)

Мы убых текстыр проф. Жорж Дюмезиль езгъэтхыжьыгъэр Кирк Пинар (Измид) шыщэу убыхэу Хикмет-бэй. Ащ адыгэ

¹ Легенды о нартах, № 23.

хъишъэр кыфэзылуагъэр абдзахэу Cicit Omer (Ж. Дюмезиль, Убых къэбархэр, Париж, 1931, н. 139—140).

Убых текст

(В адыгейской транскрипции)

Яданы тытлкъуІсаны ащкыІа уанаги анартнанкя акыІанатІ Яда бакъа айпщкыІатІ гъаубакъа шышъыги мысуатаги лъакъ-ІатытІуаналъ гъатугидза агъаубакъана акІукыІатІ. замсуа за-кыІала азахъябзнан азаякыІан «жъан (5) чъарыхъ» тхъянакыІ-Іаны илакыІакыІа, ядан агяны ащхакыІан щкыІа. гъацуягъа ащ-хакыІаны айнауыжкыІа. гъащхакыІан иплъотын адыбжъотын лъакыІакыІакыІан. агъуан дгъагъадзгъ она «ущхакыІа щын ищы-быяуи?» акыІан дгъанакыІона «сынан суыгъадзгъан, уанан ичъ-Іалын чІот» кыІан кыІакыІа гъанан дгъанакыІона «жыжыбзы (6) ищнан бынрын гъацІадыугъуан (7) атыжыбзын уадутІуа-сын». — «уана ащомыт, уана гъацу гъалот», акыІакыІа «са хъа-сушъууани? сыгъуа тхъаскыІаны айщын!» алъхъакыІа дгъакыІа-кыІан гачІ, ажыжыбзын уанатІуаскыІа. ажыжыбзын дыгуа-кыаги дгашона зауарада къаги амгъяукыІа:

«тІкъуІазагъаукыІа чІаны азабыян,
мацуІыхъ псапІкыІан (8) уыги дыкыІакыІот.
акубыпшъын атхъуа дырагъуот (9)
агъала чІадан аджуатан кыІашхъа (10) интуот.
апхъяшъо чІадан шъуа кыІатыгъ.
уагъушъуыпхъядыкыІуын (11) са дуон лъакыІоти?
алъпбжъа тхъада са гъацуи?
шъоуа айдыщнын шатхъуа айнымуын.
ахъуана афыны амчызакыІадан са гъацуи?
уанкыІыкъуІы (12) сан шафай?
ахъатоны куацы ауплъакыІошъ?»

ажыжыбзын дгъауатІуатІын лъакыІала мысуазаула дгъалъа-хъуона гъана Сатанай агъачъыягъа дыкыІайкыІо. дыкыІаиги дгъашона закуын гиньтІуасын акуин гъаплІлыкыІафагъа мыджы-ныкыІатІуын амгъягъа акуы акыІадаба атыджы гъацуан уаятса гъацуагъа акыІаикыІа (13) инан — гяхъуадж асчІаны.

4. НАРТ САУСЫРЫКЪУА (р. 139—140)

Ар лІыхъужъ пхъашэ хъугъэ. Ипыйхэр чэщи мафи амыІоу-ууж итыгъэх. Ахэмэ ащ ятэжъ аукаыгъ. Зы мэфэ дахэ горэм, зы чІыпІэ горэм ащ зыкышылуагъакыІи банэ кырашІылагъ. ЯІа-шэу щэрэхкыІэ заджэхэрэр кытелъади Іаеу кыулагъ. УІа-гъэр ядэжъ къахыжыи, еупчІыгъэх: «Хэты едгъэлъэгъун о уиуІа-гъэ?» «Сянэ зыфэжъугъаз, — джэуап къаритыжыгъ, — ар пстэу-

мэ анахь дэгъушт». Ахэмэ янэ рауагъ. «Шыгъупс жьугъэхьа-зыры, — ыуагъ ащ, — ар пхъэчаим ишъукIи ащ сэ скъо хэжъугъэтIысхь.» «Ар хъунэп, ар хьылтэ кыщыхъун». «Сыда шъо шъуищыкIагъэр. ШъосIуагъэр шъушIэ!» ЕтIанэ, ащ зэриуагъэм фэдэу, шыгъушыпсым ар хагъэтIысхьагъ. Шыгъум гузэжъогъу ридзагъэти, ащ оред кыIоу фежъагъ.

«ЗэныбджэгъуитIу шIу зэрэлъэгъу...
Пчэдыжым угу осэпсым ыгъэушвэбын...
Ощхым ифэбагъэ губгъэр егъэбагъо...
Бзылъфыгъэр дэгъумэ — осэнчъэ...
«Тауа» дэгъумэ, гъэжъо шъуатэр кIуачIэ,
Цуакъэр пIуакIэмэ, сыдкIэ былым?..
Лажьэрэм ящытхъу кIырагъэчырэп...
Вагъышъуэ ыпхъу, сыд ыдын ылтэкIырэ?..
Къомэ ашхыгъэ умышаджымэ, сыдкIэ былым?
Пчэным ыц сыдкIэ былым?..
Коцым ишIуагъэ зэралътэрэр шъоталъэба?

Мэфэ заулэ тешIагъэу, Саусырыкъуа шыгъушыпсым кызы-хэкIыжым, янэ Сатэнаир ежъ иунагъо аригъэшэжыгъ. Аригъэшэжын зэхъум, ку кIоцIым зэфэдэу тыдэкIи Iунэхэр раригъэу-цагъэх: кур сысы къэси насыпынчъэм Iунэхэр хаощтыгъэх. Ащ тетэу ар ядэжы кIожыгъэ.

Джары сэ сшIэрэр.

Къэзыуагъэр Хикмэт-бэй, Кирк Пинар (Тыркуем) шыщ, убых. Ащ кыфэзыIотэжыгъэр: абдзахэу Cicit Omer.

Зытхыгъэр Жорж Дюмезиль, къуаджэр Кирк Пинар (Измид), 1930 (Ж. Дюмезиль, убых, къэбархэр), Париж, 1931, н. 139—140).

АдыгабзэкIэ зытхыжыгъэр (урис текстым-кIэ): ХьэдэгъэлIэ А. М., Мыекъяупэ, 21—22/XII 1962.

4. НАРТ САУСЫРЫКЪУА (И ЕГО МАТЬ)

(Перевод с адыгской легенды, пересказанной на убыхском языке)

Он стал могущественным героем. Враги его и днем и ночью не прекращали преследовать (его). Они убили его деда. В один прекрасный день, в одном месте, они встретили его и устроили борьбу. Оружие, которое называли магическое колесо (волшебное колесо), налетело на него и тяжело ранило. Его раненого отнесли домой и стали искать, кто бы посмотрел, вылечил рану.

Друзья его спросили: «Кому покажем мы твою рану?» «Обратитесь к моей матери, — ответил он, — она будет лучше всех». Они предупредили мать.

«Приготовьте соленой воды, — сказала она, — налейте ее в бочку и посадите туда моего сына». «Это невозможно, что причинит ему боль». «Что вам нужно? Делайте то, что я вам сказала!». Тогда они посадили его в соленую воду, как она сказала. Пока соль его мучила, он принялся петь:

«Два товарища любят друг
друга...
Утром роса смягчит твоё
сердце...
Тепловатость дождя оплодотворит
поле...
Если «тауа» хорошая, то даёт силу (крепость)
пиву из проса...
Если женщина хорошая, она
не имеет цены...
Дочь Вагъышъуэ, что умеет шить она?..
Если обувь тонкая, что же это значит?..
Те, кто трудятся, не снижают похвалы...
Если не перемелишь то, что съели кабаны,
что же это значит?..
Для чего служит шерсть козла?..
Считают же зерна пшеницы бурдюком?..»

Через несколько дней, когда Саусырыкъяу вышел из соленой воды, он отослал свою мать Сэтэнэй в свою семью. Когда он отсылал ее, он посадил ее в повозку, повсюду, на всех сторонах повозки приказал привязать шипы: при каждой тряске повозки шипы кололи кожу несчастной. Вот каким образом она вернулась к себе.

Вот все, что я знаю.

Продиктовал Хикмэт бэй в Кирк Пинаре по легенде, рассказанной накануне Cicit Ömer. Абхазская легенда.

Записал проф. Ж. Дюмезиль в Кирк Пинаре (Ж. Дюмезиль. Рассказы убыхские, Париж, 1931, стр. 139—140).

Перевела (по французскому параллельному тексту) Хутыз Разиет, Майкоп, 20/X 1963.

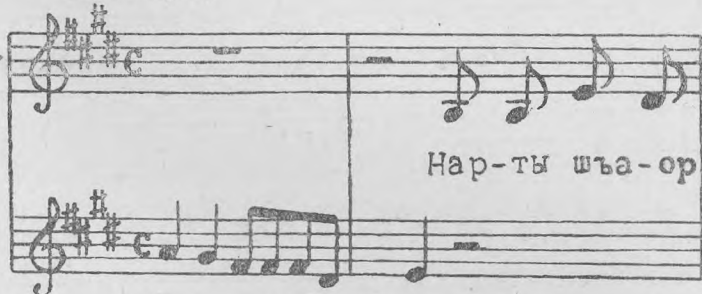
IV. АДЫГСКИЕ ПЕСНИ И ПЩЫНАТЛИ О НАРТАХ,
ЗАПИСАННЫЕ НА МАГНИТОФОННУЮ ЛЕНТУ И
ПЕРЕНЕСЕННЫЕ НА НОТЫ

1. СЭТЭНАИРЭ ОРЗЭМЭСРЭ ЯПЩЫНАЛЪ
ПЩЫНАТЛЪ О СЭТЭНАЙ И ОРЗЭМЭСЕ

Записан от Жанэ Салиха и Жанэ Исмагила,
в а. 1 Эдэпсукай Адыгеи 23/IX 1960 г.

Самбырзу

Къыхэзы-
дээрэр

Нар-ты шъа-ор

Жыу

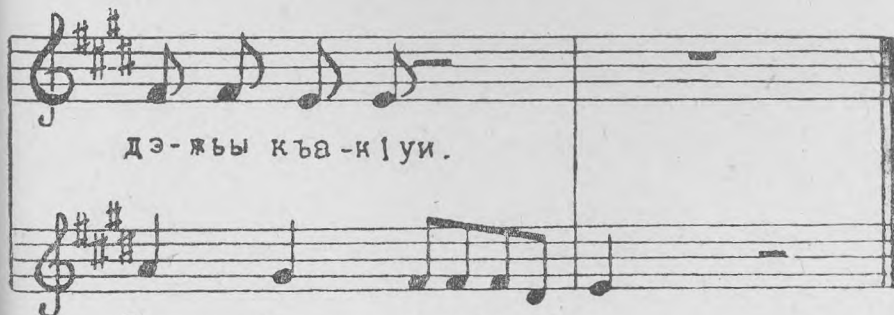
Е-е е-орэдэ о.

къе-жъагъ ы-джы,

Ор-зэ - мэ - сы

Е - е е-о-рэдэ о.

дэ-жы къа-кIуи.

Е - е е-о-рэдэ о.

2. СЭТЭНАЙКЪО САУСЫРЫКЪО ИПЩЫНАЛЬ
ПЩЫНАТЛЬ О СЭТЭНАЙКО САУСЫРЫКО

Записан от Усий Чишуко 20/V 1959 г.

Рэхьатэу

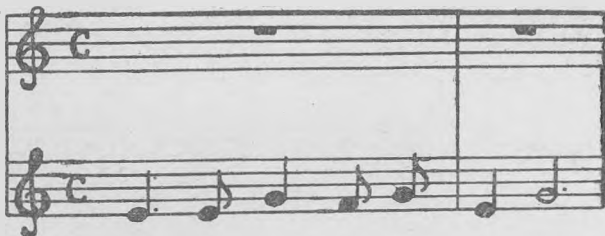
3. СЭТЭНАЕ ИГЪЫБЗ ПЛАЧ-ПЕСНЯ СЭТЭНАЙ

Записана от Схалыхо Алия в а. Афыпсыпэ
Адыгеи 22/IX 1959 г.

Сэмбнрэу

Къыхэзидзэ-
рэр

Дъуу

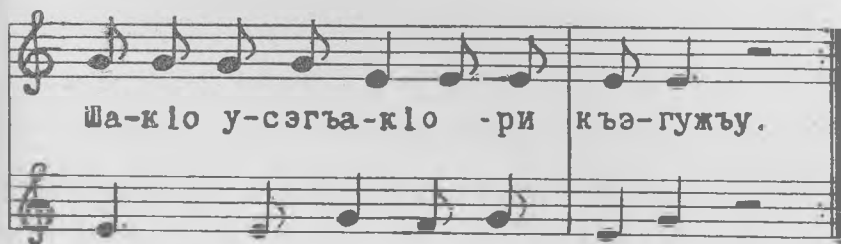

О - ра ри-ра-рэ о-рэ

Пшызэ а-ды-рэкым

О - ра ри-ра-рэ о-рэ.

Ша-кю у-сэгъа-кю -ри къэ-гужъу.

О - ра - ри-ра - рэ о-рэ.

4. ШЭБАТЫНЫКЪО ИПЩЫНАЛЪ ПЩЫНАТЛЪ О ШЭБАТЫНЫКО

Записан от Удычак Алия, певца из а. Нэшукай, 14/XI 1959 г.

Тычъэу

Нъыхэзы
дээрэр

жъуу

О - о-рэ-да, о - о-рэ-да.

Нарт щэ-бат - ны-къоу щэба-ты-ны-къопщ,

Пщымэ у-ря-гъуа-за Гъуазэ у-ры-дэк ы.

5. БЭДЫНОКЪУЭ ИПЩЫНАЛЪЭ

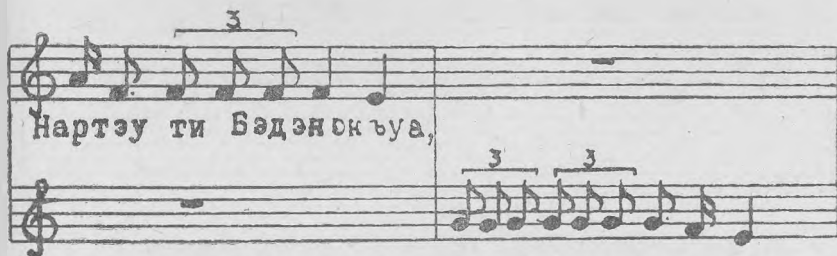
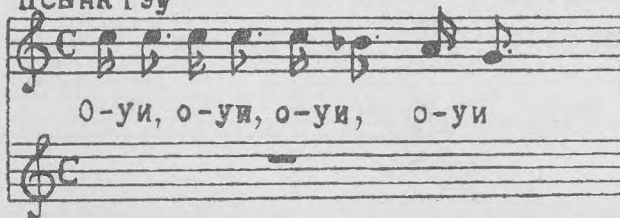
ПЩЫНАТЛЬ О БЭДЫНОКО

Записан от Кардангушева Зарамука в г. Наль-
чике 14/X 1959 г.

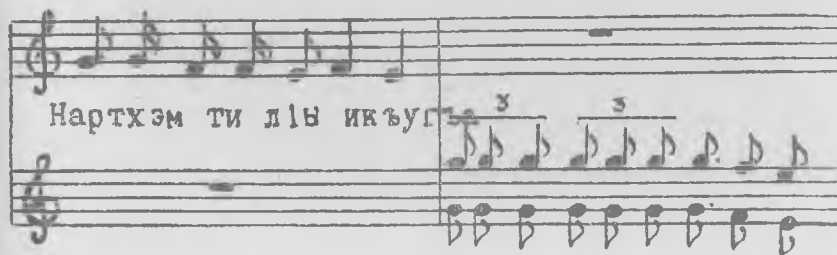
Къыхэзы-
дээрэр.

жыу.

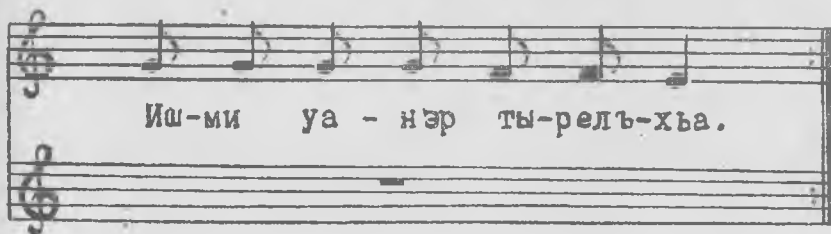
Псынк 13у

Орирэ орирэ орира

Орира ори-ра ори-ра

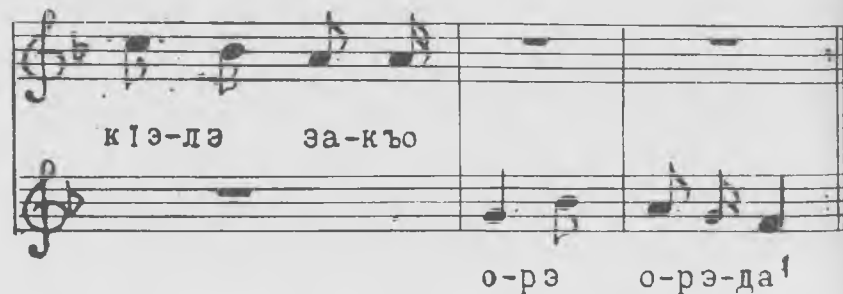
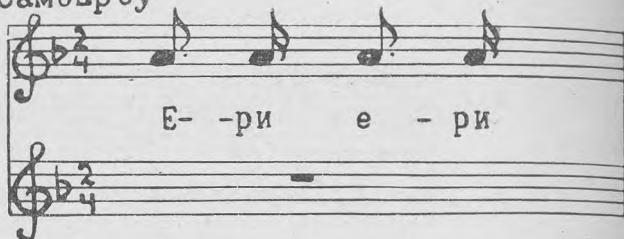
6. ХЪЫМЫЩЫКЪО ПЭТЭРЭЗ ИПЩЫНАЛЪ ПЩЫНАТЛЪ О ХЫМЫЩЫКО ПЭТЭРЭЗЕ

Записан от Хушта Ибрагима в ауле Афыпсы-
А-ыгеи 21/IX 1959 г.

Самбырзу

Къыхэзы-
дзэрэр:

Мъну:

7. НАТ ЯЩЭМЫҚЪО ІАЩЭМЭЗЫ ИОРЭД ПЕСНЯ О НАТЕ ЯЩЭМЫКО АЩЭМЭЗЕ

Записана от Хагура Сэофижа из а. Наты-
куая 18/V 1959 г.

самбырэу

орэдылу

На-тэ и-сы к|а-лэ-мэ

к|э-ны уа-к|ы - де-ш|э о-рэ-да о - -о

о - рэ-дэ ра-ра. Уятэ эы-у -к|ыг|эри

о - 'ры-ми у - к|ы - жы, |а-щэ-мэз|

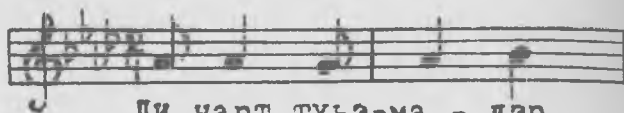
8. НЭСРЕН — ЖАКІЭ И УЭРЭД

ПЕСНЯ О НЭСРЕН-ЖАЧЕ

Записана от Кунижа Хаждаля в 1962 г. в
Кабарде (из архива КБ НИИ).

Чэфзу

Къыхэзы-
даэрэр

Ди нарт тхъэ-ма - дэр

Нэ-сы-рэн Жъа-кIэщ, Уа - ри-рэ

ри - ра-рэщ, уей. И-жъа - кIэр

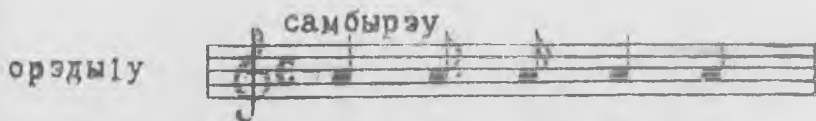
уэс-щи бын-джэ-гум но - сыр,

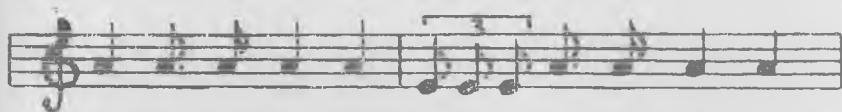
Уа-ри - рэ ри-ра-рэщ, уей.

9. НАРТ НЭГУРЭ ИГЪЫБЗ ПЕСНЯ-ПЛАЧ О НАРТЕ НЭГУРЕ

Записана от Цэюгъошү Ислама в Адыгее
8/VI 1935 г.

Ом лъа-гъор хе-щы,

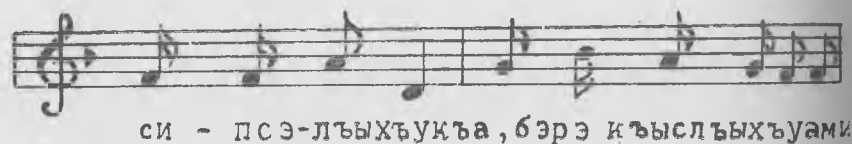
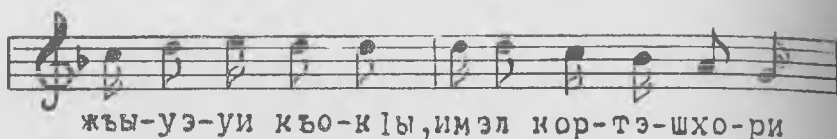
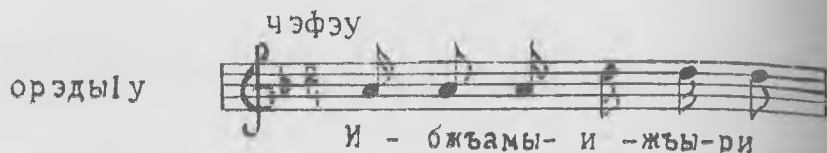
щэм лъагъор решы, симыгъо закъор киди

си-гъа-у - нэ - хъу-гъи сэ.

10. ЛАЩЫНЭ НАРТХЭМ ЗЭРАХУЭУСАР САТИРИЧЕСКИЕ КУПЛЕТЫ ЛАЩЫН О НАРТСКИХ МУЖАХ

Записаны от Кардангушева Зарамука в г.
Нальчике 20/XI 1959 г.

У. ПЕВЦЫ И СКАЗИТЕЛИ, СОБИРАТЕЛИ И ИССЛЕДОВАТЕЛИ АДЫГСКИХ ТЕКСТОВ О НАРТАХ

КУВАЙ ЗЭФЭС

Фольклористы Адыгеи и его аульчане Кувая Зэфэса знают как выдающегося певца, сказителя и знатока фольклора адыгов. Записанные от него тексты устнопоэтического творчества адыгов составляют в своем объеме более 50 авторских листов.

В репертуаре талантливого певца содержатся почти все песни, легенды, пословицы и поговорки, бытующие среди адыгов.

Кувай Зэфэс искусно исполняет песни и пщынатли о нартах Хьымышыкьо Пэтэрэзе, Орзэмэджыкьо Шэбатыныкьо, Сэтэнайкьо Саусырыкьо. Причем пщынатль о Саусырыкьо исполняет лишь по настоятельной просьбе слушателей, так как он считает этого нарта хитрым и коварным.

Впервые адыгские тексты о нартах, записанные от Кувая Зэфэса, были опубликованы в книге «Адыгэ адэбыят угъоигъ», изданной в Москве в 1924 году на адыгейском языке. С этого периода Зэфэс является постоянным информатором Адыгейского научно-исследовательского института языка, литературы и истории.

Выдающемуся певцу и сказителю Адыгеи Куваю Зэфэсу 90 лет, но он физически здоров, жизнерадостен.

Талантливый певец и сказитель КУБАЙ ЗЭФЭС

Певцы и сказители Адыгеи (Майкоп, снимок 1960 года). Слева направо, сидят: Хапай Магамуд, Хамтаху Аюб, Хагур Саофиж, Уджуху Али, Хатко Теучеж, Кувай Зэфэс, Ачегу Ибрагим, Кувай Исмагил, Схаляхо Али; стоят: Пшы-
датыко Сагид, Хуако Ибрагим, Бэрээдж Мэрзан, Хашханыко Махмуд, Усий Чишыко, Мугу Хамид, Емтыль,
Кушу Исмагил.

СХАЛЯХО АЛИЙ
(Афылсыпэ, Адыгея)

Популярный сказитель и певец Схалыхо Алий из шапсугского аула Афылсыпэ Адыгеи родился в 1882 году. Как бы выражая его неиссякаемую любовь к песне и постоянное пребывание с ней, о нем аульчане говорят: «Он родился с песней». Один из энтузиастов, принимавших участие в сборе экспонатов и создании в Адыгее областного краеведческого музея в 1920—1930 годах.

С малых лет запали в его душу песни и былины родного народа, и он их запомнил и в своей памяти пронес через все годы своей многолетней жизни. В его репертуаре более 200 легенд, песен и пщынатлей. Обладает прекрасной памятью.

Наряду с исполнительской деятельностью он создает свои оригинальные патристические песни.

В исполнении Схалыхо Алия сотрудниками Адыгейского научно-исследовательского института записано огромное количество текстов устного народно-поэтического творчества и нартах.

Хавпачев Амырхан (Хьэхьупаштэ Амырхъан) — один из самых видных талантливых певцов Кабарды. Он родился в 1882 году в ауле Кахун (Къэхъун), где проживает и в настоящее время.

В 1959 году в родном ауле певца (в сопровождении его сына Индриса-шыкепщынао) нами записаны: «Сатирические куплеты Лашын», «Пщынатль о нарте Сосрыкъо», «Единственный сын Нэрыбгей» и другие адыгские песни о нартах.

— Мне уже много лет, — говорит Амырхан. — Я состарился. Когда человек стареет, он теряет и голос, и силу. Поэтому я готовлю смену. Возможно, — смеется он, — услышите: «Младший Хавпачев лучше поет старшего Хавпачева!»

Хавпачев Амырхан является народным певцом Кабарды, им сочинено много произведений, прославляющих труд, братство, родину. Он — передовой человек своего времени, неутомимый труженик.

ХАВПАЧЕВ АМЫРХАН
(Кахун, Кабарда)

В адыгском селении Инджиджышхо (Инджидж Большой) Черкесии в 1883 году родился будущий талантливый и очень скромный сказитель Мэремыко Харун.

Он прожил большую жизнь. Ему более 80 лет. Мэремыко — неграмотный человек, он не читает книг и не создает их. Но он мудр. И его таким сделал хачеш — «домашний университет» родного деда Айдэмыра, где по вечерам собирались люди старшего поколения и рассказывали разные истории о сверххрабрых витязях, пели песни о сверхсильных богатырях — нартах. С детства впитал в себя мудрость старших, и этим силен. Теперь он сам вдохновенно рассказывает и поет песни Айдэмыра.

В репертуаре певца и сказителя Мэремыко Харуна песни Лащынэ, пщынатль о Соусырыко, легенды о рождении Соусырыко и «Камень Соусырыко». Питает особую любовь к циклу песен и легенд о нарте Соусырыко.

МЭРЕМЫКО ХАРУН
(Инджиджышхо, Черкесия)

ТЛИПИЙ БИТЛЮСТЕН
(1878—1948)

Вдумчивый сказитель и одаренный певец, обладавший прекрасной памятью Тлипий Битлюстен, родом из аула Хатукай Адыгеи, с детского возраста запечатлел в своей памяти много героических песен, пщынатлей и легенд, которые распевались и рассказывались в хачеше своего родного деда. «До самого поздна, сидя где-нибудь в углу, — рассказывал Битлюстен, — я с жадностью слушал песни и легенды наших стариков. Я так воспринял, что спустя 50—60 лет пересказываю их, не упуская ни имени героя, ни названия местности, где произошли события».

В сборнике «Адыгские песни» («Адыгэ орэдыжъхэр»), выпущенном в 1941 году музыкальным государственным издательством в Москве, опубликован целый цикл песен, записанных от популярного певца Адыгеи.

ХАМТАХУ АЮБ
(Пчигатлукай, Адыгея)

Хьамтэхьу Аюб—знаток адыгского фольклора, прекрасный сказитель и певец из аула Пчигатлукай, родился в 1881 году. Адыгейский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории сотрудничает с ним с 1929 года.

В его репертуаре крупные эпические народные повествования, которые он любит рассказывать в продолжение нескольких вечеров. Таково фольклорное произведение «Чэчанько Чэчан и Орзмэджыко Шэбатыныко», записанное от него Ибрагимом Цеем 6—8/I 1937 г.

Обладает хорошим голосом. Его исполнение пщынатля о нарте Хымыщыко Пэтэрэзе является самым удачным во всех отношениях.

Будучи неграмотным человеком, он прекрасно сохранил в своей памяти адыгские песни и пщынатли о нартах, заученные им лет 70—75 тому назад.

Бэрэтар Габидэт (Бэрэтэрэ Хьабидэт) — талантливая исполнительница адыгских народных песен. Родилась в ауле Нэчэрэзый Адыгеи в 1897 году.

С детских лет Габидэт стала заучивать народные песни адыгов. «Я любила вечерами находиться в хачеше—гостевой отца Хуажева Лихуа,—рассказывает она. — Отец мой знал много песен и пщынатлей, искусно исполняя их мелодии на адыгской скрипке—шычэпщыне. Песни о нартских богатырях, которые вдохновенно распевались в нашем хачеше, навсегда запали в мою душу, и я с любовью исполняю их на протяжении более полувека».

В репертуаре семидесятилетней адыгейки, помимо многочисленных легенд, значатся песни и пщынатли о Сэтэнайко Саусырыко, Хымыщыко Пэтэрэзе, Орзмэджыко Шэбатыныко и других нартах.

ГАБИДЕТ БЭРЭТАР
(Нэчэрэзый, Адыгея)

Неутомимый собиратель текстов адыгского фольклора, драматург и писатель Ибрагим Цей родился в ауле Шынджый Адыгеи 11 января 1890 года. Являясь сотрудником Адыгейского научно-исследовательского института, он записал более 400 текстов устного народно-поэтического творчества адыгов в аулах Адыгеи и Причерноморской Шапсугии. Им переведено с адыгейского на русский язык большое количество легенд и песен.

В своей творческой деятельности Ибрагим Цей широко использовал мотивы и сюжеты адыгского фольклора (драма «Кочас», повесть «Одинокый», поэма «Заячья тризна» и др.). По мотивам адыгских сказок им написан цикл басен, который вошел в сборник «Басни», изданный на адыгейском языке в Краснодаре (1934) и на французском языке, в переводе проф. Жоржа Дюмезиля и Айтэча Намитока, в Париже (1939, 1940 гг.).

ИБРАГИМ ЦЕЙ
(1890—1936)

ОРДОКО МЫРЗЭБЭЧ
(Хабез, Черкесия)

Популярный певец Черкесии Ордоко Мырзэбэч родился в 1884 году в ауле Хабез. С детского возраста обогатил свою память произведениями адыгского фольклора. В его репертуаре более 100 народных песен и мелодий адыгов. Среди них песни о нартах Сосырыко и Бадыныко, легенда об Адиыху-дахэ.

Ордоко Мырзэбэч — трудолюбивый человек, пользуется большим авторитетом среди аульчан.

Работал он животноводом, бригадиром, заведующим пунктом приема и сушки зерна.

Мырзэбэч умудрен опытом трудовой жизни, хотя и не умеет ни читать, ни писать. «Для меня, — говорит, — жизнь — университет, — университет, в котором обучался и успешно окончил мой сын. Пусть молодое поколение ученых запишет и пронесет через века адыгейскую народную мудрость. Она будет полезна человеку во все века».

ХАПАЙ МАГАМУД
(Хатукай, Адыгея)

Талантливо исполняющий мелодии песен и пщынатлей о нартах на адыгской народной скрипке — шычэпщынэ, певец и сказитель Хапай Магамуд (Хьэпэе Мыхьамод) родился в 1887 году в ауле Хатукай Адыгеи. Прекрасный танцор и любитель музыки. Одаренный юморист.

Запись его песен, пщынатлей и легенд о нартах Адыгейский научно-исследовательский институт ведет с 1934 года.

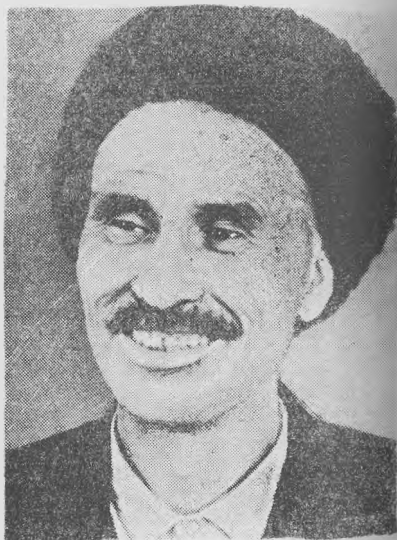
В фонотеке АНИИ хранятся мелодии многих народных песен, записанных нами в исполнении этого одаренного шычэпщынао и прирожденного певца.

Тексты Хапая Магамуда часто публикуются в сборниках песен, пщынатлей и легенд, издаваемых АНИИ.

Хапай Магамуд — трудолюбивый человек, «всю жизнь провел в коллективе плотников».

Одаренный певец и сказитель Усий Чищыко (Ушгый Кыщыкту) из Прикубанской Шапсугии Адыгеи родился в 1883 году в шапсугском ауле Псэйтику Адыгеи.

Адыгейский научно-исследовательский институт сотрудничал с Усией Чищыком с 1929 года. В его талантливом исполнении записаны на магнитофонную пленку «Пщынатль об Ащэмэзе», «Пщынатль о Щэбатыныко», «Песня о Саусырыко», «О том, как «Натие» хотели переименовать в «Гуае».

УСИЙ ЧИЩЫКО
(1883—1963)

Аскерби Тагирович Шортанов (Шортэн Аскэрбий Тахыр и кьуэ) — талантливый организатор и исследователь адыгского народного героического эпоса «Нарты». Родился в 1916 году в адыгской крестьянской семье в селении Лескен-II Кабарды. Много сил и труда посвятил организации сбора текстов устного народного творчества адыгов.

Заведую сектором фольклора, литературы и искусства КБ НИИ, А. Т. Шортанов почти ежегодно организует фольклорно - музыкальные экспедиции в Кабардино-Балкарии, Черкесии, Адыгее и Причерноморской Шапсугии, занимается вопросами исследования и издания текстов народного эпоса «Нарты», является автором важной в научном отношении теоретической работы «Периодизация, отбор и публикация адыго-кабардино-черкесского фольклора». (Материалы научной сессии Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института, Нальчик, 1960).

А. Т. Шортанов — писатель. Его перу принадлежат такие художественные произведения, как исторический роман «Горцы» («Бгырысхэр»), пьесы «Аул Батыр» («Батыр и кьуажэ»), «Когда загорается свет» («Нэхур кьыщыщэным щыгьуэ»), «Посланец партии», «Навечно» («ИгъашIэ-кIэ»), «В одной семье» («Зы унагьуэ гуэрым»), «Сурэт» и др.

А. Т. Шортанов — специалист по театроведению. Им написан и издан обобщающий труд «Театральное искусство Кабардино-Балкарии» (Нальчик, 1961), по которому ему присуждена ученая степень кандидата искусствоведческих наук.

АСКЕРБИ ШОРТАНОВ
(Нальчик, Кабарда)

Georges Dumézil французский ученый, крупный кавказовед, профессор Коллеж де Франс, провел большую работу по сбору, публикации и исследованию фольклорных произведений народов Кавказа, в частности произведений о нартах. Французский ученый записал много легенд на убыхском языке и различных диалектах адыгских языков, опубликовал их в Париже и других городах. Жорж Дюмезиль много внимания уделяет изучению адыгских языков, их фонетики, морфологии и лексики. С 1930 г. исследователь ведет свою научную работу по сбору фольклорных произведений адыгов (черкесов) и убыхов, живущих в странах Ближнего Востока. А с 1954 г. он ежегодно (за исключением 1956 года) выезжает в адыгские и убыхские деревни Анатолии, где ведет научно-исследовательскую работу по изучению фольклорных материалов адыгов и убыхов. Жорж Дюмезиль читает лекции по кавказской филологии в *Collège de France* в Париже.

ЖОРЖ ДЮМЕЗИЛЬ
(Париж, Франция)

С июня 1962 года Адыгейский научно-исследовательский институт установил научную связь с Жоржем Дюмезилем.

Он прислал из Парижа:

1. Копии выписок легенд о нартах из журнала «Обзор истории религии» (том СХХУ, 1943, стр. 97—128);

2. Текст Бжигако, опубликованный в этом «Обзоре» (стр. 119—124);

3. Три пакета корректурных листов, взятых из этюдов об убыхах (1959);

4. «Документы анатолийские» о языках и традициях Кавказа (тома I, II и III), в которых опубликованы два адыгских текста о Саусырыко («Рождение Саусырыко», «О том, как Саусырыко изжил обычай убивать стариков»);

5. Убыхские тексты, опубликованные в 1960—1961 годах.

Жорж Дюмезиль оказывает нам большую помощь по сбору материалов по героическому эпосу «Нарты» в странах Ближнего Востока, где проживают адыги.

Гойко Хазраиль (Гъойкъо Хазрэиль) родился в 1884 году в селении Къэрэгъэц Баксанского района Кабарды. Ныне проживает в ауле Егерухай Адыгеи, табунщик колхоза.

В репертуаре певца и сказителя — все песни, пщынатлы и легенды, относящиеся к нарту Соусырыко (Саусырыкъо, Сосырыкъо).

Гойко Хазраиль — единственный сказитель из адыгов, рассказывающий только о нарте Сэтэнайко Саусырыко. Он любит этого нарта и «знает его действия со дня его рождения по день его гибели».

Как и многие его коллеги — адыгские певцы и сказители, Гойко Хазраиль нартово эпоса считает реально существовавшими богатырями.

В июле 1961 г. научные сотрудники Адыгейского научно-исследовательского института записали почти весь его репертуар на магнитофонную пленку.

ГОЙКО ХАЗРАИЛЬ
(Еджэркуай, Адыгея)

КАРДАНГУШЕВ ЗАРАМУК
(Нальчик, Кабарда)

КъэрдэнгъушI Зырамыку ПэтIурэ и къуэ — один из самых талантливых исполнителей адыгских песен и пщынатлей о нартах. Родился в 1918 году в селении Псыгансу Кабарды. Ныне является сотрудником Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института.

В репертуаре выдающегося певца более 300 адыгских песен.

В 1961 году в его исполнении мы записали 100 адыгских песен на магнитофонную ленту.

В его основной репертуар входят: «Лашынэ нарт лыхъужьмэ зэрахоусар», «Нартыжъ ордэ», «Сосрыкъо», «Хьымышыкъо Бэтэрэз», «Бадынокъо».

Кардангушев З. П. — драматург. Его пьесы успешно ставятся на сценах Кабардино-Балкарии, Адыгеи и Черкесии и пользуются большой популярностью.

Он — составитель многих сборников фольклора. Заслуженный деятель искусств¹.

¹ См. о нем: 1. М. Къармэкъуэ. Гунэс, газ. «Ленин гъуэгу», Нальчик, 8/IX 1961; 2. А. ХьэдэгъалI. Гугъэраз, газ. «Социалистическэ Адыгей», 3/X 1961.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АНИИ	— Адыгейский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
АН	— Академия наук
БСЭ	— Большая советская энциклопедия
ВДИ	— Вестник древней истории
ВИМК	— Вестник истории мировой культуры
ВИЭ	— Вопросы изучения эпоса народов СССР
ВЛ	— Вопросы литературы
ВЯ	— Вопросы языкознания
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения
ЗГИ	— Записки Горского научно-исследовательского института
ИАН	— История адыгейского народа Ш. Ногмова
ИИГА	— Институт истории грузинской литературы имени Шота Руставели АН Грузинской ССР
ИМЛИ	— Институт мировой литературы имени А. М. Горького АН СССР
ИЛ	— Иностранная литература
ИОЛЯ	— Известия АН СССР, Отделение литературы и языка
ИКОРГО	— Известия Кавказского отдела Русского географического общества
ИРЛИ	— История русской литературы
ИСОНИИ	— Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института
КБНИИ	— Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт
КС	— Кавказский сборник
КЧНИИ	— Карачаево-Черкесский научно-исследовательский институт
ОИААО	— Общество изучения Адыгейской автономной области
СМОМПК	— Сборник материалов по описанию местностей и племен Кавказа
СОНИИ	— Северо-Осетинский научно-исследовательский институт
ССКГ	— Сборник сведений о кавказских горцах
СЭ	— Советская этнография
ТАНИИ	— Труды Абхазского научно-исследовательского института
ТИЭ	— Труды института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР
ТКЧНИИ	— Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института
УЗАНИИ	— Ученые записки Адыгейского научно-исследовательского института
УЗКБНИИ	— Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

I. Исследованный материал

1. Рукопись семитомного академического издания, подготовленная к печати А. М. Гадагатлем в Адыгейском научно-исследовательском институте в 1954—1964 гг.:

Нарты. Адыгский эпос, том I. (Вступительный очерк, тексты, словарь, документация).

Нарты. Адыгский эпос, том II.

Нарты. Адыгский эпос, том III.

Нарты. Адыгский эпос, том IV.

Нарты. Адыгский эпос, том V.

Нарты. Адыгский эпос, том VI.

Нарты. Адыгский эпос, том VII.

2. Рукопись двуязычного адыгско-русского академического издания, подготовленная к печати А. М. Гадагатлем в 1964—1966 гг.

Нарты. Адыгский героический народный эпос (предисловие, вступительный очерк, тексты, комментарии, адыгско-русский словарь, документация).

II. Литература

К. Маркс и Ф. Энгельс. Об искусстве. В 2 томах, том I, М., 1957.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. Соч., том 3, 2, 1955.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Энгельс Лассалю, сб. «Об искусстве», М., 1938.

К. Маркс и Ф. Энгельс. О литературе, М., 1958.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., том II, М.—Л., 1931.

К. Маркс. Введение к «Критике политической экономии», Собрание соч., том XII, часть 1.

Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, М., 1948.

В. И. Ленин. Развитие капитализма в России, Соч., том 3.

В. И. Ленин. Соч., том 15.

В. И. Ленин. Соч., том 35.

Абаев В. И. Проблемы нартского эпоса. Сб. «Нартский эпос», Орджоникидзе, 1957.

Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор, Изд. АН СССР. М.—Л., 1949.

Абаев В. И. Историко-этимологический словарь, I, М.—Л., 1958.

Абаев В. И. О собственных именах нартского эпоса, «Язык и мышление». V, Изд. АН СССР, М.—Л., 1935.

Абаев В. И. Из осетинского эпоса, 10 нартских сказаний. М.—Л., 1939.

Абаев В. И. Нартовский эпос, ИСОНИИ, X, Дзауджикау, 1945.

Абаев В. И. Историческое в нартском эпосе. Сб. «Нартский эпос», Дзауджикау, 1949.

Абаев В. И. Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада. М., 1965.

Абрамов Я. Кавказские горцы, изд. ОИААО, Краснодар, 1927.

Абхазские сказания. Абгосиздат, Сухуми, 1961.

Адыгэ таурыхтхэр. Зэхуэзыхтхэсэр Бэчыжъ Л., Сакий Н., Черкесск, 1965.

Адыгейско-Русский словарь. Составители М. Г. Аутлев, А. М. Гадагатыл. У. С. Зекох и др., М. 1960.

Адыгэ орэдыжтхэр. Зэхэзгъэуцуагъэр КIэрэцэ Тембот, Мыекъуапэ, 1940.

Адыгэ тхыдэхэмрэ шысэхэмрэ. Зэхэзгъэуцуагъэхэр: Лъэустэн Ю., ХьэдэггэлIэ А., Мыекъуапэ, 1955.

Адыгэ тхыдэхэмрэ шысэхэмрэ. Зэхэзгъэуцуагъэр ХьэдэггэлIэ А., Мыекъуапэ, 1954.

Адыгэ тхыдэжтхэмрэ шысэхэмрэ. Зэхэзгъэуцуагъэр КIэрац Т., Мыекъуапэ, 1940.

Адыгэ шысэхэр. Зэхэзгъэуцуагъэр Хьуажъ М., ХьэдэггэлIэ А., Мыекъуапэ—Краснодар, 1965.

Адыгейские сказки. Записали и перевели И. Цей и др. Азчериздат, 1936.

Адыгейские сказания и сказки. Записали и перевели Д. Ашхамаф, И. Цей, Т. Керашев, А. Хатков и другие. Литературная обработка П. Максимова, Азчериздат, 1937.

Адыгэ IуарыIуатэхэр. I. Зэхозыхысар КъэрдэнгъушI З., Налшык, 1964.

Адыгские (черкесские) тексты П. Тамбиева. СМОМПК, XXI, Тбилиси, 1896; XXV, Тбилиси, 1898.

Адыгэ усэнэр. Дамаск, 1940.

Акритас П. Г., Стефанеева Е. Л. Легенды Кавказа, Нальчик, 1958.

Алексеева Е. П. О чем рассказывают археологические памятники Карачаево-Черкесии, Черкесск, 1960.

Алиева А. А. Пачев и фольклор, УЗКБНИИ, XVIII, Нальчик, 1961.

Алиева А. А. Из истории собирания, публикации и изучения адыгских песен и сказаний о Саусырыко (Сосрыко), УЗАНИИ, том III, Майкоп, 1964.

Андронников И. Книга о замечательном кабардинце, газ. «Кабардино-Балкарская правда», 12/X 1962.

Анисимов И. И. Новые задачи литературоведения, ВЛ, II, М., 1962.

Анчабадзе З. В. Из истории средневековья Абхазии, Сухуми, 1959.

Анчабадзе З. В. История и культура древней Абхазии, М., 1964.

Аниба А. А. Вопросы поэтики абхазского нартского эпоса, автореферат, М., 1966.

Аниба А., Зухба С. Первая монография по абхазскому фольклору, газ. «Советская Абхазия», 25 декабря 1966 г.

Ардасенов Х. Н. Очерк развития осетинской литературы, Орджоникидзе, 1959.

Ардасенов Х. Н. Нартский эпос и осетинская литература. Сб. «Нартский эпос», материалы совещания 19—20 октября 1956, Орджоникидзе, 1957.

Антология абхазской поэзии, М., 1958.

Анфимов Н. В. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской, «Материалы и исследования по археологии СССР», № 23, М.—Л., 1951.

Анфимов Н. В. Протогеотский могильник с. Николаевского, «Сборник материалов по археологии Адыгеи», том III, Майкоп, 1961.

- Астахова А. М. Северные исторические песни, Петрозаводск, 1947.
- Астахова А. М. Народные сказки о богатырях русского эпоса. Изд. АН СССР, М.—Л., 1962.
- Атажукин К. Попытки введения кабардинской письменности, газ. «Терские ведомости», № 11, 1870.
- Аутлева С. Ш. Традиция и общественные функции адыгских исторических песен, УЗАНИИ, том III, Майкоп, 1964.
- Аутлев М. Г., Зевакин Е. С., Хоретлев А. О. Адыги, очерк, Майкоп, 1957.
- Аутлев М. Г. Исторический очерк, «40 лет автономии Адыгеи», Майкоп, 1962.
- Балкаров Б. Х. Язык беслинеевцев, Нальчик, 1959.
- Балкаров Б. Х. Адыгские элементы в осетинском языке, Нальчик, 1965.
- Балтин П. И., Бекизова Л. А. Литература народов Карачаево-Черкесии, ТКЧНИИ, III, Черкесск, 1959.
- Бгажба Х. С. Об абхазском героическом эпосе, Труды Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулия, том XXVI, Сухуми, 1955.
- Бекизова Л. А. Страницы из истории черкесской литературы, Черкесск, 1961.
- Бекизова Л. А. Черкесская советская литература, Ставропольское книжное издательство, 1964.
- Бейлис В. М. Сведения о Черном море в сочинениях арабских географов IX—X вв., сб. ст. «Ближний и Средний Восток», ИВЛ, М., 1962.
- Беседа с проф. Зурабом Анчабадзе. Тбилиси, 12/XI 1958, Архив АНИИ, ф. 1, д. 51, № 14.
- Берикетов Х. Г. Ленин и народы Кавказа, Нальчик, 1961.
- Берсей У. Х. Букварь черкесского языка, Тифлис, 1853.
- Богатырев П. Г. Введение к кн. «Русское народное поэтическое творчество», М., 1956.
- Богатырев П. Г. О языке славянских народных песен в его отношении к диалектной речи, ВЯ, М., 1962.
- Богданова М. И., Добрынин М., Зеленский К. За глубокое изучение литературы народов СССР, ИСДИТ, М., 1954.
- Богданова М. По поводу письма В. Корзуна. «Вопросы литературы», 9, 1961, стр. 209—211.
- Басария Симон. Абхазия в географическом, этнографическом отношении, Сухуми—кале, 1923.
- Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, ч. II, М., 1823.
- Бурнашев С. Д. Описание горских народов, Курск, 1794.
- Бушуев С. К. Из истории русско-кабардинских отношений, Нальчик, 1956.
- Былины. Русский героический эпос, Л., 1938.
- Варавва И. Ф. Героический эпос адыгов, газ. «Советская Кубань», 18 января 1966 г., № 14 (13465).
- Веселовский А. Н. Историческая поэтика, М., 1940.
- Водождоков Х. Д. Выдающийся деятель адыгейской культуры, УЗАНИИ, том II, Майкоп, 1963.
- Вопросы изучения эпоса народов СССР, ИМЛИ. Изд. АН СССР, М., 1958.
- Гадагатль А. М. Дауд Ашхамаф — фольклорист, газ. «Адыгейская правда», Майкоп, 10 апреля 1957.
- Гадагатль А. М. О практике сбора и публикации текстов фольклора, «Материалы научной сессии КБНИИ», Нальчик, 1960.
- Гадагатль А. М. Адыгские нарт, УЗКБНИИ, том XVIII, Нальчик, 1961.
- Гадагатль А. М. Об адыгском эпосе «Нарты», очерк и тексты, УЗАНИИ, том III, Майкоп, 1964.
- Гадагатль А. М. Два отрывка из пщынатля о Сосырыко (к 100-летию первого печатного издания на кабардинском языке), УЗАНИИ, том III, Майкоп, 1964.

Гарданов Б. «В. Абаев. Нартовский эпос», рец., ж. «Советская этнография», № 2, изд. АН СССР, М.—Л., 1947.

Гарданов В. К. О расселении и численности адыгских народов в первой половине XIX в., СЭ, № 4, М., 1963.

Гегель. Соч., том VIII, М.—Л., 1935.

Геродот (ок. 484—425). История в 9 книгах: тома I и II, М., 1885—1886. Его же. Греко-персидские войны, Киев—Харьков, 1899; Его же. Скифия и поход Дария на скифов, кн. IV, гл. 1—144, ч. 1—2, Царское Село, 1892.

Горький М. Разрушение личности («О литературе», СП), М., 1955.

Гофман Э. Горские сказки, рец., ж. «Литературное обозрение», № 21, М., 1937.

Григорян Г. А. О некоторых чертах армянского героического народного эпоса «Давид Сасунский». Сб. «Вопросы изучения эпоса народов СССР», М., 1958.

Гримм Я. О происхождении языка, «Хрестоматия по истории языкознания XIX—XX веков», М., 1956.

Гусев В. Е. Марксизм и русская фольклористика, М.—Л., 1961.

Гъуазэ (Путеводитель), журнал-газета, № 46, Константинополь, 1913.

Давид Сасунский. Армянский народный эпос, ГЛИ, М., 1957.

Давлетов К., Гацак В. О происхождении народного героического эпоса, «Русская литература», ИРЛИ (Пушкинский дом), АН СССР, 2, Л., 1962.

Давлетов К. С. Фольклор как вид искусства. Изд. «Наука», М., 1966.

Далгат Б. К. Страничка из северокавказского богатырского эпоса. «Этнографическое обозрение», I и II, М., 1901.

Далгат У. Б. Фольклор и литература народов Дагестана, Изд. «Восточная литература», М., 1962.

Далгат У. Б. К вопросу о народности эпических сказаний и исторических песен у народов Северного Кавказа. Сб. ВИЭ, Изд. АН СССР, М., 1958.

Далгат У. Б. К вопросу о нартском эпосе у народов Дагестана. Сб. «Нартский эпос», Орджоникидзе, 1957.

Дейч Александр. В мире народной поэзии, «Литературная газета», 28 декабря 1965.

Дитлер П. А. Могилиники в районе поселка Колосовка на реке Фарс, «Сборник материалов по археологии Адыгеи», том II, Майкоп, 1961.

Джавахишвили И. А. Проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока, «Вестник древней истории», 1939.

Дрягин Н. М. Анализ нескольких карачаевских сказаний о борьбе нартв с еммечь., «Яфетический сборник», VI, Л., 1930.

Дубровин Н. Черкесы (адыге), изд. ОИААО, Краснодар, 1927.

Дьячков-Тарасов А. Н. Абадзехские былины, «Записки Кавказского Отдела Императорского Русского Географического общества», кн. 22, выпуск 4, Тифлис, 1902.

Егорова Л. П. Изучение фольклора народов Карачаево-Черкесии, Ставропольское книжное издательство, 1964.

Ефремов А. Творческий путь кабардинского театра, УЗКНИИ, т. VII, Нальчик, 1952.

Жабелев А. С. Народы Северного Причерноморья в античную эпоху, ВДН, 1 (2), М., 1938.

Жантиева Д. Г. Мотивы исторического эпоса северокавказских горцев, ЗГН, 2, Ростов-на-Дону, 1929.

Жирмунский В. М. Эпические сказания об Алмапыше и «Одиссея» Гомера, ИОЛЯ, т. XVI, в. 2, М., 1957.

Жирмунский В. М. Эпическое творчество славянских народов, М., 1958.

Жирмунский В. М. Некоторые итоги изучения героического эпоса Средней Азии. Сб. «Вопросы изучения эпоса народов СССР», М., 1958.

Жирмунский В. М. Народный героический эпос. М.—Л., 1962.

Зекох У. С. Умар Берсей — просветитель адыгейского народа, Ученые записки АНИИ, том I, Майкоп, 1957.

- Зубков П. Картина Кавказского края... в трех частях, СПб, 1834—1835.
- Зеленский К. Л. Литература народов СССР, статьи, ГЛИ, М., 1957.
- Зеленский К. Л. Мир сегодня и проблемы национальных литератур, ИЛ, 12, М., 1961.
- Из кабардинских сказаний о нартах. ССКГ, V, 1871.
- Иессен А. А. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки, «Материалы и исследования по археологии СССР», № 23, М.—Л., 1951.
- Инал-Ипа Ш. Д. Очерки по истории брака и семьи у абхазов, Сухуми, 1954.
- Инал-Ипа Ш. Д. Абхазы, Сухуми, 1960.
- Инал-Ипа Ш. Д. Об абхазских нартских сказаниях, Труды Абх. НИИ, том XXIII, Сухуми, 1949.
- Инал-Ипа Ш. Д. Об абхазо-адыгских этнографических параллелях, УЗАНИИ, IV, Краснодарское книжное издательство, 1966.
- История Кабарды (с древнейших времен до наших дней). Изд. АН СССР, М., 1957.
- История русской литературы, Изд. АН СССР, М.—Л., 1941.
- История Северо-Осетинской АССР. Изд. АН СССР, М., 1959.
- Кабардинский фольклор, М.—Л., 1936.
- Кабардинско-русский словарь. Составители: М. Л. Апажеев, Н. А. Багов, П. М. Багов, Б. Х. Балкаров, Дж. Н. Коков и др., М., 1957.
- Кавказский Прометей. «Очерки России», издаваемые Вадимом Пассеком, I, М., 1838.
- Кавказский сборник. Том XXX, Тифлис, 1910.
- Кайтмазов А. Сказания о нартах, СМОМПК, Тифлис, 1889.
- Калмыков И. Х. Общие черты в материальной и духовной культуре народов Карачаево-Черкесии, «Труды КЧНИИ», V, Ставрополь, 1966, стр. 3—29.
- Калоев Б. А. История записи и публикации нартского эпоса. Сб. «Нартский эпос», материалы совещания, Орджоникидзе, 1957.
- Калоев Г. З. Нартский эпос осетин, тезисы докладов на совещании, посвященном нартскому эпосу народов Кавказа, Орджоникидзе, 1956.
- Караева А. И. О фольклорном наследии карачаево-балкарского народа, Черкесск, 1961.
- Караева А. И. Становление карачаевской литературы, Черкесск, 1963.
- Кармоко Х. «Наше суждение о происхождении имени «Сосрыкъо», ж. «Гуашхьэмахуэ», № 4, Нальчик, 1963.
- Керашева З. И. Особенности шапсугского диалекта адыгейского языка, Майкоп, 1957.
- Керашев Т. М. Искусство адыге, «Революция и горец», № 2—3, Ростов-на-Дону, 1932, стр. 105—110.
- Кирдан Б. П. Украинские народные думы, Изд. АН СССР, М., 1962.
- Климович П. И. Заметки об эпическом творчестве Советского Востока, Сб. «Вопросы изучения эпоса народов СССР», М., 1958.
- Ковалевский Е. Очерки этнографии Кавказа, ж. «Вестник Европы», М., том III, отд. I.
- Коков Дж. Н. К постановке вопроса о черкесской топонимике на Черноморском и Азовском побережьях, УЗКБУ, VII, Нальчик, 1960.
- Коков Дж. Н. Кабардинские географические названия, Нальчик, 1966.
- Корзун В. Б. Необходимо научное издание нартского эпоса. «Вопросы литературы», 9, 1961, стр. 207—209.
- Корзун В. Б. У истоков искусства слова. «Чудесные родники», Грозный, 1963, стр. 5—19.
- Корзун В. Б. Фольклор горских народов Северного Кавказа. Грозный, 1966.
- Корзун В. Б. Литература горских народов Северного Кавказа, Грозный, 1966.
- Косвен М. О. Очерки по этнографии Кавказа, СЭ, 2, М., 1946.
- Косвен М. О. Амазонки, история легенды, СЭ, 2 и 3, М., 1947.

- Косвен М. О. Матриархат, М.—Л., 1948.
- Косвен М. О. Очерки истории первобытной культуры, М., 1957.
- Косвен М. О. Этнография и история Кавказа, М., 1961.
- Костанов Д. Цуг Теучеж, очерк, Майкоп, 1955.
- Костанов Д. Г. Культура адыгейского народа. Сб. «Адыгейская автономная область», Майкоп, 1947.
- Краснодарский госархив, ф. 249, св. 51, д. 386.
- Крупнов Е. И. Древняя история Кабарды, Нальчик, 1952.
- Крупнов Е. И. Изучение нартского эпоса и археология, «Археолого-этнографический сборник». Грозный, 1966, стр. 29—41.
- Крупнов Е. И. Древняя история и культура Кабарды, М., 1957.
- Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. Изд. Института археологии АН СССР, М., 1960.
- Крым-Гирей. Несколько слов о нашей старине, «Кубанские войсковые ведомости», Екатеринодар, № 21, 29 мая 1865.
- Куашев Б. Стихосложение нартского эпоса, личный архив автора, рукопись.
- Куашев Б. Библиография кабардино-черкесского фольклора, УЗКНИИ, V, Нальчик, 1950.
- Кубалов А. З. Герои нарты, Владикавказ, 1903.
- Кубалов А. З. К вопросу о происхождении нартских песен, Известия Осетинского научно-исследовательского института краеведения, в. I, Владикавказ, 1925.
- Кузнецов П. С. Еще о гуманизме и дегуманизации, «Вопросы языкознания», 4, М., 1966, стр. 62—74.
- Кэстан Д. Нартмэ язпос. Адыгэ литературнэ учебник, Мыекъуапэ, 1958.
- Кэстан Д. Нартхэр, «Социалистическэ Адыгей», 18—19/XII 1956.
- Кэстан Д., Шъхьалэхъо А. Адыгэ советскэ литературэр, Краснодарскэ тхылъ тедзапI, Краснодар—Мыекъуапэ, 1964.
- Кюкюло Жамальдин. «Адыгэ» лъэпкъыцIэр, г. «Социалистическэ Адыгей», 9/VII 1966.
- КIэрац Т. Нартмэ ятхыджъхэр, «Адыгэ орэдыжъхэр», Мыекъуапэ, 1946.
- КIыцокъуэ А. Ухэзгъэгъуазэ, «Нарт хъыбархэр», Нальчик, 1945.
- Культура и быт колхозного крестьянства Адыгейской автономной области. Изд. «Наука», М.—Л., 1964.
- Кумахова З. Ю. К изучению лексики убыхского языка (Убыхско-немецкий словарь А. Дира), УЗАНИИ, том V, Краснодар—Майкоп, 1966.
- Кумахов М. А. Морфология адыгских языков, том I, Нальчик, 1964.
- Кумахов М. А. О соотношении Сосрыко и Сослан, УЗАНИИ, том V, Краснодар—Майкоп, 1966.
- Кумыков Т. А. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX веке, Нальчик, 1965.
- Кусиков В. О поэзии черкесов, «Ставропольские губернские ведомости», №№ 1 и 2, 7 и 11 января 1861.
- Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI—XVII вв., М., 1963.
- Лавинцев А. И. Горные орлы, В кн.: «Покоренный Кавказ», СПб, 1904.
- Лавров Л. И. Абазины, историко-этнографический очерк, «Кавказский этнографический сборник», I, М., 1955.
- Лавров Л. И. Кабардино-адыгейская культура XII—XV вв., СЭ, IV, М., 1957.
- Лавров Л. И. Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев, ТИЭ, том II, М., 1959.
- Лавров Л. И. К истории бжедугов и жанеевцев, УЗАНИИ, том IV, Краснодарское книжное издательство, 1965.
- Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе, СПб, 1883, I (греч. писат.) в. 1—3; СПб, 1904, II (латин. писат.), в. 1—2.

- Ламберти А.* Описание Колхиды, называемой теперь Мингрелией, СМОМПК, Тбилиси, 1913.
- Лафарг П.* «Кампанелла», Петроград, 1920.
- Лафарг П.* Очерки по истории культуры, «Московский рабочий», М.—Л., 1926.
- Липкин С.* Сказания о нартах, «Огонек», 4, М., 1944.
- Липкин С.* Кабардинская эпическая поэзия, Нальчик, 1956.
- Литературные взаимосвязи.* Сб. ИИГЛ, том I, Тбилиси, 1965.
- Ломидзе Г.* Интернационализм и национальные традиции, ВЛ, 3, М., 1961.
- Лонгфелло Генри.* Песнь об Гайавате, ГЛИ, М., 1955.
- Лопатинский Л. Г.* Заметки о народе адыге, СМОМПК, вып. XII, Тифлис, 1891.
- Лотышев И. П.* География Краснодарского края. Краснодар, 1965.
- Люлье Л. Я.* О гостеприимстве у черкес, газ. «Кавказ», № 7, 1859.
- Люлье Л. Я.* Черкесия, историко-этнографические статьи, Краснодар, 1927.
- Мамиева Н. К.* Проблема эволюции эпического образа (Сатана в осетинском нартском эпосе в сравнении с другими национальными версиями). Автореферат, М., 1966.
- Март Н. Я.* Избранные работы, том I, Л., 1933.
- Масуди.* Из книги «Луга золотые и родники драгоценных камней», СМОМПК, вып. 38, Тифлис, 1908.
- Материалы научной сессии КБНИИ,* состоявш. 26—28 марта 1959 г., Нальчик, 1960.
- Мегрелидзе И.* Руставели и фольклор, Тбилиси, 1960.
- Мелетинский Е. М.* Нартский эпос адыгов и осетин и его основные циклы, «Дружба», литературно-худож. альманах, VII—VIII, Майкоп, 1957.
- Мелетинский Е. М.* Предки Прометея, ВИМК, 1958.
- Мелетинский Е. М.* Происхождение героического эпоса, М., 1963.
- Меретуков М. А.* Кузнечное ремесло у адыгов в XIX веке, УЗАНИИ, том IV, Краснодарское книжное издательство, 1965.
- Меретуков М. А.* Семейная община у адыгов, УЗАНИИ, том IV, Краснодарское книжное издательство, 1965.
- Мельников-Разведенков С.* Боспор Кимерийский в эпоху спартокидов, СМОМПК, XXI, Тбилиси, 1896.
- Милетский Г.* Землеписание (отрывки), ВДН, № 1, М., 1947.
- Миконов В. А.* Поиски системы, «Этимология». Изд. АН СССР, М., 1963.
- Миллер В. Ф.* Кавказские сказания о циклопах, «Сборник материалов по этнографии», в. I, М., 1885.
- Миллер Всеволод.* Осетинские этюды, ч. I—III, М., 1881—1887.
- Миллер В. Ф.* Заметки, СМОМПК, XII, Тифлис, 1891.
- Миллер В. Ф.* Красавица Елена и богатырь-женщина, СМОМПК, XII, Тифлис, 1891.
- Миллер В. Ф.* Кавказские предания о великанах, прикованных к горам, ЖМКП, М., 1883.
- Мухамеджанов Ю. А.* Нартский эпос — адыгский, газ. «Адыгейская правда», 25/IV 1965.
- Мэт Джунатокто Юсыф Изэт-пашэ.* Кавказым итарихъ, Истанбыл, 1912.
- Араб текстыр зызыдзэкыгъэр Елбэд Хъэсан. Архив АНИИ, ф. 1.
- Намиотов Ю. К.* Развитие школьного образования в Адыгейской автономной области, «Национальные школы РСФСР за 40 лет», М., 1958, стр. 225—240.
- Народная поэзия,* сб., Тбилиси, 1934.
- Народные русские сказки А. Н. Афанасьева.* В трех томах, том I, подготовка текста, предисловие и примечания В. Я. Проппа, ГИХЛ, М., 1957.
- Нарты.* Эпос осетинского народа. М., 1957.
- Нартские сказания.* Перевод Валентины Дынник, М., 1949.
- Нарт хъыбархэр.* Налшык, 1941.

- Нарт хъыбархэр.* Адыгэ эпос, составители А. Дадов и Х. Эльбердов, вступительная статья и словарь А. Кешокова, Нальчик, 1945.
- Нарты Кадджыта.* Госиздат Северо-Осетинской АССР, Дзауджикау, 1949.
- Нартский эпос.* Материалы совещания 19—20 октября 1956, Орджоникидзе, 1957.
- Неупокоева И. Г.* Некоторые вопросы изучения взаимосвязи и взаимодействия национальных литератур, материалы дискуссии, М., 1960.
- Нозмов Ш. Б.* История адыгейского народа, Нальчик, 1947, 1958.
- Одэжьдэкъо Хь. Д.* Адыгэ литературабзэм ехьылIагъ, УЗАНИИ, том V, Майкоп, 1966.
- Орбели И.* Армянский героический эпос, Ереван, 1956.
- Орлов А. С.* Казахский героический эпос, изд. АН СССР, М., 1945.
- Осетинские нартские сказания.* Перевод Ю. Либединского, Дзауджикау, 1948.
- Очерки истории Адыгеи.* Том I, Майкоп, 1957.
- Очерки истории Абхазской АССР,* ч. I, Сухуми, 1960.
- Пейсонель М.* Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу Черного моря в 1750—1762 годах, Краснодар, 1927.
- Пачулия В.* По историческим местам Абхазии, Сухуми, 1960.
- Петросян А. А.* Изучение народного эпоса, ВЛ, 4, 1950.
- Петросян А. А.* К вопросу о народности эпоса «Манас», Сб. «Киргизский героический эпос «Манас», изд. АН СССР, М., 1961.
- Персидские сказки.* Предисловие и перевод А. Розенфельд, ГИХЛ, М., 1956.
- Песнь о Роланде.* Гослитиздат, М., 1958.
- Пизани В.* Этимология, История—проблемы—метод, перевод с итальянского Д. Э. Розенталя, под ред. В. И. Абаева, ИИЛ, М., 1956.
- Покровский М. В.* Очерки социально-экономической истории адыгейских племен в конце XVIII — первой половине XIX веков, автореферат, М., 1957.
- Полиевтов М. А.* Европейские путешественники XIII—XVIII вв. по Кавказу, Тифлис, 1835.
- Попко И.* Гребенское войско, том I, СПб, 1888.
- Пропп В. Я.* Русский героический эпос, М., 1958.
- Пропп В. Я.* Замечания о книге «Нарты» (эпос осетинского народа), ж. «Русский фольклор» (материалы и исследования), том III, М.—Л., 1959.
- Пухов И. В.* Якутский героический эпос «Олонхо», М., 1962.
- Пушкин А. С.* Тазит, Соч. в 3 томах, ГИХЛ, М., 1958, том II.
- Пчентлешев Х. А.* Адыги до Великой Октябрьской социалистической революции. Сб. «Адыгейская автономная область», Майкоп, 1947.
- Рклицкий М. В.* К вопросу о нартах и нартских сказаниях, Владикавказ, 1927.
- Рогава Г. В.* К вопросу о структуре именных основ в категориях грамматических классов в адыгских (черкесских) языках, Тбилиси, 1956.
- Рогава Г. В., Керашева З. И.* Грамматика адыгейского языка, Краснодар—Майкоп, 1966.
- Русский фольклор.* Том III, изд. АН СССР, М.—Л., 1958.
- Сакый Н.* Нарт эпосыр джынымкIэ хэлъхэныгъэ ин, газ. «Черкес пэж», Черкесск, 5 июня 1965.
- Салакая Ш. Х.* Абхазский народный героический эпос, Тбилиси, 1966.
- Светлов В.* Кавказские предания и легенды, СПб., 1895.
- Сидельников И. В.* Фольклорные связи Северного Кавказа, Нальчик, 1963.
- Симонов К.* Вырубленный из камня, «Литературная газета», № 143, 1962; газ. «Советская Абхазия», № 224, 15/XI 1963.
- Смирнов А. П.* Скифы, М., 1966.
- СМОМПК,* том XII, Тифлис, 1891.
- СМОМПК,* том XXI, Тифлис, 1896.
- Сказание о Сери Раге.* Индонезийский эпос, ИВЛ, М., 1961.

Соколов Ю. М. О кабардинском фольклоре, газ. «Социалистическая Кабардино-Балкария», № 151, 6 июня 1935.

Схалыхо А. А. Ибрагим Цей, УЗАНИИ, том III, Майкоп, 1964.

Схалыхо А. А. О некоторых традициях адыгов по материалам фольклора, УЗАНИИ, том IV, Краснодарское книжное издательство, 1965.

Султан Довлет-Гирей. Жизнь черкесов-переселенцев в Турции, «Известия Общества любителей Кубанской области», выпуск V, Екатеринодар, 1912.

Султан Хан-Гирей. Записки о Черкесии, примечания к первой части, Архив АНИИ, рукопись, том I.

Теунов Хачим. Литература и писатели Кабарды, М., 1958.

Токарев С. А. Этнография народов СССР, изд. Московского университета, 1958.

Тресков И. В. Кабардинская литература. Сб. «Кабардино-Балкарская АССР», Нальчик, 1957.

Тресков И. В. Фольклорные связи Северного Кавказа, Нальчик, 1963.

Турчанинов Г. Ф. Кази-Атажукин — общественный деятель и педагог 60-х годов XIX в., «Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института», 1947, том II.

Урусбиев С. Сказания о нартских богатырях у татар-горцев Пятигорского округа Терской области, СМОМПК, I, Тифлис, 1881.

Услар П. К. Древнейшие сказания о Кавказе, Записки Кавказского отдела императорского русского географического общества, том XII, Тифлис, 1881.

Ученые записки Адыгейского НИИ, том III, Майкоп, 1964.

Ученые записки Адыгейского НИИ, том IV, Майкоп, 1965.

Ученые записки Адыгейского НИИ, том V, Майкоп, 1965.

Ученые записки Чувашского пединститута, вып. IV, Чебоксары, 1956.

Филин Ф. П. К проблеме социальной обусловленности языка, «Вопросы языкознания», 4, М., 1966, стр. 31—44.

Фонвиль А. Последний год войны Черкесии за независимость в 1863—1864 гг., из записок участника-иностранца, изд. ОИААО, Краснодар, 1927.

Фредерик Дюбуа де Монпере. Путешествие вокруг Кавказа, Сухуми, 1937.

Хакуашев А. Х. Или Шогенцуков, Нальчик, 1958.

Халилов Х. М. Лакский песенный фольклор, Махачкала, 1959.

Хан-Гирей. Черкесские предания, РВ, т. II, СПб, 1841.

Хан-Гирей. Мифология черкесских народов, газ. «Кавказ», 1846, № 35.

Хан-Гирей. Вера, нравы, обычаи, образ жизни черкесов, «Русский вестник», том V, 1842.

Хасириков Х. Х. О национальном своеобразии литератур адыгских народов, Черкесск, 1960.

Хасириков Х. Х. О литературных взаимосвязях народов Северного Кавказа, УЗАНИИ, т. III, Майкоп, 1964.

Хатанов А. А., Керашева З. И. Адыгейский толковый словарь, Майкоп, 1960.

Хашба А. К. Академик Н. Я. Марр о языке и истории абхазов, Сухуми, 1936.

Хьэдэггэлэ А. М. Кавказым икультурэ ехьылэггэ тхылъхэр, газ. «Социалистическэ Адыгей», 29/XII 1965.

Хьэдэггэлэ А. М. Гугъэраз, газ. «Социалистическэ Адыгей», 3/X 1961.

Хьэтлэнэ Хь. А. Мамлюк, газ. «Социалистическэ Адыгей», 4/V 1960.

Цицишвили Г. Ш. Национальная форма литературы и процесс взаимодействия литератур, «Литературные взаимосвязи», I, Тбилиси, 1965.

Чаплина В. В. Мои воспитанники, рассказы, М., 1956.

Чикобава А. С. Введение в языкознание, ч. I, М., 1953.

Чикобава Арн. Иберийско-кавказские языки и научная актуальность их изучения, УЗАНИИ, том II, Майкоп, 1963.

Чикобава Арн. К вопросу о путях развития современной лингвистики. «Вопросы языкознания», 4, М., 1966, стр. 45—61.

Чиковани М. Прикованный Амирани, Тбилиси, 1947.

- Чиковани М. Амираниани, Тбилиси, 1960.
- Чиковани М. Я. Нартский эпос в Грузии, Ученые записки АНИИ, том VI, Майкоп, 1967.
- Чиковани М. Я. Народный грузинский эпос о прикованном Амирани. Изд. «Наука», М., 1966.
- Читая Г. С. Изменение и обогащение культуры в результате перемещения населения с гор на равнины в прошлом и настоящем, «Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1965 года», Изд. АН СССР, М., 1966.
- Чичеров В. И. Некоторые вопросы теории эпоса и современные исследования нартских сказаний, ИОЛЯ, 1952, том XI, вып. 5.
- Чичеров В. И. Вопросы изучения эпоса народов СССР, ИОЛЯ, М., 1965.
- Чичеров В. И. Вопросы генезиса и развития древних форм народного эпоса в освещении фольклористики и некоторые проблемы нартских сказаний, сб. «Нартский эпос», Материалы совещания, Орджоникидзе, 1957.
- Чичеров В. И. Вопросы теории и истории народного творчества, СП, М., 1959.
- Чудесные родники. Сказания, сказки и песни народов Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1963.
- Шагиров А. К. Очерки по сравнительной лексикологии адыгских языков, Нальчик, 1962.
- Шаззо К. Стихи о родине, газ. «Адыгейская правда», 11 декабря 1966.
- Шакрыл К. С. О сравнительной характеристике глагольных суффиксов в абхазско-адыгских языках, Труды Абхазского института языка, литературы и истории, том XXIII, Сухуми, 1957.
- Шанаев Д. Осетинские народные сказания, «Сборник сказаний о кавказских горах», вып. V, ч. II, Тифлис, 1871.
- Шиллинг Е. Адыгейский узор, ж. «Искусство», № 3, М., 1940.
- Шортан А. Нарт ІуэрыІуатэхэр, «Къэбэрдей литературэ», хрестоматие, Налшык, 1960.
- Шортанов А. Кабардинский эпос, «Кабардинская правда», 7 февраля 1951.
- Шортанов А. Т. Искусство и фольклор. Сб. «Кабардино-Балкарская АССР», Нальчик, 1957.
- Шортанов А. Т. Театральное искусство Кабардино-Балкарии, Нальчик, 1961.
- Шорэ И. Цыфыр шІум фзыыпІурэ нэшанэхэу адыгэмэ ахэлъхэр, «Социалистическэ Адыгей», 18/X 1966.
- Шу Ш. С. Музыка и танцевальное искусство, «Культура и быт колхозного крестьянства Адыгейской автономной области», изд. «Наука», М.—Л., 1964.
- Щербина Ф. А. История Армавира и черкесо-гаев, Екатеринодар, 1916.
- Эльмурзаев С. Ч. Новые данные о чечено-ингушских нарт-эрстхоевских сказаниях, «Труды ЧНИИ», т. IX, Грозный, 1964.
- Яковлев Н., Аишхамаф Д. Краткая грамматика адыгейского (кяхского) языка для школы и самообразования, Краснодар, 1930.
- Яковлев Н., Аишхамаф Д. Грамматика адыгейского литературного языка, Изд. АН СССР, М.—Л., 1941.

* * *

- Dumézil G. Légendes sur les Nartes, Paris, 1930.
- Dumézil G. La Langue des Oubykhs, Paris, 1957.
- Dumézil G. Contes et Légendes des Oubykhs, Paris, 1957.
- (Dumézil G.) Etudes Oubykhs, par Georges Dumézil, Paris, 1959.
- Dumézil G. Etudes Oubykhs, Bibliothèque de l'Institut Français d'Archéologie d'Istanbul, vol. VII, 1959, p. 56.

(*Dumézil G.*) Documents Anatoliens sur les Langues et les traditions du Caucase, I, par Georges Dumézil, professeur au Collège de France, directeur d'études à l'école des hautes études, Paris, 1960.

Dumézil G. Documents Anatoliens sur les Langues et les traditions du Caucase, II, Textes Oubykhs, Paris, 1962.

Georges Dumézil, Recits Oubykh, VI, extrait du Journal Asiatique, Paris, (Année 1963).

Dumézil G. Documents Anatoliens sur les Langues et les traditions du Caucase, III, Nouvelles Etudes Oubykh, Paris, 1965.

Caucase collection UNESCO D'œuvres Représentatives. Le Livre des Héros, Légendes sur les Nartes, traduit de l'ossète avec une introduction et des notes par Georges Dumézil, professeur au Collège de France, Gallimard, 1965.

A. Kuipers. Phoneme and morpheme in Kabardian. Nouton, 1960.

(*Vogt, Hans*). Dictionnaire de la Langue Oubykh avec Introduction Phonologique, Index Français-Oubykh, Textes Oubykh par Hans Vogt, professeur de l'Université d'Oslo, 1963.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

- Абаева З. В. 50
 Абаев В. И. 10, 16, 21, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 50, 53, 54, 178, 180, 209, 210, 211, 212, 215, 216, 229, 230, 238, 400
 Абдельсэлам А. 68, 69, 320
 Абрамов А. 130, 400
 Азаматова М. З. 104
 Алборов Б. 210
 Алексеева Е. П. 119, 400
 Алиева А. И. 24, 25, 400
 Амбалов Ц. 50
 Амонов Р. 220
 Аншба А. А. 49, 53, 54, 400
 Андронников И. 400
 Анзоровы. 60
 Анчабадзе З. В. 245, 400
 Анфимов Н. В. 88, 118, 400
 Ардасенов Х. Н. 25, 34, 400
 Астахова А. М. 401
 Астемировы. 60
 Атажукин К. (Хьэтэхъущэкьо Къ.) 19, 55, 56, 58, 317, 401
 Аутлева С. Ш. 401
 Аутлев М. Г. 401
 Ауэзов М. 50
 Ашинов Х. А. 213
 Ашхамаф Д. А. 62, 183, 185, 186, 187, 188, 192, 408
 Багаев Н. 25, 403
 Басария Симон. 401
 Балкаров Б. Х. 100, 125, 253
 Балтин П. И. 401
 Бгажба Х. С. 149, 158, 401
 Бегиашвили Ф. 172
 Бекизова Л. А. (Бэчыжъ Л. А.). 67, 77, 401
 Белинский В. Г. 25
 Бейлис В. М. 93, 401
 Берикетов Х. Г. 401
 Берсей У. Х. 56, 401
 Битиев С. 32
 Богатырев П. Г. 182, 401
 Богданова М. И. 76, 112, 401
 Бритаев В. 32
 Брокгауз Ф. А. 84, 96, 97
 Броневский С. 87, 401
 Бурнашев С. Д. 401
 Бушуев С. К. 56, 401
 Бэрэтэрэ Г. 392
 Варава И. Ф. 76, 401
 Водождоков Х. Д. (Одэжьдэкьо Хь. Д.) 401
 Гадагатль А. М. (ХьэдэгъэлІэ А. М.). 5, 39, 62, 71, 95, 259, 261, 262, 263, 264, 265, 266, 266, 267, 273, 278, 284, 285, 286, 321, 322, 323, 327, 332, 334, 336, 340, 345, 348, 349, 350, 351, 359, 361, 401, 407

* В «Указатель» включены имена авторов, собирателей, певцов и сказителей фольклорных произведений, а также источники.

- Гарданов Б. 9, 22, 27, 31, 50, 180, 210, 211, 402
 Гацак В. 402
 Гегель. 167, 402
 Геродот. 402
 Геснод. 161
 Гильфердинг А. Ф. 143
 Гиш Н. 194
 Гойко Х. 132, 62, 195, 397
 Гомер. 171
 Городецкий Б. 23
 Горький А. М. 75, 78, 113, 132, 223, 402
 Гофман Э. 402
 Греков Б. 24
 Грен А. 177, 210
 Григорян Г. А. 112, 402
 Гримм Я. 183, 402
 Гурнев Г. 9, 22, 50

 Давлетов К. С. 128, 154, 402
 Далгат Б. К. 402
 Далгат У. Б. 43, 44, 402
 Дейч А. 39, 402
 Демурия. 158
 Дирр М. А. 40
 Дитлер П. А. 118, 402
 Дзагуров Г. 50
 Джавахишвили И. А. 83, 124, 178, 210, 252, 402
 Джанаев И. (Дзанайты). 25, 34
 Джусоев Р. 34, 35
 Доброумов Л. 166
 Довлет-Гирей. 105
 Дрягин Н. М. 402
 Донрава М. Н. 212
 Дубровин Н. 86, 95, 106, 135, 136, 402
 Дынник В. 32, 35
 Дьячков-Тарасов А. Н. 20, 55, 59, 116, 165, 249, 402
 Дюбуа Фредерик. 80, 82, 83, 84, 93, 170, 184, 407
 Дюмезиль Ж. 31, 40, 41, 70, 71, 72, 73, 74, 162, 163, 175, 184, 196, 201, 247, 254, 287, 367, 369, 307, 372, 375, 376, 396, 408, 409

 Егорова Л. П. 402
 Епхиты. 34
 Ефремов А. 402
 Ефрон И. А. 84, 96, 97

 Жабелев А. С. 402
 Жантиева Д. Г. 177, 210, 402
 Жанэ Исмахил. 273, 278, 377
 Жанэ Шъалихъ. 273, 278, 377
 Жирмунский В. М. 112, 402

 Загорский Г. 246
 Загурский Л. 77
 Зевакин Е. С. 401
 Зекох У. С. 56, 400, 402
 Зеленский К. Л. 403
 Зубков В. Г. 173, 403
 Зухба С. Л. 222, 400

 Ивнев Р. А. 34, 35
 Иессен А. А. 88, 403
 Инал-Ипа. 43, 96, 97, 178, 210, 216, 403
 Иокимов А. 157

 Кайтмазов А. 9, 22, 403
 Калмыков И. Х. 403
 Калашау М. 62
 Калоев Б. А. 16, 22, 34, 35, 50, 403
 Калоев Г. З. 33, 50, 257, 403
 Караева А. И. 67, 137, 403
 Кардангушев Зарамук (Къэрдэнгъуш! Зырамыку). 52, 63, 77, 195, 360, 361, 381, 386, 397
 Кармоко Х. 211, 212, 403
 Кафоев А. Ж. 124
 Керашева З. И. 403, 407
 Керашев Т. М. 23, 107, 403
 Кешоков А. 23, 178, 210, 216
 Кирдан Б. П. 403
 Ковалевский Е. 98
 Коков Дж. 403, 404
 Концевич. 62, 130
 Корзун В. Б. 76, 403
 Косвен М. О. 114, 122, 123, 252, 403, 404
 Костанов Д. Г. (Кэстан Д. Г.). 23, 68, 137, 138, 404
 Коуфэ Пишымырзэ. 162, 195
 Крым-Гирей. 19, 20, 55, 149, 164, 165, 167, 298
 Крупнов Е. И. 93, 97, 218, 219
 Куашев Бетал. 180, 210, 216, 230
 Кубалов А. З. 50, 404
 Кувай Исмаил. 266, 267
 Кувай Зэфэс. 62, 194, 387, 388
 Кулов К. Д. 32, 238
 Кумахов М. А. 181, 217
 Кумыков Т. Х. 100, 105
 Кусиков В. 16, 17, 19, 136, 322, 404
 Кушъу Нахъо. 327, 332

 Лавинцев А. И. 104
 Лавров Л. И. 404
 Ламберти А. 404
 Латышев В. В. 125, 252, 404
 Лафарг П. 118, 123, 151, 405
 Ленин В. И. 87, 149, 182, 399

Либединский Б. 32
Липкин С. И. 18, 147, 193, 200, 405
Ломидзе Г. 405
Лонгфелло Генри. 405
Лопатинский Л. Г. 20, 21, 40, 55, 59,
66, 90, 100, 149, 153, 154, 168,
171, 177, 210, 216, 263
Лотышев И. П. 89, 405
Люлье Л. Я. 85, 405
Лытый Билъустэн. 284, 348, 349
Лыф КИ. 350, 351

Мавродин В. 92
Макеев Александр. 56
Мальцев М. И. 114, 145
Мальсагов О. М. 49, 51, 52, 53
Мамиева Н. К. 49, 50
Мамсуров Д. 25
Маркс К. 38, 107, 127, 128, 133, 149,
150, 156, 182, 399
Марр Н. Я. 169, 170, 178, 182, 405
Массуди 405
Махуз А. 52
Мегрелидзе Иосиф 67, 113, 172, 405
Мерварт Л. 121
Меретуков М. А. 405
Мелетинский Е. М. 44, 218, 405
Милетский Г. 79, 405
Меликашвили Г. А. 81
Мельников-Разведенков 91, 405
Микеладзе В. С. 159
Миллер В. 9, 21, 22, 33, 35, 37, 40,
41, 50, 149, 158, 159, 160, 167,
168, 173, 177, 210, 235, 405
Мыгу И. 355
Мэремыкьо Хьарун. 223, 256, 391

Намитокоев Ю. К. 405
Ногмов Шора (Нэгумэ Щорэ). 14,
15, 16, 55, 83, 110, 124, 176, 210,
216, 409
Никонов В. А. 183
Нусинов И. М. 149, 168
Нуцубидзе Шалва. 67, 119, 120, 146
Нэнкьойкьо Мэджд. 265
Нэскурэ Ибрахым 359

Орбели И. 108, 118, 247, 406
Ордокьо Мырзэбэч. 393
Орлов А. С. 101, 102, 406
Остриков П. 20, 55, 59

Пачулия В. 406
Пейсонель М. 406
Петросян А. А. 40, 78, 406
Пизани В. 174, 237, 406
Плиев Х. 25
Плиев Г. 25, 34

Покровский М. В. 103, 406
Потявин В. М. 114
Попко И. 103, 406
Потанин Г. Н. 158
Пропп В. Я. 35, 36, 146, 150, 406
Пухов И. В. 213, 406
Пушкин А. С. 87, 406
Пфаф В. 38
Пчентлешев Х. А. 406
Рклицкий И. В. 50, 177, 210
Рогава Г. В. 124, 125, 185, 252, 406
Руставели Шота 146
Сакиев Н. 77
Салаках Ш. 43, 46, 47, 48, 49, 181,
216, 406
Светлов В. 406
Сихарулидзе К. А. 85
Сиюхов С. Х. 23, 362, 363
Скитский Б. В. 25, 26, 32, 33, 50,
178, 210
Сланов Г. 50
Собиев А. 9, 22
Соколов Ю. М. 136, 406
Схаляхо А. А. (Шъхъэлэхъо А. А.).
404, 407
Схаляхо Али (Шъхъэлэхъо Алым).
321, 322, 323, 334, 336, 340, 345,
379, 390

Талпа М. 67, 144
Тамбиев П. 40, 55, 59, 60
Тевфик Эсэнч 367
Теунов Хачим. 23, 60, 115, 116, 407
Теучеж Цуг (Теуцожь Цыгъу). 137,
138
Тихонов Н. 32
Тлипий Битлюстен (Лытый Билъу-
стэн). 391
Тлиф Х. К. 164
Токарев С. А. 105, 407
Топурия В. 224
Тресков И. В. 43, 44, 46, 115, 116,
174, 181, 407
Туккаев С. 9, 22
Турчанинов Г. Ф. 56, 407
Тхьабысым М. 320
Туаев О. Н. 26, 32
Туганов М. 50, 177
Тугуз Фуад (Тыгъужъ Фуад). 281,
284, 295, 346

Уджыхъу Ч. 346
Урусбиев С. 40
Услар П. К. 52, 56, 91, 149, 158, 160,
167, 173, 177, 246, 407
Филин Ф. П. 407
Фонвиль А. 407

Хавпачев Амырхан (Хьэхъуащлэ Амырхъан). 162, 390
 Хагур Саофиж. 383
 Хакушев А. Х. 127, 407
 Халилов Х. М. 410
 Хамтоху Аюб (Хьамтэхъу Аюб). 132, 392
 Ханазаров К. Х. 220
 Хан-Гирей 14, 16, 59, 60, 136, 139, 140, 151, 262, 407
 Хахс Мостаф (Хьахъо Мостаф) 69, 291
 Хапсироков Х. Х. 407
 Хатанов А. А. (ХьэтГэнэ А. А.) 82, 83, 407
 Хашба А. К. 149, 169, 170, 178, 210, 216, 217
 Хергиани А. 224
 Хейшхо И. К. 257
 Хикмет Бэй 307, 325, 376
 Хоретлев А. О. 401
 Хуажев М. К. 63
 Хутыз Р. Ш. (ХьутИыжъ Р. Ш.). 62, 196, 222, 367, 373, 376
 Хьушт Ибрахым 264
 Хьамит Бэй. 162
 Хьапай Мыхьамод. 195, 263, 394
 Хьапышт Азмэт 281, 284

Цей Ибрагим (Цэй Ибрахым) 77, 393
 Цейпек Иржи 210
 Цеогош Ислам (ЦлэлогъошIу Ис-лъам) 336, 385
 Церетели Акаки 167
 Цицишвили Георгий 140, 407
 Цораев В. 38

Чаплина В. В. 407
 Черны Вацлав 210
 Чикобава А. С. 39, 40, 96, 407
 Чиковани М. Я. 8, 41, 42, 43, 67, 149, 160, 161, 407, 408
 Читая Г. С. 221, 408
 Чичеров В. И. 8, 27, 32, 33, 408

Шагиров А. К. 212, 408
 Шакрыл К. С. 97, 408
 Шанаев Г. 37, 50
 Шанаев Д. 238, 408
 Шанидзе Акаки 224
 Шиблако И. Г. (Шыблэкъо И. Г.). 259, 261, 268
 Шиллинг 104, 408
 Шифнер А. 9, 21, 38
 Шишхов А. М.
 Шортанов А. Т. (Шортэн А. ТI.) 23, 24, 25, 77, 395, 408

Шу Ш. С. 408
 Щашлэ Бый 161
 Щербинэ Ф. А. 98, 99, 408
 Щэуджэн Яхьа 69, 70, 297

Экба Назир 210
 Эльдарханов Т. 52
 Эльмурзаев С. Ч. 408
 Энгельс Фридрих 8, 38, 107, 121, 127, 128, 149, 150, 156, 182
 Эргис Г. У. 133
 Эсенч Тевфик 162, 367

Яковлев Н. Ф. 62, 183, 185, 186, 187, 188, 192, 408

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН ФОЛЬКЛОРНЫХ И ЛИТЕРАТУРНЫХ ГЕРОЕВ

Абрскил 157, 160, 169
 Агунда 59
 Адиуху, Адыф 114
 Акуандэ (Иэкуандэ) 68, 73, 121, 326
 Алпамыш 8
 Алэдж (Алэддж, Аалэг) 68, 120, 127, 325, 330, 338
 Амирани 8, 158, 160
 Арыкшау (Арыкшу, Арыкшъау) 72
 Аргунэ (Гурагун, Гогоныжъ, Горго-ныжъ) 272, 273, 277, 278
 Ахиллес 17, 163
 Ацамаз 44, 45, 64, 65, 66, 127, 131, 145, 165, 176, 179, 180, 211, 231, 233, 244
 Ащэмэз, Ащмэз (Ашэмэз, Ашмэз) 14, 59, 111, 116, 176, 185, 203, 207, 223, 231, 232, 236, 240, 243, 349, 350, 351, 352, 353, 354, 355, 356, 357, 358, 360, 361, 383

Бадах (Бэдах, Бедох) 37
 Бадан (Баданаг) 176, 201, 244
 Бадыноко (Бэдыноко), см. Шэбаты-ныкьо
 Батараз (Бэтэрэз), см. Пэтэрэз
 Батирас (-з) 15
 Батрадз (Батрез, Батраз) 36, 179, 204, 211, 231, 233, 243, 244
 Бэрэмбух (Бэрамбыхъу) 315
 Бэуц (БэукI) 84
 Бэоу, Бэуу 47, 48
 Бээжъ 323, 325, 327, 328, 331
 Геракл 170, 174
 Дуль-дуль 338, 339, 341, 342, 344
 Кятауан (Кетуан) 176, 203, 226

Емынэж (Емыжэжъ, Емынэ-жакI) 359

Ергун, см. Аргунэ

Еше-батыныкьо, см. Шэбатыныкьо

Женду-жаче (Жъыду-жъакIэ) 15

Жоко-нан, Воко-нанэ (Жъокьо-нан, Бэжьо-нанэ) 337, 341, 342

Илиада 8, 17, 59

Исп-гуашэ (Спы-гуаш) 163, 204, 332, 333, 335, 345

Исым 15

Колэс 41, 74, 111

Лащын, Лащынэ 129

Маруко (Пшы Марыкьо) 339, 341

Мгер 159, 160

Мэчыко (Мэчыкьо) 197

Насрен (Насрен-жакI, нарт Нэсырен) 15, 139, 145, 150, 154, 155, 157, 160, 169, 173, 174, 258, 260, 298, 347, 348, 384

Нарт Сао (Нарт Шъао, нартов Сао) 269, 273

На-Шбатаква (На-Шбатакъя) 176, 244

Одиссей 8, 168, 170, 171

Орзэмэдж (Озермег, Озермэдж, Уэзырмэс, Орзэмэс) 14, 52, 68, 111, 129, 146, 197, 269, 270, 272, 273, 277, 278, 334, 377

Пако (пакIо) 155

Патараз-Хамча 52

Прометей 44, 150, 166, 167, 168, 170, 173, 174

Промефей 167, 173, 174

Пэтэрэз (Хъымышыкьо, Пэтэрэз, Бэтэрэз) 17, 44, 45, 48, 49, 51, 111, 127, 129, 131, 139, 145, 154—156, 169, 174, 176, 183, 185, 191, 204, 205, 206, 207, 223, 232, 233, 279, 280, 282, 283, 298, 334, 338, 341, 342, 345, 346, 382

Пши-Бадиноко, см. Шэбатыныкьо

Пшимарыко 337, 339, 341

Саджэмыко (Саджэмыкьо) 284

Сасунский Давид 8

Сасрыква (Сасрыкъя) 184, 194, 217, 234, 286

Саусын 367, 368

Саусырыкьо (Саусэрыкьо, Соусыры-

ко, Саосэрыко, Сэуэсырыко, Со-сырыко, Сосрыко, Сосрук, Сосру-ко, Созироко) 14, 17, 18, 20, 33, 36, 37, 47, 48, 54, 58, 61, 70, 111, 113, 122, 131, 145, 161—163, 165, 175, 180—185, 191, 193—196, 198, 200, 202, 204, 207, 212, 217, 223, 229, 236, 238, 243, 284—288, 291, 292, 294, 295, 298—304, 307, 308, 310—313, 315, 317, 318, 321, 322, 360, 361, 364—367, 369—378

Сауай, Шауай (Шъауай) 28, 44, 111, 191, 192, 284

Сослан 37, 181, 196, 229, 238

Сырдон 28, 230

Сэли-Сата 52

Сэтэнай (Сэтэней, Сатанай, Сэтэнай-гуаша, Сэтэней-гуаш) 17, 38, 47, 49, 61, 68, 111, 126, 129, 145, 146, 175, 179, 183, 186, 192, 194, 195, 196—200, 202, 204, 207, 211, 223, 227, 229, 236, 238, 243, 266, 267, 268, 269, 272, 273, 274, 278, 284, 285, 291, 293, 295, 305, 306, 313, 314, 315, 318, 322, 323, 325, 329, 364, 365—370, 374, 375, 376, 377, 379

Сэти-хан (Сэти-хъан) 227, 244

Сэтымыко (Сэтымыкьо) 189

Тутарыш (Тэтраш, Iалбэчыкьо Тута-рыш, Тотрэш, Тэтарыш) 15, 17, 127, 199, 244, 297, 305, 309, 367

Теляль (Телал) 264, 265

Тлепш (Лъэпшъ) 18, 24, 72, 111, 118, 147, 150, 161, 195, 235, 286, 332, 334, 336, 358, 359, 360, 361

Тха (Тхъэ) 164, 263

Тхагалидж, Тхагалиджовы (Тхъэгъэ-льдж, Тхъэгъэлыг') 24, 333, 334, 335

Тхойж 297, 300, 307, 315, 316, 319, 323

Тыутарыш, см. Тутарыш

Уазырмэс, см. Орзэмэдж

Урузмег (Урузмек) 36, 234, 238

Хамыш (Хъамышъэ) 279, 280, 282

Хамча 16, 36, 180, 230, 231, 244

Ходжа Насредин 45

Хымыш (Хъымыш) 14, 36, 204, 231, 279, 280, 281, 340, 344, 360, 361

Челехсартаг 162

Чэлэхстэн (Чэлэхъстэн) 336

Шэбатыныкьо, Шабатынук (Шэбаты-ныкьо, Пши-Бадиноко) 45, 61,

70, 108, 110, 121, 127, 129, 131,
145, 185, 191, 201, 202, 204, 207,
223, 240, 243, 323, 326, 327, 330,
331, 380, 381
Шауфьж (Сауфьж, Софу) 370, 371,
372, 373
Шидар 159, 160

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Абдзахия 81
Абхазия 23, 49, 66, 71, 96, 104, 157,
194, 242
Адлис 71
Адыгея 7, 8, 10, 19, 23, 25, 45, 62, 63,
69, 74, 75, 76, 78, 79, 87, 88, 94,
95, 100, 102, 104, 107, 109, 111,
127, 129, 130, 132, 134, 137, 140,
160, 195, 209, 242, 323, 327, 332,
334, 336, 340, 345, 359, 363, 377,
379, 385, 389, 396
Адыгейско-Черкесская автономная
область 23
Азовское море 88
Азов 92
Азия 82
Анатолия 72, 74, 76, 79, 81, 82, 184,
195, 242, 345
Албания 95
Алжир 95
Арарат (Масис) 159, 160
Армения 157
Аскъэлай 64
Афипсып 264, 322, 323, 334, 336, 340,
345, 379
Балкария 105
Басэ губгъ 337
Белореченск 95
Ближний Восток 10, 68, 74, 83, 124,
178
Ван 159
Владикавказ 51, 210
Волга, см. Индыль.
Восток 52
Галлимар 31, 39
Геленджик 20
Грозный 218
Грузия 12, 16, 43, 66, 83, 85, 124, 157,
160, 161, 178
Грузинская ССР 221
Гъуды-къл 340

Дагестан 44, 104, 214, 243
Дамаск (Шам) 68, 162, 281, 284, 346
Дзауджикау 10, 16, 22, 26, 27, 32, 34,
36, 37, 38, 53, 179, 180, 229
Джамбэчый 363
Джэджэхабль 122
Дигория 54
Дон, см. Тенэ
Душанбе 220
Джэджэхабль 355
Еджэркъуай 273, 278
Екатеринодар 19, 20, 98, 136, 298
Ереван 108
Западный Кавказ 219
Израиль 63, 69, 74, 76, 95, 112, 242,
Измид 71
Имеретия 179, 285, 286
Инджыдж 337
Иордания 76, 95, 242, 345
Ирак 76, 95, 345
Истамбул, Стамбул 74
Кабарда 7, 8, 10, 19, 23, 44, 58, 59, 63,
66, 68, 69, 74, 76, 88, 89, 91, 93,
95, 105, 111, 116, 127, 129, 134,
136, 138, 156, 160, 162, 168, 195,
242, 345, 384
Кабардино-Балкария 23, 25, 52, 67,
75, 116, 136
Кавказ 8, 9, 10, 16, 19, 23, 39, 40, 41,
44, 50, 52, 66, 68, 70, 71, 73, 74,
75, 81, 82, 83, 84, 87, 88, 91, 98,
100, 110, 124, 137, 173, 177, 178,
206, 209, 210, 211, 215, 219, 220,
221, 223, 231, 233, 234, 238, 240,
241, 242, 243, 244, 245
Каир 83
Казбек 245
Карачаево-Черкесия 23, 67, 75, 119
Кфар Кама 69, 70, 112, 130
Керчь 80
Керченский пролив
Кирк-Пинар 71
Колхида 222
Кошехабль (Кошхъабл) 63
Краснодар 68, 85, 89, 95, 103, 106, 136,
186, 217, 362, 363
Краснодарский край 242
Крым 84
Кубань 81, 235, 240
Кургоко 242

Кура 68
Къэлэжъ 350

Лаба 110, 242

Малая Азия 81, 105

Майкоп (Мыекъуапэ) 5, 11, 23, 24, 38,
56, 62, 63, 68, 80, 81, 95, 99, 102,
104, 118, 138, 156, 157, 204, 217,
223, 262, 286, 321, 322, 367, 369,
307, 372, 373, 375, 376

Машукие 71

Меотское море (Хы МьутІэ) 201, 242,
357

Месопотамия 105

Моздок (Мэздэгү) 95

Монголия 213

Нальчик (Налшык) 11, 15, 16, 23, 24,
52, 63, 67, 70, 75, 83, 89, 90, 95,
100, 105, 110, 116, 119, 124, 125,
127, 156, 166, 177, 181, 200, 211,
360, 361, 386

Нартия, Натие 327, 329, 331

Натыкуаджэ 383

Нил 212

Ново-Хохлачев 56

Одесса 83

Орджоникидзе 8, 9, 22, 26, 33, 44, 68,
69, 179, 230, 234

Осетия 23, 25, 38, 66, 67, 177, 209

Очэпщый 327, 332

Париж, 40, 70, 71, 72, 184, 196, 367,
307, 372, 373, 375, 376

Петербург 84

Прага 210

Прикубанская Шапсугия 221, 350, 396

Причерноморская Шапсугия 8, 10, 63,
76, 80, 125, 127, 129, 130, 132, 134,
160, 164, 205, 212, 221, 242, 332,
345, 350

Пчигатлукай 132

Пшызэ, Псыжъ (Кубань) 110, 201,
242, 267, 268, 328

Пщыц 110

Ростов-на-Дону 62, 63, 107, 178

Русь 224

Сванетия 224

Северная Осетия 25, 49, 66, 177

Северное Причерноморье 203

Северный Кавказ 40, 43, 44, 45, 46, 51,
79, 91, 104, 118, 119, 126, 180, 194,
218, 219

Северо-Осетинская АССР 34, 37, 99,
100

Сирия 68, 70, 74, 76, 82, 95, 105, 242,
281, 284, 345, 346

Советский Союз (СССР) 12, 75

Сочи 119

Средняя Азия 52, 112

Ставропольский край 67, 68, 95, 136

Сухуми 11, 68, 69, 75, 81, 84, 93, 126,
157, 169, 170, 178, 184, 204, 235

Таджикистан 220

Тамань (Темен) 92, 99, 104

Таг (Тенэ, Дон) 110, 201, 242

Тбилиси 8, 9, 47, 48, 67, 81, 86, 100,
113, 120, 124, 177, 181, 185, 217,
222, 224, 245

Терек 95

Тифлис 19, 52, 55, 57, 59, 86, 88, 90,
91, 114, 116, 134, 140, 146, 158,
160, 165, 167, 171, 173, 177, 238,
308, 317

Тлюстенхабль 14

Тунис 95

Турецкая Армения 105

Турция 95, 96, 99, 105

Туапсе (Тѳуапсэ) 95

Уарп 338

УбынрыкІ (Заубынье) 332, 334

Хакуринохабль (Хьакурынэхьабль)
266, 267

Харам-гора (Хьэрам-Іуашъхь) 327,
331

Хатукай (Хьатикъуай) 259, 261, 263,
265, 268, 284, 348, 359

Франция 31, 398

Черкесия 7, 8, 10, 60, 63, 67, 68, 74,
76, 79, 85, 95, 104, 106, 111, 119,
127, 129, 130, 134, 135, 160, 242,
286, 345

Черное море (Хы ШІуцІ) 68, 74, 79,
88, 90, 92, 93, 95, 110, 126, 184,
201, 222, 234, 242, 363

Чехословакия 210

Чебоксары 115

Чечено-Ингушетия 49, 86

Чынты, Чыты 327, 329

Югославия 76

Шъхьэгуашэ 242

Эдэпсукай 377

Эльбрус 240, 245, 261

О Г Л А В Л Е Н И Е

Предисловие	5
Введение	7

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

Глава первая. *Краткий экскурс в историю научно-теоретической разработки эпоса «Нарты»*

1. Дореволюционные авторы об эпосе «Нарты»	13
2. Послереволюционный период изучения народного эпоса «Нарты»	22
3. «Нарты» в Осетии	25
4. Концепция «алано-осетинского» происхождения кавказского эпоса «Нарты» и её основа	26
5. Эпос за пределами Кавказа	39
6. Литература последних лет об эпосе «Нарты»	41

Глава вторая. *История записи и публикации адыгского героического народного эпоса «Нарты»*

1. Дореволюционный период записи и публикации адыгских текстов о нартах	55
2. Советский период записи, публикации и изучения текстов адыгского эпоса «Нарты»	62
3. Зарубежные адыгские тексты и их особенности	67
4. Подготовка к печати рукописей научного издания адыгского героического эпоса «Нарты»	76

Глава третья. *Этногенез и некоторые сведения о народе, создателе ядра эпоса «Нарты»*

1. Адыги — аборигены Кавказа	78
2. Исследователи об адыгах	82
3. О терминах «меот», «адыг», «Кавказ», «скиф» и других	88
4. Адыги и их соседи. Взаимосвязи и взаимовлияние культур	93

Глава четвертая. Основные особенности адыгского героического народного эпоса «Нарты»

1. Что мы подразумеваем под адыгским героическим эпосом «Нарты» 108
2. «Нарты» — эпос доклассового, первобытнообщинного строя . . . 112
3. Мечта человека в эпосе. 114
4. Возраст циклов. Древность эпоса 118
5. Мотивы кровородственной семьи. Черты матриархата и патриархата 121
6. Особенности антропоники и топонимики адыгского эпоса . . 124

Глава пятая. Адыгские песни и пщынатлы о нартах. Хачещ, Джэгуако и его роль

1. Адыгские песни и пщынатлы 129
2. Хачещ — народный университет 131
3. Джэгуако и его роль 134

Глава шестая. Национальная специфика и поэтическое своеобразие адыгских песен и пщынатлей о нартах

1. Язык эпоса 140
2. Поэтическая форма бытования ядра адыгского эпоса «Нарты» — песенно-стихотворная 144
3. О песенно-стихотворных текстах эпоса 147

Глава седьмая. Мотивы мировой мифологии в адыгском героическом эпосе «Нарты»

1. Мифы и их особенности 149
2. От мифа — к эпосу. Мотив противодействия богам 154
3. Легенды о титанах, прикованных к горам, известные у других народов, живущих на Кавказе 157
4. Мотив уязвимого места на неуязвимом теле 161
5. Мотивы клятвенарушений и наказания за них 163
6. Мотив умирающей и воскресающей природы 165
7. Некоторые высказывания ученых и писателей относительно мифов древнекавказских народов и греков 166
8. Древнегреческое слово «Одиссея» не от древнеадыгского ли «Одисс» («Юдышь»)? 170

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

Глава восьмая. Значение собственных имен центральных героев ядра эпоса «Нарты» и термина «нарт»

1. Что мы подразумеваем под «ядром» эпоса 175

2. Высказывания ученых и писателей XIX и XX веков относительно значения термина «нарт», имен центральных героев эпоса «Нарты» и его генезиса в целом	176
3. История, фольклор и язык народа — наша опора	182
Глава девятая. Типологическое и генетическое единство исконноадыгских имен и имен центральных героев эпоса «Нарты»	
Глава десятая. Расшифровка значения собственных имен центральных героев эпоса «Нарты» и термина «нарт»	
I. «Саусырыкъо»	193
II. «Сэтэнай»	197
III. «Шэбатыныкъо»	200
IV. «Іащэмэз»	203
V. «Пэтэрэз»	204
VI. Термин «нарт»	206
VII. Внутригенетическая закономерность имен центральных героев ядра эпоса «Нарты» и термина «нарт»	207
Глава одиннадцатая. Оценка высказываний ученых и писателей XIX и XX веков относительно центральных имен эпоса «Нарты» и термина «нарт»	
Глава двенадцатая. Движение и жизнь имен центральных героев эпоса «Нарты» в фольклоре адыгов и их соседей	
Таблица 1	221
Таблица 2	223
Таблица 3	225
Таблица 4	233
Таблица 5	236
Таблица 6	238
Заключение	242
<i>L'épopée héroïque Adyghè «Les Nartes»</i>	
	246

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

Документы

1. Мифы

1. Нэсырэн чІәулІагъэр	258
1. Нэсырен прикованный	260
2. Старик, прикованный к Эльбрусу	261
2. Иощъхэмафэ еІулІыгъэ лІыжыр	262
3. Старик, прикованный к Ошхамахо	262

4. Тхьэм пэуцужыгъэм ихъишъ	263
5. Тхьэм пэуцужыгъэм ихъишъ	264
6. Телалэм икъэбар	264

II. Адыгские песни, пщынатли и легенды о нартах с параллельными филологическими переводами и без них

1. Тыгъэр пщыхъэрэ къызфызэтеуцогорэр	266
1. Почему солнце по вечерам (на время) останавливается	267
2. Сэтэнэй-къэгъагъ	267
2. Сэтэнэй-цветок	268
3. Сэтэнайрэ Орзэмэсрэ япщыналъ	269
3. Пщынатль о Сэтэнэй и Орзэмэсе	273
4. Орзэмэджы нмыжъоупцIищ зэритыгъэ шыкIэр	278
4. О том, как Орзэмэдж раздал три камня-оселка	281
5. Саусырыкъо икъэхъукI	284
5а. Соусырыкъуэ икъэхъукIэ	285
5а. Сасырыкъуа арира	285
5а. Рождение Соусырыко	286
6. Саусырыкъо икъэхъукI	287
7. Сэосырыкъо нартмэ мэшIуахъэ зэрафэкIуагъэр	287
8. Саусэрыкъо ипщыналъ	291
9. О том, как похитил огонь Саусырыко у Иныжа	295
10. Сосырыкъо и пщыналъэм и къедзыгъунтI	298
10. Два отрывка из пщынатля о Сосырыко	308
11. Саосырыкъо ипщыналъ	317
12. Саусырыкъо игощакIъ	320
13. О том, как искалечили коня Сэтэнайко Саусырыко	321
14. Сэтэнае игъыбз	322
14. Плач-песня Сэтэнэй	322
15. Орзэмэджыкъо Щэбатыныкъо ипщыналъ	323
15. Пщынатль об Орзэмэджыкъо Щэбатыныко	327
16. Лъэпшъы апэ дэдэ гъупчэ зэрэрагъэшIыгъэр	332
16. Как Тлепш впервые серп сделал	334
17. Лъэпшъыкъо Нэгурэ ехылIэгъэ гъыбз	336
18. Хъымышыкъо Пэтэрэз ипщыналъэхэр	336
18. Пщынатли о Хымышыко Пэтэрэзе	341
19. Нартхэр уашъом зэрэдэкIыгъэ шыкIэр	345
19. О том, как нарты хотели добраться до неба	346
20. Нэсрен-ЖакIэ Ащэмэзы дэжэ зэрэкIогъагъэр	347
20. Как Нэсрен-Жачэ ездил к Ащэмэзу	348
21. Иащэмэз ипщыналъ	349
21. Пщынатль об Ащэмэзе	350
22. Нарт Иащэмэзы ипщыналъ	351
22. Пщынатль о нарте Ащэмэзе	355
23. Нарт Лъэпшъы чэтэсахъымджэ Емынэ-ЖакIэ зэриукIыгъэр	358
23. О том, как нарт Тлепш с помощью меча-самобоя убил Емынэ-Жаче	359

24. Лащын нарт лыхъужымэ яхууса шэнэшлалэ едзыгъохэр	360
24. Сатирические куплеты Лащын о нартских мужах	361
25. Шылэныгъэр тфемакIэм, шыгхур кытэрэбэкI!	362
25. Если жизнь наша коротка, пусть слава о нас будет велика!	362

III. Адыгские легенды о нартах, пересказанные по-убыхски с параллельными текстами на адыгейском и русском языках

1. Саусырыкъуа (икъэхъукI)	364
1. Саусырыкъуа (икъэхъукI)	366
1. Саусырыкъуа (рождение)	367
2. Нарт Саусырыкъуа (икъэхъукI)	369
2. Нарт Саусырыкъуа (икъэхъукI) (р. 136—140)	369
2. Нарт Саусырыкъуа (рождение)	370
3. Саусырыкъорэ Шъауфыжэрэ	370
3. Саусырыкъуарэ Шъауфыжэрэ	371
3. Саусырыкъуа и Шъауфыжэ	372
4. Нарт Саусырыкъуа	373
4. Нарт Саусырыкъуа (р. 139—140)	374
4. Нарт Саусырыкъуа (и его мать)	375

IV. Адыгские песни и пщынатли о нартах, записанные на магнитофонную ленту и перенесенные на ноты

1. Сэтэнайрэ Орзэмэсрэ япщыналъ Пщынатлъ о Сэтэнай и Орзэмэсе	377
2. Сэтэнайкъо Саусырыкъо ипщыналъ Пщынатлъ о Сэтэнайко Саусырыко	378
3. Сэтэнае игъыбз Плач-песня Сэтэнай	379
4. Шэбатыныкъо ипщыналъ	380
5. Бэдынокъуэ ипщыналэ	381
6. Хымыщыкъо Пэтэрэз ипщыналъ Пщынатлъ о Хымыщыко Пэтэрэзе	382
7. Нат Ящэмыкъо Иащэмэзы иорэд Песня о нате Ящэмыко Ащэмэзе	383
8. Нэсрен-ЖакIэ и уэрэд Песня о Нэсрен-Жаче	384
9. Нарт Нэгурэ игъыбз Песня-плач о нарте Нэгуре	385
10. Лащынэ нартхэм зэрахуэасар Сатирические куплеты лащын о нартских мужах	386

V. Певцы и сказители. Собиратели и исследователи адыгских текстов о нартах

Кувай Зэфэс	387
Певцы и сказители Адыгей	389
Схалыхо Алий	390
Хавпачев Амырхан	390
Мэремыко Харун	391

Тлипий Битлюстен	391
Хамтаху Аюб	392
Габидэт Бэрэтар	392
Ибрагим Цей	393
Ордоко Мырзэбэч	393
Хапай Магамуд	394
Усий Чишыко	394
Аскерби Шортанов	395
Жорж Дюезиль	396
Гойко Хазраиль	397
Кардангушев Зарамук	397
Список сокращений	398
Источники и литература	399
Указатели имен	410

Приложение: Таблица № 1. Формы бытования ста собственных имен адыгского народного эпоса «Нарты» и их произносительные вариации у других народов, живущих на Кавказе, и убухов, находящихся в Анатолии.

Аскер Магамудович Гадагатль

**ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС „НАРТЫ“ И ЕГО
ГЕНЕЗИС**

Печатается по решению Ученого совета
Адыгейского научно-исследовательского
института

Обложка и титул художника *Д. М. Меретукова*
Редактор *И. П. Лотышев*
Редактор музыкальных текстов *И. К. Хейшхо*
Художественный редактор *М. В. Евтушенко*
Технический редактор *Л. В. Матвеева*
Корректоры: *В. М. Ещенко, Е. И. Шипулин,*
Ю. А. Мухамеджанов

Сдано в набор 12 марта 1966 г.
Подписано к печати 12 мая 1967 г.
Формат бумаги 60х90 1/16. Бум. л. 13,3.
Печ. физ. л. 26,5 + таблица. Усл. печ. л. 26,5.
Учетно-изд. л. 32,66. МА10694 Заказ 5233. Тираж 3000.
Цена в переплете 2 руб. 14 коп.

Краснодарское книжное издательство,
Краснодар, улица Красная, 74.

Адыгейская областная типография управления
по печати Краснодарского крайисполкома,
Майкоп, Пионерская, 252.

ПЕРЕЧЕНЬ КНИГ,

ИЗДАННЫХ АДЫГЕЙСКИМ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИМ
ИНСТИТУТОМ В 1955—1966 годах

1. Краткий русско-адыгейский словарь-справочник. Сост. М. Х. Шов-генов и А. М. Гадагатль, Майкоп, 1955, 5,23 печ. л.
2. Сборник адыгского фольклора (на адыг. яз.). Сост. Ю. И. Тлюстен и А. М. Гадагатль, Майкоп, 1955, 16,38 л.
3. Адыгские пословицы и поговорки (на адыг. яз.). Сост. Ю. И. Тлюстен, Майкоп, 1957, 5,38 л.
4. М. Г. Аутлев, Е. С. Зевакин, А. О. Хоретлев. Адыги, Майкоп, 1957, 7,18 л.
5. Очерки истории Адыгеи. Том I, Майкоп, 1957, 31 л.
6. Под победным знаменем Октября. Сост. М. Г. Аутлев, Майкоп, 1957, 8,2 л.
7. З. И. Керашева. Особенности шапсугского диалекта адыгейского языка, Майкоп, 1957, 9,25 л.
8. А. О. Хоретлев. Влияние России на просвещение в Адыгее, Майкоп, 1957, 6,5 л.
9. Ученые записки АНИИ. Том I, Майкоп, 1957, 8 л.
10. Русско-адыгейские торговые связи 1793—1860 гг. Сб. документов, Майкоп, 1957, 27,5 л.
11. Культурное строительство в Адыгее, Майкоп, 1958, 24 л.
12. Сборник адыгского фольклора (на адыг. яз.). Сост. А. М. Гадагатль, Майкоп, 1959, 15,5 л.
13. Русско-адыгейский словарь. Сост. М. Г. Аутлев, А. М. Гадагатль, У. С. Зекох и др., Москва, 1960, 54,4 л.
14. Адыгейский народный орнамент. Сост. М. З. Азаматова, Майкоп, 1960, 28 л.
15. Сборник адыгского фольклора (на адыг. яз.). Сост. М. К. Хуажев, Майкоп, 1960, 3 л.
16. Толковый словарь адыгейского языка. Сост. А. Хатанов и З. Керашева, 1960, 60,7 л.
17. А. О. Хоретлев. Адыгея под знаменем ленинизма, Майкоп, 1960, 5,1 л.
18. Сборник адыгского фольклора (на русском яз.). Сост. М. К. Хуажев, Майкоп, 1961, 3 л.
19. Сборник материалов по археологии. Майкоп, 1961, 22,96 л.
20. Адыгские сказки и сказания. Сост. М. К. Хуажев, Майкоп, 1963, 14,5 л.
21. Ученые записки АНИИ. Том II, Майкоп, 1963, 12 л.
22. П. У. Аутлев. Абадзехская нижнепалеолитическая стоянка, Майкоп, 1963, 16,38 л.
23. Культура и быт колхозного крестьянства Адыгейской автономной области. М.—Л., 1964, 18,83 л.
24. Ученые записки АНИИ. Том III, Майкоп, 1964, 16,9 л.
25. Ученые записки АНИИ. Том IV, Майкоп, 1965, 16,5 л.
26. Сборник адыгского фольклора (на адыг. яз.). Сост. А. М. Гадагатль и М. К. Хуажев, Майкоп, 1965, 3,5 л.
27. М. Г. Аутлев. В братской семье народов. Майкоп, 1965, 2 л.
28. Ученые записки АНИИ. Том V, Майкоп, 1966, 15,75 л.
29. Г. В. Розава и З. И. Керашева. Грамматика адыгейского языка, Майкоп, 1966, 43,5 л.